

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Алексей
Карпов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский (ум. 1174) принадлежит к числу ключевых фигур в истории нашего Отечества. Именно его называют создателем самостоятельного Владимиро-Суздальского княжества — политического ядра будущей Великороссии, иными словами — современной России. Однако о жизни и деяниях князя нам известно совсем не так много, как хотелось бы: чуть ли не каждый его шаг в качестве владимирского «самодержца» может быть поставлен под сомнение; чуть ли не каждое известие о нём вызывает оживлённую дискуссию среди историков. С наибольшей подробностью летописи освещают историю его трагической гибели от рук заговорщиков — его ближайших соратников и слуг; но и здесь вопросов куда больше, чем ответов. Настоящая книга — как и предыдущие книги автора о древнерусских князьях, выходившие ранее в серии «Жизнь замечательных людей», — представляет собой попытку воссоздания биографии князя на основании скрупулёзного исследования всех сохранившихся источников.

-
- [Алексей Карпов](#)
 - [ПРОЛОГ, КОТОРЫЙ УМЕСТНЕЕ БЫЛО БЫ НАЗВАТЬ ЭПИЛОГОМ](#)

- Часть первая.
 - Молодые годы
 - Брак с Кучковной
 - Под отцовскими стягами
 - «Мужество паче всех»
 - Рязанский сапог
 - Княжение в Вышгороде
- Часть вторая.
 - Исход
 - Смерть отца
 - 4 июня или 4 июля?
 - Первые годы: отношения с князьями
 - «Дом Пречистой»
 - Боголюбимое
 - Ростовский чудотворец
 - «Леонтианская ересь»
 - Младшая братия
 - Поход на болгар
 - Покров над Нерлью
- Часть третья.
 - Смерть Ростислава Киевского
 - Вражда с Мстиславом
 - Разгром Киева
 - Казнь Федорца
 - Новгородская война
 - Княжение Глебово
 - «Рукою царскою...»
 - Судьба сыновей
 - Последний поход на Киев
- Часть четвёртая.
 - Заговор
 - Боголюбовская трагедия
 - И снова 4 июля
 - После Андрея
- ПРИЛОЖЕНИЯ
 - Приложение 1.

- [Приложение 2.](#)
 - [Приложение 3.](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ЮРЬЕВИЧА БОГОЛЮБСКОГО](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)

- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)

- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)

- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)

- [247](#)
 - [248](#)
 - [249](#)
 - [250](#)
 - [251](#)
 - [252](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)

- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)

- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)

- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)

- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)

- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)

- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)

- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)

- [390](#)
 - [391](#)
 - [392](#)
 - [393](#)
 - [394](#)
 - [395](#)
 - [396](#)
 - [397](#)
 - [398](#)
 - [399](#)
 - [400](#)
 - [401](#)
 - [402](#)
 - [403](#)
 - [404](#)
 - [405](#)
 - [406](#)
 - [407](#)
 - [408](#)
-

Алексей Карпов АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

выпуск

1653

(1453)

ПРОЛОГ, КОТОРЫЙ УМЕСТНЕЕ БЫЛО БЫ НАЗВАТЬ ЭПИЛОГОМ

Князя убивали долго, и смерть его оказалась ужасной. Заговорщики, числом двадцать человек, двинулись к княжеской опочивальне под покровом ночи. Но страх и трепет не покидали их. Ночи летом коротки, времени у заговорщиков было в обрез, и всё же они, не сговариваясь, свернули по пути к княжеской медуше, где хранились хмельные мёды и заморские вина. Вино прибавляет силы и дарит храбрость, хмель ударяет в голову — а того и надо было людям, решившимся на такое неслыханное преступление. «И тако, упившеся вином, поидоша на сени», — записывал позднее киевский летописец. О том, где стояла стража и кто из ратников нёс службу той ночью, заговорщики были осведомлены отлично. Да и стражники не забили тревогу, увидев приближавшихся к ним людей, — все они были им хорошо известны и подозрений не вызывали. А зря! Ибо те несколько человек, что были выставлены у дверей, ведущих к княжеской опочивальне, погибли первыми. Два-три удара мечом решили исход этой короткой схватки. Настолько короткой, что стражники не успели даже вскрикнуть, позвать на помощь. В «ложнице» — так называлось помещение внутри замка, предназначенное для сна, — князь был один. Он крепко спал. В передней комнате отдыхал его ближний слуга, парубок Прокопий. Заговорщики схватили Прокопия сонным, придушив его так, чтобы он не смог вымолвить ни слова. Один из заговорщиков подошёл к двери и тихонько постучал в неё:

— Господине, господине!..

— Кто там? — спросил князь спросонок.

— Прокопий, — тоненьким голосом, искусно подделываясь под парубка, произнёс убийца.

— О нет, паробче, то не Прокопий!.. — отвечал князь, распознав обман.

Надежды на то, что князь сам отомкнёт засов, не осталось. Убийцы набросились на дверь, начали выламывать её, крушить мечами. Князь вскочил, потянулся к висевшим на стене ножнам, но те были пусты — накануне вечером один из заговорщиков, чужеземец Анбал, выкрал меч, оставив князя безоружным. А ведь то был не простой меч! Князь привёз его из Вышгорода и берёг как зеницу ока — меч тот некогда принадлежал его сроднику, святому князю Борису, которого почитала небесным заступником вся Русская земля, а прежде всех — княжеская семья, его родичи. Но и святой Борис не мог помочь князю — ведь тот не сберёг его меч, великую святыню. И расплачиваться за это небрежение приходилось теперь самой жизнью...

Тем временем дверь поддалась, затрещала и рухнула внутрь опочивальни. Сквозь тесный дверной проём протиснулись двое убийц, первыми кинувшиеся на князя. Одного из них князь подмял под себя, со вторым схватился насмерть. Свечной огарок потух от резкого порыва воздуха, и в наступившей тьме трудно было различить лица, понять, кто с кем борется. Сдавленные крики, стон раненого, оказавшегося на полу, и сопение борющихся людей — вот что слышали те, кто ворвался в комнату следом. Один из убийц споткнулся о раненого, лежавшего на полу, и, думая, что это князь, прикончил его ударом меча. Но драка продолжалась. Кто-то принёс светильник. Князь защищался, как мог. Обернув левую руку плащом, он действовал ею, словно щитом, не чувствуя боли. Опытный воин, он находил возможность сражаться сразу со всеми — пользуясь теснотой, скученностью тел,

хватаясь для защиты от нападавших за всё, что попадало под руку.

— О горе вам, нечестивые! — кричал он, уворачиваясь от ударов. — Бог отомстит вам за мой хлеб!

Но силы были слишком неравными. Град страшных ударов свалил князя. Его левая рука была изрублена, голова насквозь рассечена мечом. Бездыханным князь пал наземь.

Думая, что он мёртв, убийцы взяли своего погибшего товарища и выбрались наружу. Но князь очнулся. В оторопи он выполз за ними, с трудом приподнялся на ноги. Ужасная боль пронизывала всё тело, из груди исторгались хрипы и рыгание, его рвало и мutilо. Весь в крови, он спустился по лестнице вниз и укрылся за лестничным столбом. Но кто-то из убийц услышал шум, кто-то увидел в окне тень князя. Все гурьбой поспешили обратно. Князя на месте не было, и это привело злодеев в неопиcуемый ужас.

— Уже погибли! — восклицали они, дрожа от страха. — Если князь выберется живым, то никому из нас пощады не будет, всех казнит! Ищите его! Ищите!

Вновь зажгли свечи. Кровавый след вёл к лестнице и далее вниз, в подклеть. Князь сидел за восходным столпом, то есть за лестницей, и так молился из глубины сердца своего: «Аще, Господи, суждено мне принять конец, то принимаю его. Аще и согрешил много, Господи, и заповеди Твои не сохранил, но ведаю, яко милостив еси... Господи, пусть и совершил я при жизни немало злого, но даруй мне отпущение грехов и сподоби мя, Господи, недостойного, принять конец сей, как принимали его святые мужи, ибо такие страдания и смерть такая выпадают святым мученикам Твоим...»

И когда он молился так, набросились на него окаянные убийцы. Один из них ударом меча почти

напрочь отсёк руку князя, а другие пронзили тело его саблями и копьями.

— Господи, в руки Твои предаю свою душу, — успел прошептать князь, прощаясь с жизнью...

Так в ночь на 29 июня 1174 года, в субботу, в канун дня святых и всехвальных апостолов Петра и Павла, в княжеском замке града Боголюбова, в собственных покоях был убит князь Андрей Юрьевич, прозванный Боголюбским^{1}. Событие это потрясло Русь. Но не меньше, а быть может, даже больше, чем само убийство, потрясает то, что случилось вслед за ним.

...Обезображенное и нагое тело Андрея было выволочено в «огород» — некое огороженное место на задворках княжеского дворца — и брошено там на потраву псам и добычу воронам. Одежды с князя были сорваны. Хоронить его никто не собирался. Больше того, когда на следующий день один из преданных князю людей, некий Кузьмище Киянин (то есть киевлянин родом), стал искать тело своего господина, ему пригрозили:

— Не смей трогать его! Так решили люди: хотим кинуть его псам на съедение! Если же кто прикоснётся к нему — тот нам враг. Убьём того!

Кузьма всё же сумел прикрыть нагое тело и, завернув его в ковёр, понёс в церковь. Но и церковь была заперта. Служители её — те самые, кому князь сделал при жизни столько добра и о которых так заботился, — не пожелали отомкнуть церковные двери и не разрешили положить тело в храм. Подобно большинству других жителей Боголюбова, они попросту перепились, ибо княжеская медуша, отворённая теперь для всех, манила их куда больше, чем алтарь собственного храма. Кузьма оставил тело в церковном притворе, и здесь пролежало оно несколько дней, пока наконец игумен Арсений не совершил погребальную службу и не вложил тело в каменную гробницу...

В городе же творилось невообразимое. Все словно обезумели. Казалось, что смерть князя освободила людей не только от его власти, но и от любых человеческих законов, от любых нравственных норм. Всеми овладела единственная страсть — к убийству и грабежу.

Грабили всё и у всех. Ещё в самую ночь убийства разгромлены были княжеские палаты. На следующее утро и в течение ближайших двух или трёх дней толпа громила всё, что попадало ей под руку. Из княжеского дворца выносили то, что не успели вытащить или чем побрезговали убийцы. Грабили дома княжеских «делателей» — мастеров, приглашённых князем для украшения храмов и палат во Владимире, Боголюбове и других городах, — ювелиров, резчиков по камню и прочих. Здесь, в Боголюбове, по соседству с князем, жили и свои, владимирцы и суздальцы, и выходцы из других русских земель, и иноземцы — но различий между ними не делали, не щадили ни тех, ни других, ни третьих. Громили дома посадников и тиунов — управляющих князя, княжеских слуг и «мечников» — судий; этих ненавидели люто — за творимые беззакония, а потому надеяться на пощаду им не приходилось. Грабили любого, кто казался побогаче и почестнее. Мужчин и женщин равно вытряхивали из одежд, срывали с них украшения, а самих убивали; женщин прежде насиловали. И было так не в одном Боголюбове, но по всей округе и даже в стольном Владимире. И лишь на пятый или шестой день владимирские священники, выйдя с крестами и хоругвями на улицы города, сумели остановить всеобщее безумие...

Так страшно заканчивалось княжение Андрея Боголюбского. Так заканчивалась одна из самых великих эпох в истории Северо-восточной Руси — время всеобщего подъёма, время процветания, когда по всему княжеству строились величественные белокаменные

храмы, и сегодня поражающие наше воображение, когда создавались многие признанные шедевры древнерусской иконописи и литературы, когда затерянный в лесах Владимир на Клязьме превращался в новую столицу Руси, соперничавшую великолепием с древним Киевом, «матерью городам русским»... Но великие, или переломные, как их ещё называют, эпохи имеют обыкновение плохо отражаться на судьбах своих творцов. Мало кому из последних суждена бывает по-настоящему счастливая жизнь. А вместе с ними мучиться и страдать, гибнуть в многочисленных войнах или бессмысленных смутах приходится тысячам и тысячам подвластных им людей...

...Чем эпоха интересней для историка,
Тем она для современника печальней.

Так написал поэт о веке двадцатом^[1]. Но слова его потому и стали крылатыми, что подходят почти к любой эпохе. Вот и время княжения Андрея Боголюбского они словно бы подразумевают и вполне могли бы стать эпитафией к рассказу о нём.

Почему же случилось такое? Почему столь чудовищная смерть и посмертное поругание выпали на долю одного из самых выдающихся правителей в истории Русского средневековья?

Не будем спешить с ответами. К тому же признаемся сразу: однозначных и чётких, а тем более устраивающих всех ответов на эти вопросы мы всё равно так и не сумеем отыскать. В этой страшной развязке сокрыт извечный парадокс истории. И здесь же — одна из главных загадок в личности самого князя Андрея Юрьевича. Кем он был на самом деле? Кем вошёл в историю России? Устроителем и собирателем Руси, предтечей будущих русских самодержцев, великих

князей и царей московских, как полагали московские книжники XV–XVI веков, а вслед за ними и многие историки? Ревнителем православной веры, с юности думавшим о Божественном больше, нежели о земном, и подчинившим всю свою жизнь служению Богу и торжеству Православия, каковым и по сей день почитают его, причтённого к лику святых, воцерковлённые люди? Или тираном и деспотом, гордецом и властолюбцем, готовым на всё ради достижения единственной цели — установления собственной власти? Ведь и такой взгляд на княжение Андрея Боголюбского присутствует в трудах историков, а отчасти и в свидетельствах современников. Или, как это обыкновенно бывает, в личности князя соединилось всё вместе: и первое, и второе, и третье? А может быть, и ещё многое другое?

О князе Андрее Юрьевиче написано немало, личность его давно привлекает к себе внимание историков^{2}. И у каждого автора — свой Боголюбский, а значит, и свои ответы на те вопросы, что обозначены выше.

Так нужна ли ещё одна книга о нём?

И на этот вопрос трудно дать однозначный ответ — тем более мне, её автору. Наверное, всё-таки нужна. Хотя бы потому, что не установленными до сих пор остаются очень многие факты биографии князя, очень многие обстоятельства его жизни и политической деятельности, в том числе и такие факты и такие обстоятельства, которые имеют первостепенное значение и, можно сказать, определяют наши представления о нём.

Вот самый простой пример. Неизвестно даже приблизительное время его появления на свет. Обычно пишут, что князь родился около 1111 года. Между тем *первое* его упоминание в источниках относится лишь к 1147 году. Получается, что князь впервые становится

хоть как-то замечен для летописцев, впервые начинает участвовать в сражениях — причем пока что находясь на вторых ролях — в возрасте, который для древней Руси можно назвать едва ли не преклонным! Но так ли это? И вправе ли мы доверять тем — якобы точным — сведениям, что приводятся в книгах о нём?

И таких примеров множество. Чуть ли не каждый шаг Боголюбского может быть поставлен под сомнение, чуть ли не каждое свидетельство о нём вызывает оживлённую дискуссию среди историков. А ведь именно князь Андрей Юрьевич был тем человеком, который, по существу, создал самостоятельное Владимирское княжество — политическое ядро будущей Великороссии, иными словами — ядро современной России. А потому всё, что он делал, можно сказать, каждый его шаг в роли владимирского князя оказали существенное влияние на ход нашей истории и заслуживают самого пристального внимания.

В сущности, мы знаем о князе ничтожно мало. Но даже то немногое, что сообщают о нём источники, всякий раз требует тщательной и кропотливой проверки, далеко не всегда и не во всём осуществлённой. И прежде чем предлагать то или иное толкование событий, связанных с его княжением, следует разобраться в том, что именно и из каких источников нам известно, какова степень достоверности этих источников, каково происхождение каждого из них, как они соотносятся друг с другом, чем объяснить противоречия между различными версиями одних и тех же событий (а они неизменно присутствуют в разных летописях) и т. д. Даже простая сводка этих известий, даже простой обзор тех источников, из которых можно почерпнуть что-то значимое для биографии князя, надо признать делом по крайней мере небесполезным. И именно такую задачу — свести воедино всё, что мы знаем о князе, — я прежде всего и ставил перед собой. В

этом смысле книга об Андрее Боголюбском продолжает предыдущие мои книги о правителях древней Руси, начиная с княгини Ольги и князя Владимира Святого, чьи биографии выходили ранее в серии «Жизнь замечательных людей».

Не мне судить о том, насколько сумел я приблизиться к решению этой задачи. Но выпуская биографию в свет, я всё же надеюсь, что по её прочтении у читателя сложится свой образ этого непростого и во многом противоречивого человека, а может быть, появится повод поразмыслить и над теми парадоксами и кажущимися закономерностями исторического процесса, которые столь зримо и грубо вторгаются в нашу жизнь даже тогда, когда мы совсем не ожидаем этого.

Часть первая.
КНЯЖИЧ
1120-е—1155

Молодые годы

В первый раз имя князя Андрея Юрьевича появляется в летописи в связи с событиями начала 1147 года, когда он вместе со старшим братом Ростиславом был послан отцом в поход на Рязань. К тому времени Андрей был уже человеком вполне сложившимся, взрослым. В дальнейшем летописцы всё чаще и чаще будут вспоминать о нём. Но вот о детстве и юности нашего героя, о его становлении как личности ни из летописей, ни из других ранних источников нам ровным счётом ничего не известно. А потому и глава, посвященная этому важнейшему отрезку в его жизни, по неизбежности оказывается куцей и не слишком информативной.

Это неудивительно. Ростово-Суздальская земля, которой правил отец Андрея князь Юрий Владимирович Долгорукий, считалась захолустьем, «залесьем», далёкой северо-восточной окраиной Руси, и то, что происходило здесь, не слишком волновало летописцев, трудившихся в стольном Киеве и близких к нему центрах — Вышгороде, Чернигове, Переяславле — или в Великом Новгороде. Своё же собственное летописание если и велось в то время в Ростове и Суздале, то до нашего времени, к сожалению, не сохранилось или сохранилось лишь фрагментарно, в виде отрывков, случайных вкраплений в более поздний летописный текст — времён киевского княжения Юрия Долгорукого или владимирского — самого Андрея и его младшего брата Всеволода. Не только Андрей, но и большинство его братьев впервые упоминаются на страницах летописи в связи с событиями, происходившими вне границ Суздальской земли.

Андрей был вторым или третьим сыном Юрия Долгорукого. Его старший брат Ростислав упоминается в источниках с 1138 года, когда он был посажен отцом на княжение в Новгород; следующий, Иван, — с 1146-го: осенью этого года он был послан отцом в помощь его союзнику, новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, и получил от того в удел город Курск и «Посемье» (земли по реке Сейм, притоку Десны). Судя по этому сообщению, Иван был старше Андрея, вопреки позднейшим росписям сыновей Юрия Долгорукого, которые ставят Андрея на второе место, а Ивана — на третье. Но оба старших Юрьевича умерли ещё при жизни отца: Иван — в феврале 1147 года, а Ростислав — в апреле 1151-го. После этого Андрей и стал старшим среди наследников Юрия Долгорукого.

Всего у Юрия было одиннадцать сыновей. Старшие, и в их числе Андрей, появились на свет в первом браке; их матерью была половецкая княжна, дочь половецкого хана Аепы Осенева («Аепина дщерь, Осенева внука», как называет её летописец). Помимо Ростислава, Ивана и Андрея она принесла мужу ещё четверых сыновей — Бориса, Глеба, Ярослава и Святослава. Последний родился больным и в течение всей своей жизни оставался недееспособным; «от рожества и до свершенья мужьства бысть ему болезнь зла, — сообщает о нём суздальский летописец, — ...не да бо ему Бог княжити на земли». Не позднее 1136/37 года — надо полагать, после смерти половчанки — Юрий женился во второй раз, но на ком именно, в точности неизвестно. Обычно считают, что второй женой князя стала византийская принцесса, принадлежавшая к правящему в Империи роду Комнинов. И хотя мнение это зиждется не на показаниях источников, а на чисто логических допущениях, оно представляется более или менее вероятным. Наверное, не случайно после смерти мужа, изгнанная пасынком из Суздальской земли вместе со

своими родными сыновьями, Андреева мачеха найдёт убежище не где-нибудь, а в Византии, и её сыновья будут обласканы императором Мануилом.

От второго брака у Юрия родились четверо сыновей: Мстислав, Василий (Василько), Михаил (Михалко) и Всеволод; последний появился на свет 19 октября 1154 года, за два с половиной года до смерти отца. Имелись у Юрия и дочери. Из летописей известно по меньшей мере о трёх, но их могло быть и больше, ибо сведения о представительницах женской половины княжеского семейства в летописи попадали нечасто^{3}.

Влияние матери-половчанки сказывалось на старших княжичах, в том числе и на Андрее. Впоследствии он без труда будет находить с половцами общий язык, воевать бок о бок с ними и принимать над ними команду. Но вот во внешнем облике князя это влияние проявилось совсем не так сильно, как можно подумать, глядя на его скульптурный портрет, выполненный выдающимся советским антропологом Михаилом Михайловичем Герасимовым в 40-е годы прошлого века. Как показали исследования останков князя, проведённые уже в наше время, бросающиеся в глаза «монголоидные» черты внешности Андрея Боголюбского — прежде всего разрез глаз, широкие выступающие скулы — были преувеличены Герасимовым — вероятно, под влиянием всё того же летописного известия о половецком происхождении его матери. Ныне облик Андрея однозначно определяется как принадлежащий к «среднеевропейскому типу»^{4}.

Брак Юрия Долгорукого с «Аепиной дочерью» носил политический характер. Его заключил отец Юрия князь Владимир Всеволодович Мономах в январе 1108 года в ознаменование и для подтверждения мира с половцами. Судя по косвенным свидетельствам источников, ко времени женитьбы Юрий едва достиг совершеннолетия, то есть, по меркам древней Руси, возраста двенадцати-

тринадцать лет. Полностью к семейной жизни он ещё не был готов. Это обстоятельство необходимо учитывать при определении примерного времени появления на свет его сыновей, в том числе и Андрея.

В исторической литературе датой рождения Андрея Боголюбского обычно называют 1110, 1111 или 1112 годы^[5]. (В 2011 году во Владимире и Москве было торжественно отпраздновано 900-летие князя.) Но все эти даты имеют под собой весьма непрочные основания. Они опираются на разыскания русского историка XVIII века Василия Никитича Татищева, который в своей знаменитой «Истории Российской», рассказывая об убийстве князя, указал, что Андрей «жил 63 года», или, в примечаниях к основному тексту: «63 или 65 лет»^[6].^[2] Татищев ссылался на будто бы сохранившиеся древние летописцы, в частности, на некую летопись суздальского епископа Симона, жившего в XIII веке. Кончину Боголюбского он датировал 1175 годом. Вычитание из этой даты названных им цифр даёт

1110 или 1112 год рождения князя; если же учесть, что Андрей погиб годом раньше, — то 1109-й или 1111-й. Последняя дата и стала «официальной». Однако никакой «летописи епископа Симона», на которую ссылался Татищев, по всей вероятности, никогда не существовало, и скорее всего мы имеем дело с собственными подсчётами историка XVIII века, который исходил из известной ему летописной даты брака отца Андрея, князя Юрия Долгорукого, с половецкой княжной, а также из предполагаемой им, но неверной даты рождения самого Юрия — 1090 год (она также была высчитана на основе всё того же летописного известия о браке). В действительности же Юрий родился лет на шесть позже^[3] и, следовательно, произвести на свет сына (причём второго или третьего по счёту) к 1111 году никак не мог. Исследования костных останков князя Андрея Боголюбского также показывают, что умер

он более молодым, чем казалось Татищеву. О явном несоответствии между его «паспортным» (то есть основанным на показаниях В.Н. Татищева) и «костным» возрастом писало большинство экспертов. Согласно последним и наиболее достоверным оценкам специалистов, князь умер в возрасте 45–55 лет, ближе к пятидесяти годам^{7}. Получается, что родился он в 20-е годы XII века, ближе к середине десятилетия. Но и не позднее этого времени: наличие у князя более или менее взрослых детей к 1159/60 году (зимой указанного года его дочь была выдана замуж, а сын — может быть, и номинально — поставлен во главе войска, о чём речь впереди) не позволяет сдвинуть дату его собственного рождения во вторую половину 1120-х годов.

Это время суздальского княжения его отца Юрия Долгорукого. В те годы — и при отце, Владимире Мономахе, и при брате, Мстиславе, — Юрий редко покидал доставшийся ему «залесский» удел и почти не участвовал в общерусских делах. Удивительно, но за семь лет киевского княжения его брата Мстислава Великого (1125–1132) его имя вообще ни разу не упоминается в летописи! При этом Юрий ни на минуту не забывал о своих правах на отцовское и дедовское наследство: прежде всего на отчий Переяславль на Трубеже, родовое «гнездо» Мономашичей (ныне город Переяслав-Хмельницкий на Украине), а в перспективе — и на стольный Киев. Вскоре после смерти Мстислава, летом 1132 года, когда на киевский стол воссел следующий по старшинству его брат Ярополк, Юрий на короткое время занял Переяславль, но прокняжил в городе всего восемь дней и вынужден был покинуть его. Позднее, в 1134 году, по договору, заключённому с Ярополком, он вновь получил Переяславль, согласившись обменять его на Суздаль и Ростов «и прочую волость свою, но не всю». Но и второе княжение Юрия в Переяславле оказалось недолгим, поскольку не

устроило слишком многих. Уже следующей зимой, в соответствии с договором, заключённым князьями Мономашичами с черниговскими Ольговичами — их троюродными братьями, Юрий передал Переяславль своему младшему единоутробному брату Андрею, прозванному Добрым, и вернулся в Суздальскую землю. Однако вся борьба и за Переяславль, и за Киев была ещё впереди. Один из наиболее беспокойных и воинственных князей своего времени, Юрий отнюдь не считал себя удовлетворённым и жаждал реванша.

Обилие сыновей служило для него своего рода запасом династической прочности. Сыновья должны были стать и наиболее надёжными его помощниками как в Суздальской земле, так и в борьбе за власть над Южной Русью. Между прочим, само наречение сыновей свидетельствовало об определённых амбициях суздальского князя. «В сложной и многоступенчатой системе наследования [княжеских] столов, сложившейся на русской почве, имя нередко определяло те династические перспективы, на которые новорожденный мог рассчитывать по замыслу своих ближайших родственников», — пишут современные исследователи княжеской антропоники древней Руси^{8}. Так, имя Ростислав, которое Юрий дал своему первенцу, прямо отсылало к имени его дяди, младшего брата Владимира Мономаха Ростислава Всеволодовича, княжившего в Южном Переяславле (он погиб в 1093 году в битве с половцами на реке Стугне). Будущий же Боголюбский, скорее всего, получил имя в честь прадеда, великого князя Киевского, а прежде князя Переяславского (и притом первого в ряду переяславских князей!) Всеволода Ярославича, звавшегося Андреем в крещении. К XII веку это имя стало восприниматься уже не просто как крестильное, но и как княжеское, родовое. Как известно, русские князья в течение долгого времени получали, как правило, по два имени — помимо

княжеского ещё и христианское, данное при крещении. Но для Андрея Боголюбского это имя было единственным^[4]. Он не первым в роду Мономашичей получил его. Под именем Андрей (и также одновременно и крестильным, и княжеским) известен его дядя, упомянутый выше князь Андрей Владимирович Добрый. Это имя пополнило собой не слишком длинный к XII веку список христианских имён тех из князей Рюриковичей, кто был особенно почитаем в княжеском семействе и чьи христианские имена стали восприниматься как княжеские, — помимо Всеволода (Андрея), это Креститель Руси Владимир Святой (в крещении Василий), святые Борис и Глеб (Роман и Давыд) и Ярослав Мудрый (Георгий, или Гюрги, Юрий, как произносилось это имя на Руси). Соответственно, имена Василий (Василько), Роман, Давыд, Юрий (Гюрги), Андрей и добавившиеся к ним Иван и Михаил (Михалко) расширили ограниченный круг собственно княжеских имён.

Нет полной ясности и относительно того, кого из соименных ему святых князь Андрей Юрьевич считал своим небесным покровителем. Имя Андрей прежде всего отсылало к памяти апостола Андрея Первозванного, особо почитавшегося русскими людьми. Напомню, что сам Киев находился под его незримым покровительством: по преданию, апостол своими руками поставил крест на днепровских кручах, предсказав будущее величие города. При князе Всеволоде Ярославиче в Киеве был основан Андреевский монастырь, а в Переяславле-Южном — церковь во имя Андрея на главных въездных воротах города. Для князя Андрея Юрьевича апостол Андрей был личным, «патрональным» святым, и день его памяти, 30 ноября, он отмечал особо — церковной службой, пожертвованием в храм, богатым угощением и раздачей милостыни. Но, в соответствии с традицией,

сложившейся в древней Руси, князь почитал и других Андреев — мученика Андрея Стратилата, пострадавшего при римском императоре Максимиане (его память празднуется 19 августа), святого Андрея, архиепископа Критского, автора «Покаянного канона», который звучит во всех православных храмах на первой неделе Великого поста (память 4 июля; этот день позднее станет днём памяти и самого Андрея Боголюбского), святого Андрея Юродивого, по легенде, жившего в Константинополе в X веке (память 2 октября). Все они также должны были восприниматься им как небесные покровители, и к их заступничеству князь прибегал в молитвах в разные моменты своей жизни^{9}.

В переводе с греческого языка имя Андрей означает «мужественный». Надо полагать, будущий Боголюбский с юных лет старался соответствовать ему. «Мужеству тезоименным» называет его летописец. Напомню, что в те далёкие времена очень высока была детская смертность. Выживали действительно сильнейшие. Как и прочие дети, не исключая и появившихся на свет в княжеских семьях, Андрей конечно же болел (в частности, современные антропологи выявили у него признаки перенесённого в детстве рахита — весьма распространённого тогда заболевания)^{10}. И то, что он сумел справиться с болезнями, да и просто выжить, — пожалуй, главная из побед, одержанных им.

Надо сказать, что природа щедро одарила князя! Известно, что в зрелом возрасте он отличался недюжинной физической силой. Исследования тех же антропологов, изучавших его костные останки, показали, что Андрей был очень широк в плечах и даже в старости обладал развитой мускулатурой и мощной грудной клеткой. Особенно развиты были у него мышцы рук, натренированные для «активной силовой работы» («при отсутствии тонкой моторики», — замечают современные специалисты). Мощные мышцы ног выдают

в нём прекрасного наездника, способного также и к длительным пешим перемещениям^{11}.^[5] Его рост — около 170 сантиметров — для той эпохи считался чуть выше среднего. (В «Истории...» В.Н. Татищева князь описан так: «Ростом был невелик, но широк и силен вельми, власы чермные, кудрявы, лоб высокий, очи велики и светлы»^{12}. Правда, насколько можно доверять этому словесному портрету, сказать трудно; не исключено, что перед нами плод сочинительства историка XVIII века. Едва ли какое-либо отношение к реальной внешности князя имеет и его описание в позднейшем «Иконописном подлиннике», заметно отличающееся от татищевского: «Подобием рус, волосы мало кудреваты, брада не велика, аки князя Бориса»; и далее о том, в каких одеждах следует изображать князя: «...ризы княжеские, шуба бархатная, багряная, выворот соболей, на главе шапка княжеская, опушка соболья, исподняя риза лазоревая, и в сапогах»^{13}.)

Конечно, с возрастом накопятся болезни, начнут сказываться многочисленные ранения, полученные в битвах. Но в молодые годы князь был полон сил и энергии; его отличали исключительная храбрость и неудержимость на поле боя: в битвах он один стоил нескольких воинов — в этом нам предстоит убедиться очень скоро, когда речь пойдёт о начале его военной карьеры. Свою молодецкую удасть Андрей проявлял и во время охоты — излюбленного занятия всех русских князей; об этом мы тоже будем говорить отдельно.

Однако физическая крепость и доблесть — это лишь одна сторона его деятельной натуры. Как и другие потомки великого киевского князя Владимира Мономаха, Андрей должен был хорошо знать знаменитое «Поучение» своего деда, которое бережно сохранялось в княжеской семье. Обращаясь к сыновьям и всем, «кто прочтёт грамотицу сию», Мономах рисовал тот идеальный образ, которому следовал сам и которому

должны были следовать другие князья. И главными здесь были отнюдь не телесные, но нравственные добродетели, идеалы богобоязненности и милосердия, трудолюбия и смирения, глубокой ответственности князя не только перед своими подданными, но перед Богом. «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх Божий имейте в сердце своём» — эта первая и главная заповедь Мономаха являла собой и завет отца детям, и наставление князьям, и — в полном смысле этого слова — его политическую программу, ибо исполнение христианского долга, следование путём общеизвестных христианских истин и было, по его убеждению, единственной прочной основой подлинно справедливого мироустройства, единственным способом сохранения мира и согласия между князьями. Исполнять эту заповедь на деле, в реальной жизни, оказывалось очень трудно, почти невозможно, — но Андрей искренне стремился к этому. «Поучение» Мономаха содержало и обычные житейские правила поведения, которыми должны были руководствоваться его дети и внуки. «Более же всего убогих не забывайте, но сколько можете по силам вашим, кормите, и сироте милостыню подавайте, и вдовицу сами оправдывайте, а не давайте сильным погубить человека, — учил Мономах. — Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет достоин смерти, не губите никакой души христианской... Если же будете крест целовать братии или ещё кому, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том целуйте, а дав целование, соблюдайте его, чтобы, нарушив, не погубить души своей. Епископов, и священников, и игуменов почитайте; с любовью принимайте от них благословение, и не отстраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы принять по их молитве от Бога. Более всего гордости не имейте в сердце и в уме...» И далее: «Старых почитай, как отца, а молодых —

как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем смотрите... На воевод не полагайтесь; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни спанью... Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда: оттого ведь душа погибает и тело. Куда бы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам ни своим, ни чужим вред причинять ни сёлам, ни посевам, чтобы не начали проклинять вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите, накормите жаждущего. А более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришёл: простолюдин ли, или знатный, или посол. Если не можете одарить — то пищей и питьём: они ведь, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. И мимо человека не пройдите, не поприветствовав, доброе слово ему скажите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. А вот вам конец всему: страх Божий имейте превыше всего». И ещё: «Чего умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь... Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что доброе, прежде всего к церкви: да не застанет вас солнце в постели...»^{14}

Несомненно, Андрей старался следовать этим заветам, понимая и принимая их вполне буквально. Как нам предстоит убедиться, его — во всяком случае в молодые годы — отличали особая совестливость, милосердие, чувство справедливости, которые он будет проявлять даже во время военных походов. Это качества, которые не так часто встречаются среди князей. Лихой вояка, он предпочитал мир ссоре и не раз пытался остановить отца, желавшего воевать и дальше. Войну, пролитие крови он искренне считал тягчайшим испытанием для себя и, выступая на брань, исповедовался перед своим духовным отцом, принимал причастие, отстаивал литургию в храме — на этот счёт у

нас есть надёжные свидетельства источников, и мы ещё будем говорить об этом. Любовь к слову Божию, к чтению книг, забота о церковном строительстве — это тоже отличительные черты его характера, как и отвращение к пьянству, неприятие хмельного. А милосердие и заботу о нищих летописцы будут ставить в особую заслугу князю, сравнивая его в этом отношении с Крестителем Руси Владимиром, чья благотворительность вошла в легенду.

Да и другие призывы Мономаха находили горячий отклик в сердце его внука. «Сий благоверный и христолюбивый князь Андрей от млады версты (то есть с юных лет. — А. К.) Христа возлюбив и Пречистую Его Матерь... яко полату красну душу украсив всими добрыми нравы, — напишет о нём летописец, автор посмертной похвалы, включённой в рассказ о его трагической гибели. — ...На весь бо церковный чин и на церковники отверзъл [ему] Бог сердечней очи; [и] не помрачи ума своего пьянством, и кормитель бяшетъ черньцемъ и черницам и убогим, и всякому чину яко възлюбленный отецъ бяшетъ; паче же милостынею бяше милостив... Мужьство и ум в немъ живяше, правда же [и] истина с ним ходяста, [и] иного добродееяния много в нем бяше, и всяк обычай добронравен имеешеть...»^{15}

Впрочем, мы опять забегаем вперёд. В рассказе о жизни Боголюбского мы встретимся и с совсем другими свойствами его натуры, другими, негативными отзывами о нём современников. Но летописец, автор посмертной похвалы, словно бы забывает об этом. Мученическая кончина очищала князя от прежних прегрешений, и его предшествующая жизнь стала восприниматься как приготовление к подвигу, а описание его жизни приблизилось по жанру к настоящему житию святого.

В рассказе о юности Андрея Боголюбского нельзя обойтись ещё без одной пространной цитаты. Когда в начале XVIII века князь будет причислен к лику святых,

во владимирском Свято-Боголюбском монастыре напишут его Житие. Понятно, что в распоряжении составителей Жития не было никаких свидетельств о детстве и юности князя, а потому, повествуя о нём, они следовали некоему заданному шаблону, агиографическому образцу, воссоздавая идеальный образ святого, идеальную картину его возмужания и обретения им христианских добродетелей, в числе которых оказались и благомыслие, и кротость, и почти монашеский аскетизм, душевная и физическая чистота, и любовь к духовному чтению и церковным песнопениям:

«...От юного бо возраста и от младых ногтей Христа возлюбив, от мирских суемудрии отврати себе, душетленных же и богоненавистных игр и бесовских сонмищ до конца возгнушався: ни на что бо ему бегствование от сущих мира, точию и поучением книжным и к церковному пению. Гласы божественными всегда оглашаше ушеса своя, святых книг поучений сладце послушаючи, отнюду же притяжа себе зачало премудрости: страх Божий и премудрость разума писаний святых. Всегдашняя же бе у него бдения всенощная и утаенных молитв к Богу присвоение; многой же пищи и сладких яств (в другом варианте: «сладких аромат». — А. К.) и любоплотия до конца отвратися, сим всем телу своему немилостив враг бысть; чистотою украшен, милостынею к нищим богат... бяше же измлада тих и кроток зело и боголюбив, яко всем зрящим дивитися; и сего ради Бог бяше с ним неотступно... Сей святой великий князь Андрей, яко от утренния зари светозарное солнце, на небесную высоту деяний божественных пресветло возшед, и яко крин (лилия. — А. К.) цветяше в добропробываниях день и ночь, преспевая в законе Господни».

А вот как чуть ниже описываются столь же идеальные внешний облик и душевные качества князя:

«Вкупе же и видом благородия и телесным благолепием вельми украшен, паче всех сродник своих: благородием бо и благолепием лица предзыде их, яко солнце всех светил; храбростию же и силою в воинстве, и смыслом благоразумия, и премудростию Божественных писаний зело восхвален. Тако его Бог почте и украси прежде будущих в житии сем, яко верна своего угодника!»^{16}

Не станем рассуждать о том, насколько эти восторженные слова агиографа XVIII века могли соответствовать действительности. Скажем о другом. Как бы там ни было в молодости, время наложит заметный отпечаток на князя. Бывший образчиком множества добродетелей, которые признавались и его современниками, он с течением лет будет меняться, и не всегда в лучшую сторону. Совестьливость и сочувствие чужой беде, о которых мы говорили выше, со временем уступят место осознанию собственной непогрешимости и правоты — всегда и во всём. И слова Мономаха: «Паче всего гордости не имейте в сердце и в уме» — словно бы в насмешку будут оттенять самую, пожалуй, заметную черту в характере позднего Андрея Боголюбского, которого современник-летописец с упрёком обвинит именно в гордости и непомерном высокоумии.

Что ж, бывает и так. Самые лучшие, самые притягательные свойства характера с течением жизни порой превращаются в свою противоположность — и в истории Андрея Боголюбского нам ещё предстоит столкнуться с этим.

Брак с Кучковной

Ещё один эпизод в биографии князя Андрея Юрьевича нашёл отражение исключительно в поздних, почти не поддающихся проверке источниках. Речь идёт о женитьбе князя.

Об этом рассказывается в так называемой «Повести о начале Москвы» — сочинении некоего московского книжника XVII века. В центре повествования здесь — основание Юрием Долгоруким «царствующего великого града Москвы» — «третьего Рима», «зачало» чему, как выясняется, «бысть не без крове же, но по пролиту же и по заклании кровей многих»^{17}. Шествуя из Киева «во Владимир град к сыну своему князю Андрею Юрьевичу», рассказывает автор, Юрий «прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва». В то время «обо полы Москвы реки», то есть по обоим её берегам, находились «сёла красная», которыми владел некий весьма богатый «болярин» по имени Кучка, или Кучко, Стефан Иванович (полностью его имя приводится лишь в некоторых списках памятника). «Возгордевся зело», боярин отказался почтить князя «подобающею честию, яко же довлеет (подобает. — А. К.) великим княземь, но и поносив ему к тому жь». «Не стерпя хулы его той», князь повелел «того болярина ухватити и смерти предати»; сам же «взыде на гору, и обозрев с неё очима своими семо и овамо по обе страны Москвы реки и за Неглинною, и возлюбил сёла оныя, и повелевает на месте том вскоре соделати мал деревян град, и прозва его званием реки тоя — Москва град по имени реки, текущая под ним».

(В одной из версий «Повести...» начало истории с боярином Кучкой изложено по-другому: Юрий якобы сам послал его из Киева во Владимир к сыну своему Андрею,

«занеже в то время бысть князь Андрей Юрьевич болен вельми». Андрей «пожалова» боярина «многими дары» и отпустил обратно к отцу; по дороге тот остановился на реке Москве, и эти места так понравились ему, что по прибытии в Киев он выпросил их для себя у князя Юрия Долгорукого^{18}. В других источниках о болезни Андрея сведений нет.)

У боярина Кучки остались дети: двое сыновей, «млады суще илепы зело», звавшиеся Пётр и Аким (Яким), и «дщерь едина», «такова же благообразна и лепа суща, именем Улита» (впрочем, и эти имена присутствуют не во всех списках «Повести...»). Юрий Долгорукий отослал их к своему сыну Андрею. «И потом князь великий отходит во Владимир к сыну своему князю Андрею Боголюбскому и сочетоует его браку со дщерию Кучковою, с нею же князь Андрей и сыны приживе, но млады отъидоша к Богу (в некоторых вариантах в единственном числе и с дополнительной подробностью: «...и единого сына приживе, и млад отиде ко Господу, от злые оные своя жены»^{19}. — А. К.). И быв у него отец его великий князь Юрьи Владимирович довольно время... и тако возвращается... в Киев, с ним иде и сын его князь Андрей Юрьевич Боголюбский».

Эта история датируется в «Повести...» сугубо апокалиптическим 6666 годом, то есть 1158-м от Рождества Христова, — совершенно неправдоподобным, если учесть, что к тому времени Юрия Долгорукого уже не было в живых. Да и вообще, весь этот рассказ мало похож на правду, хотя некоторые подробности, несомненно, заслуживают внимания.

Так, вполне исторической личностью был сам боярин Кучка (Кучко). Его имя сохранилось в топонимике Северо-восточной Руси: волость «Кучка» упоминается в Суздальской земле, а урочище «Кучково поле» известно в средневековой Москве, в районе позднейших

Сретенских ворот. В XII веке саму Москву нередко называли Кучково («Кучково, рекше Москва»), что свидетельствует о её бывшей принадлежности названному лицу. Летописям известны и сыновья Кучки, Яким Кучкович с братом, а также некий Пётр, «Кучков зять» (в «Повести...» Пётр и Яким ошибочно названы братьями). Вполне вероятно, что на дочери Кучки и в самом деле был женат князь Андрей Юрьевич, чем и объясняются пребывание Кучковичей при его дворе и их столь заметное впоследствии влияние на князя.

К какому же времени относится брак Андрея с Кучковной? И на этот вопрос можно ответить лишь приблизительно. Как известно, первое упоминание Москвы в летописи датируется 1147 годом, когда этот город, или, точнее, некое укрепление на месте будущего города, принадлежало уже князю Юрию Владимировичу Долгорукому, пригласившему туда своего союзника, новгород-северского князя Святослава Ольговича. Следовательно, расправа с Кучкой, как и женитьба Юрьева сына имели место ранее этой даты. Известно и то, что дочь Андрея Боголюбского была выдана отцом замуж зимой 1159/60 года; тогда же, по летописи, в первый раз принял участие в военных действиях его старший сын Изяслав, поставленный отцом во главе войска^{[20]. [6]} Очевидно, и тот и другая достигли возраста по крайней мере тринадцати-четырнадцати лет. А значит, появились на свет никак не позже 1145 года, а сам князь вступил в брак ещё раньше, скорее всего, в начале 40-х годов XII века.

Вступление в брак — поворотное событие в жизни князя, свидетельство его полной дееспособности, зрелости. Ещё более важным событием было рождение сына — будущего князя, продолжателя династии. Андрей в этом смысле оказался на высоте. Всего по источникам известны четверо его сыновей. Летописи называют троих — Изяслава, Мстислава и Георгия

(Юрия). Последний появился на свет уже после смерти Юрия Долгорукого, почему и получил его имя. Ко времени смерти Андрея он был совсем мал. Ещё один, Глеб, в ранних летописях не упоминается; его имя известно лишь из поздних, не слишком надёжных источников^[7]. Все сыновья Андрея получили значимые имена, принадлежащие к княжескому именослову. Изяслав, по всей вероятности, был назван в честь второго сына Владимира Мономаха, княжившего в Курске и претендовавшего на Муром (Изяслав Владимирович погиб ещё юным в междоусобной войне со своим двоюродным дядей Олегом Святославичем Черниговским); Мстислав — в честь другого Мономашича, великого князя Киевского; Юрий, как уже говорилось, — в честь деда, Юрия Долгорукого, а Глеб, скорее всего, получил имя в честь своего дяди, князя Глеба Юрьевича, княжившего в Переяславле-Южном, а позднее и в Киеве. Забегая вперёд скажу, что трое из четырёх сыновей Андрея умрут при жизни отца. Впрочем, о их судьбе, равно как и о судьбе Юрия, пережившего отца и оставившего заметный след в истории не только России, но и Грузии, мы ещё будем подробно говорить на страницах книги.

Имелись у Андрея и дочери. Одна — та самая, которая была выдана замуж в 1159/60 году. В.Н. Татищев называет и её имя — но в разных местах своей «Истории...» по-разному: в одном случае Ростислава, в другом — Мария^[8], и едва ли его свидетельства на сей счёт могут быть приняты на веру. О второй дочери князя известно лишь из краткой летописной записи о её смерти в 1166 году; впрочем, в данном случае не исключена какая-то путаница в летописном тексте^{21}.

Все ли дети Андрея Юрьевича появились на свет в одном браке? По-видимому, нет. Известно, что третий сын Андрея Боголюбского Юрий был ещё совсем «дитя», даже не отрок, когда у его второго сына Мстислава

родился первенец. А это косвенно может свидетельствовать о том, что матери у обоих Юрьевичей были разные. О том же говорят и показания поздних источников, к которым, правда, полного доверия быть не может. В так называемом Тверском летописном сборнике, составленном в XVI веке, а также в ряде других летописцев Андреева супруга именуется «болгаркой родом», и надо полагать, что речь идёт не о Кучковне, а о второй жене князя^[22].^[9] Судя по летописному рассказу, Андрей вступил с ней в брак после своего знаменитого похода на Волжскую Болгарию в 1164 году. Если так, то Кучковна к тому времени либо умерла (о чём прямо сообщает Татищев в одном из вариантов своей «Истории...»)^[10], либо была оставлена князем. Правда, это противоречит дальнейшему рассказу «Повести о начале Москвы» об убийстве Андрея Боголюбского, в котором фигурирует именно «Кучкова дочь» (по версии указанных выше летописей, в убийстве Андрея была замешана «болгарыня», мстившая мужу за разорение родной земли).

Вернёмся к «Повести о начале Москвы». Ещё одним сюжетом этого произведения и стало убийство князя Андрея Юрьевича. Жене князя отведена здесь зловещая роль мужеубийцы, а рассказ о её вражде с мужем высвечивает ещё одну черту в характере и образе жизни Андрея Боголюбского. Впрочем, не будем забывать о том, что и в данном случае мы имеем дело отнюдь не с реальным владими́ро-сузда́льским князем, но с князем-мучеником и святым, чей образ выписан автором в лучших традициях агиографического жанра.

«Сей... благоверный великий князь Андрей, — продолжает автор «Повести...», — ...ни о чесом земном печашеся, но токмо достизаша небесная...»: отвращаясь греха, он предавался сну только «на жестокой посланней постели» и «плотского смешения с женою до

конца ошаяся (уклонялся, избегал. — А. К.)», так что «ниже во снех ему соблазны женская мечтахуся» (то есть даже во сне не соблазняясь греховными помыслами). Это пришлось не по нраву его любострастной супруге, требовавшей от мужа «пригорновения (то есть ласок. — А. К.) и плотского смешения». Злобствуя на мужа, княгиня вовлекла в заговор братьев, находившихся у князя «в велицей чести»: «с ними убо жена его совещаея зломыслием на господина своего великого князя Андрея Юрьевича». А дальше, как мы уже знаем, последовала кровавая развязка...

Исследователи допускают, что в убийстве князя и в самом деле могла участвовать его жена (впрочем, об этом речь пойдёт позже, ближе к концу книги). Но вот остальные подробности, приведённые московским книжником XVII века, включая его объяснение причин, по которым княгиня пошла на неслыханное преступление, — не более чем вымысел, плод досужей фантазии и литературных вкусов автора, результат его начитанности в тогдашней исторической беллетристике. Об этом можно говорить с достаточной степенью уверенности — хотя бы потому, что и характеристика князя, включая его отказ от плотского сожителства с супругой, и характеристика супруги дословно заимствованы из другого источника и относятся совсем к другой исторической эпохе и другим историческим персонажам. Источник этот давно уже выявлен исследователями — это рассказ так называемого Русского Хронографа в редакции 1512 года об убийстве византийского императора Никифора Фоки, жившего в X веке; причём главным организатором убийства — как и в случае с Боголюбским — названа здесь жена Никифора царица Феοфанο, которой молва приписывала смерть по крайней мере трёх императоров — двух мужей и одного свёкра. В Хронографе читаем почти то же, что в

«Повести о начале Москвы»: царь Фока «...долу легания на жестокопостланней постели... и плотскаго смешения до конца ошаяся и ни во снех мечташеся ему... Но бяху негодна сиа царици, требоваше пригорновения и плотскаго смешения...» и т. д.^{23} Рассказ же этот попал в Хронограф из славянского перевода «Хроники» византийского историка XII века Константина Манассии. Ни к Андрею Боголюбскому, ни к русской истории никакого отношения он не имеет.

На самом же деле Андрей относился к своей супруге (правда, опять-таки неясно, к какой именно) с искренней любовью и даже нежностью. Мы крайне редко имеем возможность судить о подобных вещах, особенно когда речь идёт о столь отдалённой эпохе. Но здесь случай исключительный, особый, ибо в нашем распоряжении имеется уникальный источник, проливающий свет на эту, обычно закрытую от посторонних глаз сферу жизни князя. В созданном при его непосредственном участии Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери (в так называемом «Чуде 4-м») описан эпизод, имевший место во Владимире в первой половине 60-х годов XII века, скорее всего ещё до похода князя на Волжскую Болгарию. Однажды, на праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа неизвестного года), князь, как обычно, пребывал в церкви, на заутрени, и вместе со всеми пел величание Пречистой Деве. Но «сердцем, — пишет автор Сказания, — боляше, бе бо княгини его боляше детиною болезнию», то есть должна была разрешиться от бремени, но никак не могла этого сделать. По окончании службы князь омыл Владимирскую икону водою и ту воду послал княгине; «она же вкуси воды тоя и роди детя здраво, и сама бысть здрава том часе молитвами Святая Богородица»^{24}. По всей вероятности, здесь идёт речь об обстоятельствах рождения либо сына Юрия, либо некой дочери князя, из других источников неизвестной.

Но эта удивительная подробность — о том, как князь «боляше сердцем» за свою жену (повторю ещё раз: подробность совершенно уникальная, немыслимая в летописном повествовании о князьях того времени!) — многое говорит нам об Андрее Юрьевиче и о свойствах его души. В этом рассказе он предстаёт перед нами не суровым воином, не знающим страха и упрека, но нежным и заботливым супругом. А вот какие чувства питала к нему столь горячо любимая им жена и не она ли замешана в заговоре против него и его жестоком убийстве — об этом нам остаётся только гадать.

Под отцовскими стягами

Юные свои годы князь Андрей почти безотлучно провёл в Суздальской земле, к которой успел прикипеть всей душой^[11]. Но летописи, как уже было сказано, начинают замечать его только тогда, когда он покидает суздальские пределы. А делать это ему приходилось исключительно по воле отца, втянутого в долгую и упорную борьбу за Киев с другими русскими князьями. Поход на Рязань, с которого мы начали своё повествование, и стал одним из звеньев в длинной цепи событий, связанных с этой борьбой.

Ещё Владимир Мономах при своей жизни определил порядок, по которому стольный Киев должен был остаться за его потомками, а именно за представителями старшей ветви, идущей от его старшего сына Мстислава. Но пока что порядок этот держался в тайне. Выполняя волю отца и следуя договорённости с братом, князь Ярополк Владимирович, занявший киевский стол после смерти Мстислава в апреле 1132 года, перевёл старшего Мстиславича Всеволода из Новгорода в Переяславль — дабы впоследствии, после его смерти, тот сел на княжение в Киев (благо сам Ярополк был бездетен). Против этого и выступил Юрий Долгорукий, разгадавший замысел брата. Борьба за Переяславль продолжалась несколько лет, в течение которых город несколько раз менял своего владельца, и завершилась лишь зимой 1134/35 года. Новым переяславским князем стал младший брат Юрия Андрей, не имевший особых амбиций, а потому и не внушавший опасений другим князьям. Но борьба эта дорого обошлась князьям «Мономахова племени». Былая сплочённость уступила место вражде — прежде всего между Юрием и его племянниками, сыновьями его

старшего брата Мстислава, и самым энергичным и талантливым из них — князем Изяславом Мстиславичем (его старший брат Всеволод умер в Пскове в феврале 1138 года). Этим и воспользовались давние противники Мономашичей — князья Черниговского дома, принявшие участие в войне на стороне Мстиславичей. Глава Черниговского дома, князь Всеволод Ольгович, находился в свойстве с Мстиславичами, будучи женат на их сестре. Он всячески поддерживал шурьев, не забывая, впрочем, и о собственных интересах: именно в результате войны 1134/35 года Ольговичам отошли город Курск и «Посемье», некогда входившие в состав Переяславской волости. Так тщательно выстроенная Мономахом конструкция будущего устройства Русской земли при полном господстве его дома рассыпалась, обратилась в ничто — во многом из-за неудовлетворённых амбиций его шестого сына Юрия Долгорукого, не пожелавшего примириться с отведённой ему ролью правителя отдалённого «Залесского» удела. И когда 18 февраля 1139 года в Киеве скончался князь Ярополк Владимирович, князья «Мономахова племени» удержать Киев не смогли. Занявший место брата следующий по старшинству сын Мономаха Вячеслав, князь слабый и безвольный, не способный действовать самостоятельно, сумел продержаться на киевском столе всего десять дней: 22 февраля 1139 года он вступил в Киев, а уже 5 марта был изгнан из города Всеволодом Ольговичем, который и стал новым великим князем Киевским.

Юрий узнал о случившемся с большим опозданием. Конечно же он не смирился. Однако его попытка организовать совместный с племянниками поход на Киев успехом не увенчалась. Изолированный в своём «залесском» углу, он не имел возможности влиять на ход событий.

Карта 1. Общая схема русских княжеств XII века (по И.А. Голубцову)

Всё поменялось после смерти Всеволода Ольговича в самом конце июля или начале августа 1146 года.

Незадолго до смерти Всеволод объявил своим преемником брата Игоря, ссылаясь при этом на пример Владимира Мономаха: «Володимир посадил Мьстислава, сына своего, по себе в Киеве, а Мьстислав Ярополка, брата своего. А се я молвлю: оже мя Бог поиметь, то аз по себе даю брату своему Игореву Киев». С этим решением главы Черниговского дома должны были согласиться не только его родной брат Святослав, князь Новгород-Северский, но и двоюродные братья Давидовичи, Владимир и Изяслав, княжившие в Чернигове, а также Изяслав Мстиславич, ставший к тому времени князем Переяславским (его дядя, Андрей Добрый, умер в январе 1142 года). Все они целовали крест на том, чтобы признать Игоря киевским князем. Но, как оказалось очень скоро, и Давидовичи, и Изяслав Мстиславич целовали крест не с чистым сердцем, но лишь для вида. Признавать Игоря в его новом качестве они не собирались.

Ольговичей не любили в Киеве, и князь Изяслав Мстиславич не замедлил воспользоваться этим. Вступив в тайные переговоры с киевлянами и заручившись их поддержкой, он двинул свои полки на Игоря. Поддержали Мстиславича и так называемые «чёрные клобуки» — торки, берендеи и другие «свои поганые», расселённые ещё в XI веке на окраинах Русской земли, в Поросье (землях по реке Рось), в пределах Киевского и Переяславского княжеств, и несшие здесь, помимо прочего, сторожевую службу, выполняя роль своего рода буфера между Русью и Степью. И когда 13 августа 1146 года у валов Киевской крепости началось сражение, киевское войско перешло на сторону Изяслава. Дружины Ольговичей были рассеяны и большей частью перебиты; князя обратились в бегство. Святославу Ольговичу удалось бежать за Днепр; Игорь же, болевший ногами, заехал в болота и спустя три дня был схвачен и приведён к Изяславу. Новый киевский князь повелел

заковать своего недавнего соперника в железа и отправил в Переяславль, где посадил в «поруб» — монастырскую темницу без окон и дверей. (Там князь сильно разболелся и в январе 1147 года, с позволения Изяслава, принял монашеский постриг, после чего был переведён в Киев, в Фёдоровский монастырь. Судьба Игоря сложится трагически: 19 сентября того же 1147 года, в отсутствие в городе Изяслава, князь-инок будет растерзан обезумевшей от ненависти толпой, выразившей таким страшным способом поддержку любимому Изяславу.) Изяслав сумел найти общий язык и с Давыдовичами. Черниговские князья слишком долго находились на вторых ролях, оттеснённые двоюродными братьями. И теперь, после катастрофы, постигшей «Ольгово племя», они думали прежде всего о том, как бы устранить возможных соперников в борьбе за черниговский стол и заполучить их волость — Северскую землю. Испросив разрешение на войну у Изяслава Мстиславича и получив от него помощь, братья Давыдовичи двинулись к Новгороду-Северскому. Князю Святославу Ольговичу не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к Юрию Долгорукому. Суздальский князь ни при каких условиях не признал бы права своего племянника на киевский стол. Едва ли не единственный из тогдашних князей, он обладал таким экономическим и военным потенциалом, который позволял ему вести борьбу за Киев со всеми Мстиславичами и Давыдовичами сразу.

Так началась новая война, в которой союзником Юрия стал князь Святослав Ольгович. Юрий выразил готовность помочь ему. Однако при этом выговорил несколько условий: во-первых, Святослав должен был признать его «старейшинство», а во-вторых, сыну Юрия Ивану должны были перейти Курск и «Посемье» — те самые территории, которые некогда брат Юрия Ярополк передал брату Святослава Всеволоду и в которых после

этого княжил сам Святослав. Ольгович на все условия согласился. В конце ноября или в декабре 1146 года Юрий, собрав войско, двинулся было в Черниговскую землю — на соединение со Святославом. Однако дойти ему удалось только до Козельска — небольшой крепости на реке Жиздре, левом притоке Оки. Его дальнейшему продвижению воспрепятствовал великий князь Изяслав Мстиславич, который тоже не сидел сложа руки.

Когда Изяславу стало известно о союзе между Юрием и Святославом и о намерении Юрия принять участие в военных действиях, он немедленно отправил гонцов к муромскому и рязанскому князю Ростиславу Ярославичу, веля тому напасть на владения Юрия. Муромские князья имели свои счёты с суздальскими. Ростислав, двоюродный брат Ольговичей и Давыдовичей, стал муромским князем совсем недавно, после смерти в 1145/46 году своего родного брата Святослава. Он изгнал племянников, сыновей Святослава Ярославича, из княжества, а главным городом сделал Рязань, в которой княжил и раньше. На решимость Ростислава принять участие в войне, по всей вероятности, повлияло то, что изгнанные им племянники нашли пристанище у Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого. Победа этих князей неизбежно должна была поколебать позиции Ростислава в собственном княжестве. А потому он с готовностью подчинился требованию Изяслава Киевского и принял, по выражению летописца, «стеречи» суздальские волости, то есть изготовился к нападению, а затем, наверное, и напал на них. Но расчёт его оказался неверным. Узнав о действиях рязанского князя, Юрий повернул обратно, ограничившись тем, что отпустил к Святославу Ольговичу своего сына Ивана с небольшой дружиной (позднее он пришлёт ему и более внушительное подкрепление).

Упомянутый выше поход сыновей Юрия Ростислава и Андрея на Рязань и был ответом на действия Ростислава Рязанского. Юрьевичи выступили в январе — феврале 1147 года^{25}. Рязанский князь принять бой не решился и бежал в Половецкую землю, к тамошнему князю Елтуку, своему союзнику. Вынужден был покинуть Рязань и его сын Глеб, которого, по сведениям поздних рязанских источников, тогда же приняли на княжение в город Друцк, в Полоцкой земле. Никаких иных сведений о действиях Юрьевичей источники не приводят, но есть основания полагать, что результатом похода стало временное подчинение Муромской и Рязанской земель суздальскому князю. На княжение туда Юрий посадил союзных ему сыновей князя Святослава Ярославича: в Муром — Владимира, а в Рязань — сначала Давыда, а после его смерти в следующем году — Игоря. Правда, союз с Рязанью просуществует лишь до тех пор, пока сам Юрий будет оставаться в Суздальской земле. Когда же он покинет её и уйдёт на княжение в Киев (это случится в 1149 году), Ростислав Ярославич вернёт себе Рязань, а ставленникам суздальского князя придётся бегством спасаться из города.

Как видим, о каких-либо самостоятельных действиях Андрея Боголюбского в этом первом для него известном из летописей военном предприятии сведений нет — его имя значится вторым, после имени его старшего брата Ростислава, что свидетельствует о его подчинённом по отношению к брату положении. Но результаты похода оказались блестящими — и в этом, несомненно, была заслуга и Андрея.

В рассказе о дальнейших событиях войны — до начала первого киевского княжения Юрия Долгорукого — имя Андрея также не упоминается. В отличие от имён его братьев — младшего Глеба и старшего Ростислава. Именно Глеб, а не Андрей, был послан отцом взамен умершего Ивана к князю Святославу Ольговичу; к нему

же перешли и права на Курск и «Посемье», обещанные ранее Ивану. Отличавшийся храбростью, но не всегда осмотрительностью, Глеб развил кипучую деятельность. В конце лета или осенью 1147 года он без боя занял Курск, изгнав оттуда Изяслава сына Мстислава, затем Городец Остерский, некогда принадлежавший его отцу Юрию (на реке Остёр, левом притоке Десны, на пограничье Переяславской, Черниговской и Киевской земель), после чего попытался захватить и Переяславль, но потерпел неудачу и с большими потерями был отброшен от города князем Мстиславом Изяславичем. Когда к Городцу подошли основные силы Изяслава, Глеб в течение трёх дней выдерживал осаду, но затем был вынужден сдаться, признав права Изяслава на Киев. Что же касается Ростислава Юрьевича, то он пытался вести самостоятельную игру, действуя независимо от отца и даже, кажется, вопреки его интересам. Так, посланный отцом весной или летом 1148 года на помощь князьям Давыдовичам (с которыми Юрий к тому времени помирился), Ростислав вступил в переговоры с Изяславом Мстиславичем, заключил с ним мир и получил от него ряд городов, в том числе и тот самый Городец Остерский, из которого был выведен его брат Глеб. Историки спорят о причинах, которые толкнули Ростислава на этот шаг: стало ли это следствием умелой дипломатии Изяслава, предательства ли Давыдовичей, о котором своевременно узнал Ростислав, или же результатом его действительной размолвки с отцом («Отец мя переобидил и волости ми не дал», — жаловался Ростислав своему двоюродному брату). А быть может, перед нами не что иное, как хитроумная комбинация, придуманная самим Юрием Долгоруким для того, чтобы вернуть себе Городец Остёрский, а заодно внести раскол в лагерь противника (так полагал, например, В.Н. Татищев, считавший, что «сластолюбивый и свирепый нравом» Ростислав был

послан отцом в Киев «для ухищрения Изяслава», что впоследствии и открылось). Так или иначе, но в походе на Суздальскую землю, организованном в феврале — марте 1149 года братьями Мстиславичами — Изяславом Киевским и Ростиславом Смоленским, — Ростислав Юрьевич участия не принимал. По возвращении же из похода Изяслав Мстиславич обвинил двоюродного брата в том, что тот в его отсутствие злоумышлял против него: «...удумал был тако: оже (если бы. — А. К.) на мя Бог отцю твоему помогл, и тебе было, въехавши в Киев, брата моего яти, и сына моего, и жена моя, и дом мой взяти». Ростислав пытался оправдаться, но безуспешно: Изяслав слушать его не захотел и отослал обратно к отцу, причём обставил всё так, чтобы как можно сильнее унижить его. Была ли вина Ростислава действительной, или его оклеветали перед Изяславом, неизвестно. Князя посадили в «насад» (ладью) и всего с четырьмя слугами выслали в Суздаль; дружину бросили в заточение, а всё имущество, включая оружие и коней, отобрали. Юрий воспринял случившееся как оскорбление, нанесённое ему лично, а сына простил (если тот действительно был виноват перед ним). Изгнание Ростислава и лишение его удела стали поводом для новой войны между Юрием и Изяславом. «Тако ли мне нету причастья в земли Русстей и моим детем?!» — патетически восклицал суздальский князь, готовясь к выступлению на Киев. Напомню, что «Русской землёй» в XI–XII веках называли преимущественно Южную Русь — прежде всего Киевскую и Переяславскую земли.

Андрей, по всей вероятности, пребывал при отце — и зимой 1149 года, когда войска Изяслава и Ростислава Мстиславичей разоряли северо-западные области Суздальской земли — Кснятин, Углич, Мологу и Ярославль (до настоящих военных действий тогда не дошло: к Суздалю, где находился с войсками Юрий, князья идти не решились, а вскоре, опасаясь распутицы,

повернули к Новгороду, ведя за собой обозы с захваченным добром и множеством пленных); и летом, когда Юрий сам выступил в поход на Изяслава. Участвовал Андрей и в судьбоносной для его отца битве у Переяславля 23 августа того же года. Тогда Юрий расположил полки своих сыновей «по праву», то есть на правом крыле, а «по леву» — дружины своих союзников, Святослава Ольговича и его племянника Святослава Всеволодовича (сына Всеволода Ольговича); сам же встал в центре. И именно мужество и стойкость Юрьевых сыновей и их ратников решили исход сражения. Хотя сам Изяслав Мстиславич, наступавший на левое крыло Юрьева войска, сумел смять и прорвать полк Ольговичей и опрокинуть половину полка самого Юрия, его собственный левый фланг не выдержал удара Юрьевичей и их дружин, поддержанных союзными им «дикими» половцами. «И бысть сеча зла межю ими, — свидетельствует летописец, — и первое побегоша поршане (жители Поросья, то есть «чёрные клобуки». — А. К.), и потом Изяслав Давыдовичь, и по сих кияне»^{26}. На сторону Юрия перешли и переяславцы, признавшие в нём своего князя. Победа суздальского войска оказалась полной. Осознав безнадёжность своего положения, Изяслав бежал и, «сам-третей», то есть всего с двумя спутниками, переправившись через Днепр у Канева, укрылся в Киеве; туда же собрались и остатки его дружины. На следующий день князь держал совет с киевлянами и братом Ростиславом: киевляне по-прежнему благоволили ему, но биться за него с Юрием отказались. Ростислав отправился в свой Смоленск, а Изяслав — на Волынь: готовиться к новой войне с Юрием. В этой новой войне киевляне обещали поддержать его. «Ведаета, — говорили они Изяславу и его брату, — оже нам с Гюргем не ужити (не ужиться. — А. К.). Аже по сих днех кде узрим стягы ваю (ваши. — А. К.), ту мы готовы...» Ещё три или четыре дня спустя в

Киев торжественно вступил князь Юрий Владимирович Долгорукий, наконец-то исполнивший свою мечту и воссевший на «златом» киевском престоле. Киевляне приветствовали его, выражая полнейшую покорность — по крайней мере внешне. Тогда же, по вокняжении, Юрий «урядился» с Давыдовичами и со Святославом Ольговичем, которому были возвращены и Курск с «Посемьем», и принадлежавшие ранее Давыдовичам области по реке Сновь (в Черниговской земле), и ряд других городов. За Давыдовичами остался Чернигов. Раздал Юрий княжения и своим сыновьям, рассадив их в ближних к Киеву городах. Старшему, Ростиславу, достался «отчий» Переяславль, Борису — Белгород (близ Киева), Глебу — Канев. Андрей был посажен отцом в Вышгород (это второе упоминание его имени в летописи)^{27}. Вышгород представлял собой не только сильную крепость, прикрывавшую Киев с севера, со стороны Чернигова, но и один из главнейших духовных центров древней Руси, ибо именно здесь хранились святые мощи князей-мучеников Бориса и Глеба — небесных покровителей всего Русского государства и княжеского семейства в особенности. Первое княжение Андрея в Вышгороде оказалось очень непродолжительным, однако, как нам ещё предстоит убедиться, этому городу суждено будет сыграть особую роль в его судьбе.

На княжении в Суздале Юрий оставил одного из своих младших сыновей — юного Василька, родившегося во втором браке. Возвращаться сюда Юрий не собирался, хотя и понимал, что ресурсы Суздальской земли необходимы ему и обойтись без них он не сможет. Старшие же сыновья должны были неотлучно находиться при нём. Ибо и Юрию, и всем остальным было ясно, что борьба за Киев ещё далека от своего завершения.

«Мужество паче всех»

Первое киевское княжение Юрия Долгорукого продолжалось немногим менее года. Андрей по-прежнему участвовал во всех военных предприятиях отца, действуя, как правило, вместе со старшим братом Ростиславом.

В январе 1150 года, получив известие о том, что Изяслав Мстиславич собрал у себя «угров» и «ляхов» (то есть венгерские и польские войска) и готовится к походу на Киев, Юрий двинул свои полки на Волынь. Андрей и Ростислав шли впереди его войска и первыми вступили в Пересопницу — город на правом берегу реки Стублы (притока Горыни), на пограничье Киевской и Волынской земель (в нынешней Ровенской области Украины). Здесь княжил старший брат Юрия, «незлюбивый» Вячеслав Владимирович. Обиженный в своё время племянником Изяславом и опасавшийся его крутого нрава, Вячеслав предпочёл поддержать Юрия и сам позвал брата защитить его. Вслед за старшими сыновьями в Пересопницу вошли и полки Юрия; подоспела и помощь из Галича, от нового союзника Юрия, могущественного галицкого князя Владимира (Владимирка) Володаревича, которого побаивались не только русские князья, но и правители сопредельных государств. На стороне Юрия воевали и половцы. Хотя они и считались злейшими врагами Руси и причиняли русским землям великие бедствия, князья в своих бесконечных войнах охотно прибегали к их помощи, и редкая междоусобица обходилась без их участия. Изяслав Мстиславич со своими союзниками — польскими князьями и венгерскими воеводами — находился в то время к западу от Горыни — в Луцке, городе на реке Стири (притоке Припяти), а затем продвинулся ещё немного на

восток и остановился у небольшого городка Чемерин. Однако до сражения на этот раз не дошло. Дядья и племянник вступили в переговоры друг с другом; польские и венгерские союзники Изяслава с видимой радостью покинули русские пределы, а сам Изяслав возвратился во Владимир-Волынский. Казалось, дело идёт к миру, но договориться князьям так и не удалось. Юрий расценил миролюбие племянника как проявление слабости и, несмотря на уговоры брата Вячеслава, возобновил военные действия. «Выжену (изгоню. — А. К.) Изяслава, а волость его всю перейму» — такие слова князя приводит летописец.

Вместе с сыновьями Ростиславом, Андреем, Борисом и Мстиславом, а также братом Вячеславом (который хотя и пытался перечить Юрию, но во всём вынужден был подчиняться ему) Юрий направился к Луцку. В авангарде, как и раньше, двигались его сыновья, а также летучие половецкие отряды во главе с приставленным к ним опытным воеводой Жирославом (или Жидиславом, как по-другому звучало его имя). Причём Андрей с половцами действовал несколько впереди, а Ростислав с братьями следовал за ним. В Луцке же в то время находился младший брат Изяслава, князь Владимир Мстиславич (он был рождён во втором, новгородском браке Мстислава и приходился остальным братьям «Матешичем», то есть сыном от мачехи, как его чаще всего и называли). Он и готовил город к обороне.

Поход к Луцку и сражение за Луцк представляют для нас особый интерес, поскольку впервые дают возможность взглянуть на князя Андрея Юрьевича в боевой обстановке, увидеть его живой образ, ярко выступающий за летописными строками. Это не частый случай в русском летописании. Столь отчётливо выраженные личностные, индивидуальные черты в изображении князя свидетельствуют о том, что уже в начале своей военной карьеры Андрей выделялся на

фоне других князей — прежде всего своей отчаянной храбростью.

Двигаясь к Луцку, Юрьевичи остановились на ночь у Муравицы — какого-то населённого пункта на востоке Волынской земли. Что здесь произошло, доподлинно неизвестно — летописец выражается довольно туманно и неопределённо: «...ставшим им у Муравици, и бы[сть] [в] ночь пополох зол», так что половцы вместе с воеводой Жирославом в страхе бежали. О причине «пополоха» никто ничего не знал; с минуты на минуту ожидали нападения основных сил противника. Ростислав, остановившийся не доходя Муравицы, потребовал, чтобы Андрей немедленно явился к нему. Тот брата не послушал, но остался на месте — «стерпе пополох той». При этом Андрей оказался без большей части дружины и без половцев; угроза попасть в плен представлялась вполне реальной, о чём ему и не замедлили напомнить: «Андреева же дружина, приездяче к нему, жаловахуть: “Что твориши, княже?!” и “Поели, княже, прочь, аже ли (то есть в противном случае. — А. К.), добудем сорома”». Пленение князя и в самом деле стало бы «соромом» (срамом), легло бы несмываемым пятном на дружину, однако перебороть страх ни половцы, ни дружинники Андрея и его брата Ростислава не смогли. В отличие от самого Андрея: «Андрей же не послуша их, но, възложи надежу на Богъ, пережда до света». Утром выяснилось, что ничего страшного за ночь не произошло; угроза оказалась мнимой. Андрей «похвали Бога, укреплешаго и (укрепившего его. — А. К.), и еха к брату своему и половецкым князем»^{28}.^[12]

Оправдан ли был риск? Может быть и нет. Но рассуждать на этот счёт можно лишь с точки зрения здравого смысла, который в условиях войны, особенно войны той эпохи, далеко не всегда определял логику поведения сторон. Андрей не просто проявил храбрость

и выдержку, что само по себе не могло не вызывать уважения. Важнее другое: он открыто объявил о том, что возлагает упование на Бога — и оказалось, что Бог на его стороне. А это давало ему такое моральное преимущество, которым мог похвастаться далеко не каждый князь. Обратим внимание ещё на один аспект произошедшего. Андрей, очевидно, позаботился о том, чтобы этот эпизод — совершенно незначительный в истории той войны — остался в памяти современников, был зафиксирован неким близким к нему книжником, летописцем из его окружения, — благодаря чему мы и можем прочесть о нём сегодня. Что и говорить, похвальная предусмотрительность. И она характеризует Андрея как человека не только храброго, но и дальновидного, способного извлечь из своей храбрости вполне ощутимую выгоду, — по крайней мере уже после того, как горячка боя осталась позади. Историки древнерусского летописания определённо пишут о существовании некоего особого «Летописца Андрея Боголюбского», который вёлся в окружении князя в конце 40-х — начале 50-х годов XII века и следы которого сохранились в отдельных статьях Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за эти годы.^{29}

В ещё большей степени храбрость Андрея проявилась несколько дней спустя, а именно 8 февраля 1150 года, в сражении у стен Луцкой крепости. Причём храбрость князя граничила с безрассудством. В отличие от эпизода у Муравицы, на этот раз он подвергал свою жизнь действительно смертельной опасности — и вновь рассказ о случившемся нашёл своё место в летописном изложении событий.

Когда Андрей, покинув Муравицу, соединился с братьями и половецкими князьями, они решили отступить ещё немного назад, чтобы дождаться отца. Однако оказалось, что Юрий с основными силами движется к Луцку другим путём; более того, он обогнал

сыновей и уже подошёл к городу. Юрьевичи также двумя путями устремились к Луцку. Андрей по-прежнему двигался в передовом отряде. Когда он приблизился к городским стенам, то увидел развёрнутые стяги своего отца; тот уже вступил в битву. Впрочем, сражение протекало довольно вяло: лучане и «пешцы» Владимира «Матешича», выйдя из города, перестреливались с ратниками Юрия из луков, не сближаясь с ними. Сыновья Юрия поспешили поддержать отца. Но действия Андрея при этом оказались не понятыми его братьями: «не ведущим [им] мысли брата своего Андрея, яко хочеть ткнута на пешие (то есть атаковать «пешцев». — А. К.), — объясняет летописец, — зане и стяг его видяхуть не възволочен (не развёрнут. — А. К.)». Андрей начал действовать без всякой предварительной подготовки, не обставляя своё наступление привычными внешними атрибутами, вроде разворачивания стягов или трубных сигналов к бою. «Не величаву бо ему сущю на ратный чин, но похвалы ищущю от единого Бога, — свидетельствует летописец, — темь же пособьем Божьим, и силою крестною, и молитвою деда своего (Владимира Мономаха. — А. К.) въехав преже всех в противныя, и дружина его по нем, и изломи копье свое в супротивье своем». «Изломить копьё» означало начать битву, вступить в непосредственное соприкосновение с противником. Но лучане принимать бой не собирались. Видя стремительное нападение нового врага, «пешцы» отступили к крепости по «гробли», то есть по оборонительному валу. Андрей едва ли не в одиночку устремился за ними. Его порыв не поддержали не только братья, по-прежнему не понимавшие его действий, но и собственная дружина, за исключением двух «меньших детских», то есть двух младших дружинников, княжеских слуг, которые, «видев же князя своего в велику беду впадша», бросились ему на выручку.

Положение Андрея было отчаянным, «зане обьступлен бысть ратными (врагами. — А. К.), и гнаста по нем». Во время этой лихой схватки его конь был ранен двумя копьями, третье воткнулось в переднюю луку седла. «А с города, яко дождь, камене меташу на нь (на него. — А. К.), един же от немчичь (немецких наёмников, служивших Изяславу Мстиславичу. — А. К.), ведев и (то есть узнав его. — А. К.), хоте просунута рогатиною, но Бог сблуде»^[30]. Андрей уже готовился проститься с жизнью, вспоминал о несчастной судьбе другого русского князя, павшего в битве со своими сродниками, — великого князя Киевского Изяслава Ярославича (погибшего в битве на Нежатиной Ниве в 1078 году): «помысли и рече себе в сердци: “Се ми хочеть быти Ярославича смерть”^[13], и помолися к Богу, и, выня меч свой, призва на помочь себе святаго мученика Феодора (Феодора Стратилата, память которого праздновалась в тот день. — А. К.), и по вере его избави и Бог без вреда и святой мученик Феодор». В меньшей степени Андрей был обязан спасением своим «детским», один из которых, защищая его, погиб. А ещё — собственному коню: хотя тот и был «язвен велми», то есть сильно изранен, но всё же сумел вынести князя из схватки. Сразу же после этого конь (по-древнерусски «комонь») пал. «Жалуя комоньства его», Андрей повелел похоронить коня на высоком берегу Стири — с почестями, подобающими таковому подвигу. Вот и ещё один штрих для характеристики князя, свидетельство особой чувствительности его натуры. Впрочем, это можно рассматривать и как свидетельство живучести тех, ещё языческих, представлений о боевом коне и его роли в судьбе всадника, которые проявились, например, в истории величайшего воителя древности Александра Македонского, хозяина знаменитого Буцефала, или легендарного русского князя Олега Вещего.

Подвиг Андрея был по достоинству оценён современниками. И его отец Юрий, и дядя Вячеслав, и другие князья «вся радовахуся, видевше жива, и мужи отъни (отцовская дружина. — А. К.) похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче бывших всих ту», — отмечает тот же летописец. И здесь в действиях князя современники увидели прежде всего не безрассудство и неоправданный риск, но Божье изволение, явственно проявившееся на нём. «Многажды бо Бог уметаеть в напасть любящая Его, но милостью Своею избавляет» — вот главная мысль всего летописного рассказа.

(В поздней Никоновской летописи XVI века акценты смещены и оценки действиям князя даны иные, пожалуй, более понятные нам, с точки зрения наших сегодняшних представлений о военном искусстве и оправданности тех или иных действий. Когда Андрей явился к отцу и другим князьям, те, «видеша его пришедша к ним жива и охапивше (обняв. — А. К.) его, от радости начаша плаката, глаголюще сие: “Почто, возлюбленне, сам себе в напасть даеши?!.. Нестъ убо се мужество, но неискуство и неучение”. И много наказавше его утеша, и сняша с него доспех, и много ран, не имуще крови, обретоша на нём».)

Осада Луцка продолжалась три недели. Стойкость защитников города сорвала планы Юрия по завоеванию Волыни. Вновь начались переговоры о мире. Юрию пришлось пойти на них в том числе и потому, что за мир ратовал его союзник, а в скором будущем и сват, князь Владимирко Галицкий (в том же 1150 году дочь Юрия Ольга будет выдана замуж за его сына Ярослава). С его мнением приходилось считаться. Создатель единого Галицкого княжества, изворотливый и умелый политик, Владимирко уже давно враждовал с Изяславом Мстиславичем. Но полное поражение Изяслава не входило в его планы: более всего он противился объединению в одних руках Киева и Волыни (что

неприменно произошло бы в случае победы Юрия), справедливо усматривая в этом угрозу для своего княжества. А потому, когда Изяслав обратился к нему с просьбой о посредничестве, Владимирко охотно согласился.

Ход начавшихся переговоров позволяет увидеть Андрея ещё с одной стороны. Оказывается, отчаянная храбрость уживалась в нём с миролюбием — сочетание, редко встречающееся в военной среде. Примечательно, что двое старших Юрьевичей — Ростислав и Андрей, всегда действовавшие заодно друг с другом, — заняли при обсуждении вопроса о мире диаметрально противоположные позиции. Ростислав так и не простил Изяславу Мстиславичу обиду, которую тот нанёс ему в Киеве, а может быть, чувствовал за собой какую-то вину перед ним — и потому решительно воспротивился мирным переговорам^[14]. В этом его поддержал другой князь, оказавшийся в окружении Юрия Долгорукого, — Юрий Ярославич, сын бывшего владими́ро-во́лынско́го князя Ярослава Святополчича, вероятно, имевший свои виды на Волынь. Андрей же проявил себя горячим сторонником мира. «Сущю бо ему милостиву на свой род, паче же на крестьяны (христиане. — А. К.)», — пишет о нём всё тот же летописец, его восторженный почитатель. Андрей стал уговаривать отца не слушать злые советы Ярославича, но помириться с Изяславом: «Примири сыновца к себе, не губи отцины своя». А затем повторил формулу, к которой всегда прибегали князья, желая остановить войну: «Мир стоит до рати, а рать до мира». Андрей, несомненно, умел говорить ярко и образно, обладал даром красноречия, что в те времена высоко ценилось среди князей. Заметим, что в его речи (текст которой в летописи, к сожалению, дошёл до нас не полностью, но с существенными пропусками) были повторены слова библейского псалма, которые когда-то цитировал князь Владимир Всеволодович Мономах в

своём знаменитом письме Олегу Черниговскому, предлагая тому помириться: «Отце господине, помяни слово писаное: “Се коль добро [и коль красно], еже жити братие вкупе!” (ср.: Пс. 132: 1)». Если мы вспомним, что всего несколькими неделями раньше, в сражении у Луцка, Андрей уже обращался к небесному заступничеству своего великого деда, то вполне можем признать, что и в данном случае он ссылаясь не на одну только Псалтирь царя Давида, но и на письмо Мономаха, которое, вероятно, знал наизусть.

В марте, предположительно в двадцатых числах, мир наконец-то был заключён. По его условиям, Киев оставался за Юрием, а Владимир-Волынский — за Изяславом. Юрий обещал также вернуть добычу и челядь, захваченные им в битве у Переяславля. Впоследствии невыполнение именно этого пункта договора стало причиной новой войны между князьями.

Что же касается Андрея, то в его судьбе после заключения мира произошла важная перемена. По возвращении в Киев Юрий вызвал к себе брата Вячеслава. Речь шла о том, чтобы передать ему Киев, на который старший из братьев, несомненно, имел больше прав, чем Юрий. Договорённость на этот счёт существовала между ними и раньше («Аз Киева не себе ищю, — якобы говорил Юрий, отправляясь на войну с Изяславом, — оно у мене брат старей Вячьслав, яко и отець мне, а тому его ищю»). Однако из этой договорённости ничего не вышло. По выражению летописца, Юрия «размолвиша» с братом бояре. «Брату твоему не удержати Киева, — вполне резонно заявили они. — Да не будет его ни тебе, ни оному». Несколько иная версия представлена в поздней Никоновской летописи, где отказ Юрия от передачи киевского стола брату объясняется происками его сыновей — правда, всех ли или только некоторых (прежде всего, Ростислава?), неизвестно. Вступление Вячеслава в Киев

«неугодно бысть сыновомъ князя... — писал московский книжник, — князю же Юрью Владимеричю не слушающу детей своих, они же начаша глаголати бояром отца своего. Бояре же собравшеся и шедша, реша великому князю...». Так или иначе, но в словах бояр была очевидная истина: без поддержки Юрия простодушный и недалёкий умом Вячеслав не мог удержать Киев. Да Юрий и без них должен был понимать это. Вероятно, бояре лишь озвучили его собственные мысли, позволили при принятии решения сослаться на то, что он якобы подчиняется чужой воле. Именно так летопись объясняет действия князя: «послушавшю бояр», Юрий вывел из Вышгорода своего сына Андрея и дал Вячеславу вместо Киева Вышгород. Пересопницу же, бывшую волость Вячеслава, Юрий забрал себе. Сюда он направил на княжение своего сына Глеба, который заодно получил и принадлежавший тому же Вячеславу Дорогобуж. Вячеслав подчинился, хотя решение брата сильно обидело его, и он ещё припомнит это Юрию. Кому достался Канев — прежняя волость Глеба Юрьевича, источники не сообщают. Равно как молчат они и о реакции Андрея Юрьевича на случившееся.

Выбор Глеба в качестве князя, который должен был «стеречь» волости Изяслава, можно признать ошибкой Юрия Долгорукого: со своей задачей, как мы увидим, Глеб не справится. Андрей же никакой волости взамен Вышгорода, кажется, не получил. Вероятно, безрассудная храбрость, проявленная им у Луцка, произвела впечатление на отца. Пока что Андрей должен был находиться рядом с ним в Киеве.

* * *

Обвинив Юрия в неисполнении крестного целования, а именно в отказе вернуть захваченное у Переяславля

добро, Изяслав вновь выступил из Владимира-Волынского. Недостаток сил, которыми он располагал, с лихвой компенсировали его решительность и несомненные полководческие дарования.

Юрий и его сыновья оказались не готовы к новому повороту событий. Глеб, которому надлежало «сторожить» Изяслава, был застигнут врасплох: Изяславу удалось «изъехать», то есть обойти его, отрезав его дружине пути отступления в город. Сам Глеб едва успел вбежать в Пересопницу, однако дружина, «товары» и кони были захвачены Изяславом. Пришлось и Глебу сдаваться на милость двоюродному брату — заметим, уже во второй раз за три года. Изяслав отнёсся к нему с подчёркнутым уважением: посадил обедать с собой, а позднее и вовсе отпустил к отцу. Он всячески показывал, что воюет не с сыновьями Юрия, но лишь с их отцом. «Вы мне братия своя, до вас нету речи никоеяже, — говорил он Глебу. — Но обидить мя твой отец, а с нами не умеет жити». Это были почти те же самые слова, с которыми некогда Изяслав обращался к старшему Юрьеву сыну Ростиславу, когда тот пришёл к нему в Киев: «Всих нас старей отец твой, но с нами не умеет жити. А мне дай Бог вас, братию свою, всю имети и весь род свой в правду, ако и душу свою». То, как действовал Юрий, коробило Изяслава Мстиславича. Он отстаивал свои «отчинные» права на Киев, заветы своего деда Владимира Мономаха, но вместе с тем и «правду» (конечно, в его собственном понимании), «рыцарские», если так можно выразиться, принципы ведения войны. Однако рассорить Юрьевичей с отцом ему так и не удалось.

Юрий тоже не сумел угадать замысел своего племянника. Если он и ожидал нападения, то, вероятно, с «главного», западного направления. Однако Изяслав повернул на юг, в земли «чёрных клобуков», которые «с радостию великою» начали стекаться к нему «всими

своими полки». Они и раньше охотно поддерживали Мстиславичей, и теперь готовы были воевать против нелюбимого ими Юрия. Так силы Изяслава сразу же увеличились многократно. Начали сбываться и слова киевлян, обещавших поддержать Изяслава в случае его новой войны с Юрием. Юрий же не оценил вовремя угрозу, слишком поздно обратился за помощью к своему свату Владимирку Галицкому и черниговским князьям. Тем требовалось время для того, чтобы собрать полки. Не видя возможности защищать Киев, Юрий решился бежать: «и перебеже за Днепр с сынами своими», как сообщает Киевская (Ипатьевская) летопись. В Хлебниковском списке той же Ипатьевской летописи сказано иначе: «с сыном своим» — то есть, вероятно, с одним только Глебом. (Или, может быть, с Андреем?) Всё это происходило, вероятно, в самом конце весны или начале лета 1150 года^{31}. Юрий укрылся в Городце на Острѣ. Его старший сын Ростислав, напомним, сидел в Переяславле. Два этих города и стали его главными опорными пунктами в Южной Руси.

И всё же поход Изяслава во многом оставался авантюрой. Сил для того, чтобы сохранить за собой киевский стол, у него явно недоставало. А потому, когда союзники Юрия начали стягивать свои полки к Киеву, удержать город он не смог. В конце августа того же 1150 года Изяслав попытался было принять бой, собрал войско из верных ему «чёрных клобуков» и киевлян и направил его против подошедшего Владимирка Галицкого, который казался ему наиболее опасным противником. Однако собранная им рать попросту разбежалась, убоявшись силы галицкого князя и многочисленности его войска. Пришлось возвращаться на Волынь и Изяславу. Так, с помощью союзников, спустя три месяца после своего бегства из Киева, Юрий вновь занял великокняжеский стол. Киевляне поспешили признать его — очевидно, стремясь не допустить в город

Владимирка, стоявшего со своими полками возле самых городских стен. Этого князя — совершенно чужого и враждебного им — они боялись ещё больше, чем Юрия.

Казалось, для Юрия всё складывается вполне благополучно. Но за время его трёхмесячного отсутствия в Киеве произошло событие, внешне весьма незначительное, но оказавшее существенное влияние на ход последующей борьбы за великокняжеский стол. Изяславу удалось примириться со своим дядей, князем Вячеславом Владимировичем. И не просто примириться, а заключить с ним договор, рассчитанный на длительную перспективу. Задуманная им политическая комбинация полностью меняла расстановку сил, переводила его отношения с Юрием Долгоруким в совершенно новую плоскость. В вышгородской церкви Святых Бориса и Глеба, у самых гробниц князей-мучеников, Изяслав и его дядя целовали крест на том, что отныне «Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава». Теперь Изяслав мог претендовать на Киев и править в Киеве, прикрываясь «старейшинством» Вячеслава, как бы от его имени. Сама идея этого политического альянса — заслуга даже не Изяслава, а его брата Ростислава Смоленского, князя весьма умного и дальновидного, неохотно принимавшего личное участие в междоусобных войнах, но при любых раскладах безоговорочно поддерживавшего своего брата. Простодушного Вячеслава договор с племянником вполне устроил. Изяслав же таким хитрым способом пресёк претензии на «старейшинство» со стороны Юрия Долгорукого, лишил суздальского князя главного козыря, который давал ему преимущественные права на великокняжеский стол, с точки зрения тогдашних представлений о «старейшинстве».

Впрочем, сейчас нас интересует не столько Юрий, сколько его сын Андрей. В борьбе отца за Киев он по-прежнему принимал самое деятельное участие.

Так, вскоре после первого изгнания отца из Киева Андрей направился в Переяславль, к своему брату Ростиславу. Отец послал его туда по просьбе самого Ростислава. Дело в том, что Изяслав Мстиславич сразу же по вокняжении в Киеве поручил своему сыну Мстиславу Канев, «веля ему оттоле Переяславля добыти». Сделать это Мстислав должен был, опираясь прежде всего на «чёрных клобуков». Собирая вокруг себя отдельные их роды, Мстислав обратился за поддержкой к турпеям — многочисленному торкскому роду, расселённому по левому берегу Днепра, в пределах Переяславского княжества. Узнав о его намерениях, Ростислав тотчас послал за помощью к отцу. С этой помощью и явился к нему Андрей. Сам же Ростислав поспешил к Сакову — главному городу в земле турпеев. Ему удалось захватить кочевников врасплох: «поймав» их, князь отогнал их к Переяславлю, под защиту городских стен. Трудно сказать, вошли ли турпеи в состав его войска и, если вошли, насколько оказались надёжны. Но такова уж была обычная практика русских князей в отношении «своих поганных»: когда опасались, что они могут перейти на сторону противника, их силой изгоняли с прежних мест обитания или «переимали» их жён, детей и имущество. Ну а пока Ростислав гонялся за турпеями, Андрей находился в Переяславле, готовя город к возможному нападению Изяслава или его сына^[32].^[15]

Старший брат Андрея Ростислав — фигура во многом противоречивая. Поздние источники изображают его человеком коварным и мстительным (в чём мы уже имели возможность убедиться). Но в Суздальской земле он оставил по себе добрую память: спустя много лет после его смерти жители Ростова и Суздаля будут

вспоминать о том, что князь Ростислав Юрьевич «добр был, коли княжил у нас» (или, в другом варианте летописи: «коли жил у нас»)^{33}. Судя по этим словам, Ростислав добился от отца какой-то волости в Суздальской земле и правил ею до своего ухода на юг вполне разумно, не ссорясь с местными «мужами». Неясными остаются и их взаимоотношения с Андреем. Братья всегда помогали друг другу, это правда — но насколько искренни они были при этом? Задаваться таким вопросом приходится потому, что позднее, став суздальским князем, Андрей с крайней неприязнью будет относиться к сыновьям Ростислава и даже выгонит племянников из своей земли.

Но вернёмся к событиям 1150 года. Уже после возвращения Юрия в Киев Андрею пришлось продемонстрировать и свои дипломатические способности. Готовясь к войне с Изяславом, Юрий послал за помощью к половцам — своим всегдашним союзникам. Но когда половцы наконец-то собрались и подошли к Переяславлю, их помощь оказалась не нужна: Юрий овладел Киевом без них. Однако союзники Юрия не привыкли возвращаться домой с пустыми руками. Поскольку поживиться за счёт врагов Юрия им не удалось, они принялись разорять окрестности Переяславля: «пакостящим ся людем, сбегшимся в град», так что те не имели возможности даже выпустить за городские стены свой скот.

Ни Юрий, ни союзные ему черниговские князья ещё не распустили своих полков. Сначала Юрий послал к Переяславлю младшего из черниговских князей Святослава Всеволодовича, дабы тот «укротил» половцев и «воротил» их обратно в степи. Но сделать это — несмотря на традиционные связи черниговских князей с «чужими погаными» — Святославу не удалось: кочевники продолжали свои бесчинства. Пришлось вновь посылать в Переяславль Андрея. Какие аргументы

тот нашёл, использовал ли своё родство с половцами по матери или ограничился щедрыми подарками и посулами, неизвестно, — но половцев удалось «укротить», то есть заключить с ними мир, после чего они наконец покинули пределы Руси. Это случилось незадолго до 14 сентября — праздника Воздвижения честного креста. Летописец называет этот день — единственный хронологический ориентир во всём рассказе о событиях, связанных со вторым вокняжением Юрия в Киеве, — только потому, что Андрей задержался в Переяславле. Он с искренней ревностью относился ко всем православным обрядам и остался у брата «праздника деля»: «праздноваша у церкви Святаго Михаила честный праздник Креста Господня» и лишь «на утрий день» возвратился к отцу в Киев. Андрей и позднее с особым чувством будет относиться к кресту — символу торжества христианской веры. И в его позднейшей истории почитание креста принесёт ему одну из наиболее значимых побед.

Той же осенью 1150 года Андрей получил от отца Пересопницу — город, который в событиях этой войны играл особую роль. Помимо Пересопницы и Дорогобужа, ему достались также Туров и Пинск — города, являвшиеся центрами самостоятельных княжеств еще в X веке, но к середине XII века вошедшие в состав Киевской земли. Всё это были прежние волости князя Вячеслава Владимировича, по-прежнему пребывавшего в Вышгороде. «Андрей поклонивъся отцю своему и шед, седе в Пересопници», — свидетельствует летописец^{34}. Находясь здесь, Андрей должен был сдерживать Изяслава Мстиславича. Но можно думать, что, наделяя сына столь значимыми городами, Юрий стремился в какой-то степени удовлетворить его княжеские амбиции. Он по-прежнему не желал видеть своих старших сыновей в Суздальской земле, предназначая её исключительно для младших. Старшие же, и Андрей в их

числе, должны были закрепиться на юге, сделаться здесь «своими». Насколько это трудно, если не сказать — невозможно, Юрий ещё не осознавал — по всей вероятности, в отличие от Андрея. Княжение в Пересопнице или Дорогобуже вряд ли пришлось Андрею по нраву. Здесь его явно не любили. Не из-за каких-то его личных качеств — исключительно как Юрьева сына.

Впрочем, за время своего недолгого владения Туровом Андрей, кажется, сумел найти общий язык с некоторыми влиятельными людьми в городе. Так, известно о его знакомстве с будущим туровским епископом, а тогда, вероятно, ещё монахом и «столпником» (затворником), уроженцем Турова Кириллом — крупнейшим писателем домонгольской Руси. Мы ещё будем говорить о их переписке, относящейся к следующему десятилетию и связанной с острым церковно-политическим кризисом, поразившим Северо-восточную Русь в годы княжения Андрея Боголюбского.

Второе киевское княжение Юрия Долгорукого оказалось ещё короче, чем первое. Ближе к зиме в Пересопницу, к Андрею, прибыли послы из Владимира-Волынского. «Въведи мя к отцю твоему в любовь», — просил Изяслав Мстиславич двоюродного брата. А далее жаловался на свою злую судьбу: «...Мне отцины в Угрех нетуть, ни в Ляхох, токмо в Руской земли. А проси ми у отца волости Погорину». Однако переговоры о мире были лишь одной — и, кажется, даже не главной — целью его посольства. На самом деле, как замечает летописец, посланцы Изяслава исполняли ещё одну роль — лазутчиков. Князь повелел им «розирать» (разведать) расположение Андреевых войск: «како город стоить». Изяслав хорошо помнил о том, как ловко «изъехал» прежнего пересопницкого князя Глеба Юрьевича, и теперь хотел повторить то же с его братом.

Андрей поверил в искренность его мирных намерений, а потому обратился к отцу с очередной просьбой пойти навстречу волынскому князю и тем самым завершить войну. При этом он готов был уступить часть собственной волости — Погорину (земли по реке Горынь). Очевидно, Андрей хорошо понимал всю опасность войны с Изяславом и всю непрочность положения Юрия в Киеве. Однако Юрий на уговоры сына не поддался и волости по Горыни Изяславу не вернул. А вот относительно сбора информации о «наряде» и «строении» города не всё ясно. В военном отношении Андрей, несомненно, обладал большим опытом, чем его брат Глеб, и лазутчикам Изяслава пришлось признать это. Они вернулись к своему князю, убеждённые в том, что взять Пересопницу хитростью или силой не представляется возможным. «Не сбыся мысль его, — пишет об Изяславе летописец, сторонник Андрея, — зане бе утвржен город и дружину (Андрей. — А. К.) совокупил». Но всё же какие-то полезные для себя сведения Изяслав получил: во всяком случае, позднее он будет действовать в окрестностях Пересопницы весьма успешно.

Собственно военные действия начались в конце зимы, предположительно, во второй половине февраля или начале марта 1151 года. Изяслав вместе с братом Владимиром, сыном Мстиславом, а также городенским князем Борисом (двоюродным братом по матери) и присланным ему на помощь десятитысячным венгерским войском подступил к Пересопнице. Остановившись в окрестностях города, немного выше по течению Стублы, он сжёг тамошние укрепления (Заречск). Андрей затворился в Пересопнице вместе со своим двоюродным братом, юным Владимиром, сыном Андрея Доброго. В его задачу входило угрожать Изяславу внезапной вылазкой, а главное — дожидаться подхода галицкого князя Владимирка Володаревича. (Изяслав Мстиславич сделал

всё, чтобы нейтрализовать самого опасного из своих противников и даже упросил венгерского короля начать войну с Владимирком. Но война эта закончилась ничем: Венгрия всё больше втягивалась в военное противостояние с Византийской империей, а потому не могла отвлекаться ещё и на длительную и многотрудную борьбу с Галицким княжеством.) Вскоре стало известно, что Владимирко со своими полками выступил в поход. Положение Изяслава сделалось угрожающим: в тылу у него находились и Владимирко, и Андрей, а впереди в любой момент мог оказаться Юрий с многочисленным войском. Но опасность только придала силы князю. Именно в этом походе Изяслав во всём блеске явил своё полководческое искусство. План его был прост. Он решил со всеми имеющимися силами продолжить движение к Киеву, оставив в тылу и Андрея в Пересопнице, и Владимирка. Если галицкий князь сумеет настигнуть его, рассуждал Изяслав, он примет бой («како Бог розсудить с ним»); если же раньше придётся встретиться с Юрием, то «с теми суд Божий вижю, како мя с ним Бог росудить». Судьбу Киева должны были решить не численное превосходство той или иной рати, но напор, стремительность и неожиданность действий. Со всем своим войском Изяслав устремился к Дорогобужу, и оказалось, что дорогобужцы, как и жители других городов по пути к Киеву, рады признать его своим князем.

Между тем Владимирко и Андрей действовали по всем правилам ведения войны. Сославшись друг с другом ^[16], они договорились о совместном преследовании противника. Андрей покинул Пересопницу и соединился с Владимирком у городка Мыльска (ныне село в Ровенской области Украины). Князья переправились через Горынь и, пустив вперёд «сторбжу», сами «с силою великою» устремились за Изяславом. Началось преследование одного войска

другим. Продвигаясь к Киеву, Изяслав последовательно переправлялся через реки Случь, Уж и Тетерев. У Святославлей Криницы (где-то между Ужем и Тетеревом) Владимирко и Андрей наконец-то нагнали его. Оба войска расположились так, что волынские сторожа могли видеть галицкие огни, а галичане — огни Изяславовой рати. Но Изяславу и на этот раз удалось перехитрить преследователей. Он повелел своим воинам разложить побольше костров, а сам ночью снялся с места и перешёл к Мичску — городу на Тетереве. И здесь его также встретили как князя. От Звижденья — следующего города по пути к Киеву — князь направил своего брата Владимира к Белгороду, обещая следовать за ним с основными силами. Белгород был форпостом, «пригородом» Киева, непосредственно прикрывавшим его с запада. Здесь сидел сын Юрия Борис, проявивший в эти дни удивительную беспечность. В то время когда Владимир Мстиславич подступил к городу, он пьянствовал «на сеньнице» со своей дружиной и «с попы белгородскими». Если бы не некий «мытник» (сборщик дани), вовремя заметивший неприятеля и успевший «переметать» мост через крепостной ров, Борис непременно попал бы в плен. Ему всё же удалось убежать к отцу в Киев, однако Белгород без всякой борьбы перешёл в руки Мстиславича. Успех был ошеломляющий. Оказалось, что Борис, а значит, и Юрий не имели точных сведений о наступлении Изяслава и совершенно не ожидали нападения! Оставив брата в Белгороде на случай появления здесь Владимирка Галицкого, Изяслав «исполчил» войско и вместе с венграми двинулся к Киеву. Юрию о случившемся стало известно только от сына Бориса. Когда тот прибежал к отцу, Юрий отдыхал в своей загородной резиденции на Красном дворе. Очевидно, все свои надежды он возлагал исключительно на галицкого союзника, даже не допуская мысли, что тот пропустит Изяслава к Киеву.

Защищать город Юрий не решился — «убоявся киян, зане имеют перевет ко Изяславу», и, как и год назад, предпочёл бежать. Причем бежать немедленно, лишь с немногими людьми, даже не заезжая в Киев и бросив находящуюся там дружину.

События развивались настолько стремительно, что и Владимирко Галицкий с Андреем Юрьевичем оставались в неведении относительно происходящего. Остановившись у Мичска, они послали «сторбжу» разведать, где находится противник, и только тогда узнали, что Изяслав уже занял Киев, а Юрий бежал за Днепр и укрылся в Городце Остёрском.

Во время преследования Изяславовой рати Андрей играл второстепенную роль, во всём подчиняясь галицкому князю. Однако теперь, узнав о постигшей их неудаче, Владимирко обрушил свой гнев прежде всего на него, считая Юрьева сына едва ли не главным виновником случившегося. Галицкий князь пришёл в крайнее раздражение. «Како есть княжение свата моего! — восклицал он, обращаясь к Андрею. — Аже рать на нь из Володимера идеть, а како того не уведати! А ты, сын его, седиши в Пересопнице, а другой [в] Белегороде, како того не устеречи!» А затем заявил, что возвращается в Галич и прекращает военные действия: «Оже тако, княжите с своим отцем, а правите сами, а яз не могу на Изяслава один пойти...»^{35} Испытать гнев галицкого князя пришлось и мичанам. Владимирко потребовал от жителей откуп серебром, угрожая в противном случае «взять» город «на щит», то есть подвергнуть его полному разграблению, а жителей увести в полон. Серебра у мичан не хватило; пришлось снимать серьги и шейные украшения с себя и своих жён и переплавлять их в гривны. «Володимер же поймав серебро и поиде, тако же емля серебро по всим градом, оли и до своей земли».

Андрей — по-прежнему в сопровождении двоюродного брата Владимира Андреевича — отправился к отцу. Князья приехали на устье Припяти, к «Давыдовой божонке» (вероятно, церкви Святого Глеба), здесь переправились через Днепр и поспешили в Остёрский городок. Когда Андрей встретился с отцом, рассказывает автор поздней Никоновской летописи, князья, «охапившеся (обнявшись. — А. К.), болезненне плакашася на долг час, сице глаголюще: “Увы нам! Како ся нам дети от врага нашего Изяслава Мстиславичя?!”»^{36}.

Между тем начиналась Страстная неделя. Юрий успел послать за помощью в Чернигов — к братьям Давидовичам и в Новгород-Северский — к своему свату Святославу Ольговичу (его сын Олег женился к тому времени на дочери Юрия) и теперь ждал от них вестей. Другие гонцы с богатыми дарами отправились к «диким» половцам — словом, всё повторялось точно так же, как год назад...

Но беда, как известно, не приходит одна. 6 апреля 1151 года, в Великую пятницу — день самого строгого поста, — на рассвете, в Переяславле умер старший брат Андрея Ростислав. Вместе с братьями Глебом и Мстиславом Андрей приехал из Городца хоронить брата. Им и суждено было отдать князю последние почести и положить его тело в соборной церкви Святого Михаила, рядом с его дядями Андреем и Святославом Владимировичами. Теперь Андрей становился старшим среди сыновей Юрия, его главной надеждой и опорой.

* * *

Не станем вдаваться в подробный пересказ событий новой кровопролитной войны за Киев. Андрей принял участие во всех её главнейших сражениях. Вместе с

отцом и братьями, а также черниговскими князьями и пришедшими на зов Юрия Долгорукого «чужими погаными» он бился за Днепр, когда Юрий и его союзники долго и безуспешно пытались переправиться через реку, а воины Изяслава не давали им этого сделать. Тогда форсировать Днепр удалось лишь много южнее Киева, у Зарубского брода, почти напротив Переяславля. Автор Киевской летописи приписывал инициативу этого обходного манёвра самому Юрию и его сыновьям; согласно же суздальскому летописцу, замысел принадлежал Святославу Ольговичу и его племяннику Святославу Всеволодовичу. Не совпадают версии летописцев и относительно того, кто из князей возглавил атаку половецкого войска. Стремительно бросившись на конях в воду, половцы переплыли реку и опрокинули немногочисленное охранение, выставленное здесь Изяславом. Зная о том, что Андрей в те годы почти всегда действовал вместе с «погаными», можно предположить его личное участие в сражении за Зарубский брод.

Заметной оказалась роль Андрея и в битве, разыгравшейся у самых стен Киевской крепости. Когда Юрий всё-таки переправился через Днепр, Изяслав отступил к Киеву. Он окружил город несколькими оборонительными линиями. Здесь были и его брат Ростислав с сыном Романом и смоленскими полками, и Владимир «Матешич», и князь Борис Городенский, и Изяслав Давыдович Черниговский (его родной брат Владимир воевал тогда на стороне Юрия Долгорукого — так братья Давыдовичи впервые оказались во враждебных лагерях, и это имело для них роковые последствия). Были здесь и «чёрные клобуки»: берендеи, ковуи и печенеги, пришедшие к Киеву вместе со своими жёнами, детьми и всем скарбом. Подобного скопления войск стольный город Руси ещё не знал. Юрий и его союзники расположились у Лыбеди. Эта речка,

местами пересыхающая, местами, наоборот, образующая искусственные пруды, стала последним естественным рубежом перед Киевом. Но натиск Юрьева войска оказался далеко не всеобщим; военные действия развернулись не по всей линии фронта, а лишь на отдельных участках. Андрей и на этот раз сумел проявить себя: действуя вместе с половцами, он и его юный двоюродный брат Владимир «налегоша силою» и переправились через так называемую Сухую Лыбедь — старое пересохшее русло реки. Как мы уже знаем, в пылу сражения Андрей начисто забывал обо всём, терял хладнокровие, а порой и просто рассудок. Так случилось и на сей раз. Устремившись на врагов, он вновь оторвался от собственной дружины, которая потеряла его из вида и даже не знала, где он, а потому и не смогла поддержать его порыв. Андрей гнал за «ратными» «малом не до полков их» и опять едва не оказался во вражеском окружении. К счастью, один из половцев успел ухватить его коня за повод и вернул князя назад; он, половец, а не князь, «лая дружине своей», за то, что те бросили своего князя («зане бяхуть его остави вси половци»)^{37}. Но то была вина не столько половцев, сколько самого князя, который обязан был принять во внимание не одну только собственную храбрость, но и готовность остальных сражаться так же отчаянно и бесстрашно, как он. Андрей же этого не сделал. Воин, лихой рубака, в который уже раз победил в нём полководца. Сам он вновь уцелел, «съхранен Богом и молитвою родитель своих», — как обычно, не забывает отметить это обстоятельство автор летописи. Эта фраза сопровождает почти каждый его рассказ о доблестях Юрьева сына — порой, кажется, даже вопреки действительности.

Упомянул летописец и о князе Владимире Андреевиче. Подражая старшему товарищу, он тоже хотел было устремиться на «ратных», но был вовремя

остановлен «кормильцем», сопровождавшим его в бою, — «зане молод бе в то время». «Кормилец» — это «дядька»-наставник, воспитатель, приставленный к князю ещё в юности. Такой «кормилец», несомненно, когда-то имелся и у Андрея. Но из летописей о нём ничего не известно, никакой роли в жизни князя он не играл. Вразумить Андрея, охладить его бешеный пыл оказалось некому — кроме разве что случайного половца, сражавшегося в тот день бок о бок с ним.

Битва продолжалась до вечера. Ещё на некоторых участках Юрьевы войска смогли переправиться через Лыбедь, однако развить успех им не удалось. По большей части воины ограничивались тем, что перестреливались с неприятелем через реку, то есть действовали весьма пассивно. Это дало возможность Изяславу Мстиславичу перестроить свои полки и всеми силами обрушиться на противника, опрокинуть его и обратить в бегство.

Но бегство это не было паническим. Юрьеве войско отступало вполне организованно. Князья словно бы поменялись ролями: теперь Юрий отступал, а Изяслав двигался за ним. Суздальский князь осознанно уклонялся от битвы — он ждал подхода галицкой рати, ибо его сват Владимирко, откликнувшись всё же на очередной призыв о помощи, вновь двинул свои полки в Киевскую землю. Знал об этом и Изяслав, спешивший расправиться с Юрием до появления галицкого князя. Войска кружили на месте, останавливались и вновь приходили в движение. В результате этого маневрирования Изяславу удалось оттеснить Юрия на позиции, не слишком удобные для его многочисленного войска. Обе рати расположились у небольшой болотистой речки Малый Рутец, притока Большого (или Великого) Рута, являющегося, в свою очередь, притоком реки Рось, впадающей в Днепр ниже Канева. Здесь, на

Перепетовом поле, и произошло самое кровопролитное из всех сражений этой несчастливой для Юрия войны.

Первым из Юрьева войска — и это стало уже традицией — в сражение вступил князь Андрей Юрьевич. Летописец и на этот раз особо отметил его личное мужество, но вместе с тем и распорядительность, желание поднять боевой дух войска. Впрочем, последнее князю не удалось. «Андрей поча рядити (устраивать. — А. К.) полк отца своего, зане бе старей тогда в братье», — сообщает летописец. Видя же, что половцы остались сзади и колеблются, князь устремился к ним: «и к тем гнав и укрепле е на брань». А оттуда «въеха в полк свой и укрепи дружину свою». Когда же битва началась, Андрей «възмя копье, и еха на перед, и съехася переже (прежде. — А. К.) всих, и изломи копье свое». Он словно бы искал смерти на поле боя. В пылу схватки под князем ранили коня в ноздри, так что конь начал «соватися (метаться. — А. К.) под ним, и шелом спаде с него, и щит на нем оторгоша (оторвали. — А. К.)», но «Божьем заступлением и молитвою родитель своих» князь и на сей раз «схранен бе без вреда»^[38].^[17] Увы, исход сражения определили отнюдь не его бесстрашие и отвага, тем более что ни отвагой, ни бесстрашием Изяслав Мстиславич не уступал Андрею, а воинским искусством, умением «устраивать» свои полки — явно превосходил его.

«Бысть сеча зла и крепка» — так пишет киевский летописец о побоище на Руте. Первыми из Юрьевой рати бежали половцы. Они хороши были при преследовании неприятеля, захвате добычи, но совершенно не отличались стойкостью и не годились для правильного сражения. Несмотря на все усилия Андрея, пытавшегося «укрепить» их «на брань», кочевники покинули поле боя, не пустив даже и по стреле в сторону неприятеля. За половцами последовали черниговские Ольговичи, а за ними — и сам Юрий со своими сыновьями. Бегство

оказалось очень тяжёлым. Маневрируя и уклоняясь от боя, Юрий загнал своё войско в труднопроходимую топкую местность. При переправе через Большой Рут многие утонули — «бе бо грязок», уточняет летописец. Среди прочих ещё в начале битвы погиб черниговский князь Владимир Давыдович. Его смерть тяжело повлияла на черниговских союзников Юрия и совершенно расстроила их ряды. «И ины многы избита, — продолжает летописец, — и половечьские князе многы изоимаша, а другие избиша». Так Юрий потерпел самое жестокое поражение за всю историю своего противостояния с Изяславом. Вместе с сыновьями он бежал к Треполю, здесь переправился через Днепр и поспешил в Переяславль. Из его огромного войска лишь немногие сумели присоединиться к нему.

Впрочем, потери были и в лагере Мстиславичей. Едва не распрощался с жизнью в этом сражении и сам князь Изяслав. Раненный в начале битвы, он лежал на поле боя и тяжело стонал, когда его нашли киевляне. Лицо князя закрывал шлем с забралом, украшенный золотым изображением святого Пантелеймона — его небесного покровителя. Киевляне не узнали своего князя и приняли его за «ратного», то есть за врага.

Один из киевских пешцев, выхватив меч, с силой ударил им по шлему, «и тако вшибеся (расшибся. — А. К.) шелом до лба». И лишь когда князь снял шлем и назвал себя по имени, киевляне узнали его и подхватили на руки «с радостью, яко царя и князя своего».

Но и на этом война ещё не закончилась. Отпраздновав победу и распустив часть войска, Изяслав с оставшимися двинулся к Переяславлю. Его сопровождал дядя и соправитель Вячеслав Владимирович. Превосходство их рати над Юрьевой было подавляющим. В течение двух дней Юрий удерживал город, но на третий, 17 июля^{39}, после неудачной вылазки его войска из города, вынужден был

признать своё поражение и принять условия, продиктованные ему Изяславом. «Иди Суждалю, — объявил тот, — а сына посади Переяславли. Не можем с тобою быти!» Если прежде князя готовы были согласиться на княжение в Переяславле самого Юрия, то теперь об этом не было и речи. Переяславль, правда, оставался за ним, но княжить здесь мог только кто-то из его сыновей. Самому же Юрию надлежало навсегда покинуть Южную Русь и отказаться от всякого союза с Ольговичами и «дикими» половцами, которых он из раза в раз наводил на русские земли. 24 июля, в день святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, Юрий вместе с сыновьями целовал крест брату и племяннику. Само крестоцелование проходило близ Переяславля, в церкви Святых Бориса и Глеба, построенной князем Владимиром Мономахом на реке Альте — месте гибели Бориса. Всё это имело символическое значение: клятва, данная в день гибели святого Бориса на том самом месте, на котором произошло злодейское убийство, должна была соблюдаться особенно строго — её нарушитель вполне мог уподобиться окаянному клятвопреступнику и братоубийце Святополку. Юрию всё же удалось выговорить себе отсрочку, но ничтожно малую. Первоначально князя настаивали на его немедленном уходе в Суздальскую землю, Юрий же упросил их немного подождать: «Иду в Городок (то есть в Городец Остёрский. — А. К.), а тут перебив, иду в Суждаль». Изяславу Мстиславичу это не очень понравилось. Однако действуя с позиции силы и уверенный в своём полном военном превосходстве, он согласился подождать — но лишь до конца месяца. Промедление грозило Юрию новой войной — войной, которую он выдержать уже не смог бы ни при каких обстоятельствах. На том переговоры и завершились. Изяслав с Вячеславом вернулись в Киев, а Юрий направился в Городец

Остёрский, оставив на княжении в Переяславле своего сына Глеба.

К этому времени относится первый открытый конфликт князя Андрея Юрьевича с отцом. Ещё когда князья пребывали в Переяславле, Андрей предложил немедленно уйти в Суздальскую землю, то есть действовать в точном соответствии с условиями мирного договора. Он не понимал, зачем нужно задерживаться в Городце. «На том есмы целовали крест, ако пойти ны Суждалю», — напоминал он отцу. Киевский летописец приводит и другие его аргументы: «Се нам уже, отце, zde у Руской земли ни рати, ни что же (то есть нет ни войны, ни какого другого дела. — *А. К.*). А за тепла (то есть пока не наступили холода. — *А. К.*) уйдём». (Автор поздней Никоновской летописи вкладывает в уста Андрею такую высокопарную речь, со слезами обращенную к отцу: «Отче, отче! Почто всуе мятемся? Вси убо есмы смертны: днесь живы, а заутра умираем. Почто не разумеем суетиа мира сего? Помяни, яко клялся еси и целовал Животворящий крест, и с нами, своими детьми. Что успеем в суетном житии?! Рече бо Господь: кая полза человеку, аще и весь мир приобрящеть, а душу свою отщтит (*ср.: Мф. 16: 26*)»). Но вся эта тирада есть не что иное, как распространение первоначального летописного текста, принадлежащее московскому книжнику XVI века.) Юрий с доводами сына не согласился. И тогда Андрей стал проситься одному, не дожидаясь отца, уйти в Суздальскую землю. Юрий пытался удержать его («встягавшю его много»), но тщетно: Андрей настоял на своём. И когда Юрий выехал в Городец, Андрей покинул его; «и пусти и отець, и иде в свой дом»^{40}.

Важно отметить: Андрей объявил о своём уходе уже после того, как завершились военные действия. Пока отцу угрожала опасность, он был рядом с ним, верно служа ему мечом и копьём и в буквальном смысле слова

не щадя своего живота. Теперь же он посчитал, что его сыновий долг исполнен, а может быть, самым фактом своего ухода хотел вынудить отца последовать за собой. Очевидно, он рассудил правильно: намерение задержаться на юге означало, что Юрий не отказался от мысли вернуть себе Киев и готовится к новой войне. Андрей же участвовать в ней решительно не хотел. Наверное, в те дни он не раз вспоминал наставления своего деда Владимира Мономаха: «...Если же будете крест целовать братии или ещё кому, то... дав целование, соблюдайте его, чтобы, нарушив, не погубить души своей». Эти слова он понимал буквально. А ещё, как человек здравомыслящий и разумный, осознавал полную бесперспективность будущей войны, её ненужность не только для себя, но и для отца.

Последующие события доказали его правоту. Юрий действительно задержался в Городце дольше оговоренного срока — и жестоко поплатился за это. Неизвестно, предпринял ли он какие-либо конкретные шаги против киевского князя, вступил ли в тайные переговоры с Владимирком Галицким, обратился ли за помощью к половцам (на что как будто намекают некоторые поздние летописи), но Изяслав привёл в исполнение ту угрозу, о которой говорил в Переяславле. В августе или начале сентября того же 1151 года он собрал многочисленное войско и двинул его на Городец Остёрский. Юрий с оставшимися при нём сыновьями затворился в городе. Он защищался отчаянно, однако «тяжко бысть ему, зане не бысть помочи ему ни откуду же». Князю вновь пришлось капитулировать перед превосходящими силами противника. Но то было не просто очередное его поражение в войне. По существу, Юрий собственными руками разрушил остатки своего влияния на юге, лишился даже того, что сохранил по условиям прежнего договора. Ибо условия, продиктованные на этот раз, оказались много жёстче.

Юрий вновь должен был целовать крест Изяславу на том, что немедленно покидает «Русскую землю» и возвращается в Суздаль. Но, главное, он лишился Переяславля. Юрий вынужден был вывести из города своего сына Глеба и передать ему Городец Остёрский — последний оставшийся у него оплот на юге. Переяславль же Изяслав забрал себе. Отныне в этом городе должен был княжить его старший сын Мстислав — князь-воин, такой же прирождённый полководец, как и отец.

А уже по возвращении в Суздаль Юрия ждал новый сокрушительный удар. Весной 1152 года, когда князь Глеб Юрьевич пребывал у отца, Изяслав Мстиславич вместе с союзными ему князьями полностью сжёг и разорил Городец Остёрский — последний из остававшихся у Юрия городов в «Русской земле». Что послужило тому причиной, почему Изяслав решился нарушить договорённость с суздальским князем, неизвестно. Только ли потому, что он чувствовал свою силу и безнаказанность, а черниговские князья — бывшие союзники Юрия — перешли на его сторону? Или же сам Юрий вновь совершил какие-то действия в нарушение крестного целования, может быть, начав «искать» Киев или Переяславль под племянником и братом? Летописи хранят молчание по этому поводу, позволяя нам предположить, что имело место не что иное, как обычная расправа над уже поверженным противником. Что ж, бесконечные войны до крайности ожесточали тех, кто в них участвовал, заставляли даже лучших из князей начисто забывать о милосердии по отношению к побеждённым. Ну а жизнь обычных людей вообще не принималась в расчёт — впрочем, как всегда или почти всегда в нашей истории. Изяслав сделал всё, чтобы не допустить возможного усиления Юрия, его появления на юге в будущем — и, наверное, посчитал, что для этого хороши любые средства. Жители Городца были «розведены», то есть поголовно уведены в полон,

крепость же князя сровняли с землёй. Огонь не пощадил даже церковь Архангела Михаила, выстроенную князем Владимиром Мономахом, — полностью сгорел её деревянный «верх», то есть барабан с куполом. Городец Остёрский будет заново отстроен и церковь поновлена только спустя 43 года — в 1195 году, при младшем сыне Юрия Долгорукого князе Всеволоде Большое Гнездо.

Рязанский сапог

В Лаврентьевском списке Суздальской летописи сообщается о том, что из Переяславля Андрей направился «в свою волость Володимерю». Иными словами, Владимир на Клязьме — город, основанный Владимиром Мономахом на окраине Ростово-Суздальской земли, к югу от Суздаля, — назван «волостью» Андрея. Получается, что этот город был передан ему во владение отцом?

Нередко историки так и полагают^{41}. Но, на мой взгляд, это маловероятно. Во-первых, надо учесть, что это индивидуальное чтение данного списка: в других списках той же Суздальской летописи — Радзивилловском и Московско-Академическом — процитированных слов нет^{42}. А во-вторых, судя по летописным известиям за другие годы, Юрий и позднее продолжал распоряжаться во Владимире как в собственном городе. В частности, в 1152 году он заложил здесь каменную церковь во имя своего небесного покровителя Святого Георгия, которая должна была стать центром нового княжеского двора^{43}. Это явное свидетельство его присутствия во Владимире в качестве полноправного князя. Разделять Суздальскую землю, создавать здесь особые уделы для сыновей Юрий по-прежнему не хотел. И несмотря на то, что Андрей действительно полюбил Владимир и предпочитал его остальным городам княжества, этот город, пока жив был отец, *его* «волостью», по-видимому, не считался. Нет сомнений в том, что у Андрея имелись княжеские амбиции. Но Юрий пытался удовлетворить их иным способом — за счёт соседей. Когда у него не получится это на Киевщине, он обратится в другую сторону, а именно в сторону Рязанского княжества.

Правда, произойдёт это несколько позже, в последний год его пребывания в Суздальской земле. Пока же его взоры были по-прежнему прикованы к Южной Руси.

За то время, пока Юрий Долгорукий оставался в Суздале (конец 1151-го — 1154 год), Андрей упоминается в летописях лишь дважды. Оба упоминания связаны с событиями, относящимися к внешней политике его отца. Во-первых, это поход Юрия на Чернигов, а во-вторых, упомянутая выше попытка присоединения к Суздалю Рязани. Сначала о первом из этих событий — Черниговской войне.

Сожжение Остёрского Городца Юрий воспринял как прямое нарушение Изяславом Мстиславичем и его союзниками крестного целования. Это развязывало ему руки, давало право на возобновление войны. «Оже есте мой Городец пожгли и божницу (церковь. — А. К.), то я ся тому отожду противу» — так выразился Юрий, начиная военные действия. Его главным противником в этой войне стал черниговский князь Изяслав Давидович — участник, а по некоторым сведениям, и инициатор разорения Городца. К концу лета — началу осени 1152 года Юрию удалось заключить союз против Чернигова с рязанскими князьями. Забыв о старой обиде, Ростислав Ярославич согласился принять участие в походе на стороне Юрия. Правда, насколько искренен он был, сказать трудно. В некоторых поздних источниках есть намёки на то, что одновременно Ростислав поддерживал отношения с черниговским и киевским Изяславами, извещая их о планах Юрия. Не забыл Юрий и о половцах. На сей раз, как свидетельствует летописец, на его зов явилась «вся Половецкая земля, что же их меж Волгою и Днепром», то есть какие-то несметные полчища, представлявшие все половецкие орды, кочевавшие к востоку от Днепра. Легко представить себе, что ждало население тех княжеств, в которых они намеревались воевать. Ещё одним участником похода к

Чернигову — причём вынужденным — стал сват Юрия Долгорукого Святослав Ольгович. Ему «неволею» пришлось разорвать недавний мир со своим двоюродным братом Изяславом Давыдовичем, ибо приведённые Юрием половцы расположились как раз в его волости и начали нещадно разорять её, так что откажись он от союза с Юрием — и удар половецкой рати пришёлся бы целиком по его землям. Но и Изяслав Киевский не бросил своего черниговского союзника на произвол судьбы. Сам он пока что не мог прийти к нему на помощь, поскольку «сторожил» галицкого князя Владимирка, не давая ему возможности напасть на Киев. Зато в Чернигов прибыл его брат Ростислав Мстиславич со смоленскими полками. Подоспел и Святослав Всеволодович, не поддерживавший на этот раз своего дядю Святослава Ольговича. Князья затворились в Чернигове, куда заранее были свезены продовольствие, оружие и припасы. Силы оборонявшихся были достаточными не только для того, чтобы выдержать приступ и осаду, но и для того, чтобы при удобном случае нанести поражение самим нападавшим.

Подступив к Чернигову, половцы принялись грабить пригороды и подожгли острог — внешнюю крепость, или так называемый «окольный город». Черниговцы мужественно оборонялись из «детинца» — внутренней крепости, совершая дерзкие вылазки и нанося урон противнику. В действиях же наступавших не хватало ни стойкости, ни единодушия. «Не крепко бьются дружина и половцы, — сетовали князья, и сами же указывали на причину такого положения дел: — оже с ними не ездимы сами» (то есть потому что сами не выезжаем с ними на битву). Действительно, личное присутствие князей всегда воодушевляло воинов, придавало им силы. Для того чтобы поднять боевой дух войска, Андрей решил, как всегда, действовать собственным примером. Он предложил, чтобы князья, сменяясь каждый день, лично

предводительствовали войсками под стенами города, и сам вызвался идти на приступ первым. «Тако створим, — передаёт его слова летописец. — Ать аз почну день свой!» Во главе дружины и конных половецких отрядов он и «почал» следующий день — подступил к городским стенам, вновь являя чудеса храбрости: «И еха под город, и вышедшим же пешьцем из города стрелятся, потъче на не (устремился на них. — А. К.) с дружиною и с половци: овы избиша, а другыя въгнаша в город». Почин Андрея поддержали и другие князья. Вылазки осаждённых прекратились: «пешци же... не смеша выти из города, зане бяхуть перестрашени (перепуганы. — А. К.)»^[44]. Но всё это хотя и приносило моральное удовлетворение нападавшим, едва ли могло оказать существенное влияние на ход военных действий. Сил взять город штурмом у осаждающих не было. Оставалось надеяться на то, что гарнизон и жители не выдержат долгой осады. Но и этим надеждам не суждено было сбыться.

Автор Никоновской летописи, как всегда расцвечивая своё повествование, сообщает некоторые дополнительные подробности черниговской осады. Одна из этих подробностей касается Андрея. Оказывается, ещё во время самого первого приступа к городу князь был тяжело ранен: «Князь же Андрей Боголюбивый Юрьевич устремися на них крепко, они же противу стаха, и збиша его с коня, и едва утече ко отцу [своему] князю Юрию Долгорукому, и бысть ранен велми»^[45].^[18] Можно было бы признать эти сведения домислом московского книжника (как, например, приведённые здесь же имена половецких «князей», участников осады), однако они находят подтверждение в исследованиях костных останков Андрея Боголюбского. Настойчивые указания летописцев на то, что князь всякий раз выходил невредимым из самых жестоких переделок, вступают в противоречие с выводами

учёных-антропологов, выявивших значительное число «старых» ранений князя, полученных им в битвах. «Драк и сражений этот импульсивный человек, очевидно, не избегал, о чём свидетельствует ряд старых травматических изменений в скелете обеих верхних конечностей...» — констатировал видный советский рентгенолог Дмитрий Герасимович Рохлин, разъясняя, что эти ранения по своему характеру и последствиям (наличию «реактивных изменений») отличаются от тех, которые князь получил от своих убийц в последние часы жизни^{46}.

Осада Чернигова продолжалась 12 дней. За это время Изяслав Мстиславич успел перегруппировать свои силы. Его собственная дружина и дружина его дяди Вячеслава Владимировича переправились через Днепр и сосредоточились у Ольжич, напротив Киева, намереваясь выступить к Чернигову. Тут-то и сказалась нестойкость приведённой Юрием рати. Когда его союзникам стало известно о приближении противника и о тех силах, какими располагали киевские князья, в войске началась паника. Первыми, «убоявшись того», побежали половцы; за ними позиции под Черниговом оставили и русские князья. Так бесславно закончился для Юрия этот поход. Половцы ушли в свои степи, разоряя по дороге русские волости и уводя жителей в полон; Юрий же с сыновьями возвратился в Суздальскую землю.

Два года спустя, летом 1154 года, Юрий предпринял новую попытку утвердиться на юге. Однако эта попытка оказалась ещё более неудачной, чем предыдущая. Со всеми своими сыновьями (а значит, и с Андреем, имя которого в летописи, правда, не названо) Юрий вновь двинулся в Черниговскую землю. Но дойти ему удалось лишь до реки Жиздры в земле вятичей. В войске начался массовый падёж коней: «...бысть мор в коних, во всех воих его, ако же не был николиже»^{47}.^[19] К тому же

половцы, за которыми Юрий заблаговременно послал в степи, явились в столь малом числе, что опереться на них в качестве основной военной силы не представлялось возможным. Суздальский князь увидел во всём случившемся проявление Божьего гнева — и повернул обратно.

Можно предположить, что в своих неудачах Юрий обвинил рязанского князя Ростислава Ярославича. Возможно, тот вместе со своими родичами обещал поддержать его, однако в поход на этот раз не выступил; возможно, он открыто принял сторону своего двоюродного брата Изяслава Давыдовича. Так или иначе, но недолгая дружба с Рязанью сменилась очередной жестокой войной. В том же 1154 году Юрий Долгорукий вновь, как и восемь лет назад, изгнал Ростислава из княжества. Но на этот раз речь шла не о посажении на рязанский стол кого-то из более послушных родственников изгнанного князя, а о присоединении его владений к владениям самого Юрия. Главная роль при этом отводилась его старшему сыну Андрею, который, вероятно, и возглавлял суздальские дружины в походе на Рязань. Он-то и стал новым рязанским князем.

Рассказ об этих событиях содержится в единственном источнике — так называемой Львовской летописи, составленной в XVI веке, но включившей в себя и более ранние летописные материалы, в том числе рязанского происхождения. «Того же лета, — читаем здесь под 6662 (1154) годом, — посади Юрьи сына своего в Рязани, а рязанскаго князя Ростислава прогна в Половцы»^{48}.

Но и это военное предприятие суздальских князей закончилось неудачей. События приняли иной оборот, нежели тот, на который рассчитывали Юрий и его сын, начиная войну. В рассказе Львовской летописи Андрей Боголюбский предстаёт перед нами совсем не таким

героем и храбрецом, каким мы видели его прежде, в повествовании симпатизировавшего ему летописца. Опытный и умелый воин, он проявил явную беспечность и даже беспомощность. А вот рязанский князь Ростислав, напротив, действовал решительно и умело. Заручившись поддержкой половцев (с которыми рязанские князья умели ладить ничуть не хуже, чем суздальские или черниговские), он собрал из них войско и сумел беспрепятственно привести его к Рязани. Андрей был застигнут врасплох. Всё случилось ночью, когда Андрей спал. Если он и выставил охранение, то оно явно сплеховало, точно так же «проспав» противника. Самому князю чудом удалось спастись, однако дружину он потерял всю. «...Ростислав, совокупя половцы, поиде на Ондреа ночью, — продолжает свой рассказ летописец. — Ондрей же одва утече об одном сапоге, а дружину его овех изби, а другиа засув во яму, а иные истопоша в реце». Так, в одном сапоге (удивительно яркая подробность!), князь и бежал из Рязани в Муром и уже оттуда поспешил к отцу в Суздаль. Его рязанское княжение продлилось очень недолго и закончилось конфузом столь огорчительным и постыдным, что ему даже не нашлось места в суздальском летописании.

Судя по этому рассказу, Ростислав пользовался сочувствием и поддержкой рязанцев — в противном случае они непременно предупредили бы Андрея о грозящей ему опасности. Что ж, и здесь Андрей оказался в чужом, враждебном ему окружении. Это, несомненно, послужило ещё одним уроком для него: в дальнейшем он откажется от всяких попыток лично утвердиться на каком-либо ином княжеском столе, помимо родного суздальского (или, точнее, владимирского). Впрочем, если Рязань была потеряна им — да и то потеряна лишь на время, — то своё влияние в Муроме он сохранил.

Позднее муромские князья будут выступать в качестве его союзников или даже подручных, вассалов.

Что же касается чисто военного аспекта произошедшего, то нужно признать, что эпизод в Рязани высвечивает далеко не лучшие черты в характере Андрея. Осмотрительность и осторожность явно не относились к числу его главных достоинств. Заметим, что этот эпизод — не единственный, когда Андрей был застигнут врасплох. Нечто подобное случится и в роковую для него ночь на 29 июня 1174 года, когда князь окажется вообще безоружным, даже не проверив накануне, на месте ли его собственный меч, а его охрану вырежут заговорщики. Андрей словно бы забудет одно из первейших наставлений своего деда, учившего не полагаться на воевод, но заботиться обо всём самому: «...И оружие не снимайте с себя сразу, не оглядевшись, по беспечности — ибо внезапно человек погибает». Правда, слова эти относились к военному походу, ночёвке в открытом поле. Но в условиях того беспокойного века князю надлежало быть начеку в любой ситуации. Во всяком случае, и в Рязани, и позднее в княжеском дворце в Боголюбове случится именно то, от чего предостерегал Мономах.

Вообще же, завершая рассказ об участии Андрея в войнах его отца, нельзя удержаться от некоторых замечаний общего порядка. Поведение Андрея на поле брани оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, его личная храбрость и отвага не могут не восхищать нас — точно так же, как восхищали они его современников и последующих летописцев, особенно из числа его горячих сторонников. Подвиги Андрея Боголюбского — яркая страница нашей ратной истории, пускай и совершены они были в войнах с соотечественниками, такими же русскими князьями, как он сам. С другой стороны, нельзя не признать, что в качестве военачальника, предводителя дружины Андрей

далеко не всегда добивался успеха. Его горячность и безудержная отвага нередко оборачивались пустой тратой сил и неоправданным риском, иногда — лишними потерями. Повторимся ещё раз: воин, лихой наездник, почти всегда брал в нём верх над полководцем. Горячка боя из раза в раз захватывала его, заставляла забывать обо всём, в том числе и об элементарной осторожности. Мы ещё будем говорить о том, что и в последующей биографии князя поражений на поле брани окажется не меньше, чем побед. Но поведение самого Андрея с годами изменится — и изменится разительно, так что перед нами окажется словно бы другой Андрей Боголюбский, совсем не похожий на того, которого мы видели в предыдущих летописных рассказах. После бегства из Рязани (или даже ещё раньше — после черниговской осады) он уже не будет, как прежде, начинать сражение и бросаться в гущу боя, увлекая за собой других; во всяком случае, сведений на этот счёт в источниках мы не встретим. Наверное, годы и полученные раны волей-неволей брали своё: всё-таки и задор, и молодецкая удаль — это несомненные признаки молодости, а молодость, как известно, преходяща. Ещё важнее другое: с годами изменится социальный статус Андрея. Мы уже имели возможность увидеть, как из подручного своего отца он постепенно превращался в самостоятельную политическую фигуру, в какой-то степени противостоящую отцу. Это проявилось ещё при жизни отца — особенно ярко во время их разрыва под Переяславлем летом 1151 года. В дальнейшем противоречия между ними усилятся, а после смерти отца Андрей решительно изменит политику, которую тот — во многом с его помощью — проводил на юге. Впрочем, натуру не переделаешь. Уже в новом качестве — полновластного князя — Андрей всё так же будет давать волю чувствам, поддаваться внезапному порыву — порой даже в ущерб здравому смыслу: то в

переговорах с другими князьями, то при решении каких-то насущных вопросов жизни княжества. А ведь в подобных ситуациях несдержанность и недостаточная продуманность действий могут быть не менее опасны, чем во время сражения...

Но всё это будет позднее. Пока же, до того как их пути с отцом окончательно разойдутся, Андрею придётся принять участие ещё в одном, последнем походе Юрия Долгорукого на Киев.

Княжение в Вышгороде

13 ноября 1154 года в Киеве умер великий князь Изяслав Мстиславич, «честный, и благоверный, и христолюбивый, славный», как отзывается о нём летописец. Месяца полтора спустя, в последних числах декабря — самом начале января 1155-го, умер и его престарелый дядя Вячеслав Владимирович, старший среди князей «Мономахова племени». Осиротевший киевский стол пытались удержать за собой сначала Ростислав Смоленский, а затем Изяслав Черниговский, которому в войне с Ростиславом помогал сын Юрия Долгорукого Глеб, вернувший себе «отчий» Переяславль. Главную роль в их победе над Ростиславом сыграли половцы, в очередной раз приведённые на Русь Глебом. В те месяцы они бесчинствовали по всей Южной Руси, сея разрушение и смерть и уводя за собой толпы пленных и громадные обозы с награбленным добром. Особенно пострадали Переяславль и округа: половцы сожгли и разграбили все сёла близ города «и много зла створиша». Была сожжена даже Альтинская церковь Святых Бориса и Глеба. Половецкое нашествие затронуло и Киев, и другие города Южной Руси, которые ещё долго не могли оправиться от этого страшного разорения.

Юрий, как всегда, узнавал о случившемся с большим опозданием. Выступив зимой 1154/55 года во главе своих войск из Суздальской земли, он не знал ещё ни о смерти брата Вячеслава, ни о поражении Ростислава, ни о том, что ставший его союзником Изяслав Черниговский «мимо него» занял стольный Киев. Но все эти известия не застали суздальского князя врасплох. Он двигался не спеша, с полным сознанием своей силы. «Златой» киевский стол принадлежал ему по праву

«старейшинства», по «отчине» и «дедине». Юрий был уверен в собственной правоте и потому мог не торопить события. По пути он заключил мир сначала с Ростиславом Смоленским, признавшим его «старейшинство», затем со Святославом Ольговичем. Вынужден был подчиниться и Изяслав Давыдович. «Мне отчина Киев, а не тебе!» — с таким грозным предостережением обратился к нему Юрий. И действительно, отец Изяслава Давыдовича в Киеве никогда не княжил, в отличие от отца самого Юрия. Этого окрика оказалось достаточно: Изяслав предпочёл добровольно покинуть Киев и вернулся к себе в Чернигов. 20 марта 1155 года, в Вербное воскресенье, Юрий торжественно вступил в стольный город Руси. Началось его третье, последнее киевское княжение.

Старшие сыновья сопровождали его в этом походе и вместе с ним вошли в Киев. Юрий поспешил рассадить их на княжения в ближние к Киеву города. За то время, пока он отсутствовал в «Русской земле», здесь многое изменилось, но Юрий словно бы не замечал перемен. Он действовал точно так же, как и шесть лет назад, когда в первый раз занял «златой» киевский стол, лишь слегка изменив расстановку действующих лиц, своих сыновей. Старший, Андрей, вновь получил Вышгород, Глеб сохранил за собой полюбившийся ему Переяславль, Борис был посажен в Турове, а Василько — в Поросье (вероятно, Торческе, главном городе в земле «чёрных клобуков», торков). Ещё один сын Юрия Мстислав княжил в то время в Новгороде, куда был приглашён самими новгородцами. Казалось, он прочно обосновался в городе, пустил здесь корни: вскоре после вокняжения Мстислав вступил в брак с дочерью видного новгородского боярина Петра Михалковича. Однако княжение его продлится недолго (Мстислав будет изгнан из Новгорода перед самой кончиной Юрия Долгорукого, весной 1157 года). Суздальскую землю

Юрий, как и прежде, оставлял за своими младшими сыновьями. Только теперь это были самые младшие из них, младенцы Михалко и Всеволод: первому к тому времени было едва ли больше трёх-четырёх лет, второму вообще только-только исполнилось пять месяцев. Прежде чем покинуть Суздальскую землю и отправиться на княжение в Киев, Юрий привёл жителей Суздаля, Ростова и Переяславля — главных городов княжества — к крестному целованию в том, что после его смерти именно его младших сыновей они примут на княжение^{49}. Пока что Михалко и Всеволод вместе с матерью оставались в Суздале. Однако пребывание их здесь не затянулось. Уже летом того же года княгиня «Гюргевая», «и с детми своими», покинула Суздальскую землю и направилась к мужу. Путь её пролегал через Смоленск, где она встретила с князем Ростиславом Мстиславичем, новым союзником её мужа. Для Ростислава княгиня была «стрыиней», то есть тёткой, женой родного дяди, и он отнёсся к ней с подобающей почтительностью и лично сопровождал её и детей к Юрию. Очевидно, править Суздальской землёй от имени Юрия должны были теперь его наместники.

В событиях первых месяцев киевского княжения Юрия Долгорукого участие Андрея никак не проявилось. (Если не считать указания В.Н. Татищева на то, что именно он сумел убедить отца заключить мир с сыновьями покойного Изяслава Мстиславича Мстиславом и Ярославом, обосновавшимися в Луцке: узнав о том, что Юрий мириться не собирается, Андрей будто бы спешно приехал в Киев и «наедине отцу с покорностию говорил», причём Татищев приводит и речь Андрея, обращенную к отцу и полную пафоса и патетики: «Отче, почто хочешь на братию твою воевать и их отеческих наследий лишать? Ты бо и без того много имеешь, что бо тебе будет аще и весь мир приобрящешь, а душу свою отщетишь, какой ответ в день судный пред Судией

нелицемерным дашь?..» и т. д.; Юрий же, «прилежно выслушав и умолчав неколико, рассуждая в себе», расплакался и тут же повелел послать за братьями Изяславичами, обещая им мир^{50}.^[20] Но эта речь, вне всяких сомнений, сконструирована самим Татищевым и имеет очевидную цель: показать различия между чисто государственным интересом, который отстаивал Юрий, и принципами «морали и закона естественного», присущими Андрею, — а это, заметим, излюбленная тема Татищева как историка и моралиста. Доверять его свидетельству, не подкреплённому сохранившимися летописями, едва ли возможно.)

Эта отстранённость Андрея вполне объяснима. То, как действовал его отец, утверждая свою власть над Русской землёй, то заключая союзы, то диктуя свою волю другим князьям, нисколько не устраивало его. Положение Юрия в Киеве лишь на первый взгляд казалось прочным. На самом деле удержать Киев он мог, только опираясь на союз с противостоящими друг другу княжескими группировками — прежде всего черниговскими князьями, с одной стороны, и князьями «Мстиславова племени» — с другой. До поры до времени ему это удавалось. Но князья, входившие в эти группировки, преследовали свои цели, отнюдь не совпадавшие с тем, что мог предложить им Юрий. Так, черниговский князь Изяслав Давыдович, однажды уже побывавший на «златом» киевском престоле, мечтал вернуться на него, считая себя ничуть не «младше» Юрия и не менее его достойным «старейшинства» в князьях; братья же Изяславичи, Мстислав и Ярослав, не могли удовольствоваться на двоих одним Луцком, стремясь к большему, и главное, к возвращению себе Волыни (которую Мстислав Изяславич и захватит летом 1156 года, изгнав оттуда своего дядю Владимира «Матешича», поддерживаемого на тот момент Юрием). Умиротворить Мстиславичей Юрий пытался за счёт

князей Черниговского дома, а для того, чтобы заручиться поддержкой последних, ему приходилось ущемлять интересы племянников. Получался замкнутый круг, вырваться из которого Юрий не мог. Действуя не слишком продуманно, он добьётся лишь того, что его потенциальные противники — и черниговские князья, и братья Изяславичи, и даже миролюбивый Ростислав Смоленский — объединятся против него самого. Не удастся ему заключить прочный мир и с половцами, которые при смене князей в Киеве всегда проявляли особую агрессивность, считая себя свободными от прежних обязательств.

Хрупкий мир, установившийся в Русской земле после вокняжения Юрия, продержится чуть больше года и взорвётся весной — летом 1156 года, а к весне 1157-го противники Юрия договорятся о совместных действиях и изготовятся к новой большой войне. Впрочем, к тому времени Андрея рядом с отцом уже не будет.

* * *

Наделяя своего старшего сына Вышгородом — ближним к Киеву городом, Юрий, по всей вероятности, надеялся передать ему после смерти и Киев — как это сделал его отец Владимир Мономах, передавший Киев сыну Мстиславу. Но сам Андрей вовсе не горел желанием ввязываться в неизбежную войну за стольный город Руси. Слишком хорошо усвоил он уроки своего предыдущего пребывания здесь, на юге. Во многом Андрей оказался проницательнее отца и глубже, чем тот, понял суть происходящих на Руси изменений.

Владение Киевом сулило внешний блеск и великолепие, но было сопряжено с огромными трудностями, экономическими и политическими потерями, далеко не всегда оправданными. Для того

чтобы удерживать этот город, требовались колоссальные средства, постоянная готовность к компромиссу, к отражению внезапного нападения того или иного князя, к удовлетворению чужих притязаний на тот или иной город. Причём с точки зрения традиционного княжеского права — на которое и опирался Юрий Долгорукий, — притязания эти были зачастую вполне обоснованными: слишком уж усложнились межкняжеские отношения за прошедшие десятилетия. Прежде всего, это явилось следствием естественных причин — разрастания самого княжеского семейства, увеличения числа дееспособных князей, не желавших прозябать в бедности и бесчестии. Уже в силу этого киевский князь физически не мог играть роль беспристрастного верховного судьи в межкняжеских конфликтах. Удовлетворяя притязания одних князей, он неизбежно должен был нарушать законные права других.

Ещё важнее то, что за прошедшие десятилетия произошло значительное усиление новых княжеских центров — таких как Смоленск, Чернигов, Галич, Владимир-Волынский или Суздаль. В отличие от Киева, они развивались последовательно и динамично, не испытывая (или испытывая в меньшей степени) столь резкую смену князей и проводимого ими политического курса, не становясь ареной борьбы противоборствующих княжеских династий. «Киевский центр... стал жертвой своего исключительного исторического положения, жертвой традиции старейшинства, — писал более ста лет назад один из самых проницательных исследователей древней Руси Александр Евгеньевич Пресняков. — В то время как другие земли перестраивали в своём обособлении местный быт на новых началах, Киевщине не было дано сложиться в особое политическое целое и выработать себе прочную внутреннюю организацию под управлением своей

местной династии»^{51}. И князь, поставивший на карту всё ради одного только княжения в Киеве, оказывался заложником этой ситуации, проигрывал соперникам в возможности совершения манёвра, в возможности свободно распоряжаться ресурсами своего собственного княжества. Взамен же он получал непосильный груз ответственности, которую по традиции нёс киевский князь за всё, что происходило в других русских землях.

Андрей, очевидно, хорошо понимал это — и тогда, когда звал отца уйти в Суздаль после поражения от Изяслава Мстиславича летом 1151 года, и позднее. А потому и не кажется удивительным его решение покинуть Южную Русь и вернуться в Суздальскую землю — даже вопреки воле и желанию отца. «Том же лете, — сообщает летописец, рассказывая о событиях осени 1155 года, — иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суждаль, без отне воле». «Отец же его негодоваша на него велми о том», — добавляет автор поздней Тверской летописи^{52}.

Это был, несомненно, переломный момент в биографии князя Андрея Юрьевича. Он сам — вопреки обстоятельствам, а не подчиняясь им, — избирал для себя тот путь, который считал единственно возможным и который впоследствии принесёт ему славу реформатора и устроителя Русского государства. Ради этого он готов был пойти даже на разрыв с отцом. Но — заметим особо — вновь, как и четыре года назад, он покидал отца тогда, когда тому ничего не угрожало, когда война за Киев была завершена, и на этот раз завершена бескровно, полной победой Юрия Долгорукого.

По свидетельству позднейшего московского книжника, автора Никоновской летописи, его уходу предшествовала встреча с отцом. Андрей будто бы пришёл к тому в Киев и «радостне бысть приат от отца своего». Однако самому Андрею пребывание здесь

оказалось в тягость: «И пребыв у него в Киеве неколико время, и смущашеся о нестроении братии своея, и братаничев (двоюродных братьев. — А. К.), и сродников, и всего племени своего, яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и многи крови лиашеся, вси желающе и хотяще великого княжения Киевскаго, и несть никому ни с кем мира, и от сего все княжения опустеша... а от Поля половци выплениша и пусто сотвориша, и скорбяше много о сем, и болезноваше душею и сердцемъ. И мышляше себе в тайне сердца своего, никакo же поведая сего отцу своему великому князю Киевскому Юрью Долгорукому, и восхоте ити на великое княжение в Суждаль и Ростов, яко тамо, рече, покойнее есть...»^{53}. Конечно же, эти сентенции принадлежат книжнику XVI, но отнюдь не XII века. И всё же думается, что общий смысл переживаний Андрея Боголюбского передан здесь верно. Его решение покинуть Южную Русь не было спонтанным, но было обусловлено всем ходом предшествующей борьбы за Киев его отца и характером его взаимоотношений с отцом в последние годы. Да и слова об опустошении и разорении южнорусских земель, как мы уже видели, отнюдь не вымышлены московским книжником. Многие южнорусские грады действительно опустели, и править в них порой было, по существу, некем. Может быть, это напрямую и не относилось к Вышгороду, в который был посажен отцом Андрей, но к другим, ближним к Вышгороду городам относилось точно. Несколько лет спустя бывший союзник Юрия Долгорукого князь Святослав Ольгович будет сетовать своему двоюродному брату Изяславу Давыдовичу, что тот дал ему во владение Чернигов «с 7-ю город пустых... а в нех седят псареве же и половци», то есть княжеские дворовые люди да бывшие кочевники, переселившиеся на Русь; остальное население, надо полагать, разбежалось. «К нашему удивлению, в числе этих запустелых городов

Черниговской земли мы встречаем и один из самых старинных и богатых городов Поднепровья — Любеч», — комментировал эти слова князя историк Василий Осипович Ключевский^{54}. Подобная перспектива княжения над «псарями» да половцами Андрея не могла привлекать.

Подоплёку его ухода из Вышгорода проясняет известие новгородской статьи «А се князи русьстии», которая читается в том же списке XV века, что и Новгородская Первая летопись младшего извода (так называемом Комиссионном списке). Здесь об этом сообщается с рядом дополнительных по сравнению с древнейшими летописями подробностей. Князь покинул Вышгород «нощию», «с своею княгинею и с своим двором» (это, кстати сказать, одно из наиболее ранних упоминаний о княжеском «дворе» в новом, феодальном смысле этого слова). Но, главное, Андрея, оказывается, «лестию подъяша», то есть обманом призвали к себе, Кучковичи — его шурья, братья его жены^{55}. Мы уже говорили о том, что сыновья боярина Кучки принадлежали к местному боярству, но не суздальскому и не ростовскому, а, так сказать, провинциальному, ибо имели свои земельные владения на крайнем юго-западе Суздальской земли. Родство (или, точнее, свойствб) с Юрием Долгоруким — даже с учетом гибели от руки Юрия их отца, очевидно, способствовало упрочению их позиций. Естественно, что Кучковичи должны были делать ставку на своего зятя Андрея и его сыновей, своих племянников, а вовсе не на совершенно чужих им младших сыновей Юрия, которым отец завещал Суздальскую землю. (Что же касается слов о их «лести» по отношению к князю, то здесь, очевидно, имеется в виду их позднее участие в его злодейском убийстве.)

Андрей сумел найти общий язык и с собственно суздальским и ростовским боярством, которое тоже

готово было поддержать его. Нельзя не вспомнить о том, что всего несколькими месяцами раньше Суздаль покинули супруга Юрия и её малолетние сыновья — те самые, которым отец, по завещанию, оставлял Суздальскую землю. Получалось, что Суздальская земля фактически оказывалась без князя. Это едва ли могло прийти по душе местной знати, ибо заметно ущемляло их права, — как ни парадоксально это звучит для нас сегодня. Дело в том, что наличие собственного князя всегда повышало статус той или иной волости; отсутствие же одного, напротив, превращало её в неизбежный объект притязаний со стороны других князей. Утверждение Юрия Долгорукого в Киеве грозило восстановлением экономической и политической зависимости Северо-восточной Руси от Киева, которую в своё время уничтожил сам Юрий. Если бы осуществился его замысел и в Суздале сели на княжение его младшие сыновья (или, тем более, его посадники), а в Киеве — кто-то из старших, поток «залесской» дани неизбежно вновь устремился бы на юг — как это и было во времена молодости Юрия Долгорукого. Андрей же изначально проявил себя решительным противником любой зависимости Суздальской земли от Киева.

Ну и, конечно, выдающиеся личные качества Андрея не могли не импонировать жителям Суздаля, Ростова или Владимира. большую часть жизни он провёл именно в Суздальской земле, где давно уже снискал любовь и уважение всего населения, выказал себя более чем достойным княжеского звания. Речь идёт не об одной только его личной храбрости, но и о его исключительных нравственных достоинствах. Позднее, уже после его вокняжения здесь, суздальский летописец восторженно будет писать о том, что Андрей был «любим всеми за премногую его добродетель», которую он явил «преже к Богу и ко всем сущим под ним»^{56}. У него была возможность проявить эти качества — и прежде, когда

отец давал ему разные поручения по управлению княжеством, и особенно в отсутствие отца. Увы, но впоследствии, ближе к концу долгого семнадцатилетнего княжения Андрея, эта всеобщая любовь к нему сменится столь же всеобщей неприязнью и даже открытой враждой...

В представлениях русских историописателей последующих веков уход Андрея Боголюбского из Вышгорода приобрёл совершенно особое звучание, стал восприниматься как поворотное событие, символическим образом предопределившее изменение дальнейших путей развития русской государственности, смещение центра политической и духовной жизни Руси из Киева во Владимир, а впоследствии и в Москву. Не в последнюю очередь это связано с тем, что, покидая Вышгород, Андрей взял с собой почитаемую в Вышгороде икону Божией Матери — ту самую, которая впоследствии получит название Владимирской и станет главной святыней, «палладиумом» (то есть хранительницей и заступницей) Владимиро-Суздальской, а затем и Московской Руси. Об истории этой святыни, равно как и о самом путешествии князя Андрея из Вышгорода во Владимир на Клязьме, речь пойдёт в следующей части книги. Ибо этот его исход на север, в Суздальскую землю, открывает новую главу и в его собственной биографии. С этого момента он выступает на страницах истории уже не как подручный своего отца, но как самостоятельный князь, пока, правда, признающий власть отца над собой.

Часть вторая.

КНЯЗЬ

1155-1166

Исход

Длинная вереница всадников, княжеских повозок и возков продвигалась к Суздалю по раскисшим от осенних дождей дорогам. Это был не военный отряд, не княжеский поезд, а нечто иное, не виданное ещё в здешних краях. Помимо самого князя и его семьи — жены и детей, помимо дружины и членов княжеского двора — многочисленной челяди, слуг и домочадцев, мужчин и женщин, здесь были и вышгородские клирики — попы, диаконы, церковные служки, и тоже с жёнами и детьми. Едва ли не целый город — как некогда народ израильский — переселялся на новую обетованную землю: с разорённого киевского юга в суровый, но не тронутый дикими кочевыми разбойниками Залесский край. Их путь лежал сперва вверх по Днепру, почти до самых его верховий, а затем прямо на восток, причём по дороге им предстояло переправиться через многочисленные разбухшие от дождей реки — волжские и окские притоки Вазузу, Москву, Клязьму... Это был кружной, дальний и многотрудный путь. Почему князь Андрей Юрьевич выбрал именно его, а не более короткий, прямой путь к Суздалю через область вятичей, «Лесную землю», остаётся только гадать. Впрочем, путь по Днепру и волжским притокам, через Смоленск, в обход Вятичской земли, в XII веке избирали многие, так что князь не был в этом отношении оригинален. Наверное, этот путь показался ему более надёжным.

Не было это и бегством от отца, как иногда полагают. Даже если отец и негодовал на сына (о чём пишут некоторые поздние летописцы), устраивать за ним погоню он вряд ли имел желание или возможность. Более всего путешествие князя Андрея напоминало, пожалуй, крестный ход. Ибо впереди всего его отряда

шествовали вышгородские священники, приставленные князем к иконе Божией Матери, взятой им перед самым своим уходом в Суздаль из вышгородского Девичьего монастыря.

То была не простая икона. За время своего двукратного княжения в Вышгороде Андрей Юрьевич смог в полной мере оценить, какая великая святыня, какое сокровище волею Провидения оказалось в его городе. По преданию, икона была написана самим евангелистом Лукой ещё при жизни Пресвятой Богородицы. Её привезли на Русь из Царьграда, столицы Византийской империи и всего православного мира, за несколько десятилетий до описываемых событий. Привезли на одном корабле с другой чтимой греческой иконой Божией Матери, получившей на Руси название «Пирогощей»^[21]. Это случилось немногим ранее 1131 года, ибо в тот год в Клеве была заложена каменная церковь во имя второй из привезённых икон — «Святая Богородица Пирогощая». Скорее всего, обе иконы прибыли на Русь вместе с митрополитом-греком Михаилом, явившимся в Киев из Константинополя весной или летом 1130 года. (Позднейшие московские книжники ошибочно полагали, будто Владимирская икона Божией Матери была поднесена самому Юрию Долгорукому во время его киевского княжения неким купцом Пирогощею, приняв название второй из царьградских икон за личное имя, — но это несомненная ошибка^{{57}. [22]})

По утверждению современных искусствоведов, вышгородская икона с самого начала была двусторонней, то есть выносной, предназначенной для изнесения из храма. На её оборотной стороне помещено изображение престола с орудиями Страстей Господних, в том числе Животворящим крестом^{58}. Но главной конечно же была лицевая сторона — с изображениями Божией Матери и Спасителя. «...Богомудрый апостол и

евангелист Лука... яко истинный самовидец и неложный описатель образ Ея живописа: святое лице Ея мало окружено вообрази, ни кругло, ни остро, но мало продолжено (слегка вытянуто. — А. К.), нос не краток, но продолженный, доброгладостне лежащ; на десней стране близ лица Ея написа Превечнаго Младенца Господа нашего Иисуса Христа; персты же богоприемных Ея рук тонкостию продолговаты написа» — в таких выражениях передавал свои чувства от лицезрения иконы владимирский книжник XVIII столетия. И далее: «И преукрашенно пречестную и святую икону совершив, к самой Богоматери благоговейно принесе. Она же милостивне богозрачнии Свои очи на образ той возведши, пречистыма Своима глаголаше усты: “С сим образом благодать Моя и сила да будет, и с сим образом с вами есмь”»^{59}.

Понятно, что на Русь привезли не сам древний подлинник, но копию, список с него. (Владимирская икона датируется началом XII века.) Однако в представлениях людей того времени список с иконы полностью повторял оригинал, вбирая в себя и всё его сакральное содержание, всю его святость. А потому не будет преувеличением сказать, что вышгородская икона оказалась едва ли не самым древним и авторитетным памятником Православия на территории Руси. Её перенесение из Киева в Северо-восточную Русь должно было свидетельствовать о перенесении в новые владения князя Андрея Юрьевича святости и сакральной истории не только стольного Киева и его округа, но и самого Царствующего града, в котором икона пребывала ранее. Более того, в глазах современников Андрея путешествие совершал не просто список чтимой иконы, но сам образ Пречистой, или, лучше сказать, сама Пречистая Богородица, к которой с мольбой о помощи и небесном предстательстве будут обращаться отныне и сам князь Андрей, и те люди, что окружали его. «С сим

образом с вами есмь» — теперь эти слова Пречистой были адресованы жителям Суздальской земли.

О путешествии иконы и об обстоятельствах, при которых она появилась во Владимире на Клязьме, рассказывает особое Сказание — «О чудесах Пресвятыя Богородица Владимирской иконы», составленное книжниками князя Андрея Юрьевича вскоре после перенесения образа, по всей вероятности около 1164 года^{60}.

Как повествуется в этом Сказании, икона сама захотела покинуть Вышгород и открыто явила свою волю людям. (Сюжет, в общем-то знакомый современникам Андрея как по греческим, так и по оригинальным русским сочинениям того времени. Так, например, в соответствии с киевским преданием, почти за сто лет до Андрея Божия Матерь сама пожелала «возградить» себе церковь в Киеве, лично объявив о том в константинопольском Влахернском монастыре греческим церковным мастерам, отправленным ею на Русь, — рассказ об этом позднее вошёл в Патерик Киевского Печерского монастыря^{61}. По легенде, переходили с места на место, ища себе новое пристанище, и другие почитаемые иконы.) Когда Андрей княжил в Вышгороде, ему поведали о том, что происходит в церкви Девичьего монастыря: Богородичная икона будто бы сама собой трижды сходила с места. В первый раз, когда вошли в церковь и увидели икону стоящую отдельно («особе») посреди храма, её перенесли на новое место; во второй раз, увидев её обратившуюся лицом к алтарю, решили, будто икона хочет стоять в алтаре, и поставили её за «трапезою», то есть за престолом. Но и в третий раз войдя в церковь, в алтарь, увидели икону стоящую вне трапезы, на ином месте. Чудо это было истолковано вполне ожидаемо и определённо: Божья Матерь не желала оставаться на том месте, которое отвели ей

люди. Но где именно она хотела пребывать, пока что оставалось неясным.

О случившемся и рассказали князю, и рассказ этот обрадовал его. Получалось, что желание Пречистой совпадало с его собственным, ибо, как мы уже знаем, Андрею тоже не хотелось оставаться в Вышгороде. Более того, он получал некую санкцию свыше, моральное оправдание и Божественное освящение последующего отъезда на север. Князь «приде в церковь и начать смотрити по иконам. Си же икона яко прешла бе всех образов», то есть превзошла все прочие иконы своею красотою — настолько, что поразила князя. Андрей упал на колени и с мольбой обратился к ней: «О Пресвятая Богородице, Мати Христа Бога нашего, аще хощещи ми заступница быти на Ростовскую землю, посети новопросвещены люди, да в твоей вся си воли будут».

К иконе были приставлены вышгородские клирики — те самые, что и прежде состояли при ней; всех их князь также забрал с собой. Древнее предание, отразившееся в новгородской статье «А се князи русьстии», называет по именам двоих — священника Микулу (Николая) и его зятя диакона Нестора^{62}; в тексте же Сказания о чудесах Нестор назван попом (вероятно, в сан он был рукоположен уже во Владимире), а также упомянут ещё один священник, приставленный к иконе, — Лазарь. Примечательно, что все трое фигурируют в гипотетических построениях исследователей в качестве возможных авторов Сказания. «И тогда возьмь икону, — говорится здесь об Андрее, — поеха на Ростовскую землю, поим и крилос с собою». Собственно, целью всего Сказания и было поведать о чудесах, которые происходили от святого образа по пути в Суздальскую землю и в самой Суздальской земле.

Первое из чудес произошло во время переправы через Вазузу, правый приток Волги. Наполнившаяся

водой из-за продолжающихся осенних дождей, она представляла собой серьёзное препятствие: те броды, которыми пользовались в обычное время, ушли глубоко под воду и для переправы не годились. Пришлось прибегнуть к помощи проводника, но и того постигла неудача. «И приеха к реце Возузе, — рассказывается в Сказании о князе Андрее Юрьевиче, — и виде ю наводнившюся нужею (то есть чрезмерно. — А. К.), посла человека в реку пытать броду». Однако как только человек тот «вниде в реку на кони», он тотчас «погрязе во дно». Казалось, проводник утонул вместе с конём. В отчаянии князь взмолился к иконе Пресвятой Богородицы, виня себя в случившемся несчастье: «Повинен есмь смерти его, Госпоже, аще не Ты избавиши!» И случилось чудо: «абие (вскоре. — А. К.) изиде среди реке человек он на кони, и батог (шест. — А. К.) в руке, и приеха на брег. Князь же рад бысть видеви и (его. — А. К.), и одарив, отпусти во своя си». Примечательна ремарка, которую сделали составители Сказания: «Си же бысть первое чюдо Пресвятей Богородици». Так посчитали и сам Андрей, и все находившиеся с ним люди. Между тем, как следует из текста самого Сказания, это чудо было не вообще первым (ведь чудеса от иконы совершались и в Вышгороде), но первым из совершённых на землях Северо-восточной Руси, во владениях Андрея Боголюбского. История чудотворного образа начиналась здесь заново.

От Вазузы двинулись сухим путём к Клязьме. На Рогожских полях — обширной безлесной местности, тянувшейся от Москвы до древнего села Рогож (позднее город Богородск, ныне Ногинск, в Московской области), — случилось новое происшествие. Внезапно взбесившийся конь напал на беременную жену священника Микулы. Та ехала «на колех», то есть на колеснице (повозке), вместе со своей снохой — женой

сына. Когда женщины сошли с повозки и проходили мимо коня, «нападе бес на конь, и зби повозника (возницу. — А. К.) с себе, и ногу ему изломи, и поразит попадью Микулину передними ногами». Конь запутался копытами в складках верхней одежды попадьи — широкого кортля (длинного, до щиколоток, мехового халата с широкими рукавами и подкладкой). Женщина упала, а конь в бешенстве принялся кусать её: «и се на мног час ядешеть ю». Попадья лишилась чувств. Думали, что она уже мертва, и возвестили о том Микуле. И вновь лишь горячая молитва спасла несчастную. Священник, воззрев на образ Пречистой, взмолился: «Госпоже Пречистая Владычице! Аще Ты не избавиши ея от смерти, се уже мертва есть». И тут конь высвободил копыта из кортля, вскочил на ноги и поскакал к лесу, но, вновь запутавшись в чём-то, остановился. Очнулась и попадья. Когда её спросили о самочувствии и о случившемся «яденьи» конском, она отвечала, что всё обошлось и она осталась цела и невредима: «Яко сдрава есмь молитвами Пресвятыя Богородица», прибавив при этом, что жаль ей «увисла же [и] отлогъ, еже изъеде конь». «Отлог» — это, вероятно, что-то вроде башлыка с длинными свисающими концами, а «увисло» — какой-то другой предмет женской одежды, скорее всего, повязка, прикрывающая волосы. Что ж, женщина остаётся женщиной даже в самой отчаянной ситуации и, едва придя в себя, тут же проявляет заботу прежде всего о том, как она выглядит и в каком состоянии находится её платье... Отметим, кстати, исключительную реалистичность этого эпизода, а также скрупулёзность рассказа, в котором не упущена ни одна, даже самая мелкая подробность. Всего в двух предложениях здесь оказались упомянуты сразу три детали женской одежды — и это единственные их упоминания во всей литературе домонгольского времени! Забегая вперёд скажу, что те же дотошность и скрупулёзность отличают

и последующий текст Сказания, в котором, например, перечислены по меньшей мере четыре вида тогдашних женских украшений, что также даёт обильную пищу для историков и искусствоведов, занимающихся историей древнерусского женского костюма.

Так, с приключениями, путешественники добрались до Владимира и двинулись дальше. Недалеко от города, на месте будущей княжеской резиденции Боголюбово, по преданию, произошло ещё одно чудо — пожалуй, самое известное в истории с перенесением Владимирской иконы. И это несмотря на то, что о нём нет ни слова в древнем Сказании; сведения на сей счёт появляются позднее — самая ранняя запись датируется XV веком и читается в уже упомянутой новгородской статье «А се князи русьстии». Согласно преданию, когда процессия с иконой выступила из Владимира, кони как вкопанные остановились на том самом месте, где впоследствии были выстроены княжеская резиденция и монастырь, так что сдвинуть их не было никакой возможности: «ту же коня много били, а конь с того места с иконою не идетъ». Ещё позднее предание было записано уже в полном виде — так, как оно обычно и излагается в популярной литературе и в пересказах местных экскурсоводов и благочестивых монастырских обитателей. Вот как изложено оно в Степенной книге царского родословия — памятнике официальной московской идеологии середины XVI века:

«И оттоле дошедше близ града Владимира, и егда быша на реце на Клязьме, и ту сташа кони со иконою Богоматери и не поступиша никамо же (то есть никуда не двинулись. — А. К.). И многи коня изменяху (переменяли многих коней. — А. К.), и чюдную икону на сани поставляху, и ни един же конь не може саней двигнути со святою иконою. Великий же князь Андрей на том месте постави две церкви камены во имя Святых

Богородица и ту сотвори град и нарече имя месту тому — Боголюбимое»^{63}.

Наиболее же пространный рассказ, наполненный многочисленными подробностями и описаниями личных переживаний князя Андрея Юрьевича, читается в его позднейшем Житии, а также в Летописи Боголюбского Богородице-Рождественского монастыря, составленной в конце 60-х годов XVIII века настоятелем обители Аристархом (впоследствии игуменом Козельской Введенской Оптиной пустыни). Приведём этот рассказ полностью (по тексту Летописи Боголюбского монастыря):

«Егда благоверный великий князь Андрей Георгиевич с чудотворным образом Пресвятыя Богородицы идый намеренным своим путем из Киева в Ростов и достиже от града Владимира семь поприщ на реке Клязме (идеже ныне видим Пресвятыя Богородицы монастырь зовомый Боголюбский стоит), и на том месте бывший под тем чудотворным Пресвятыя Богородицы образом кони стаща, и ни мало с места поступиша. Великий же князь Андрей Георгиевич нача о том вельми ужасатися и повеле иные кони сильнейшие привести на пременение первых коней, и бывшим им по обычаю впряжённым под то же возило, на нём же чудотворный образ Пресвятыя Богородицы стояше, но и тии кони такожде понуждаеми и биени быша, обаче никакоже с места того поступите могоша.

Оное чудо великий князь Андрей Георгиевич виде, яко кони не могут со образом двинутися с места того, ужасом велием одержим бе, чудяся необычному действу, повеле иных коней множество привести и впрягати, обаче и тем промыслом ничтоже успе, и нача велми плакати и тужити, помышляя, яко за некое его прегрешение не хочет Пресвятая Богородица образа своего в Ростове поставити; обаче страх весь отложив и отчаяние отринув, разуме сие преестественному от

чудотворного образа чуду быти, того ради всю свою надежду на Господа Бога и на Пречистую Его Богоматерь возложив и ревностию разжеся, повеле иерею на том месте пред чудотворным образом молебное пение совершити, а в то время и сам пред образом Пресвятыя Богородицы паде на землю и со слезами нача молитися и обещаваяся на том месте поставити церковь каменную и украсите ю, елико ему мощно.

По молебном пении великий князь Андрей Георгиевич вниде в намет (шатёр. — А. К.) свой и пад на землю, нача со слезами пред святыми иконами молитися (понеже сей благочестивый князь Андрей Георгиевич всегда с собою в пути святыя иконы при себе имеяше: первую Господа Иисуса Христа Вседержителя, вторую Пресвятыя Богоматере, третью Иоанна Крестителя, две — святых первоархангелов Михаила и Гавриила) (все эти иконы присутствовали на деисусе Боголюбской иконы. — А. К.), и молящуся ему со слезами умильне, явися сама Пресвятая Богородица, теплая о всём мире предстательница, очевидно в шатре его стоящая и в единой руке хартию (свиток. — А. К.) держащая, и рече ему: “Не хочу да образ мой несеши в Ростов, но во Владимире постави его, а на сем месте во имя моего Рождества церковь каменную воздвигни и обителище иноком состави”; и воздвигши Свои божественнии руке ко образу Владычню, невидима бысть. Великий князь Андрей о явлении Богоматери радости безчисленные исполнися, и благодарение велие о сем Богу и Богоматери давши, повеле вскоре на том месте, ид еже сподобися Небесную Царицу и всех скорбящих утешительницу видети, церковь каменную во имя преславного Ея Рождества заложити...»^{[64]. [23]}

(Впоследствии в память об этом чудесном явлении Божией Матери князь Андрей Юрьевич повелел написать ещё одну, особую икону, получившую название

Боголюбской. «...Призва же искуснейших изографов и повеле образ Пресвятыя Богородицы таковым подобием, яко же ему явися, написати, — рассказывается об этом в Житии князя Андрея и Летописи Боголюбского монастыря, — изографи же написавше образ Пресвятыя Богородицы тако, якоже повеле им, и принесоша к нему; он же, видев образ той, и пад на землю, моляся со слезами, благодарствуя Богу и скорую свою помощницу, всех же уверяючи, яко таковым подобием виде явлшуюся ему Владычицу»^[24]. Эта почитаемая икона, также известная своими чудотворениями и мироточением^[25], хранилась в Боголюбском монастыре вплоть до его закрытия в XX веке. В 1992 году она была передана в Успенский собор возобновлённого владимирского Княгинина монастыря, однако вскоре её состояние резко ухудшилось, и ныне икона находится на реставрации во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. Икона имеет несколько изводов и поздних списков. В некоторых она несёт на себе изображение самого князя Андрея Юрьевича, коленопреклонённо предстоящего явившейся ему Божией Матери.)

Повторюсь ещё раз, что древнее Сказание о чудесах Владимирской иконы не знает этой легенды: его рассказы менее вычурны, менее замысловаты, более жизненны и простодушны. Местом пребывания чудотворной иконы назван здесь город Владимир, но в таком случае двигаться с иконой далее по направлению к Суздалю или Ростову — а только таким образом поезд с ней мог оказаться в Боголюбове — в принципе было незачем. Но так ли было задумано князем с самого начала? Этого мы не знаем. Позднее, уже после вокняжения в Суздальской земле, Андрей построит во Владимире храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, ставший главным храмом Владимиро-Суздальской Руси; в нём до конца XIV века и будет храниться чудотворный образ, получивший с того времени название

Владимирской иконы Божией Матери. (В 1395 году, когда Русская земля окажется под угрозой нашествия жесточайшего воителя Средневековья Тимура (Тамерлана), Владимирская икона будет перенесена из Владимира в Москву, где она пребывает и поныне.) Резиденцию же в Боголюбове князь начал строить ещё раньше — вероятно, сразу после изнесения образа. Но ведь именно в Боголюбовской церкви икона Божией Матери и хранилась до того, как была перенесена во Владимир!

Наверное, можно предположить, что чудо с остановкой коней отражает «боголюбовскую» версию истории чудотворного образа; Сказание же о чудесах (в том виде, в каком оно дошло до нас) — ту версию, которая сложилась во владимирском Успенском соборе. И лишь позднее, в XIV–XV веках обе эти версии соединились.

Князь Андрей Юрьевич в полной мере выразил своё благоговейное отношение к Владимирской иконе, украсив её «паче меры» драгоценным окладом: «...и вкова в ню (в неё. — А. К.) боле триидесять гривен золота, кроме серебра и камня драгаго и женчюга, и украсив ю, постави и в церкви своей Володимери», как свидетельствует об этом летопись^{65}. Золото, серебро, драгоценные камни и жемчуга должны были служить внешним, понятным каждому выражением того незримого света, который исходил от чудотворного образа; они внушали чувство священного трепета всякому подходящему к иконе для поклонения или с просьбой.

С самого начала пребывания иконы во Владимире здесь стали записываться новые рассказы о совершённых от неё чудесах. Делалось это, очевидно, по велению князя. Каждый случай фиксировался очень тщательно, с указанием свидетелей и очевидцев произошедшего (в этом качестве выступал и сам князь,

бывший участником или очевидцем ровно половины чудес). Всего в Сказании зафиксированы десять случаев чудотворения, включая те два, которые произошли по пути иконы во Владимир. Они охватывают временной промежуток между осенью 1155 года (когда икона покинула Вышгород) и 1163 годом и, по-видимому, хронологически следуют одно за другим. В большинстве своём они были совершены уже после того, как Андрей Юрьевич утвердился в качестве полноправного суздальского князя, между 1160 и 1163 годами. Тем не менее без рассказа о них в данной главе обойтись нельзя. Незамысловатые и безыскусные, эти рассказы рисуют жизнь князя Андрея Юрьевича и его современников, жителей Владимира и других подвластных ему городов, и притом рисуют её весьма реалистично, не слишком приукрашивая её, — такой, какой она, по всей вероятности, и была на самом деле. Тем эти свидетельства и драгоценны для нас.

Вот, например, некий человек, вовсе не именитый, ничем не примечательный, живший близ Владимира, заболел какой-то «огненной болезнью» (горячкой?). От этой болезни он онемел, и одна рука его усохла, так что он не мог двигать ею. Оправившись от болезни, он, не имея возможности выразить своё желание словами, начал «помавати», то есть делать какие-то знаки, здоровой рукой. Подумали, что он хочет помолиться в церкви Святителя Николая, находившейся поблизости. Больного подвезли к церкви, но он продолжал делать те же знаки, показывая кудато мимо церкви. Наконец, видя, что его не понимают, человек сам здоровой рукой направил лошадей «в град к Святей Богородици», то есть во Владимир, к Успенскому собору, уже построенному к тому времени. Придя в церковь на заутреню, он встал против алтаря, но ближе к концу заутрени внезапно упал на пол. Думали, что это случилось из-за болезни; его вынесли в притвор, и там

он лежал до самой обедни. Перед обедней же он поднялся, и оказалось, что к нему вернулся дар речи. Исцелённый рассказал, что видел саму Божию Матерь, идущую к нему со своего места; от этого видения он и лишился чувств. Когда же начали петь святую литургию, человек тот вновь вошёл в церковь и стал молиться Пресвятой Богородице. Он хотел поцеловать икону и приложил к ней больную руку, и тут Богородица сама своею рукою взяла его за руку и так держала до окончания литургии. На службе той был и князь Андрей Юрьевич, который стал очевидцем совершившегося чуда вместе с другими присутствующими в храме. «Князю сущю Андрею, и попу Нестеру, и множеству людемъ видящим в церкви», — перечисляет их автор Сказания (возможно, им как раз и был упомянутый поп Нестор). Именно Нестор, оказавшийся на тот момент старшим среди священников, созвал клирос и повелел всем облачиться в праздничные ризы. Взяв крест, люди трижды обошли церковь кругом; исцелённый же оставался внутри храма. После этого священник устроил праздник, пригласив на него и князя Андрея Юрьевича, и бояр, и самого исцелённого. Князь щедро одарил его и отпустил от себя. «И бысть радость велика в граде Володимере того дни».

А вот чудо, о котором мы уже упоминали в одной из предыдущих глав книги. Оно напрямую связано с семейными делами князя Андрея Юрьевича: «По неколихъ же временехъ пришедшу празднику Госпожину дни (15 августа, Успение Богородицы. — *А. К.*). Князь же Андрей на каноне стояше в церкви, пеня ликы сътворяя, а сердцемъ боляше, бе бо княгини его боляше детиною болезнию (то есть не могла разрешиться от бремени. — *А. К.*) — два дни напрасно болящи. Яко по каноне бысть, омывше водою икону Пресвятыя Богородица, посла (воду. — *А. К.*) к княгине.

Она же вкуси воды тоя и роди дѣтя здраво, и сама бысть здрава том часе молитвами Свѣтыа Богородица».

Или ещё одно чудо. Некий отрок, съевший яйцо, сотворенное «диаволим научением» и «чародейством», заболел невиданной болезнью: «бысть ему измет зол на очеси его (на глазу. — А. К.) — изиде яко облак из ока его и леже ему на лицѣ», так что все думали, будто он непременно умрёт или лишится глаза. Омыв водою икону Пресвятой Богородицы, принесли ту воду отроку, и помазали ею глаз, и тотчас «облак» исчез; отрок выздоровел, и глаз его остался цел. Замечу, кстати, что случай этот удивительно напоминает тот, что описал Михаил Афанасьевич Булгаков в «Записках юного врача». В бытность его врачом в Мурьевской (Никольской) больнице в Смоленской губернии ему пришлось осматривать ребёнка, у которого также на месте глаза оказался какой-то ужасный жёлтый шар величиной с яблоко, и это привело самого доктора и бывшего рядом с ним опытного фельдшера в полнейшее замешательство — ничего подобного ранее они не видели. Предполагали мозговую грыжу или какую-то необыкновенную опухоль; в действительности же то был громадный гнойник, ячмень, развившийся из нижнего века и совершенно закрывший глаз, но вскоре лопнувший, так что на глазу от него остался едва заметный шрамик (рассказ «Пропавший глаз»).

Иные из чудес происходили не во Владимире и даже не в пределах Суздальского княжества, а в других, отдалённых городах. В этой связи упомянуты Муром и Переяславль-Русский (так называли Южный Переяславль на Трубеже, отличая его от нового, основанного Юрием Долгоруким Переяславля-Залесского на Клещине озере). Это обстоятельство чрезвычайно важно для нас, и свидетельствует оно не только о быстром распространении почитания иконы за пределами Владимирской Руси, но и о вхождении в орбиту влияния

суздальских князей иных территорий, о чём речь ещё впереди.

Так, в Муроме некая женщина заболела «сердечною болезнию». Она уже слышала о чудесах, которые творятся от Владимирской иконы, и послала клиру «Святей Богородици» в дар свою «кузнь», то есть какие-то украшения (вероятно, из золота или серебра), прося воды, омытой с иконы. Вода была ей прислана, она вкусила её и полностью исцелилась, забыв о своём недуге.

В Русском Переяславле (в котором, напомним, княжил младший брат Андрея Юрьевича Глеб) тяжело заболела игуменья Славятина женского монастыря Мария. Это была не простая женщина. Она приходилась родной сестрой боярину Борису Жидиславичу, первому из воевод князя Андрея Юрьевича. Монастырь, в котором она настоятельствовала, был основан в Переяславле её дедом Славятой, боярином князя Владимира Всеволодовича Мономаха; отцом Марии и Бориса был известный из летописей воевода Жирослав (Жидислав), служивший сначала Юрию Долгорукому, а затем его сыновьям. Игуменья «разболешися очною болезнию и ослепе». В течение двух лет она не видела белого света, так что её повсюду водили под руки, а на третий год отправила священника к брату Борису во Владимир, рассказав тому о своём несчастье. Борис Жидиславич призвал к себе священника Лазаря и попросил его принести воду, омытую с иконы. Эту освящённую воду он залил в вощаницу (небольшой сосуд из воска или, может быть, только запечатываемый воском) и отослал в Переяславль сестре. Мария «радовашеся душою»; она вкусила воду и помазала ею очи и «том часе прозре, яко не болевавши очима».

Следующее, восьмое чудо предваряется в Сказании словами: «Се же бысть новое чудо Святей Богородици». Это даёт некоторые основания предполагать, что перед

нами продолжение Сказания, которое, возможно, первоначально ограничивалось семью чудесами. В рассказе об этом и следующем чуде главным действующим лицом выступает поп Лазарь (упомянутый также и в предыдущем, седьмом чуде). Не исключено, что ему и принадлежит дальнейшее распространение текста. Как выясняется, Лазарь был человеком весьма деятельным, он постоянно общался со своей паствой, пользовался широкой известностью, преимущественно среди богатых и знатных прихожанок, часто покидал Владимир и посещал другие города. Так, именно к нему обратилась за помощью некая Евфимия, страдавшая, как и муромская жена, от продолжающихся болей в сердце: «болевши ей сердечною болезнию 7 лет, и от многъ искавши ей исцеления, и не обрете». Лазарь стал убеждать её: «Аще ты не избавить Святая Богородица, то не избудешь болезни сея». «Она же слышавши от него бываемая чюдеса водою от иконы Пресвятыя Богородицы и посла усирязи же и рясы златыя к Святей Богородицы в Володимир с попом, глаголя: “Да ми принесеть пресвятыя воды тоа”. И яко принесе ей воду, и пить ю, и того дни исцели от болезни, начать ясти и пити в сладость». «Усирязи» — это серьги, а «рясы» — очевидно, подвески, которые в те времена женщины прикрепляли к головному убору. То, что те и другие были сделаны из золота, свидетельствует о высоком социальном положении Евфимии, не случайно названной по имени — в отличие от большинства других, безымянных персонажей Сказания.

Другое чудо произошло в Твери (между прочим, это наиболее раннее упоминание города в письменном источнике!). Там тоже стряслась беда с богатой и знатной женщиной, боярыней, которая в течение трёх дней не могла разрешиться от бремени. В это время в город приехал Лазарь, остановившийся у неё в доме. «Боярыня наша в кончине есть» — так полагали и

домашние, и сам Лазарь. Боярыня позвала священников к себе, нарушив тем принятые правила, по которым мужчинам не подобало заходить в помещение с роженицей. Но что оставалось ей делать?! «[Не] при сраме есть (то есть не постыдно это. — А. К.), — велела она передать священникам^[26], — понеже смертна есмь (поскольку нахожусь при смерти. — А. К.)». Лазарь и ей стал толковать о том же: «Аще не обещаеши Святей Богородици Володимерьской, и не избудеши!» Боярыня «обещалась» — то есть дала обет пожертвовать церкви свои богатства, после чего отпустила священников и велела досыта накормить и напоить их. А вскоре благополучно родила сына. «И посла златыя косы (какие-то женские украшения, которые носили на волосах. — А.К.) и усерязи (серьги, или колты. — А. К.) свои к иконе Святыя Богородица в Володимир, ими же обещалася бе». (Заметим в скобках, что дары и жертвования именно драгоценностями и золотыми и серебряными украшениями, по представлениям людей того времени, в наибольшей степени соответствовали высокому статусу иконы, служили внешним выражением присущей ей сакральной, чудодейственной силы. Так что здесь мы имеем дело отнюдь не с проявлениями корыстолюбия владимирских клириков, но с соблюдением ими и их прихожанами и прихожанками своего рода этикета в отношении чтимой святыни.)

Ну а последнее из чудес, о которых рассказывается в Сказании, — «Чудо 10-е», о двенадцати горожанах, оставшихся невредимыми под рухнувшими во Владимире створами Золотых ворот, — станет предметом нашего рассмотрения чуть ниже, в одной из последующих глав, когда речь пойдёт о широкой строительной деятельности князя Андрея Юрьевича во Владимире и других городах его княжества.

...Итак, десять рассказов, действующими лицами которых являются чуть больше двух десятков

персонажей. Очень немного! Но нельзя не обратить внимания на то, что среди упомянутых в Сказании лиц — представители едва ли не всех слоев тогдашнего общества. В самом деле, чаще всего здесь действуют люди знатные и богатые — в их числе и сам князь Андрей Юрьевич, и его княгиня, и княжеский воевода, и священники во главе с владимирским протопопом и их жёны, и настоятельница привилегированного княжеского монастыря, и знатные боярыни. Но здесь же и люди совсем не знатные, «простецы», — вроде неименитого жителя владимирского предместья с усохшей рукой, и обычные горожане и горожанки, и проводник с реки Вазузы, нанятый князем, и какой-то безымянный отрок, и даже рабы — вроде того несчастного «повозника», который управлял телегой с Микулиной попадьей. Разнообразие удивительное, даже в сравнении с летописью — главным источником наших сведений о древней Руси. Примечательно, что женщины упоминаются в Сказании даже чаще, чем мужчины (непосредственно с ними связаны шесть из десяти произошедших чудес), а две из них названы по именам. Само по себе это вполне объяснимо: культ Богородицы ярче всего воспринимался именно в женской среде, ибо задействовал какие-то глубинные верования, восходящие ещё к дохристианскому почитанию Рода и рожениц. Но это опять-таки вступает в разительное противоречие с большинством других письменных источников, которые крайне редко называют женские имена и вообще упоминают о женщинах. В общем, как выразился бы социолог, представленная в Сказании выборка вполне репрезентативна и даёт более или менее объективный срез древнерусского общества — разумеется, применительно к состоянию источниковой базы эпохи. Но ещё важнее то обстоятельство, что все эти, столь различающиеся друг от друга социальные группы представлены здесь в новом для себя качестве.

В Сказании о чудесах Владимирской иконы они выступают не просто как бояре или «простецы», священники или миряне, но как некая новая общность — те самые «новопросвещённые люди земли Ростовской», о предстательстве за которых взывал к Богородице князь Андрей Юрьевич накануне своего отъезда во Владимир. Заступничество Пречистой — поистине «Небесной царицы и всех скорбящих утешительницы», «скорой помощницы» для всех христиан — объединяло их узами более крепкими, нежели даже узы княжеской власти. Но ведь князь Андрей Юрьевич и был тем человеком, чьими заботами икона Пречистой была перенесена в Суздальскую землю! Это благодаря его стараниям и благодаря его властным полномочиям она смогла в полной мере проявить здесь свою чудодейственную силу. Само перенесение её во Владимир стало не просто актом личного благочестия князя, но событием государственной важности, едва ли не переломным во всей истории Северо-восточной Руси. Во многом оно положило начало тем преобразованиям, которые связываются в нашем сознании с именем Андрея Боголюбского.

Смерть отца

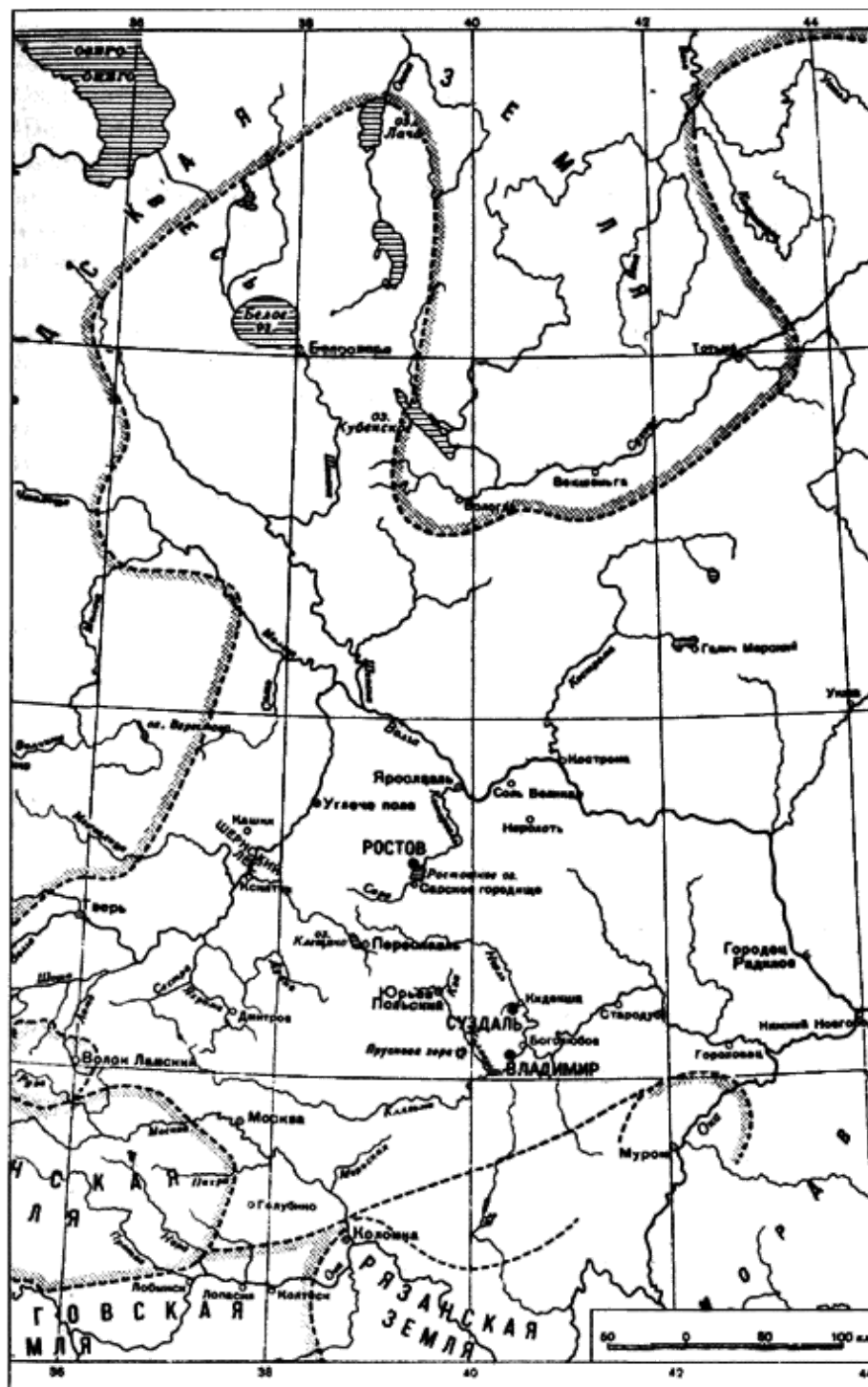
За первые полтора года пребывания Андрея Юрьевича в Суздальской земле, с его появления здесь в конце 1155-го по май 1157 года, когда умер его отец, его имя ни разу не упоминается в летописи. Неясным остаётся и его статус. Местом его постоянного пребывания, очевидно, стал Владимир, но едва ли он мог ощущать себя в этом городе полноправным князем. Таковым и во Владимире, и в других городах Суздальской земли по-прежнему считался его отец Юрий Долгорукий, и мы уже говорили об этом в предыдущей части книги. Ситуация существенно не изменилась, хотя отсутствие отца, несомненно, позволяло Андрею чувствовать себя здесь более или менее свободно. А потому строительство им резиденции в Боголюбове, поблизости от Владимира, вполне вероятно, было вызвано ещё и его желанием обосноваться в собственном городе, находящемся вне юрисдикции отца.

События, так или иначе связанные с Суздальской землёй в этот короткий промежуток времени, изредка всё же привлекали внимание летописцев. Но вот участие в них Андрея Юрьевича, по летописи, никак не прослеживается.

Так, во Владимире продолжалось (или возобновилось?) строительство церкви Святого Георгия, заложенной Юрием во имя своего небесного покровителя^[27], — факт, свидетельствующий о том, что Юрий по-прежнему смотрел на Владимир как на *свой* город. Строительство это было завершено лишь в 1157 году, уже после смерти Юрия. Годом ранее, в 1156 году, по свидетельству Тверского летописного сборника, он же, Юрий, заложил «град Москву», то есть первую

московскую крепость, на устье реки Неглинной^{66}. Известие это неоднократно ставилось историками под сомнение — и именно потому, что Юрий в указанный год находился слишком далеко от берегов Москвы-реки, в Киеве. Ошибочной признавалась либо названная в летописи дата, либо имя строителя Москвы^{67}.^[28] В последнем случае подразумевалось, что на самом деле Москву строил сын Юрия Андрей. Но слова летописца о том, что Юрий «заложил град», вовсе не обязательно означают, что князь непременно должен был лично присутствовать при этом: достаточно было его распоряжения, выполнить которое могли и другие. Вполне вероятным выглядит предположение, согласно которому именно Андрею было поручено следить за выполнением работ. Во всяком случае, так следует из сообщения «Повести о начале Москвы»: князь Юрий Владимирович «заповеда сыну своему князю Андрею град Москву людьми населяти и распространят»^{68}. Так же могло обстоять дело и применительно к другим тогдашним начинаниям Юрия в Суздальской земле: возведению Георгиевской церкви во Владимире, продолжающемуся в Переяславле-Залесском строительству церкви Святого Спаса и строительству города Дмитрова, основанного Юрием на реке Яхроме в октябре 1154 года в честь рождения здесь его младшего сына Всеволода (в крещении Дмитрия). Строить город, очевидно, начали уже весной следующего, 1155 года, то есть в отсутствие князя в Суздальской земле. В подобных делах отец и сын должны были действовать заодно, ибо здесь их интересы совпадали. Андрей, несомненно, оценил выгоду расположения основанных отцом городов. Так, Дмитров возник там, где начинался судоходный путь по Яхроме; сравнительно близко к нему подходили и верховья Клязьмы — важнейшей торговой артерии Суздальского княжества. Как справедливо отмечал крупнейший знаток истории Москвы академик

Михаил Николаевич Тихомиров, почти одновременное строительство двух городов имело своей целью «укрепить подступы к Клязьме со стороны Яхромы и Москвыреки»^{69}. Ещё важнее было стратегическое положение Москвы как форпоста Суздаля и Владимира на юго-западном, самом опасном направлении. Крепость располагалась у самых границ княжества, на пути к его главным городам из Чернигова, Рязани и Смоленска, там, где сходились границы сразу четырёх княжеств. К началу 1156 года правители всех названных земель были союзниками Юрия Долгорукого, но в течение года ситуация изменилась. Строительство московской крепости — это ещё и свидетельство растущей напряжённости в отношениях Юрия и с Изяславом Черниговским, и с Ростиславом Смоленским, и с рязанскими князьями. В годы княжения Андрея Боголюбского Москва ни разу не будет упомянута в летописях — именно потому, что никакой угрозы Владимиро-Суздальской Руси с юго-западного направления не возникнет. Но вот при преемниках Андрея именно Москве придётся принимать первый удар вражеских ратей, в частности со стороны рязанских князей, и летописцы сразу вспомнят о существовании города. Так что Андрей должен был по мере сил содействовать усилиям отца по укреплению западных рубежей княжества, понимая, что со временем это послужит его интересам.

Карта 2. Владимиро-Суздальское княжество во второй половине XII — начале XIII века (по А.Н. Насонову)

Среди других событий, имеющих косвенное отношение к судьбе в эти годы Андрея Юрьевича и прямое — к судьбе Суздальской земли в целом, — смещение с кафедры ростовского епископа Нестора зимой 1156/57 года. Епископ был вызван в Киев; «и лишиша и епископыи» — кратко сообщает суздальский летописец^{70}.

Низложение Нестора стало одним из звеньев глубокого кризиса, поразившего в эти десятилетия Русскую церковь.

Ещё в 1145 году митрополит-грек Михаил навсегда покинул Киев и уехал в Константинополь, отказавшись возвращаться на Русь. По свидетельству поздней Никоновской летописи, причиной его отъезда стало «некое волнение», то есть княжеские распри, а уже пребывая в Константинополе, митрополит узнал о захвате киевского стола князем Изяславом Мстиславичем и пленении, а затем и насильственном пострижении князя Игоря Ольговича, «и того ради не приложи возвратитися на свой стол»^{71}. Между тем перед отъездом Михаил оставил некое «рукописание», согласно которому без митрополита «не достоить» вести богослужение в кафедральном киевском Софийском соборе. Такое положение дел конечно же никак не могло устроить нового киевского князя Изяслава Мстиславича. Не рассчитывая на возвращение Михаила (который, возможно, в том же 1147 году и умер^[29]) и не желая оставаться вовсе без богослужения в главном храме своего государства, киевский князь решил поставить на митрополичью кафедру русского иерарха и притом обойтись без всякого участия Константинопольского патриархата. Во многом этому способствовала неразбериха в самом Константинополе, где в течение почти всего 1147 года патриарший престол оставался пустым. Выбор князя пал на известного своей учёностью инок и схимника Зарубского монастыря Климента

Смолятича, «книжника» и «философа», «якоже в Руской земли не бяшетъ», как характеризует его киевский летописец. 27 июля 1147 года собор русских епископов поставил Климента в митрополиты. В отсутствие патриаршего благословения и вопреки «рукописанию» прежнего киевского митрополита поставление было совершено «главою святаго Климента» — то есть с использованием хранящейся в Киеве части мощей римского папы, принявшего мученическую смерть в Херсонесе, в Крыму, на рубеже I и II веков (его мощи были привезены в Киев ещё Крестителем Руси князем Владимиром Святославичем и стали главной святыней раннего русского христианства). Обращение к чудотворным мощам, по мысли участников собора, должно было компенсировать очевидное отступление от канонических правил и заменить патриаршию хиротонию — мысль, несомненно, смелая, но весьма спорная, особенно в глазах людей образованных и более или менее сведущих в догматических вопросах. Соответственно, решение собора поддерживали далеко не все иерархи Русской церкви. Споры начались уже на самом соборе. Епископы Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский (родом грек) решительно высказались против самой возможности избрания митрополита, а впоследствии посчитали это избрание незаконным и отказывались совершать с Климентом совместные богослужения и помянуть его имя на литургии. В конце концов Нифонт был арестован и заточён в Киевском Печерском монастыре, а Мануилу приходилось «бегать перед Климом». Естественно, не признали Климента и в Константинополе. Патриарх Николай IV Музалон, вступивший на кафедру в декабре 1147 года, решительно поддержал епископа Нифонта в его противостоянии «злому аспиду» Клименту. С самого начала юрисдикция новоизбранного митрополита распространялась только на те области Руси, в которых

признавалась власть киевского князя Изяслава Мстиславича. Юрий Долгорукий, наиболее решительный противник Изяслава, а также его союзники Владимирко Володаревич в Галиче и Святослав Ольгович в подвластных ему Северских землях считали Климента самозванным, а не законным иерархом, похитителем митрополичьего престола. Показательно, что ростовский епископ Нестор, ставленник Юрия, даже не счёл для себя возможным присутствовать в Киеве на соборе 1147 года. Всё это означало раскол Русской церкви.

В ходе последующих войн между Юрием и Изяславом Клименту дважды приходилось покидать Киев, опасаясь расправы со стороны Юрия. Оба раза он находил приют на Волыни у своего покровителя Изяслава Мстиславича. После же смерти Изяслава в ноябре 1154 года Климент вновь вынужден был спасаться бегством. Его приютил сын Изяслава Мстислав, единственный из русских князей (во всяком случае, из тех, кто мог влиять на ход общерусских дел), кто безоговорочно признавал его канонические права на митрополичью кафедру. Впоследствии Климент Смолятич ещё дважды попытается занять киевскую кафедру — но обе эти попытки закончатся неудачей.

Решение церковного вопроса стало одной из главных задач князя Юрия Долгорукого сразу же после того, как он занял киевский стол. Преодолеть церковный кризис можно было только в Константинополе. В столицу Византийской империи Юрий и направил посольство. Помимо известия о его вокняжении на Руси, посольство везло просьбу к императору Мануилу Комнину и константинопольскому патриарху Константину IV Хлиарену о назначении на русскую кафедру нового иерарха. Разумеется, эта просьба была уважена. Выбор патриарха и императора пал на владыку Константина — человека весьма образованного и сведущего в сложных богословских вопросах, хорошо известного в церковных

кругах. По его собственным словам, он ещё раньше был знаком с Русью и, видимо, посещал её. Не позднее конца 1155 года Константин был рукоположен в сан киевского митрополита, а летом или осенью следующего, 1156 года добрался наконец до Киева, где был принят князем со всевозможными почестями. По прибытии Константин немедленно начал наводить порядок в делах вверенной ему Русской епархии. Однако меры, принятые им, оказались не просто жёсткими, но жёсткими до крайности, можно сказать, исключительными. Прежде всего, он подверг церковному отлучению — анафеме — самого Климента Смолятича как незаконного узурпатора митрополичьего престола. Имя Климента было изъято из списков русских митрополитов; все его деяния, в том числе рукоположения в священнический и диаконский сан, признаны незаконными. Рукоположенные при Клименте священнослужители должны были письменно осудить прежнего митрополита, и только после этого новый глава Русской церкви мог подтвердить их духовный сан или рукоположить их заново. Со своих кафедр были смещены те епископы, которые участвовали в церковном соборе, избравшем Климента в митрополиты. От них «рукописания» даже не требовали, ибо их преступление казалось несовместимым с их высоким духовным саном. Больше того, митрополит Константин посмертно предал церковному отлучению и проклял покровителя Климента Смолятича, киевского князя Изяслава Мстиславича, что для Руси было делом неслыханным и воспринималось как явное кощунство. Однако всеми этими жёсткими мерами митрополиту Константину так и не удалось положить конец церковной смуте. Не сумел он восстановить и тот высокий духовный авторитет, которым пользовались киевские первосвятители. Его попытка опереться на новых епископов, поставленных им на место смещённых со своих кафедр участников киевского собора 1147 года,

также оказалась не слишком удачной, ибо далеко не все из них пользовались достаточным авторитетом на Руси. Среди тех, чьи имена нам известны, — переяславский епископ Василий (которого русские летописцы именуют несколько пренебрежительно — Васильцем), галицкий Косьма и черниговский Антоний, родом грек, которому русские летописцы дают самую нелестную характеристику, изображая его обманщиком и интриганом, но которому митрополит Константин, напротив, полностью доверял. В схватке русских князей Константин безоговорочно принял лишь одну сторону, и это сделало его точно таким же заложником политической ситуации, каким был его соперник в борьбе за киевскую митрополию. Подобно Клименту Смолятичу, Константин сможет осуществлять свои функции главы Русской церкви только тогда, когда киевский стол будут занимать лояльно настроенные к нему князья — сначала Юрий Долгорукий, а затем, после его смерти, черниговский князь Изяслав Давидович. Но как только киевский стол перейдёт к сыну проклятого им Изяслава Мстиславича Мстиславу, Константину придётся бегством спасаться из Киева. Он скончается в Чернигове в 1159 году, причём летопись рассказывает о необычной просьбе, высказанной им перед самой кончиной: призвав к себе черниговского епископа Антония, митрополит «заклят и», то есть взял с него клятву в том, что тот не похоронит его тело, но бросит его вне города: «Яко по умерьтвии моем не погребешь тела моего, но ужем (верёвкой. — А. К.) поверзше за нозе мои, извлечете мя из града и поверзете мя псом на расхытанье». Антоний сдержит слово и исполнит эту чудовищную клятву. Однако когда тело греческого иерарха будет брошено на съедение псам и воронам, это вызовет в городе оцепенение и ужас; на следующий день тогдашний черниговский князь Святослав Ольгович, «здумав с мужи своими и с епископом»,

прикажет взять тело почившего митрополита и с подобающими почестями похоронить его в соборной церкви Святого Спаса^{72}. Впоследствии же Константина начнут почитать как святого — сначала в Чернигове, а затем и во всей Русской церкви.

Но почему же среди епископов, пострадавших при Константине, оказался и Нестор Ростовский? Ведь он никогда не поддерживал Климента Смолятича и даже не присутствовал на соборе 1147 года!

В чём оказалась его провинность, неизвестно. Автор позднейшей Никоновской летописи полагал, что епископ отправился «поклониться и благословиться» к новому киевскому митрополиту, но «от своих домашних оклеветан бысть... и в запрещении бысть», то есть подвергся церковному наказанию, епитимье^{73}. Какие «домашние» могли здесь иметься в виду? И сами ли они оклеветали владыку или, может быть, действовали наученные кем-то? Ответов на эти вопросы у нас нет, тем более что к показаниям столь позднего источника следует относиться с осторожностью. Ясно лишь, что отстранение ростовского епископа от кафедры могло произойти с ведома и согласия либо самого Юрия Владимировича, либо его сына Андрея. Первое, пожалуй, выглядит более вероятным: всего через несколько месяцев после смерти в мае 1157 года Юрия Долгорукого митрополит Константин, по свидетельству той же Никоновской летописи, «испытав о Нестере, епископе Ростовском», то есть проведя какое-то новое расследование, установил, «яко не по правде оклеветан бысть от домашних его, и повеле клеветарей его всех всадити в темницу». Впоследствии Нестор возвратится на свою кафедру — и, кажется, произойдёт это не единожды. Никоновская летопись сообщает, что в 1157 году его вторично изгонят оттуда — на этот раз, надо полагать, по прямому указанию Андрея Боголюбского.

Однако и это известие вызывает сомнения в своей достоверности, о чём мы ещё будем говорить ниже.

Надо сказать, что в Суздальской земле осуждение епископа Нестора было воспринято очень болезненно. Многие по-прежнему считали его законным главой епархии. Когда год спустя митрополит Константин поставит на ростовскую кафедру нового епископа, грека Леона, суздальский летописец сообщит об этом с явным осуждением: «Леон епископ не по правде поставися Суждалю... перехватив Нестеров стол». Разделял ли подобное мнение князь Андрей Юрьевич, сказать трудно. Но общего языка с новым владыкой он также не найдёт.

* * *

К весне 1157 года положение Юрия в Киеве сделалось угрожающим. «Нача рать замышляти Изяслав Давыдовичь на Дюргя и примири... к собе Ростислава Мстиславича и Мьстислава Изяславича...» — сообщает летописец^{74}. Как видим, противники Юрия, прежде враждовавшие друг с другом, сумели объединиться — и именно на почве общего неприятия той политики, которую проводил в Киеве Юрий Долгорукий. Это имело для князя, фактически оказавшегося в изоляции, роковые последствия, тем более что он не мог опереться и на киевлян, для которых по-прежнему оставался чужаком. Причём чужаком, не принимавшим сложившихся норм во взаимоотношении князя и подданных, открыто попиравшим те права, которые киевляне и жители других южнорусских городов добились за прошедшие годы. Ибо ко времени княжения Юрия киевляне успели привыкнуть к тому, что князь, вступавший на «златой» киевский стол, заключал с ними отдельный «ряд» (договор), где оговаривал и их, и,

главное, свои права и обязанности. Юрий же этого не сделал. Вступив в Киев, он попытался восстановить старый порядок, по которому стольный город Руси принадлежал «старейшему» князю как его неотъемлемое владение, как «отчина» и «дедина», которыми он мог распоряжаться по собственному усмотрению. Но это никак не устраивало его подданных. «Не хотим быти, акы в задници», то есть не хотим как бы переходить по наследству, — передаёт их слова (сказанные, правда, по другому, но похожему случаю) летописец^{75}. «Задница», по-древнерусски, — наследство; но очень похоже, что здесь обыграно и другое значение этого слова.

К маю противники Юрия были готовы начать военные действия. Всё было согласовано, роли распределены, сроки обозначены. «И сложи Изяслав путь с Ростиславом и со Мьстиславом на Гюргя, — продолжает киевский летописец, — и пусти Ростислав Романа, сына своего, с полком своим, а Мьстислав поиде из Володимиря (Владимира-Волынского. — А. К.)...»

Однако до военных действий так и не дошло. Удивительно, но Юрий, кажется, опять не был готов к войне. В те самые дни, когда враги его уже объединили усилия и выступили или готовились выступить в поход, он предавался пирам и развлечениям. Один из таких пиров — у «осмянника» (то есть сборщика княжеской подати) Петрилы — стал для него последним. Киевский летописец так пишет об этом: «Пив бо Гюрги у осменика у Петрила: в ть день на ночь разболеся, и бысть болести его 5 днии...»

Что случилось на этом пиру, неизвестно. Впоследствии исследователи не раз выказывали уверенность в том, что Юрий был отравлен^{76}. Однако для столь категоричного суждения у нас нет достаточных оснований. Киевский князь был уже далеко не молод; чрезмерные же возлияния и обильная пища на

ночь вполне могли спровоцировать болезнь — например, острый сердечный приступ или инсульт. Тем более что Юрий был не первым из киевских князей, кто умер после пиршества, — также, после «веселия» с дружиной, ушёл из жизни и его старший брат Вячеслав. К тому же в летописи мы не найдём ни малейших намёков на то, что Юрия отравили. Когда спустя 14 лет, в январе 1171 года, в Киеве скончается сын Юрия Глеб, слухи о его насильственной смерти попадут на страницы летописи: князь Андрей Юрьевич потребует выдать ему на расправу тех киевлян, которые «суть уморили брата моего Глеба». Если бы Юрий действительно был отравлен, Андрей, наверное, не преминул бы вспомнить и об этом.

Так или иначе, но болезнь князя оказалась смертельной. Вечером 15 мая («в среду на ночь») князь Юрий Владимирович скончался, а наутро следующего дня, 16 мая, его похоронили в Спасо-Преображенской церкви пригородного монастыря Святого Спаса на Берестовом. Сделано это было с явной, можно даже сказать неприличной, поспешностью: тело князя торопились предать земле, дабы пресечь начавшиеся в Киеве беспорядки. «И много зла створися в ть день, — пишет киевский летописец о событиях, разыгравшихся в самый день похорон князя, — розграбиша двор его Красный, и другой двор его за Днепром разъграбиша, его же звашеть сам Раем (в других вариантах: «самраем» или «самораем». — А. К.), и Василков двор, сына его, разграбиша в городе, [и] избивахуть суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче»...

Так часто случалось в истории. Суздальцы, пришедшие в Киев вместе с Юрием, воспринимались как явные чужаки, а потому должны были принять на себя весь выплеснувшийся гнев киевлян, всю их слепую ярость. Князя уже не было в живых, и защитить его людей оказалось некому. В Суздальскую землю

пришлось бежать и сыну Юрия Борису, лишившемуся Турова (этот город занял прежний туровский князь Юрий Ярославич). Другой Юрьевич, Василько, чей киевский дворец был разграблен киевлянами, сумел удержаться в Торческе. Но положение его оставалось неустойчивым: он полностью зависел от других, более сильных князей, и уже в начале 1160-х годов ему тоже придётся вернуться в Суздаль. В довершение всех бед, постигших «Юрьево племя», в начале того же 1157 года, ещё до смерти отца, из Новгорода бежал князь Мстислав, изгнанный новгородцами. Сохранить свои позиции за пределами Суздальской земли удалось лишь князю Глебу Юрьевичу, княжившему в Переяславле-Русском. С новым киевским князем Изяславом Давыдовичем его связывали родственные отношения, ибо ещё зимой 1155/56 года, вскоре после вокняжения его отца в Киеве, он вступил в брак с дочерью Изяслава. Переяславль на Трубеже на долгие годы и станет главным оплотом Юрьевичей в Южной Руси.

...Князь Изяслав Давыдович узнал о случившемся в тот самый день, когда он намеревался выступить из Чернигова в поход на Киев. Внезапная смерть его главного противника позволила избежать войны, пролития большой крови. А потому он воспринял произошедшее как проявление Божьей воли. «Изяславу же хотящу пойти ко Киеву, — рассказывает летописец, — и во тѣ день приехаша к Изяславу кияне, рекуче: “Поеди, княже, Киеву. Гюрги ти умерл”. Он же прослезивъся, и руце въздев к Богу, и рече: “Благословен еси, Господи, оже мя еси росудил с ним смерть[ю], а не кровопролитьем”». Князь вступил в Киев на третий день после похорон, 19 мая, «в неделю пантикостъную», то есть в день Святой Троицы, или Пятидесятницы. Киевляне встречали его с воодушевлением, забыв о прежней неприязни к представителям черниговской ветви князей

Рюриковичей, — точно так же, как два года назад они встречали Юрия, забыв о вражде, которую питали к нему. По свидетельству Никоновской летописи, Изяслав успел принять участие в расправе с оставшимися в городе приверженцами Юрия: «вся имениа его взят, и дружину его пойма: овех оковы железными связа, а других в темницы всади, и сяде на столе на великом княжении в Киеве».

Так закончилась наполненная бесконечными междоусобными войнами эпоха Юрия Долгорукого и началась новая глава русской истории, связанная с именем его сына Андрея Боголюбского.

4 июня или 4 июля?

Известие о смерти отца Андрей получил с опозданием — как это всегда случалось с известиями, приходившими в Суздальскую землю из Киева. Теперь он становился правителем огромного княжества, простиравшегося от самых границ Вятичской земли на юго-западе до Заволочья и Устюга на северо-востоке. Андрей уже давно свyksя с родным краем, полюбил его, прикипел к нему душой; здесь его тоже знали и любили, а потому его вступление на княжеский стол казалось делом естественным и не вызывающим сомнений. О недавнем крестном целовании младшим детям Юрия Долгорукого, Михаилу и Всеволоду, все как будто забыли: княжичи были слишком малы, и о признании их в качестве законных князей не могло идти и речи. Показательно, что избрание Андрея на «отний» (то есть отчий) стол произошло с одобрения жителей главных городов Ростовской и Суздальской земли — прежде всего Ростова и Суздаля, — в результате их волеизъявления на вече; показательно и то, что вспоминали при этом не только о старейшинстве Андрея и его несомненных правах на престол, но и о его христианских добродетелях и несравненных душевных качествах. Во всяком случае, именно так излагает ход событий летописец, сообщая, что после смерти князя Юрия Владимировича «того же лета ростовци и суждалци, здумавше вси, пояша Андрея, сына его старейшаго, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали, занеже бе любим всеми за премногую его добродетель, юже имяше прежде к Богу и ко всем сущим под ним»^{177}. В Ипатьевской летописи к «ростовцам и суздальцам» прибавились ещё и «володимирци», а в перечень княжеских столов, на которые был посажен

Андрей, добавлен Владимир^{78} — но это добавления более позднего владимирского летописца, очевидно, желавшего «задним числом» повысить статус своего города, ставшего при Андрее Боголюбском столицей княжества. (Впрочем, так описывается избрание Андрея в «официальном» летописании его времени. Спустя 17 лет, в припоминании об этом — уже в связи с событиями, последовавшими за гибелью Боголюбского, — летописец обратит внимание совсем на другое: ростовцы и суздальцы «посадиша» Андрея на княжеский стол, «преступивше хрестное целованье», которое ранее дали его отцу Юрию^{79}.)

Судя по летописному рассказу, торжества интронизации проходили в Ростове — старейшем городе Северо-восточной Руси, стольном для первых здешних князей, начиная со святого Бориса. Когда именно это произошло? Старшие русские летописи, Лаврентьевская и Ипатьевская, точной даты не называют. Зато она имеется в некоторых других летописях, хотя и приведена в них по-разному — *4 июля* или *4 июня* 1157 года. Первая дата, *4 июля*, появляется в Радзивилловской летописи XV века, однако выглядит здесь очевидной вставкой: по всей вероятности, первоначально она читалась на полях той рукописи, которая послужила источником для летописца, а затем попала в текст, но явно не на своё место. В результате получилось совсем не складно: «...и посадиша на столе в Ростове и в Суздали. — Сей же благоверный князь Андрей — июля 4 — за прем[н]огою его добродетель, — зане бе прелюбим всеми, — юже имеяше преже ко Богу и ко всем сущим под ним»^{80}. Схожий текст, лишь с исправлением даты — «*июня 4*» — читается в Московско-Академической летописи, также XV века^{81}. Обе летописи принадлежат к числу наиболее авторитетных и заслуживающих доверия; соответственно, и источник, из которого их составители черпали свои сведения (и из которого

заимствована указанная дата, или даты, вокняжения Андрея), следует признать весьма древним и также заслуживающим доверия. Дата *4 июня* приведена и в так называемом Летописце Переяславля Суздальского — ещё одном памятнике русского летописания XV века. Но здесь текст уже отредактирован и грамматически выстроен правильно: «Том же лете ростовци и суждалци, съдумавши вси посадиша Андрея, сына его старейшаго, на столе отни в Ростове и Суждали, месяца июня в 4, зане бе прелюбим всеми за премногую его добродетель...»^{82} Наконец, дату *4 июля* называет В.Н. Татищев, использовавший в своей «Истории Российской» какой-то иной летописный источник, не совпадающий с известными нам сегодня^{83}.^[30] «Как скоро Андрей Юриевич известие о смерти отцовой получил, — писал историк позднее уже от себя, распространяя и домысливая летописный текст, — так скоро себя великим князем во всей Белой Руси (то есть, по терминологии Татищева, Великороссии. — А. К.) объявил и ко всем князем о том писал, которому суздальцы, ростовцы и другие грады... собравшись в великом множестве, с радостию крест целовали, понеже его храбрости, справедливости и добраго правления ради, всенародно паче всех братии любили»^{84}.^[31]

Историкам остаётся выбирать между двумя названными датами. Понятно, что одна из них появилась в результате простой описки, ошибки в одну букву. Дата *4 июля* кажется мне более вероятной, и вот почему. Едва ли торжества, связанные с официальным провозглашением Андрея князем Суздальским и Ростовским, могли произойти спустя всего три недели после смерти его родителя, ранее завершения сороковин по нему (то есть ранее 23 июня). К тому же 29 июня, в субботу, завершился Петровский пост, начавшийся в том году 27 мая. Мы знаем, что Андрей отличался искренним благочестием и повышенной

ревностью к церковным установлениям; и постные дни, и сорокадневный траур по отцу он должен был соблюдать с подчёркнутой строгостью. Ещё важнее другое. И 4 июня, и 4 июля выпали в 1157 году на будние, казалось бы, ничем не примечательные дни (первая дата — вторник, вторая — четверг). Но день 4 июля был для князя особым. Если этот день он выбрал для торжеств сам — а сомневаться в этом не приходится, — то сделал это далеко не случайно. В этот день Церковь празднует память святителя Андрея, архиепископа Критского; иными словами, этот день был днём княжеских именин, или, точнее, одним из таких дней. (Знаменательно, что ныне Церковь празднует 4 июля и память самого благоверного князя Андрея Юрьевича.) Вступая на княжеский стол, Андрей, очевидно, хотел заручиться поддержкой своего небесного покровителя. Так поступали в подобных случаях и другие русские князья того времени. Например, киевский князь Изяслав Мстиславич приурочил в 1147 году важное для себя церковное событие — избрание на русскую митрополию своего ставленника Климента Смолятича — к 27 июля, своим именинам — дню памяти святого великомученика и целителя Пантелеймона, чьё имя он носил в крещении.

Святитель Андрей Критский, автор великопостного «Покаянного канона», входил в число святых, весьма почитаемых на Руси. Особенно горячо чтили его память соименные ему русские князья, и в их числе, разумеется, князь Андрей Юрьевич. В комплекс сочинений, включающий в себя знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха, входит «Молитва», содержащая обращение к святителю Андрею; текст этот заимствован из молитвы святому, которая в Триоди постной — богослужебной книге, содержащей молитвословия Великого поста, следует сразу же после «Покаянного канона». Исследователи спорят, для кого из русских князей —

потомков Владимира Мономаха — «Молитва» была переписана вместе с «Поучением»: одни считают, что для сына Мономаха Андрея Владимировича, князя Переяславля-Южного, другие — что для его внука Андрея Боголюбского^{85}. Но в любом случае надо согласиться, что слова, процитированные в этом памятнике, для обоих князей звучали особенно пронзительно: «Андрею честный, отче преблаженный, пастырь Критский, не оставь молиться за нас, почитающих тебя, да избавимся все от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, почитая с верою память твою»^{86}.

Слова эти, несомненно, звучали 4 июля — и во всеуслышание, под сводами церкви, и в душе князя Андрея Юрьевича, в его личной, келейной молитве. Так день своих именин князь сделал и днём своего политического триумфа.

Первые годы: отношения с князьями

По получении известия о смерти родителя князь Андрей Юрьевич прежде всего озаботился тем, чтобы соответствующим образом почтить его память, отдать отцу последний сыновний долг. «Тем же и по смерти отца своего велику память створи, — продолжает свой рассказ летописец, — церкви украси, и монастыри постави, и церковь сконца (завершил. — А. К.), иже бе заложил переже отець его Святаго Спаса камяну». В последнем известии, скорее всего, речь идёт о завершении строительства церкви в Переяславле-Залесском^{87}, хотя некоторые летописи — по-видимому, ошибочно — указывают на Владимир^{88} или Суздаль^{89}. Несомненно, в ростовские, суздальские и иные храмы были сделаны богатые вклады; какие-то пожертвования, и немалые, были отправлены в Киев, и в первую очередь в церковь Святого Спаса на Берестовом — усыпальницу Юрия Долгорукого.

Богатые дары князь Андрей Юрьевич послал и в Киевский Печерский монастырь. Старейший и наиболее прославленный на Руси, монастырь этот поддерживал тесные связи с Юрием Долгоруким и пользовался его покровительством даже в те годы, когда Юрий княжил в Суздале (не случайно имя князя несколько раз упоминается на страницах Киево-Печерского патерика). Само погребение Юрия на Берестовом могло объясняться близостью Берестовской церкви к Киевским пещерам. О каких-либо связях с Печерской обителью Андрея Боголюбского древнейшие источники не сообщают, однако о том, что его имя пользовалось здесь немалым авторитетом, свидетельствует тот факт, что им оказалась надписана поддельная грамота на пожалования монастырю города Василева и других

ближних к Киеву местностей, составленная в конце XVI столетия^{90}. Вполне вероятно, что экземпляр какой-то Андреевой грамоты в монастыре имелся и имя князя было извлечено составителями фальшивки оттуда. Это мифическое пожалование, датированное 6667 (1159) годом, якобы было дано Андреем по смерти отца и в соответствии с отчей «заповедью», сделанной Юрием «при доброй памяти» перед самой кончиной. Авторы фальшивки восстанавливали и некоторые обстоятельства смерти и погребения Юрия Долгорукого — увы, весьма далёкие от действительности. По их утверждению, при погребении князя присутствовали не только сам Андрей (превращенный ими в нового киевского князя, преемника отца) и его названная по имени супруга, но и киевский митрополит «со всеми честными епископы розличных городов», и иные епископы, стекшиеся «на провод в богоспасаемый град Киев в монастырь Печерский тело господина отца моего великого князя», и «думные и вельможные князья», и «бояры наши» (то есть Андреевы) и «племянники» (отметим, наряду с явными ошибками и несообразностями документа, его терминологию, соответствующую концу XVI, но отнюдь не XII веку). Понятно, что сам Андрей присутствовать при погребении отца не мог. А вот память о его вкладах в монастырь, вероятно, сохранилась.

Первые годы суздальского княжения Андрея Боголюбского ознаменованы многими важными событиями. Поначалу он по большей части занимался внутренними делами княжества. Так, уже на следующий год по вокняжении Андрей начал строительство нового духовного центра Северо-восточной Руси — монументального собора во имя Успения Пресвятой Богородицы в городе Владимире, ставшем при нём новой столицей княжества. Однако о масштабном строительстве князя во Владимире и других городах его

земли мы будем подробнее говорить в следующих главах книги. Пока же постараемся охарактеризовать ту внешнюю обстановку, в которой протекали первые годы его пребывания у власти, и ту линию поведения, которую он выбрал во взаимоотношениях с другими князьями.

* * *

В отличие от отца, Андрей не обладал династическим старейшинством среди русских князей, а потому и не претендовал на обладание Киевом, предоставив бороться за него другим представителям княжеского рода. В события, происходившие в Южной Руси, он вмешивался лишь в силу необходимости и поначалу с очень большой осторожностью. Между тем события здесь развивались по ставшему уже привычным сценарию.

Заняв киевский стол, князь Изяслав Давыдович немедленно столкнулся со всеми теми противоречиями, которые осложняли жизнь его предшественнику Юрию Долгорукому. Неустойчивость своего положения он, как и Юрий, пытался компенсировать отчасти мирными договорами, созданием коалиций с отдельными князьями, а отчасти военными походами, которые, однако, надо было ещё довести до победы. Между тем Изяслав Давыдович никогда не считался искусным полководцем. В трудных ситуациях он больше полагался на собственное красноречие, умение при случае «припретать» противника в споре, а вот на поле брани чувствовал себя куда менее уверенно. Воевать же ему приходилось часто. В качестве киевского князя он организовал два больших военных похода, но оба они завершились неудачно. Сначала, в том же 1157 году, Изяслав вместе с другими князьями ходил к Турову,

намереваясь отнять город у туровского князя Юрия Ярославича и передать его князю Владимиру «Матешичу», внуку Мономаха (не слишком ладившему с другими потомками Мстислава Великого). Отклонив просьбу Юрия о переговорах, Изяслав приступил к осаде и простоял у города десять недель, однако внезапно начавшийся мор в конях не позволил ему добиться успеха; «и тако не успевше ему ничтоже, възвратишася в своя си... и мнози пеши придоша с тоє войны»^[91].^[32] Второй поход Изяслава имел ещё более печальные последствия. В 1158 году он начал войну против сына покойного Владимирка Галицкого, князя Ярослава Владимировича Осмомысла, — между прочим, бывшего союзника и зятя Юрия Долгорукого. Но поход этот, не успев начаться, обернулся для Изяслава войной с целой коалицией южнорусских князей.

Вражда Изяслава с галицким князем имела довольно запутанную историю, связанную с князем-изгоем Иваном Ростиславичем Берладником — личностью весьма примечательной (своё прозвище он получил из-за того, что на какое-то время обосновался в Нижнем Подунавье, в районе реки Берлад, или Бырлад, ныне на территории Румынии, — пристанище вольных, никому не подчинявшихся людей — так называемых «берладников»). Лишившийся удела в Галицкой земле, он избрал для себя ремесло кондотьера, наёмника, переходя от одного князя к другому: в разные годы Иван служил то князьям Ольговичам (причём одного из них — князя Святослава Ольговича — попросту ограбил), то Ростиславу Смоленскому, то Юрию Долгорукому. Однако не забывал он и о своих правах на Галич, а главное, в Галиче ни на минуту не забывали о нём: ни галицкие князья, его ближайшие родичи, страшившиеся его как возможного претендента на галицкий стол, ни сами галичане, видевшие в нём избавителя от тяжёлой руки местных князей — сначала Владимирка Володаревича, а

затем его сына Ярослава Осмомысла. (Известно: тот, кто находится далеко и давно уже не появляется в родных краях, всегда в глазах подданных выглядит предпочтительнее того, кто давно уже держит в своих руках власть.) Юрий Долгорукий, весьма дороживший союзом с галицкими князьями, в конце концов приказал схватить Берладника и заточить в темницу, а затем и вовсе согласился выдать его в Галич. При этом он пошёл на прямое нарушение крестного целования, которое ранее дал Берладнику. Зимой 1156/57 года по распоряжению Юрия Иван в оковах был привезён из Суздаля в Киев. Сюда за ним прибыло посольство от князя Ярослава Осмомысла — его двоюродного брата. Однако нарушение Юрием клятвы, данной на кресте, вызвало негодование в Киеве. В защиту Берладника выступили митрополит Константин и киевские игумены, и Юрий не решился доводить до конца начатое им злое дело. Вняв увещаниям духовных лиц, он отказался от обещания Ярославу, но пленника не освободил, а всё так же в оковах отправил обратно в Суздальскую землю. По дороге на суздальский отряд напали люди черниговского князя Изяслава Давыдовича — в то время уже врага Юрия. Они отбили Берладника и доставили его в Чернигов. Изяслав немедленно освободил пленника и с этого времени стал покровительствовать ему. Когда же он занял киевский стол, Берладник вместе с ним перебрался в Киев.

На этом, однако, злоключения князя не закончились. Ярослав Галицкий продолжал добиваться выдачи двоюродного брата. Заручившись поддержкой большинства южнорусских князей, а также венгерского короля и правителей Польского государства, он в начале 1158 года отправил с этой целью в Киев многочисленное посольство. На сей раз Изяславу Давыдовичу удалось «припреть» (то есть переспорить) послов, и выдавать Берладника в Галич он отказался. Тем не менее

настойчивость галицкого князя напугала Ивана Ростиславича, имевшего уже печальный опыт неисполнения русскими князьями своих обещаний. «Уполошився» (по выражению летописца), он бежал из Киева и отправился в Половецкие степи, а оттуда вместе с половцами двинулся на Дунай и «ста в городех подунайских». Здесь Иван начал пиратские действия, захватывая галицкие торговые и рыболовные суда «и пакостяше рыболовом галичьским». Помимо значительного числа половцев, он собрал у себя до шести тысяч «берладников» и с этими силами напал на пограничные галицкие города. Местные жители начали массово переходить на его сторону. Примечательно, что Иван, заботясь о горожанах, не давал половцам разорять галицкие города — это нечастый случай в истории междукняжеских войн XII века. Недовольные этим запретом, половцы покинули князя, что сильно ослабило его в военном отношении.

Можно думать, что действия Берладника были на руку князю Изяславу Давыдовичу или даже согласованы с ним. Однако Изяслав всё же принял меры к тому, чтобы прекратить их: он послал за Иваном Ростиславичем и привёл его к Киеву. В том же году Изяслав Давыдович попытался своими силами вернуть Берладнику галицкий стол. При этом он также рассчитывал на поддержку галичан, которые открыто звали Берладника к себе, обещая при его появлении сразу же перейти на его сторону. В конце осени 1158 года Изяслав Давыдович выступил в поход против Ярослава Галицкого. Двоюродный брат Изяслава Святослав Ольгович, княживший тогда в Чернигове, пытался остановить его: «Брате, кому ищеши волости, брату ли или сынови?» — передают его слова летописцы. Святослав готов был помочь — но только в том случае, если Изяслав подвергнется нападению кого-то из князей; самому же начинать войну из-за

Берладника он считал непростительной ошибкой. «Я[з], брате, не лиха хотя тебе, бороню (возбраняю. — А. К.) не ходити, но хотя ти добра и тишины земли Русские», — объяснял он двоюродному брату своё решение.

Его упрёки, несомненно, были справедливы. Однако Изяслава они привели в ярость. «Ведомо ти буди, брате, — велел он передать Святославу Ольговичу, — всяко не ворочюся, уже есмь пошёл». А дальше прямо угрожал ему: «Оже ты сам [не] идеши, ни сынапустиши, аже ми Бог даст, успею Галичю, а ты тогда не жалуй на мя, оже ся почнёшь попользвати (отползати. — А. К.) и Щернигова к Новугороду (Новгороду-Северскому. — А. К.)». А ведь совсем недавно Изяслав целовал крест двоюродному брату, что не будет «искать» под ним Чернигов! Так союз двоюродных братьев в очередной раз сменился жестокой враждой.

Изяслав послал за помощью к «диким» половцам — своим всегдашним союзникам. Среди прочих с двадцатитысячным войском явился к нему половецкий хан Башкорд, «отчим» его родного племянника Святослава Владимировича^[33] (небывалый случай в русской истории: вдова Изяславова брата Владимира, внучка Мономаха, бежала в Степь и стала там женой половецкого «князя»!). Однако не дремал и Ярослав Галицкий, сумевший соединиться с могущественным волынским князем Мстиславом Изяславичем (сыном покойного киевского князя Изяслава Мстиславича) и ставшим его союзником Владимиром Андреевичем, сидевшим в Пересопнице. Объединённая рать двинулась к Киеву, причём другим путём, нежели тот, по которому шёл Изяслав Давышович. Тому пришлось поворачивать обратно. Пока Изяслав дожидался половцев в Василеве (городе на реке Стугне), враждебные ему князья успели занять Белгород на реке Ирпень — своеобразные ворота в Киевскую землю. С приходом половцев инициатива вернулась к Изяславу. Вместе с половцами и

берендеями, по традиции составлявшими значительную часть войска киевских князей, он осадил Белгород. Однако ставка на берендеев оказалась ошибкой с его стороны. Дело в том, что в прошлые годы берендеи неизменно поддерживали киевского князя Изяслава Мстиславича. Теперь же они вступили в тайные переговоры с его сыном: «Аще ны (нас. — А. К.) хочеши любити, яко же ны есть любил отець твой, и по городу ны даси по лепшему (то есть уступишь нам наши же города по реке Роси? — А. К.), то мы на том отступим от Изяслава» — такие слова передали они князю Мстиславу Изяславичу. Тот с готовностью согласился на их условия. Изяслав же узнал о случившемся слишком поздно — после измены берендеев его положение сделалось безнадёжным. Князь бежал к Гомелю, где стал дожидаться свою супругу, которой также пришлось бегством спасаться из Киева. Жестокому разгрому подверглись и половцы: часть их перехватили по дороге берендеи и торки, другие утонули в реке Рось, и лишь немногим удалось убежать к себе в степи. Между прочим, какую-то роль в происходящих событиях сыграл брат Андрея Боголюбского Глеб, княживший в Переяславле. Он принял в город свою тещу, жену Изяслава Давыдовича, однако сопровождать её до Гомеля, как подобало зятю, не стал — вероятно, не желая надолго покидать свой город. Из Переяславля княгиня отправилась в сожжённый её же мужем Городец Остёрский, а оттуда ещё дальше. «Почтил» и «утешил» её, по словам летописца, только двоюродный племянник её мужа Ярослав Всеволодович, который и проводил княгиню к супругу^[34].

Разгневанный неудачей, Изяслав Давыдович принялся разорять земли Святослава Ольговича, которого посчитал главным виновником своих бед. Объектом его притязаний стали «Вятичские города», то есть обширная лесная область на востоке Северской

земли, примыкавшая к владениям суздальских князей. Её-то он и занял, хотя обладание Вятичской землёй отнюдь не соответствовало его амбициям и воспринималось им как досадное и явно оскорбительное недоразумение. На время одним из его городов сделался также малозначительный Вырь (Вырев) в Посемье (области по реке Сейм), где он оставил свою супругу под защитой всё того же Берладника. Но жить здесь, на разорённой половцами окраине Черниговской земли, было тяжело: впоследствии Изяслав Давыдович выразится в том духе, что «лучше» ему принять смерть, нежели «у Выри... голодом мерети», то есть умирать голодной смертью. Что же касается суздальского князя Андрея Юрьевича, то он пока что в события не вмешивался и своего отношения к происходящему не выказывал, хотя военные действия приблизились к границам его княжества.

12 декабря 1158 года Мстислав Изяславич со своими союзниками занял Киев. Всё добро Давыдовича и его людей — «товара много... золота и серебра, и челяди, и кони, и скота, и всё» — Мстислав забрал себе и отправил во Владимир-Волынский. Но сам княжить в Киеве он не собирался, поскольку права на этот город по праву старейшинства принадлежали его дяде, князю Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. Ростислав согласился занять киевский стол, однако выставил неременное условие: Киев и киевскую митрополию кафедру должен был покинуть Климент Смолятич, приведённый Мстиславом с Волыни. Мстислав, в свою очередь, не соглашался видеть на митрополии грека Константина («зане клял ми отца»). В результате долгих и трудных переговоров князья целовали крест на том, что ни одного из претендентов на кафедру в Киев не впускать, но «инога митрополита привести им ис Царягорода». 12 апреля 1159 года, в самый день Пасхи, князь Ростислав Мстиславич вступил наконец на

киевский стол. Киевляне встречали его с ликованием — как внука любимого ими Мономаха, сына Мстислава Великого и брата Изяслава Мстиславича. Казалось, с его вокняжением безвременью и смуте будет положен конец.

Но не тут-то было. Изяслав Давыдович не смирился ни с потерей Киева, ни с утратой «отчего» Чернигова, который он передал Святославу Ольговичу в короткий период своего киевского княжения. Летом или осенью того же 1159 года он вновь собрал у себя множество половцев и «с всею силою половецкою» двинулся на двоюродного брата. Но и Святослав Ольгович уступать не собирался. Он заключил военный союз с Ростиславом Киевским и заручился его поддержкой. Чернигов обороняли дружины не только самого Святослава Ольговича, но и его племянника Святослава Всеволодовича и князя Рюрика Ростиславича, сына Ростислава Мстиславича. Примечательно, что Ростислав, не доверяя Ольговичу, посчитал нужным удержать в Киеве в качестве заложника его сына Всеволода.

Сражение за Чернигов получилось ожесточённым. Враждующие рати разделяла река Десна: «...бьяхуся с ними о реку... крепко: они на коних, а ини в насадех (речных судах. — А. К.) ездяче, и не пустиша е (их. — А. К.) черес реку». Между тем половцы Изяслава Давыдовича опустошали черниговские волости: «...и стоявше, велику пакость створиша, сёла пожгоша, люди повоеваша». Ольговичи запросили у Ростислава Мстиславича подмогу, и тот откликнулся на их просьбу. Узнав об этом, Изяслав отступил; за ним была снаряжена погоня, однако настигнуть его Ольговичам не удалось. Святослав велел распустить войско. Давыдович же по-прежнему пребывал в готовности к войне. В Чернигове у него имелись осведомители; от них-то князю и стало известно о том, что войска из Чернигова выведены, а главное — что Святослав Ольгович серьёзно занемог.

Воспользовавшись этим, Изяслав «вборзе, сгадав с дружиною, пойма ротники своя», то есть тех же половцев, и «изъездом» устремился к Чернигову. Но и на этот раз расчёт его оказался неверным. Превозмогая болезнь, Святослав собрал войско; вернулись к нему и союзники, не успевшие далеко отойти от города. Берендеи и «молодшая» (то есть младшая) дружина неожиданно ударили по половцам и нанесли им серьёзный урон: «много их избиша, а другыя руками изоимаша (то есть взяли в плен. — А. К.) и люди отполониша своя, иже бяху половци поймали». Половцы бежали прочь. Вслед за ними пришлось отступить и Изяславу. «Убоявся», он переправился обратно за Десну и, преследуемый противными ему князьями, ушёл в Вятичскую землю, а затем ещё дальше — к Вщижу, городу на Десне, километрах в сорока выше Брянска по течению реки, где сидел на княжении его племянник Святослав Владимирович (тот самый «пасынок» Башкорда). Половцы, всегда готовые поживиться за счёт бесконечных княжеских раздоров, по-прежнему стекались к нему на зов. В начале зимы, мстя Ростиславу, Изяслав принялся разорять смоленские пределы: «и тамо много зла створиша половци», захватив в полон более тысячи христианских душ, а ещё больше перебив. Но всё это не могло оказать решающего воздействия на ход войны. Тем более что Святослав Ольгович — опять же при поддержке киевского князя Ростислава Мстиславича и других союзных ему князей — выступил к Вщижу, ставшему главным оплотом Давыдовичей в Подесненье.

Тогда-то в поисках союзника Изяслав и обратил свои взоры в сторону князя Андрея Юрьевича Боголюбского — едва ли не единственного из русских князей, кто оставался в стороне от конфликта и в то же время обладал достаточной силой для того, чтобы оказать Давыдовичам существенную поддержку. Старая вражда

с Суздальским княжеским домом была забыта; напротив, теперь Изяслав должен был вспомнить о союзе, некогда заключённом им с отцом Андрея Юрием Долгоруким и скреплённом браком его дочери с Глебом Переяславским. Прямо из смоленского похода — благо расстояние позволяло — он заслал к Андрею новых сватов, «испрашивая» у него дочь в жёны своему племяннику Святославу Владимировичу, а заодно «испрашивая» и «помочь», то есть войско для защиты того же Святослава, уже осаждённого князьями во Вщиже. И Андрей, который внимательно следил за всем происходящим в Южной Руси, согласился на обе просьбы Изяслава Давидовича^[35]. Тогда же, зимой, он отправил к Давидовичу своего сына, юного Изяслава, «со всим полком своим», а также «муромскую помощь», то есть полки своего союзника муромского князя Владимира Святославича.

Что стояло за этим решением Андрея Боголюбского? Насколько точно просчитал он все варианты развития событий, все возможные последствия своего вмешательства в конфликт южнорусских князей? Что мог дать ему союз с Изяславом Давидовичем — давним противником его отца? Ведь враг Изяслава, князь Святослав Ольгович, находился в свойстве с Андреем Боголюбским, чья сестра была замужем за его сыном Олегом. В прежних войнах Святослав Ольгович проявил себя как наиболее последовательный и стойкий союзник Юрия Долгорукого; Изяслав же, напротив, был известен неумением держать слово, соблюдать крестное целование. Почему же Андрей всё-таки поддержал его? Ответов на эти вопросы у нас нет. Но рассуждая о причинах, по которым Андрей пошёл на союз с Давидовичем, можно, пожалуй, вспомнить о том, что в прежних войнах Андрей показал себя решительным противником кровопролития и войны вообще. («Се коль добро, еже жити братие вкупе!» — говорил он когда-то

отцу словами библейского псалма.) Готовность к миру он подтверждал и делами, всегда выступая за мирное решение междукняжеских споров. Так, может быть, и теперь его вмешательство в конфликт отнюдь не означало его действительной готовности к войне, к пролитию крови? Может быть, он вмешивался в конфликт для того, чтобы погасить, уладить его? Но даже если так, у нас нет сомнений и в том, что он стремился обозначить свои собственные политические интересы, добиться для себя каких-то ощутимых политических выгод, упрочить своё положение среди других русских князей. И момент, который он выбрал для этого, показался ему наиболее удачным. Не случайно и то, что его юный сын — пусть и номинально — встал во главе похода. Андрей, несомненно, хотел, чтобы тот не только набрался военного опыта, но и, что называется, проявил себя — причём участием не во внутренних суздальских, а в общерусских делах. Сам он, Андрей, слишком поздно стал заметной фигурой на общерусском фоне, слишком поздно отец начал поручать ему какие-то важные дела. Очевидно, Андрей не хотел повторять ошибки отца применительно к собственному сыну.

Между тем у Вщижа собрались почти все участники этой затяжной войны. Вместе со Святославом Ольговичем здесь были его сын Олег, оба его племянника Всеволодовича, Святослав и Ярослав, князь Рюрик Ростиславич с киевским полком, его брат Роман Ростиславич со смолянами, полки из союзного Ростиславичам Полоцка и галичане во главе с прославленным воеводой Константином Серославичем. Осада продолжалась уже пять недель. И лишь известие о том, что сын Андрея «с силою многою ростовскою» движется к городу, заставило князей пойти на мировую. Примечательно, что Ипатьевская летопись содержит два независимых рассказа о событиях у Вщижа^{92}. По одной

версии, присутствующей также и в Лаврентьевской летописи и, очевидно, имеющей ростовское происхождение, князья согласились на мир со вщижским князем, «убоявшееся» Андреевича. В другой версии рассказа имена Андрея и его сына не упоминаются. Простояв пять недель возле города, сообщает автор (очевидно, излагающий события с точки зрения Святослава Ольговича), князья «створиша» мир, «и на том целова хрест Володимиричь (Святослав. — А. К.) к Святославу (Ольговичу. — А. К.), яко имети ему его в отца место и въ всей воли его ему ходите». Это, скорее, напоминает капитуляцию вщижского князя. Но так ли было на деле? И не выдаётся ли здесь желаемое за действительное? Ведь ранее, в первой версии рассказа, тот же летописец утверждал, что Святослав Владимирович признал «отцем своим» будущего тестя — Андрея Боголюбского!

Так или иначе, но вмешательство Андрея действительно положило конец войне. С его стороны не было пролито ни единой капли крови: одна лишь демонстрация силы заставила противников поспешить с заключением мирного договора. Оба Изяслава — и старший, Давыдович, и младший, Андреевич — повернули свои полки: Изяслав Давыдович направился в «Вятичи», а сын Андрея Боголюбского — к отцу, в Суздальскую землю. большую часть пути князья проделали вместе. По пути, в Волоке (предшественник нынешнего Волоколамска), на стыке новгородских, смоленских и суздальских владений и поблизости от вятичских городов Изяслава Давыдовича, Андрей Боголюбский встретился со своим сватом и новым союзником. По всей вероятности, здесь же, в Волоке, он расстался со своей юной дочерью, которая направилась для совершения бракосочетания во Вщиж, к племяннику Изяслава Святославу^[36].

Волок Дамский не случайно был выбран Андреем для «съезда» (встречи) с Изяславом Давидовичем. Это главная перевалочная база и узловой центр новгородско-суздальской торговли. Волок считался новгородским владением, однако представлял собой своеобразный анклав внутри Суздальской земли, и суздальские князья нередко претендовали на него, а Андрей, как видим, добился того, что город перешёл в его руки. Но, как оказалось, Андрей имел виды не только на Волок, но и на сам Великий Новгород, в котором со времён его отца Юрия Долгорукого не раз правили князья из Суздальского дома. Впрочем, о том, что происходило в те годы в Новгороде, и о новгородских заботах князя Андрея Боголюбского стоит поговорить отдельно.

Младший брат Боголюбского князь Мстислав Юрьевич покинул Новгород в начале 1157 года в результате «которых», то есть беспорядков, вспыхнувших в городе. Дело едва не дошло до кровопролития. В тот самый день, когда Мстиславу удалось бежать, в город вступили сыновья князя Ростислава Мстиславича Смоленского Святослав и Давыд, а спустя три дня явился и сам Ростислав, который окончательно пресёк мятеж; «и не бысть зла ничтоже», как с облегчением констатирует новгородский летописец.

Ростислав прокняжил в городе немногим более года. События вокруг Киева требовали его присутствия в Смоленске. Летом или в начале осени следующего, 1158 года он вместе с супругой вернулся домой, оставив в Новгороде двух своих сыновей: на новгородском столе — Святослава, а в Новом Торгу (нынешний Торжок) — Давыда, который ранее однажды уже сидел в Новгороде. Нельзя сказать, что это пришлось по душе новгородцам, которые хотели бы видеть своим князем именно Ростислава, а не его сыновей, во всём зависимых

от отца. К тому же присутствие в Новгородской земле сразу двух князей не могло не показаться им обременительным — и потому, что расходы на княжескую администрацию составляли важную статью городского бюджета, и потому, что с двумя князьями договариваться всегда труднее, чем с одним, и потому, что присутствие отдельного князя в Новом Торге таило в себе угрозу для целостности Новгородской земли.

Вероятно, всё это учитывал князь Андрей Юрьевич, когда зимой 1160 года из Волока — то есть с территории Новгородской земли — обратился к новгородцам с грозным заявлением о своих намерениях. «Ведомо буди: хочю искати Новагорода и добром, и лихом», — объявлял он, а далее вспоминал о том, что новгородцы якобы целовали ему крест (когда это было, мы не знаем), и предлагал им мир на следующих условиях: «А хрест есте были целовали ко мне на том, яко имети мене князем собе, а мне вам хотети (в другом списке: хотети добра. — А.К.)»^{93}. В этот момент, напомним, в Волоке находился и князь Изяслав Давышович, а значит, в своих притязаниях на Новгород Андрей опирался и на его, пускай и не высказанную вслух, поддержку.

Как видим, в новгородских делах Андрей продолжал политику отца, который первым включил Новгород в сферу интересов суздальских князей. Но действовал Андрей, пожалуй, более решительно, открыто заявляя о своих намерениях и демонстрируя силу, с которой приходилось считаться всем — и не только новгородцам, но и ставшему киевским князем Ростиславу Мстиславичу. Слова Андрея фактически означали для него объявление войны.

Угрозы Андрея раскололи Новгород. «И оттоле начашася новгородци мясти (волноваться, приходить в смятение, мятежи. — А. К.), и вече часто начаша творити», — продолжает свой рассказ южнорусский летописец. Именно в Ипатьевской летописи, в этой своей

части представляющей собой нечто вроде семейной хроники смоленских Ростиславичей, раскрывается подоплёка новгородских событий. Естественно, что изложено всё с позиций Ростислава и его сына, идеальный образ которого предстаёт на страницах летописи. Собравшись на вече, новгородцы выдвинули Святославу Ростиславичу ультиматум: «рекоша ему: “Не можем дву князю держати, а пошли, выведи брата Давыда с Нового Торгу”». Святослав подчинился, и Давыд отправился в Смоленск, к старшему брату Роману. Но эта уступчивость князя лишь подлила масла в огонь. «И не дотуда ста злоба их, — продолжает летописец, — но паче на горшее зло подвигошася». Уже на следующее утро, «мало время переждавше», новгородцы «створше вече на Святослава, переступивше хрестъное целование к Ростиславу и к сынови его...». Святослав пребывал на Городище — в резиденции новгородских князей близ города, когда подоспевший доброжелатель сообщил ему, что «велико зло деется в городе: хотять тя людие яти (схватить. — А. К.)». «А что еси им зло створил, оже мя хотять яти?! — патетически воскликнул князь в ответ. — А к отцю моему хрест целовавше на том, яко имети мя князем себе до живота моего! А вчера ко мне вси целовали Святую Богородицю!» Но тут «поиде множество народа людий, и емше князя, запроша в ыстебке (в избе, отапливаемой темнице. — А. К.), а княгиню послаша в монастырь (Святой Варвары, как уточняет новгородский летописец. — А. К.), а дружину его исковаша, а товар его разъграбиша и дружины его». Позднее Святослава перевели в Ладогу, «приставивше стороже многы к нему», однако князю удалось бежать — сначала в Полоцк, а оттуда домой, в Смоленск. Правда, случилось это уже летом, если не осенью того же года, когда события в Новгороде завершились переходом города

под контроль Андрея. В бегстве князя к тому времени были заинтересованы все, не исключая и Боголюбского.

Расправа над Святославом и его дружиной больно ударила и по самим новгородцам. Узнав о произошедшем, князь Ростислав Мстиславич повелел схватить тех жителей Новгорода, которые, на свою беду, оказались в Киеве по торговым делам, и бросить их в «погреб» (подземную темницу) в Пересечене, близ Киева, а всё их имущество конфисковать. Повеление его было исполнено с таким усердием, что 14 человек новгородцев задохнулись от недостатка воздуха (или от нарочно пущенного дыма). Смерть их сильно опечалила князя, отнюдь не склонного к чрезмерной жестокости; по его приказанию новгородцы были вытащены из «погреба» и «розведены» по разным городам, в которых их можно было содержать в более или менее сносных условиях.

Между тем новгородцы вступили в переговоры с Андреем Юрьевичем: «послашася» к нему в Суздаль, «просяче у него сына княжить Новугороду». Они готовы были выполнить требование Андрея, поскольку теперь это отвечало и их интересам, но в то же время искали компромисс, устраивающий и их, и князя. Андрей встретил послов милостиво, но сына на княжение не дал, а предложил им брата Мстислава, однажды уже занимавшего новгородский стол и хорошо знакомого новгородцам. Но именно по этой причине новгородцы от Мстислава Юрьевича решительно отказались и принимать его — даже «из руки» Андрея — не захотели («переже бо бяше княжил у них»). Споры продолжались некоторое время, и наконец приемлемая для всех кандидатура была найдена: Андрей «отпустил» на княжение в Новгород своего племянника, тоже Мстислава, сына покойного старшего брата Ростислава Юрьевича. 21 июня 1160 года Мстислав Ростиславич (значительно позднее он получит прозвище — Безокий)

вступил в Новгород и был возведён на новгородский стол^{94}. Смена князей сопровождалась и сменой новгородских посадников: место прежнего, Якуна Мирославича, занял Нежата Твердятич, скорее всего, лично участвовавший в переговорах с Андреем. Он был известен своими давними связями с Суздальским княжеским домом: в Новгороде конечно же не забыли о том, что за 20 лет до описываемых событий, в 1139 году, Нежата, опасаясь расправы, бежал в Суздаль и князь Юрий Долгорукий тогда охотно принял его. Вот и теперь Нежата встал на сторону Юрьева сына.

Любопытно, между прочим, как произошедшее описано в Лаврентьевской (Суздальской) летописи. Её автор излагает ту версию событий, которая была выгодна суздальским князьям и которая, скорее всего, была сформулирована самим Андреем Боголюбским. Здесь смена князей в Новгороде объясняется... жестокой расправой над новгородцами князя Ростислава Киевского. Всё остальное как бы вынесено за скобки, причина и следствие поменялись местами: «Прислашася новгородци к Андрееви к Гюргевичю, просяще у него сына княжити Новугороду, а Ростиславича Святослава выгнаша, *зане бе Ростислав, отецъ его, изморил братью их в погребѣ и многих именье взял*»^{95}.

Комментарии, как говорится, излишни.

* * *

Так Андрей, казалось бы, достиг обеих поставленных целей: во-первых, через брак дочери с племянником Изяслава Давыдовича упрочил своё положение среди южнорусских князей, а во-вторых, поставил под контроль Новгород. Но если его намерения сводились исключительно к этому, то можно было бы сказать, что его политика в первые годы пребывания на суздальском

княжеском столе оказалась не слишком дальновидной — пройдёт совсем немного времени, и достигнутые им преимущества улетучатся, обратятся в ничто. Возможно, Андрей с самого начала преследовал и какие-то иные цели — однако нам о них ничего не известно.

Между тем ситуация на юге окончательно запуталась.

Всё началось с того, что князь Святослав Ольгович поссорился со своим старшим сыном Олегом, зятем Андрея. Как объясняет летописец, виной тому стали происки неких недоброжелателей, «злых людей», сумевших организовать сложную и многоходовую интригу. Олег отправился в Киев, куда его позвал великий князь Ростислав Мстиславич. Однако «злии человеци, не хотяче добра межи братьею видити», наговорили ему, будто Ростислав хочет его схватить, хотя у Ростислава подобных мыслей не было и в помине. Олег вернулся к отцу, но ничего говорить ему не стал, поскольку затаил обиду и на него, отпустившего его в Киев. Вместо этого, уехав в Курск, Олег вступил в переговоры с послами Изяслава Давыдовича. Интрига продолжалась: Олегу наговорили, будто великий князь намеревается отнять Чернигов у его отца и «мимо» него передать город Изяславу. К тому же выяснилось, что мир с Изяславом заключили и его двоюродные братья Всеволодовичи. В этой ситуации Олег предпочёл перейти на сторону двоюродного дяди. Святославу же Ольговичу, когда он узнал о тайных переговорах с Изяславом своего сына и племянников, дело представили следующим образом: ему тоже объяснили, что Ростислав Мстиславич готов передать Чернигов Изяславу Давыдовичу и с этой целью сын Ростислава Роман тайно посылал к Изяславу некоего смоленского попа. «А уже еси, княже, и волость свою погубил, держася по Ростислава, — растолковывали «злии люди» князю, — а он ти всяко лениво помогает». «И тако нужею

поведесе Святослав от Ростиславли любви к Изяславу, [не ведый льсти тоа, но творяше то правду]». Иными словами, с помощью обмана, хитрости Святослав сделался союзником Изяслава Давыдовича, преступив крестное целование, данное Ростиславу Киевскому^{96}.

Соединившись с племянниками и призвав к себе множество половцев (Святослав Ольгович всё же так и не выступил из Чернигова), Изяслав Давыдович начал новую войну за Киев. Но прежде он подступил к Переяславлю, в котором сидел его зять, брат Андрея Глеб, «веля ему поехать с собою за Днепр, на Ростислава». Глеб, однако, тестя не послушал: преступать крестное целование Ростиславу Мстиславичу и воевать с ним он не хотел. Трудно сказать, было ли его решение согласовано с Андреем или нет, но исключать такую возможность нельзя. Давыдович простоял возле города две недели — но безрезультатно. Тем временем Ростислав Мстиславич собрал войско и двинулся навстречу Изяславу. Не желая принимать бой в невыгодных для себя условиях, Изяслав поспешно отступил; бежали и половцы.

Однако союз Изяслава с племянниками сохранился. Зимой 1160/61 года, вновь собрав вокруг себя половцев, Изяслав Давыдович опять двинулся к Киеву. На этот раз он действовал более успешно: его войска переправились через Днепр и достигли окраин Киева. 8 февраля 1161 года у самых стен Киевской крепости разыгралось жестокое сражение. «И бысть брань крепка велми зело... и летяху мнози убиваеми от обоих, и тако страшно бе зрети, яко второму пришествию быти», — не жалеет красок, описывая битву, летописец. Ростислав устоять не сумел. По совету своих бояр он укрылся в Белгороде, где рассчитывал дожидаться помощи от союзных ему князей. В тот же день к Белгороду подошли его племянники Ярослав и Ярополк Изяславичи; другой его союзник, Владимир Андреевич, отправился за помощью

к торкам и берендеям. 12 февраля, в воскресенье, Изяслав Давыдович вступил в Киев и, не задерживаясь в городе, двинулся к Белгороду. Святослав Ольгович из Чернигова вновь пытался остановить его, «веля ему мир взяти» или же отступить за Днепр: «Аже будешь за Днепром, то вся твоя правда будет». Но Изяслав отговаривался тем, что отступать ему, по существу, некуда: союзные ему князья, его племянники, могут уйти каждый в свою волость, «а мне куда воротиться? В Половци не могу ити, а у Выри не могу голодом мерети, а лепле (лучше. — А. К.) хочу еде умерети». Слова его, к несчастью, оказались пророческими.

В тот самый день 12 февраля, когда Изяслав вступал в Киев, рано утром на небе было видно страшное и грозное знамение — полное лунное затмение^{97}. Луна двигалась через всё небо, с востока на запад, меняя свой облик, и наконец полностью исчезла, пока не появилась вновь: «и паки бысть яко кровава, и потом бысть яко две лица (два лика. — А. К.) имущи: одно зелено, а другое желто, и посреди ея яко два ратьника секущиеся мечема, и одному ею яко кровь идяше из главы, а другому бело, акы млеко течаше». Знающие люди тут же объяснили, что знамение это не к добру и «прообразует» оно княжью смерть. Впрочем, не исключено, что их неясные пророчества были истолкованы позднее, когда случилось непоправимое и княжеская кровь действительно пролилась...

Осада Белгорода продолжалась около четырёх недель. Ростислав заранее сжёг «острог» — внешнюю крепость; Изяслав с половцами осаждал детинец и разорял окрестности города. В самом начале марта на помощь Ростиславу подтянулись союзные князья: Мстислав Изяславич из Владимира-Волынского со своим полком и галицкой помощью, Рюрик Ростиславич с «чёрными клобуками». Примечательно, что вместе с Рюриком из Торческа выступил князь Василько Юрьевич,

брат Андрея, — это единственное его упоминание в качестве южнорусского князя за время, прошедшее со смерти отца. По всей вероятности, Василько признавал власть Волынского князя Мстислава и действовал заодно со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем. Однако сам факт его участия в войне на стороне союзников Ростислава Мстиславича оказался даже выгоден Андрею Боголюбскому, поскольку давал возможность в случае успеха Ростислава заключить с ним мир на более или менее приемлемых условиях^[37]. Соединившись у Котельниц, князья двинулись к Белгороду. Берендеи выпросились у Мстислава «на перед»: разведать, велика ли вражеская рать. Рейд их неожиданно обернулся победой над основными силами противника. По пути берендеи повстречались с половцами Изяслава Давыдовича и обратили их в бегство. Прибежав к Изяславу, половцы поведали о каких-то несметных силах — «рати великой», наступающей на Белгород.

Переполошившись и даже не проверив их сведения («ни полков видив»), Изяслав начал отступление. Союзники вместе с вышедшими из Белгорода силами Ростислава начали преследовать его и 6 марта настигли у речки Желяни, недалеко от Киева. Речка эта не в первый раз становилась местом ожесточённого побоища. «И ту начаша сечи я (их. — А. К.), — повествует летописец, — а инех руками имати». Изяслав отступал к озёрам и уже въезжал в какой-то лесок («борок»), когда его нагнали враги. Роковой удар нанёс князю некий Воибор Негечевич (в другом варианте: Генечевич), поразивший его саблею по голове; другой воин ударил Изяслава в «стегно», то есть бедро, так что тот рухнул с коня наземь. Когда князья подъехали к нему, Изяслав был ещё жив. И начал над ним плакать и сокрушаться князь Ростислав Мстиславич, рассказывает летописец; Изяслав же в ответ лишь просил испить водицы. Ему

протянули мех с вином, князь отпил из него и тут же испустил дух. Тело его отвезли в монастырь Святого Симеона в Киеве, а оттуда переправили в родной Чернигов, где и похоронили в церкви Святых Бориса и Глеба. Так сбылось небесное пророчество, и так закончилась жизнь одного из самых беспокойных и неудачливых русских князей XII века.

Гибель союзника и свата стала серьёзной потерей для князя Андрея Юрьевича. Очень скоро это отразилось и на его новгородских делах. Весной того же года он заключил с Ростиславом Мстиславичем мирный договор, один из пунктов которого касался княжения в Новгороде. По договорённости с великим князем Киевским Андрей вывел племянника из Новгорода, где тот просидел «год без недели» (следовательно, до середины июня 1161 года?). Именно так — о добровольном выводе Андреем своего племянника — сообщается в Новгородской Первой летописи; в Ипатьевской же сказано более определённо: «Гюргевича внука» новгородцы «выгнаша от себе». (Суздальская летопись об этом событии умалчивает.) А ещё спустя три месяца, 28 сентября, сын Ростислава Святослав вновь вступил в Новгород. Новгородцы посадили его на стол «на всей воле его» — очевидно, признав свою неправоту и покаявшись за злодеяния, совершённые годом ранее. Тогда же было отнято посадничество у Нежаты Твердятича. Новым новгородским посадником стал Захария — сторонник Ростиславичей.^[98]^[38] Забегая вперёд скажу, что верность Ростиславичу в конце концов будет стоять Захарии жизни.

Год 1161-й оказался исключительно тяжёлым и в истории Новгорода, и в истории Суздальской Руси. «... Том же лете стоя всё лето вёдром, и пригоре всё жито, а на осень уби всю ярь мороз, — с горечью писал новгородский летописец. — Ещё же за грехы наша не то зло оставися, нъ паки на зиму ста вся зима теплом и

дъжгем (дождём. — А. К.), и гром бысть». Следствием этих природных катаклизмов стали голод и чудовищная дороговизна: «...купляхом кадку малую (ржи? — А. К.) по 7 кун. О велика скърбь бяше в людях и нужда!»

Завершая рассказ о бурных событиях этих лет, скажем ещё, что в том же 1161 году один за другим ушли из жизни сначала муромский князь Владимир Святославич, верный союзник, или, точнее, «подручный», Андрея Боголюбского, а затем Иван Ростиславич Берладник, принесший столько бед и несчастий как себе самому, так и всей Русской земле. Свой путь он закончил в Греческой земле, в Солуни (Фессалониках); «и ини тако молвяхуть, яко с отравы бе ему смерть», — передавал ходившие тогда слухи летописец. Святослав Ольгович и его племянники Всеволодовичи целовали крест Ростиславу Мстиславичу. А вот племянник Ростислава воинственный Мстислав Изяславич в очередной раз рассорился с дядей: «розъгневавъся на стрыя своего... и много речи въста межи ими». Ростислав отобрал у племянника ряд городов, и в их числе Торческ, в котором ранее сидел на княжении Василько Юрьевич, брат Андрея Боголюбского. По всей вероятности, тогда-то Васильку и пришлось вернуться в Суздаль — как мы увидим, очень ненадолго. Мстислав же попытался выгнать из Пересопницы князя Владимира Андреевича и потребовал от него «отступити от Ростислава», но пересопницкий князь остался верен своему слову. А спустя несколько месяцев и сам Мстислав помирился с дядей, и тот вернул ему обратно все его города. Половцы в очередной раз подвергли нашествию южные рубежи Русской земли; в одной из схваток с ними погиб тот самый Воибор, от руки которого пал князь Изяслав Давыдович. Но и на сей раз половцы были разбиты «чёрными клобуками», а на другой год Ростислав заключил с ними мир, который скрепил браком своего сына Рюрика с половецкой

княжной, дочерью хана Беглюка (Белука)... Словом, всё продолжалось, как всегда, и конца этому, казалось, нет и не будет.

«Дом Пречистой»

Устранившись от борьбы за Киев и южнорусские города, князь Андрей Юрьевич сосредоточил свои усилия на обустройстве родной земли. Он продолжил широкую строительную программу, начатую его отцом Юрием Долгоруким, но придавал ей невиданный прежде размах.

Статья, следующая в Лаврентьевской летописи за той, в которой говорилось о вокняжении Андрея, помечена 6666 годом от Сотворения мира (март 1158-го — февраль 1159-го по привычной нам эре от Рождества Христова). Само начертание цифр — или, точнее, кириллических букв, обозначающих цифры, — выглядело зловеще и заставляло вспомнить ужасы Апокалипсиса и «усугублённое» «число зверя», названное в «Откровении» евангелиста и апостола, Иоанна Богослова (*Откр. 13:18*). Но ведь и этот, 6666-й год, как и все прочие, был предназначен прежде всего для жизни людей (ибо «о дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой» (*Мф. 24:36*) — так словами Христа сказано в Евангелии о принципиальной непостижимости точного расчёта времени конца света). Быть может, князь Андрей Юрьевич тоже задумывался об этом, принимаясь в самом начале зловещего 6666 года за возведение грандиозного каменного храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в городе Владимире? Ибо храм сей — «Дом Пречистой», как называли Богородичные церкви в древней Руси, — да и сам град Владимир, заново отстроенный князем и поставленный им под защиту Божией Матери — а значит, тоже ставший «Домом Пречистой», — должны были уберечь и его самого, и его людей в равной

степени и от земных, и от небесных, потусторонних напастей и бед.

«Заложи Андрей князь в Володимери церковь камену Святую Богородицю...» — этими словами открывается статья 1158 года в Лаврентьевской летописи^{99}. Летописец указал и точную дату закладки храма: «месяца апреля в 8, в день святого апостола Родиона, во вторник». Шла седьмая неделя Великого поста (седмица Ваий — предшествующая Вербному воскресенью), и эти дни как нельзя лучше подходили для трудов по разметке будущего храма и закладке рвов для его фундаментов — трудов отнюдь не праздничных, но предвещающих будущий праздник.

В той же статье, чуть ниже, летописец пишет и о другом грандиозном начинании князя: в том же году Андрей «...город заложи болий» — то есть заложил новые крепостные сооружения Владимира, значительно превосходящие своими размерами и мощью прежние, поставленные полвека назад его дедом Владимиром Мономахом.

Об этом строительстве — и города, и храма — и о значении, которое придавал князь тому и другому, мы поговорим более подробно. Сначала — о храме, которому суждено было на несколько веков — до возведения, «в подобие ему», Успенского собора в Москве — стать главным храмом всего Русского государства.

* * *

В соответствии с преданием, сохранившимся в поздних летописях, первый деревянный Успенский собор был сооружён во Владимире на Клязьме ещё князем Владимиром Святославичем, Крестителем Руси. Скорее всего, это легенда, едва ли имеющая отношение к

действительности: как считает большинство исследователей, Владимир на Клязьме был основан не Владимиром Святым в конце X века, а его правнуком Владимиром Мономахом в начале XII века^{100}. [39]

Но строя свой храм, Андрей действительно следовал образцу, заданному Владимиром Святым — правда, заданному не в Залесской земле, а в самом Киеве. Образцом этим стала для него знаменитая Десятинная церковь — главный храм Владимировой поры, поставленный в память о совершившемся Крещении Руси. Примечательно, что Десятинная церковь именуется в источниках просто «Святой Богородицей», или церковью Богородицы, — без указания на её посвящение, хотя из более поздних источников известно, что храм был посвящен именно Успению. Точно так же и построенный Андреем собор летописцы его времени, и даже гораздо более позднего, именовали церковью Святой Богородицы, или же «Златоверхой», не уточняя, какому празднику был посвящен храм: название *Успение Пресвятой Богородицы* применительно к Владимирскому собору появляется в летописях не ранее второй половины — конца XV века^{101}. И это отнюдь не случайность или какая-то забывчивость авторов летописи. Храм предназначался князем в первую очередь для принесённой им из Вышгорода иконы, был её «Домом» — а значит, в представлении людей того времени, и «Домом» для самой Божией Матери, столь зримо явившей себя во Владимире на Клязьме. В каком-то особом уточнении для обозначения храма надобности попросту не было.

В какой-то степени образцом для Владимирского собора можно считать и главный храм Киевского Печерского монастыря, также посвященный Успению Пресвятой Богородицы. С этой обителью, как уже говорилось, был тесно связан отец Андрея Юрий Долгорукий. Имелось, пожалуй, ещё одно

обстоятельство, которое надо принять в расчёт при объяснении причин посвящения Андреева храма. Именно Успению был посвящен главный кафедральный собор в Ростове — а ведь Андрей с самого начала своего княжения во Владимире вынашивал мысль о перенесении сюда центра новой епархии.

Строительство Успенского собора продолжалось более двух лет. Под 1160 годом суздальский летописец сообщает: «Того же лета создана бысть церковь Святая Богородица в Володимери благоверным и боголюбивым князем Андреем, и украси ю дивно многоразличными иконами и драгим каменьем бещисла, и сосуды церковными, и верх ея позлати». Торжество освящения церкви, очевидно, было приурочено к празднику Успения — 15 августа. А уже на следующий год церковь была расписана, причём всего за один сезон — весну и лето. «Почата бысть писати церкы в Володимери Золотоверхая, — сообщает летописец под 1161 годом, — а кончана августа в 30»^[40].

Ещё при основании храма князь Андрей Юрьевич обеспечил материальную сторону его существования, передав ему значительную часть собственного имущества, в том числе земли и дани с тех, кто жил на них, княжеские сёла с жившими в них людьми, десятую часть от княжеских стад, а также от торговых сборов, составлявших важную статью доходов княжества. При этом Андрей опять же брал за образец своего пращура Владимира Святого, Крестителя Руси, некогда наделившего «десятиной» от всего своего «именья» и «от град» своих созданную им киевскую церковь (по этой причине и именовавшуюся Десятинной). Подобно ему, и Андрей, заложив церковь, «...да ей много именья, и свободы (слободы. — А. К.) купленыя и з даньми, и села лепшая, и десятины (в Радзивилловской: десятину. — А. К.) в стадах своих, и торг десятый (то есть сборы от каждой десятой торговой недели. — А. К.)». Это

пожалование сразу же ставило новую церковь в особое, привилегированное положение. Не только потому, что она становилась богатейшей церковью Северо-Восточной Руси. Наделение десятиной превращало её в главный, кафедральный храм Владимиро-Суздальского княжества, каким прежде считался Успенский собор в Ростове.

Институт княжеской десятины — особое явление в истории древней Руси. Подобного способа материального обеспечения церкви за счёт государства не знали ни Византия, откуда пришло к нам христианство, ни латинский Запад. Но десятина — и это особо отмечают исследователи — давалась лишь кафедральным, то есть епископским, или же приравненным к ним храмам (вроде вышгородской церкви Святых Бориса и Глеба — одного из главных духовных центров домонгольской Руси)^{102}. «Устав, бывъший преже нас в Руси, от прадед и от дед наших: имети пискупом (епископам. — А. К.) десятину от Дании, и от вир, и от продаж (судебных штрафов. — А. К.), что входить в княжь двор всего» — так сформулировано это правило в Уставной грамоте князя Святослава Ольговича (на тот момент князя Новгородского), данной в 1136/37 году новгородской церкви Святой Софии^{103}. Тогда же, в 1136 году, то есть за двадцать с лишним лет до Андрея Боголюбского, смоленский князь Ростислав Мстиславич, исполняя давнее желание своего отца Мстислава Великого, добился выделения Смоленской епархии из состава Переяславской и учреждения в своём городе новой епископской кафедры. При этом он тоже дал кафедральной смоленской церкви Святой Богородицы и новопоставленному епископу «десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходит...». В его Уставной и жалованной грамоте Смоленской кафедре эти дани — десятины с княжеских доходов с каждой из княжеских «волостей» — подробно расписаны, а кроме

того «Святей Богородице» и епископу назначены сёла и отдельные земли, сеножати, озёра с рыбой и прочее^{104}. Подобной уставной грамоты князя Андрея Юрьевича не сохранилось (скорее всего, её никогда и не существовало). Но Андрей пока что и не создавал новой епархии, а лишь переносил её центр в свой город на Клязьме. Во всём подражая святому Владимиру, Андрей вручил основанной им церкви не только сёла и земли, как это сделал Ростислав, но и некоторые города своего княжества, вернее сказать, дани с них: эти «города... и дани, что же башеть дал церкви той блаженный князь Андрей», упоминаются в последующем рассказе летописца, посвященном событиям, происходившим во Владимирском княжестве уже после смерти Боголюбского^{105}.^[41] Один из таких градов «Святыя Богородица» нам известен — это Гороховец на правом берегу реки Клязьмы, на востоке нынешней Владимирской области. Здесь владения владимиро-суздальских князей вплотную приближались к землям мещеры — одного из финно-угорских племён. Надо полагать, что успенские клирики, помимо прочего, получали возможность вести миссионерскую деятельность среди местного населения^{106}.

Как мы увидим, Андрею, несмотря на все его усилия, так и не удастся создать новую Владимирскую епархию; это будет сделано его преемниками лишь спустя полстолетия после его смерти. Но далекоидущие замыслы князя были очевидны и для его современников, и для потомков. Не случайно, рассказывая о его строительстве во Владимире и о совершении им грандиозного Успенского собора, позднейший московский книжник, автор Никоновской летописи, напишет, что Андрей Боголюбский «не точию град сей в великое княжение хотящу», то есть не только желал сделать Владимир стольным городом своего княжества, *«но и митрополию в нём хотяще сотворити...»*, а чуть

ниже так дополнит более ранний летописный текст: «... И даде Господу Богу и Пречистей Богородице и святей церкви Ея Успению соборней... много стяжания, и имениа, и власти (волости. — А. К.)... *хотя бо zde не точию великого княжения, но и священный и божественна митрополии...*»^[107] Да, Андрей Боголюбский действительно задумал не просто перенести во Владимир центр новой епархии, но возвести её в степень *митрополии* — подобно тому как центром Русской митрополии был стольный Киев. Для этого требовалось разрешение константинопольского патриарха, с которым Андрей вступит в переписку. К чему это приведёт — мы поговорим позже.

Высокому предназначению храма должны были соответствовать и его внешний облик и внутреннее убранство — исключительные по меркам древней Руси.

Строили церковь, по всей вероятности, мастера, имевшие опыт возведения белокаменных храмов при отце Андрея Юрии Долгоруком. Но Успенский собор качественно отличался от прежних построек Северо-Восточной Руси. Историки архитектуры не сомневаются в том, что руководил артелью русских мастеров западноевропейский зодчий. Собственно, об этом писал ещё Татищев. Комментируя летописную запись о построении собора, он заметил: «Сие примечания достойно, что Андрей имел архитекта по дружбе от императора Фридерика Барбароссы (император Священной Римской империи Фридрих I (ок. 1125–1190, император с 1155-го). — А. К.)... и видимо, что архитектор был искусной...»^[42] И хотя слова его прямых подтверждений в источниках не имеют^[43], высокий уровень мастерства и приёмы, применённые при строительстве церкви, а также некоторые её архитектурные особенности свидетельствуют в пользу того, что работами действительно руководил «зодчий

европейского опыта и кругозора» — возможно, из Северной Италии или Германии^{108}.

Собор был поставлен Андреем в южной части древней крепости Владимира Мономаха, на высоком берегу Клязьмы, — так, что он был виден за много вёрст от Владимира. Высота собора достигала 32,3 метра — огромная цифра по тем временам! Вероятно, Андрей сознательно добивался — и добился! — того, что его храм превзошёл самое высокое сооружение Киева — 29-метровую Святую Софию. Венчала храм мощная глава (диаметром 6,5 метра) со шлемовидным позолоченным куполом^[44]. Белый камень, из которого строили собор, был чрезвычайно высокого качества: как отмечают современные исследователи, он заметно превосходил тот, что использовали мастера Всеволода Большое Гнездо при перестройке собора в 80-е годы XII века.

Украшен собор был очень богато — и внутри, и снаружи. «...И украси ю дивно многоразличными иконами и драгим каменьем бещисла, и сосуды церковными, и верх ея позлати, — писал, напомним, летописец о храме Андрея Боголюбского, продолжая далее: — По вере же его и по тщанью его к Святей Богородице приведе ему Бог из всех земель все мастера, и украси ю паче инех церквий» (в Радзивилловской летописи сказано: «из умных земель» — очень любопытное уточнение; в Московско-Академической: «изо многих земель»). Замечу, что здесь речь идёт не о строителях церкви, а о тех мастерах, которые украшали её, — иконописцах, ювелирах, резчиках по камню, золотых дел мастерах. Они действительно были приглашены князем из разных «умных» земель — не только русских, но и западноевропейских. Эти «делатели» князя Андрея Юрьевича, «иже бяху пришли к делу», упоминаются и в летописной повести о его убийстве. По всей вероятности, они проживали компактно в резиденции князя в Боголюбове, продолжая

работать над многочисленными княжескими заказами. (Один из позднейших источников, происходящий из самого Владимирского собора, называет даже точное число мастеров, трудившихся над украшением храма: князь «изобра от многих иных стран великих храбрых 28 человек каменоделцев силных богатырей мудрых. И сими людьми сия великая церковь соборная устройся к совершению»^[45].) Золото и драгоценные камни, жемчуга и «всякое узорочье», бесценные иконы, включая чудотворную икону Владимирской Божией Матери, «к ней же все хрестьяне с страхом приищюще и с верою исцеленья приимають», и «ина всяка святыни» — всё это должно было не просто украсить храм, но сделать его поистине первым по святости и великолепию среди всех русских церквей, не исключая и киевских.

Древнерусский книжник восторженно описывал построенный Андреем собор, перечисляя хранившиеся в нём драгоценные богослужебные предметы и элементы внутреннего убранства, смысл и назначение которых не всегда нам понятны сегодня: «...двери же церковьныя трое золотом устрой, каменьем дорогымъ и жемьчюгом украси ю многоценьным, и всякими узорочьи удиви ю, и многими поникаделы (светильниками. — А. К.) золотыми и серебряными просвети церковь, а онъбон (амвон. — А. К.) от злата и серебра устрой, а служебных суд (богослужебных сосудов. — А. К.) и рипидьи (рипид, опахал, используемых при совершении таинства евхаристии. — А. К.) и всего строенья церковнаго златом и каменьем драгим и жемчюгом великим велми много, а 3-е ерусалим (три «ерусалима», дарохранительницы. — А. К.) велми велиции, иже от злата чиста, от каменя многоценьна устрой... Верх бо златом устрой и комары (своды. — А. К.) позолоти и пояс (колончатый фриз. — А. К.) златом устрой, каменьем усвети, и столп (видимо, пристройку к собору, «терем», или лестничную башню. — А. К.) позлати, и изовну (снаружи. — А. К.) церкви и по

комаром же поткы золоты (выкованные или вырезанные из золочёной меди фигурки птиц или, может быть, грифонов. — А. К.), и кубъкы (фиалы, декоративные навершия колонн. — А. К.), и ветрила (флюгеры или, может быть, так называемые «ветреницы» — открывающиеся части окончин. — А. К.) золотом устроена постави, и по всей церкви и по комаром около»^{109}. Судя по всему, летописец несколько преувеличивал в своих восторженных отзывах об украшении храма. Так, далеко не всё в церкви было сделано из чистого золота и драгоценных камней. (Замечу в скобках, что словом «золотые» летописец чаще всего обозначал украшения, в действительности изготовленные из позолоченной красной, так называемой «аравийской», меди.) Но таковы уж были ощущения современников, с благоговением входивших под своды новопостроенного храма, где всё сверкало, сияло золотом и казалось поистине бесценным. В последующих рассказах летописца, помимо серебряных паникадил, золотых и серебряных церковных сосудов и «чюдных икон золотом кованых и камением драгим и женчюгом великим, им же несть числа», особо упомянуты «дно» церкви, то есть выложенный цветными майоликовыми плитками пол (несколько плиток были обнаружены при археологических исследованиях собора), «честные кресты», а также расшитые золотом и жемчугами драгоценные пелены и одеяния, в том числе «порты блаженных первых князей», которые «на память себе» развешивали «на праздник» «в две верви, от золотых ворот (главных врат храма. — А. К.) до Богородице (Владимирской иконы. — А. К.), [а от Богородице] до владыциих сений (скорее всего, резиденции епископа, пристроенной к зданию. — А. К.)». Обычай развешивать в храме в торжественные, праздничные дни драгоценные ткани, пелены и расшитые золотом царские одежды имел византийское

происхождение. Считалось, что заповедь о том установил для церкви Святой Софии ещё первый император-христианин Константин Великий^{110}. От греков эту традицию восприняли и на Руси, в частности в Киевской Софии. Андрей же и его преемники на владимирском княжеском столе стремились сделать всё возможное, дабы их храм ничем не уступал киевскому и походил на константинопольский.

В особой пристройке при храме — златоверхом «тереме», или лестничной башне, — хранились «куны», то есть денежная казна, а также книги в драгоценных окладах, «паволокы» (драгоценные ткани), «укси церковные» (вероятно, епископские облачения), которые также «вешаху» в церкви «на праздник»^{111}.

Грустно сознавать, что всё это великолепие было разграблено или варварски уничтожено в феврале 1238 года, в страшные дни взятия Владимира монголами. И лишь очень немногое из украшений Владимирского собора дошло до нашего времени, да и то фрагментарно, в виде случайных обломков или деталей позднейших памятников.

Так, некоторое представление о внешнем декоре собора дают фрагменты резных рельефов, когда-то украшавших верхние ярусы фасадов (позднее они были использованы при украшении стен нового собора, перестроенного при Всеволоде Большое Гнездо). Всего уцелели (или могут быть отождествлены предположительно) три сюжетные композиции, определяемые как «Три отрока в пещи огненной», «Вознесение Александра Македонского» (сюжет, выражавший в христианском искусстве идею божественного покровительства светской власти) и «40 мучеников севастийских»^{112}; кроме того, сохранились несколько львиных и женских масок, также располагавшихся на стенах Андреева собора, и немногочисленные фрагменты внешних росписей стен.

Из множества паникадил, освещавших собор, до нас дошёл лишь один бронзовый обломок, найденный при ремонтных работах в северной галерее храма; это обычный светильник из изогнутого круглого дрота (толстой бронзовой проволоки), заканчивающегося головой дракона и несущего на изгибе диск подсвечника с шипом для установки свечи. Там же были сделаны ещё две ценные находки. Первая — это пластина из красной меди с рисунком, нанесённым методом золотой наводки и изображающим «древо жизни», или виноградную лозу, с двумя птицами по сторонам; очевидно, эта позолоченная пластина («цата») служила украшением одной из многочисленных икон храма. Техника здесь та же, что и на знаменитых «золотых» воротах суздальского Богородице-Рождественского собора XIII века — признанном шедевре древнерусского прикладного искусства, однако сам рисунок, по оценкам специалистов, сделан не слишком умелой рукой. Очевидно, мастер-ювелир лишь осваивал новую для Северо-Восточной Руси технологию, расцвет которой был ещё впереди. Вторая находка и вовсе драгоценна для нас. Это тоже пластина из красной меди с остатками тиснёной надписи в пять строк с молитвенным обращением. Текст молитвы, к сожалению, сохранился лишь частично, но зато в последних четырёх строках он содержит имя того, кто обращался за помощью к Пресвятой Богородице и просил Её даровать милость ...[греш]ному [раб]у Твоему Анъдре[ю]{113}.

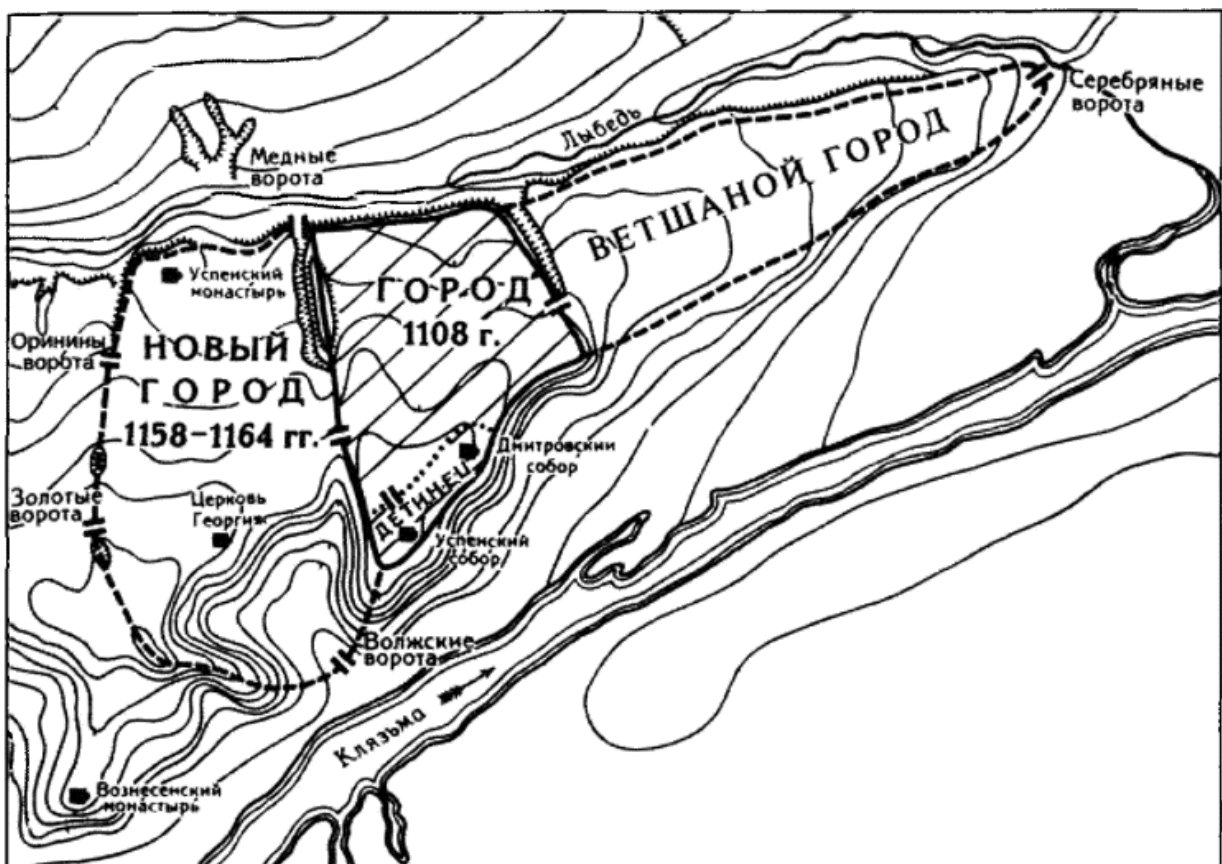
Трудно сомневаться в том, что заказчиком надписи был сам князь Андрей Юрьевич, устроитель храма. Точно так же — «худым и грешным рабом Божиим и Пречистыа Его Матере Богородица Андреем князем» или просто «грешным и недостойным рабом Твоим Андреем» — именовал он себя в написанном им несколькими годами позже Слове о милости Божией, посвященном

установлению на Руси нового праздника 1 августа во славу Святого Спаса и Пречистой Его Матери^{114}.

Из утвари собора сохранился — и тоже не в первоначальном виде — лишь один предмет. Это так называемый Большой сион московского Успенского собора, выполненный из позолоченного серебра с чернью в виде круглой церкви — ротонды, а точнее, его нижняя часть с двенадцатью чеканными рельефными фигурами апостолов, заключёнными в арочные киоты. Большой сион в его нынешнем виде был изготовлен в 1486 году по повелению великого князя Московского Ивана III, однако для его изготовления использовали более ранний сион (реликварий, или дарохранильницу — сосуд для хранения Святых даров) Владимирского собора — вероятно, один из тех трёх «ерусалимов велми великих, иже от злата чиста», о которых сообщал летописец в цитированном выше рассказе об убранстве храма. Как уже давно установили исследователи, устройство сиона характерно для реликвариев, произведённых во второй половине XII века в Кёльне в Германии. Предположительно называют имя мастера, соорудившего его, — это ювелир мастерской при церкви Святого Пантелеймона в Кёльне Фридерикус, работавший в 60-е годы XII века^{115}. Надо полагать, реликварий был доставлен во Владимир с берегов Рейна по заказу самого князя Андрея Юрьевича.

Собор действительно производил на современников неизгладимое впечатление. Однако внешнее его великолепие не вполне сочеталось с прочностью и надёжностью постройки. Судьба сооружения Андрея Боголюбского сложилась несчастливо: оно простояло менее четверти века — очень небольшой срок. В апреле 1184 года во время «великого» пожара во Владимире, когда «погоре... мало не весь город», огонь разрушил и главный владимирский храм. «И зборная церкы Святая Богородиця Златоверхая, юже бе украсил благоверный

князь Андрей, и та загорелась сверху и что было в ней... все огонь взял без утёха...» — со скорбью констатировал летописец^{116}.^[46] По-видимому, огонь уничтожил деревянные связи собора, что привело к его разрушению. Зодчим князя Всеволода Большое Гнездо пришлось перестраивать собор, а по существу — строить его почти заново. Они обстроили здание с севера, запада и юга новыми стенами; в стенах же прежнего собора «были сделаны арочные проёмы, превратившие их фактически в “столбы” нового здания» — так писал о перестройке храма выдающийся исследователь древнерусского зодчества Николай Николаевич Воронин^{117}. Тогда же были сооружены галереи, на углах которых поставлены четыре малые главы, образовавшие «вместе со средней главой старого храма пятиглавый верх нового здания». Причём все работы на этот раз проводились русскими мастерами — как особо отметил летописец, князь Всеволод Юрьевич «не ища мастеров от Немца (видимо, в отличие от Андрея? — А. К.), но налече мастеры от клеврет Святое Богородицы и своих»^{118}. 14 августа 1188 года, в канун праздника Успения Богородицы, собор был освящён «великим священством... и бысть радость велика в граде Володимери». «В этом виде, после многократных ремонтов и реставраций, собор и дошёл до наших дней». Ныне, как и прежде, в нём покоятся мощи его создателя — благоверного князя Андрея Юрьевича, а также его родичей — владимирских князей.

Карта 3. План города Владимира (по Н.Н. Воронину)

* * *

Одновременно со строительством Успенского собора возводились и новые линии укреплений, превратившие Владимир в один из наиболее крупных и защищенных городов древней Руси.

За те полвека, что прошли со времени строительства первой крепости Владимира Мономаха, город значительно вырос и вышел далеко за прежние границы. Длина новой линии крепостных стен и валов превысила по периметру 7 километров, что больше, чем длина крепостных сооружений Киева или Новгорода. Земляная насыпь, служившая основанием для рубленых стен

деревянного города, достигала высоты 9 метров. (Остатки земляных валов Андрея Боголюбского — так называемый Козлов вал — можно и теперь увидеть в центре Владимира у знаменитых Золотых ворот; ныне высота Козлова вала — 6 метров.) Снаружи валы прикрывал заполненный водой ров глубиной более 8 метров и шириной до 22 метров^{119}.

Новая Владимирская крепость была разделена стенами на три части. Старый город Владимира Мономаха превратился во внутреннюю крепость; в источниках он именуется «Печерным городом». К западу от него продолжались укрепления так называемого «Нового города» с главными въездными воротами, получившими название Золотых. К северу от них располагались Оринины, а ещё севернее — Медные ворота; к югу — Волжские, выходившие к Клязьме (откуда и начинался водный путь по Клязьме и Оке к Волге). Собственно «Печерный город» въездных ворот не имел. К востоку от него вытянулись валы и стены, прикрывавшие посадскую часть города; впоследствии эти укрепления обветшали, почему и получили название «Ветшаного города». На выходе городских валов к речке Лыбеди, притоку Клязьмы, располагались Серебряные ворота — противоположные Золотым, также богато украшенные князем. От них дорога вела в Боголюбове, загородную резиденцию Андрея Юрьевича. «Князь же Андрей... город Володимерь силу устроил, к нему же ворота золотая доспе, а другая серебром учини» — так обозначил крайние точки Владимирской крепости летописец^{120}. В целом город по-прежнему располагался в остроугольном, только теперь ещё более вытянутом треугольнике, образованном Клязьмой и её притоком Лыбедью.

Последнее название имеет киевское происхождение (Лыбедь — приток Днепра, протекает по территории современного Киева). Оно не единственное в этом роде

в окрестностях Владимира. Другие притоки Клязьмы также имеют «киевские» имена — Ирпень (или Рпень), Почайна. Чаще всего этот удивительный факт объясняют тем, что Владимир был основан выходцами из Поднепровья, принесшими сюда привычные им названия. Но в устойчивом повторении «киевской» топонимики нельзя не увидеть и сознательное стремление основателей города устроить на Клязьме некий «малый Киев». Киевских «близнецов» имеют и первые церкви и монастыри, основанные здесь при Владимире Мономахе и Юрии Долгоруком, — во имя Святого Спаса и Святого Георгия. Андрей продолжил линию, начатую его предшественниками. Но *его* Владимир должен был стать уже не *малым* Киевом, но *новым* Киевом, не повторяющим старую столицу Руси, но соперничающим с ним, долженствующим в конце концов затмить его своим величием. Золотые ворота, поставленные им при въезде в город с главного, *киевского*, направления, — прямая аналогия знаменитым Золотым воротам, построенным в Киеве Ярославом Мудрым в XI веке, — но такая аналогия, которая способна превзойти оригинал. Как и киевские, они имели своим образцом Золотые ворота Константинополя — столицы православного мира, а те, в свою очередь, — Золотые ворота самого Иерусалима. Так во Владимире на Клязьме повторялись очертания не только стольного Киева, но и царственного Константинополя и священного Иерусалима.

Владимирские Золотые ворота — единственные сохранившиеся от крепости Андрея Боголюбского; более того, единственные, местоположение которых нам точно известно. Они и сегодня остаются главной достопримечательностью, своего рода «визитной карточкой» города. Правда, до нашего времени ворота дошли в сильно перестроенном виде: к XII веку относится лишь их основа — две мощные белокаменные

башни; всё остальное — это пристройки или переделки более позднего времени. Тем не менее и в таком виде ворота производят сильное впечатление.

Прежде всего поражает огромный пролёт Золотых ворот с полуциркульным арочным сводом. Нынешнее здание вросло в землю примерно на полтора метра; первоначальная же высота арки была ещё больше и составляла около 14 метров. Это очень много: высота явно избыточна для оборонительного сооружения и создаёт немало трудностей при обороне города. Очевидно, ворота должны были «сочетать две функции: триумфальной арки — главного въезда в столицу и боевой воротной башни, поставленной на очень уязвимой полевой стороне крепости», — отмечал Н.Н. Воронин. Именно поэтому «в пролёте ворот, ближе к стороне, обращенной наружу, была выведена малая арочная перемычка для упора воротных полотнищ»; там же располагалась нижняя боевая площадка, откуда на наступавших можно было сбрасывать камни, лить кипяток или смолу, пускать стрелы. Со стороны города к ней вела каменная лестница, прорезанная внутри башни и насчитывающая 64 крутые ступени. Ещё одна боевая площадка располагалась наверху башни, к ней вёл верхний марш лестницы. С обеих сторон ворота были зажаты земляными валами. Перед воротами был вырыт глубокий ров, через который перекинули деревянный мост. В случае опасности его не поднимали (как это было в Западной Европе), а просто сжигали — благо и дерева, и рабочих рук хватало с избытком^[121].

Строили башни русские мастера. На одном из камней Золотых ворот обнаружен княжеский знак, которым мастер клеймил свою работу. Как принято считать, знак этот принадлежал старшему брату Андрея, князю Ростиславу Юрьевичу, умершему ещё в 1151 году^[122].
^[47] Правда, ни о каком строительстве Ростислава ни во Владимире, ни в других городах княжества нам ничего

не известно. Но делами управления в Суздальской земле он занимался — очевидно, в соответствии с поручениями отца^{123}. Если предложенная атрибуция княжеского знака верна, она может свидетельствовать о том, что ворота были построены из каменных блоков, заготовленных много раньше и предназначенных для каких-то других, несостоявшихся построек.

Как и киевские, владимирские ворота были точно «вписаны» в геометрически выверенный план города. Исследователи обратили внимание на то, что их пролёт равен ширине главного нефа Успенского собора — подобно тому как пролёт киевских Золотых ворот равен ширине среднего нефа Киевской Софии^{124}. С Серебряными воротами на восточной оконечности города их соединяла почти прямая линия; это главная улица древнего Владимира, вытянувшаяся на расстояние 2300 метров.

Сами тяжёлые дубовые створы ворот прикрывали лишь нижний ярус арки. Скорее всего, они были покрыты листами железа или даже золочёной меди — не случайно ворота именовались Золотыми. По сторонам арки сохранились массивные кованые подставы петель ворот и паз для толстого засова. Надо сказать, что установка ворот не обошлась без происшествия, даже конфуза, который, однако, высвечивает не только расхлябанность и неорганизованность, столь часто встречающиеся в нашей истории, но и чисто человеческие качества князя Андрея Юрьевича.

Как повествует Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери, князь велел завершить строительство Золотых ворот к празднику Успения, то есть к 15 августа, дабы люди могли полюбоваться ими: «Егда снидутся людие на праздник, и врата узрят». Желание вполне понятное, особенно в свете нашей позднейшей истории, наполненной многочисленными «памятными датами», к которым приурочивалось

открытие тех или иных строящихся объектов. Но «делатели», исполнявшие волю князя, переусердствовали. Спешка никогда не приводит к добру. Вот и на этот раз, желая угодить князю и уложиться в назначенный срок, распорядители работ не проверили всё как следует и пренебрегли элементарной безопасностью. Известь не успела схватиться, и тяжёлые створы ворот, лишённые поддержки, вырвались из каменных стен и вместе с камнями рухнули на землю, придавив своей тяжестью нескольких человек из числа тех, кто собрался поглядеть на них. «... И падоша на люди, и покрыта 12 мужа», — рассказывает Сказание^{125}.^[48] Так праздник, казалось, обернулся трагедией. Князь тяжело переживал случившееся. И вновь лишь молитва помогла ему. «Се же слышав, князь Андрей начат с въздыханием молитися к иконе Пресвятей Богородици: “Госпоже Пречистыя Владычице, аще сих Ты не избавиши, аз бо грешный повинен бых смерти сих”». Князь послал своего боярина, дабы тот похоронил несчастных на княжеский счёт (велел ему «дати всё на потребу мертвым»). Однако произошло невероятное. Когда боярин приехал на место катастрофы и ворота подняли, то «видиша всех сущих под враты живых и здравых. И се слышав, князь Андрей рад бысть». Случившееся было расценено как ещё одно чудо Пресвятой Богородицы (в Сказании оно обозначено как «чудо 10-е»), как новое подтверждение Её всегдашнего заступничества за жителей стольного Владимира. «И се чюдо видевше, народ чюдишася».

Точный год этого происшествия неизвестен. Зато в летописи обозначен год освящения надвратной церкви во имя Положения Ризы Пресвятой Богородицы на Золотых воротах — 1164-й^{126}. Очевидно, к этому времени все работы по сооружению и украшению ворот были завершены.

Нынешняя церковь Ризоположения на Золотых воротах — памятник XVIII века. Как выглядела церковь в древности, мы не знаем. Догадываемся лишь, что её купол — в соответствии с названием ворот — был позолочен.

Посвящение надвратной церкви знаменательно. Оно продолжало византийскую традицию особого почитания священных одежд Божией Матери — и прежде всего ризы (покрова), хранившейся во Влахернской церкви в Константинополе. Этой святыне приписывали необычайную защитительную силу, именуя её «священным ограждением», «неодолимой стеной» и «щитом», охраняющим Царственный город лучше любого оружия: в случае нападения врагов ризу выносили на городскую стену или окунали в море. Так случилось, например, в 860 году, когда Царьград подвергся нашествию росов — тогда ещё язычников. Гибель города казалась неминуемой, ибо нападение было внезапным, а враги сильны — но «как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря», и жители «были искуплены от предстоящего плена». Так описывал случившееся чудо непосредственный участник событий константинопольский патриарх Фотий в своей проповеди «На нашествие росов»^{127}; впоследствии рассказ об этом происшествии попал в Хронику византийца Георгия Амартола, а оттуда в русский перевод Хроники и «Повесть временных лет» — древнейшую русскую летопись. А ещё в русских рукописях рядом со Сказанием о чудесах Владимирской иконы читается небольшая статья «О ризе», кратко повествующая о другом чуде, случившемся ещё раньше, во время осады Константинополя аварами в 626 году: «Придоша некогда ратнии по суху и по морю; патриарх же Сергей (Сергий, занимал патриарший престол в 610–638 годах. — А. К.) омочи ризу Святыя Богородица в

мори, и въскыпе море, и потопоша ратнии, а инии ослепоша и побегоша от страха»^{128}. Соседство этой статьи со Сказанием о владимирских чудесах — отнюдь не случайность. Отныне священная реликвия, незримый образ которой неотлучно пребывал на Золотых воротах города, должна была защищать жителей Владимира, как прежде Богородичная риза защищала жителей Царствующего града.

* * *

Упомянутые владимирские церкви — не единственные возведённые в городе при Андрее Боголюбском. «Посемь же иныи церкви многы камены постави различные и монастыре многи созда», — писал о князе автор его летописной похвалы. За особое благочестие и умножение «домов молельных» князя Андрея Юрьевича похвалил в своей грамоте константинопольский патриарх Лука Хрисоверг. А в новгородской статье «А се князи русьстии» указывается даже точное число храмов, поставленных князем: «...и створи ту многы церкви, 30».

Большинство из них были конечно же деревянными, а потому о их строительстве летописи не упоминают. В числе церквей, построенных во Владимире при Андрее Боголюбском, историки называют, например, деревянную церковь Николы в Галеях (на месте ныне существующей церкви XVIII века). По-видимому, здесь, на берегу Клязьмы, находилась владимирская пристань, куда приставали суда («галеи»), а также располагался торг: как известно, святитель Николай издревле почитался как покровитель плавающих и путешествующих. Скорее всего, при Андрее же был основан небольшой Фёдоровский монастырь за городом на Княжем лугу — возможно, в память о чудесном

спасении князя в битве у Луцка 8 февраля 1150 года, в день святого Феодора Стратилата^[129].

Зато летописец отметил основание ещё одного каменного храма во Владимире, сообщив под 1164 годом: «Заложена бысть церкы Святаго Спаса в Володимери»^[49]. Этот каменный храм располагался на месте существующей и поныне небольшой церкви Святого Спаса (построенной в конце XVIII века), в самом центре города, вблизи Золотых ворот, недалеко от княжеского двора Юрия Долгорукого. Имел ли он отношение к старой церкви Спаса, возведённой при Владимире Мономахе, или это совсем другой храм, лишь соименный Мономахову, сказать трудно. Судя по указанию ещё одной летописи — так называемой Типографской, конца XV — начала XVI века, здесь находился монастырь и церковь изначально была монастырской^[130].^[50]

Масштабное каменное строительство во Владимире — зримое проявление мощи и могущества князя Андрея Юрьевича. В эти годы он крайне редко вмешивался в военные конфликты, почти не вёл войн, а, напротив, проявлял миролюбие — редкое качество среди князей того времени. Соответственно, большую часть тех средств, которые он мог потратить на подготовку к войнам и сами войны, он посвящал благу делу — возведению храмов, украшению и устройению родной земли, и прежде всего Владимира. Каменное строительство вообще очень дорого, а строительство из белого камня дороже многократно (по подсчётам специалистов, храм из белого камня обходился заказчику дороже такого же кирпичного более чем в десять раз)^[131]. Андрей, вслед за отцом, сознательно шёл на такие неслыханные траты. Не стремившийся, в отличие от отца, к тому, чтобы занять «златой» киевский стол, он делал всё для того, чтобы его собственный город затмил великолепием стольный Киев, чтобы

владимирский княжеский стол воспринимался современниками как не менее престижный, чем киевский.

Но строительство и украшение храмов — это не только демонстрация силы. Это ещё и свидетельство искренней веры князя, его желания до конца исполнить свой христианский долг правителя, как он этот долг понимал. Эти свойства характера Андрея Боголюбского отмечают все без исключения источники. «На весь бо церковный чин и на церковники (здесь: церковных людей. — А. К.) отверъзл быше Бог сердечней очи» — так, напомним, писал о князе автор его летописной похвалы, исполненной в лучших традициях агиографического жанра. Князь-святой, радатель за веру, мученик и страстотерпец, Андрей наделён здесь всеми подобающими добродетелями, среди которых на первое место поставлены неизменная забота о церкви и милосердие. Автор летописной похвалы приводит и конкретные примеры необыкновенного благочестия князя. По ночам втайне от всех он приходит в церковь и лично возжигает свечи; вглядываясь в образ Божий, написанный на иконе, он взирает на него, «яко на самого Творца», плотию пребывающего в храме, и, взирая на лики святых, смиряет себя, уподобляясь последнему из грешников, живущих в пределах его княжества. И часто, сокрушаясь сердцем, вздыхая от самых глубин души своей и проливая искренние слёзы раскаяния, он плачет о своих прегрешениях, подобно псалмопевцу Давиду...^{132}

Милосердие, забота о нищих, щедрая раздача милостыни достигли при нём поистине евангельских масштабов. И здесь он также следовал тому высокому образцу, который задал его пращур, князь Владимир Святой. Подобно ему, и князь Андрей «веляшет по вся дни возити по городу (Владимиру. — А. К.) брашно и питье разнoличное болным и нищим на потребу, и видя

всякого нища, приходящего к собе просить, подавая им прошения их (то есть давал просимое. — А. К.)... и тако приимаше всякого приходящаго к нему». В этих словах из летописной похвалы Андрею Боголюбскому легко увидеть отражение летописной же похвалы князю Владимиру, Крестителю Руси, который тоже «...повеле всякому нищему и убогому приходить на двор князь и взимати всяку потребу питье и яденье...», и тоже «повеле пристроити кола (повозки. — А. К.) и въскладше хлебы, мяса, рыбы, овощ разноличный... возити по городу...»^{133}. Подражание здесь отнюдь не только литературное — но и по жизни, по чисто человеческим качествам обоих правителей.

(В Никоновской летописи рассказ о нищелюбии Андрея Боголюбского расцвечен ещё более яркими, но, пожалуй, не слишком правдоподобными подробностями. Здесь сообщается о том, что князь не гнушался даже прокажёнными — наиболее отверженными и изгоняемыми представителями средневекового общества, и даже без вреда для себя прикасался к их язвам: «нищих же и прокаженных толико возлюби, яко и очима своима намного зрети на них, иногда же и руками сих приимати, и кротко и тихо и милостиво глаголати к ним и утешати, и кормяше и насыщаше». Могло ли такое быть в действительности — судить не нам.)

Забота о нищих — неотъемлемая черта средневековых правителей. Наряду с церковной благотворительностью это был едва ли не единственный механизм регулирования социальных противоречий, сглаживания тех неизбежных конфликтов, которыми сопровождалось становление феодальных отношений. В годы княжения Андрея Боголюбского, как и при его отце Юрии Долгоруком, эти процессы протекали в русском обществе особенно болезненно. Не случайно младший современник суздальских князей, знаменитый владимирский книжник XII или XIII века Даниил

Заточник, обращаясь к не названному им князю и вспоминая евангельскую заповедь: «Глаголетъ бо в Писании: просящему у тебя дай, толкущему отверзи (*ср.: Мф. 5:42*), да не лишен будеши Царствия Небеснаго», восклицал далее: «Да не будет, княже мой, господине, рука твоя согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Якоже бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем»^{134}. Можно подумать, что Даниил ставил в пример своему адресату пресловутую щедрость именно князя Андрея Юрьевича, если не обращался к нему лично. Рука Андрея никогда не была «согбеной» на «подание убогих», и очень многие из сырых и обездоленных кормились от его щедрот. Но при этом богатства князя — в полном соответствии со словами Даниила Заточника — не убывали, но лишь приумножались.

Понятно, что удесятёрённое молвой нищелюбие князя, широкие раздачи им «брашна» и «питья» привлекали во Владимир множество людей. Но и это было на руку Андрею, получавшему таким образом дополнительную рабочую силу, столь необходимую для его масштабных работ. Ростовцы и суздальцы не случайно будут позднее именовать жителей Владимира «каменщиками» — представителей этой профессии здесь было действительно много — в первую очередь потому, что в них ощущалась постоянная потребность. И все они могли надеяться на беспримерную щедрость владимирского князя. Позднее, правда, мы будем говорить и об оборотной стороне нищелюбия Андрея. Увеличение числа нищих и обездоленных свидетельствовало и о других процессах, происходящих в княжестве и связанных с разорением значительных масс людей. Но проявится это ближе к концу его княжения.

Надо признать, что князь был искренен в своих порывах. Это касалось и его желания облагодетельствовать подданных, и его страсти к храмоздательству. Не мысля себя пребывающим в течение длительного времени вне церкви, он строил храмы прежде всего для себя лично, но также и для своих подданных — людей, вручённых ему волею Божьей, стремясь и их по возможности приобщить к церковной жизни. Как когда-то красота и торжественность церковной службы и великолепие константинопольских храмов восхитили посланцев князя Владимира, заставив их уверовать в христианского Бога, так и теперь благолепие выстроенных Андреем церквей должно было привлечь под их своды «новых людей христианских», каковыми по-прежнему ощущали себя русские люди.

В своих неустанных заботах о церковном строительстве Андрей конечно же не ограничивался стольным Владимиром. Начатые им преобразования затрагивали всё княжество, масштабное строительство велось и в других местах его земли. Так, ему удалось в исключительно короткий срок обустроить и украсить свою резиденцию в Боголюбове. Здесь, поблизости от Владимира, вырос настоящий город-замок и возник монастырь, пользовавшийся особым покровительством князя.

Боголюбимое

Название городу дал сам князь Андрей Юрьевич. В разных летописях оно звучит по-разному: «Боголюбое», «Боголюбовое», «Благолюбое», «Боголюбье», «Боголюбимое» и т. п. Именно по этому названию — в какой бы форме оно изначально ни существовало — Андрей и получил то прозвище, с которым вошёл в историю, — Боголюбский^[135].

Строительство своей резиденции близ Владимира он начал ещё при жизни отца; именно здесь был возведён его первый каменный храм или даже храмы. А в 1158 году, по свидетельству ряда летописей, — то есть в один год с возведением новых укреплений Владимира — князь заложил и крепостные стены нового города-замка. «...И сътвори Боголюбный град и спом осыпа», то есть окружил его насыпью, валами, как сказано об этом в так называемом Кратком Владимирском летописце XVI века^[136].^[51]

Автор посмертной похвалы князю Андрею не случайно сравнивал Боголюбово с Вышгородом — древним русским городом близ Киева: «Создал же бяшетъ собе город камен, именем Боголюбый, толь далече, якоже Вышегород от Кыева, такоже и Боголюбый от Володимеря». Андрей дважды княжил в Вышгороде и очень хорошо знал этот город. Надо полагать, он и создавал свою резиденцию близ Владимира как некий «новый Вышгород», которому суждено было, помимо прочего, стать новым духовным центром Владимирской Руси — подобно тому, как признанным духовным центром древней Руси был киевский Вышгород с его церковью-усыпальницей Святых Бориса и Глеба и прочими достопамятностями. Как мы помним, именно из Вышгорода Андрей вывез

чудотворную икону Божией Матери, которая в первые годы его пребывания в Суздальской земле хранилась в Боголюбове; вместе с ней сюда приехали и вышгородские клирики и их домочадцы, составившие влиятельный клан в окружении князя. Известно также, что из Вышгорода либо самим Андреем, либо его отцом Юрием была привезена ещё одна реликвия — меч святого страстотерпца Бориса. Этого князя, бывшего первым правителем Ростовской земли, Андрей почитал особо и меч его держал всегда при себе. В страшную ночь на 29 июня 1174 года Борисов меч будет украден из его опочивальни, и лишённый оружия князь падёт от рук убийц — своих собственных приближённых...

Сама крепость была гораздо меньше Вышгорода. Она представляла собой довольно правильный четырёхугольник с периметром более 900 метров^{137}. Причём стены (или по крайней мере часть их) возводились из камня, что было большой редкостью для древней Руси, а для Руси Северо-Восточной, Залесской, — чем-то вообще небывалым. Город занимал стратегически важное положение, располагаясь на левом берегу Клязьмы вблизи впадения в неё реки Нерли (позднее Клязьма поменяла своё русло и отступила на юг, оставив после себя заболоченное озеро, старицу, именуемую Старой Клязьмой). В XII веке не только Клязьма, но и Нерль были судоходными; по Нерли Клязьминской, а затем по Нерли Волжской проходил важнейший для Северо-Восточной Руси водный путь, связывающий суздальские города с Волгой. Как Вышгород на Днепре защищал Киев с севера, со стороны Чернигова, так и Боголюбово было форпостом Владимира, прикрывая его с северо-восточного, «волжского» направления.

Древняя история этого города-замка известна нам лишь из очень поздних источников, достоверность которых не может не вызывать сомнений. В первую

очередь это относится к датам сооружения наиболее значимых боголюбовских построек.

По свидетельству новгородской статьи «А се князи русьстии», первые каменные церкви в Боголюбове были построены Андреем ещё до того, как он приступил к строительству во Владимире. Рассказав о «многих чудесах», бывших от иконы Божией Матери, автор продолжает: «...и постави Ей храм на реце Клязме, 2 церкви каменны во имя Святыя Богородица, и сотвори град, и нарече ему имя: се есть место Боголюбимое...» (Эта фраза дословно повторена в Степенной книге царского родословия XVI века; в Кратком же Владимирском летописце, помимо двух каменных церквей, упомянуты ещё каменные ворота и «полаты», то есть княжеский дворец.) Удивительно, но, по версии автора новгородской статьи, строительство это происходило за 11 лет (!) до возведения Успенской церкви во Владимире, которая названа здесь «третьей» каменной постройкой князя Андрея («четвёртой» значится церковь Положения Ризы на Золотых воротах) [\[52\]](#). Откуда взялись эти 11 лет, непонятно, однако цифра представляется заведомо неверной, ибо ни относить боголюбовское строительство к 40-м годам XII века, ни возведение Успенского собора — к 60-м у нас нет никаких оснований. Да и в том, что касается двух первых каменных церквей, упомянутых в источнике, тоже не всё ясно. Судя по прямому указанию одного из летописцев XVI века, речь идёт, во-первых, о главном храме Боголюбского монастыря во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а во-вторых, о знаменитой церкви Покрова на Нерли, близ Боголюбова [{138}](#). Однако последняя была построена после известного похода Андрея Боголюбского на Волжскую Болгарию, что случится позднее и о чём речь ещё впереди.

Если же обратиться к совсем поздним источникам, происходящим из самого Боголюбова монастыря, то

начальная история обители будет выглядеть следующим образом.

Первая и главная из боголюбовских церквей была заложена князем Андреем Юрьевичем в память о чудесном явлении ему Божией Матери — том самом, о котором мы рассказывали выше. Повелев князю оставить чудотворный образ во Владимире, Пречистая обратилась к нему с прямым указанием о возведении храма и основании монастыря: «...А на сем месте во имя Моего Рождества церковь каменную воздвигни и обителище иноком состави». Такие слова приведены в Летописи Боголюбова монастыря, написанной, напомним, в 1760-е годы. «За помощью таковыя ходатаицы Пресвятыя Богородицы того ж лета и церковь каменную совершиша... — продолжает свой рассказ о князе игумен Аристарх, автор летописи. — И освяти оную церковь, устави же того чуда, то есть явления Богоматере, праздник праздновати по вся лета месяца иуния в 18 день, на память святого мученика Леонтия. Сего ради преславного чудесе благоверный великий князь Андрей Георгиевич нарече место *Боголюбимое*, и оттоле прозвася и сам *Боголюбский*, потом же ту град построив и двор свой княжий близ новосозданныя церкви постави, и вельми место сие любяше и живяше ту»^[53].

Основание Рождественской церкви, «яже на Боголюбимом месте об едином верее сделана бяше», датируется здесь всё тем же 1158 годом^[54]. А под следующим, 1159 годом сообщается об украшении новопостроенного храма. Для этого привлечены были иноземные мастера и использованы новейшие технологии. Князь «главу по дугам и крест опаявши жестью позлати, верх же весь по закомарам немецким железом покры, а трубы для стечения воды каменные содела» (остатки каменных желобов, водоотводов, действительно обнаружены в Боголюбове археологами). Тогда же церковь была расписана: «...Того же лета

пришедшим другим иконописцем из других земель», и князь «оную Пресвятая Богородицы церковь внутри стенным иконописанием лепотне украшати повеле». Андрей и позднее проявлял всяческую заботу о храме: «...не преста же о украшении стенном... пещися, но вельми о том подвизашеся, и всякими драгими вещами оную святую церковь украшаше и обогощаше». Роспись стен была завершена в 1161 году, и «сего ради великий князь Андрей Георгиевич радости велия исполнися, и праздник светел сотвори, благодаря Бога и Пречистую Его Матерь, в том ему помогающую, удоволи священный чин, монашествующих, и нищих от многих стран собравшихся, по гласу проповедническому, такожде православных христиан обоего пола множество многое стекшихся к тому торжеству, всех напита и напои до избытка, церкви же и обители много имение вда, и сёла своя лучшая з даньми».

Согласно тому же источнику, в 1160 году была построена вторая боголюбская церковь — во имя святого мученика Леонтия; составитель монастырской летописи называет её «трапезной». Посвящение храма, разумеется, было не случайным^[55]. Память мученика Леонтия и его дружины, пострадавших в финикийском городе Триполи при императоре Веспасиане в I веке, праздновалась Церковью 18 июня — а этот день оказался едва ли не самым значимым в истории Боголюбской обители, ибо именно к нему были приурочены чудесное явление Божией Матери князю Андрею и Её повеление о сооружении монастыря. По прямому свидетельству Боголюбской летописи, день этот отмечался в монастыре ежегодно, а значит, особо отмечалась и празднуемая в этот день память мученика Леонтия. (Правда, когда именно возникла эта традиция празднования, неизвестно. Наверное, нельзя исключать и того, что на её возникновение, напротив, повлияло особое почитание в обители святого мученика Леонтия.)

Тогда же, при Андрее Боголюбском, был устроен сам монастырь. Под тем же 1160 годом сообщается, что князь собрал в Боголюбове «монашествующую братию... и постави им первоначального игумена Сергия». Этого имени в общерусских летописях нет. Зато оно присутствует в Синодике Боголюбова монастыря, составленном в конце XVII века, где открывает список боголюбовских игуменов и архимандритов^{139}. Нет сомнений, что именно отсюда оно и было извлечено автором Жития князя Андрея, а вслед за ним и игуменом Аристархом. Так мы узнаём об одном из тех людей, кто, несомненно, был близок князю Андрею и пользовался его доверием и благорасположением. Если указание Синодика верно, то можно полагать, что игумен Сергей — по крайней мере в течение какого-то времени — был духовником князя.

Ещё одна церковь, по свидетельству боголюбовских книжников основанная Андреем Боголюбским, была посвящена апостолу Андрею Первозванному, тезоименитому князю и потому особо почитаемому им. Эта церковь была надвратной. Согласно монастырской летописи, и церковь, и каменные врата были сооружены в 1161 году. Стоит, пожалуй, обратить внимание на то, что посвящение надвратной боголюбовской церкви повторяло посвящение надвратной церкви в Переяславле-Русском — городе, особо значимом для потомков Юрия Долгорукого.

Ну а самая знаменитая из всех церквей, построенных князем, — правда, не в самом Боголюбове, но поблизости от него, — церковь Покрова на реке Нерли — представляет собой памятник чуть более позднего времени. В Летописи Боголюбского монастыря о её строительстве сообщается под 1165 годом. А потому и у нас речь об этой церкви пойдёт ниже, в одной из следующих глав книги.

Повторюсь ещё раз, что приведённые в монастырской летописи даты другими источниками не проверяются, а потому могут быть приняты лишь в качестве условных. О церкви Святого Леонтия и надвратном храме Андрея Первозванного нам вообще ничего не известно — возможно, потому, что обе церкви были полностью, «до земли», разрушены в нашествие «безбожного царя Батыя» в 1238 или 1239 году. А вот Рождественский собор Боголюбова монастыря уцелел. Он простоял до начала XVIII века и окончательно обрушился в 1722 году по нерадению монастырских властей, а в 1751 году на его месте была построена новая, ныне существующая церковь, причём точно на основании древнего храма. Так что о последнем, благодаря исследованиям археологов, мы можем судить с большей или меньшей определённойностью.

Украшена церковь была с великолепом необыкновенным. Киевский летописец описывал её в выражениях ничуть не менее восторженных, чем Успенский собор во Владимире. Строителя же Рождественской церкви, князя Андрея Юрьевича, он сравнивал ни больше ни меньше как с самим Соломоном — строителем Иерусалимского храма:

«...Уподобися царю Соломану, яко дом Господу Богу и церковь преславу Святю Богородица Рожества посреде города камену созда в Боголюбом, и удиви ю паче всих церквий: подобна тоя Святая Святых, юже бе Соломон царь премудрый создал, тако и сий князь благоверный Андрей. И створи церковь сию в память себе, и украси ю иконами многоценными, златом, и каменьем драгом, и жемчюгом великом безценнымь; и устрой е различными цятами (украшениями. — А. К.), и аспидными цатами (украшениями из яшмы. — А. К.) украси, и всякими узорочьи удиви ю; светлостью же не како зрети, зане вся церкви баше золота (то есть настолько сияла она, что и смотреть было нельзя, ибо

вся казалась из чистого золота. — А. К.). И украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣнными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея: златомъ, и финиптомъ (финифтью, то есть эмалями. — А. К.), и всякою добродетелью, и церковнымъ строеньемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ (сион, или дарохранительница. — А. К.) златъ с каменъи драгими, и репидии (рипидами, или опахалами. — А. К.) многоцѣнными, канделы (кадилами. — А. К.) различными. Извну (в Ипатьевскомъ списке: «издну». — А. К.) церкви отъ верха и до долу, и по стенамъ, и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же, и ободверье церкви златомъ же ковано, и бѣшетъ же и сень златомъ украшена отъ верха и до деисуса. И всю добродетелью церковною исполнена, измечтана всю хитростью!»^{140}

Вплотную къ церкви примыкалъ двухэтажный каменный дворецъ Андрея Боголюбскаго. Система переходовъ связывала его также с крепостною стеною. Черезъ галерею князь могъ подняться изъ дворца сразу на хоры Рождественскаго собора. По свидетельству современника, Андрей любилъ приводить сюда «гостей» — купцовъ, приезжавшихъ в Боголюбово изъ другихъ земель. «Иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ, изъ Руской земли, и аче латининъ, и до всего хрестьянства, и до всея погани (то есть включая и язычников. — А. К.); и рече (князь. — А. К.): “Въведе[те] и въ церковь и на полати, да видать истинное хрестьянство, и крестяться и болгаре, и жидове, и вся погань, видивше славу Божию и украшение церковное”»^{141}. И в этихъ словахъ Андрея Боголюбскаго нетрудно угадать переключку с летописнымъ рассказомъ о Крещении Руси. Напомню, что посланцы князя Владимира приняли истинную веру после того, какъ, побывавъ у болгар-мусульманъ и латинянъ (а прежде того выслушавъ ещё и проповѣдниковъ-иудеевъ), были введены

греческим царём в храм Святой Софии в Константинополе. Теперь же сам князь, подобно византийскому василевсу, приводил в построенную им церковь иноверцев, в числе которых были и «латиняне», и «болгаре» (несомненно, мусульмане из Волжской Болгарии), и «жидове» (иудейские купцы?), дабы и те крестились, увидев «славу Божию и украшение церковное».

Именно здесь, в Боголюбове, Андрей проводил большую часть времени. Отсюда он правил своей землёй и отдавал распоряжения, которые должны были неукоснительно исполняться; отсюда же выезжал на охоту, которой любил тешить себя, подобно большинству русских князей. В одной из летописей XVI века, уже известной нам Тверской, сохранено древнее предание о том, что князь Андрей любил охотиться у Спаса на Купалище, при слиянии рек Клязьмы и Судогды, — это примерно в 25 верстах от Владимира. Здесь, возле считавшегося чудотворным источника, была выстроена церковь, а ныне находится монастырь, являющийся подворьем Боголюбского женского монастыря: «Такоже и к Святому Спасу на Купалище по вся дни приходяше, ловы бо всегда творяше в той стране и на Купалище приходя прохлаждаашеся, и много время ту безгодно пребывайте». Причём князь охотился здесь сам, а бояр в места своей охоты не пускал, «и о сем боляром его многа скорбь бысть»^{142}. (Такое отношение к боярам ещё аукнется князю — но об этом речь впереди.) Другие, значительно более поздние предания связывают княжеские «ловы» с ближайшими окрестностями Боголюбова (селом Добрым, где будто бы существовал княжеский дворец)^{143} или с относительно удалённым от Боголюбова современным городом Ковровом на Клязьме, где заблудившийся во время охоты князь заночевал однажды в избушке местного

«зверолова» Елифана, которому в благодарность за это будто бы подарил здешнюю землю^{144}.

Что же касается самого Боголюбовского замка, то до нашего времени от всего дворцового ансамбля сохранились лишь двухъярусная лестничная башня (над которой впоследствии была надстроена кирпичная шатровая колокольня) и галерея-переход в Рождественский храм над высокой аркой. Белый камень строений Андреевой поры резко выделяется на фоне позднейших кирпичных зданий, побеленных штукатуркой. Здесь, в своём дворце, князь и был убит заговорщиками в ночь на 29 июня 1174 года. Эти сохранившиеся строения поистине священны для нас. Нижнее помещение каменной башни — ниша у подножия каменной винтовой лестницы, где князь Андрей Юрьевич принял смерть, — является местом поклонения для многочисленных паломников, прибывающих в ныне возобновлённый Свято-Боголюбский женский монастырь.

Ещё одним почитаемым местом в монастыре является киворий XVII века — часовня, представляющая собой нарядную кирпичную сень над престолом, поддерживаемую колоннами и обозначающую то место, где, по преданию, находился походный шатёр князя Андрея Юрьевича и где князю явилась Божия Матерь. Раскопки, проведённые в 30-е годы прошлого века Н.Н. Ворониным, показали, что во времена Андрея Боголюбского здесь возвышалась белокаменная резная восьмиколонная аркада с шатровым верхом, под которой стояла белокаменная чаша с высеченным на дне восьмиконечным крестом — по образцу храма Гроба Господня в Иерусалиме^{145}. Существует местное монастырское предание, согласно которому из этой чаши князь Андрей Юрьевич наделял деньгами строителей Боголюбовской церкви и раздавал милостыню нуждающимся. На камне пьедестала

боголюбовского кивория обнаружен княжеский знак — тамга, представляющая собой двузубец, левый зубец которого имеет Г-образную перекладину наверху и плавный отрог внутрь в средней части, а правый зубец завершён таким же плавным отрогом наружу. Как было установлено исследователями, знак этот — одна из разновидностей так называемого «знака Рюриковичей» — принадлежал самому князю Андрею Юрьевичу^{146}.

Ростовский чудотворец

Надо заметить, что и во Владимире, и тем более в Боголюбове князь сумел обосноваться не сразу после вокняжения. То бурное строительство, которое он там затеял, а особенно его намерение перенести во Владимир княжеский стол не могли прийтись по нраву жителям старых княжеских городов — Суздаля и Ростова. А ведь именно они приглашали Андрея на княжение к себе. Их ропот на такое возвышение бывшего «младшего» города княжества, города «мизинных» людей, явственно различим — по крайней мере в передаче поздних летописцев.

Так, сообщая под 1159 годом о «создании» града Владимира и о желании князя Андрея Юрьевича «града сего стол быти великаго княжения», автор Никоновской летописи прибавляет: «Ростовцем же и суздалцем не хотяще сего, глаголюще, яко “Ростов есть старой и болшей град и Суждаль; град же Владимирь пригород наш есть”»^{147}. И хотя в ранних летописях этих слов нет, о недовольстве ростовцев и суздальцев заметным умалением роли их собственных, «старых» городов можно говорить вполне определённо. Жители Ростова и Суздаля и позднее будут смотреть на Владимир как на свой «пригород», а на обласканных князем владимирцев — не иначе как на своих «холопов» — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Князю — особенно поначалу — приходилось считаться с подобными настроениями. Любопытные сведения на сей счёт привёл в своей «Истории...» Василий Никитич Татищев. Рассказывая (под 1160 годом) о намерении Андрея навсегда переселиться во Владимир, историк XVIII века так развил мысль московского летописца: «...ростовцом и суздальцом, яко

старым градам и княжеским престолом, весьма то было противно и, сколько могли, препятствовали, представляя, что сии грады издревле престольные». И Андрей, «не хотя народ озлоблять, жил в Суздали, а во Владимир часто ездил на охоту и пребывал по неколику дней». Или, как сказано в другом варианте «Истории...»: «...он же, яко на ловы ездя ко Владимиру (то есть делая вид, будто уезжает на охоту. — А. К.), нача ту почасту жити»^{148}. Возможно, Татищев преувеличивал, реконструируя взаимоотношения между князем и его подданными. Но летопись и в самом деле нередко застаёт Андрея в начальный период его княжения в Суздале и Ростове.

Пройдёт несколько лет — и Андрей подавит всяческие проявления оппозиции своей власти. Вече, которое поначалу собиралось, наверное, в Ростове или Суздале, полностью потеряет при нём своё значение (во всяком случае, в годы княжения Андрея о нём ни разу не будет упомянуто в летописи). Всё меньше Андрей будет считаться и с мнением суздальских и ростовских «мужей». Мы ещё будем говорить о крутом повороте в его политике, когда он изгонит из княжества младших братьев и племянников — как возможных претендентов на княжеский стол, а также старых бояр своего отца — как возможный источник смут и беспокойства. Однако само недовольство — пускай и глухое, подспудное — никуда не исчезнет. Оно даст о себе знать сразу же после смерти Боголюбского. Когда в княжестве начнётся война за его наследство, ростовцы и суздальцы поддержат не братьев Андрея и не его сына, а его племянников, и с угрозами обрушатся на жителей Владимира, именуя их своими «холопами» и «каменьницами» («каменщиками»), отнюдь не достойными иметь своего князя, но лишь посадника, — как это, собственно, и было раньше, до Боголюбского^{149}. Само прозвище, данное

владимирцам, весьма показательно: «каменьники» — это не просто ремесло, но один из очевидных источников раздражения для жителей других городов.

Но даже обосновавшись во Владимире и Боголюбове, Андрей отнюдь не махнул рукой на старые княжеские города. Каменное строительство — пускай и не в таких масштабах — велось при нём и здесь. Правда, относительно Суздаля об этом можно говорить сугубо предположительно, ибо прямые сведения на сей счёт имеются лишь в поздних и потому не внушающих доверия источниках^[56]. А вот возведение зодчими Андрея Боголюбского грандиозного Успенского собора в Ростове — факт хорошо известный. И в биографии самого Андрея, и в истории Северо-Восточной Руси строительство это приобрело особую значимость. Не столько благодаря искусству Андреевых зодчих, сколько по иной причине.

В 1160 году в Ростове случился страшный пожар, уничтоживший едва не весь город. «Того же лета погоре Ростов, — сообщает суздальский летописец, — и церкви все, и сборная дивная и великая церкви Святое Богородице [сгоре]»^{150}. Созданная «от древ дубовых», церковь эта производила необыкновенное впечатление на современников: была «чудна и зело преудивлена», так что казалось, будто «такова убо не бывала, и потом, не вем, будет ли», как написал один из книжников. Позднейшие летописи сообщают, что она простояла 168 лет, то есть была построена в 992 году, при жизни Крестителя Руси князя Владимира; впрочем, насколько можно доверять этим расчётам, сказать трудно.

Вскоре после пожара по повелению князя Андрея Юрьевича на месте сгоревшей деревянной церкви была заложена новая, каменная. По свидетельству ряда летописей XVI века, это произошло уже в следующем, 1161 году^[57]; другие, позднейшие источники называют более позднюю дату — 1164 год^[58]. Первоначально

ростовская церковь задумывалась не слишком большой по размерам. Тогда-то, при её строительстве, и были обнаружены погребения прежних ростовских епископов — сначала Исайи, занимавшего ростовскую кафедру в конце 70-х — 80-е годы XI века, а затем и его предшественника Леонтия, считающегося первым просветителем Ростовского края. В созданном тогда же Житии Леонтия рассказывается обо всех обстоятельствах, которые сопутствовали обретению святыни.

«По Божию попущению загореся город Ростов, и погоре мало не весь град, и церкви погоре Святыя Богородица, — рассказывает древний агиограф. — И повеле боговерный и богохранимый князь Андрей, сын великаго князя Георгия, внук Володимерь, создати церковь камену во имя Святыя Богородица на месте погоревшая церкви. И начата рвы копати, и обретоша множество мертвых, идеже обретоша блаженаго Исайю...»^{151} Святителя, очевидно, узнали по его облачению; возможно, над погребением имелась и надпись. Эта находка заставила строителей собора изменить первоначальные планы. Инициатива при этом исходила не от князя Андрея, а от жителей Ростова: «...И бе церкви мала основана, и начата людие молитися князю, абы повелел боле церковь заложите; одваже умолен быв, повеле воли их быти...»

Итак, Андрей не остался глух к просьбам своих подданных. В словах Жития «одва» (или «едва») «умолен быв» иногда находят следы упомянутого выше противостояния князя с жителями Ростова, его нежелание видеть ростовский храм превосходящим своими размерами владимирский. Но конфликт здесь, скорее всего, мнимый: ведь именно Андрея автор Жития прославляет как главного создателя храма, как властителя, чьими стараниями и заботами было открыто столь великое сокровище — многоценные мощи

святителя Леонтия, обнаруженные как раз в результате расширения храма по сравнению с первоначальным замыслом. Само Житие, скорее всего, создавалось по княжескому заказу и излагало историю создания собора с княжеских позиций. Для Андрея же Ростов был прежде всего *его* городом — понятно, что не столь любимым, как Владимир, но, несомненно, достойным всяческого украшения и прославления. «Умоление» князя жителями и его не сразу полученное согласие на расширение храма — это не что иное, как дань этикету, своего рода агиографический штамп, по которому обретение чудотворных мощей не может быть совершено без каких-либо затруднений. Но ростовский собор, построенный при Андрее, и в самом деле оказался чрезвычайно велик размерами. Он не только значительно превосходил только что возведённый владимирский, но и вообще стал крупнейшей постройкой зодчих князя Андрея Боголюбского. А это свидетельствует о том, что Андрей вполне осознавал значение бывшего главного города своего княжества.

Начав копать новые рвы для фундаментов церкви, люди наткнулись на новое, ещё более необычное погребение. «И копающа ров предней стене, — продолжает свой рассказ автор Жития, — и обретоша гроб; и бе покровена двема доскома. И людем недоумеющимся, и отверзоша гроб, и видеша лице его светящеся яко свет, и ризы его яко вчера облечены. О превеликое чудо, братье: толиком [летом] минувшем, не изменися божественное тело его, и ризы его не исьтлеша, паче же и гроб, в нем же бе тело святое». В этом-то деревянном гробе и покоились мощи святого Леонтия. По свидетельству так называемой Второй редакции его Жития, в том же деревянном гробе был найден некий «свиток», который святитель держал в руке: «в нем же бяху написани прозвители и диаconi, их же бе поставил своею рукою»^{152}. Можно думать, что

этот обычай — вкладывать в руку преставившегося епископа список рукоположенных им священников и диаконов — существовал в Русской церкви в домонгольское время. Но было ли так уже при Леонтии, мы не знаем. О подобном списке в руке найденного первым епископа Исаяи источник не сообщает.

О случившемся тут же сообщили князю: «Видивше же людие, възрадовашесе радостью великою и послаша весть ко князю Андрею, поведаша ему бывшее чудо преславное». Андрей в то время находился во Владимире. «Слышав же князь и прослави великую мудрость Божию, и моляся Богу...» В Житии приведены и слова молитвы князя Андрея, из которых явствует, какое значение придал он ростовской находке и обретению в его княжестве мощей угодника Божия, отмеченных нетлением — видимым знаком Божьего благоволения:

«Владыко, Господи, Исусе Христе! Что Ти въздам за вся, яже ми еси въздал, яко в сей области и моей державе сподобил еси сицевому с[о]кровищу откровену быти, и поминая спасенное слово, глаголаше: “Яко утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси младенцем” (Мф. 11:25-26)».

Слова молитвы значимы для нас. В соответствии со смыслом евангельской заповеди, «младенцами» названы здесь жители Ростовской земли, лишь недавно, столетие назад, обращенные к Богу, — в противоположность «премудрым» жителям других земель, уже давно уверовавшим в христианского Бога, но, несмотря на это, лишённым «такового сокровища», каким стали нетленные мощи святителя Леонтия. Но да будут «последние» «первыми»! Утаённое от других, великое сокровище открылось «младенствующим» жителям его княжества. Обрадованный князь прислал из Владимира в Ростов «гроб камен» для того, чтобы переложить в него тело святого. Этот каменный саркофаг должен был напоминать почитаемые киевские и вышгородские

гробницы, в том числе гробницы первых русских святых — Бориса и Глеба. В этом присланном Андреем каменном гробе тело святого «и доныне лежить в церкви Святыя Богородица, с[о]девая преславная чюдеса и подавая ицеления с верою приходящим к Пречистой Богородици и к святей раце его в славу Христу Богу нашему и в державу и в победу христолюбивому князю нашему», — восклицал автор Жития. В одном из списков читаем: «... христолюбивому князю нашему Андрею». Эти слова свидетельствуют о том, что само Житие было составлено, скорее всего, при жизни Андрея Боголюбского — и уж во всяком случае, до перенесения гроба святителя из обрушившегося Успенского собора в ростовскую церковь Иоанна Предтечи на епископском дворе, что произошло в 1204 году.

В упомянутой выше Второй редакции Жития святителя Леонтия, во входящем в её состав «Слове о внесении телесе святого отца нашего Леонтия, великого епископа Ростовского, в новую церковь» (памятник, составленный уже после 1231 года, когда мощи святителя были возвращены на прежнее место, в возобновлённый Успенский собор), сообщается о том, что Андрей при первом открытии мощей не ограничился присылкой каменного саркофага, но лично приехал в Ростов. В тексте этой редакции притязания князя на обладание «сицевым сокровищем», прославляющим его «царство», выражены ещё ярче:

«...Он же, приехав в Ростов, поклонися блаженному и святому телу великаго Леонтия, глаголя: “Хвалю и славлю Тя, Господи Боже мой, и Пречистую и Пресвятую Матерь Твою, яко да сподобил мя еси сицега скровища в области моего царства явити ми. Уже ничим же охужен есмь благодати Божиа, и дара милости Твоеа, Владыко, о семь святем мужи, велицемь Леонтии”. И целова святое тело великаго Леонтия, и вси мужи его. И по семь

поставиша и (его. — А. К.) в раце и на стене, идеже и ныне лежит»^{153}.^[59]

Автор добавляет ещё одну подробность по сравнению с Первой редакцией Жития: «...И устрой (Андрей. — А. К.) свечи великы у гроба его». Заметим, что эта деталь подтверждается археологическими исследованиями ростовского собора: по углам аркосолия (ниши в стене, где в древности был установлен саркофаг святителя) обнаружены тёсанные белые камни, выступавшие перед стеной и, вероятно, служившие подножиями для тех самых «свещей великих», то есть подсвечников, что были поставлены у гробницы^{154}. Вот только существовала ли эта деталь уже при первой установке гробницы или появилась позднее, после второго перенесения мощей святителя Леонтия в 1231 году, мы в точности не знаем.

По свидетельству Тверской и Львовской летописей, грандиозный ростовский собор был построен в рекордно короткие сроки — всего за год с небольшим — и освящён уже в 1162 году. (Позднейшие редакции Жития святителя Леонтия называют иную дату — 1170 год.) По всей вероятности, строила собор та же артель мастеров, что и владимирский, завершённый как раз в 1160-м. Возможно, высокие темпы строительства вкупе с изменением первоначальных планов и необходимостью существенно увеличить размеры строящегося храма стали причиной его недолговечности. Ростовский собор простоял всего 42 года и в 1204 году обрушился. В 1213 году тогдашний ростовский князь Константин Всеволодович «на первом месте падшая церкве» заложил новый Богородицкий храм, который был завершён строительством и освящён «великим священiem» ещё спустя почти 20 лет, в августе 1231 года. Историки архитектуры не вполне точны, говоря, что это «единственный случай столь быстрой катастрофы здания в истории владими́ро-суздальского

зодчества»^{155}. Мы уже имели случай заметить, что очень недолгий срок был отмерен и главному храму Андрея Боголюбского — Успенскому собору во Владимире (он простоял даже меньше ростовского — всего 24 года); сразу же после завершения строительства произошло и обрушение створов Золотых ворот владимирской крепости (правда, эта последняя неудача оказалась относительной, и ворота вскоре поправили). Что ж, наверное, можно сказать и так: масштабы строительства, затеянного князем Андреем, с неизбежностью должны были отражаться на качестве работ...

Найденные первыми при строительстве ростовского собора мощи святителя Исайи на долгие годы оказались «в небрежении», закрытые в притворе храма^{156}. В новую гробницу они были переложены уже в иную эпоху Русского государства, в 1474 году, после чего и началось церковное прославление святителя (его церковная память празднуется 15 мая, в день перенесения мощей в XV веке). Иная судьба ждала мощи святителя Леонтия, ставшие одной из главных святынь Ростовской земли.

Почитание святого в Ростове началось сразу же после обнаружения его останков. Ростовский епископ был прославлен как первый креститель и просветитель Ростовского края, как великий чудотворец и небесный покровитель «младенствующим» жителей этой прежней окраины Руси, оказавшейся, благодаря его заступничеству, «ничим же охуженной» по сравнению с другими областями православного мира. Правда, канонизация ростовского чудотворца, то есть официальное причтение его к лику святых, состоялась лишь спустя несколько десятилетий, в 1194 году, при князе Всеволоде Юрьевиче Большое Гнездо и ростовском епископе Иоанне. Тогда и была установлена память святому 23 мая. Но очень похоже на то, что это день первого обретения его мощей в 1161 (или 1164-м)

году и что дата эта праздновалась в Ростове уже при Андрее Боголюбском.

Житие епископа Леонтия сообщает некоторые, весьма скудные биографические сведения о нём. Едва ли их можно признать полностью достоверными: исследователи не без оснований пишут о явной тенденциозности Жития^{157}. Однако для нас эта тенденциозность представляет особенный интерес, поскольку позволяет судить о том, какое значение придавали сам князь и его книжники прославлению ростовского святого и что именно считали главным в его духовном подвиге.

По словам авторов Жития, Леонтий был родом из Греческой земли; рождение и воспитание он получил в Константинограде (Константинополе). Помимо русского и греческого языков, Леонтий «добре умеаше» и мерянский (то есть язык мери — исконного угрофинского населения Ростовского края), а кроме того, «книгам русьским и гречьским велми хитрьсловесен сказатель»; с юности оставив мир, он стал черноризцем и «за многую его добродетель епископом поставлен бысть Ростову», поскольку прежде бывшие здесь епископы, «не терпяще досаженъе» местных жителей, бежали, оставив порученную им паству^{158}. Удивительно, но в Житии нет и намёка на то, что Леонтий был постриженником Киевского Печерского монастыря — а значит, скорее всего русским, а не греком, — а ведь об этом прямо сообщал епископ Владимиро-Суздальский Симон, один из авторов Киево-Печерского патерика, писавший свой труд в 20-е годы XIII века^{159}. Сам бывший печерским постриженником, Симон, несомненно, располагал точными сведениями относительно печерского прошлого своего предшественника на кафедре. А потому историки, как правило, отдают предпочтение его версии, подозревая авторов Жития святителя Леонтия в намеренном

желании увязать начало христианской проповеди в Ростове непосредственно с Константинополем, минуя Киев. Надо сказать, что история Андрея Боголюбского знает и другие примеры подобного рода: питая открытую неприязнь к Киеву, князь делал всё для того, чтобы исключить какую-либо зависимость своего княжества от Киева, в том числе и в церковном отношении. Очевидно, он был заинтересован в том, чтобы подкрепить изначальную связь Ростовской епархии с Константинополем историческими прецедентами, и биография епископа Леонтия показалась ему подходящей для этого. Авторы Жития могли опереться и на какие-то реальные факты из жизни святого, о которых нам сейчас ровным счётом ничего не известно; они, например, могли знать о его действительном пребывании в Византии. Неизвестно, когда именно Леонтий занял ростовскую кафедру^[60]. Не исключено, что это произошло в то время, когда митрополита в Киеве не было (что случалось нередко), а значит, его поставление вполне могло совершиться не в Киеве, а в Константинополе. Примеры такого рода в церковной истории домонгольской Руси хорошо известны: так, например, в начале 1070-х годов именно в Константинополе был рукоположен в епископы Переяславля-Южного печерский же постриженник Ефрем, младший современник Леонтия. Отсюда — естественно, при желании — всего один шаг до появления легенды о том, что Леонтий и сам был уроженцем Царьграда.

Совершенно иначе, чем в Патерике, рассказано в Житии и о кончине ростовского чудотворца. Известно, что Леонтий столкнулся в своей пастырской деятельности с открытым противоборством местных жителей, — этого не скрывают и авторы Жития. По их словам, язычники порывались изгнать или даже убить святого и только чудо, совершённое им, заставило их

принять крещение; явив многие достойные памяти чудеса, святитель с миром отошёл к Господу. Епископ же Симон прямо говорит о мученической кончине святого: «...его же неверные, много мучив, убили...» И здесь версия владимирского епископа признаётся историками более достоверной (полагают, что Леонтий погиб во время антихристианского языческого восстания, охватившего Северо-Восточную Русь около 1074 года). Однако составителям Жития она, по всей вероятности, показалась неприемлемой, и они предпочли «подкорректировать» её.

Так Северо-Восточная Русь обрела своего, местного святого. То, что мощи епископа Леонтия стали одной из самых почитаемых святынь княжества, авторы Жития ставят в заслугу исключительно князю Андрею Юрьевичу. Примечательно, что ни в летописи, ни в Житии нет даже упоминания о каком-либо участии тогдашнего ростовского епископа в открытии мощей. Возможно, его попросту не было в то время в Суздальской земле, а если он всё-таки находился там, то либо был отстранён князем от участия в этом великом церковном торжестве, либо по какой-то причине устранился сам, либо его участие постарались затушевать. И это кажется тем более странным, что епископ, занимавший в то время ростовскую кафедру (во всяком случае, один из тогдашних епископов), носил то же имя, что его предшественник. Правда, в отличие от ростовского чудотворца, в летописи его именовали несколько по-иному, на греческий лад, — не Леонтием, а Леоном.

«Леонтианская ересь»

Какое-либо участие епископа не прослеживается не только в строительстве Ростовского храма и открытии мощей ростовских святителей, но и в строительстве других церквей, основанных Андреем Боголюбским. Вообще, если знакомиться с летописным повествованием о нём, то может создаться впечатление, будто князь пребывал в некоем безвоздушном пространстве, напрочь лишённом людей, способных хоть к какому-нибудь самостоятельному действию. Чаще всего летописи и другие сочинения того времени упоминают, с одной стороны, самого князя, а с другой — обобщённо «людей», выступающих как безликая масса его подданных.

Одиночество — беда многих великих мира сего. В истории Андрея Боголюбского одиночество проявляется с особой силой. На всём протяжении его княжения во Владимире мы так и не увидим рядом с ним по-настоящему значимой фигуры. Те, кого он приближал к себе и на кого, казалось бы, мог опереться, со временем либо бывали отвергнуты им или даже преданы жестокой расправе (как, например, пресловутый «лжеепископ» Феодор, о котором речь впереди, или один из братьев Кучковичей), либо сами предавали его (напомню, что в числе его убийц окажутся люди, приближенные им самим). Даже в собственной семье князя к концу его жизни мы не найдём действительно близких ему людей. Не говорю уже о его супруге, возможно, вовлечённой в заговор против мужа. Но и с братьями и племянниками дело обстояло отнюдь не просто. Его единоутробные братья — те, в чьей преданности он мог быть уверен (ибо родство по матери, как мы уже говорили, значило в те времена больше, чем родство только лишь по отцу),

— уйдут из жизни раньше его. Как и трое из четырёх его сыновей — они тоже покинут этот мир при его жизни, и ему придётся хоронить их. Младших же, сводных своих братьев, равно как и племянников, Андрей сам оттолкнёт от себя, запретив им появляться в пределах своего княжества.

О людях, бывших рядом с Андреем Юрьевичем в первые годы его владимирского княжения, и пойдёт речь в следующих главах книги. Сначала о людях церкви — тех церковных иерархах, которые волею судеб или же волею самого князя оказались во главе Ростовской епархии, а значит, по логике вещей должны были стать его первейшими помощниками во всех благих начинаниях.

В 1158 году, то есть на следующий год после вокняжения Андрея, в Ростов прибыл новый епископ, грек Леон, рукоположенный в Киеве митрополитом Константином. Суздальская летопись говорит об этом одной фразой, без всяких подробностей, — затем, чтобы под следующим, 1159 годом сообщить: «Того же лета выгнаша ростовци и суждальци Леона епископа, зане умножил бяше церковь, грабяй попы» (в Московско-Академической летописи добавлено: «...зане умножил бяше церковь *пустых*, грабя попы»)^{160}.

Что именно было поставлено в вину Леону, мы можем только догадываться. «Умножал» церкви он едва ли в прямом смысле этого слова — не как Андрей Боголюбский, строивший новые храмы в своём княжестве. Известно, что епископу шла особая пошлина с каждого храма, и «умножение» церквей, скорее всего, означало умножение этих доходов — возможно, путём взимания пошлин не просто с церквей, но с престолов, которых в иной церкви насчитывалось несколько^{161}. Добавление же составителей Академической летописи можно понимать в том смысле, что Леонтий возобновил взимание епископской пошлины и с тех церквей,

которые стояли пустыми из-за отсутствия в них священников или прихожан и, следовательно, вообще не могли иметь никаких доходов. Это и вызывало недовольство как самих священнослужителей, так и, особенно, паствы. И хотя имя Андрея Боголюбского в связи с первым изгнанием Леона в Лаврентьевской летописи не упомянуто и инициатива всецело приписана «ростовцам и суждальцам», трудно сомневаться в том, что всё было сделано с одобрения князя. (В Никоновской летописи это изгнание Леона из Суздальской земли, напротив, представлено так, что епископа изгонял сам князь Андрей Юрьевич, «прельщен бысть от домашних своих злых»; но здесь, как мы ещё убедимся, многие события смешаны, в частности, первое изгнание Леона — с его же вторым изгнанием из Суздальской земли, а заодно и с изгнанием его предшественника епископа Нестора — также по клевете «от своих домашних». Масса дополнительных сведений о епископе Леоне приведена в «Истории Российской» В.Н. Татищева, но имелись ли у историка XVIII века какие-либо дополнительные источники или же он домысливал летописный текст, мы не знаем. Так, по сведениям (или догадке?) Татищева, Леон прежде был игуменом суздальского «Владычня» монастыря и «хотя не был учен, но гордостью надмен»; он попросту «купил» ростовскую кафедру у митрополита «сребром», и князь Андрей Юрьевич, не желая обидеть предстоятеля Русской церкви, оставил Леона во Владимире, притом что в Ростов вскоре вернулся изгнанный ранее Нестор, так что в Северо-Восточной Руси оказалось сразу два епископа. Летописный текст Татищев понимал в том смысле, что Леон был «вельми сребролюбив» и принуждал «строить вновь многие церкви, а попов грабил», за что ростовцы, «согласясь с суждальцы», и изгнали его^[162].^[61] Такова одна из возможных трактовок событий, которую принимают и многие

современные исследователи, но очевидно, что трактовка эта, во всяком случае, не единственная.)

Дело, по-видимому, было не только или даже не столько в корыстолюбии епископа. Новый митрополит грек Константин жёсткой рукой наводил порядок в расстроенных делах Русской церкви, и новопоставленные епископы должны были следовать заданным им курсом. Естественно, что это вызывало открытое неприятие жителей, а заодно и местных властей, привыкших не особенно считаться с церковными иерархами. Но на исходе 1158 года Константину пришлось бежать из Киева, а уже в следующем, 1159 году он умер в Чернигове. Причудливые повороты в его судьбе не могли не отразиться на положении тех епископов, которые были рукоположены им, в том числе, разумеется, и Леона. Последний и без того не чувствовал себя уверенно в Ростовской земле, ибо здесь помнили и о другом епископе — Несторе, некогда осуждённом митрополитом, но затем оказавшемся невиновным. Многие по-прежнему считали именно Нестора законным ростовским владыкой. «Леон епископ не по правде поставися Суждалю, — писал по этому поводу суздальский летописец, — Нестеру епископу Сужьдальскому живущю, перехватив Нестеров стол». Возможно, Нестор и сменил Леона, вернувшись в Ростовскую землю, а может быть, его появление здесь ещё при Леоне окончательно запутало ситуацию и способствовало изгнанию его соперника. Но, как выясняется, и Нестор не смог обосноваться в Суздале или Ростове надолго. Так что слова Татищева о двух епископах в Суздальской земле оказываются правдой. Больше того, число претендентов на епископскую кафедру с течением времени только возрастало...

Летописные источники весьма противоречиво освещают церковные события тех лет. Многое остаётся

для нас неясным. Так, мы не знаем точно, сколько раз изгонялся Леон из Ростовской земли — дважды или трижды, кто сменял его на ростовской кафедре, а главное, когда именно и почему это происходило. Соответственно, непонятны остаются для нас и подоплёка действий князя Андрея Юрьевича в каждом конкретном случае, и его церковная политика в целом.

Судя по показаниям Киевской (Ипатьевской) летописи, вскоре после первого изгнания Леон вернулся на ростовскую кафедру — но опять ненадолго. Под 6670 годом (а это, применительно к хронологии данной части летописи, 1161/62 год) читаем: «Том же лете выгна Андрей епископа Леона ис Суждаля...»

Если учесть, что выше, рассказывая о событиях 1159 года, киевский летописец уже сообщал об изгнании Леона ростовцами и суздальцами, «зане умножил бяше церкви, грабяй попы», то получается, что это изгнание — второе, а следовательно, ранее епископ был возвращён или вернулся сам в свою епархию^[163].^[62] В Киевской летописи его второе изгнание поставлено в связь с изгнанием из Суздальской земли младших братьев и племянников князя Андрея Юрьевича, а также «передних мужей» его отца (о чём речь пойдёт в следующей главе книги). Спустя какое-то время Андрей одумался и, по выражению южнорусского летописца, «покаявся от греха» и вновь вернул Леона. Но — делает важную оговорку летописец — вернул в Ростов, «а в Суждали не да (не позволил. — А. К.) ему седети». Между тем именно Суздаль в течение уже нескольких десятилетий считался местом пребывания епископа, так что Ростовская кафедра в греческих перечнях епархий Константинопольского патриархата официально именовалась Суздальской^[63]. Насильственное пребывание епископа-грека в Ростове исключало слишком частое общение с ним князя. Но запрет «сидеть» в Суздале (и уж тем более во Владимире!)

объяснялся не одной только личной неприязнью князя к епископу, тем более что общаться им пришлось уже довольно скоро. Как выяснилось, Андрей вынашивал планы разделения Суздальской епархии. Епископ нужен был ему в Ростове — но с тем, чтобы ближе к Владимиру или в самом Владимире оказался ещё один епископ, и притом лояльный по отношению к нему и его планам. А подходящий кандидат на это место у него имелся, и это был отнюдь не Нестор.

Новая встреча Андрея с епископом Леоном состоялась четыре месяца спустя и ожидаемо закончилась новыми обвинениями в адрес епископа и новым, ещё более тяжёлым разрывом. «И держа и 4 месяци в епископии, — продолжает свой рассказ летописец, — нача просити у него от Въскресения Христова до Всих Святых (то есть от Пасхи до первого воскресенья после Пятидесятницы. — *А. К.*) ести мяса и в среду и в пяток (пятницу. — *А. К.*); епископ же повеле ему одну неделю порозную (праздничную, то есть Светлую седмицу. — *А. К.*) ести мяса в среду и в пяток, а прочею добре хранити (то есть воздерживаться в указанные дни от мясной пищи. — *А. К.*). Он же противу вину погна и[з] своей земли, и приде Чернигову к Святославу Олговичю...» Так в летописное изложение событий вводится новый сюжет — о жестоком противостоянии епископа и князя по, казалось бы, совсем незначительному вопросу: о том, как соблюдать еженедельный пост в среду и пятницу в тех случаях, когда на эти дни выпадают христианские праздники.

В Суздальской (Лаврентьевской) летописи о споре между князем и епископом рассказано под более поздним 6672 (1164/65) годом — но при этом два предыдущих года оставлены в летописи пустыми, а ещё один, 6669-й (1161/62), занят лишь кратким сообщением о росписи владимирского Успенского собора. Такая нарочитая скупость летописного повествования не

могла не явиться следствием его целенаправленного редактирования или цензурирования: по всей вероятности, какая-то, и немаловажная, информация за эти годы была либо намеренно не включена в летопись, либо исключена из неё при позднейшей её обработке. В результате под 1164/65 годом в летописи оказался зафиксирован лишь результат длительной борьбы между епископом и князем. Причём если в Киевской летописи о судьбе епископа Леона рассказывалось с очевидным сочувствием, то в Лаврентьевскую включён настоящий памфлет с осуждением как самого епископа, так и его учения о постах, названного здесь «Леонтианской ересью»:

«В то же лето вста ересь Леонтианская, скажем в мале. Леон епископ не по правде поставися Суждалю, Нестеру епископу Сужьдальскому живущу, перехватив Нестеров стол. Поча Суждали учити не ести мяс в Господьския праздники в среды и в пятки ни на Рожьство Господне, ни на Крещенье, и бысть тяжа про то велико пред благоверным князем Андреем [и] предо всеми людьми. И упре его владыка Феодор, он же... иде на исправленье Царюгороду...»^[164]^[64]

Как видим, акценты здесь заметно смещены. Но это, несомненно, тот самый спор о постах, о котором двумя летописными статьями выше и с другими подробностями писал киевский летописец. О сути этого спора следует поговорить более подробно.

Согласно учению Православной церкви, каждый христианин должен соблюдать пост в среду и пятницу — в память о страданиях и крестной муке Христа. В ранней Греческой церкви посты в эти дни отменялись, во-первых, в течение семи недель, отделявших Пасху от Пятидесятницы (дня Святой Троицы), а во-вторых, в те дни, которые приходились на Рождество Христово и другие «Господские» праздники (то есть праздники, связанные с земной жизнью Иисуса Христа): в эти дни, в

отличие от обычных сред и пятниц, мирянам разрешалось вкушение мясной пищи, а монахам — молочной. Впоследствии такие же послабления стали делать для праздников Богородичных и некоторых особо чтимых святых. Однако какого-либо единого правила на этот счёт не существовало, что породило споры, которые продолжались в Греческой церкви в течение длительного времени, захватив и XI-XII века^[165]. Постепенно, по мере распространения так называемого Иерусалимского устава, утверждались жёсткие правила, согласно которым никакие послабления поста не допускались. Споры эти перешли и в Русскую церковь. Ещё в середине XI века, за сто лет до Боголюбского, игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий разъяснял киевскому князю Изяславу Ярославичу, обратившемуся к нему с соответствующим «вопрошанием»: «...Егда ся приключить в среду или в пяток Господьский праздник, любо Святей Богородици, ли 12 апостол, то ежь мясо...» Но даже высокий авторитет преподобного Феодосия, «отца русского монашества», не мог удовлетворить позднейших читателей его послания князю. Показательно, что в сборнике XV века из Новгородского Софийского собора, в котором читается один из двух списков послания, кто-то зачеркнул слова: «любо Святей Богородици, ли 12 апостол» и внизу листа приписал по-своему: «Рождество Христово и Крещение Господне»^[166].^[65] Схожего мнения придерживался и такой признанный знаток церковных канонов, как митрополит грек Георгий, занимавший киевскую кафедру в 60-е — начале 70-х годов XI века: «...И Рождество Христово, что ся причтет в среду и в пяток, ясти мясо»^[167].^[66] Находились и те, кто не считал этот вопрос сколько-нибудь важным. В середине XII века новгородский епископ Нифонт объяснял новгородскому же иеромонаху Кирику, что пощение в такие дни всецело зависит от воли и желания

каждого: «Аже... будетъ праздникъ Господьскый в среду и в пяток, или Святыя Богородица, и[ли] святаго Иоана (Иоанна Предтечи? или Иоанна Богослова? — А. К.), аще ядять, добро; аще ли не ядять, а луч[ш]е»^{168}.

Но этот, так сказать, «либеральный» взгляд на вопрос о постах разделялся не всеми. Иная, жёсткая точка зрения, по всей вероятности, возобладала в Киеве со времён митрополита Константина, то есть спустя совсем немного времени после «разъяснений» Нифонта.

В поздней Никоновской летописи под 1157 годом сообщается об изгнании с ростовской и суздальской кафедры епископа Нестора — и тоже из-за спора «про Господские праздники»: это будто бы Нестор, а не Леон, «не веляше... мяса ясти в Господьския праздники, аще прилучится когда в среду или в пяток, такоже от Светлыа недели и до Пентикостиа (Пятидесятницы. — А.К.)»^{169}. В этой части Никоновской летописи заметны путаница, произвольное подставление имён в более ранний летописный текст и явный хронологический сбой, а потому данное известие о Несторе вызывает сильные сомнения относительно своей достоверности. Вполне возможно, что речь здесь идёт не о Несторе, а всё о том же Леоне, его преемнике на ростовской кафедре, и имя Нестора, как и ошибочная дата 1157 год попали в летопись по ошибке^[67]. Впрочем, нельзя исключать и того, что грек Нестор ещё до Леона начал вводить в Ростовской земле суровые византийские порядки относительно соблюдения постов в среды и «пятки», и его преемник в этом вопросе оказался с ним солидарен.

Это пришлось не по нраву жителям русских городов. И князь Андрей Юрьевич, и большинство его подданных в Ростове, Суздале и Владимире восприняли учение греков как ересь. В одной из летописей XV века, так называемой Типографской, Леон был обвинён ни больше ни меньше, как в арианстве: «сиабо ересь

Арианская»^{170}. Учение Ария, знаменитейшего из ересиархов древности, упомянуто здесь, что называется, для красного словца, по созвучию с ересью «Леонтианской», но и не без умысла. Православная церковь осуждает арианство за отрицание божественной природы Христа. Но разве не в особом праздновании тех дней церковного календаря, которые посвящены Христу, проявлялось отношение к Его божественной сущности — во всяком случае, в представлениях русских людей того времени, для которых эти празднования были немыслимы без обильной трапезы?! Традиция таких пышных празднований «Господских» и Богородичных дней, а также дней памяти особо чтимых святых была заложена ещё Владимиром Святым после Крещения Руси — а правильнее сказать, продолжала ещё дохристианскую традицию празднования некоторых особо почитаемых дней^{171}. Но ведь именно Владимира как образец для подражания избрал для себя князь Андрей Боголюбский! Ещё и поэтому данная тема была для него особенно болезненной. Порывать со старой традицией празднования таких дней, равно как и с традицией особого почитания Пятидесятницы (семи недель, следующих после Пасхи) он не хотел. И наставления пришедших греков были ему не в указ.

К какому времени спор о постах достиг в Ростовской епархии своей кульминации? На этот вопрос мы, увы, не можем ответить точно. Зимой 1159/60 года Рождество (25 декабря) пришлось на пятницу, а Крещение (6 января) — на среду. Но к этому времени Леон, кажется, уже был изгнан (в первый раз) из Суздальской земли. Следующей зимой 1160/61 года Крещение пришлось на пятницу, и если Леон уже вернулся на свою кафедру, то это не могло не вызвать его столкновения с князем. Схожая ситуация повторилась зимой 1163/64 года, когда на среду пришлось Рождество, а затем следующей

зимой, 1164/65 года, когда на пятницу и среду пришлись оба праздника — и Рождество, и Крещение. (Может быть, не случайно именно под этим годом летопись сообщает о «Леонтианской ереси»?) Но так или иначе, раньше или позже, а дело дошло до того, что князь созвал нечто вроде собора, на котором в его присутствии и в присутствии «всех людей» состоялось прение («тяжа») между епископом Леоном и выступившим против него «владыкой Феодором», который и «упре», то есть переспорил, грека. Впрочем, исход этого словесного поединка, по всей видимости, был предрешён: не случайно киевский летописец без обиняков писал о том, что князь «противу вину» погнал Леона из своей земли. При этом киевский летописец даёт лишь приблизительную, размытую датировку событий: в 1161/62 году епископ был изгнан (во второй раз), позднее вернулся (но когда именно, неизвестно), а по прошествии ещё четырёх месяцев изгнан снова — уже из-за спора о постах. Автор же Лаврентьевской летописи, напротив, называет точную дату «тяжи» — 6672 (1164/65) год, но эта дата заведомо неверна, поскольку 15 февраля 1164 года, то есть ещё в 6671 мартовском году, в Чернигове скончался князь Святослав Ольгович — тот самый, к которому, по летописи, бежал епископ Леон из Ростова^{172}. Стало быть, «тяжа» имела место раньше, и дата, названная суздальским летописцем, может относиться лишь к заключительному эпизоду всего летописного повествования — прениям, происходившим в Византии, куда Леон отправился из Южной Руси. Или даже к тому времени, когда об этих прениях стало известно во Владимире.

Имя переспорившего Леона «владыки Феодора» (или Федорца, «за укоризну тако нарецаема», по выражению древнерусского книжника) появляется на страницах летописи в первый, но не в последний раз. В истории

Андрея Боголюбского этому человеку суждено будет сыграть весьма важную роль, а потому скажем о нём несколько слов. По всей вероятности, Феодор сам был родом грек; он приходился «сестричичем», то есть племянником по матери, смоленскому епископу греку Мануилу. (Так значится в грамоте константинопольского патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому в редакции Никоновской летописи. Впрочем, в той же Никоновской летописи в другом месте Феодор назван «сестричичем» именитого киевского боярина Петра Бориславича, приближённого князя Изяслава Мстиславича, а следовательно, русским; он якобы был «калугером», то есть монахом, и монашеский постриг принял в Киево-Печерском монастыре. Однако эта версия представляется менее вероятной.) Во Владимир Феодор пришёл из иной земли (из Смоленска? или из Византии?), будучи изгнан из церкви, в которой некогда был поставлен (священником?). Позднейшая Никоновская летопись даёт ему поистине чудовищную характеристику: «Бе же сей дръзновенен зело и безстуден (безнравствен. — А. К.), не срамляше бо ся сей ни князя, ни боарина, и бе телом крепок зело, и язык имеа чист, и речь велеречиву, и мудрование кознено, и вси его бояхуся и трепетаху, никто же бо можаше противу его стоати; неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху». А чуть ниже так, поистине в эпических тонах, описывает его внешность: «...И бе страшен и грозен всем, и вси бояхуся его и трепетаху; рыкаше бо глас его, аки лвов, и величеством бе, аки дуб, и крепок и силен... и язычная чистота и быстрость преудивлена, и дръзновение и безстудие таково, якоже никогда же никого обинуватися (не опасался. — А. К.)»^{173}. Но эта характеристика есть следствие того, что авторы более ранних летописей старались по возможности вообще не касаться сюжетов, связанных с его деятельностью в качестве главы

Ростовской епархии, сохранив лишь подробный, но явно тенденциозный рассказ-памфлет о последующих преступлениях «лжеепископа Феодора» во Владимиро-Суздальском княжестве. В результате личность его оказалась предельно демонизирована, что и дало толчок к появлению самых необузданных фантазий на его счёт.

По всей вероятности, Феодор до времени пользовался полным доверием князя Андрея Юрьевича. Князю не могли не импонировать его красноречие, начитанность, умение отстаивать своё мнение, наконец внешний облик («бе телом крепок зело»). Кажется, он был «бельцом», то есть священником, живущим в миру, а не монахом. Тем не менее Андрей решился поставить его во главе той новой епархии, которую намеревался открыть во Владимире. Причём речь шла о создании митрополии, фактически независимой от Киевской и подчиняющейся непосредственно Константинополю. Примечательно, что позднейшие летописи присваивают Феодору прозвище «Белый Клобучок», или «лживый Белый Клобук»^{174}, — явный намёк на претензии ростовского «лжевладыки» на ношение белого клобука — предмета облачения митрополита, а позднее и отдельных епископов (архиепископов). Понятно, что Леон был для него прямым конкурентом в борьбе за кафедру: ещё и поэтому он обличал его со всей беспощадностью и страстностью своей натуры.

Вопрос об открытии новой епархии решался в Константинополе. И получилось так, что решался он одновременно с «делом» епископа Леона, который также отправился за поддержкой в споре о постах в столицу Империи. Впрочем, расскажем обо всём по порядку.

Изгнанный князем из Ростовской земли, Леон прибыл в Чернигов, где в то время находился его единомышленник епископ грек Антоний. Тепло принял изгнанника и черниговский князь Святослав Ольгович.

«Святослав же, утешив [его] добре, пусти к Киеву, к Ростиславу (великому князю Киевскому Ростиславу Мстиславичу. — А. К.)», — свидетельствует южнорусский летописец. Более о судьбе Леона, вплоть до самой его кончины в конце 1170-х — начале 1180-х годов, он ничего не сообщает. Суздальский же летописец, напротив, не знает (или умалчивает) о скитаниях Леона по русским княжествам, сразу перенося действие в Византию, где оказался изгнанный ростовский владыка.

Об обстоятельствах пребывания епископа в Греческой земле сообщают два источника. Во-первых, это Лаврентьевская летопись, а во-вторых, упомянутая выше грамота патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Юрьевичу — важнейший источник по церковно-политической истории Северо-Восточной Руси. Правда, грамота эта может иметь отношение к нашей теме лишь в том случае, если мы согласимся считать, что она излагает обстоятельства «дела» именно епископа Леона, в чём полной уверенности, к сожалению, нет. Грамота дошла до нас только в русском переводе и в двух поздних списках, представляющих две её редакции, сильно отличающиеся друг от друга. Одна из этих редакций — так называемая Краткая, сохранившаяся в списке XVII века из библиотеки Кирилло-Белозёрского монастыря, — не содержит имя епископа, за которого хлопотал патриарх, и к тому же обрывается на полуслове^{175}. Очевидно, она имела продолжение, но какое именно, мы в точности не знаем. Пространный же текст послания содержится в составе Никоновской летописи XVI века^{176}. Редакция Никоновской летописи превосходит Краткую более чем в два раза; именно в её дополнительной части и разбираются вопрос о постах в среду и пятницу в «Господские» дни и некоторые другие сюжеты — но в аутентичности этой дополнительной части у нас есть серьёзные сомнения. В летописной редакции послания

имя изгнанного князем епископа названо — но им оказывается не Леон, а... Нестор. Однако при сличении двух редакций ясно, что имя это отсутствовало в подлинной грамоте патриарха Луки и было вставлено позднее составителями самой Никоновской летописи — что называется, по догадке. И очень похоже, что догадка эта оказалась неверной и речь в послании идёт всё же о Леоне^[177]. Есть в редакции Никоновской летописи и другие имена, также добавленные в текст грамоты. И относительно их нет никакой уверенности в том, что имена эти подлинные. Характер работы составителей Никоновской летописи хорошо виден уже из сличения заголовков послания в обеих редакциях. В Краткой читаем: «Грамота ведикого патриарха Луки ко князю Ондрею Ростовскому Боголюбскому». В Никоновской же летописи заголовок заметно распространён: «Послание великого патриарха Луки к великому князю Андрею Ростовскому и Суздальскому Боголюбскому, сыну Юрья Долгорукаго, внуку Владимирю, о Нестере, епископе Ростовском и Суждальском». Но Андрей не носил в то время титул великого князя! И патриарх Лука никак не мог называть его так, ибо признавал великим князем занимавшего киевский престол Ростислава Мстиславича! К тому же прозвище отца Андрея, «Долгорукий», появляется в источниках, и притом русских, а не греческих, не ранее середины XV века! То есть эти добавления явно выдают руку позднейшего редактора текста. Но если так, то можем ли мы иначе, чем к такому же произвольному добавлению, отнести к имени епископа Нестора, читающемуся в том же заголовке?^[68] Отметим также, что в Никоновской летописи послание патриарха Луки размещено под 1160 годом — заведомо неверным, ибо вопросы, которые обсуждались в грамоте, приобрели особую остроту в Ростовской земле позднее^[69]. Но не эта ли неверная дата и обусловила появление в тексте

грамоты имени Нестора, занимавшего епископский стол в Ростове *до* Леона? Ведь в 1160 году, по свидетельству той же Никоновской летописи, Леона в Ростове попросту не было!

Оба этих источника — и Лаврентьевская летопись, и послание патриарха — рассказывают о судьбе епископа Леона (согласимся всё же, что речь в послании идёт о нём) совершенно по-разному, освещая различные, напрямую не связанные между собой эпизоды его пребывания в Византии. Сравнивая и анализируя тексты, можно прийти к выводу, что епископу пришлось не единожды совершать поездки на родину, ища защиту от возводимых на него обвинений. И не всегда ему сопутствовала там удача.

По летописи, епископ явился к самому императору ромеев Мануилу Комнину — но этот шаг с его стороны оказался ошибочным. Один из ярчайших представителей византийской истории XII века, личность необыкновенная во многих отношениях, император Мануил I (1143–1180) ещё не раз будет привлекать наше внимание. Пока же скажем о том, что в своей внешней политике он уделял немалое внимание Руси и находился в дипломатических сношениях с разными русскими князьями. Начало 60-х годов XII века ознаменовано для Византии продолжающимися войнами: прежде всего с турками-сельджуками на юге и венграми на севере. В войне с Венгрией русские князья рассматривались Мануилом как возможные союзники. Правда, не все. Так, могущественный галицкий князь Ярослав Владимирович Осмомысл до времени оставался скорее врагом законного василевса, ибо поддерживал его двоюродного брата Андроника Комнина, также претендовавшего на византийский престол. Но тем больше был заинтересован василевс в союзе с правителями других русских княжеств, и прежде всего с киевским князем Ростиславом Мстиславичем и суздальским Андреем

Юрьевичем (которые, напомним, в 1161 году заключили мирный договор друг с другом). «Мануилу цесарю мирно в любви и братолюбии живущю с благочестивым князем нашим Ондреем», — напишет чуть позже владимирский книжник^{178}, и это будет правда. Добрые отношения двух правителей подкреплялись ещё и тем, что Андрей был сыном князя Юрия Долгорукого, верного союзника Мануила на протяжении многих предшествующих лет.

Эти предварительные замечания помогают нам понять, почему у епископа Леона было немного шансов добиться поддержки у василевса. К тому же взгляды Леона на соблюдение поста в среду и пятницу, по-видимому, не совпадали со взглядами на этот предмет самого императора. А надо сказать, что император Мануил вообще отличался любовью к разного рода богословским диспутам, нередко сам участвовал в них и всегда с горячностью отстаивал свою точку зрения, даже если она входила в противоречие с точкой зрения признанных авторитетов, включая и самого константинопольского патриарха. Тем, кто пытался противоречить ему, приходилось несладко. Рассказывали, что однажды, когда патриарх и другие иерархи не согласились с изменениями, которые василевс предложил внести в чин оглашения иноверцев (вопрос сугубо церковный!), император «оскорбился этим» и в гневе дошёл до того, что начал осыпать архиереев бранью, называя их «всесветными дураками»^{179}. Тем менее склонен он был церемониться с каким-то провинциальным епископом, попавшим ему, что называется, под горячую руку.

Для встречи с императором Леону не понадобилось даже ехать в Константинополь. Как рассказывает летописец, царь тогда «стоял товары», то есть станом, лагерем, «над рекою». Под «рекою» обычно понимают Дунай, хотя речь может идти и о каком-либо из его притоков. В то время император воевал с венграми, а

потому ему приходилось бывать на Дунае едва ли не чаще, чем в столице. Так, весной 1163 года василевс «с большей частью ромейского войска остановился лагерем» в Филиппополе (нынешнем Пловдиве, в Болгарии), позднее, летом, перебрался в Наис (Ниш), где тоже «расположился лагерем», а ещё позднее перенёс свою ставку в Белград. Затем его отвлекли дела на востоке, и он изготавился уже к военным действиям в Палестине (о чём нам также ещё предстоит поговорить), но события в Венгрии, где новый король Стефан III изгнал своего брата Белу (ставленника Мануила, который даже выдал за него замуж свою дочь), вновь заставили императора поспешить к Дунаю. В 1164 году, переправившись через Саву, он «стал лагерем» у Титела (при слиянии Тисы и Дуная), а затем раскинул свои палатки у Петровара (некой «Каменной крепости», близ границ Венгрии), откуда и вступил в переговоры с королём Стефаном, — но переговоры эти закончились неудачей^{180}. Летописная дата встречи епископа Леона с «царём» «над рекою» (1164 год) полностью соответствует хронологии дунайских походов императора Мануила, а потому историки, как правило, принимают её как более или менее точную.

В лагере императора в то время оказались послы сразу четырёх русских князей: великого князя Киевского Ростислава Мстиславича, суздальского князя Андрея Боголюбского, а также князей черниговского и переяславского. (Последним, напомню, был младший брат Андрея князь Глеб Юрьевич; что же касается черниговского князя, то им до февраля 1164 года был Святослав Ольгович, а затем, после его смерти, — его племянник Святослав Всеволодович.) Имя суздальского посла — редкий случай! — названо в летописи: им был некий Илья. Примечательно, что в перечне послов Илья занимает второе место, сразу после киевского; третьим же следует даже не черниговский, как должно быть, а

перемыславский. Это свидетельствует о суздальском происхождении всего рассказа: очевидно, о происшествии «над рекою» летописцу стало известно непосредственно со слов Ильи. (В поздней Никоновской летописи имя посла князя Андрея Юрьевича названо полнее: Илья Андреев; здесь же приведено и имя киевского посла — Иван Яковль, но откуда извлёк книжник XVI века эти имена, как всегда, неизвестно.) Не обязательно думать, что все четверо прибыли к царю Мануилу вместе с Леоном и по его же делу. Скорее, их привели сюда иные заботы, так или иначе связанные с обсуждением условий русско-византийского союза. Тем не менее все они стали свидетелями произошедшего разбирательства.

Мануил предоставил Леоу возможность высказаться и даже устроил прение между ним и оказавшимся здесь же другим греческим иерархом. Суздалец Илья с удовольствием поведал о полном фиаско своего епископа, причём дело, по его словам, едва не дошло до смертоубийства: «Он же иде на исправление Царюгороду, а тамо упрел и (его. — А. К.) Анъдриян, епископ Болгарьский, перед царем Мануилом... Леоу молвящую на царя, удариша слугы цареви Леоу за шью (за шею. — А. К.) и хотеша и в реце утопити...» — «Се же сказахом верных дея людей, — заключает свой рассказ летописец, — да не блзняются о праздницах Божьих».

Как видим, Мануил остался верен себе, не терпя прекословия. «Царёвы слуги» действовали в полном соответствии с принятой им манерой поведения, награждая епископа тумакими и угрожая и вовсе утопить его. Наверное, в пылу полемики епископ позволил себе что-то выходящее за рамки приличий, может быть, напрямую обратился к императору, принявшему участие в споре («молвящую на царя»). Такое пресекалось незамедлительно. Возможно, подобная

дерзость имела место и во время его прежних дискуссий с участием князя Андрея Юрьевича. Впрочем, это, разумеется, не более чем догадка, тем более что и Андрей вряд ли стал бы терпеть неподобающее поведение собеседника. Но так или иначе, а присутствовавшие в лагере царя русские послы смогли убедиться: царь отнёсся к ростовскому епископу с очевидным пренебрежением. Это должно было ещё больше осложнить его положение на Руси.

Особого внимания заслуживает фигура болгарского епископа, переспорившего Леона. В некоторых более поздних русских летописях он назван архиепископом^{181}, и это наименование оказывается точнее, ибо именно такой титул носили предстоятели Охридской епархии (Охрида — город в Западной Болгарии, в то время византийской провинции). Как установили историки, под летописным именем скрывается грек Иоанн IV Комнин, архиепископ Охридский, звавшийся Адрианом в миру^{182}. До своего поставления на кафедру (что случилось не позднее 1142 года) он носил высокое звание пансеваста и великого друнгария. Его мирское имя — единственное упомянутое в греческом перечне архиепископов Болгарской церкви. И это не случайно. Иоанн-Адриан принадлежал к правящей в Византии династии: он был сыном севастократора Исаака Комнина, родного брата императора Алексея I, родоначальника династии, иными словами, приходился императору Мануилу двоюродным дядей. Уже по одной этой причине его слово многое значило в то время, особенно в окружении императора, где, как мы видим, его предпочитали называть мирским именем. Но архиепископ Иоанн обладал немалым авторитетом в Греческой церкви и как знаток церковного права: он оставил после себя несколько небольших сочинений, а также собственноручно изготовленный список Номоканона — сборника

церковных законов и постановлений, хранящийся ныне в Ватиканской библиотеке. Участие в прениях «над рекою» — последнее известное нам деяние архиепископа. Дата его смерти в источниках отсутствует. Ранее историки относили его кончину к 1157 или 1157–1160 годам, известие же Лаврентьевской летописи позволяет отодвинуть её на несколько лет.

Суздальский летописец ограничивается рассказом об унижении епископа Леона. То, что было дальше, выпало из поля его зрения — но именно потому, что дальнейшее развитие событий оказалось не в пользу князя Андрея Юрьевича. Дело в том, что «тяжа» в присутствии императора осталась лишь эпизодом, пусть и неприятным, в византийской «одиссее» епископа. Ему пришлось встречаться — и, кажется, не единожды — и с константинопольским патриархом Лукой Хрисовергом (1157–1169/70). Последний отнёсся к нему совершенно иначе, нежели василевс. А ведь именно от патриарха зависела судьба изгнанного со своей кафедры иерарха.

Ход разбирательства «дела» епископа Леона во многом зависел от того, был ли в то время занят митрополичий престол в Киеве. Как полагают историки, когда Леон явился в стольный город Руси из Чернигова, митрополита там уже не было: занимавший это место грек Феодор скончался в мае — июне 1162 года^[70]. Его смерть привела к сумятице в церковных делах, что должно было отразиться и на судьбе Леона, вынужденного отправиться в Константинополь. Киевская кафедра пустовала более года. Весной 1163 года князь Ростислав Мстиславич вознамерился всё же добиться возвращения на киевскую митрополию русина Климента Смолятича, не признанного в Константинополе и преданного анафеме покойным митрополитом Константином. С этой целью князь «отрядил» в Константинополь посольство во главе с боярином Гюрятой Семковичем. Однако патриарх

опередил его. В низовьях Днепра, у Олешья, Гюрята встретился с уже рукоположенным в сан новым киевским митрополитом — греком Иоанном, который в сопровождении «царёва посла» следовал в Киев. Гюряте пришлось поворачивать обратно^{183}. Вместе с Иоанном император Мануил Комнин прислал Ростиславу многочисленные дары: «оксамоты, и паволокы, и вся узорочь разноличная». Как полагают, цель посольства Мануила состояла не только в поставлении на киевскую кафедру митрополита-грека (этот вопрос всё же оставался в компетенции патриарха), но в заключении политического союза с киевским князем, о чём между ними уже шли переговоры. Послов царя Ростислав, разумеется, принял с честью. Но вот к поставлению грека на митрополию князь поначалу отнёсся отрицательно: «не хоте... прияти» его, по словам летописца. Затем, однако, он поддался на уговоры посла и согласился^[71]. Так судьба киевской кафедры, а вместе с ней и судьба Леона были решены. Но и митрополит Иоанн IV недолго оставался на кафедре. Он умер в мае 1166 года, а ещё через год, летом 1167 года, киевскую кафедру занял митрополит грек Константин II, с которым князю Андрею Боголюбскому ещё предстоит иметь дело.

Мы не знаем, когда именно епископ Леон в первый раз обсуждал свои проблемы с патриархом. Но есть основания думать, что это было ещё до доставления на киевскую кафедру Иоанна IV и что на Русь Леон вернулся в свите новопоставленного митрополита, который и разбирал возведённые на него обвинения, причём полностью его оправдал. Во всяком случае, в своём послании князю Андрею Юрьевичу патриарх ссылался на решения собора, бывшего в Киеве в присутствии митрополита, епископов, киевского князя и — внимание! — «царёва» посла — едва ли не того самого, который сопровождал митрополита Иоанна в

Киев. Ссылался патриарх также на грамоту «священного митрополита» и поддерживавших его русских епископов: «...уведахом и священнаго митрополита грамотою, [и] епископъ, и от самого посла дръжавнаго и святаго нашего царя, и от инех многих, оже таковая епископа твоего обвинения молвена суть многажды во своем тамо у вас соборе и пред великим князем всеа Руси... и *оправлен убо сий епископ своим собором*»^{184}.

Патриарх исходил из церковных установлений, по которым «коемуждо епископу» подобает судиться «своим собором». Но судя по тому, что и после этого патриарху пришлось обращаться к князю Андрею с подробным и аргументированным посланием, решение собора не произвело на суздальского князя никакого впечатления и епископа он обратно не принял. (Или, может быть, принял — и вновь прогнал? В таком случае события, о которых мы только что говорили, должны были уместиться в те четыре месяца, что отделяли второе изгнание Леона из Суздальской земли от третьего, что в принципе вполне вероятно.) В свою очередь, Андрей обращался к патриарху с собственными посланиями, и тоже не единожды: и по поводу «дела» Леона, и по поводу создания новой епархии в его земле и перенесения кафедры из Суздаля во Владимир, что заботило князя гораздо больше. Однако из всей оживлённой переписки между ними до нас дошло лишь одно послание патриарха. Но и оно свидетельствует о том, что переговоры были долгими и трудными, и патриарху пришлось созывать собор в Константинополе, где и рассматривались возведённые на ростовского епископа обвинения.

Некоторые обстоятельства этих переговоров, как всегда с дополнительными подробностями и неведомо откуда взявшимися именами, приводит Никоновская летопись, которая, напомним, неверно датирует всё происходящее 1160 годом. Сообщив о «прении» у царя

Мануила в присутствии русских послов, книжник XVI века продолжает свой рассказ о злоключениях русского епископа — правда, в его версии, не Леона, а Нестора: «Того же лета» от патриарха Луки к князю Андрею Юрьевичу пришёл посол, некий Андрей, требуя вернуть епископа «на свой ему стол Ростов и Суздаль, да не заблужает в чужих странах». А ниже под всё тем же 1160 годом, после рассказа о «расширении» стольного града Владимира и намерении князя утвердить в нём «митрополию», читаем: «И посла [князь Андрей] в Константиноград к патриарху посла своего Якова Станиславича, да благословит град Владимирь митропольею и да поставит в него митрополита... Пресвященный же Лука патриарх Коньстантиноградский сиа слышав и пред священным собором повеле прочести послания его, ту же сушу и Нестеру епископу Ростовъскому и Суздальскому, еще же и послу Феодора митрополита Киевскаго и всеа Руси, и посла к нему послания сице...», после чего, собственно, и следует текст патриаршей грамоты. Мы уже говорили об ошибочности той даты, которой обозначено послание патриарха в Никоновской летописи. Из-за неё действующим лицом описываемых событий оказывается киевский митрополит Феодор, что вряд ли возможно. Столь же мало достоверны и имя Нестора (хотя, может быть, и он участвовал в патриаршем соборе?), и имена патриаршего посла Андрея и Андреева посла Якова Станиславича. Последнее имя попало, между прочим, в текст самой грамоты в редакции Никоновской летописи. Замечу, что оно могло быть извлечено составителями летописи из источника, никак не связанного с переговорами Андрея Боголюбского с патриархом: точно так же, Яковом Станиславичем, звали некоего новгородского воеводу, упомянутого в той же Никоновской летописи несколькими листами ниже в

связи с событиями новгородско-смоленской войны 1167 года^[185].

Но если все эти подробности и дополнения не внушают доверия, то текст самой грамоты патриарха Луки — во всяком случае, в той её редакции, которая сохранилась в списке XVII века и которую мы называли Краткой, — скорее всего, более или менее верно отражает утраченный греческий оригинал^[72]. Обратимся к её содержанию, немало дающему для понимания личности князя Андрея Боголюбского и сути проводимой им политики.

Послание обращено к «любимому о Господе духовному сыну, преблагородивому князю ростовскому и суздальскому», чья грамота «к нашему смирению», то есть к патриарху, принесена была княжеским послом (по Никоновской летописи, уже известным нам Яковом Станиславичем). Из грамоты этой, прочитанной «в соборе», «уведавшие», пишет патриарх, «оже в твоей земли твоим поч[и]танием благочестие уширяется, яко многи по местом молебныа дома создал еси Богу... Сказывает же нам писание твое, иже град Володимерь из основания воздвигл еси велик, со многом человек; в ней же (во Владимире. — А. К.) церкви многи создал еси...». За это князь удостоился похвалы патриарха и всего собора: «...доброе се твое поч[и]тание вси похвалихом, и еже к Богу правую твою веру готовяхом». Оказывается, об усердии князя и его активном церковном строительстве патриарху стало известно не только из княжеской грамоты, но и «от того самого епископа твоего», то есть от Леона (в версии Никоновской летописи: от Нестора): «многа и сей благая о благородии твоём свидетельствова пред нашим смирением, и пред божественном собором, и пред державным нашим и святым царём» (заметим, что в грамоте воспроизведён русский перевод обычного титула византийских императоров; заметим также, что о

встрече епископа Леона с «царём», как мы помним, сообщает и Лаврентьевская летопись). Наверное, эти слова должны были расположить князя к изгнанному им епископу. Но дальше патриарх переходит к конкретным просьбам, с которыми обращался к нему князь, — и на все даёт резко отрицательные ответы.

Так, выясняется, что князь просил патриарха о выделении Владимира из состава Суздальской епархии и об открытии новой, во Владимире, причём сразу же в статусе митрополии, называя имя готового кандидата на новую кафедру — «владыки» Феодора. На это патриарх категорически не соглашался: «...А еже отъяти таковой град (то есть Владимир. — А. К.) от правды епископы ростовския и суждальския и быти ему митрополиею, не мощно есть то». Патриарх ссылался на постановления вселенских соборов, запрещающие разделение епархий и предписывающие, дабы в каждой области была только одна митрополия: «...Понеже., не иная страны есть, ни области таковой град (Владимир. — А. К.)... но тое же самое земли и области есть, в ней же суть прадеди твои были, и ты сам обладаеши ею ныне, в ней же едина епископъа была издавна и един епископ во всей земли той, ставим же по временом священным митрополитом всеа Руси, иже есть от нас святые и великия церкви ставим и посылаем тамо». А потому «не можем мы того сотворити... правила убо Святых апостол и Божественных отец каяждо митрополия и епископъа цело и непорушимо своя держати оправданна повелели...».

Как неоднократно отмечали историки Русской церкви, упомянутые патриархом правила (Четвёртого вселенского собора 12-е; Антиохийского 9-е и др.) относились только к греческим областям, действительно запрещая дробить уже имеющиеся епархии, но едва ли были применимы к России. Здесь скорее могло действовать другое правило (того же Четвёртого вселенского собора 17-е и Шестого собора 38-е),

согласно которому церковное управление сообразовывалось с гражданским: поскольку Суздальское княжество при Боголюбском уже никак не зависело от Киева, оно и в церковном отношении могло претендовать на независимость от него путём возведения суздальского епископа в ранг митрополита^{186}. Но митрополия должна была объединять несколько епархий — вот почему князь Андрей Юрьевич настойчиво добивался того, чтобы в пределах его княжества оказались по крайней мере два церковных иерарха. Слабость его позиции заключалась в том, что он хотел всего и сразу, одновременно решал несколько весьма сложных церковных вопросов, настаивая вместе и на смене епископа, и на повышении его статуса, и на вычленении Владимира из состава Суздальской епархии. К тому же кандидат, предложенный им, оказался совсем не подходящим в глазах патриарха. Впрочем, о «владыке Феодоре» мы ещё будем говорить подробно, поскольку судьба его решится позже. Пока же заметим, что в Константинополе вообще крайне неохотно шли на создание новых епископских кафедр в русских городах. Так, например, создать новую Смоленскую епархию задумывал ещё Владимир Мономах, но осуществить этот замысел удалось лишь его внуку, первому самостоятельному смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу в 1136 году. В конце концов будет образована и Владимирская епархия, выделившаяся из Ростовской. Но случится это лишь в 1214 году, когда княжеские столы во Владимире и Ростове будут занимать разные князья, пускай и родные братья, — то есть формально будут соблюдены принятые в Греческой церкви правила образования новых епископских кафедр. Станет Владимир и митрополией, но ещё позднее — в 1299 году, когда митрополит-грек Максим, «не терпя

насилия татарского», переселится сюда из Киева, избрав Владимир своей резиденцией.

Патриарх Лука ответил и на те грамоты князя Андрея Юрьевича, в которых были изложены обвинения в адрес «боголюбивого» ростовского епископа. Как мы уже говорили, в распоряжении патриарха имелись грамоты от «священного митрополита» и епископов, а также «от инех многих», которые свидетельствовали об оправдании епископа на церковном соборе в Киеве. Соответственно, патриарх посчитал, что его вмешательство было бы излишне. Но епископ, «надеяся на свою правду», настаивал на дальнейшем разбирательстве его «дела» — ибо к решению киевского собора Андрей, очевидно, не прислушался (а если прислушался, то вскоре изгнал епископа снова). Снисходя к «молениям и слезам» епископа, предстоятель Вселенской церкви благосклонно согласился на его просьбу. Грамота Андрея (какая по счёту?) была прочитана перед собором, и епископ дал свои объяснения по поводу возведённых на него обвинений, ссылаясь каждый раз на церковные постановления. «А понеже противу которой вине своей в оправду силне по правилом отвечал, — извещал патриарх князя, — а оправдан есть и нами, и в службу его с собою прияхом, и служил с нами». Сослужение с патриархом должно было сильно возвысить епископа в глазах русских, и можно думать, что известие об этом составляло одну из главных целей всего послания. Что же касается князя Андрея, то ему предписывалось незамедлительно вернуть епископа в свою землю и отнестись к нему с подобающим почтением — как к духовному отцу и учителю: «И се же есть и к твоему благородию послан, как и от самого Бога нашим смирением и божественным и смиренным великим собором...» Если же князь имеет в душе своей какую-либо жалобу «на боголюбивого епископа своего», то он

должен «сложить» её «с сердца своего»: «...с радостию же его приими, со всякою тихостию и любовью... А пастыря имея... такого, то боле не проси иного, но имей его яко святителя, и отца, и учителя, и пастыря. И приими его опять в свою землю, да паствит Божие стадо...»

Епископ Леон пожаловался патриарху на запрещение князя жить в главных городах его княжества — Суздале и Владимире. В своём послании князю патриарх коснулся и этой темы. Он милостиво позволял Андрею пребывание во Владимире (как будто князь сам не был волен в этом!), но тут же оговаривал, что и епископ в таком случае должен пребывать рядом с ним: «Аще ли твое благородие годующе хочеть жити в создании тобою граде, а хотети начнет и епископ в нем с тобою быти, да будет сий боголюбивый епископ твой с тобою. В том бо ему несть пакости, занеже есть таковой град под областию его».

Епископа подобает слушать во всём, он «глава церковная и людская», — наставлял патриарх князя. Если же князь не подчинится решениям собора и самого патриарха, если откажется принять епископа, то участь его будет ужасной. Здесь патриарх не жалел красок: «... а не будеши к нему, якоже подобает, ни повинутися начнеши его поучением и наказанием, но и еще начнеши гонити сего Богом ти данного святителя и учителя, повинуюся инем чрес закон поучением, а ведомо ти буди, благословеный сыну: то аще всего мира исполниши церкви и грады возградиши паче числа, гониши же епископа... — то не церкви, то хлеви, ни единая же ти будеть мзды и спасения!» Сказано сильно и почти по-библейски: станут церкви, как хлевы, — и только лишь потому, что князь и епископ никак не найдут друг с другом общий язык. А то, что церкви эти предназначались не для одного лишь князя, а для тысяч его подданных, в расчёт не принималось. И в самом

деле, кем могут быть подданные такого неблагодарного князя? Разве что свиньями, достойными хлева...

На этом, собственно, Краткая редакция послания патриарха Луки обрывается. Всё остальное — в той редакции, что вошла в Никоновскую летопись, но мы уже говорили, что полного доверия к содержащемуся в ней тексту у нас нет. А между тем именно здесь сообщается, что епископ, оказывается, «не про ино что гоним есть и безчествуем, но некоего ради Феодора, сестричича Мануилева». Это он, Феодор, «поучающу съпротивное епископу чрез повеления святых апостол и святых отець», а именно: «ясти мясо в среду и в пяток, аще прилучится праздник Господский или память которого нарочитаго святаго, также и во святую Пятидесятницу в среды и в пятки; и иная многая грубая и несмысленная творяще и учаще». Именно в этой редакции послания содержатся и установления самого патриарха относительно спорного и болезненного для русских вопроса о соблюдении поста в указанные дни. Ещё раз повторив, что подобает во всём покоряться «боголюбивому епископу», автор грамоты указывает, как именно следует держать пост в среды и пятницы, попадающие на дни православных праздников, и оказывается, что его наставления заметно отличаются от тех, которые приписывают епископу Леону авторы Лаврентьевской летописи:

«...Аще прилучится Господский праздник Рождества Христова и Богоявления в среду или в пяток, разрешает епископ мирских ясти мяса и вся, иноких же — млеко, и масло кравие (коровье. — А. К.), и сыр, и яйца». А далее подробнейшие наставления относительно других дней церковного календаря: на Рождество Богородицы, Сретение, Успение, а также Преображение Христово в среду и пятницу инокам и мирянам разрешаются растительное масло, овощи, рыба и вино; на Благовещение же и до Вербного воскресенья — масло,

овощи и вино; на Страстной неделе — масло и вино, в Великую же пятницу — только вино. Дни памяти Иоанна Предтечи, апостолов Петра и Павла, Иоанна Богослова и других нарочитых святых, «аще случится в среду или в пяток, аще благословит и повелит епископ ясти масло деревяное (растительное. — А. К.), и овощи, и рыбы, и вино, — сице твори»; и т. д. И в заключение снова: «...Да аще праздники Господьские в среду и в пяток, или коего нарочитаго святаго, и до самого Пянтикостиа (Пятидесятницы. — А. К.), вопрошай главу свою, еже есть епископа твоего: да аще что глаголет, сице твори, веруя, яко Господь Бог глаголет усты епископа твоего; аще ли не велит, постися тогда». Но всё это слиняком похоже на позднейшие церковные поучения, во множестве появлявшиеся в русской письменности, а потому мы не можем быть уверены, что эти наставления принадлежат именно патриарху Луке, а не прибавлены к тексту его послания книжником более позднего времени.

Споры о посте в среду и пятницу вспыхнут с новой силой в Русской церкви в ближайшие годы — но уже не в Суздале, а в Чернигове и Киеве. Жёсткую позицию в этом вопросе займут новый киевский митрополит грек Константин II, прибывший на Русь летом 1167 года, и черниговский епископ Антоний, тоже грек. В 1168 году Рождество выпадет на среду, и это приведёт к острому кризису в Русской церкви. По словам летописца, митрополит «запретит» игумена Киево-Печерского монастыря Поликарпа, то есть подвергнет его церковному наказанию, епитимий, «про Господьские праздники, не веля ему ести масла ни молока в среды и в пятки», даже если на эти дни выпадают Рождество или Крещение. В Киеве, однако, «запрещение» игумена вызовет решительное осуждение; в Чернигове дело дойдёт до изгнания епископа князем Святославом Всеволодовичем. Когда в марте 1169 года Киев будет

взят ратью одиннадцати князей во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом, это будет воспринято как кара за совершённый грех, и прежде всего «за митрополичью неправду»^[73].

Что же касается Леона, то он был возвращён на ростовскую кафедру. Правда, когда именно это случилось, мы точно не знаем. О том, что патриарх решительно поддержал его, свидетельствует не только текст патриаршего послания князю. Ныне обнаружена печать Леона с греческой надписью, в которой он именуется ростовским *архиепископом*^{187}. Этот титул, которого не удостаивались ни предшественники, ни преемники Леона, мог даровать ему только патриарх — в ознаменование его личных заслуг перед Церковью и для укрепления его авторитета в глазах князя. Но одновременно это можно рассматривать и как уступку князю Андрею: статус его епархии был всё же повышен и он получил в своих землях пусть и не митрополита, но архиепископа.

Андрей вынужден был подчиниться решению патриарха. Заметим, однако, что его примирение с Леоном состоялось, по-видимому, уже после того, как он окончательно рассорился со своим прежним ставленником «владыкой Феодором». Послание патриарха и здесь оказало на него решающее влияние, но, кажется, не сразу, а спустя какое-то время.

Точная дата смерти епископа Леона нам также неизвестна. Во всяком случае, он намного переживёт князя Андрея Юрьевича и уйдёт из жизни за несколько лет до 1183 года^[74]. Со временем отношение к нему в Ростовской земле изменится. О прежней неприязни здесь позабудут, и имя епископа будет произноситься с подчёркнутым уважением — как имя одного из авторитетнейших ростовских владык. Когда в 1211 году очередной пожар в Ростове уничтожит церковь Святого Иоанна Предтечи на епископском дворе, в ней чудом

уцелеют икона святого Феодора Тирона и вощаница с вином, «юже неции мняху, яко бе Леонова епископа, преже бывшаго в Ростове», — и это будет специально отмечено ростовским летописцем [{188}](#).

Младшая братия

12 мая 1159 года умер брат Андрея Боголюбского князь Борис Юрьевич^[75]. Надо полагать, что Андрей тяжело переживал уход брата, с которым его связывало многое: вместе они участвовали не в одном военном походе, бились плечом к плечу не в одной битве. До самой смерти отца Борис княжил в Турове, сменив там Андрея, который, как мы помним, занимал Туровский престол прежде. После трагических событий мая 1157 года Борису пришлось бежать в Суздальскую землю, и Андрей принял его. По всей вероятности, он уступил брату крепость Кидекшу, близ Суздаля, где Борис и поселился вместе с семьёй. Этот город-замок с белокаменной церковью Святых Бориса и Глеба и монастырём, основанный Юрием Долгоруким на реке Нерли, близ впадения в неё речки Каменки, в чём-то походил на Боголюбов-град, основанный Андреем близ Владимира, а вместе с тем — и на киевский Вышгород. По преданию, на Кидекше находилось «становище» святого Бориса, на котором тот останавливался, будучи ростовским князем, и Борис Юрьевич, несомненно, должен был с особым чувством почитать это место. Его и похоронили в церкви на Кидекше в присутствии Андрея и других братьев. Здесь же, на Кидекше, будут со временем погребены и его супруга Мария (в 1161 году), и дочь Евфросиния (в 1202-м).

Судьба захоронения князя Бориса Юрьевича необычна. Несмотря на разрушение церкви, его гробница уцелела. Более пятисот лет спустя, в 1,675 году, тогдашний суздальский воевода Тимофей Савёлов «дерзнул» заглянуть в неё и сквозь щель в расколотой крышке саркофага сумел разглядеть, что «в той гробнице лежат мощи, кости целы, а на мощах одежды с

аршин, белою тафтою покрыто, а поверх лежит неведомо какая одежда шитая золотом... на ней же вышит золотом орёл пластаной одноглавной, а от того... орла пошло надвое шито золотом же и серебром узорами». Как писал воевода в донесении суздальскому архиепископу Стефану: «И то, государь, знатно, что те мощи не просто лежат, от древних великих лет кости нетленны»^[189]. Нетленность костей была воспринята как знак святости давно почившего князя. К тому же времени относится попытка его канонизации, успехом, правда, не увенчавшаяся^[76].

Борис ушёл из жизни третьим из братьев Юрьевичей. Теперь из тех родных братьев Андрея, с кем вместе прошёл он дорогами отцовских войн, в живых оставался лишь Глеб — но он княжил на юге, в Русском Переяславле. Имелись у Андрея ещё два родных (не только по отцу, но и по матери) брата — Ярослав и Святослав. Первого отец по каким-то причинам не привлекал к военным походам и не удостоивал княжений на юге. При жизни Юрия его имя вообще ни разу не упоминалось в летописях. Андрей, в отличие от отца, Ярослава приветил и — по крайней мере однажды — взял с собой на войну — в поход на Волжскую Болгарию в 1164 году. На самостоятельные роли Ярослав, кажется, не претендовал и довольствовался тем, что жил возле брата. Другой же Юрьевич, Святослав, занимал особое положение в княжеской семье — в силу своей полнейшей недееспособности. «Се же князь избраник Божий бе, — писал о нём суздальский летописец, — от рожества и до свершенья мужьства бысть ему болезнь зла...» По представлениям людей того времени, жестокая болезнь, поразившая Андреева брата (надо полагать, паралич), свидетельствовала о его избранничестве у Бога и, более того, о святости, отразившейся даже в его имени, которое обыгрывает в этой связи летописец: «...Еяже болезни просяхуть на ся

святии апостоли и святии отци у Бога: кто бо постражеть болезнью тою... тело его мучится, а душа его спасается. Тако и ть: во истину святой Святослав, Божий угодник, избранный в всех князех; не да бо ему Бог княжити на земли, но да ему Царство небесное». Мнение это разделялось всеми, в том числе — и, может быть, прежде всех — Андреем, который должен был оказывать несчастному всяческие знаки внимания. По всей вероятности, Святослав Юрьевич пребывал прикованным к постели в Суздале. По свидетельству позднейшего книжника, он, несмотря на болезнь, был «благоверен, и христоролюбив, и человеколюбив... бе бо разумен, и Писания божественного нарочит, и обычаи добронравен, и смирение, и любовь, и милость многа [были в нём]»^[77]. Святослав проживёт долгую жизнь и умрёт в начале 1174 года, за полгода до самого Андрея. Похоронен он будет как князь, со всеми полагающимися почестями, в церкви Рождества Богородицы в Суздале, где для него заранее был приготовлен саркофаг из белого камня^{{190}. [78]}

* * *

Сводные братья, родившиеся во втором браке отца, вызывали у князя Андрея Юрьевича чувство постоянного беспокойства. Вместе со своей матерью, мачехой Андрея, они составляли отдельный и весьма влиятельный клан в княжеском семействе, и с их интересами Андрею приходилось считаться. Правда, самые младшие из них, Михаил (Михалко) и Всеволод, были ещё совсем детьми. Однако Андрей никогда не забывал о том, что именно им отец передал Суздальскую землю незадолго до своей смерти. Андрей должен был с опаской размышлять о том времени, когда княжичи войдут в возраст: кто знает — не захотят ли они тогда

силой отнять принадлежащее им по отцовскому завещанию у него самого или у его сыновей? Тем более что их мать, вдова Юрия, наверняка должна была настраивать детей против старшего брата, своего пасынка, а к её слову могли прислушаться многие. Ещё раньше, в период своего первого княжения в Киеве, Юрий Долгорукий передал Суздальскую землю сыну Василию (Васильку), и об этом, конечно, тоже не забыли — ни сам Василько, ни те люди в его окружении, которые распоряжались тогда княжеством. Имелись княжеские амбиции и у другого Андреева брата, Мстислава, бывшего ещё недавно новгородским князем, и у подраставших племянников Андрея, сыновей его рано умершего старшего брата Ростислава. Как мы помним, весной 1160 года Андрей сделал всё возможное для того, чтобы вернуть брата Мстислава на новгородский престол и таким образом избавиться от его присутствия в Суздальской земле, — однако добиться этого ему не удалось, и в Новгород на княжение отправился его племянник Мстислав Ростиславич. Но и тому годом позже пришлось ни с чем возвращаться в Суздаль. В 1161 году произошло событие ещё более неприятное для Андрея: в Суздальскую землю из Южной Руси вынужден был вернуться его брат Василько, человек, несомненно, амбициозный, проявивший себя в недавней войне на юге, причём в качестве союзника самого великого князя Ростислава Мстиславича. После того как у Василька отобрали Торческ, он, как и Мстислав, остался без удела. Это никоим образом не могло устроить ни того ни другого. Количество князей, оказавшихся на тот момент в Суздальской земле, достигло критической массы, и что-то должно было непременно произойти.

Подобно своему отцу, Андрей не собирался дробить Суздальскую землю на уделы, понимая, что это приведёт к резкому ослаблению княжества. Отец его решал

проблему просто: он и сам стремился утвердиться на юге, в Киеве, и своим сыновьям предназначил уделы в Южной Руси. Андрей же до времени проявлял полнейшее равнодушие к киевскому престолу. Но тем сложнее было ему совладать с княжескими амбициями братьев.

Между тем оппозиция политике Андрея в самом Суздальском княжестве существовала, и мы уже говорили об этом. Не всем нравились его усилия по развитию новых городов княжества, его заметное пренебрежение к старым центрам Ростово-Суздальской земли, наконец, его своеволие в церковных и иных вопросах. В годы его княжения полностью потеряло своё значение вече — князь нисколько не нуждался в его поддержке и, кажется, даже не собирал его — ни в Ростове, ни тем более во Владимире, где традиции вечевого строя были особенно слабы. В этой ситуации братья Андрея могли объединить вокруг себя недовольных. По крайней мере в Ростове и Суздале — выступи княжичи против старшего брата — их вполне могли бы поддержать. И Андрей решил одним махом покончить с самым источником своего беспокойства.

В Ипатьевской летописи под 1161/62 годом, сразу же после сообщения о втором изгнании Леона из Суздальской земли, следует известие о самом, пожалуй, неоднозначном шаге Андрея Боголюбского в качестве владими́ро-суздальского князя:

«...И братью свою погна: Мьстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя (то есть двух своих племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей. — А. К.), [и] мужи отца своего передний (то есть бывших бояр отца. — А. К.). Се же створи, хотя самовластець быти всей Суждальской земли». И чуть ниже продолжение: «...Том же лете (возможно, уже в начале 1162-го. — А. К.) идоста Гюргевича (двойственное число. — А. К.) Царюгороду: Мьстислав и Василко с матерью, и

Всеволода молодого пояша со собою третьего брата. И дасть царь Василкови в Дунай 4 гор[од]ы, а Мьстиславу дасть волость Отскалана»^{191}.

В летописях XV–XVI веков к рассказу об изгнании Андреевых братьев добавлены некоторые дополнительные подробности. В частности, сообщается об изгнании князем и четвёртого из его сводных братьев, Михалка^{192}, а также о том, что Мстислав и Василий отправились в Греческую землю не только с матерью и младшим братом, но и «с чады», то есть с детьми^{193}. (Если о детях Василька ничего не известно, то у Мстислава Юрьевича имелся сын; надо полагать, что его сопровождала и супруга-новгородка, а может быть, и другие члены семейства.) Наиболее же подробный рассказ, с попыткой объяснить мотивы столь решительного поступка князя Андрея Боголюбского, читается в Никоновской летописи. Произошедшее, как всегда, объяснено здесь интригами «злых» людей в окружении князя, но событиям придан гораздо больший масштаб:

«...Таже прельщен бысть от домашних своих злых, ненавидяху бо князя Андрея свои его суще домашний, и лстивно и лукавно глаголаше к нему, и тако совраждоваша и съсориша его з братьею: со князем Мьстиславом Юрьевичем, и со князем Василком Юрьевичем, и со князем Михалком Юрьевичем, и с предними мужи отца его. И тако изгна братию свою, хотя един быти властель во всей Ростовъской и Суждальской земле; сице же и прежних мужей отца своего овех изгна, овех же ем (схватив. — А. К.), в темницах затвори, и бысть брань люта в Ростовъской и в Суждальской земли». И ниже: «Того же лета князь Мстислав Юрьевич, и князь Василко Юрьевич, и князь Всеволод Юрьевич с материю и з детми своими идоша в Коньстантиньград к царю Мануилу; царь же Мануил приат их с радостию и подая им грады»^{194}.

Нарисованная здесь картина полнейшего разгрома всяческой оппозиции и едва ли не тотального террора («брани лютой») в Суздальской земле остаётся конечно же на совести составителей летописи, книжников XVI века. Но и отрицать возможность развития событий по такому сценарию у нас нет оснований. Та идиллия, которую мы наблюдали в рассказах Лаврентьевской летописи, в Сказании о чудесах Владимирской иконы и других памятниках, вышедших из-под пера владимирских книжников той поры, несомненно, отражает лишь одну сторону взаимоотношений князя с его подданными. Более чем красноречивым надо признать тот факт, что в соответствующей части Лаврентьевской (Суздальской) летописи, освещающей события с точки зрения князя Андрея и его преемников на владими́ро-суздальском престоле, об изгнании князем своей братии вообще не говорится ни слова. Мало того: как мы уже имели возможность заметить, сразу два года, а именно 1162-й и 1163-й, оставлены здесь пустыми (случай беспрецедентный во владими́ро-суздальском летописании того времени!), а предыдущий, 1161-й, занят лишь кратким известием о росписи владимирского Успенского собора. Да и последующие летописные статьи, после 1164 года, в большинстве своём ограничиваются лишь констатацией, так сказать, сугубо «официальной» информации. Это молчание летописи о важнейших, драматичнейших событиях тех лет свидетельствует о том, что события эти — какими бы они ни были — казались составителям летописи настолько опасными, а быть может, и настолько компрометирующими княжескую власть, что они предпочли вовсе умолчать о них. Или иначе: возможно, при обработке летописного текста из летописи была попросту вымарана уже имевшаяся в них неприглядная для князя информация^[79].

Андрей, несомненно, бывал крут со своими противниками. Неоднократные изгнания епископа Леона, расправа (пускай и чужими руками) с «владыкой» Феодором, казнь одного из шурьев Кучковичей — это лишь те эпизоды, которые нам известны из летописи. Но подобных случаев наверняка было больше. О том, к каким мерам могли прибегать в то время в Суздальской земле при расправах с политическими противниками, свидетельствует летописный рассказ о преступлениях того же Феодора, который иным «порезывал» головы и бороды, «урезал» языки, распинал на стенах и вообще мучил «немилоостивне» (о его преступлениях речь ещё впереди). И хотя это было чудовищным исключением из правил, всё же какое-то время князь, очевидно, закрывал глаза на жестокость своего епископа, видимо, считая её оправданной. От самого же князя достаться могло кому угодно, в том числе и «передним мужам» его отца — старым боярам князя Юрия Долгорукого, по-прежнему влиятельным в Суздальской земле. Тем более что едва ли все они одобряли новшества в политике князя по сравнению с политикой его отца. А значит, тоже представляли опасность для княжеской власти. Впрочем, Андрей был не единственным среди тогдашних князей, кто прибегал к подобным мерам. Примечательно, что почти в одно с ним время, в конце 1160-х годов, нескольких отцовских бояр выгонит из Киева князь Мстислав Изяславич, о чём у нас также ещё пойдёт речь в книге.

Изгнание братьев — шаг более решительный, менее предсказуемый. Но и такое случалось в Русской земле — и порой с куда более плачевными последствиями. Андреевы братья и их мать были высланы за пределы княжества — но всё же не заточены в темницу, как поступил, например, некогда Ярослав Мудрый со своим братом Судиславом Псковским. Трое из Юрьевичей отправились затем в Греческую землю. (Ещё один,

Михаил, остался на юге — вероятно, у своего брата Глеба, где, скорее всего, нашли пристанище и его племянники Ростиславичи.) И это тоже не было чем-то исключительным в истории рода Рюриковичей. Так, прадед Андрея киевский князь Всеволод Ярославич добился того, что в Византию был выслан его племянник князь Олег Святославич, проживший затем два года на греческом острове Родос в Эгейском море. Сын Мономаха князь Мстислав Великий, завоевав Полоцк, «поточил» всех полоцких князей и также выслал их в Византию вместе с жёнами и детьми, так что немногие сумели впоследствии вернуться на родину. Но полоцкие князья давно уже обособились от остальных Рюриковичей и воспринимались ими как чужаки. Здесь же речь шла о родных братьях, таких же сыновьях Юрия Долгорукого, как и сам Андрей.

Однако высылка братьев — как ни парадоксально это звучит — не означала для Андрея полного разрыва с ними. Родственные, братские отношения никуда не могли исчезнуть, и впоследствии те из Юрьевичей, кому удастся вернуться на Русь, будут действовать как подручные своего старшего брата, как проводники его воли и его политики. Даже в Византии — куда братья, в отличие от тех же полоцких князей, отправились добровольно! — их должны были воспринимать прежде всего как братьев Андрея. Что же касается конечного пункта их маршрута, то Византия нередко служила прибежищем и для тех русских князей-изгнанников, которые, подобно Юрьевичам, отправлялись туда по своей воле. Стоит напомнить, что в тот же год, что и братья, в Греческой земле оказался князь-изгой Иван Ростиславич Берладник, а несколько позже здесь найдёт приют другой русский князь, некий Владислав (из русских источников неизвестный). Правда, к Берладнику судьба обернулась трагической стороной: он умер в Салониках, и, кажется, не своей смертью.

Но Берладник был, что называется, отыгранной фигурой. В отличие от Юрьевичей, к которым в Византии отнеслись совсем по-другому. Император Мануил Комнин принял изгнанников из Руси со всевозможными почестями и обеспечил их земельными владениями, соответствующими их княжескому титулу. Чаще всего это объясняют тем, что вторая жена Юрия, мать его младших сыновей, была византийской принцессой и состояла в родстве с императором^[80]. Выше мы уже говорили о том, что документальных подтверждений эта гипотеза не имеет, однако некоторые косвенные соображения делают её очень похожей на правду. Во всяком случае, Юрьевичи получили от императора даже больше того, на что могли рассчитывать. Впрочем, благосклонное отношение к ним императора Мануила могло объясняться и тем чувством глубокого уважения, которое он питал к их отцу, бывшему в предыдущие годы его наиболее последовательным союзником среди всех русских князей (на это, кажется, есть намёк в греческом источнике, сообщающем о прибытии сына Юрия в Византию; см. ниже). А возможно, император хотел выказать уважение и Андрею, принимая с честью его братьев, — ведь пренебрежительное отношение к ним косвенным образом означало бы и пренебрежительное отношение к нему самому. Нелишне будет заметить, что гораздо позднее, через много лет после смерти Андрея Боголюбского, здесь же, в Константинополе, найдёт временное пристанище и его сын Юрий.

Свидетельство русской летописи об отъезде Юрьевичей в Византию находит подтверждение в авторитетном греческом источнике. Причём подтверждается не только сам факт отъезда одного из братьев, но и получение им тех самых владений, которые названы в летописи. Об этом сообщает византийский историк XII века Иоанн Киннам,

официальный историограф императора Мануила Комнина. Правда, его свидетельство носит характер припоминания: рассказывая о событиях чуть более позднего времени (около 1165 года), когда к императору Мануилу добровольно явился «с детьми, женой и всеми своими людьми» упомянутый выше русский князь Владислав, Киннам прибавляет, что «ему была отдана земля у Истра (Дуная. — А. К.), которую некогда василевс дал пришедшему Василику, сыну Георгия, который (Георгий. — А. К.) среди филархов Тавроскифской страны (то есть среди русских князей. — А. К.) обладал старшинством»^[195].

Земли на нижнем Дунае издавна были наиболее активной «контактной зоной» между Византией, Русью и кочевыми народами — сначала печенегами, а затем сменившими их половцами. Не случайно именно здесь видел «сердцевину» своей земли воинственный русский князь Святослав в середине X века. Да и позднее дед Боголюбского Владимир Мономах предпринимал усилия по созданию на Дунае зависимого от Киева государственного образования во главе со своим зятем, византийским авантюристом, выдававшим себя за сына свергнутого императора Романа Диогена. В середине XI века три «фурии» (крепости) получил здесь печенежский хан Кеген, перешедший под покровительство Византии. Уже в эпоху Боголюбского обосновался на Дунае и князь-изгой Иван Ростиславич, причинявший, наверное, немалое беспокойство грекам со своими «берладниками». Так что император Мануил вполне сознательно сажал в придунайские города одного за другим сразу двух русских князей. Создаваемая на границах Империи «буферная зона» должна была смягчить возможные удары по собственно византийским землям со стороны тех же «берладников», половцев и прочего никому не подчинявшегося кочевого сброда^[81].

Намного труднее объяснить выбор «волоости» для другого Юрьевича — Мстислава. Приведённое в летописи название («Отскалана», или «Оскалана») не было понятно более поздним книжникам, которые в большинстве своём попросту опускали его, указывая на некие абстрактные «грады», полученные братьями. Между тем это название вполне исторично и даже не слишком сильно искажено летописцем. «Оскалана» Киевской летописи — это, по-видимому, не что иное, как город Аскалон на юге Палестины (ныне Ашкелон в Израиле, у самой границы сектора Газа).

Но как занесло туда русского князя? Для того чтобы ответить на этот вопрос, придётся сделать небольшое отступление.

Время, о котором идёт речь, — это время существования Иерусалимского королевства и других государств крестоносцев в Палестине. Интересующий нас город Аскалон был завоёван иерусалимским королём Балдуином III в августе 1153 года после многомесячной осады и кровопролитного штурма. Этот успех открывал крестоносцам путь в Египет, поскольку у египетских Фатимидов не имелось других крупных крепостей до самого Нила. Однако существенных дивидендов победа у Аскалона латинянам не принесла; более того, в 1157 году Баддуин потерпел катастрофическое поражение от нового правителя Дамаска эмира Нур ад-Дина. Не имея возможности опереться на помощь монархов европейских стран (ибо Второй крестовый поход, возглавляемый Людовиком VII Французским и Конрадом III Германским, завершился в 1149 году полной неудачей), король не нашёл ничего лучшего, как обратиться за помощью к императору греков Мануилу Комнину, который в эти годы находился на гребне своих военных и политических успехов. В 1158 году король посватался к племяннице императора Феодоре и получил согласие на брак. Феодора прибыла в Святую

Землю с огромным приданным и многочисленной свитой. Король обязался во всём помогать своему тестю и действовать в его интересах, рассчитывая, что тот защитит его от сарацинов. В том же 1158 году Мануил Комнин во главе громадной армии двинулся на восток. Почти не встречая сопротивления, он добился блистательных результатов: занял населённую армянами Киликию и полностью подчинил себе княжество Антиохийское — второе по значению государство крестоносцев на Ближнем Востоке. Однако с Нур ад-Дином василевс воевать не стал, а заключил мир. Правитель Антиохии Рене де Шатильон вынужден был униженно вымаливать прощение у императора за свои прежние прегрешения и разбойные нападения на греков: по рассказам очевидцев, он явился в лагерь императора босым, с непокрытой головой и с верёвкой, обмотанной вокруг шеи, выражая тем свою полнейшую покорность его воле. Тогда же в лагерь императора прибыл и король Балдуин, встреченный, напротив, очень любезно. Император выказывал зятю всевозможные знаки внимания. Однако историки полагают, что результатом его похода стал «известного рода сюзеренитет», установленный им над Иерусалимским королевством^{196}.

Таким образом, свидетельство летописи выглядит правдоподобным по крайней мере в том отношении, что византийский император в интересующее нас время *имел возможность* отправить своего протеже в недавно отвоёванные у мусульман области Палестины. Но можно ли допустить, что Мстислав Юрьевич действительно получил от него во владение Аскалон? Очевидно, нет. Этим городом распоряжался отнюдь не византийский император. Задолго до 1153 года Аскалон (тогда ещё находившийся в руках сарацинов) был «заочно» включён в состав графства Яффского и Аскалонского, а титул графа с 1151 года носил родной брат короля Балдуина

юный Амори (Амальрик) — тот самый, который в феврале 1163 года, после смерти Балдуина, станет новым иерусалимским королём и также породнится с императором Мануилом, вступив в брак с его внучатой племянницей Марией. Вошедшее при Амальрике в королевский домен графство Яффское и Аскалонское будет уступлено в 1177 году новым иерусалимским королём Балдуином IV своей сестре Сибилле^{197}. В состав графства входило множество вассальных сеньорий, но и среди их властителей русский князь вряд ли мог оказаться.

Но как же тогда быть с летописным известием? Раз уж факт передачи областей на Дунае брату Мстислава Василию подтверждается независимым византийским источником, то логично предположить, что и присутствие в Аскалоне Мстислава не является выдумкой летописца. Так может быть, Мстислав действительно был отправлен василевсом в Аскалон и находился там — но как его представитель, наделённый какими-то не вполне ясными для нас, но вполне определёнными для него самого полномочиями? По-видимому, такое понимание летописного текста остаётся наиболее вероятным^[82]. Косвенное свидетельство в пользу того, что русский князь — и не исключено, что именно Мстислав Юрьевич! — в Святой Земле побывал, в нашем распоряжении имеется. В одной византийской рукописи XIII века упоминаются некий «Феодор Рос из рода василевсов» и принадлежавший ему драгоценный энколпион (ковчежец) с частицей камня от Гроба Господня, который хранился где-то в Византии, причём речь идёт о времени правления Иоанна или Мануила Комнинов^{198}. Имя Фёдор носил в крещении князь Мстислав Юрьевич, и если верно, что священная реликвия принадлежала ему, то это может свидетельствовать о том, что князь действительно побывал на Святой Земле, а его мать и в самом деле

принадлежала к «роду василевсов», то есть находилась в родстве с Комнинами.

Надо сказать, что бурная эпоха Крестовых походов сгладила на время противоречия между латинянами и христианами греческого обряда, сделала их не слишком актуальными. Борьба за возвращение Святой Земли под власть креста воспринималась как общее дело всех христиан, без различия их вероисповедания. Так было по крайней мере до 1204 года — года взятия Константинополя крестоносцами. В древней Руси внимательно следили за всем, что происходило в Святой Земле. Известно, что в интересующее нас время в окрестностях Иерусалима находился Русский монастырь Пресвятой Богородицы^{199}, очевидно, поддерживавший связи с собственно русскими и греческими обителями. Немало русских людей отправлялись в паломничество в Святую Землю — даже несмотря на то, что иерархи Русской церкви в большинстве своём относились к этому не слишком одобрительно. О том, как воспринимали на Руси борьбу крестоносцев с сарацинами, свидетельствует рассказ Ипатьевской летописи о трагической судьбе участников Третьего крестового похода во главе с императором Фридрихом I Барбароссой, погибшим на Святой Земле в 1190 году. Всех их — немцев! — киевский летописец посчитал истинными мучениками за веру, едва ли не святыми: «Сии же немци, яко мученици святии, прольяха кровь свою за Христа со цесари своими, о сих бо Господь Бог наш знамения прояви... и причте я (их. — А. К.) ко избранному Своему стаду в лик мученицкий...»^{200}. И тот факт, что один из русских князей принял в этой борьбе за веру самое непосредственное участие, весьма знаменателен. Мы ещё вспомним об этом, когда будем говорить о походе на волжских болгар — тоже своего рода крестовом походе! — князя Андрея Боголюбского в 1164 году.

О последующей судьбе князя Мстислава Юрьевича ничего определённого сказать, к сожалению, нельзя. На Русь он, судя по всему, так и не вернулся^[83]. Если верно, что Мстислав — одно лицо с упомянутым выше «Феодором Росом», то можно предположить, что он умер в Византии. После него остался сын Ярослав, получивший прозвище Красный (то есть красивый): он-то как раз обоснуется в Суздальской земле, и его дядя Всеволод Юрьевич впоследствии будет поручать ему весьма ответственные дела и сажать на разные княжеские столы — от Новгорода до Переяславля-Южного.

Не вернулся на Русь и князь Василько Юрьевич. Судя по тому, что его владения на Дунае около 1165 года были переданы какому-то другому русскому князю, сам Василько к тому времени уже скончался. Из братьев Юрьевичей на Русь суждено было возвратиться только самому младшему, совсем ещё юному Всеволоду. Что стало в Византии с их матерью, также остаётся неизвестным.

Путь Всеволода из Подунавья на Русь, по всей вероятности, оказался непростым. Кажется, он побывал в Солуни — а это довольно далеко от Дуная^[84]. Есть основания полагать, что ему — наверное, с кем-то из его «дядек», наставников, — пришлось затем пробираться домой через охваченную войной Венгрию, прибегнув к помощи сначала чешского короля Владислава II, а затем и германского императора Фридриха I Барбароссы. Во всяком случае, летом того же 1165 года («примерно на праздник святого Петра», то есть около 29 июня) где-то на Дунае король Владислав «представил пред очи» императора Фридриха «кого-то из мелких русских королей», который тогда же был приведён в подчинение императору^{{201}. [85]} Более об этом «русском короле» в источниках ничего не сообщается, имя его не названо. Но историки давно уже предположили, что речь может

идти о десятилетнем Всеволоде. Не по причине ли своего юного возраста он был тогда назван «мелким»? Позднее, когда Всеволод Юрьевич станет великим князем Владимирским, император Фридрих будет поддерживать с ним самые добрые отношения — об этом нам достоверно известно из русской летописи^[86]. Так может быть, их сотрудничество имело своим источником встречу на Дунае в далёком 1165 году?

Русские летописи упоминают о Всеволоде начиная с зимы 1168/69 года, когда он вместе с братом Глебом Переяславским встанет под знамёна Андрея. Но раньше этого времени его молодость и не могла привлечь к нему внимание летописцев. Уместно заметить, что и Всеволод, и его брат Михалко по-прежнему должны будут оставаться на юге: до самой смерти Андрея Боголюбского путь в Суздальскую землю будет для них закрыт. Как будет закрыт он и для их племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей.

* * *

Изгнание братьев стало важной вехой в биографии князя Андрея Юрьевича. Не случайно южнорусский летописец прямо указывал на то, что князь пошёл на этот шаг, «хотя самовластець быти всей Суждалської земли». И Андрей действительно стал «самовластием», или, по-другому, «единовластием», «самодержцем», в своём княжестве. По наиболее вероятному предположению историков, это слово являлось калькой греческого титула «монарх», или «автократор», который носил «византийский император, не деливший власти с соправителями»^[202]. Соответственно, «самовластцами» называли тех русских князей, которые не имели соправителей или соперников, претендующих на их престолы. Так, первым «самовластием» — задолго

до Андрея — назван в летописи князь Ярослав Мудрый — образец для большинства русских князей последующего времени. Но летописец назвал его так лишь после того, как ушёл из жизни — причём своей смертью! — его брат Мстислав, разделявший с ним до этого власть над Русской землёй^[87]. Затем, правда, в той же летописной статье следует известие о том, как Ярослав заточил во Пскове в «поруб» последнего оставшегося в живых своего брата Судислава, который якобы был «оклеветан» к нему. Деяние, что и говорить, весьма неблагоприятное! Но оно как бы вынесено за скобки летописного повествования: согласно логике летописца — но, очевидно, вопреки собственно исторической логике! — заточение брата никоим образом не связывалось с «самовластием» Ярослава. Так, путём нехитрой перетасовки летописных известий, Ярослав оказался выведен из-под возможного удара: его «самовластие» было достигнуто естественным путём, без какого-либо его вмешательства, как бы само собой.

Андрею в этом отношении повезло меньше, хотя поступил он с братьями гуманнее своего далёкого предка. Изгнав братьев, он уподобился прежним русским «самовластцам», а заодно и самому «автократору» Мануилу Комнину. Но, в отличие от того же Ярослава Мудрого (точнее, в отличие от его летописного образа), Андрей не стал дожидаться, когда судьба повернётся к нему лицом, избавит его от возможных претендентов на власть, а сам, своими руками повернул судьбу в выгодном для него направлении. А такое в древней Руси никогда и ни у кого не вызывало одобрения.

Так в первый раз в летописном повествовании о суздальском князе мы явственно различаем нотки осуждения в его адрес.

Поход на болгар

Поход в землю волжских болгар летом 1164 года — одно из самых значимых событий в истории Андрея Боголюбского. Это вообще самое крупное военное предприятие, в котором он принимал личное участие; более того, единственный его военный поход за пределы Руси^[88]. В результате похода была одержана блестящая победа, захвачены и сожжены несколько вражеских городов. Но дело даже не в этом. Болгарский поход приобрёл особую значимость в истории Северо-Восточной Руси не в силу своей военной составляющей, а по другой причине. Одержанная князем победа была воспринята и им самим, и окружающими его людьми прежде всего как новое свидетельство Божественного покровительства князю и всей Русской земле, как зримое торжество Православия. День, в который была одержана победа, — 1 августа — стал отмечаться во Владимиро-Суздальском княжестве как один из главных церковных праздников.

Военное столкновение с болгарами было, по-видимому, неизбежным. Волжская Болгария — мусульманское государство, занимавшее в IX–XIII веках земли на Средней Волге и Каме. Ислам проник сюда ещё в первой четверти X века и с этого времени стал религией значительной части населения страны. Болгары были фанатично преданы исламу. В середине XIII столетия побывавший здесь по пути в Монголию монах-францисканец Гильом Рубрук отмечал: «Эти булгары — самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой»^{203}. Известно, что мусульманские проповедники из Волжской Болгарии добирались до Киева, пытаясь склонить киевского князя Владимира к

принятию своей веры. Владимир, однако, выбрал христианство. С X века и начались бесконечные войны между двумя государствами. Впрочем, войны чередовались с периодами более или менее длительного мира; однажды во время голода в Суздальской земле людей спасло жито, привезённое по Волге «от болгар». Торговля вообще занимала важное место в русско-болгарских отношениях. Именно через посредство болгар в Суздаль и Ростов — а оттуда и в другие города древней Руси — попадали многие восточные товары, весьма ценившиеся в то время^[89].

По мере развития Суздальского княжества и роста его территории интересы суздальских князей всё чаще приходили в столкновение с интересами правителей Болгарии. И те и другие стремились поставить под свой контроль торговые пути по Волге, и прежде всего доступ к пушным богатствам Севера. Земли Северо-Восточной Руси неоднократно подвергались нападениям болгар. Так, в 1088 году болгары захватили Муром; в 1097-м, пользуясь отсутствием князя, осадили Суздаль и подвергли его окрестности жестокому разорению. Последнее известное по летописям нашествие болгар на Суздальскую землю датируется 1152 годом: тогда болгары «приидоша... по Волзе к Ярославлю без вести и оступиша градок в лодиях», так что «не бе лзе никому же изити из града»^{204}. Положение спас лишь своевременный подход к Ярославлю ростовской рати. В свою очередь, и суздальские войска совершали походы на Волгу, но не часто: так, первый известный из летописей самостоятельный поход отца Андрея, князя Юрия Долгорукого, был совершён в 1120 году против волжских болгар. Впоследствии, однако, Юрий заключил с болгарами мир. Для наступления на «восточном» направлении у него попросту не хватало сил, да и южнорусские дела занимали его гораздо больше. В отличие от Андрея, которому и удалось переломить

ситуацию и перехватить инициативу в более чем двухвековом противостоянии. Именно в его княжение Суздальское государство переходит к активному наступлению на своего восточного соседа.

Не исключено, что походу 1164 года предшествовали какие-то локальные столкновения, о которых, правда, источники не упоминают^[90]. Известно, что в предшествующие десятилетия болгары собирали дань с жителей страны Вису — то есть с областей вокруг Белого озера, населённых финно-угорским племенем весь, хорошо известным и летописи^[91]. На дани с этих же территорий претендовали и суздальские князья. Кроме того, в последние годы жизни Юрия Долгорукого и в княжение самого Андрея заметно продвижение суздальских князей на восток, результатом чего стало их утверждение на нижней Оке и Волге, в непосредственной близости от болгарских владений. Это тоже не могло не вызывать противодействие болгар.

И всё же поход Андрея, повторюсь ещё раз, не был обычным военным предприятием. С самого начала суздальский князь постарался придать ему как можно более масштабный характер. В походе приняли участие сразу четыре князя: помимо самого Андрея, это были его сын Изяслав, брат Ярослав, а также Юрий Владимирович Муромский, ставший, как и его отец, верным союзником суздальского князя. Создание коалиции князей должно было свидетельствовать о том, что Андрей выступает в поход не только для того, чтобы решать какие-то локальные задачи Суздальского княжества, но для того, чтобы защитить интересы всей Русской земли и даже шире — всего христианского мира. Ибо Волжская Болгария воспринималась тогда как крайний северный форпост враждебного христианству мусульманского мира. А ведь XII век (и мы уже говорили об этом) — время жестокого столкновения христианства с исламом, время кровопролитных Крестовых походов, которые

совершали христианские правители Европы (включая в их число и византийского императора, и даже русского князя, брата Андрея!) против мусульман, утвердившихся в Передней Азии. В действиях Андрея и предводительствуемой им рати нельзя не увидеть признаки самого настоящего крестового похода — вполне подобного тем, что происходили на других, южных окраинах тогдашнего христианского мира.

В нашем распоряжении имеются два рассказа о болгарском походе князя Андрея Юрьевича, причём в некоторых деталях рассказы эти заметно разнятся. Во-первых, это сообщение Лаврентьевской летописи под 1164 годом^{205}, а во-вторых, отдельное Слово о празднике Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице, которое читается под 1 августа в Прологе так называемой Пространной редакции (сборнике кратих житий святых и ежедневных чтений, расположенных в календарном порядке)^{206}, а также в цикле статей, включающем в себя Сказание о чудесах иконы Владимирской Божией Матери^{207}. Здесь сразу же после Слова, но перед самим Сказанием следует краткая статья «А ся съдея в лето 6672-я» (то есть «А это случилось в лето 1164-е»), представляющая собой пересказ летописного повествования о болгарском походе — но с некоторыми поправками, которые также необходимо принять во внимание^{208}.

По свидетельству второго из названных источников — Слова о празднике 1 августа — Андрей со своим войском выступил в поход летом, скорее всего в июле. Причём выступил из Ростова, куда, очевидно, сам прибыл из Владимира — вместе с Владимирской иконой и владимирскими клириками, также принявшими участие в походе. По-видимому, князю (или кому-то из авторов или редакторов Слова) важно было подчеркнуть это обстоятельство, обратить внимание на Ростов как на начальную точку всего похода. Если это указание верно,

то оно свидетельствует о том, что Андрей выбрал гот же путь, что и его отец в далёком 1120 году: из Ростова к Ярославлю, а затем вниз по течению Волги.^{209} В таком случае где-то в районе нынешнего Нижнего Новгорода (тогда ещё не существовавшего) он должен был встретиться с муромскими дружинами, плывшими по Оке. Впрочем, современные историки не склонны доверять прямому указанию источника: они полагают, что в действительности войска выступили не из Ростова, а из Владимира, и избрали другой, более короткий маршрут: по Клязьме, а затем по Оке.^{210} [92] Так или иначе, но русское войско двигалось водным путём: частью берегом, на конях, а частью — на ладьях. Значительную силу в нём составляли «пешцы» — пехота; это отличительная черта почти всех военных кампаний Андрея Боголюбского.

Древнерусский автор рассказал и о том, как готовился к походу князь Андрей Юрьевич. Рассказ этот важен для нас, ибо даёт возможность увидеть князя не просто как полководца, но как человека, понимающего свою ответственность и перед людьми, и перед Богом. Оказывается, князь Андрей имел такой обычай: выступая в поход (не только этот, но и любой другой), он всегда шёл с «чистою душею», то есть исповедовавшись перед священником и причастившись. Так же поступали и другие князья, которых он брал с собой. Заметим, что дед Андрея князь Владимир Всеволодович Мономах в своём «Поучении» детям ничего не говорит о причащении накануне битвы, хотя расписывает обязанности князей очень подробно. Между тем это привычная практика русских князей последующего времени. Так не с Андрея ли она началась? И не его ли пример оказал влияние на других князей-ратоборцев? Вопрос конечно же из числа тех, что не имеют ответа.

Впереди всего войска шествовали священники с иконами и крестами — зримыми символами торжества

христианской веры. Особенно выделялись два пресвитера «в священных ризах»: один нёс «икону Владычица наша Богородица и приснодевыя Мария» — то есть Владимирскую икону Божией Матери, а второй держал над головой большой выносной крест. (Как видим, не без оснований мы назвали этот поход «крестовым».) Перед началом сражения князь вместе со всем войском совершил молебен перед Владимирской иконой. В Слове о празднике 1 августа приводятся слова, с которыми князь обратился к Пречистой:

— Богородице Владычице, родивши Христа Бога нашего, уповаю на Тя весь не погибнуть. Аз же, раб Твой, имею Тя стену и покров, и крест Сына Твоего — оружие на врагы обоюдоостро, и огонь, пополая противных наших лица, хотящих с нами брани.

«И падоша вси на колену пред Святою Богородицею, со слезами целующе», — свидетельствует автор Слова. Именно заступничество Пречистой, по его убеждению, и предопределило победу русского воинства.

О ходе боевых действий более подробно рассказывает летописец. Русские войска встретились с болгарскими; произошло ожесточённое сражение, закончившееся победой русских: «...и поможе им Бог и Святая Богородица на болгары: самех исекоша множество, а стягы их поимаша, и одва в мале дружине утече князь болгарский до Великаго города». «Князь болгарский» — один из военачальников болгарского царя, но, разумеется, не сам царь. «Великим» же городом на Руси называли столицу Волжской Болгарии, а ею в то время был, вероятно, город Биляр, на реке Малый Черемшан (на месте Билярского городища, в нынешнем Алексеевском районе Татарстана, примерно в 40 километрах южнее Камы). Точное место сражения неизвестно. Зато известно, что после победы русские войска продолжили движение по реке Каме — в коренную область Волжской Болгарии.

А ведь армия болгар считалась весьма боеспособной! «Со всяким войском кяфиров (неверных. — А. К.), сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают», — писал о болгарах безымянный персидский географ в конце X века. «А царь (болгарский. — А. К.) выходит в походы против неверных и уводит в плен жён их, их сыновей и дочерей и лошадей», — вторил ему испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати, современник Андрея Боголюбского, немало времени проводивший в Волжской Болгарии^{211}. О силе болгарского войска свидетельствует и тот факт, что в 1223 году, то есть спустя 60 лет после Андрея, им удастся одержать верх над непобедимыми монгольскими полководцами Джебе и Субедеем, возвращавшимися домой после славной для них и несчастной для русских битвы на Калке, в которой погибли девять русских князей. Конечно, монголы были ослаблены длительным походом и войной с русскими, но всё же...

Андрей вместе с другими князьями и конными дружинами какое-то время преследовал отступающего противника, но затем повернул назад. «Князь же Ондрей воротися с победою, виде поганя болгары избиты, а свою дружину всю сдраву, — рассказывает летописец. — Стояху же пеши с Святою Богородицею на полчище под стягы. И приехав до Святое Богородици и до пещець князь Андрей с Гюргем и со Изяславом и с Ярославом и со всею дружиною, удариша челом пред Святою Богородицею, и почаша целовати Святу Богородицю с радостью великою и со слезами, хвалы и песни въздавающи ей».

К самому «Великому городу» войска Андрея двигаться не стали. Для этого требовались значительно большие силы, нежели те, которыми располагал суздальский князь. Но война была ещё далеко не закончена; русские продолжили наступление на болгар, стремясь захватить как можно больше добычи и

причинить как можно больший урон противнику. Уже после рассказа о возвращении князя к иконе и молитвенном обращении к ней (чем, казалось бы, уместно было завершить всё повествование) летописец сообщает о главном успехе Андреева войска — взятии нескольких болгарских городов:

«И шедше взяша град их славный Бряхимов, а переди (то есть прежде того. — А. К.) 3 города их пожгоша. Се же бысть чудо новое Святое Богородици Володимерское, юже взял бяше с собою благоверный князь Андрей...»^[93] Собственно, в летопись весь этот рассказ и вошёл как «новое чудо» Владимирской иконы Божией Матери.

Иные подробности болгарской войны приводит автор Слова о празднике 1 августа.

Во-первых, здесь говорится о взятии не четырёх, а пяти болгарских городов, причём указано местоположение главного из них: «И шедше, взяша 4 города болгарьскыи, пятый Бряхимов на Каме». Это очень важное дополнение, которое обнаруживает хорошую осведомлённость автора относительно происходящих событий. К тому же это единственный более или менее точный географический ориентир во всём повествовании о болгарской войне. Судя по названию, Бряхимов (в Радзивилловской летописи он назван чуть иначе: Ибряхымов) был крупным городом, основанным на Каме одним из прежних болгарских правителей^[94].

Но где именно он находился, мы, к сожалению, не знаем, хотя на этот счёт и было высказано несколько взаимоисключающих суждений. В разное время Бряхимов искали то близ устья реки Суры, на месте будущего Васильсурска (в Нижегородской области), то на месте самого Нижнего Новгорода, при слиянии Оки и Волги. Эти старые гипотезы давно отвергнуты — прежде всего потому, что они игнорируют ясное указание

источника на то, что Бряхимов располагался на Каме. Но то же самое можно сказать и о другой гипотезе, поддерживаемой в том числе и современными исследователями, — в соответствии с ней, Бряхимов есть не что иное, как город Булгар, первая столица Болгарского царства (на месте нынешнего города Болгар в Татарстане, на левом берегу Волги, в 200 километрах от Казани)^{212}. Иногда полагают даже, что его разорение и заставило болгар перенести столицу вглубь страны. Но ведь и Болгар находился совсем не на Каме! И едва ли русский книжник мог спутать среднее течение Волги (более или менее знакомое русским) с «болгарской» рекой Камой, чем сторонники данной версии пытаются объяснить её несоответствие показаниям источника. Более вероятным, пожалуй, выглядит другое, также весьма давнее предположение — о том, что Бряхимов находился близ нынешнего города Елабуга, на месте так называемого «Чёртова городища» (это предположение впервые озвучил в XIX веке елабужский купец и краевед Иван Васильевич Шишкин, отец знаменитого художника)^{213}. Существование здесь древнего болгарского города не вызывает сомнений и подтверждается археологически. Но уверены ли мы в том, что на Каме в XII веке не было других болгарских городов? Конечно же нет. А потому следует всё же согласиться с теми исследователями, которые отказываются от точной локализации завоёванного Андреем города.

Во-вторых, в Слове о празднике 1 августа читается яркий рассказ о чуде, случившемся уже после того, как были взяты упомянутые пять болгарских городов. Это главный сюжет всего произведения:

«И воротився от сеча, вси видеша луча огнены от иконы Спаса нашего Владыки Бога, и весь полк его окрыть». (То есть огненные лучи от иконы покрыли, или, лучше сказать, осенили, всё воинство князя.) Это и

побудило Андрея продолжить военные действия: «Он же воротится опять и попали грады ты огнемь и положи землю ту пусту, а прочий города осади дань платити».

Какие грады «попали огнём» русское войско, а какие были оставлены платить дани, источник не сообщает. Очевидно, имеется в виду, что были сожжены и разрушены Бряхимов и другие ранее завоёванные города, к которым, если так, Андрею пришлось возвращаться вторично. О полном разорении или даже уничтожении Бряхимова писал и позднейший русский книжник XVI века, автор «Казанской истории», много лет проведший в казанском плену. Он, кажется, знал, где именно располагался Бряхимов, а может быть, лишь делал вид, что знает: «Тут же был на Каме град старый Бряхов болгарский, ныне же градище пусто. Того же первие взя князь великий Андрей Юрьевич Владимирский, и в конечное запустение преда, и болгар тех под себя подклони»^{214}. Но это, конечно, взгляд совсем из другой эпохи. Поход Андрея Боголюбского воспринимался тогда как прообраз будущего взятия Казани царём Иваном Грозным, а потому Бряхимов сопоставляли со столицей Казанского царства: «И бысть Казань столный град вместо Бряхимова».

Автор Слова приводит ещё одну удивительную подробность. Оказывается, в то же самое время те же огненные лучи наблюдал за тысячу вёрст от русского стана на Каме византийский император Мануил Комнин, выступивший будто бы в поход против «сарацин» в один день с князем Андреем Юрьевичем. Названа и дата чудесного видения — 1 августа, и эта дата представляется исключительно важной для определения хронологии болгарской войны Андрея Боголюбского.

Эти известия проложного Слова ставят перед исследователями целый ряд трудноразрешимых загадок.

Сначала об иконе Святого Спаса, сыгравшей столь заметную роль в истории болгарского похода^[95]. Внимание исследователей обращает на себя тот факт, что о ней ничего не говорится не только в летописи (где победа приписана чуду Пресвятой Богородицы), но и в начале самого проложного Слова (где упомянуты та же Владимирская икона и крест). Иногда в этом видят противоречие в трактовке болгарского похода, наличие двух его версий — условно говоря, «княжеской» и «ростовской», идейно противостоящих друг другу.

Но, как мне кажется, противопоставление это мнимое. Напомню, что само празднование 1 августа было установлено князем Андреем Юрьевичем совместно Спасу и Божией Матери. Кроме того, нет сомнений, что в поход была взята не одна Владимирская икона, а несколько чтимых икон — в том числе (и, может быть, в первую очередь) икона Спасителя. Об особом почитании Андреем этой иконы прямо свидетельствует летопись, о чём речь у нас уже шла выше. Напомню, что, по словам летописца, князь, «видя образ Божий, на иконах написан», взирал на него, «яко на самого Творца». Уместно вспомнить и другую цитату, приводившуюся в книге: по сообщению позднего Жития XVIII века, князь, выступая в любой из своих походов, «святыя иконы при себе имеяше», причём первой названа именно икона Спаса. Важно и другое. В праздновании 1 августа образы Спаса и Богородицы соединились так же естественно, как естественно соединены они на Владимирской иконе, где Спаситель пребывает на руках у Матери. Конечно, едва ли Владимирская икона могла быть названа иконой Спаса. Но, строго говоря, лучи могли исходить и от нее, от изображённого на ней лика Спасителя, и это могло быть воспринято как прямая помощь Спаса русскому войску.

Еще труднее объяснить сюжет с походом императора Мануила, который якобы выступил на войну

одновременно с Андреем Боголюбским. То, что это произошло буквально день в день, — всего лишь риторическое преувеличение древнерусского книжника, которому не следует придавать решающего значения. Тем более что историки неоднократно предпринимали попытки найти «подходящий» эпизод в биографии Мануила Комнина, но всякий раз попытки эти оказывались безуспешными. В этой связи вспоминали, например, победу, одержанную византийским полководцем Андроником Контостефаном 8 июля 1167 года над венграми, после чего император Мануил устроил триумф в Константинополе с участием Богородичной иконы^{215}, — но эта победа была одержана не над «сарацинами», к тому же император не принимал в ней личного участия. Вспоминали и поход против турок летом 1177 года, на этот раз с участием Мануила, — но поход этот закончился катастрофическим поражением греческого войска от султана Кылыч-Арслана при Мириокефале в сентябре того же года. Скорее, к описанию русского источника подходит другая война, предшествовавшая походу Андрея Боголюбского на болгар. Мы уже вспоминали о ней: в 1158–1159 годах император Мануил во главе огромной армии двинулся в населённую армянами Киликию, затем занял Антиохию, а позднее, в 1160 году, нанёс поражение туркам-сельджукам. Считается, что в 1158 году (а скорее, двумя годами позже) в ознаменование победы его полководца Иоанна Контостефана над армией в 22 тысячи «персов» (турок-сельджуков) император Мануил установил в Константинополе праздник так называемой Силуанской, или Силуамской, иконе Божией Матери — и притом именно 1 августа!^{216},^[96] Казалось бы, это прямая аналогия действиям русского князя и прямое подтверждение (со сдвигом в несколько лет) показаний Слова о празднике Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице. Однако никакими источниками данный

факт не подтверждается. Более того, сама Силуанская икона в древности неизвестна, и сведений о её почитании в Византии мы не имеем. Соответственно, нельзя исключать того, что перед нами какой-то поздний миф, не имеющий прямого отношения к действительности.

Заметим, что все названные войны имели место позже или раньше болгарского похода князя Андрея, но не одновременны ему. Если же сосредоточиться на августе 1164 года, то можно обратить внимание ещё на одну войну, в которой также участвовали византийцы — хотя и не в качестве главных действующих лиц. В те самые дни, когда Андрей воевал на Волге и Каме, произошло жестокое сражение между христианами (в том числе и греками) и «сарацинами» Нур ад-Дина, эмира Алеппо, близ крепости Харим (Аран) в Антиохийском княжестве. (Напомню, что это княжество признавало в то время власть императора Мануила.) Само сражение имело место 12 августа 1164 года, но ещё до него, то есть в конце июля или в первых числах августа — а значит, одновременно с военными действиями Андрея на Волге и Каме, — христиане начали наступление против подошедших к крепости мусульман. Греческими отрядами командовал дука Киликии Константин Каламан, направленный сюда непосредственно василевсом (в других источниках он фигурирует как «грек Дука из Тарса»). По свидетельству византийского хрониста Иоанна Киннама, сначала Каламану удалось нанести поражение Нур ад-Дину (не 1 августа ли это произошло?), однако затем соединённое войско христиан, в которое, помимо Каламана, входили Боэмунд III Антиохийский, Раймунд III Триполитанский и другие вожди крестоносцев, «увлекшись неразумной смелостью и пустившись без толку в погоню», потерпело сокрушительное поражение, так что все названные лица, включая Каламана, а также многие другие

оказались в плену. Узнав о случившемся, продолжает византийский хронист, василевс «был огорчён, а потому теперь решился перейти в Азию и, пользуясь удобным временем, *понёсся было на это дело со всей быстротой* (выделено мной. — А. К.)»^{217}. Правда, поход, едва начавшись, тут же был прерван, ибо события в Венгрии потребовали присутствия императора на Дунае, о чём у нас уже шла речь выше. Но, между прочим, автор русского Слова и не говорит о победе Мануила над сарацинами — он упоминает лишь о его выступлении в поход и о видении им «огненных лучей». Напомню также, что примерно в это самое время в лагере императора на Дунае оказались русские послы, в том числе посол Андрея Боголюбского Илья, а также ростовский епископ Леон. Люди Андрея, несомненно, рассказали князю обо всём, что им стало известно, в том числе и о событиях, предшествовавших появлению василевса на Дунае. Конечно, побоище при Хариме не принесло славы ни византийцам, ни латинянам. Но в любом случае оно значимо в истории противостояния христиан, и в их числе императора Мануила, с сарацинами. Ибо мы уже говорили о том, что с конца 1150-х годов и по крайней мере до осени 1177 года (то есть до разгрома византийской армии при Мириокефале) Мануил воспринимался как лидер общехристианской войны против мусульман, войны в защиту Святой Земли и находящихся на ней святынь. Его успехи в борьбе с турками в начале 1160-х годов, мир с позиции силы с султаном Кылыч-Арсланом в 1162-м, поход несколькими годами ранее против того же Нур ад-Дина и триумфальное вступление в Антиохию в 1159-м — всё это принесло ему славу сильнейшего христианского правителя того времени, защитника христиан и христианских государств Палестины.

Впрочем, для нас не столь важно, имело ли место одновременное выступление в поход русского князя и

греческого царя или, тем более, одновременное видение ими «огненных лучей». В истории Андрея Боголюбского гораздо важнее другое. Сравнение его с Мануилом, а похода на болгар — с походом на «сарацин» греческого императора (действительным или мнимым) свидетельствует о том, что поход русской рати воспринимался прежде всего как общехристианское дело, как вклад Андрея в совместную борьбу христиан с врагами Креста и Христовой веры. Думаю, что этим может объясняться и чрезмерная жестокость, проявленная князем в болгарской войне. Ведь именно после появления «огненных лучей», осенивших христианское войско, Андрей возвращается к уже завоёванным им городам и предаёт их огню, а «землю ту» оставляет «пусту». Подобные указания на жестокость русских войск нечасты в наших источниках. Но в истории войн Андрея Боголюбского мы встретимся с этим не раз.

Возможно, в результате похода Андрей заключил с болгарами мир, о котором, правда, источники не сообщают. Возможно также, что в определённой связи с победой в болгарской войне стоит рассматривать поход сына Андрея, князя Мстислава Андреевича, зимой 1166/67 года «за Волок», то есть в так называемое Заволочье — земли веси, куда суздальские князья прежде войск не посылали^{218}. Этот поход поставит Суздальское княжество на грань войны и с другим его соседом — Великим Новгородом, власти которого также претендовали на дани с «Заволочских» земель. О том, к чему это приведёт, мы будем говорить позже.

* * *

Победа, одержанная над болгарами, стала поводом для установления нового праздника во Владимиро-

Суздальском княжестве. Под 1 августа в церковном календаре появилась новая значимая дата — память Всемилоствому Спасу и Пречистой Его Матери. Инициатором введения праздника стал сам князь Андрей Юрьевич. Столь зримое покровительство свыше русскому воинству, явленное в столь значимый момент противостояния врагам христианской веры, должно было, по замыслу князя, ещё сильнее сплотить русских людей — и прежде всего жителей Владимиро-Суздальской Руси, его подданных. Правда, утвердился этот новый праздник на Руси не сразу после болгарского похода, а несколькими годами позже.

Историки уже давно установили, что праздник 1 августа имеет чисто русское происхождение. Греческой церкви, равно как и другим церквям, кроме нашей, он неизвестен. Однако в древнерусском Слове об установлении праздника сообщается другое: а именно что он был введён совместно князем Андреем Юрьевичем и императором Мануилом Комнином, а санкцию на его установление дал константинопольский патриарх Лука Хрисоверг. «...Благочестивому и верному нашему цесарю и князю Андрею уставлицю се праздновати со царемъ Мануилом повелениемъ патриарха Луки и митрополита Костянтина всея Руси и Нестера, епископа ростовскаго», — читаем в первых же строках этого произведения.

Приведённый перечень иерархов требует комментария. И дело даже не в том, что все названные в нём лица — греки. Известно, что киевский митрополит Константин I скончался в 1159 году, а кафедру оставил годом ранее. Следовательно, он не мог иметь никакого отношения к установлению праздника. Если же предположить, что автор Слова упомянул именно его, то придётся признать, что само Слово возникло спустя очень много времени после описываемых событий, когда никто уже не помнил, кто из киевских митрополитов и в

какое время занимал престол. Имена и Константина, и ростовского епископа Нестора относились к числу известных среди русских иерархов, но когда они жили, автор Слова попросту забыл^[219].

Однако речь в Слове может идти вовсе не о Константине I. Летом 1167 года в Киев прибыл новый митрополит с тем же именем — грек Константин II. Если в Слове на 1 августа имеется в виду именно он — а это кажется более вероятным, — то получается, что сам праздник был установлен не ранее лета 1167 года. Но и не позднее 1169/70 года, когда в Константинополе скончался патриарх Лука Хрисоверг. Что же касается Нестора, то выше мы уже говорили о том, что, к сожалению, ничего не знаем о его судьбе после изгнания с ростовской кафедры в 1156/57 году^[97]. Вполне вероятно, что позднее он возвращался в Ростов, и, может быть, даже не раз. Упоминание его имени в Слове о празднике 1 августа можно расценивать как свидетельство того, что между 1167 и 1169 годами это как раз и произошло. Отметим, кстати, что Нестор назван *ростовским* епископом, а не суздальским и тем более не владимирским. Как мы уже знаем, пребывание епископа именно в Ростове отвечало интересам князя Андрея Юрьевича, который предпочитал видеть во Владимире другого иерарха, более близкого ему по духу. Однако этот другой иерарх (а им, напомним, был Феодор, сподвижник князя) не получил признания в Константинополе, а потом и вовсе рассорился с князем — потому его имени в Слове о празднике 1 августа быть не могло.

Версия Слова об установлении праздника 1 августа совместно русским князем и византийским императором — не единственная и, очевидно, не первоначальная. В нашем распоряжении имеется ещё одно древнерусское сочинение, также посвященное этой теме. Для нас оно представляет особый, совершенно исключительный

интерес, поскольку, как следует из его заглавия, написано оно было самим князем Андреем Юрьевичем. Текст его известен историкам давно, однако в своём первоначальном объёме Слово было выявлено и исследовано чуть более тридцати лет назад Ярославским филологом Германом Юрьевичем Филипповским. Название этого сочинения в рукописях: «Слово великого князя Андрея Боголюбского о милости Божий». Оно также встречается в Прологах под 1 августа, но гораздо реже, чем предыдущее; наиболее ранние его списки датируются XVI веком^{220}.

Слово Андрея Боголюбского невелико по объёму. Здесь очень мало конкретики, ничего не говорится, например, о болгарском походе князя. Автор, вероятно, лишь подразумевает его, принося благодарность Господу и Его Матери, «благодатию заступающе ны от всех бед и болезни и от всех враг видимых и невидимых и победу от нея имея на враги (выделено мной. — А. К.)». Оказывается, праздник 1 августа был введён лично князем Андреем Юрьевичем; никаких имён церковных деятелей — ни константинопольского патриарха, ни русских иерархов — здесь нет. Не упоминает Андрей и об императоре Мануиле, ссылаясь лишь на пример не названных по имени византийских императоров, установивших подобное празднование в своей столице: «...якоже в Костянтине граде уставиша святии цари благовернии... тако и сий праздник уставлен бысть худым и грешным рабом Божиим и Пречистыа Его Матере Богородица Андреем князем, сыном Георгьевым, вънуком Манамаховым именем Владимире, царя и князя всеа Руси». От себя лично обращается Андрей с благодарственной молитвой к Спасу и Богородице и в заключительной части Слова: «...Тако и мне, грешному и недостойному Андрею, приложита неизреченный милости своеа свыше посылающе». (В одном из списков Слова переписчик убрал имя князя и приспособил текст

к общецерковному чтению: «...и нам, грешным, приложена неизреченная милость своя...»)

Мы уже говорили о том, что в общении с Высшими силами (а Слово обращено именно к ним) Андрей охотно прибегал к уничижительным самохарактеристикам. Очень похоже: «грешным рабом Твоим Андреем» — князь назвал себя и в молитвенном обращении к Богородице на пластине из владимирского Успенского собора. Но нельзя не обратить внимание на то, с какой гордостью говорит он о своих предках, и прежде всего о своём деде Владимире Мономахе, который назван здесь «царём и князем всея Руси». Следовательно, и сам Андрей, «худой и грешный раб Божий», мог претендовать на царский титул! Пройдёт совсем немного времени, и Андрей будет поименован «царём», или «цесарем», — этот титул мы встречаем в начальной части Слова о празднике 1 августа.

Как справедливо отмечает Г.Ю. Филипповский, Слово о милости Божий Андрея Боголюбского и Слово о празднике Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице — это два самостоятельных произведения, посвященных установлению нового для Руси праздника. Первое из них, принадлежащее перу самого князя, предшествует по времени второму и — как некое «программное установление» — «выступает в качестве основного документа, санкции на введение праздника»^{221}. Второе же Слово можно рассматривать как дальнейшее развитие темы. Личные мотивы, присутствующие в первом произведении, здесь устранены, и всё сочинение приспособлено для общецерковного использования. Очевидно, что оно представляет собой своего рода «узаконение» (или, точнее, попытку «узаконения») праздника на общецерковном уровне. Заключительная молитва к Спасу и Божией Матери звучит здесь от имени не одних только создателей (и тем более не от имени князя

Андрея), но от имени всей Русской земли и всех русских людей:

«И ныне тако покрый, Владыко, Руския земля, люди твоя вся, уповающая на Тя. Тем вси припадем Ти, глаголюще: “Господи Исусе Христе, что Ти въздамы о всех, яже въздасть нам. Велий бо еси и чюдна дела Твоя...”»; и т. д. Примечательно, что автор Слова о празднике вспоминает строки 79-го псалма: «Господи, призи с небеси и вижь и посети винограда Своего, и сверши, еже насади десница святая Твоя» (*Пс. 79: 15–16*). Это те самые слова, с которыми некогда обращался к Богородице князь Владимир, Креститель Руси, по завершении строительства киевской Десятинной церкви. Мы уже говорили о том, что именно Владимира Святого избрал для себя образцом, примером для подражания князь Андрей Боголюбский. А потому можно думать, что в Слове на праздник цитируется не только Псалтирь царя Давида, но и молитва князя Владимира Святославича^{222}.

«Византийская» составляющая Слова, очевидно, была связана с желанием Андрея и его окружения добиться признания нового праздника Греческой церковью. Отсюда и ссылки на «установления» императора Мануила и константинопольского патриарха. Обращение к авторитету греческого царя присутствует и в заключительной части Слова на праздник 1 августа. «Аз же написах Ти се повелением цесаря Мануила и всего причта церковнаго, — объясняет неизвестный нам автор, — да празднуемъ вси обыче месяца августа 1 день в славу Святыя Троица»^[98].

Но ведь Византийская церковь, повторюсь ещё раз, этого праздника не знала! Так что же, получается, что Андрей и люди из его ближайшего окружения решились прибегнуть к прямой фальсификации? Да ещё к такой, которая легко могла быть раскрыта не только в Константинополе, но и в Киеве и даже в Ростове, в

окружении епископа-грека?! Разумеется, нет. Такого попросту быть не могло.

Ссылка Андрея на «установления» «святых благоверных царей», а авторов Слова — уже непосредственно на императора Мануила имела в виду церковный праздник, действительно существовавший в Константинополе и действительно отмечавшийся 1 августа. Только смысл этого праздника был иным.

Ещё в конце XIX века выдающийся историк Русской церкви архиепископ Сергей (Спасский) в своём монументальном труде «Полный месяцеслов Востока» разъяснил, что русский по своему происхождению праздник Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице имеет своим истоком греческий праздник Происхождения честного и животворящего Креста Господня, известный в Константинополе по крайней мере с IX века. Праздник этот заключался в ежегодном изнесении креста «на дороги и улицы» Константинополя «для освящения мест и в отвращение болезней» и был тесно связан с императорским дворцом. Накануне, 31 июля, крест выносили из царской сокровищницы и полагали на алтаре «Великой церкви», то есть Константинопольской Софии. «С настоящего дня и далее до Успения Богородицы (15 августа. — А. К.), творя литии по всему городу, предлагали его потом народу для поклонения». 14 августа, накануне Успения, крест возвращали в царские палаты. «Этот обычай в соединении с другим обычаем Константинополя освящать в придворной константинопольской церкви воду первого числа каждого месяца (исключая январь, когда освящение совершается 6-го числа, и сентябрь, когда оно совершалось 14-го) и послужил основанием праздника в честь святого и животворящего креста и торжественного освящения воды на источниках, которое совершается 1 августа», — цитирует архиепископ Сергей греческий часослов 1897 года. Это был местный

праздник Константинопольской Софии, не отмечавшийся в других константинопольских церквах и монастырях и тем более в других областях Империи. А потому он и не был показан в большинстве ранних греческих месяцесловов. И только с XII-XIII веков, с распространением Иерусалимского устава, это местное празднество делается общим, достигнув к концу XIV века и русских земель^{223}.

Андрей, несомненно, знал об этом царьградском празднике и об обычае изнесения креста. Этот праздник был сопряжён с царской властью и царским достоинством — ведь крест износился из царской сокровищницы и по истечении двух недель возвращался в неё же. Свой — княжеский — крест сопровождал Андрея во время похода на болгар: он защитил князя от болгарских стрел и, главное, даровал русским победу. Крест был изображён на оборотной стороне Владимирской иконы. А потому, устанавливая новый праздник на Руси — в честь Спаса и Богородицы, Андрей мог с полным основанием (или, лучше сказать, в полном соответствии с собственными представлениями о власти) сослаться на пример византийских правителей: «...якоже в Костянтине граде уставиша святии цари благовернии» — так и он, Андрей, установил «сий праздник» в своей земле. Очевидно, что это и есть первоначальная версия возникновения праздника. Ссылка же на императора Мануила и на его победу день в день с Андреевой появилась, скорее всего, позднее — как своего рода развитие темы, осмысление каких-то иных событий византийской истории, о которых с запозданием узнавали на Руси и смысл которых не может быть с точностью разгадан нами сегодня. «Византийская составляющая» темы играет здесь приблизительно ту же роль, что и византийский сюжет в Житии епископа Леонтия, тоже ростовском по происхождению. Это некая модификация праздника,

чуть-чуть подправленная для придания ему большего веса и большего значения.

* * *

Судьба русского празднования 1 августа складывалась не просто. Прежде всего потому, что в тот же день, 1 августа, в соответствии с церковным календарём, начинался двухнедельный Успенский пост, предшествующий празднику Успения Божией Матери. И не было никакой ясности, как следует соотносить начало поста — день усиленной молитвы и отказа от всех жизненных радостей — с празднованием Спасу Её Матери — предполагающим радость по случаю победы, одержанной с их помощью над врагом. А ведь мы помним, что именно споры о соблюдении поста в отдельные, праздничные дни вызвали жесточайший кризис в Русской церкви и кризис этот достиг своего апогея как раз в 60-е годы XII столетия.

Об остроте споров вокруг нового праздника свидетельствует сам текст Слова на 1 августа. Слово дошло до нас в нескольких различающихся друг от друга вариантах (редакциях). Причём различаются концовки памятника, очевидно, присоединявшиеся к основному тексту; сам же основной текст особых изменений не претерпевал.

Одно из таких прибавлений представляет собой поучение на праздник, объясняющее, как именно надлежит праздновать этот день. И выясняется, что праздновать его надлежит так же, как и любое другое церковное торжество, — милостыней, посещением церкви, возжиганием свечей, отказом от работы и, главное, проявлениями любви к ближним:

«...Мир и любовь попромежю себе имуще, и милостынею убогя наделяюще, с свещами к церкви

текуще на святое пение, от всех дел удаляющесе, а страху Божию внимающе с боязнию».

Автором этого поучения предположительно называют разных лиц: одни — ставленника Андрея Феодора (что кажется совершенно невероятным), другие — его антагониста и одного из устроителей празднования ростовского епископа Нестора^[99]. Трудно сказать, когда именно был написан этот текст — при Боголюбском или же позднее. Но в любом случае это лишь одна версия праздника 1 августа. В какой-то момент поучение было заменено другим текстом, авторство которого приписывают (столь же гипотетически) кому-то из епископов-греков, возможно, Леону. Это так называемое «установление о постах» (или, как оно именуется в рукописях: «Заповедь святых отец кануном и праздником, како говети всем христианом правоверным»). Смысл «установления» прямо противоположен предыдущему. И сводится он к необходимости строгого соблюдения поста в этот день. А это заметно снижает значимость самого праздника:

«Ведомо буди вам, о чада: святии и апостоли и вселенская церкви преда нам говенье августа месяца, в 1-й день августа не ести мяс ни рыб до Успения Святыя Богородица».

А дальше — разъяснение по поводу необходимости строгого соблюдения поста и в другие дни, в том числе среды и пятницы, падающие на праздники, — то есть тема, хорошо знакомая нам по предшествующему повествованию о судьбе епископа Леона: «...аще в который день причтется праздник Честныя Святыя Богородица в среду или в пяток, не яс[ти] мяс, но Пречистыя ради Богородица емы рыбы...»; и т. д.^{224}.
^[100] Примечательно, что текст этот читался в древнейшем дошедшем до нас списке Слова о празднике 1 августа в составе Пролога (начала или

первой четверти XV века), но затем был выскоблен — очевидно, из-за несоответствия духу самого Слова.

Встречается и третий вариант продолжения Слова о празднике 1 августа. В ряде рукописей в качестве заключительной части в него было включено Слово Андрея Боголюбского «о милости Божий»^{225}. Но это уже своего рода тавтология, ибо об одном и том же событии — установлении праздника — здесь говорится дважды.

Несомненно, Андрей придавал огромное значение вводимому им празднику. Современная исследовательница древнерусских месяцесловов обратила внимание на такой примечательный факт: праздник Всемиловитому Спасу и Божией Матери 1 августа — единственный из всех собственно русских праздников, который занимает в месяцесловах (естественно, в тех, где он присутствует) место не *после*, а *перед* греческими памятями того же дня^{226}. То есть он обозначен как *главный* праздник, превосходящий важностью память семи ветхозаветных мучеников Маккавеев, которая отмечалась Церковью в этот день. Однако усилия князя, по-видимому, не дали ожидаемого результата: ни при нём самом, ни при его ближайших преемниках на владимирском столе праздник этот так и не сделался общерусским. В подавляющем большинстве месяцесловов домонгольского времени он отсутствует. И лишь позднее, начиная с XV века, праздник этот занимает своё законное место под 1 августа — рядом с утвердившимся тогда же греческим праздником Происхождения Креста.

В представлениях русских людей два эти праздника слились воедино. Со временем праздник 1 августа стал знаменовать не просто начало последнего летнего месяца, но своего рода «проводы лета». Праздник получил название «первого Спаса» — ибо за ним в том

же августе следуют «второй» (или «яблочный») и «третий» (или «ореховый», «хлебный») Спасы. По-другому праздник называют «медовым Спасом» — потому что в этот день традиционно начинали сбор мёда, или «Спасом на воде», «мокрым Спасом» — потому что в этот день освящали колодцы и совершали крестные ходы на водоёмы и родники для освящения воды. С праздником 1 августа связывают множество народных обычаев и примет. А потому и сегодня, отмечая «медовый Спас» (по новому стилю 14 августа), мы должны добрым словом помянуть русского князя, подарившего нам эту красивую и значимую дату не только в церковном, но и в народном календаре.

Покров над Нерлью

Болгарский поход Андрея Боголюбского имел и другое важное последствие для русской истории. Но прежде чем говорить о нём, скажу о судьбе князей — участников похода.

Для двоих из них поход этот оказался последним.

28 октября 1165 года (или, по-другому, даже 1164-го, то есть совсем скоро после похода)^[101] умер старший сын Андрея Боголюбского Изяслав, «благочестивый» и «христолюбивый», как называет его летописец. Для князя Андрея Юрьевича это должно было стать жесточайшим потрясением, ибо в Изяславе он потерял не только горячо любимого сына, но и наследника, главного продолжателя своего дела. «...И плакася по нем князь Андрей отец и брат его Мьстислав, и тако положи и в церкви Святыя Богородица Володимери с плачем великим».

Позднейшие источники владимирского происхождения отзываются о старшем сыне Андрея Боголюбского с ещё большей похвалой, именуя его «кротким, и смысленным, и храбрым», «многие мужества» показавшим. В середине XVII столетия полагали, что Изяслав активно участвовал в возведении Успенского собора, во всём помогая отцу и «со усердием наипаче о строении промышляя», как сказано в «надгробном листе», помещённом над его гробницей^{227}. С его именем связывали хранившиеся в соборе какие-то громадные железные стрелы, или дротики, с наконечниками (возможно, память о разорении Владимира монголо-татарами?)^[102]. Считалось, что их оставил здесь именно Изяслав Андреевич: «Таже своему мужеству на сопротивных устрой себе самострелные оружия, стрелы железныя

великия, якоже и ныне в соборной церкви обретаются и доднесь видими всеми».

А меньше чем через полгода, 12 апреля 1166-го (или, подругому, 1165-го), умер второй участник болгарской войны, князь Ярослав Юрьевич^[103]. И снова: «...и плакася по нем брат Андрей и положи в церкви Святыя Богородица Володимири». Вообще стоит заметить, что участие в войнах с Болгарией роковым образом сказывалось на судьбах ближайших родичей князя Андрея. Пройдёт несколько лет — и после следующего похода к берегам Волги скончается второй его сын Мстислав. А в 1183 году под стенами Великого города болгар, которые будут штурмовать полки князя Всеволода Большое Гнездо, смертельное ранение получит племянник Андрея Изяслав Глебович. Да и в убийстве самого Андрея Боголюбского поздние источники обнаруживают некий «болгарский след», о чём речь, естественно, ещё впереди.

Скорбь Андрея по старшему сыну была действительно велика. И есть основания полагать, что своего рода мемориалом его болгарской победе и одновременно памятником его безвременно почившему сыну стала знаменитая церковь Покрова на реке Нерли, близ Боголюбова, — признанный шедевр древнерусского зодчества. Об этом рассказывается в позднем Житии князя Андрея Юрьевича, составленном, как мы помним, в Боголюбской обители, к которой и был приписан Покровский храм.

«Сего же лета сын его первый Изяслав Андреевич ко Господу отъиде... — излишне витиевато писал агиограф XVIII века. — Сей же великий князь Андрей, аще печалию о скончавшемся сыне, яко человек, объят быв и скорбяше, обаче оную на Господа Бога полагаше и благодаря Его всемогущество, более в богоугодны дела поощряшеся; ибо близь Боголюбския обители, яко поприще едино (то есть на расстоянии около полутора

километров. — А. К.), на реке Клязьме на лугу, нача здати церковь во имя Пресвятыя Богородица честнаго Ея Покрова, на устье реки Нерли...»^{228}.^[104]

Как считали в XVIII веке, церковь на Нерли строилась из камней, привезённых из Волжской Болгарии. Камни эти предназначались якобы для возведения во Владимире других церквей, в том числе грандиозного Успенского собора (построенного, по версии поздних источников, позже боголюбовских зданий, в том числе и Покровской церкви, что, как мы знаем, не соответствует действительности). Покровская церковь будто бы была возведена из «десятыя части» «собираемых и двоелетием из Болгар вывозимых камней», «иже по повелению его (Андрея. — А. К.) на том месте (то есть на устье Нерли. — А. К.) отлагаемы бываху. И помощью Пресвятыя Богоматере оную церковь единым летом соверши и обитель монашествующим при ней содела».

Историки, однако, отвергают свидетельство позднего источника. Установлено, что камень для церкви Покрова на Нерли, равно как и для других владимирских церквей, добывался гораздо ближе Болгарии, а именно в подмосковных (мячковских) каменоломнях^{229}. Он отличался особой белизной, свойственной именно этому региону. Спорными остаются и дата строительства храма, и, соответственно, его связь с болгарским походом и смертью Изяслава Андреевича. Но дело ведь не только в показаниях позднейшего Жития. По утверждению крупнейшего исследователя владими́ро-суздальской архитектуры Николая Николаевича Воронина, храм Покрова на Нерли в ряду других построек Андрея Боголюбского «является наиболее совершенным, как бы завершая собой их плеяду»^{230}. С этим мнением трудно не согласиться. А оно подтверждает относительно позднюю дату возведения храма.

Эта церковь действительно производит удивительное, ни с чем не сравнимое впечатление. Дорога к храму, идущая по огромному заливному лугу (к счастью, получившему статус особо охраняемой природной территории и потому не застраиваемому), даёт возможность в полной мере подготовиться к лицезрению чуда, забыть о суетном и сиюминутном, задуматься о вечном. Образ храма вырастает буквально на наших глазах, становится ближе, яснее, предстаёт в полном своём совершенстве, отражается в заводи, двоится в дрожащей воде. Он весь устремлён ввысь, он почти невесом — своей лёгкостью, стройностью, можно сказать, женственностью он отличается от других, более приземлённых и монументальных (конечно, в сравнении с ним) памятников владимиро-суздальского зодчества. Это загадка, которую нам не дано разгадать. Зачем, с какой целью поставлена здесь эта церковь? Здесь, в отдалении от людского жилья, в полном смысле этого слова между небом и землёй?! Да и вообще, творение ли это рук человеческих или создание каких-то иных, высших сил? И такие мысли могут прийти в голову, пока идёшь к храму...

Между тем, как считают специалисты, изначально церковь на Нерли выглядела иначе, чем сейчас. Прежде всего, изменилось место, на котором она была возведена. Русло реки Клязьмы поменялось, ушло в сторону, и ныне церковь стоит у её старицы — небольшого озера, образованного её водами. А некогда она возвышалась над самой рекой, встречая ладьи гостей, плывших в Боголюбово и Владимир по Клязьме или Нерли. Здесь были речные ворота Суздальской земли, и церковь первой представала взору гостей. Мы помним, как любил князь показывать «славу Божию и украшение церковное» приезжим из других земель: «... аче и гость приходил из Царягорода, и от иных стран... и до всего хрестьянства, и до всее погани...» И здесь, на

Нерли, ещё даже не в виду стольного Владимира, но в виду княжеского Боголюбова, было чем поразить воображение заезжего человека, было чем полюбоваться и чем восхититься ему. Здесь воочию открывались та «слава Божия» и то «украшение церковное», которыми исполнилась Суздальская земля при Андрее Боголюбском. Контуры белой церкви сливались и с тёмной глубиной воды, и с бархатом полей и дерев. Это о таких вот «домах церковных» и «виноградах обительных», укрытых среди рек и крутых холмов, высоких дубрав или чистых полей, напишет позднее автор пронзительного «Слова о погибели земли Русской»: «Всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!»^{231}.

Как именно выглядела церковь в древности, мы в точности не знаем. Предполагают, что с трёх сторон она была окружена мощными каменными галереями (обозначенными на известном варианте реконструкции храма Н.Н. Воронина). Но их наличие так и не доказано, а потому оспаривается другими исследователями. Выяснено также, что сам холм, на котором возвышался храм, — искусственного, рукотворного происхождения. Он был укреплен каменным фундаментом-пьедесталом — в противном случае церковь давно была бы разрушена талыми водами Клязьмы и Нерли^{232}.

Стены церкви украшены рельефами, в которых видят руку «романских резчиков», мастеров из Западной Европы, — вероятно, тех самых, что проживали поблизости, в княжеском замке. На трёх фасадах церкви (естественно, за исключением алтаря) рельефы одинаковые. В центре — фигура библейского царя Давида, с которым сравнивали Андрея; по сторонам и ниже — женские маски и образы птиц и львов, «неусыпных стражей» храма. Напомню, что лев считался символом Владимирского княжества и символом власти владимирских князей.

Как мы уже отметили выше, при церкви Покрова был устроен монастырь — «обитель монашествующим». А значит, церковь была окружена монастырскими строениями — разумеется, деревянными. До какого времени просуществовал монастырь, сказать трудно. Едва ли можно думать, что он надолго пережил разорение Руси монголами в XIII веке.

* * *

Название церкви — Покрова Божией Матери — встречается в источниках не ранее XVI века. Было ли таким посвящение церкви на Нерли с самого начала, неизвестно; сохранившиеся элементы убранства храма этого, во всяком случае, не подтверждают. Но если церковь изначально именовалась Покровской, то это самое раннее посвящение храма празднику Покрова Божией Матери.

Праздник этот, отмечаемый 1 октября, — русский по происхождению; другие церкви его не знают или же он заимствован ими от нас. Как рассказывается в русском проложном Слове на праздник, он был установлен в память о чудесном явлении Богородицы святому Андрею Юродивому и его ученику Епифанию во Влахернской церкви Божией Матери в Константинополе: Пречистая явилась туда «на въздусе» вместе с ангелами, святыми Иоанном Предтечей и Иоанном Богословом «и с иными святыми многими» и простёрла над людьми, бывшими в храме, святой свой омофор (плат, длинный кусок ткани, покрывавший голову и плечи), «светящийся паче еликтора». Об этом эпизоде подробно рассказывается в греческом Житии святого Андрея Юродивого, очень рано переведённом на славянский язык^{233}. На Руси этого Андрея считали славянином, даже русским (в греческом тексте он

назван «скифом»). О времени его жизни и, соответственно, о времени влахернского чуда трудно сказать что-либо определённое: одни относят подвиги святого Андрея к X веку (когда было написано Житие); другие — к гораздо более раннему времени; третьи вообще считают мифической фигурой. Житие Андрея Юродивого сделалось очень популярным на Руси: его читали и переписывали по крайней мере с начала XII века. Напомню, что Влахернский храм был хорошо известен русским людям, которые посещали Константинополь в том числе и с паломническими целями. Выходцы из Влахернского монастыря — греческие зодчие, посланные на Русь, по преданию, самой Богородицей, — ещё в XI веке поселились в Киевских пещерах. Церковь во имя Положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне была построена в Кловском монастыре близ Киева бывшим печерским игуменом (а впоследствии епископом Владимиро-Волынским) Стефаном в 80-е годы XI века. По этой причине и сам монастырь на Клове часто называли Влахернским.

Рассказ о чудесном явлении Пресвятой Богородицы во Влахернском храме и о покрове, которым она осенила людей, произвёл сильное впечатление на русских читателей Жития. Сам этот покров («омофор», а в понимании большинства — та же риза) осмыслялся здесь не просто как фрагмент священных одеяний Божией Матери, перенесённых из Иерусалима в Константинополь, но как сила защитительной молитвы Богородицы, обращенной ко всем людям — в том числе и к тем, кто не имел возможности физически прикоснуться к Её реликвиям. «Се убо егда слышав, помышлях: како страшное и милосердное се видение... бысть бес праздника?!» — восклицал неизвестный русский книжник, автор Слова на праздник Покрова. Не обязательно думать, что это писал человек, по воле

которого и был введён праздник, то есть владетельный князь. Нет, автор этих слов лишь выражает недоумение по поводу того, что столь значимое событие — явление покрова людям — не было отмечено соответствующим праздником в греческом календаре. А потому он обращается с мольбой к самой Пречистой и говорит далее от имени всей Русской земли: «...да не без праздника останеть святой Покров Твой, блаженная... Якоже тамо народы сущая покры милостивно, тако и нас грешных раб Твоих покрой кровом милости Твоея...» (или, в других списках: «кровом крилу Твоею...»){234}.

Смысл этих слов ясен. Как некогда Богородица укрыла людей во Влахернском храме, так и теперь Она защитит «новых людей» христианских — русский род, обратившийся к Её защите и покровительству. И русские люди тем более достойны этого, что, в отличие от греков, сумели по достоинству оценить защитительную силу Покрова и воздали Пречистой надлежащие благодарения и похвалы, установив праздник в честь этого события. И ныне они взывают к Пречистой: «...за ны грешныя к Богу помолися, Твоего Покрова праздник в Русей земли прославльшим» (слова из Службы празднику Покрова Божией Матери){235}.

Когда и где именно был установлен на Руси этот праздник, мы в точности не знаем. В современной исторической и церковной литературе прочно утвердилось мнение, согласно которому праздник Покрова был введён князем Андреем Юрьевичем во Владимиро-Суздальском княжестве; более того, авторству Андрея приписывают иногда и само Слово на Покров Пресвятой Богородицы{236}. Однако прочных оснований ни для первого, ни тем более для второго утверждения нет — если, конечно, не считать таковыми соименность Андрея византийскому святому и сам факт существования Покровской церкви близ его княжеской резиденции в Боголюбове. Но, например, древнейшие

иконы Покрова — новгородские, а не владимирские по происхождению. Судя по всему, праздник 1 октября утвердился на Руси задолго до того, как Андрей занял владимирский стол^[105]. Во всяком случае, судьба праздника, равно как и судьба посвященного ему проложного Слова, совершенно не похожа на историю с празднованием 1 августа, о котором мы говорили выше.

Прежде всего отметим, что Слово на праздник Покрова Пресвятой Богородицы («О видении святого Андрея и Епифана» — так оно называется в рукописях) входит в очень ограниченный список русских сочинений, которые читаются в обеих редакциях древнерусского Пролога — и так называемой Пространной, и Краткой^[106]. Слово же на 1 августа, напомним, присутствует лишь в некоторых списках Пространной редакции Пролога. Это свидетельствует о разновременном их включении в Пролог, а скорее всего — и о разновременном их написании. Другие тексты, также входящие в обе редакции Пролога (Житие князя Владимира, Сказание о перенесении мощей святителя Николая Мирликийского и, может быть, Житие княгини Ольги и Сказание об освящении церкви Святого Георгия в Киеве), имеют, несомненно, киевское происхождение и относятся к XI или первой половине XII века. Учитывая традиционные связи Киева с Царьградом, а главнейших киевских монастырей — с Влахернским, трудно удержаться от предположения, что и Слово на Покров появилось ещё в Киеве или во всяком случае в Южной Руси.

О том же свидетельствует и тот факт, что праздник Покрова под 1 октября присутствует во множестве ранних русских месяцесловов — и не только ростовских по своему происхождению, но и новгородских, галицко-волынских и др. Более того, праздник Покрова — единственный из всех собственно русских праздников, который ещё в домонгольское время попал на страницы

южнославянских рукописей: он отмечен в месяцеслове сербского Евангелия второй четверти XIII века^{237}. Как видим, этот праздник не только быстро распространился по всей Руси, но и очень рано вышел за её пределы.

Как же это не похоже на судьбу праздника 1 августа, который усиленно насаждался князем Андреем Юрьевичем!

Но и роль самого Андрея Боголюбского в утверждении праздника Покрова в русских землях, по-видимому, была чрезвычайно велика. Идеи праздника оказались близки ему. Мы уже говорили о том, какое место во Владимиро-Суздальском княжестве занял культ Пресвятой Богородицы, пронизывающий буквально всю деятельность князя Андрея. Во Владимире — точно так же, как и в Киеве и Константинополе, — почитали священные одеяния Божией Матери, хранившиеся во Влахерне: напомним, что празднику Положения Ризы был посвящен храм на Золотых воротах города. А значит, священная Риза (по сути — тот же Покров) защищала Владимир, как защищала она царственный Константинополь от вторжений иных племён. Но Покров — и в этом суть праздника — это не только священное облачение, но и сила молитвы Пресвятой Богородицы, сила Её заступничества за людей. К защите и покровительству Божией Матери Андрей прибегал постоянно, во все трудные моменты своей жизни. Идеи праздника Покрова отчётливо слышатся в молитве, с которой он обратился к Пречистой накануне битвы с болгарами в 1164 году: «Аз же, раб Твой, имею Тя *стену и покров*, и крест Сына Твоего — оружие на врагы обоюдоустро». Слово «покров» употреблено здесь в том самом значении, которое придали ему устроители русского праздника 1 октября. Пройдёт полвека после смерти Андрея Боголюбского — и праздник Покрова Божией Матери будет изображён на вратах суздальского собора Рождества Богородицы: Божия

Мать молится здесь Господу в окружении ангелов, а над нею, никем не поддерживаемый, парит Покров, обещающий защиту всем людям — и тем, кто собрался в храме, и тем, кто находится вне его стен. Между прочим, это первое сохранившееся изображение праздника Покрова в русской иконографии.

...Недалеко от церкви Покрова, на самом берегу Нерли, некогда находился ещё один замечательный памятник, принадлежащий эпохе Андрея Боголюбского, — большой белокаменный крест высотой более полутора метров с чётко высеченной на нём надписью Похвалы кресту:

«Крест храньник всей вселеней, крест церковное украшение, крест царем держава, крест верным утверждение, крест ангелом слава, крест демоном прогонитель»^{238}.

Это слова из Службы на Воздвижение честного Креста, из 9-й песни канона, который звучит в церкви 14 сентября.

Слова эти как нельзя лучше подходили ко всему, что делал Андрей Боголюбский. «Церковное украшение» и «царям держава» — сказано здесь о кресте. А ведь это он, Андрей, возводил и украшал церкви в своём княжестве и укреплял державу своей — можно сказать, царской! — власти.

Вряд ли это был единственный крест, установленный во Владимиро-Суздальском княжестве при Андрее. Другие просто не дошли до нас. Как некогда апостол Андрей установил крест на киевских высотах, обозначая будущую славу и процветание Киева (рассказ об этом вошёл в начальную часть «Повести временных лет»), как тот же апостол Андрей воздвиг крест близ Новгорода (об этом рассказывают поздние легенды), — так теперь и русский князь Андрей устанавливал крест в своих пределах, знаменуя тем славу и процветание собственной земли.

Мы помним, что святой крест защитил его воинство в походе на болгар. Поставленный близ устья Нерли — можно сказать, у парадных, речных ворот Владимиро-Суздальского княжества, — он призван был защитить всю Суздальскую землю, всех людей, подвластных князю, и, конечно, самого князя Андрея Юрьевича, водрузившего его здесь.

Часть третья.
САМОВЛАСТЕЦ
1167-1174

Смерть Ростислава Киевского

14 марта 1167 года на пути из Новгорода в Киев умер великий князь Ростислав Мстиславич. Случилось это в Смоленской земле, в сельце Заруб, принадлежавшем его сестре Рогнеде. Только спустя неделю, 21-го числа, тело князя, привезённое в Киев, было погребено в «отнем» для него Фёдоровском монастыре — рядом с погребениями его отца Мстислава Великого и брата Изяслава. «Бысть же княжения его в Киеве 8 лет без месяца», — констатирует киевский летописец^[239].^[107]

...Это было большое путешествие, в которое Ростислав выступил зимой, в конце января или феврале 1167 года: он направлялся в Великий Новгород, к сыну Святославу, «занеже не добре живяху новгородци съ Святославом, сыном его», как доносили ему верные люди. Старший во всём роде русских князей, давно уже разменявший шестой десяток, если не приблизившийся к шестидесятилетию, Ростислав чувствовал, что дни его сочтены. Потому, наверное, и отправился он в этот многотрудный путь — ещё раз увидеться и, может быть, попрощаться с близкими ему людьми и уладить все те дела, которые до сих пор не были улажены им. Сначала он съехался в Чичерске, на реке Сож (ныне Чечерск, райцентр Гомельской области Белоруссии), со своим зятем, новгород-северским князем Олегом Святославичем, и дочерью Агафьей. Зять устроил для тестя обед и богато одарил его; на следующий день Ростислав, призвав к себе зятя и дочь, отдался ещё большими подарками и, «учредив всех», отправился дальше, к Смоленску, родному для него городу. За 300 вёрст до Смоленска его встречали «лучшие мужи смолняны», затем — внуки, а ещё ближе к городу — сын

Роман, епископ Мануил, смоленский посадник, «и мало не весь град изиде противу ему, и тако велми обрадовашася вси приходу его и множество даров подающа ему».

Из Смоленска князь двинулся к Новгороду, но в Тороп-це — городе, расположенном недалеко от границы Новгородской земли, почувствовал себя совсем худо. «Нездравуя велми», он послал к Святославу, веля ему ехать с мужами-новгородцами навстречу, к Лукам. В этом-то городе на реке Ловать (позднее он получит громкое имя — Великие Луки), на самом юге Новгородской земли, близ смоленской границы, Ростислав и съехался с сыном и новгородцами — не только боярами, но и дружиной, лучшими купцами и видными горожанами. «И целовали новгородцы крест к Ростиславу на том, что иметь им сына его себе князем, а иного князя не искать, разве что смертью с ним разлучиться». Наверное, Ростислав понимал, что слово, данное ему новгородцами, пускай и скреплённое их клятвой на кресте, значит что-то лишь до тех пор, пока жив он сам, но легко может быть нарушено после его смерти, — история древней Руси, и особенно самого Новгорода, знала тому слишком много примеров. Но он, Ростислав, сделал всё, зависящее от него лично, чтобы обеспечить княжение сыну. И не его вина была в том, что крестное целование новгородцев и в самом деле продержится всего несколько месяцев.

Получив дары от сына, а также от новгородцев — в подтверждение того, что они пока что признают его волю, Ростислав двинулся в обратный путь. Зима в тот год была лютая. В Смоленск его привезли совсем изнемогающим, едва живым. Рогнеда, его сестра, взмолилась к нему: если уж смерть подобралась так близко, пусть он останется в Смоленске — здесь, «в своём ему зданьи», то есть в городе, выстроенном им самим, ему и надлежит быть погребённым.

— Нет, — отвечал князь. — Не могу лечь в Смоленске. Везите меня к Киеву, и если заберёт меня Бог на пути, то похороните меня в отчем монастыре, у Святого Фёдора. А если же отдаст Бог болезнь мою, то, молитвами Пречистой Его Матери и святого отца нашего Феодосия, игумена Печерского, приму пострижение в Печерском монастыре, как и было задумано мною раньше.

Князь и прежде много думал о смерти. Он боялся не физических страданий, не того, что ему придётся умереть. Смерть ходила близко; она подстерегала повсюду, и прежде всего на войне, а воевали в те времена часто. («Дивно ли, если муж погиб на войне? Так умирали лучшие в роду нашем!» — восклицал когда-то дед Ростислава Владимир Мономах — причём восклицал, обращаясь к убийце собственного сына.) Нет, Ростислав боялся не за тело, но за душу — бессмертную душу, которой придётся держать ответ на Страшном суде за всё, что совершил князь при жизни. Он не раз помышлял о том, чтобы принять пострижение и закончить свою жизнь иноком, и даже спрашивал позволения на это у своего духовника попа Семьюна (Симеона), но тот не благословил его. Ростислав разговаривал об этом и с печерским игуменом Поликарпом, которого весьма почитал. В субботы и воскресенья Великого поста, а также и в другие дни князь, по обычаю, призывал к себе игумена и печерских старцев и угощал их, а с игуменом беседовал «о пользе душевной». Однажды он попросил Поликарпа поставить для него «добрую келью» в Печерском монастыре: князь боялся «напрасной» смерти, то есть смерти без покаяния. Поликарп же отвечал ему, растолковывая суть и предназначение княжеской власти, как он сам понимал их:

— Вам Бог тако велел быти: правду деяти на сем свете, в правду суд судити и в крестном целовании

стояти.

(«...И земли Русской блюсти», — добавит позднее один из переписчиков летописи^{240}.)

Да, и в самом деле тяжек был труд князей, тяжек был их подвиг, сравнимый с подвигом людей духовных, молившихся за них.

Но Ростислав и сам понимал это, а потому отвечал игумену с жаром:

— Отче, княжение и мир не могут без греха быти!

И это тоже была правда. Потому и тяжек крест княжеской власти, и не каждому дано вынести его. Немало пожил на этом свете Ростислав, и немало греха, в том числе и чужого, принял он на себя, а потому и хотел бежать от греховного мира, укрыться от него в доброй келье, принять на себя новый подвиг — подвиг монашеский. Игумен Поликарп уразумел его помыслы и дал ему своё благословение:

— Аще сего желаеши, княже, да воля Божия да будет. Ведь однажды такое уже случилось в Русской земле. Князь

Святослав Давыдович, прозванный Святошей, из рода черниговских князей, действительно ушёл от мира, сделался монахом и до самой своей смерти воздавал Богу молитвы в Киевских пещерах.

Ростислав же, «положи в сердце своём», отвечал игумену:

— Пережду и ещё мало время, суть ми *орудьца*. «Орудьце» — уменьшительное к слову «орудие», что значит: «дело». Отправляясь к Новгороду, в свой последний поход, Ростислав и хотел завершить свои земные дела, управить «орудьца», устроить всё так, как ему бы хотелось. И ему почти удалось это... Умирая в Зарубе, он позвал к себе священника Семьюна и сам тоже начал творить молитву, взирая на иконы Пресвятой Богородицы и Спаса, бывшие с ним. И так и усоп со словами молитвы на устах, отирая слёзы, которые,

словно жемчужные зёрна, истекали из его глаз, — именно так описал его кончину летописец [\[108\]](#).

В чём-то Ростислав походил на князя Андрея Юрьевича. Оба они отличались благочестием, искренностью в помыслах, оба были ревностными молитвенниками, щедро раздавали милостыню, строили храмы, устраивали монастыри. И Андрей так же, как и Ростислав и как любой из князей, принимал на себя греховность княжеской власти. «Княжение и мир не могут без греха быть!» — эти слова Ростислава относились к нему даже в большей степени, чем к самому киевскому князю. Несомненно, Андрей тоже ощущал гнетущую тяжесть княжеской власти. Несомненно, его личные грехи усугублялись, умножались многократно грехами тех людей, его подданных, которые творили его волю, исполняли его приказания — зачастую с чрезмерной, ничем не оправданной жестокостью, — так, увы, всегда бывает в истории. И Ростислав, и Андрей сталкивались с этим не раз. Но, в отличие от Ростислава, Андрей и не думал отказываться от княжеской власти и не помышлял — может быть, до времени? — о том, чтобы принять на себя монашеские одежды. Напротив, власть влекла его к себе, манила — ведь она позволяла ему добиться большего, осуществить какие-то новые и, несомненно, благие — во всяком случае, ему так казалось! — начинания. Но та же власть сыграет злую шутку с князем Андреем. Ибо стремление к власти и особенно обладание ею неизменно порождают чувство вседозволенности и самоуспокоения, уверенность в том, что всё, что ты делаешь, — делается во благо, именно так, как нужно, и никак иначе. Даже если это и не совсем так (поначалу) или совсем не так (как по обыкновению получается в итоге). «Княжение и мир не могут без греха быть!» — именно об этом чаще всего и забывают те, кто обладает «княжением», то есть

властью. И чем больше власть, тем скорее это забвение наступает... Ростислав — один из немногих, кто помнил об этом до самых последних часов своей жизни. И как не похожи окажутся эти его последние часы на последние часы жизни князя Андрея Юрьевича!

Но выдающиеся личные качества Ростислава Киевского, присущие ему ум, а вместе с тем набожность и совесть, глубокая интеллигентность — если это слово применимо к человеку XII столетия — не помешали тому, что в историю он вошёл прежде всего как слабый политик, как князь, не умеющий навязать свою волю другим и вполне воспользоваться преимуществами своего положения. («Сей князь ростом был средний, лице широко и брада круглая, широкая. Прилежал о церкви святой и... чин святительский чтит и многу милостыню священникам, вдовицам и сирым давал, — читаем в «Истории Российской» В.Н. Татищева. — О воинстве и судех не радел, того ради в воинстве мало счастья имел и в судех тиуны его мздою богателись, и было от их убогим утеснение»^{241}). Впрочем, характеристика эта — по крайней мере в своей основной части — явно принадлежит историку XVIII века, а не извлечена им из какого-нибудь древнего источника.) Ростислав не раз покидал киевский стол под давлением других князей, однажды долго отказывался от того, чтобы занять его, легко поддавался на уговоры, не раз терпел поражение на поле брани. Даже в последний год своей жизни, когда власть его признавалась по всей Руси и за её пределами, князья мало считались с его волей. Он пытался остановить войну между черниговскими князьями, но старший из них, Святослав Всеволодович, и не думал прислушиваться к его увещаниям и поступил по-своему. В том же 1166 году князь Володарь Глебович, из рода полоцких князей, начал войну с его сыном Давыдом, намереваясь изгнать того из Витебска — города, который дал сыну сам

великий князь, и лишь стечение обстоятельств остановило тогда полоцкого князя. Как всегда, междоусобицы, слабость великокняжеской власти приводили к новым половецким набегам на Русь. Летописцы отмечают пассивность Ростислава в войне с половцами. Накануне своего последнего путешествия он призвал к себе русских князей, и многие тогда откликнулись на его зов. К нему явились и его племянники Изяславичи, в том числе и самый могущественный из них Мстислав, и князь Владимир Андреевич, и брат Андрея Боголюбского Глеб с переяславцами, и другие князья, и «галичская помощь». Но громадное войско простояло несколько недель в бездействии у Канева: Ростислав собрал его лишь для того, чтобы обеспечить прохождение купеческих караванов из Греческой земли на Русь через пороги. Дело это было важным и нужным, но недостаточным. Поход в Степь так и не состоялся, а ведь были собраны силы, способные нанести половцам серьёзное поражение и хотя бы на время предотвратить их последующие нападения на Русь.

И всё же, повторюсь ещё раз, Ростислав был едва ли не последним из правителей Киева, чей авторитет действительно признавался всеми. Его старейшинство среди тогдашних князей ни у кого не вызывало сомнений. А потому и смерть Ростислава стала ещё одним поворотным моментом в русской истории. С неё начинается отсчёт событий, которые в скором времени приведут к тяжёлым, можно сказать, трагическим последствиям — во всяком случае для Южной Руси.

Для князя же Андрея Юрьевича смерть Ростислава Киевского стала ещё одним звеном в череде безвозвратных потерь.

В начале 1166 года во Вщиже умер его зять, князь Святослав Владимирович, — один из немногих князей, кого Андрей числил среди своих надёжных союзников и

помощников на юге. Святослав Владимирович был последним представителем ветви князей Давыдовичей, потомков бывшего черниговского князя Давыда Святославича — князя-праведника, как характеризует его «Слово о князьях», памятник черниговской публицистики XII века^{242}. За наследие умершего немедленно началась война между черниговскими князьями Ольговичами — та самая, которую безуспешно пытался остановить Ростислав Киевский. Черниговский князь Святослав Всеволодович передал Вщиж сыну Владимиру, а некую «лепшую волость» — брату Ярославу. Двоюродный же его брат Олег Святославич, надеявшийся получить эти волости «по правде», начал войну, в которой его — своего зятя — и поддерживал Ростислав. Но добиться успеха Олегу так и не удалось: ни Вщижа, ни «лучшей волости» он не получил, довольствовавшись какими-то четырьмя городами, переданными ему Всеволодовичем, — настолько незначительными, что летописец даже не счёл нужным называть их.

В том же 1166 году умерла и дочь Андрея, которую летописец назвал только по отчеству — «Андреевной», добавив, что была она «за Олгом за Святославичем». Если принимать летописное известие без каких-либо поправок, то получается, что Андреевна была женой другого князя Олега Святославича (младшего) — сына Святослава Всеволодовича Черниговского и двоюродного племянника и полного тёзки новгород-северского князя^{243}.^[109] (Впрочем, нельзя исключать и какой-то путаницы в летописном тексте.) А двумя годами раньше, в 1164 году, произошло ещё одно неприятное для Андрея событие: другой его бывший зять, новгород-северский князь Олег Святославич-старший, взял в жёны дочь Ростислава Киевского Агафью. А это значит, что его прежняя жена, сестра Андрея, к тому времени либо умерла, либо была

оставлена князем — возможно, из-за болезни или по иной причине.

И вот теперь — Ростислав. И хотя Андрей прежде враждовал с ним, но затем князья заключили мирный договор, который оба неукоснительно соблюдали.

Смерть Ростислава Мстиславича освобождала Андрея от прежних обязательств. Теперь он мог смело вмешиваться в борьбу других князей, в том числе и на юге. Сам Андрей по-прежнему не претендовал ни на киевское княжение, ни на какие-либо другие области Русской земли, помимо Владимиро-Суздальского княжества. Но после смерти Ростислава он почувствовал, что может претендовать на роль верховного арбитра в межкняжеских спорах, больше того — вершителя судеб прочих князей. Ибо теперь он оказывался старше большинства из них — и по возрасту, и по своей принадлежности к поколению внуков Владимира Мономаха, и по авторитету, который у него был. Споры же между князьями начались очень скоро, и очень скоро они переросли в настоящую войну. И это не удивительно. Смерть киевского князя всегда приводила к борьбе за киевский стол, к перераспределению волостей и княжений между князьями, и недовольных таким переделом всегда оказывалось больше, чем тех, кого устраивало новое положение дел.

Судьба Киева была решена заранее, ещё при жизни Ростислава Мстиславича. Освободившийся киевский стол должен был перейти к его племяннику, старшему и наиболее энергичному в следующем поколении князей «Мстиславова племени» Мстиславу Изяславичу, старшему сыну бывшего киевского князя Изяслава Мстиславича. Напомню, что однажды, восемь лет назад, Мстислав уже занимал Киев, но тогда он добровольно передал его дяде Ростиславу. Имелся у Мстислава и ещё один дядя — Владимир «Матешич», последний из

сыновей Мстислава Великого. Но его в качестве киевского князя в расчёт не принимали — в том числе из-за неприязни, которую питали к нему и его матери-новгородке остальные Мстиславичи. Мстислав Изяславич княжил во Владимире-Волынском. И вот теперь те из его родичей, кто собрался в Киеве на погребении Ростислава, — а здесь были и сыновья умершего Рюрик и Давыд, и тот же Владимир «Матешич», — отправили послов на Волынь: звать Мстислава на «отчий» для него киевский стол. Туда же поспешили и послы от киевлян и «чёрных клобуков» — торков, берендеев, ковуев и прочих «своих поганных», верно служивших киевским князьям и с особой любовью относившихся к отцу и деду Мстислава. Но при этом князья, участники киевского «снама», действовали не в убыток себе: приглашая Мстислава в Киев, они намерены были пожить за счёт его прежних владений, пока что, правда, не ставя его в известность об этом.

Между тем Мстислав не спешил покидать Владимир-Волынский. Вместо себя он отправил в Киев своего подручного князя Василька Ярополчича^[110]. От него-то Мстиславу и стало известно о замыслах других князей. Как оказалось, те уже поделили его собственные владения, причём в делёжке участвовали и сидевший в Дорогобуже князь Владимир Андреевич, и даже родной брат Мстислава Ярослав Луцкий. Владимир «Матешич», довольствовавшийся к тому времени малозначительным Треполем (на Днепре, южнее Киева), вознамерился получить Торческ и всё Поросье, то есть область расселения торков и берендеев; Владимиру Андреевичу должно было отойти Берестье (Брест), а Ярославу Изяславичу — сам Владимир-Волынский. На какие-то волости, очевидно, рассчитывали и Рюрик и Давыд Ростиславичи, тем более что последний к тому времени потерял-таки Витебск.

Василько уведомил обо всём Мстислава — «являя ему все речи их». Планы родичей возмутили волынского князя — отказываться от «отчего» Владимира, даже ради княжения в Киеве, он не собирался. Мстислав начал действовать — как всегда, решительно и быстро.

Прежде чем двигаться к Киеву, он обратился к своим «ротникам», то есть союзникам, связанным с ним договорами («ротами»): могущественному галицкому князю Ярославу Владимировичу Осмомыслу, городенским князьям Глебу и Мстиславу Всеволодовичам (княжившим после смерти их старшего брата Бориса в нынешнем белорусском Гродно)^[111] и польскому князю Мешко III, на сестре которого Агнешке он был женат. Все с готовностью согласились помочь ему. Теперь под рукой Мстислава, помимо собственных, были пять галицких полков и польская помощь; вместе с его братом Ярополком в поход на Киев выступил и его городенский тёзка, князь Мстислав Всеволодович. Другой брат Мстислава Изяславича, Ярослав, участия в военных действиях не принимал. По дороге к Киеву, у Микулина, Мстислава Изяславича встретили «чёрные клобуки»: их также привели к «роте». Мстислав отправил вперёд берендеев, поручив их брату Ярополку.

Всё это сильно напугало Владимира «Матешича». Вместе с женой-венгеркой и детьми он бежал к Вышгороду, где находился тогда Рюрик Ростиславич с братом Давыдом. Берендеи настигли Владимира у какого-то Доброго Дуба, на Желяни (поистине проклятая речка!), но на этот раз всё обошлось: биться с сыном Мстислава Великого берендеи не желали.

Рано утром 19 мая, в пятницу, «изрядив полки», Мстислав Изяславич вступил в Киев^{244}.^[112] «Ту выидоша кыяне вси, и [въ]зма (Мстислав. — А. К.) ряд с братьею, и с дружиною, и с кияны...» В тот же день, не задерживаясь в Киеве, он двинулся со всеми своими полками к Вышгороду, пустив берендеев «на вороп», то

есть вперёд, в стремительный набег. Перестрелки этого дня переросли назавтра в «крепкую» битву, не обошлось без убитых и раненых. Однако князья не готовы были воевать по-настоящему. Начались переговоры: князья «шлюче межи собою», и, наконец, Ростиславичам удалось уговорить дядю заключить мир. Владимиру Мстиславичу был оставлен Треполь, прежняя его волость; в Вышгороде же остался Давыд Ростиславич, а его брат Рюрик, кажется тогда, получил Овруч (или Вручий, город в бывшей Древлянской земле)^[113]. Какие-то волости достались и Владимиру Андреевичу. Достигнутые договорённости, как всегда, скреплены были крестным целованием. Надо полагать, целование креста, совершённое в вышгородской церкви, у гробниц святых Бориса и Глеба, должно было иметь особую силу, воспринималось как нечто нерушимое — правда, как оказалось уже очень скоро, не всеми. Ещё день спустя, в понедельник 22 мая, Мстислав Изяславич торжественно въехал в Киев — уже как полноправный, признанный всеми великий князь. С этого дня и началось его короткое, но насыщенное важными событиями киевское княжение.

Войны между дядьями и племянниками — обычное явление в древней Руси, ибо после смерти того или иного князя (а уж тем более киевского!) на его владения в равной степени могли претендовать и сыновья, и младшие братья. Но вражда Мстислава Изяславича с Владимиром «Матешичем» выделяется даже на этом общем фоне. Они были почти ровесниками (Мстислав, наверное, немного старше) — и ещё и поэтому относились друг к другу с ревностью, переросшей с годами в лютую ненависть. А воевать друг против друга им приходилось часто, в составе разных коалиций князей. Причём племянник неизменно одерживал верх над дядей.

Владимир «Матешич» — один из самых неудачливых русских князей. Ему всегда не хватало чего-то малого для того, чтобы занять и удержать за собой хоть какой-нибудь значимый княжеский стол. Может быть, потому что он слишком уж страстно желал этого, с легкостью нарушая только что данное слово и переходя от одного союзника к другому? «Так бо бяше к всей братии своей верьтлив, не управляше к ним хрестьного целования», — объясняет киевский летописец^{245}. Больше всего «Матешич» страшился собственного племянника, от которого всегда терпел поражения на поле брани. Вот и теперь, не успев поцеловать крест Мстиславу, «вертливый» дядя затеял козни против него. Впрочем, и заговорщиком он оказался весьма неумелым. Неудача подстерегала его в самом начале задуманной им интриги. «Нача Володимир Мьстиславич думати на Мьстислава», — рассказывает летописец. Но, на беду князя, при этом присутствовал боярин его прежнего союзника Давыда Ростиславича, некий Василь Настасьич (надо полагать, тоже принадлежавший к княжескому роду — но по материнской линии). Он тут же поехал к своему князю и донёс ему о замыслах «Матешича». В чём они заключались, мы точно не знаем, но можем догадываться: Владимир начал «искать» себе какую-нибудь волость, а может быть, даже «подыскивать» под племянником Клев. Давыд, в свою очередь, рассказал обо всём Мстиславу — благо все действующие лица этой драмы, или, скорее, фарса, находились недалеко от Киева.

Что оставалось делать Владимиру? Он тоже приехал в Киев — объясняться с племянником. Мстислав предпочёл, чтобы это происходило не в самом городе, а в пригородном Печерском монастыре. Видеть дядю он не пожелал. Князья расселись по разным кельям: Мстислав — у игумена Поликарпа, а дяде повелел быть в келье у

монастырского эконома. Друг с другом они общались через посыльных.

— Брате, зачем приехал? — поинтересовался Мстислав. — А я за тобой не посылал.

Владимир отвечал, что ему известно, что на него «молвили» некие «злые человецы». Мстислав отнекиваться не стал, сославшись на слова своего двоюродного брата Давыда. Послали за Давыщом в Вышгород. Спустя три дня разбирательство продолжилось; все эти три дня «Матешич», вероятно, провёл в монастыре. Давыд вместо себя прислал Василя Настасьича, который и должен был свидетельствовать о Владимировой «неправде» в присутствии князей; слова его подтвердил ещё один «послух». Своих свидетелей представил и Владимир Мстиславич. «А то всё на мя лжа», — оправдывался он. «Пря» между ними грозила затянуться, но Мстислав пресёк её, рассудив положиться на Бога:

— Брате, крест еси целовал, а ещё и уста твои не обсохли! Но ведь в правду говорили отцы и деды наши: кто преступит крестное целование, то Бог ему будет судья. А ныне, если не думал на меня и не ищешь мне лиха, — целуй мне крест!

Владимир — в который уже раз?! — целовал крест племяннику, и Мстислав не только простил его, но и передал ему Котельницу (город на реке Гуйве, притоке Тетерева, в нынешней Житомирской области Украины). Однако почти сразу же Владимир опять нарушил данное им слово. На этот раз он понадеялся на «чёрных клобуков», точнее, на один из родов берендеев — Чагровичей, которые обещали поддержать его. Из Котельницы князь послал за своими боярами, веля им явиться к нему, но те — неслыханное дело! — отказались следовать за князем: «И рекоша ему дружина его: “А собе еси, княже, замыслил. А не едем по тебе, мы того не ведали!”». Но и это не остановило

князя. С одними «детскими» (младшими дружинниками, которых он обещал сделать боярами) Владимир отправился к берендеям. Но когда те увидели князя без дружины, лишь с немногими людьми, настроение их резко переменялось. Они ждали, что «Матешича», как он и обещал, поддержат другие князья. «Но се ездиди один, и без мужий своих, а нас перельстив (обманув. — А. К.), — передаёт их слова летописец. — А нам лучше в чюжу голову, нежели в свою!» И тут же подтвердили свои слова действиями, начав стрелять из луков по князю и его людям — действительно, «в чужи головы». Несколько «детских» возле князя были убиты, а сам он ранен двумя стрелами. Летописи приводят слова «Матешича», получившие широкую известность в древней Руси: «Не дай Бог поганому веры яти николиже». Впрочем, тут же князь добавил и себе: «... Аяуже погиб и душою, и жизнью» (или, в других летописях: «и душою, и телом»).

Жизнь-то князю как раз удалось спасти. Он бежал к Дорогобужу — городу, где княжил его недавний союзник Владимир Андреевич и где перед тем укрылась его жена-венгерка. Но Андреевич отказался принять тёзку: он «переметал мост» через Горынь и «не пусти его к собе». Что оставалось делать несчастливому князю? В буквальном смысле слова не находя, где приклонить голову, он бежал «в Радимичи» — подвластные новгород-северскому князю Олегу Святославичу земли по реке Сож, намереваясь оттуда перебраться в Суздальскую землю, к князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому. Андрей принять двоюродного брата тоже не пожелал, но в судьбе его обещал разобраться и пристанище ему обеспечил:

«Андрей же посла против ему и рече ему: “Иди в Рязань к отчичю (здесь, вероятно, в значении: «родичу». — А. К.) своему к Глебови. Аяз тя наделю”».^{246}.

Князь Глеб Ростиславич, занявший рязанский стол около 1155 года, после смерти отца, приходился Андрею зятем, поскольку был женат на его племяннице, дочери его покойного брата Ростислава. Уже в силу этого он должен был признавать старейшинство Андрея — может быть, даже против своей воли. Соответственно, подчиняясь Андрею, Глеб принял у себя изгнанника.

Повиновался и «Матешич»: «и иде тамо». Жену же свою с детьми он оставил в Глухове — городе, принадлежавшем княгине «Всеволожей», его родной сестре, вдове бывшего черниговского и киевского князя Всеволода Ольговича. Какую-то роль в его неудавшейся аванюре сыграла его мать. Во всяком случае, так посчитал Мстислав Изяславич, который выгнал княгиню из Киева: «Мьстислав же рече матери Володимири: “Иди в Городок (Городец, на противоположной стороне Киева. — А. К.), а оттуда — камо тебе годно. Не могу с тобою жити [в] едином месте, зане сын твой ловит головы моея всегда, а крест переступая”». «Мстиславляя» тоже нашла приют в Черниговском княжестве — у князя Святослава Всеволодовича.

Для Андрея Юрьевича во многом повторялась ситуация восьмилетней давности. Снова, как и на заре своего владимирского княжения, он готов был поддержать гонимого всеми князя — тогда Изяслава Давидовича, теперь — Владимира Мстиславича; последнего, правда, не сразу, но со временем. Заметим, что в обоих случаях он принимал участие в судьбе того князя, который в глазах большинства не заслуживал снисхождения, ибо отличался такими предосудительными качествами, как неумение держать слово и соблюдать крестное целование. Но Андрея это, по-видимому, не смущало. В обоих случаях он преследовал собственные цели и стремился к тому, чтобы навязать свою волю остальным князьям. В

прошлый раз у него это не слишком получилось. Но теперь Андрей был гораздо более искушённым правителем и обладал неизмеримо большими возможностями для того, чтобы настоять на своём.

Примечательно, что в Суздальской земле произошедшее было воспринято совсем не так, как на юге. Вина за изгнание «Матешича» возложена была здесь на Мстислава Изяславича. Выходило, будто Мстислав изгнал дядю из Киева (хотя в Киеве тот вовсе не княжил!), а «Матешичу» пришлось спасаться аж в «Половцах»: «Выгна Мстислав Володимера Мстиславича ис Киева, и иде в Половци Володимер, а сам (Мстислав. — А. К.) седе в Киеве»^{247}.

Мы-то знаем, по какой причине Владимир оказался у «поганных» (и вовсе не у половцев, а у берендеев!), чья в этом была вина и чем всё закончилось. Однако суздальский летописец излагал ту версию событий, которая была выгодна князю Андрею Юрьевичу. Ибо спустя совсем немного времени Андрей сам вмешается в борьбу за Киев, и главным его противником окажется именно Мстислав Изяславич. А потому Андрею было важно представить Мстислава обидчиком дяди.

Что ж, мы и раньше имели возможность убедиться и убедимся ещё не раз в том, что «информационные войны» — отнюдь не изобретение Нового времени. Андрей, во всяком случае, пользовался ими нередко и почти всякий раз — с успехом.

Вражда с Мстиславом

Вражда Андрея с Мстиславом Изяславичем носила наследственный характер. Известно, что для Юрия Долгорукого, отца Андрея, не было большего врага, чем его племянник Изяслав Мстиславич, отец Мстислава. Равно как и Изяслав не мог ужиться с дядей, предпочитая иметь с ним дело на поле брани. Но в отношениях между их сыновьями вражда эта проявилась не сразу, она нарастала постепенно. Так, Андрей всё-таки не принял у себя Владимира «Матешича» — главного врага Мстислава, — хотя и пообещал ему помощь в дальнейшем. По разные стороны оказались Андрей Боголюбский и Мстислав Киевский и в другом конфликте, вспыхнувшем в том же 1167 году, — вокруг княжения в Новгороде. К этому городу, как мы знаем, Андрей относился с особым вниманием, стремясь поставить его под свой контроль.

Напомню, что, в соответствии с договором, заключённым им с Ростиславом Мстиславичем в 1161 году, в Новгороде княжил сын Ростислава Святослав. Но отец перед смертью не зря беспокоился о нём: новгородцы действительно жили со Святославом «не добре», и их крестное целование Ростиславу не могло изменить положение вещей. О том, что происходило летом и осенью 1167 года в Новгороде, киевские и новгородские источники рассказывают по-разному, но смысл происходящего передан ими одинаково.

«Том же лете начаша новгородьци вече деяти в тайне, по двором, на князя своего на Святослава на Ростиславича», — свидетельствует киевский летописец^{[248]. [114]} В городе у князя были и доброжелатели («приятели его»), которые поспешили к нему на Городище и поведали о ночных волнениях в

городе: «Княже... хотять тя яти. А промышляй о собе!» Святослав посоветовался с дружиной. У него уже имелся печальный опыт: семью с половиной годами раньше, зимой 1159/60 года, точно также после ночного веча, Святослав пренебрёг предупреждениями своих «приятелей» и был схвачен новгородцами и посажен в «поруб». Теперь он готов был действовать по-другому, и дружина поддержала его:

— А сперва к тебе крест целовали все после отцовской смерти. Однако неверны суть всегда ко всем князьям, — передаёт их слова летописец. — А станем промышлять о себе, или начнут о нас люди промышлять.

Князь спешно выехал из Новгорода в Луки и прислал в Новгород грамоту, «яко не хочу у вас княжити». Трудно сказать, на что он надеялся: может быть, на то, что новгородцы одумаются и начнут просить у него прощение за свои коварные замыслы. Но если так, то он ошибся. Новгородцы вновь сошлись на вече и поклялись, что «не хотим его», причём скрепили клятву целованием иконы Пресвятой Богородицы. Больше того, новгородцы, вооружившись, двинулись к Лукам. Услыхав об этом, Святослав вместе с дружиной отступил к Торопцу. Здесь княжил его младший брат Мстислав, дальше начинались земли старшего среди Ростиславичей князя Романа Смоленского.

Бегство Святослава из Новгорода датируется «Семёновым днём», то есть 1 сентября. Новгородцы решили обратиться в Киев, к князю Мстиславу, и просить у него сына на княжение; правда, сразу у них это не получилось. Святослав же отправился из Торопца к верховьям Волги и оттуда запросил о помощи князя Андрея Юрьевича — напомним, союзника его отца. Андрей, очевидно, считал себя гарантом договора, по которому Святослав сидел в Новгороде. Кроме того, он должен был опасаться перехода Новгорода под контроль Мстислава, то есть объединения в одних руках

Киева и Новгорода. А потому суздальский князь поспешил предоставить Святославу военную помощь. Той же осенью Святослав с Андреевым войском «пожже Новый Торг (нынешний Торжок. — А. К.)... и много пакости творяше домом их, и сёла их потрати (разорил. — А. К.)». Новоторжцы, не желая покоряться Святославу Ростиславичу, ушли к Новгороду. В свою очередь, смоленский князь Роман Ростиславич с братом Мстиславом начали наступление на Новгород с юго-запада, со стороны Смоленска. Князя сожгли Луки; лучане же, «устерегошася», разбежались: одни к Новгороду, а другие к Пскову.

Так возник союз Андрея со смоленскими Ростиславичами, которых тогда поддерживали ещё и полоцкие князья: «И съложишася на Новъгород Андрей с смолняны и с полочаны... а Святослава силою местяще (наильно возвращая, испомещая. — А. К.) в город». Летописец приводит слова Андрея и его смоленских союзников, обращенные к новгородцам: «Нету вам князя иного, разве (кроме. — А. К.) Святослава». Это нечто новое в поведении Андрея Боголюбского. Он и прежде бывал крут со своими противниками; но раньше он хотя бы вступал с ними в обсуждение той или иной кандидатуры (как это было зимой 1159/60 года на переговорах с теми же новгородцами), теперь же просто объявлял свою волю и настаивал на её безусловном выполнении.

Новгород был блокирован почти полностью. Одной из главных задач князей было не пропустить новгородских послов в Киев, к Мстиславу: «..и пути заяша (заняли. — А. К.), и слы (послов. — А. К.) изымаша новгородьскыя везде, вести не дадуще Киеву к Мстиславу». Но одной из новгородских посольских «дружин» всё-таки удалось прорваться к Киеву. И Мстислав охотно поддержал новгородцев, пообещав

отправить к ним на княжение своего юного сына Романа — правда, не сразу, но позднее.

В Новгороде начались волнения и мятежи. Выявляли сторонников Святослава, в числе которых оказались люди видные, пользовавшиеся всеобщим уважением, — посадник Захария, известный воевода Неревин и «бирич» (глашатай) Незда. Но прежние заслуги были теперь не в счёт. Расправа оказалась короткой: всех троих убили как изменников, «творящих перевет» — то есть вступающих в тайные сношения со ставшим ненавистным Святославом.

До открытого сражения всё же не дошло. Святослав с суздальским полком, а также с братьями «и с смолянны и с полочаны» двинулся к Новгороду и остановился у Русы (или Старой Руссы, как её позднее будут называть). Новгородцы выступили им навстречу. Возглавлял их рать Якун, ставший посадником после казни Захарии^[115]. Однако полки Святослава Ростиславича повернули обратно: «...недошедъше, воротишася: не успеха бо ничтоже». Скорее всего, суздальцы и смоляне попросту не решились вступать в прямое столкновение с противником. Так, не в пользу Андрея, закончился первый раунд его вооружённого противостояния с новгородцами.

Очевидно, уже тогда Ростиславичи согласились признать Андрея «в место отца», и это стало одним из условий договора между ними. Для такого признания имелись все основания: Андрей был союзником их покойного родителя, причём союзником, ни разу не нарушившим крестное целование; кроме того, он приходился братьям двоюродным дядей. Когда-то отец Ростиславичей точно так же согласился признать «в отца место» своего родного дядю, Юрия Долгорукого. Сыновья Ростислава должны были последовать его примеру.

В течение зимы и в начале весны 1168 года никаких особых событий ни в Новгороде, ни вокруг него не заметно. Ну а 14 апреля, в третью неделю по Пасхе — Неделю жён-мироносиц, в Новгород вступил князь Роман Мстиславич, старший сын киевского князя Мстислава Изяславича. Более чем полугодовое пребывание новгородцев без князя завершилось. «И рады быша новгородци своему хотению», — свидетельствует летописец. Вокняжение Романа означало, что Мстислав открыто пренебрёг правами своих двоюродных братьев Ростиславичей и фактически объявил о готовности начать войну и с ними, и с их покровителем Андреем Суздальским. Очевидно, киевский князь полагал, что сил для этого у него достаточно. Но к тому времени на юге произошло много событий, и они серьёзно изменили расстановку сил между князьями.

* * *

Той же весной 1168 года, в марте, князь Мстислав Изяславич одержал самую громкую из своих побед — над половцами. Надо сказать, что ко времени его вокняжения в Киеве половецкая проблема оказалась наиболее острой и прежде других требующей решения.

«...Уведали половцы, что князья не в любви живут», — сообщал киевский летописец под предыдущим, 1166/67 годом [\[249\]](#). Собственно, ничего нового для себя половцы не «уведали»: их нападения на Русь практически не прекращались, и междоусобные брани князей лишь подстёгивали их к новым набегам, но отнюдь не служили тому главной или тем более единственной причиной. Проще всего половцам было нападать на купцов — «гречников» и «залозников», возвращавшихся с товарами в Киев; нападения эти случались осенью у знаменитых днепровских порогов,

где некогда русские подвергались нападениям ещё печенегов. («Гречники» — купцы, торговавшие по «Греческому» пути, то есть ездившие в Константинополь; «залозники» — соответственно, по «Залозному», ведущему к Азовскому и Чёрному морям и далее в страны Востока. Был ещё и сухопутный «Соляной» путь — в Крым, также проходивший через пороги.) Когда-то пути эти прервались и перестали функционировать, затем возобновились. В предшествующие десятилетия половцы, как правило, пропускали караваны, не желая ссориться с русскими князьями и получая за это немалое вознаграждение. Теперь ситуация изменилась снова. Но значительная часть товаров, которыми торговали купцы, принадлежала князьям. Соответственно, они и получали основную выгоду от этой торговли — и нападения половцев напрямую затрагивали их экономические интересы. Мы помним, что ещё Ростислав Киевский собирал значительное войско против половцев. Но он ограничился тем, что простоял у Канева, обеспечивая прохождение купеческих караванов. Мстислав же решил действовать иначе, избрав для себя наступательную, а не оборонительную тактику.

«Вложи Бог в сердце Мстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяще добра всем сердцем» — этими словами автор Киевской летописи открывает статью 6678 (1168/69) года ^{250}. (Заметим, что в Лаврентьевской летописи о походе Мстислава Изяславича на половцев нет ни слова.) Мстислав обратился к своим родичам — русским князьям — с пламенной речью, призывая их «пожалеть» о Русской земле, о своей «отчине» и «дедине», разоряемой «на всяко лето» проклятыми кочевниками, «переступающими» данную ими «роту». В словах его заметны те выражения и обороты, которые позднее мы встретим в «Слове о полку Игореве»:

— А уже у нас и Гречьский путь изъотимають, и Солоный, и Залозный! — восклицал он. — А лепо ны было, братья, възряче на Божию помочь и на молитву Святое Богородици, поискать отець и дед своих пути и своей чести!

«И угодна бысть речь его прежде Богу, и всее братье, и мужем их», — сообщает летописец. Из ответных слов, с которыми братья обратились к Мстиславу, видно, что поход против половцев мыслился ими как общехристианское дело, подобное тогдашним Крестовым походам западных рыцарей и византийских воинов в Святую Землю (и, добавим, походу князя Андрея против болгар):

— Бог ти, брате, помози в том, оже ти Бог вложил таку мысль в сердце. А нам дай Бог за крестьяны и за Рускую землю головы своя сложити и к мучеником приченом быти!

Мстислав собрал значительное войско. Помимо его родных братьев Ярослава и Ярополка и двоюродного Рюрика Ростиславича (Давыд, сославшись на нездоровье, в походе участвовать отказался, прислав свой полк), на его зов откликнулись все черниговские князья «Ольгова племени», а ещё Мстислав Городенский, Святополк Юрьевич (сын бывшего туровского князя Юрия Ярославича) и брат Андрея Глеб Переяславский со своим полком. Примечательно, что вместе с Глебом в поход выступил его младший брат Михалко, некогда изгнанный Андреем из своей земли, — это его первое упоминание в связи с южнорусскими событиями, в которых он будет принимать самое деятельное участие. «И иные многие, возрев на Божию помощь и на силу честного креста и на молитву Святой Богородицы... выступили из Киева».

Объединённое войско двинулось в путь 2 марта. Правда, начало вышло не слишком удачным: уже в пути, за Каневом, Мстислав узнал о том, что в жестокий недуг

впал его брат Ярополк; он умер 7 марта, и, по повелению Мстислава, его тело перевезли в Киев и похоронили в «отнем» для всех Мстиславичей Фёдоровском монастыре. Между тем от некоего «кощея» (пленника) половцам стало известно о приближении громадной русской рати. Они бросили свои зимовья, оставляя там жён и детей. Князья устремились к оставленным половцами «вежам» на Угле (Орели) и Самаре — левых притоках Днепра, и далее к какому-то Чёрному лесу (предположительно, на правом берегу Северского Донца, напротив устья его притока Оскола)^{251}, где и «притиснувшие» половцев к лесу. Часть половцев была перебита, «а ины руками изоимаша»; некоторым же удалось бежать за Оскол, и в преследование за ними бросились торки. Победа была полная: «...и толико взяша полна множество, якоже всим руским воем наполнится до изобилья и колодники, и чагами (рабынями. — А. К.), и детми их, и челядью, и скоты, и конми; хрестьяны же отполонивша, пустиша на свободу всех (то есть освободили из половецкого плена всех христиан. — А. К.)». Продолжать поход дальше князья не стали и повернули назад. Во всех русских полках убитыми насчитали всего двух воинов, ещё один попал в плен. Князья вернулись домой «с радостью великою» в самый день Пасхи, 31 марта; «и бысть людем двоя радость: и Въскресение Господне, и князь своих възвращение с победою...». Наверное, после таких вот успешных походов, когда на Русь привозились «красные девки половецкие, а с ними злато, и паволоки, и драгие оксамиты», можно было «всякими узорочьи половецкими» «мосты мостити» по болотам и грязям, и «чага» (рабыня) шла «по ногате, а кощей по резане», то есть, по-нашему, за сущие копейки, — так выразится позднее и в связи с другими, но похожими событиями автор «Слова о полку Игореве»^{252}. (Ногатой в древней

Руси называли арабский дирхем, $\frac{1}{20}$ гривны, а резаной — её обрезок, $\frac{1}{50}$ гривны.)

Казалось, удачный поход должен был ещё больше укрепить авторитет киевского князя. Но вышло по-другому. Ещё во время похода, сразу же после победы над половцами, между князьями возник не то чтобы конфликт, но некое недоразумение. Князья обиделись на Мстислава Изяславича за то, что тот ночью, утаившись от них, пустил в набег на половцев своих «седельников» и «кощеев» — младших воинов, скорее всего из числа «чёрных клобуков». Естественно, что из этого набега они привезли князю немало добра. Вроде бы добычи хватило на всех, и с избытком. Но то, что Мстиславу досталось больше остальных, князьям пришлось не по нраву. «И сердце их не бе право с ним», — замечает по этому поводу летописец.

Дальше — больше. По возвращении из похода Мстислав вновь созвал князей — для защиты торговых караванов, плывших по Днепру. Князья опять собрались у Канева; здесь были и брат Мстислава Ярослав, и Владимир Андреевич, и Рюрик с Давыдом Ростиславичи, и другие. Глеб Переяславский пригласил Мстислава на обед, «и многы дары дав ему, отпусти и с любовью». Но мир и любовь между князьями были лишь видимостью. «Искони же вселукавый дьявол не хотяи добра всякому хрестьяну и любви межи братьею», — замечает летописец, начиная рассказ о ссоре братьев между собой. Бывший боярин князя Изяслава Мстиславича Пётр Бориславич (его, кстати говоря, считают одним из авторов Киевской летописи предшествующего времени) со своим братом Нестором оговорил Мстислава перед князем Давыдом Ростиславичем: как замечает летописец (естественно, уже другой, не Пётр), они озлобились на Мстислава за то, что тот выгнал их, старых бояр своего отца. Но было за что: холопы Бориславичей — чуть ли не

с ведома хозяев — украли княжеских коней и наложили на них свои «пятна» (клейма). Желая отомстить Мстиславу, братья сказали, будто он намерен схватить Ростиславичей за какую-то их мнимую вину. Но то была ложь: Мстислав «ни мысли таковой не имеяше в сердци своём, но истинною любовью обуюемся с братьею хожаше». Давыд, однако, поверил клеветникам. Он поведал обо всём сказанном брату Рюрику. Тот было засомневался, но Давыд сумел убедить его.

— Как будет звать нас Мстислав на обед, — растолковывал Давыд брату, — так, значит, хочет схватить нас.

И действительно, Мстислав пригласил «братаничев» на обед. Рюрик и Давыд отказались ехать к нему, потребовав, чтобы Мстислав целовал к ним крест, что не хочет причинить им вред. Требование немыслимое! Мстислав не знал за собой никакой вины, а потому «ужасеся мыслью», то есть воспринял слова братьев как обиду или даже оскорбление: он серьёзно относился к клятве на кресте и не понимал, по какой причине должен заново целовать крест братьям и почему его прежнее целование поставлено ими под сомнение. Дружина поддержала его: все были уверены, что князь не мог замыслить «лиха» против родни и что его оговорили какие-то негодные люди. По совету дружины Мстислав предложил братьям следующее: он целует им крест, что не замыслил на них «лиха», а братья выдают ему того, кто его оклеветал. Но Давыд отказался называть и тем более выдавать Бориславичей: и в самом деле, если он выдаст их, то кто в следующий раз захочет доверить ему какую-нибудь тайну?

Скрепя сердце Мстислав согласился целовать крест братьям. Ростиславичи тоже целовали крест — что не имеют зла на киевского князя. Но делали они это неискренне: «обаче сердце их не бе право с ним», — вновь замечает летописец.

Происки киевских вельмож, бывших бояр отца Мстислава, свидетельствуют о том, что по крайней мере часть киевлян была недовольна своим князем. Положение Мстислава Изяславича в Киеве осложнялось и внутрицерковным конфликтом, о котором мы уже говорили в предыдущей части книги. Прибывший в Киев летом 1167 года митрополит Константин II «запретил», то есть подверг церковному наказанию, печерского игумена Поликарпа — человека очень влиятельного в Киеве. Вновь начались споры относительно соблюдения поста в «Господские праздники», особенно обострившиеся зимой 1168/69 года, когда Рождество пришлось на среду. Князю надо было принимать чью-то сторону. В Киеве сочувствовали игумену, но Мстислав, наверное, не хотел ссориться с митрополитом^[116].

В том же 1168 году в игру попытался вступить и двоюродный дядя Мстислава князь Владимир Андреевич. Политик слабый и во всём зависевший от других князей, он тем не менее претендовал на большее, чем владел. Почувствовав, что ситуация благоволит ему, Андреевич потребовал от Мстислава каких-то новых волостей. Мстислав ответил решительным отказом: он уже предоставил дяде волость, и тот совсем недавно целовал ему крест. Несолоно хлебавши Владимир Андреевич отправился обратно в свой Дорогобуж, но отправился, «разгневавшись». Это был ещё один плохой знак для Мстислава.

А в апреле Мстислав послал своего сына в Новгород. Мы уже говорили, что это был открытый вызов Ростиславичам. «И болши вражда бысть на Мьстислава от братье», — свидетельствует летописец. Собственно, новгородская политика Мстислава Изяславича и стала причиной того, что его двоюродные братья оказались во враждебном ему лагере. Летом того же года новгородцы с псковичами ходили к Полоцку и пожгли полоцкую

волость за 30 вёрст до города. А зимой 1168/69 года князь Роман с новгородским полком совершил стремительный рейд к Торопцу, захватив множество пленных. Отцу пришлось отправлять сыну подкрепления — притом что он и сам не располагал достаточными силами в Киеве. И этим тоже не замедлили воспользоваться враждебные ему князья.

Нет сомнений, что Андрей Боголюбский внимательно следил за всем, что происходило на юге. Каждый промах Мстислава, каждую его размолвку с князьями или боярами он использовал в своих целях, тут же вступая в переговоры с недовольными. «В то же время бысть Андрей Гюргевич в Суждали княжа, — сообщает киевский летописец, — и ть бе не имея любви к Мьстиславу». Так против киевского князя сложилась сильная коалиция: «...и начаша ся снашивати речьми (ссылаться, вести переговоры. — А. К.) братья вси на Мьстислава, и тако утвердившеся крестом братья». Андрей сумел привлечь к союзу самых разных князей. Помимо Ростиславичей, ему целовал крест и обиженный Владимир Андреевич. Примкнули к союзу против Мстислава и черниговские князья. Заметим, что они не явились к Каневу, хотя участвовали в походе Мстислава в Степь. Очень похоже на то, что именно князья «Ольгова племени» сильнее других были раздосадованы чрезмерным обогащением киевского князя после ночной атаки его «седельников» и «кощеев» на половцев. И если прежде Олег Святославич был, по выражению летописца, «в Мстиславли воли», то теперь он перешёл на сторону его противника Андрея. Сделать это новгород-северскому князю было тем проще, что его отец Святослав Ольгович прежде считался верным союзником Юрия Долгорукого.

Год 1168-й отмечен был разными природными катаклизмами, которые во все времена воспринимались как грозные предзнаменования грядущих несчастий.

«Быша знамена страшна на небеси, и в солнце, и в луне, и в звёздах, — сообщал позднейший московский книжник. — Того же лета потрясется земля; того же лета быша Громе велицы зело и страшни, и множество человек избиша». Но всё действительно самое страшное ожидало людей впереди. Бояться им надо было не столько природных явлений, сколько агрессии других людей. «...И бысть смущение в земли много... и сие ко вражде вражда сотворися и нестроения много» — так витиевато описывал обстановку в Южной Руси накануне новой большой войны тот же книжник. И чуть ниже более конкретно: «Того же лета начаша рать совокупляти на великаго князя Киевскаго Мстислава Изяславича князь великий Андрей, Юрьев сын Долгорукаго... соединяся со многими князи в един совет и в едино мыслие...»[{253}](#).

Разгром Киева

Пересылки между князьями заняли большую часть 1168 года. Собственно же военные действия, как это обычно бывало, пришлись на конец зимы и самое начало весны следующего, 1169 года. Зима давала возможность двигаться к Киеву прямым путём, не теряя времени на переправу через многочисленные реки и речки.

«Тое же зимы посла князь Андрей и[з] Суждаля сына своего Мстислава на киевскаго князя Мстислава с ростовци, и володимерци, и суждалци...» — с этих слов в большинстве летописей начинается рассказ о походе, организованном князем Андреем Юрьевичем на Киев^{254}.^[117] В Ипатьевской летописи рассказ этот распределён между двумя летописными статьями — поскольку поход начался в феврале, то есть в конце 6676 года от Сотворения мира (по мартовскому стилю), а закончился уже в марте, то есть в начале следующего, 6677-го.

Да, Андрей не выступил в поход сам. Собранные им силы давали ему уверенность в том, что Киев будет взят и без него. Неучастие в столь важном военном предприятии не стало для него чем-то исключительным; напротив, превратилось в норму, образ правления. После похода на болгар 1164 года Андрей вообще *ни разу* не принимал участия в военных действиях, не возглавил лично *ни одного* военного похода; больше того, *ни разу* не покидал пределы своего княжества! Притом он по-прежнему «не в туне» носил свой меч и мог при случае пустить его в дело. Князь уверенно держался в седле и совершал неблизкие поездки по своему княжеству, был вынослив и весьма «силен», по выражению летописца. И тем не менее раз за разом отказывался от того, чтобы возглавить собранное им же войско. Может быть, не

желая самому проливать чужую кровь? Или считая это теперь ниже своего достоинства?

Последнее кажется более вероятным. Андрей во многом опередил своё время. Так же, к слову сказать, действовал и его младший современник, могущественный галицкий князь Ярослав Владимирович Осмомысл, который, в отличие от отца, Владимирка Галицкого, редко водил полки в бой, предпочитая доверять это своим воеводам. Также будут действовать и московские самодержцы уже в иную эпоху русской истории.

Основу собранного Андреем войска составляли ростовские, суздальские и владимирские полки. К ним присоединились также муромские и рязанские^[118], которыми Андрей мог распоряжаться как своими собственными, даже не привлекая к участию в походе муромских и рязанских князей. По дороге к северорусским полкам должны были присоединиться дружины из других земель. Всего в войско, собранное Андреем, вошли рати одиннадцати князей. Летописец перечисляет их поимённо.

Во главе войска Андрей поставил своего сына Мстислава. Уже одно это можно расценивать как прямой вызов обычаю: первым среди князей стал отнюдь не самый старший, а скорее самый младший из них. Отчасти это выглядело даже оскорбительно для князя Мстислава Киевского и свидетельствовало о пренебрежении, с которым Андрей отнёсся и к нему, и к стольному городу Руси. Хотя Мстислав Андреевич приходился троюродным братом князьям Ростиславичам (как и самому Мстиславу Киевскому), он намного уступал им и возрастом, и, главное, житейским и военным опытом. Младше был Мстислав и других участников похода. И тем не менее все они — подчиняясь воле его отца — должны были признать его первенство.

Несмотря на свою молодость, Мстислав отличался воинственным нравом. По словам позднейшего владимирского книжника, он «многие мужества и брани показал» и был «велики силен и храбр», так что «за повелением отца своего многие грады и земли сопротивных непокоряющихся разорил и попленил и под нозе покорил» (намёк на судьбу завоёванного в результате похода Киева?)^[255]. Но по недостатку опыта он едва ли мог по-настоящему руководить всеми собранными его отцом войсками. Эту роль князь Андрей поручил другому. Действительным начальником над войском был его воевода Борис.

Летописи именуют его Борисом Жидиславичем. По-другому его отчество звучит как Жирославич. (Чем объяснить это чередование букв «р» и «д» в имени его отца — Жирослав/Жидислав, сказать трудно; во всяком случае, едва ли можно видеть во втором его варианте намёк на этническое происхождение воеводы.) Борис был потомственным полководцем. Его дед Славята служил ещё Владимиру Мономаху^[119], отец — соответственно, Юрию Долгорукому и его сыновьям — Глебу, Ростиславу и тому же Андрею Боголюбскому, с которым не раз бился бок о бок. Имена и Славяты, и Жирослава не единожды упоминаются в летописи, что свидетельствует о том, что и тот и другой обладали немалым авторитетом и к их советам прислушивались князья. Борис же стал первым воеводой Андрея. Как мы ещё убедимся, князь лишь ему доверял все сколько-нибудь значимые военные предприятия.

Младший брат Андрея Боголюбского Глеб Переяславский также присоединился к суздальскому войску со своей дружиной. Вместе с ним в походе принял участие другой его брат, Всеволод, — это первое его упоминание в источниках после возвращения на Русь из Византии^[120]. А вот ещё один младший брат Андрея Боголюбского, Михалко, оказался в этой войне на

стороне не Андрея, но его врага Мстислава Киевского. Вероятно, после половецкого похода Мстислав приблизил князя к себе, так что зимой 1168/69 года Михалко находился в Киеве. Когда же войска союзных князей выступили на Киев, Мстислав отослал его к своему сыну Роману в Новгород с ковуями — «Бастеевой чадью» из числа «чёрных клобуков». Вероятно, он сделал это намеренно — дабы исключить переход и Михалка, и «поганных» на сторону Андрея. Однако добраться до Новгорода Михалку не удалось. Где-то за Межимостью, на пути к Мозырю (город на реке Припяти, в нынешней Гомельской области Белоруссии; в то время он принадлежал князьям Ольговичам), его схватили люди Рюрика и Давыда Ростиславичей; ковуи же Бастея немедленно перешли на их сторону, изменив и Михалку, и своему князю Мстиславу Изяславичу. В последующих событиях войны имя Михалка упоминаться не будет, а затем, как и полагается, он окажется в распоряжении своего брата Глеба, который будет поручать ему самые ответственные дела. Едва ли можно думать, что Михалко по-доброму относился к Андрею, который изгнал его из родной Суздальской земли и не дал там волости. Его участие в военных действиях на стороне врагов Боголюбского свидетельствует именно об этом (по крайней мере ещё однажды мы столкнёмся с похожей ситуацией).

Ещё одним участником похода на Киев из числа ближайших родичей Андрея стал его старший племянник Мстислав Ростиславич, также изгнанный им ранее из Суздальской земли. Скорее всего, и этот князь действовал совместно со своим дядей Глебом Юрьевичем. (Другой племянник Андрея, Ярополк Ростиславич, участия в военных действиях не принимал.)

Наибольшее представительство в объединённом войске имели смоленские князья Ростиславичи — двоюродные братья Мстислава Киевского. В поход на

Киев выступил и старший из них, князь Роман, со смоленским и полоцким полками. Вместе с ним шёл и его младший брат Мстислав, впоследствии получивший прозвище Храбрый, — один из наиболее энергичных и воинственных князей своего времени. Кроме того, самое активное участие в войне с Мстиславом Изяславичем приняли Рюрик и Давыд Ростиславичи — его главные недоброжелатели, также отличавшиеся воинственностью и водившие в бой сильные и привычные к битвам дружины. («Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваши ли вой злачёными шеломы по крови плаваша? Не ваша ли храбрая дружина рыкают, аки туры ранены саблями калёными, на поле незнаемом?» — обратится к ним спустя пару десятилетий автор «Слова о полку Игореве».) Примкнул к коалиции и их двоюродный дядя князь Владимир Андреевич Дорогобужский. Удивительно, но в войне не принял участие другой их дядя — Владимир «Матешич», которому Андрей, надо полагать, не слишком доверял^[121]. Но оставался ли «вертливый» князь в Рязани или перебрался оттуда в Южную Русь, нам неизвестно.

Зато в союзе с Мономашичами выступили князья «Ольгова племени» — новгород-северский князь Олег Святославич и его младший семнадцатилетний брат Игорь — будущий заглавный герой «Слова о полку Игореве». Занимавший черниговский стол князь Святослав Всеволодович участия в событиях не принимал, не поддержав ни одну из сторон. Его нейтралитет, несомненно, был на руку Андрею.

Позднейшие источники значительно расширяют список участников похода. По свидетельству Никоновской летописи XVI века, в походе приняли участие «иных множество князей» (в частности, упоминаются «муромстии князи из Муром»), а также «половецкие князи с половци, и угры, и чяхи (чехи. — А.

К.), и ляхи, и литва, и многое множества воиньства совокупився идоша к Киеву»^{256}. Что касается половецкого войска, то сведения московского книжника заслуживают внимания, хотя ранние летописи о половцах в составе Андреевой рати не упоминают. Но об участии «поганных» в последующем разграблении Киева и окрестностей они говорят определённо, и можно допустить, что то были не одни лишь ковуи и прочие «свои поганные», перешедшие на сторону враждебных Мстиславу князей, но и «чужие» кочевники. Мы помним, что с половцами отлично ладил сам князь Андрей, нередко возглавлявший их отряды при жизни отца. Позднее, правда, он не привлекал их к участию в своих походах — во всяком случае, сведений на этот счёт в источниках нет. Зато половцев использовал в качестве союзников в своих войнах его брат Глеб, один из участников коалиции, такой же наполовину половец по крови, как и его брат.

Ничего мы не знаем об участии в междоусобных войнах того времени язычников-литовцев; скорее всего, упоминание о них московского книжника — вымысел, дань традиции более позднего времени. Очень может быть, что то же самое относится и к венграм, полякам и чехам. Чешские земли вообще не граничили в то время с русскими, а потому представить чехов в числе участников русской войны непросто. Что же касается Польши и Венгрии, то с правителями этих стран из русских князей — участников конфликта — больше всего сотрудничал именно Мстислав Изяславич, женатый на сестре польского князя. Бывал Мстислав и в Венгрии, куда ездил по поручению отца и откуда приводил ему в помощь венгерское войско. И «ляхи», и «угры» во внутренних русских конфликтах, как правило, поддерживали отца Мстислава, а затем и его самого — как, например, весной 1167 года. (Ещё большие связи с Венгерским королевством имел князь Владимир

«Матешич», женатый на венгерке, но он, как мы уже говорили, оставался в стороне от происходящего.) Впрочем, мы, разумеется, не можем исключать того, что какие-то польские или венгерские отряды, равно как и половецкие, могли присоединиться к кому-либо из выступивших на Киев князей.

Войско действительно оказалось огромным («яко песку», по выражению позднейшего украинского летописца). Местом сбора объединённой рати был избран Вышгород, близ Киева. В этом городе сидел на княжении Давыд Ростиславич, один из главных зачинщиков войны. От Вышгорода войско двинулось к Дорогожичам — пригороду Киева, к северо-западу от самого города, несколько выше по течению Днепра (сейчас это имя носит одна из станций Киевского метрополитена). Сюда сходились пути, шедшие из Вышгорода, Чернигова и Смоленска. Здесь издавна останавливались князья, ищущие «златого» киевского стола, и часто разыгрывались кровавые сражения — не случайно «кровью политой» называл эту землю летописец. Войска встали у монастыря Святого Кирилла. Случилось это в «Фёдорову неделю», то есть 9 марта, в первое воскресенье Великого поста. Ауже на следующий день, в понедельник 10 марта, войска «оступиша весь град Киев». Мстислав Изяславич затворился в городе; «и бьхутся из города, и бысть брань крепка отвсюду».

Заметим, что участников похода ничуть не смутило то обстоятельство, что военные действия пришлось на начало Великого поста — время, когда прежде русские князья боялись проливать кровь и спешили заключить мир друг с другом — даже к явной своей невыгоде. (Так, в 1116 году дед Андрея Владимир Мономах согласился на мир со своим заклятым врагом минским князем Глебом Всеславичем, «съжались тем, оже проливашеться кровь в дни постыня Великого поста»^{257}. И это не единственный пример такого рода.)

Но времена изменились, и нравственные барьеры преодолевались теперь заметно легче.

Осада города продолжалась всего три дня. «Мстиславу изнемагаюшу в граде», — свидетельствует киевский летописец. Торки и берендеи, составлявшие, наряду с дружиной Мстислава, основу его войска, быстро уяснили для себя бесперспективность сопротивления превосходящим силам противника, а потому «льстяху под Мстиславом», то есть вступили в тайные переговоры с осаждавшими Киев князьями. Сделать это им было тем проще, что на сторону враждебных князей уже перешли их единоплеменники — ковуи. Измена «поганных» ускорила развязку^[122].

Решающим оказался удар с противоположного Дорогожичам и, вероятно, менее укрепленного направления. На третий день осады сборная дружина, составленная из отрядов всех одиннадцати князей, ударила в тыл Мстиславу: войско прошло «Серховицею», то есть через Серховицкий, или Юрковицкий, ручей, и «ринушася к ним, долов, у зад Мьстиславу начаша стреляти». (В более позднем Московском летописном своде конца XV века сказано проще, без неясных и запутывающих дело подробностей: «И стояша 3 дни у города, и в третий день приступиша вси князи к граду со всею дружиною и взята Кыев».) Сил удержать город у Мстислава не было. Дружина обратилась к нему буквально с воплем отчаяния: «Что, княже, стоиши? Поеди из города, нам их не перемочи!» И Мстиславу не оставалось ничего другого, как принять этот совет. Он бежал к Василеву, но его по пятам преследовали «чёрные клобуки» — те самые ковуи, «Бастеева чадь», которые прежде верно служили ему. «Поганые» нагнали Мстислава и «начаша стреляти в плечи ему и много изоимаша дружины около его». Летописец называет по именам нескольких наиболее видных бояр Мстислава, которые попали в плен к «поганым»: Дмитрий Хоробрый,

дворский Олекса, Сбыслав Жирославич, Иванко Творимирич, Родион, княжеский тиун^[123], «и иные многи». Самому Мстиславу удалось спастись, а вот его жена-полька и дети были захвачены в Киеве князьями. За рекой Унавой (приток Ирпеня) Мстислав встретился с братом Ярославом, и дальше они вместе направились к Владимиру-Волынскому.

Киев был взят 12 марта, в среду второй недели Великого поста^[124]. «И поможе Бог и Святая Богородица и отня и дедня молитва князю Мстиславу Андреевичу с братьею своею, и взята Киев, егоже не было никогда же», — с видимой гордостью записывал суздальский летописец. «Дедня молитва» — это молитва к Богу давно умершего князя Юрия Долгорукого, деда князя Мстислава Андреевича. В древней Руси считали, что небесное заступничество умерших предков имеет особую силу и Бог прислушивается к ней куда скорее и охотнее, чем к молитвам живущих. (Иногда в этом видят отголоски древнего, ещё языческого по своему происхождению почитания Рода и родичей — но преломлённого в новом — уже христианском — духе^{258}.) Но летописец упоминает и об «отней» молитве, то есть о молитве к Богу здравствующего князя Андрея Юрьевича, отца Мстислава. Получается, что и его молитва обладает такой же исключительной силой и Бог также прислушивается к ней с особым вниманием. А вместе с тем получается, что и он, Андрей, — пусть и находящийся в далёком Владимире или Боголюбове — принимал участие в сокрушении ненавистного ему стольного города Руси, незримо присутствуя при его разгроме.

Случалось и прежде, что Киев бывал захвачен князьями после победоносных сражений у стен города — например, в 1146 году отцом Мстислава Изяславом Мстиславичем или в феврале 1161-го Изяславом

Давыдовичем. Но в результате *прямого штурма* Киевская крепость и в самом деле была завоёвана впервые.

Судьба взятого «на щит» города оказалась поистине трагической. Богатейший город Руси был отдан князьями на разграбление войску на три дня^[125]. Так, как будто это был чужой город, захваченный иноплеменниками, чужеземцами, а не русский город, не русская столица, взятая русскими же войсками. Причём грабили всех и всё, не щадя ни церквей, ни монастырей, ни домов простых горожан. Добычей становились даже священные предметы, оклады книг и икон, священнические одежды — особенно если они были расшиты золотом или жемчугом. «...И весь Кыев пограбиша, и церкви, и монастыре за 3 дни, и иконы поимаша, и книги, и ризы», — записывал суздальский летописец. Киевский же его собрат, автор соответствующей части Ипатьевской летописи, был более конкретен, воссоздавая ужасающую картину происходящего:

«И грабиша... весь град: Подолье, и Гору (княжескую крепость. — А. К.), и монастыри, и Софью (кафедральный храм Святой Софии. — А. К.), и Десятинную Богородицю, и не бысть помилования никому же ни откуду же: церквам горящим, крестьяном убиваемом, другим вяжемым (то есть связываемым, уводимым в плен. — А. К.); жены ведоми быша в плен, разлучаеми нужею от мужий своих; младенци рыдаху, зряще материй своих. И взяша именья множество, и церкви обнажиша иконами, и книгами, и ризами, и колоколы изнесоша... и вся святыни взята бысть». И было это делом рук не половцев, не даже «своих поганых», а таких же христиан, таких же православных русских людей, как и те киевляне и их жёны, которых убивали, насиловали, уводили в полон. Летописец особо отмечает это: «...изнесоша все смолняне, и суждалци, и черниговци, и Олгова дружина». Олег Святославич —

единственный из князей, названный по имени в связи с описанием чудовищного разорения города. Наверное, его люди усердствовали больше остальных... Но и «поганым» — торкам, берендеям и половцам, если последних и в самом деле привёл с собой кто-то из князей, — тоже довелось покуражиться на славу. Судя по летописному рассказу, им достались окрестности Киева. Едва не был сожжён Печерский монастырь — колыбель русской святости, самая прославленная из всех русских обителей: «...Зажжен бысть и манастирь Печерський Святыя Богородица от поганых, но Бог молитвами Святыя Богородица съблюде и о[т] таковыи нужда». И далее: «И бысть в Киеве на всих человецех стенание, и туга, и скорбь неутешимая, и слезы непрестанныя. Си же вся сдеяшася грех ради наших».

Едва ли можно думать, что Андрей, посылая сына в поход на Киев, наказывал ему непременно разорить и разграбить город, предать огню церкви и монастыри; что все те ужасы, которые описывают источники, были заранее согласованы с суздальским князем и санкционированы им. Такого, наверное, быть не могло. Скорее, мы имеем дело с ожесточением, которое охватило большинство тогдашних русских князей и которое стало следствием десятилетий постоянных кровавых междоусобиц. Да и суздальцы злодействовали в Киеве ничуть не больше, чем смоленские или черниговские ратники или вой из Дорогобужа или Вручого (даже в летописном рассказе они значатся на втором месте — после смолян). Но Андрей организовал этот поход, поставил во главе собственного сына. А потому всё, что творилось тогда в Киеве, прикрывалось его именем. И это страшное событие, напоминающее в изложении летописца ужасы будущего Батыева погрома Киева и других русских городов, навсегда чёрным пятном легло на репутацию суздальского князя. Строитель церквей и основатель монастырей,

милостинник и нищелюбец, он предстаёт здесь человеком, по воле которого совершаются ужасные злодеяния, оскверняются храмы и разоряются святыни — пускай и не родные, суздальские и владимирские, а киевские, но всё равно русские, православные святыни — те самые, которым поклонялся сам Андрей Юрьевич, когда пребывал в Киеве в прежние годы.

Достойно отдельного разговора то, как было описано и объяснено взятие Киева в Суздальской летописи. Рассказав о жестоком разгроме города — но как о деле чуть ли не богоугодном и благочестивом («...Поможе Бог и Святая Богородица... князю Мстиславу Андреевичу с братьею своею...»), летописец разъяснил, чем, по его мнению, вызвано это несчастье. Оказывается, во всём были виноваты... сами киевляне, и особенно — митрополит-грек Константин, которого так не любил князь Андрей: «Се же здеся за грехы их (киевлян. — *А. К.*), паче же за митрополичу неправду: в то бо время запретил бе (митрополит. — *А. К.*) Поликарпа игумена Печерьского про Господьские праздники, не веля ему ести мяса ни молока в среды и в пятки в Господьские праздьники». Заодно припомнили «неправду» другого грека — черниговского епископа Антония, который во всём помогал митрополиту и «многожды браняшет ести мяс» черниговского князя Святослава Всеволодовича, так что тот выгнал его из города. Антоний оказался в Киеве и потому тоже был объявлен виновником произошедшего. «Да внимаемы мы собе, кождо нас и не противится Божью закону» — этой сентенцией летописец заканчивает повествование о «киевском взятии». Такова, надо полагать, была официальная версия. Она, несомненно, устраивала князя Андрея Боголюбского, ибо служила оправданием за все злодеяния, совершённые его войском. Киевляне были наказаны не суздальцами, не ратью одиннадцати князей

— но Божьей карой, обрушивающейся на всякого, кто противится «Божью закону»...

Но самое удивительное произошло уже после завершения похода. Андрей отказался занять освободившийся киевский престол, хотя тот и был в полном смысле слова его «отчиной» и «дединой». О его переезде в Киев не могло идти и речи. Всё было решено заранее, ещё в Суздале, и согласовано с другими князьями. Выполняя волю Андрея, его сын Мстислав возвёл на престол своего дядю, младшего Андреева брата Глеба. Остальные князья вынуждены были согласиться с этим. От случившейся перемены в Киеве они ничего не выгадывали, ибо Глеб и не думал расставаться с «отчим» для него Переяславлем, главным оплотом Юрьевичей в Южной Руси. Несомненно также с позволения Андрея, Глеб посадил на княжение в Переяславле своего двенадцатилетнего сына Владимира. Младший брат Глеба Михалко, примирившийся с Андреем, вероятно тогда же, получил от него Торческ — главный город в области расселения «чёрных клобуков», которым Юрьевичи владели и прежде, в годы киевского княжения их отца.

О том, как было воспринято вокняжение Глеба на Руси и за её пределами, свидетельствуют слова половецких послов, обращенные спустя совсем немного времени к новому киевскому князю: «Бог посадил тя и князь Андрей на отчине своей и на дедине в Киеве»^{259}. Как видим, иллюзий на сей счёт ни у кого не было. Но нельзя не заметить, что в словах половецких послов, записанных русским летописцем, деяния Андрея — так уж получается! — чуть ли не приравнены к Божеским!

В том же марте Мстислав Андреевич вернулся обратно к отцу, — «с великою честью и славою», как пишет суздальский летописец. Эти слова приведены и в Ипатьевской (Киевской) летописи. Однако в одном из её поздних списков, так называемом Ермолаевском, они

заменены другими: князь Мстислав Андреевич «поиде в Суждаль к отцю Андрееви *со проклятием*»^{260}. Скорее всего, перед нами правка позднейшего книжника XVII века, его реакция на то, что было прочитано и переписано им в предшествующем летописном тексте. Но его слова верно отражают настроения, царившие в разгромленном и обесчещенном городе. Иначе чем с проклятием суздальское войско, равно как и войска других князей, киевляне провожать не могли. Спустя немного времени воины из Дорогобужа, участники недавнего разгрома, откажутся заезжать в Киев, ожидая от жителей неминуемой расправы. «Сам ведаешь, — обратятся они к князю Давыду Ростиславичу, также участнику недавних событий, — что есмы издеали кияном. А не можем ехати, избыют ны (нас. — А. К.)!»^{261} И эти слова, надо полагать, точно отражали отношение к ним киевлян.

Так был совершён переворот во всей истории домонгольской Руси. Прежде Киев был столицей, старшим городом Русской земли, и киевский великий князь — уже в силу того, что занимал «златой» киевский стол, — считался старейшим, первым среди остальных русских князей. Отныне этому был положен конец. «Старейшинство» было навсегда — окончательно и бесповоротно — оторвано от киевского престола, ибо новый киевский князь был заведомо младше Андрея и лишь по его воле посажен на киевский стол. Старейшим, первым среди прочих оказывался не киевский, но владимирский князь, избравший для себя заведомо «младший» город. Таким жестоким способом утверждал Андрей Боголюбский старейшинство своего Владимира над Киевом, «матерью городам русским».

Очень хорошо выразил это историк Василий Осипович Ключевский в начале прошлого века. «Андрей впервые отделил старшинство от места, — писал он: —

заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. Известное словцо Изяслава о голове, идущей к месту^[126], получило неожиданное применение: наперекор обычному стремлению младших голов к старшим местам теперь старшая голова добровольно остаётся на младшем месте. Таким образом княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение...» И здесь же о том, как сказалоь это на судьбах собственной волости Андрея, Северо-Восточной Руси: «... Вместе с этим изменилось и положение Суздальской области среди других областей Русской земли, и её князь стал в небывалое к ней отношение. До сих пор князь, который достигал старшинства и садился на киевском столе, обыкновенно покидал свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владельцу (пусть даже и своему малолетнему сыну. — А. К.). Каждая княжеская волость была временным, очередным владением известного князя, оставаясь родовым, не личным достоянием. Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства»^{262}.

Этот решительный разрыв князя Андрея Юрьевича с традицией был замечен и книжниками XV-XVI веков. В деяниях князя они разглядели начало нового этапа русской истории — того самого, к которому причисляли и собственное время. Правда, непосредственной вехой, с которой начинался новый отсчёт русской истории, ими признавались разные события, и не обязательно разгром Киева. «И отселе наста княжение Суздальское, князем Андреем Юрьевичем, а стол великое княжение — град Володимерь», — писал под 1169 годом автор так

называемой Софийской Первой летописи, даже не упоминая о походе на Киев Андреевой рати, но, очевидно, подразумевая его^{263}. А автор Воскресенской летописи поместил почти те же слова под 1157 годом, сообщая ещё только о вокняжении Андрея в Суздальской земле двенадцатью годами раньше^{264}. «Начало владимирьского самодръжства» — так озаглавил одну из глав шестой «степени» автор Степенной книги царского родословия, московский книжник XVI века. И у него также речь шла о появлении Андрея на Владимирской земле: «И уже тогда киевьстии велиции князи подручни бяху владимирьским самодръжцем. В граде бо Владимире тогда начальство утверждашеся пришествием чюдотворнаго образа Богоматери, с ним же прииде из Вышеграда великий князь Андрей Георгиевич и дръжавьствова»^{265}. А ещё один русский книжник, автор Летописца, сохранившегося в рукописи XVII века из Синодального собрания (ГИМ. Син. № 964), посчитал ключевой «развилкой» русской истории смерть Ростислава Киевского (правда, неточно датируя её 6673/1165 годом): «В то же лето начало быти столем в Володимери Залесском, князь Андрей Юрьевич Боголюбский всеа Руси»^{266}. В поздней же Густынской летописи точкой разрыва избрано именно разорение и опустошение Киева, но акценты смещены, и упор сделан не на русскую, но на последующую украинскую историю: «И отселе въпаде (упало. — А. К.) княжение Киевское, а Володимерское в Москве възнесеся. Оттоли бо московские князи над киевскими начата владети, донели же литовские князи взяли во свою власть, о нем же будет ниже»^{267}. Но это, конечно, взгляд совсем из другой эпохи, исполненной жестокой борьбы за православную Украину между Московским государством и Литвой.

...Что ж, большое, как принято говорить, видится на расстоянии. Летописец XII века, современник киевского разгрома, констатировал лишь обычную смену князей в Киеве, предварив рассказ о последующих событиях вполне трафаретной фразой: «Начало княжения Глебова [Юрьевича] в Киеве».

Казнь Федорца

В том же 1169 году разрешился и застарелый церковный конфликт, долгие годы осложнявший жизнь князю Андрею Юрьевичу.

Как мы помним, церковная ситуация во Владимиро-Суздальском княжестве в первое десятилетие его княжения оказалась запутанной донельзя. Здесь одновременно находились или могли находиться сразу три епископа, каждый из которых претендовал на главенство над всей епархией: грек Леон, грек Нестор, успевший благословить установление нового церковного праздника 1 августа, а также ставленник Андрея и тоже скорее всего грек Феодор. Андрей до времени всецело поддерживал последнего, видя в нём фактического владимирского митрополита. Однако константинопольский патриарх Лука Хрисоверг решительно встал на сторону Леона, а Феодора, напротив, осудил как «многая грубая и несмысленная творяще и учаще». Отказал он Андрею и в создании Владимирской епархии, не зависящей от Киева.

Андрей — пускай и не сразу — вынужден был подчиниться этому решению. Но раз так, то особой нужды во «владыке Феодоре» у него уже не оставалось. Не было у Андрея и особых резонов ссориться с киевским митрополитом, благо Киев — после вокняжения здесь его младшего брата Глеба — фактически перешёл под его, Андрея, контроль. И хотя он, как уже говорилось, не любил киевского митрополита Константина II, но теперь был заинтересован в сотрудничестве с ним. Не случайно именно в последние годы жизни, после 1169 года, Андрей задумался над тем, чтобы приступить к собственному строительству в Киеве. Причём, по его

замыслу, здесь должны были повториться контуры его родного Владимира — то есть вектор взаимных влияний менялся полностью, на 180 градусов. Правда, до возведения в Киеве, «на величем дворе на Ярославле», златой церкви — в подобие киевским (а может быть, и владимирским?) Золотым воротам — дело не дошло. Но «делателей» для этого Андрей в Киев, кажется, послал. Уже после его смерти жители Владимира и Боголюбова будут вспоминать слова, сказанные им незадолго до смерти, при отправке мастеров в Киев:

— Хочю создати церковь таку же, аки же ворота си золота, — да будет память всему отечеству моему!^{268}

С «делателями» Андрей расстался легко. А вот так же легко расстаться с «владыкой Феодором» у него не получилось. Ситуация вокруг претензий «лжевладыки» на епископский или даже митрополичий жезл вышла далеко за пределы Владимиро-Суздальского княжества, вызвав бурные споры в русском обществе. Как выясняется, Андрей находился в оживлённой переписке по этому поводу не только с константинопольским патриархом, но и с русскими иерархами, в частности с Туровским епископом Кириллом — знаменитым проповедником и крупнейшим писателем древней Руси, «вторым Златоустом», как стали называть его уже вскоре после смерти. Когда именно Кирилл занял туровскую кафедру, неизвестно. Зато известно, что он был уроженцем Турова, происходил из богатой семьи, принял пострижение в одном из туровских монастырей и прославился как выдающийся подвижник, столпник и молитвенник ещё до восхождения на кафедру. Кирилл резко осуждал претензии «лжевладыки» Феодора и старался убедить в этом князя, с которым, вероятно, был знаком ещё со времён недолгого туровского княжения Андрея. «И Федорца же, за укоризну тако нарицаема (в некоторых списках добавлено: «еретика епископа». — А. К.), сего блаженный Кюрил от божественных писаний

ересь обличи и проклят его», — читаем в проложном Житии святого Кирилла, свой окончательный вид получившем, скорее всего, уже после монгольского завоевания Руси, в XIII или начале XIV века. И сразу же вслед за этим и, кажется, в прямой связи с только что сказанным: «Андрею, боголюбивому князю, многа посланья написа»^[269].^[127]

Историки литературы древней Руси находят прямые следы полемики по «делу Федорца» в одном из самых известных сочинений Кирилла Туровского — «Притче о человеческой душе и о теле» (или, как оно называется по-другому, «Слове о слепце и хромце»)^[270].^[128] «Слово» это было адресовано непосредственно владимирскому князю: в иносказательной форме, в жанре притчи — излюбленном в древней Руси — епископ разъяснял ему, к каким ужасающим последствиям может привести его поддержка «лжевладыки»^[129].

В основу «Слова» Кирилла Туровского легла известная в древней Руси притча о слепце и хромце, которых некий хозяин «винограда» (сада) оставил на страже своего богатства. Если кто захочет обокрасть сад, решил хозяин, то хромец увидит вора, а слепец услышит его; сами же они не смогут ничего украсть из-за своих увечий. Однако когда хозяин ушёл, хромец взгромоздился на плечи слепца, и так они присвоили «вся благая» господина своего. Хотя сам Кирилл в начале «Слова» ссылается на «Господню притчу» евангелиста Матфея (имея в виду схожий зачин евангельского рассказа о хозяине и злых виноградарях: *Мф. 21:33-40*), сюжет притчи имеет восточное происхождение. Как полагают, он восходит к рассказу из Вавилонского Талмуда («Беседа императора Антонина с раввином»), хотя встречается и в литературах других стран Востока, например в сказках «Тысячи и одной ночи». Славянская переработка этого рассказа возникла либо в Болгарии ещё в X веке, либо в древней Руси. Во

всяком случае, Кирилл воспользовался уже готовым славянским текстом, дающим толкование притчи в христианском духе. Текст этот — краткая «Притча о теле и душе и о воскресении мёртвых» — читается под 28 сентября в русском Прологе; её фрагменты и вошли в сочинение туровского епископа. Человек, насадивший «виноград», разумеется здесь как Христос, Сын Божий; сад — это рай, хронец же — тело человеческое, а слепец — его душа (или, иногда, — наоборот). Хозяин посадил их возле своего сада, ибо человеку передана во власть вся земля, но не рай, запретный для него; они же преступили ограду, сиречь заповеди Божий. И когда хозяин узнал об этом, он призвал к себе сперва одного, а затем другого и, установив, как было совершено преступление, велел им вновь сесть друг на друга и приказал бить их немилостиво. Так и после смерти, когда человек преступит заповедь Божию, рассказывается в «Притче», сначала душа его приводится на суд Божий и начинает оправдываться, говоря, что не она, но плоть согрешила. «И того ради нет мучения душам до второго пришествия, но блюдомы суть — идеже Бог весть». А затем «паки души в телеса внидут и примут воздаяния противу делом, и отселятся фешницы во тьму кромешную, идеже будет плач и скрежет зубов, а праведницы — в жизнь вечную»^[271]. Таков назидательный смысл этого повествования.

Кирилл же создал на его основе глубокое по содержанию и яркое по форме философское произведение, в котором рассматриваются важнейшие богословские проблемы — соотношение в человеке душевного и телесного, небесного и земного. Но вместе с тем — и проблема взаимоотношения светской и церковной властей, священства и мира. «Рай ведь — место святое, как и в церкви алтарь, — рассуждает Кирилл. — Церковь же для всех открыта... Алтарь же свят как эдемский рай, в который трудно войти, хотя и

ворота незамкнутые имеет. Так был посажен хромец со слепцом у ворот стеречь то, что внутри, как приставлены и патриархи, архиепископы, архимандриты меж церковью и алтарём стеречь святыя тайны от врагов Христовых, то есть от еретиков и зловерных искусителей, нечестивых грехолюбцев и неверных осквернителей»^{272}. А это даёт автору возможность обрушиться с обличениями на тех, кто пытается незаконно получить сан, войти туда, куда входить запрещено, присвоить то, что не принадлежит ему, подобно слепцу и хромцу из притчи. Объектом его яростных обличений и стал «сей церковник, недостойный священства и утаивший грех свой», который «пренебрёг Божиим заветом, но ради высокого сана и славы земной взошёл на епископский стол». Намёк более чем прозрачный! Ведь слово «сей», то есть «этот», означает, что адресат послания точно знал, о ком идёт речь. «Понимайте же теперь, безрассуднейшие из сановников, глупейшие из священников! — восклицает Кирилл, обращаясь, очевидно, к покровителям упомянутого им «церковника», в том числе, получается, и к князю. — Когда поумнеете? Давший ухо не слышит ли? Создавший око не смотрит ли? Повелевающий народами не обличит ли? Поучающий человека разуму не уразумеет ли вашего заблуждения? Господь ведь постигнет обманные помыслы, как лживые, и извергнет неправедных от власти, отгонит нечестивых от жертвенника. Ибо никакой сан в этом мире не избавит от мучений нарушающих Божьи заповеди».

Если Андрей со вниманием читал «Слово» туровского епископа (а сомневаться в этом не приходится), то он не мог не разгадать скрытых в нём намёков и иносказаний. Ведь если слепец, первым задумавший покуситься на «благая» своего господина, — это Феодор, «буий во иереях», то хромец, последовавший его наставлениям и взгромоздившийся на него, — это он, Андрей. (Между

прочим, антропологи, изучавшие костные останки Андрея Боголюбского, выявили следы артроза в его тазобедренных суставах. Но прямых свидетельств того, что князь действительно хромал, у нас нет.) А это значит, что он, Андрей, покрывает грехи своего епископа! Но даже если виновен не он, а Феодор, кара за содеянное постигнет обоих, и отпираться, ссылаясь на то, что он, князь, не ведал о злодеянии, бессмысленно — в этом и состоит суть притчи, рассказанной Кириллом. «Если благих дел нет в нас и нет покаянья в грехах, то в каком бы мы ни были чине, далеко от Бога мы, — растолковывал Кирилл. — Только близ сокрушённых сердцем Господь; смиренных духом — спасёт, желанья устрашающих Его — исполнит». Но относился ли к таковым владимирский самодержец?

Читая «Притчу», Андрей должен был понимать, что злодеяния «слепца» Феодора неотвратно влекут и его к Божьему наказанию, что он, Андрей, нарушил установления и патриарха, и киевского митрополита — то есть тех самых людей, что, по Кириллу, поставлены «стеречь святыя тайны от врагов Христовых» — «еретиков и зловерных искушителей». Кирилл обвинял «лжевладыку» Феодора в ереси — но это значит, что тягчайшее обвинение ложилось и на князя, покровительствовавшего «лжевладыке»! И не его ли, Андрея, стремление подчинить всё и вся своей личной власти, не его ли вмешательство в сугубо духовные дела, в духовную сферу привели к расколу Ростовской епархии? А ведь это грозило новым расколом и всей Русской церкви, только-только начинавшей выходить из очередного жестокого кризиса.

Трудно сказать, внял ли Андрей увещаниям «второго Златоуста», и если внял, то в какой мере. Неизвестно также, какие ещё «многа посланья» от епископа Кирилла получал князь и что в них содержалось, равно как и писал ли что-нибудь в ответ

сам Андрей. Он и позднее будет всё чаще настаивать на своём и всё реже прислушиваться к увещаниям других — как духовных, так и светских лиц. Однако Феодора из своей земли он всё-таки изгнал. Больше того — предал его жестокому суду и казни. А значит, осознал пагубность своей прежней церковной политики.

О том, что предшествовало этому, мы знаем из весьма тенденциозного рассказа летописи — скорее даже не рассказа, а памфлета, направленного на осуждение «злого и пронырливого еретика» и «гордого льстеца», «звероядивого» Федорца. Но мы уже говорили о том, что Суздальская летопись времён Андрея подверглась жестокой цензуре; очень многое из неё было вымарано, оставшееся же изложено так, как это было выгодно князю. Рассказ об изгнании Феодора подан здесь как «новое чудо» Владимирской иконы Божией Матери, как ещё одно свидетельство особого покровительства Владимиро-Суздальской земле со стороны Высших сил. Собственно, именно так этот рассказ и озаглавлен в летописи:

«В то же лето чудо створи Бог и Святая Богородица новое в Володимери городе: изгна бо Бог и Святая Богородица Володимерьская злаго и пронырливаго и гордаго лестьца, лжаго владыку Феодорца из Володимеря от Святыя Богородицы церкви Златоверхыя и от всея земля Ростовьскыя»^{273}.

То есть изгнание епископа приписано здесь Богу и Пречистой, а не князю, который лишь выполнял Высшую волю. Такова была официальная версия событий. Но в какой степени она скрывала реалии того, что на самом деле происходило в Суздальской земле, мы не знаем.

Мы уже говорили о том, что нам известно очень немного о «владыке» Феодоре. Да и это немного далеко не всегда заслуживает доверия. Так, едва ли можно признать достоверным сообщение поздней Никоновской летописи под 1170 (1168?) годом о том, что

«калугер» Феодор (напомню: по версии Никоновской летописи, «сестричич» киевского боярина Петра Бориславича) по своей воле, взяв с собой «много имения», отправился в Константинополь к патриарху, надеясь обмануть его. Поздний московский летописец так передаёт его «лживую» речь, обращенную к предстоятелю Вселенской церкви:

— Яко ныне несть в Киеве митрополита, и се аз (то есть: «и вот я!» — А. К.). Да поставиши мя!

Патриарх не поверил ему, и тогда Феодор изменил тактику, начав просить поставления в епископы, а не митрополиты:

— Яко несть ныне в Руси митрополита, и се тамо несть от кого ставитися епископом. Да поставиши мя в Ростов епископом!

И патриарх — вероятно, не столько под воздействием речей «калугера», сколько из-за богатых даров, принесённых им, — возвёл-таки его в сан ростовского владыки^{274}. Но дело даже не в том, что Феодор был слишком хорошо известен в Константинополе и патриарх Лука Хрисоверг ещё в письме князю Андрею дал ему характеристику, исключающую возможность его поставления в сан. (Автор Никоновской летописи как будто различает «первого» Феодора из послания патриарха Луки и «второго», о котором идёт речь.) Приведённая московским книжником XVI века история ростовского «лжевладыки» слишком похожа на более поздние истории поставления русских иерархов в Константинополе и, в частности, историю знаменитого коломенского священника Митяя, ставленника великого князя Московского Дмитрия Ивановича, и его спутников, также надеявшихся «многим имением» склонить на свою сторону константинопольского патриарха. И можно думать, что автор Никоновской летописи сконструировал свой рассказ по образцу более близких

ему по времени событий, создал своего рода исторический прецедент для суждения о позднейших поездках русских иерархов в Царьград.

Если Феодор и отправился в Константинополь, то, несомненно, с позволения Андрея и гораздо раньше, нежели показывает Никоновская летопись. Мы уже говорили, что Андрей надеялся таким образом добиться автокефалии Ростовской епархии, её независимости от Киева. Так может быть, с помощью щедрых даров им с Феодором удалось добиться этого — хотя бы на время? Или же они хотели выдать желаемое за действительное? Напомню, что титул архиепископа носил соперник Феодора, грек Леон. Вероятно, и Феодор рассчитывал получить белый клобук, а если судить по его позднему прозвищу — «Белый Клобучок», — то даже самовольно надел его на себя.

Как мы знаем, в течение долгого времени «владыка» Феодор пользовался благорасположением князя Андрея: «...князю же о нём добро мыслящу и добра ему хотящу» — не скрывает суздальский летописец. Но две сильные личности не могли ужиться. Конфликт между ними нарастал постепенно и в конце концов выплеснулся наружу. Непосредственным поводом к открытому мятежу «лжевладыки» стало, по летописи, требование князя отправиться в Киев, к митрополиту, дабы тот решил вопрос о возможности пребывания Феодора в епископском сане. Однако это требование князя можно рассматривать и как развязку конфликта, ибо едва ли у кого-нибудь оставались сомнения относительно того, какое решение примет митрополит. Отсылая Феодора в Киев, князь тем самым выказывал готовность расправиться с ним. Примечательно, что произошло это именно в начале 1169 года — после того, как Андрей подчинил Киев своей власти, посадив на киевский стол младшего брата. «Как номинальному главе Руси отдельная Владимирская митрополия Андрею

Боголюбскому была уже не нужна, а требовалось, совершенно напротив, единство Киевской митрополии», — справедливо замечает современный историк^{275}.

Феодор от поездки в Киев решительно отказался: «не всхо-те послушати христолюбиваго князя Андрея». На требование князя он ответил жёсткими мерами, к которым церковные иерархи прибегали разве что в самых крайних случаях: «...Сь же не токмо не всхоте поставлены! от митрополита, но и церкви все в Володимери повеле затворити и ключе церковные взя, и не бысть ни звоненья, ни пеня по всему граду». (Схожим образом поступил, как мы помним, киевский митрополит-грек Михаил, покидая Русь в 1145 году.) Феодор «дерзнул» затворить даже «Златоверхий» храм Святой Богородицы с чудотворной иконой, что было расценено как страшнейшее злодеяние и кощунство, а позднее, вероятно, поставлено ему в вину как ересь. В тот же день, как свидетельствует летопись, Феодор был извержен из епископии. Случилось это 8 мая, в день памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова. А далее летописец рисует ужасающую картину того, что творил «звероядивый Федорец» в Ростовской земле в предшествующие годы, когда ещё пользовался здесь всей полнотой церковной власти. Впрочем, не будем забывать о том, что перед нами именно памфлет, в котором, как это всегда бывает, правда густо перемешана с вымыслом и Феодору приписаны преступления, коих он, быть может, никогда не совершал:

«Много бо пострадаша человеци от него в держаньи его (то есть при его правлении. — А. К.): и сел избебывши (лишились. — А. К.), и оружья, и конь, друзии же и роботы добыта (то есть были обращены в рабство. — А. К.), заточенья же и грабленья — не токмо простьцем (мирянам. — А. К.), но и мнихом, игуменом и ереем (священникам. — А. К.). Безъмилостив сый

мучитель, другим человеком головы порезывая (в других летописях разъяснено: «власы главныя пореза». — А. К.) и бороды, иным же очи выжигая и язык урезая, а иныи распиная по стене и муча немилостивне, хотя исхитити от всех именье (то есть желая отобрать имущество. — А. К.); именья бо бе не сыт, акы ад».

(Как всегда, дополнительные сведения содержатся в Никоновской летописи. Впрочем, приводимые её автором леденящие душу подробности свидетельствуют скорее о необузданной фантазии московского книжника XVI века, нежели передают реалии эпохи Андрея Боголюбского. Оказывается, Феодор отказывался идти на поставление в Киев, ссылаясь на то, что был поставлен самим патриархом; гнев его обрушился не только на церковных людей, но также «и многих князей и бояр измучи и именье их восхити». И далее: «По сих же сказаша ему постельничя княжа богата зело (то есть о постельничем самого Андрея? — А. К.), он же и того скоро повеле пред собою поставити; сему же не покоряющуся, он же повеле его мучити, и сице много имения восхити; и не стерпев убо сей, досадно слово изглагола Феодору епископу, он же повеле его стремглав (то есть вниз головой. — А. К.) распяти. И сице многих овех (иных. — А. К.) заточи, овех же измучи, взимая имение их, овем же власы главы, и брады, и очи свещами сожигая, овем же руце и нозе отсеая, овем же язык, и нос, и уши, и устне (губы. — А. К.) отрезая, овех же на стенах и на дцках (досках. — А. К.) распиная, овех же на полы (напополам. — А. К.) разсеая, жены же богатъы мучяше и не покоряющихся ему в котлех варяше». А в лицевом Лаптевском списке той же летописи все эти ужасы еще и изображены на красочных миниатюрах. Андрей будто бы и не ведал ни о чём, но люди, «оскорбишася и опечалишася вси», пришли к нему, плача «о бедах и о напастех своих». Здесь же приведён и диалог Андрея с Феодором, в котором князь выглядит кротким агнцем.

Он увещевает епископа: «Людие вси скорбят и плачут, удобно ти есть престати от гнева и преложитися на кротость и милость...»; Феодор же «не точию князя поруган[ия]ми и укоризнами обложи, но и на Пречистую Богородицу хулу изглагола»^{276}. А в последующем рассказе о суде над Феодором в Киеве в уста митрополита Константина вложены обвинения против еретиков, ставшие актуальными в России не ранее XIV века.)

Чем объяснить этот чудовищный разгул жестокости во Владимире и других городах Ростовской земли? Невольно закрадывается мысль, что многое совершалось не иначе как с молчаливого согласия князя, что Андрей — пускай и косвенно — причастен к вышеописанным злодеяниям. Ведь трудно допустить, что Феодор творил их совсем уж без ведома князя! Наверное, тот до времени попросту закрывал на них глаза? Или всё было не так? Более века назад свои ответы на эти вопросы предложил знаменитый историк Русской церкви Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834–1912), сведший почти всё к борьбе Феодора и Андрея за автокефалию (независимость) своей церкви. «Эти неистовства должны значить, — писал он, — что между епископом Ростовским, который объявил себя автокефальным, и между митрополитом Киевским, который не хотел признавать его автокефалии, завязалась ожесточённая борьба, — что в этой борьбе духовенство и граждане владимирские разделились на две враждебные партии, из которых одна держала сторону епископа, а другая — сторону митрополита, и что епископ с князем и воздвигли беспощадное гонение на сторону с ними несогласную, хотя весьма может быть, что, изображая эту беспощадность гонения и представляя её беспричинным неистовством Феодора, летописцы и впадают в большее или меньшее преувеличение. Могло дело доходить и до затворения всех храмов

владимирских — этот поступок со стороны епископа мог значить то, что он хотел подействовать на сторону ему враждебную посредством церковного отлучения. Конец борьбы был тот, что Боголюбский выдал своего епископа митрополиту. Что принудило к этому князя, и притом такого, вовсе не имевшего охоты уступать кому бы то ни было, как Боголюбский, остаётся неизвестным; но вероятно то, что Феодор, не успев добыть автокефалии в Константинополе, объявил себя автокефальным самозванно, что митрополит успел доказать это и что таким образом он успел вооружить против него, как против наглого обманщика, общественное мнение России, которому и не нашёл возможным или благоразумным сопротивляться Боголюбский»^[277]. Возможно, это всего лишь домыслы маститого историка. Но нельзя исключать и того, что дело обстояло именно так или примерно так. Во всяком случае за прошедшие сто лет мы не получили в свое распоряжение какие-то принципиально новые данные, которые позволили бы прояснить картину и предложить иной ответ на поставленные вопросы. В истории сплошь и рядом бывает так, что мы знаем лишь последствия, лишь внешнюю канву событий, но не знаем их истинных причин.

Итак, Феодор был лишён сана, схвачен и в оковах отправлен в Киев. Здесь и состоялся суд над ним, устроенный митрополитом. Решение суда оказалось также жестоким до крайности, не имеющим прецедентов в русской церковной истории того времени. И оно также свидетельствует о том, что озлобление в обществе достигло крайней степени, не миновав и церковных иерархов.

«Митрополит же Костянтин об[в]ини его всеми винами и повеле его вести в Песий остров», — читаем в Ипатьевской летописи^[278].^[130] «Пёсий остров» — вероятно, один из существующих и поныне небольших

островков на Днепре, против Киева, но какой именно, неизвестно. Название его, скорее всего, связано с тем, что здесь находились княжеские псарни. Но то, что судьба ростовского «лжевладыки» решалась именно на «Пёсьем острове», не могло не показаться знаменательным его врагам: иначе чем как к псу, собаке, церковные власти Киева к нему, наверное, не относились.

В суде над Феодором участвовали епископы, и среди них — туровский епископ Кирилл, который, как мы знаем из его Жития, обличил «Федорца» «от божественных писаний» как еретика. В вину «лжевладыке» была поставлена «хула» на Богородицу, но что стояло за этим грозным обвинением в ереси, в точности неизвестно. Отлучение от сана было подтверждено и дополнено публичным проклятием, после чего бывшего ростовского владыку подвергли жестокой казни: «...и тамо (на «Пёсьем острове». — А. К.) его осекоша, и языка урезаша, яко злодею еретику, и руку правую отсекоша, и очи ему выняша, зане хулу измолви на Святую Богородицу». Слово «осекоша» означает, что несчастному в конце концов отрубили голову. «...Тако же и сей бес покаенья пребысть и до последняго издыханья, — продолжает летописец, — уподобивъся злым еретиком, не кланяющимся, и погуби душу свою и тело, и погыбе память его с шюмом». И ниже: «Се же спискахом, да не наскакають неции на святительский сан... Тако и съ Феодорець, и не въсхоте благословленья, и удалися от него: злый бо зле погыбнетъ (*ср. Мф. 21: 41*)»^[131].

Как оценить этот эпизод в биографии Андрея Боголюбского? Конечно же и он едва ли украшает его. Но Андрей и здесь поступил так, как считал нужным. И добился-таки своего. Одним ударом Андрей разрубил целый клубок противоречий — завязанный, заметим, при его непосредственном участии. А вместе с тем — пусть и

таким страшным способом и чужими руками — избавился от человека, который мешал ему вести княжество нужным ему курсом. Князь разуверился в нём — и прежние заслуги его любимца были забыты, обращены в ничто. Феодор был обвинён в ереси — а это оправдывало и его изгнание из Ростовской земли, и его жестокую казнь в Киеве. Но ещё важнее другое. Расправа над «злым и пронырливым» еретиком была воспринята летописцем как очередная заслуга Андрея перед православным миром, как новое подтверждение его благочестия и правоверия. И именно в связи с «делом Федорца» в летописи впервые используются «царские» эпитеты применительно к князю Андрею. Он ещё не назван «царём» напрямую, но летописец так повествует о «новом чуде», совершённом во Владимирской земле: Бог спас «людей своих сих кротких... от звероядываго Феодорца погибающих... рукою крепкою и мышцею высокою, *рукою благочестивою царскою* правдиваго и благовернаго князя Андрея»[{279}](#).

Вот так, не больше и не меньше.

Давно замечено, что Суздальская летопись при князе Андрее Боголюбском вся выстроена «как цепь чудес Богоматери»[{280}](#). В той же летописной статье — в параллель к «новому чуду» Владимирской иконы — рассказывается о событиях в Южной Руси в первые месяцы княжения в Киеве Глеба Юрьевича и ещё об одном Богородичном чуде — на этот раз не владимирском, а киевском:

«В то же лето чудо створи Бог и Святая Богородица церкви Десятинныя в Киеве, юже бе создал Володимер, иже бе хрестил землю Русьскую и дал бе десятину к церкви той по всей Русьстей земли: створи же... Мати Божия чудо паче наша надежа...»[{281}](#).

Случилось же вот что. Как всегда бывало при смене князей в Киеве, к русским границам подступили половцы, намеревавшиеся заключить договор с новым киевским князем и получить от него богатые подарки. На этот раз явились сразу две половецкие орды: одна вступила в пределы Переяславского княжества, а другая двигалась по противоположной, правой стороне Днепра, к Киеву, и остановилась у Корсуня, города на реке Роси, правом притоке Днепра. Послы от обеих орд прибыли к Глебу, требуя его, по обычаю, к себе на «снем»: «Хощем с тобою поряд положить о всём и утвердиться межю собою, и внидем в роту (клятву. — А. К.), а ты — к нам: да ни вы начнёте бояться нас, ни мы вас». Глеб обещал приехать и к тем, и к другим. Но надо было решить, к кому первым. Посоветовавшись с дружиной, Глеб двинулся сперва к Переяславлю, «блюдя Переяславля, — объясняет летописец, — князь бо переяславльский Глебович Володимер в то время башеть мал, яко 12 лет». К «корсунским» же половцам князь отправил посла, обещая приехать позже. Но не тут-то было. Пока Глеб мирился с левобережными половцами, правобережные бросились грабить киевские сёла. Половцы захватили Полоный, «град Святых Богородицы Десятинной» (переданный клиру Десятинной церкви, вероятно, ещё Владимиром Святым), и другой город — Семыч, «и взяша сёла без утеча (то есть захватили всех жителей, поголовно. — А. К.), с людьми, с мужи и жёнами, кони, и скоты, и овце», и погнали весь полон к себе, в Поле. Глеб узнал о случившемся, возвращаясь от Переяславля. Он хотел броситься в погоню за половцами, но берендеи, бывшие в составе его войска, остановили князя. Летописец приводит их слова, показательные для правильного понимания сущности княжеской власти в то время:

— Княже, не ездиди! Тобѣ лепо ездити в велице полку, еда совокупишися с братъею. А ныне пошли брата,

которого любо, и берендеев неколико.

Глеб послал против половцев брата Михалка, а также своего воеводу Володислава^[132]. Вместе с ними были посланы сто переяславцев, храбрых воев, и полторы тысячи берендеев. Берендеи перехватили половецкую «сторожу», 300 человек, и перебили её всю, опасаясь оставлять в живых хотя бы одного человека. Затем у встречных половцев был отбит русский полон, но, как оказалось, дальше на пути у воинов Михалка находился «великий полк», с которым предстояло сразиться. Укрепившись «Божьею помощью и Святою Богородицею» и уповая на «крест честной», наше войско (в котором, между прочим, «поганных» насчитывалось много больше, чем христиан) двинулось против половцев. Утех было 900 «копий» (небольших отрядов в три-четыре человека), а у наших — всего 90, рассказывает летописец, возможно и приукрашивая соотношение сил. Михалко с переяславцами хотел было броситься вперёд, но один из берендеев удержал его за повод коня. Берендеи, имевшие давние счёты с половцами — своими кровными врагами, и решили исход битвы. Сеча была «зла»; князя Михалка ранили двумя копьями в бедро, а третьим — в руку, «но Бог отца его молитвою избавил его от смерти» (вновь отметим указание на особую защитительную силу «отчей» молитвы для князя). Половцы бежали, а наши погнались за ними, одних избивая, а других беря в плен. Всего было захвачено полторы тысячи половцев, а многих ещё перебили. Так была одержана славная победа — помощью честного креста и Пресвятой Богородицы Десятинной, отомстившей за разграбление своего города, заключает летописец. Михалко с переяславцами и берендеями возвратился к Киеву, люди, освобождённые из плена, разошлись по своим домам, «а прочие все христиане прославили Бога и Святую Богородицу, скорую помощницу роду христианскому».

В предшествующем повествовании Суздальской летописи подобных ярких рассказов, посвященных прославлению Десятинной иконы Божией Матери и вообще киевских святынь, мы не встречали. Более того, стоит напомнить, что всего несколькими неделями раньше Десятинная церковь, в которой и находилась чудотворная икона, столь же почитаемая в Киеве, как Владимирская во Владимире, была подвергнута осквернению и жесточайшему разграблению ратью одиннадцати князей. Но теперь, когда Киев перешёл в руки князя Андрея, когда здесь сел на княжение его младший брат, киевские святыни стали и его, Андрея, святынями. И владимирский летописец чутко уловил это и поспешил прославить «Богородицу Десятинную» точно так же, как раньше он прославлял Владимирскую икону.

Новгородская война

Поход князя Мстислава Андреевича «за Волок» зимой 1166/67 года, то есть ещё при жизни Ростислава Киевского, привёл к очередному обострению суздальско-новгородских отношений. Пушными богатствами Севера прежде почти монопольно распоряжались новгородские купцы. А ведь меха на протяжении многих веков были главным предметом русского экспорта и главным источником богатства и для князей, и для их приближённых, и для предприимчивых купцов. Русские бобры и куницы исключительно высоко ценились и в Византии, и на Арабском Востоке, и в Западной Европе. Что уж говорить о соболях, горностах и полярных песцах! Ещё отец Андрея князь Юрий Владимирович пытался заполучить в свои руки «заволоцкую» дань и в 1149 году посылал против новгородских «данщиков» своего подручника — князя Ивана Берладника. Но то была единичная, по сути пиратская акция. Андрей и здесь продолжил политику отца, но придал ей гораздо больший масштаб. Именно после похода 1166/67 года ему, по-видимому, удалось распространить свою власть на отдельные территории на Северной Двине, о чём мы достоверно знаем из новгородских источников. «Двиняне» «дашася» князю Андрею Суздальскому, то есть стали платить ему дань, сообщается в «Слове о Знамении Пресвятой Богородицы» — памятнике хотя и относительно позднем, первой половины — середины XIV века, но дающем исключительно важные сведения по нашей теме^{282}. Примерно тогда же под власть Андрея перешли земли вокруг озера Лача, или Лаче, на реке Онеге (на юго-западе нынешней Архангельской области). Сюда кем-то из владимирских князей — а может быть, даже самим Андреем — был сослан

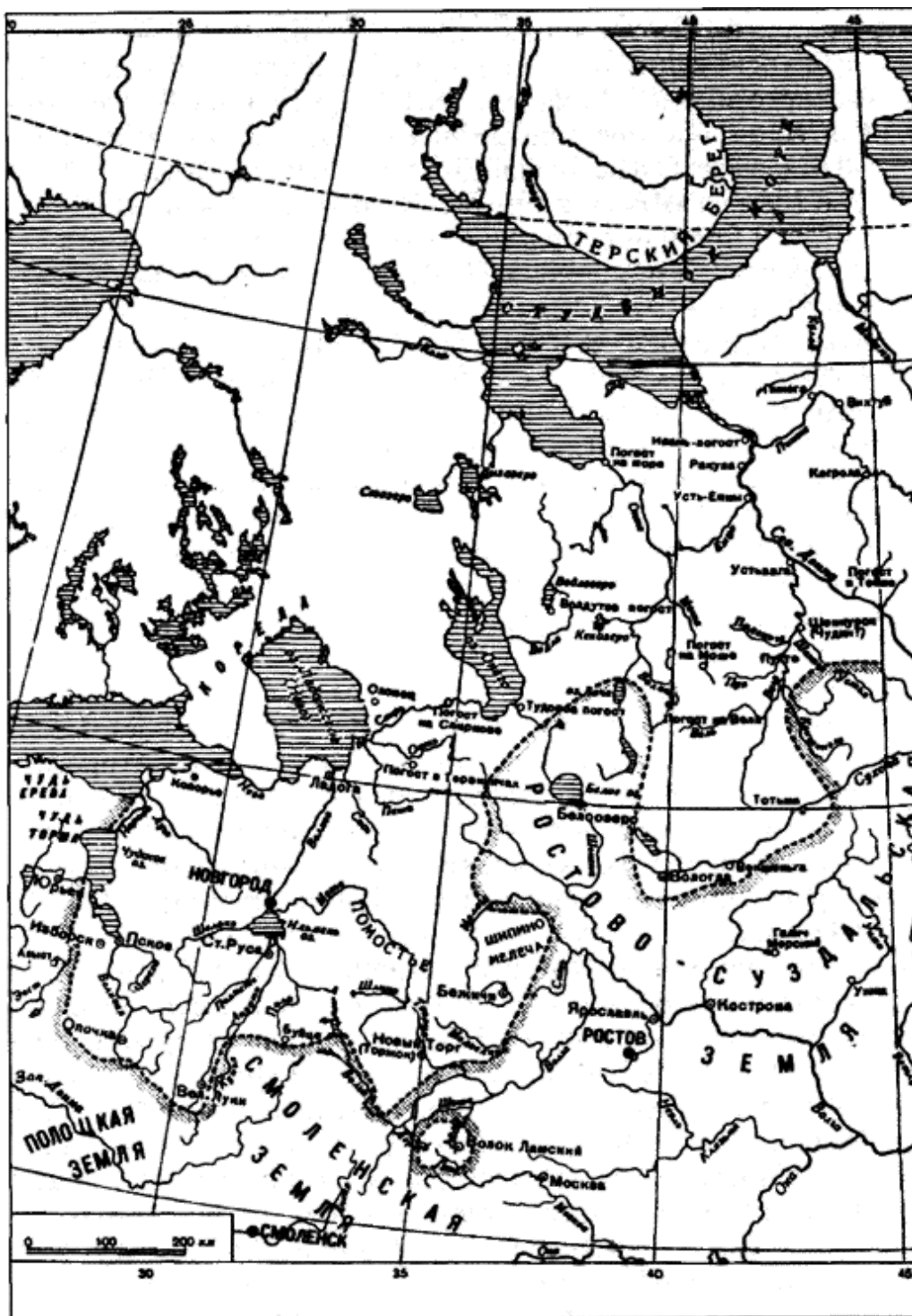
знаменитый Даниил Заточник, автор «Слова», или «Моления», который, сетуя на свою горькую участь, прямо противопоставлял Лаче-озеро княжескому Боголюбову:

— Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое... Кому Лаче озеро, а мне, на нём сидя, плач горький...[{283}](#).[\[133\]](#)

А ведь то были прежние новгородские волости. Так что у соперничества Суздаля и Новгорода на рубеже 60–70-х годов XII века, помимо политических, имелись и вполне ощутимые экономические причины.

Отдельные эпизоды этого соперничества известны нам благодаря источникам новгородского происхождения. А потому на всё происходящее мы вынуждены смотреть по большей части глазами новгородцев.

Так, археологами обнаружено письмо, написанное на бересте неким новгородским чиновником Саввой, которому были поручены сбор и последующее распределение «заволоцкой» дани (в реестре новгородских берестяных грамот это письмо значит под № 754)[{284}](#). Савве собрать дань не удалось, а почему так произошло, он и рассказал своим адресатам. Для нас его грамота замечательна прежде всего тем, что в ней упомянуто имя Андрея — героя нашей книги.

Карта 4. Новгородская земля во второй половине XII — начале XIII века (по А.Н. Насонову)

«От Савы покланяние к братъи и дружине», — начинает автор грамоты, а затем сообщает, что его покинули люди, которым надлежало «исправить», то есть собрать, остаток дани до осени и «по первому пути» послать дань в Новгород, а самим отбыть прочь. Но тут некий Захарья (в котором исследователи не без оснований видят новгородского посадника Захарию, казнённого зимой 1167/68 года) через присланного им человека клятвенно («в вере») потребовал — видимо, от людей Саввы: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать», — обещая во всём разобраться самому. Люди ушли. Савва же остался. «Потом пришли смерды, — продолжает автор грамоты. — От Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань». Упомянутый Андрей — это, очевидно, суздальский князь, который и прислал сюда своего человека за данью. Впрочем, Савву больше волнует то, как будет воспринято случившееся в Новгороде. Восемь человек, находившихся под началом некоего Тудора, продолжает он, «высягли», то есть вырвались (или, возможно, вышли из повиновения?), и Савва просит отнестись к ним с пониманием. А на внутренней стороне грамоты приписка, сообщающая о князе — надо полагать, пока ещё пребывающем в Новгороде Святославе Ростиславиче: «А сельчанам своим князь сам от Волока и от Меты участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту».

Упоминание Захарии (если речь действительно идёт о новгородском посаднике) и, особенно, князя позволяет датировать грамоту временем не позднее сентября 1167 года, когда Святослав был изгнан из Новгорода^[134]. Как выясняется, неудача миссии Саввы была вызвана прежде всего конфликтом в самом Новгороде между различными боярскими группировками, к одной из которых принадлежал автор письма, а к другой — новгородский посадник. Попытка Захарии передать сбор

дани в другие руки привела к тому, что Новгород и вовсе лишился её. Надо полагать, что зимой 1167/68 года, когда новгородцы жестоко расправятся с посадником и его сторонниками, Захарии припомнят и этот его промах. Примечательно, что грамота Саввы была найдена в районе древней Прусской улицы так называемого Людина «конца» Новгорода. (Новгород изначально делился на четыре, а затем на пять «концов», то есть обособленных районов.) Именно на Прусской улице располагался двор нового новгородского посадника Якуна, главного политического противника и недоброжелателя Захарии, бывшего, очевидно, инициатором расправы с ним. Сам же Захария обитал на так называемом Неревском «конце» города, где обосновались и его сторонники. Так что противостояние враждующих боярских группировок в Новгороде носило ярко выраженный территориальный характер, и письмо Саввы — одно из подтверждений тому.^{[285]. [135]} Как видим, суздальские князья умело использовали противоречия внутри самого Новгорода.

Другой, очень похожий эпизод в истории новгородско-суздальского противостояния имел место в 1169 году, незадолго до большого похода рати Андрея Боголюбского на Новгород. К тому времени Захария был уже казнён, а на княжение в Новгороде сел князь Роман Мстиславич, враг Андрея. И вновь конфликт разгорелся вокруг «заволоцкой дани», собирать которую явились на Двину «данщики» сразу с обеих сторон — и из Новгорода, и из Суздаля. Напомню, что оба княжества находились тогда в состоянии войны друг с другом.

«...Иде Даньслав Лазутинич за Волок даньником с дружиною», — сообщает под этим годом Новгородская Первая летопись.^{[286]. [136]} Данислав Лазутинич — личность примечательная. Этот боярин со своими людьми годом ранее сумел в обход смоленских и суздальских «застав» пробраться в Киев, к князю

Мстиславу Изяславичу, и испросить у него сына на княжение в Новгород. Соответственно, Данислав должен был пользоваться особым расположением князя Романа Мстиславича и его отца. По сведениям новгородских источников более позднего времени, поход Данислава на Двину был вызван как раз тем, что «двиняне» отказались платить дань Новгороду (о чём мы упомянули выше). Здесь же, на Двине, новгородцы столкнулись с суздальским отрядом, присланным Андреем^[137]. По сведениям новгородского летописца, современника событий, новгородцев было 400 человек, а суздальцев — 7 тысяч. Однако эти цифры вызывают сомнения: известно, что воюющие стороны во все времена любили завышать силы противника и занижать свои. Тем более что в упомянутом «Слове о Знамени Пресвятой Богородицы» и поздних новгородских летописях цифры приведены иначе: 500 новгородцев (по 100 «мужей» из каждого из пяти новгородских «концов»)^[138] и полторы тысячи суздальцев — в четыре с половиной раза меньше, чем названо в Новгородской Первой летописи. По-разному приведены и цифры потерь в произошедшем сражении. Новгородцы потеряли всего 15 человек — здесь источники единодушны. А вот суздальцев было убито, по сведениям Новгородской Первой летописи, 1300 человек^[139], а по сведениям поздних источников — 800, что, впрочем, тоже совсем не мало и составляет более половины всего отряда. Вероятно, сказался фактор внезапности: новгородцы атаковали превосходящий их по численности суздальский отряд, когда те не ожидали нападения. Расправа же с побеждёнными оказалась жестокой до крайности: пленных не брали.

Однако полного разгрома не получилось. Как выясняется, новгородцам всё-таки пришлось отступить. Суздальцы, пусть и потерявшие многих людей, собрали-таки дань с местного населения. Но после их ухода

новгородцы вернулись обратно. «...И отступиша новгородьци, и опять воротившеся, взявша всю дань», — свидетельствует летописец, современник событий. Причём дань была взята и «на суздальских смердех», то есть с тех, кто раньше признал власть Андрея Боголюбского и уже уплатил дань его людям. Теперь им пришлось выплачивать дань во второй раз.

Позднейший новгородский книжник, автор «Слова о Знамении...», полагал, что именно конфликт в далёком Заволочье стал причиной похода Андрея на Новгород. Но в этом позволительно усомниться. Примечательно, что о столкновении с новгородцами на Двине Суздальская летопись даже не упоминает. После разгрома Киева и бегства оттуда князя Мстислава Изяславича поход на Новгород сделался неизбежным в любом случае. Нанеся поражение отцу новгородского князя Романа, Андрей должен был выбить из Новгорода и его сына. Теперь это не только объяснялось политической или экономической целесообразностью, но становилось делом принципа для суздальского князя.

Андрей действовал так же, как и год назад, когда организовывал поход на Киев. Была создана новая коалиция князей. Сам Андрей и на этот раз остался дома. Позднейший новгородский книжник объяснял это болезнью князя: Андрей, по его словам, «разгневался на Новгород и нача сбирати рать», однако «сам же тогда разболеся»^[140]. Но дело конечно же было не в этом, или по крайней мере не только в этом. Мы уже знаем, что Андрей отказался от участия в военных действиях задолго до Новгородского похода.

Вновь, как и год назад, он поставил во главе рати сына Мстислава. Действительное командование войсками вновь было поручено воеводе Борису Жирославичу (на этот раз его отчество обозначено в источнике именно так). Состав коалиции, правда, заметно изменился. В походе не приняли участие

южнорусские князья. Это объяснялось не только удалённостью их от театра военных действий, но и тем, что на юге началась очередная война за Киев, в которую оказались втянуты сразу несколько князей.

Основу собранного Андреем войска составили ростовские и суздальские дружины^[141]. К участию в войне Андрей привлёк и своих младших союзников из Рязани и Муром. Сами князья Глеб Ростиславич Рязанский и Юрий Владимирович Муромский остались дома, но оба отправили в поход свои полки во главе с сыновьями (к сожалению, в источниках не поименованными). Это соответствовало принятым нормам межкняжеских отношений: если бы Андрей выступил в поход сам, князья обязаны были бы по его требованию последовать за ним; но он ограничился посылкой сына — и они поступили так же. Впрочем, и для рязанцев, и для ратников из Мурома это была война за чужие интересы. А потому особого усердия в ходе военных действий от них было ожидать трудно. «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы» называет среди участников похода ещё и переяславцев. Наверное, нельзя исключать того, что князь Глеб Юрьевич послал на помощь старшему брату какую-то часть своих войск. Но помощь эта если и была, то весьма незначительной, ибо Глебу пришлось бороться за Киев с князем Мстиславом Изяславичем, отцом Романа. Зато и Мстислав не имел возможности помочь сыну.

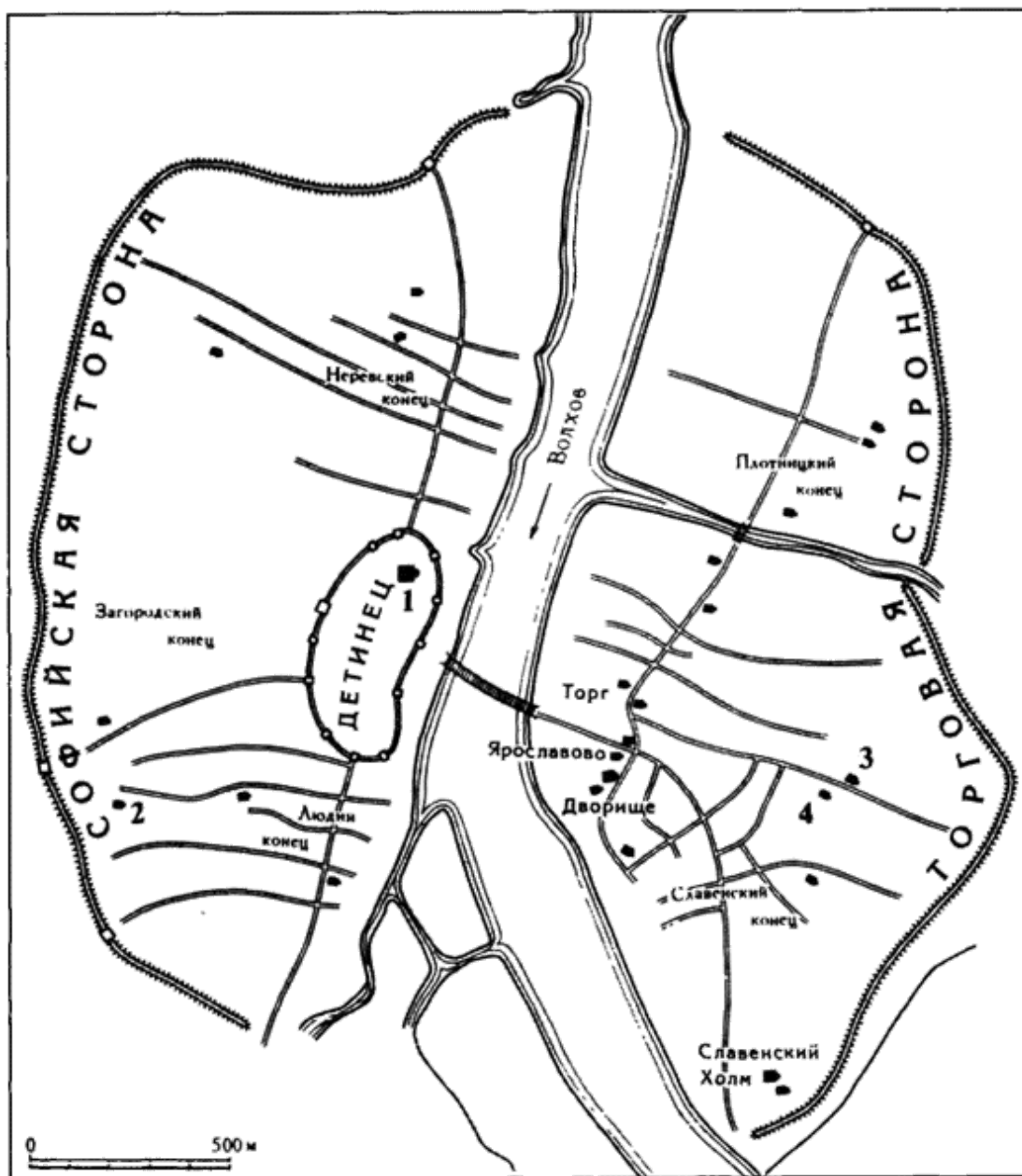
Другую половину рати составили полки Ростиславичей и их союзников, которые и прежде в союзе с Андреем вели войну против новгородцев. Летописи называют по именам смоленского князя Романа и его брата Мстислава, которые действовали соответственно со смолянами и торопчанами. Кроме них, в поход на Новгород выступил полоцкий князь Всеслав Василькович (по имени не названный), союзник Ростиславичей, всецело обязанный им своим княжением

в Полоцке. Как и смоляне и жители Торопца, полочане жаждали отомстить новгородцам за разорение собственной земли несколькими месяцами раньше. Что же касается Святослава Ростиславича, недавнего хозяина Новгорода, ради возвращения которого на новгородский стол формально и велась эта война, то он также принял участие в походе. Однако дни его оказались сочтены. В Волоке, на пути к Новгороду, то есть в самом начале похода, князь скончался^[142]. Тело его было перевезено в Смоленск и с почестями похоронено в соборной церкви Пресвятой Богородицы, усыпальнице смоленских князей. Зная об исходе новгородской кампании, можно, наверное, сказать, что преждевременная кончина князя стала предвестником будущего поражения смоленских и суздальских дружин. Между прочим, с его смертью оказались не вполне ясными цели всего похода. Новым новгородским князем, по логике вещей, должен был стать кто-то из его братьев, но кто именно, нужно было ещё решить. Нужно было сослаться с Андреем, а для этого требовалось время. Князья продолжали действовать как бы по инерции, и это не могло не сказаться на их настроениях, а значит, и на боеспособности войска.

Хотя общее число князей, участвовавших в Новгородской войне, было меньше, чем в прошлогоднем походе на Киев, всё равно объединённая рать казалась громадной, неисчислимой. «И толико бысть множество вой, яко и числа нетуть!» — восклицал киевский летописец. А новгородский книжник, современник событий, писал, что против его города выступила «вся земля просто Русьская», собранная Андреем. (Отметим, что словами «Русская земля» обозначена здесь не Южная, или Киевская, Русь, как это бывало раньше, а Русь Северо-Восточная.) Впоследствии в Новгороде прочно утвердилось мнение, будто в тот год против них собрались 72 князя — цифра поистине эпическая и,

разумеется, весьма далёкая от действительности. Что же касается самих новгородцев, то они могли рассчитывать лишь на собственные силы. Изначально их шансы на успех казались ничтожными. (Новгородцы же, «слышавши ту силу велику, на них грядущю, и в скорби быша велици, и в сетовании мнозе...» — писал впоследствии автор «Слова о Знамении...».) Но, как это часто бывает в истории, события пошли совсем не по тому сценарию, какой можно было бы ожидать.

Поход начался в феврале 1170 года. И суздальские, и смоленские полки действовали на Новгородчине с той же жестокостью, что отличала их и раньше, под Киевом и в самом Киеве. «...И пришедше в землю их, много зла створиша, — не скрывает суздальский летописец, очевидно, ставивший жестокость в отношении новгородцев в заслугу своим воям, — сёла вся взяша и пожгоша и люди по сёлам исекоша, а жёны и дети, именья и скот поимаша». И на этот раз суздальских и смоленских князей, участников похода, ничуть не остановило то обстоятельство, что начался Великий пост — время молитвы и смирения, а не озлобления и кровопролития. Новгородцев предстояло примерно наказать за самоуправство, за отказ выполнять требования князя Андрея, и это пересиливало остальные соображения. Но и новгородцы были преисполнены решимости дать отпор врагу. Требования, с которыми Андрей обратился к жителям города, включали в себя изгнание князя Романа Мстиславича и отнятие посадничества у Якуна, а может быть, и расправу с ним. Но не тут-то было. «Новгородцы же сташа твердо о князи Романе о Мьстиславлици, о Изяславли внуце, и о посаднике о Якуне...» — сообщает новгородский летописец. И далее: «...И устроиша острог около города». По-видимому, время для того, чтобы подготовиться к обороне, у новгородцев имелось, и работы были проведены заранее.

Карта 5. План Новгорода (по Б.А. Колчину).

Цифрами на плане обозначены: 1 — Софийский собор; 2 — церковь Рождества Богородицы в Десятинном монастыре; 3 — церковь Спаса на Ильине улице; 4 — Знаменский собор

Заблаговременно же были увезены или уничтожены все запасы продовольствия, которыми могли воспользоваться враги. Осаждать город предстояло в очень тяжёлых условиях — во-первых, зимой, а во-вторых, при почти полном отсутствии хлеба и кормов для коней.

Объединённая рать подступила к городу 22 февраля, в первое воскресенье Великого поста («в неделю на Събор», как определяет этот день автор Новгородской летописи). Суздальские и смоленские полки расположились не у самого города, но в некотором отдалении от него. Как водится, начались переговоры, съезды послов с обеих сторон. Переговоры продолжались в течение трёх дней, но ничем так и не завершились. Штурм города сделался неизбежным.

Решающее сражение под стенами построенного новгородцами острога пришлось на среду 25 февраля. Место главного удара рати Андрея Боголюбского нам известно: основные события развернулись там, где впоследствии новгородцами будет выстроен монастырь Рождества Богородицы «на Десятине». Остатки этого монастыря существуют и поныне в Людине «конце» на Софийской стороне Новгорода (нынешняя Десятинная улица). Основан монастырь был только в 1327 году, а прежде здесь, по всей вероятности, проходила граница городской территории, которую новгородцы и окружили временными стенами^{287}. «А новгородьци вси бяху за острогом, не можаху бо противу их стати, нъ токмо плакахуся, кождо себе видяще погыбель свою», — продолжает нагнетать чувство безысходности автор «Слова о Знамении...». По его словам, суздальцы разделили между собой улицы Новгорода — каждому из отрядов должна была достаться заранее определённая часть добычи. В действительности, однако, плач и сетования не помешали новгородцам изготавиться к битве. «...И бяхуться крепко с города», —

констатировал суздальский летописец, автор рассказа о новгородской осаде.

В течение всего дня инициатива переходила то на одну, то на другую сторону. В смоленской рати особенно отличился князь Мстислав Ростиславич, недаром прозванный Храбрым. Ему удалось прорваться внутрь городских укреплений, однако развить успех смолянам не удалось; не поддержали их и суздальские полки. «...И приходяще полки, бяхуса крепко у города; Мьстислав же бе въеха в ворота и, побод (проткнув, поразив. — А. К.) мужей несколько, возворотися опять к своим», — сообщает киевский летописец, в рассказе которого сохранились фрагменты придворной летописи смоленских Ростиславичей^[143].

Перелом в битве наступил к вечеру. «...И бишася в[е]сь день, и к вечеру победи я князь Роман с новгородьци силою крестьною, и Святою Богородицею, и молитвами благовернаго владыки Илие месяца феураря в 25 [день], на святого епископа Тарасия», — читаем в Новгородской Первой летописи. Суздальский летописец также не смог скрыть масштаб постигшей его войско катастрофы: «...И многы избиша от наших, и не успевше ничтоже городу их». О причинах этой катастрофы трудно сказать что-либо определённое. Мужество ли новгородцев или ещё и раздор в рядах наступавших, какие-то противоречия между суздальцами и смолянами были тому виной, но войско Боголюбского бежало в панике. Автор Ипатьевской летописи объяснял случившееся мором, внезапно вспыхнувшим в рядах Андреевой рати: «Бысть же мор велик в конех и в полкох, и не успеха ничтоже городу их»^[144]. Подобное действительно встречалось в военной истории средневековой Руси. Но объяснять всё мором и эпидемиями было бы неправильно. Мы ещё убедимся в том, что внезапная паника, поспешное отступление с поля боя при подавляющем численном превосходстве

будут отличительной чертой не одного похода, организованного Андреем Боголюбским в последние годы жизни. Всё же, наверное, трудно ожидать, что войско — в отсутствие своего предводителя — способно непоколебимо выполнять его волю и стоять насмерть. Однажды у Андрея получилось добиться успеха в большой войне, лично не участвуя в ней. Но тогда, у Киева, он встретился далеко не с таким сильным сопротивлением. Новгородцы же сражались и более умело, и более отчаянно^[145].

Отступление суздальского войска оказалось очень тяжёлым. Было потеряно много людей, а ещё больше — лошадей, причём не только из-за продолжавшегося мора. Напомню, что дело происходило в самом конце зимы, и отступавших поразил жесточайший голод. «...И возвратишася опять, и одва в дома своя приидоша пеши, а друзии люди помроша с голоду. Не бысть бо николи толь ташка пути людям сим: друзии бо от них и кони ядоша в великое говенье (то есть в Великий пост. — А. К.)». Деталь более чем красноречивая! Вот когда вспомнили о том, что война пришлась на постные дни. Поедать в пост конину показалось летописцу куда большим грехом, нежели проливать человеческую кровь!

Это о тех, кто сумел уцелеть и добраться до дома. Многие же оказались в новгородском плену. «И купляху суждальць по 2 ногате», — свидетельствует новгородский летописец. Мы уже примерно знаем, что могла означать эта фраза. Столь низкая цена на суздальских пленников говорит о том, что подобного «товара» оказалось в Новгороде с избытком и продавали его дешевле некуда. В Новгороде в течение ещё многих столетий повторяли слова о «двух ногатах» — настолько они льстили самолюбию новгородцев. «И оттоле отъяся честь и слава суздальская», — заключал свой рассказ о новгородском побоище автор «Слова о Знамении...»;

«чюдная победа и дивное одоление» это «удивляет умы, ужасает помысл: безоружны бо оружных побеждааху!» — восклицал автор Службы на праздник Знамения от иконы Божией Матери, составленной в Новгороде в XIV столетии^{288}. А позднейший псковский книжник, обрабатывавший текст того же «Слова...» для своей летописи, добавил ещё одну яркую подробность: уцелевшие суздальцы бежали, «ничтоже взявше, ни полонивше, толко взяша земли копытом»^{289}. Прах под ногами коней и стал их единственной добычей в этой войне. А это, между прочим, имело очень серьёзные последствия для будущих войн суздальского князя. Привыкшие под знамёнами Андрея одерживать верх, суздальцы и ратники из других городов и земель столкнулись с тем, что могут терпеть и сокрушительное поражение. Такое не забывается. Память о жестоком разгроме и паническом бегстве ослабляет боевой дух воинства гораздо сильнее, чем самая изощрённая пропаганда противника.

Новгородский летописец, современник событий, объяснял столь грандиозную победу своего войска «крестного силою» и помощью Пресвятой Богородицы, заступницы Великого Новгорода, а также молитвами новгородского архиепископа. В Суздальской летописи об этом сказано чуть более подробно. «Се же бысть за наши грехи», — объясняет неудачу своей рати автор, а дальше рассказывает о том, что слышал сам: за три года до описываемых событий, то есть, получается, в 1166/67 году, в Новгороде было знамение, которое видели все люди: в трёх новгородских церквях плакала на трёх иконах Святая Богородица: «...провидевши бо Мати Божия пагубу, хотящую быти над Новым городом и над его волостью, моляшет Сына Своего со слезами, дабы их отинудь не искоренил...»; этимито слёзными молитвами Пречистой Новгород и был спасён от полного

истребления. Больше о чудесном событии ни в каких ранних источниках ничего не говорится, новгородский летописец под соответствующим годом его не зафиксировал. А спустя полтора-два столетия, в первой половине — середине XIV века, в Новгороде было записано сказание, посвященное Суздальской войне 1169/70 года, — «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы», где произошедшее было представлено в совершенно ином свете. Грандиозная победа над суздальским войском Андрея Боголюбского — событие, признанное едва ли не главным во всей новгородской истории и ставшее особенно актуальным в эпоху жестокого противостояния Новгорода и Москвы, — объяснено здесь чудом от новгородской иконы Божией Матери, а главным действующим лицом, помимо самой Богородицы, оказывается новгородский владыка Илья (или Иоанн, как называет его автор «Слова...»).

Об этом человеке следует сказать несколько слов. Уроженец Новгорода, Илья до своего поставления на кафедру был священником в церкви Святого Власия на Волосовой улице (в Людине «конце»); какое-то время он провёл в Киеве, входил в окружение новгородского епископа Нифонта. На кафедру Илья был поставлен 28 марта 1165 года в Киеве митрополитом Иоанном IV — вероятно, из священников, без принятия монашеского сана (что практиковалось в то время на Руси)^[146]. 11 мая того же года он прибыл в Новгород, а спустя немного времени был удостоен от митрополита сана архиепископа. В позднейшей новгородской традиции Илья-Иоанн считается первым новгородским архиепископом, хотя этот титул носил до него и Нифонт. Святительство Ильи продолжалось двадцать один год — больше, чем у большинства других новгородских владык. Вместе со своим братом Гавриилом-Григорием (занявшим после него новгородскую кафедру) Илья построил множество церквей и на собственные средства

основал несколько монастырей. Есть основания полагать, что поначалу владыка не пользовался особой любовью горожан и между ними случались конфликты. Если верить его позднему Житию, составленному в XV веке и насыщенному легендарными, зачастую совершенно фантастическими событиями (вроде его путешествия на бese в Иерусалим), дело доходило до изгнания владыки из города^[147]. Позднее, однако, святитель приобрёл огромный авторитет в Новгороде, чему в немалой степени способствовало его участие в обороне города от суздальской рати. Умер он 7 сентября 1186 года, приняв перед кончиной иноческий постриг с именем Иоанн в основанном им Благовещенском монастыре. Под этим именем — Иоанн — он и был причислен в XV веке к лику святых.

Согласно «Знаменской легенде», в третью ночь осады^[148] архиепископу Иоанну (то есть пока ещё Илье), молящемуся перед святым образом Господа о спасении града, был голос, велевший ему идти в церковь Святого Спаса на Ильине улице, взять там икону Пресвятой Богородицы и вынести её на острог «против супостат». Наутро, созвав священников, владыка послал за иконой — идти надо было через весь город, на Торговую сторону, отделённую от Софийской стороны Волховом. Однако посланному в Спасскую церковь протодиакону икона в руки не далась. Тогда сам архиепископ со «святым собором», то есть со всеми священниками города, пришёл в названную церковь и, преклонившись пред иконой, начал творить молитву, обращаясь к Пречистой:

— ...Ты бо еси упование наше и надежа наша и заступница граду нашему, стена и престанище и покров всим крестьяном, на Тебе бо надеемся и мы грешнии. Молися, Госпоже, Сыну своему и Богу нашему за град наш! Не предажь нас врагом нашим грех ради наших! Услыши, Госпоже, плачь людей сих и приими молитву

раб Своих! Избави ны, Госпоже, град наш от всякого зла и от супостат наших!

Начали петь канон Богородице, и когда дошли до кондака, гласа 6-го: «Заступнице крестьяном непостыдныя...», икона двинулась сама собою. Владыка принял её в свои руки и передал двум диаконам, дабы те понесли её к месту осады. Сам же владыка со священным собором, а за ними и весь народ двинулись вслед за иконой. Икону вынесли на острог, «идеже ныне есть монастырь Святыя Богородица на Десятине», уточняет автор «Слова...», книжник XIV века. В шестом часу вечера суздальцы пошли на приступ, «испустиша стрелы, яко и дождь умножен». Тогда-то и случилось главное чудо этой войны: икона «Божиим промыслом» (или, скорее, от удара попавшей в неё вражеской стрелы)^[149] повернулась и обратилась лицом к городу. Архиепископ увидел слёзы, текущие из глаз Богородицы, и собрал эти слёзы в свою фелонь, то есть ризу. «О великое страшное чудо! — не может сдержать своих чувств автор-новгородец. — Како се можаше быти от суха древа?! Не суть бо се слёзы, но являет знамение милости Своея. Сим бо образом молится Святая Богородица к Сыну Своему и Богу нашему за град наш не дати в поругание врагом нашим...» И так «умилосердися Господь наш на град наш молитвами Святыя Богородица, попусти гнев Свой на вся полкы рускыя (опять читай: суздальские. — А. К.)», так что «покры их тма», «якоже при Моисее» (имеется в виду тма, покрывшая египтян во главе с фараоном, когда Бог провёл евреев через Красное море). Обезумевшие суздальцы пришли в трепет и ужас, «и ослепоша вси, и начаша ся бита межи собою». Видя их безумие и то, что они сами истребляют друг друга, новгородцы выступили из-за острога, «и изидоша на поле: овыи избиша, а прочая изимаша руками». Таков был конец суздальского войска. В ознаменование этой славной победы

новгородский архиепископ Иоанн будто бы тогда же установил празднование «честному Знамению Святыя Богородица», которое празднуется Русской церковью 27 ноября. Впрочем, как отмечают исследователи, празднование это, вероятно, установилось гораздо позже: в месяцесловах оно встречается не ранее первой половины XIV века^[290].^[150] А в 1354 году на Ильинской улице была выстроена каменная церковь во имя иконы Святой Богородицы Знамения, ставшая с того времени одной из главных церквей Новгорода. (Ныне существующий собор возведён в конце XVII столетия.) Тогда же в новопостроенную церковь была перенесена и сама икона Божией Матери Знамения.

Почему праздник в память чудесной победы над суздальским войском был установлен не 25 февраля, когда состоялась битва, а совсем в другой день, отделённый от первого девятью месяцами? На этот вопрос у историков нет удовлетворительного ответа, хотя попытки найти его предпринимались неоднократно^[151]. Равно как нет ответа и на другой, более существенный вопрос: в какой степени рассказ этот вообще отражает реалии самой войны? Мы уже заметили, что в ранних летописях ни о чём подобном не говорилось. Наверное, можно было бы предположить, что слова новгородского книжника о «помощи» Пресвятой Богородицы подразумевают нечто похожее. Но гораздо ближе к рассказу «Слова о Знамени...» оказывается краткое упоминание суздальского летописца о плачущих в Новгороде иконах. Такие события — появление капель («слёз») на иконной доске — случаются время от времени, привлекая к себе всеобщее внимание, и впоследствии нередко воспринимаются как предзнаменование чего-то грозного, грядущего. Правда, по летописи, иконы — и не одна, а целых три — плакали не в самый год похода, а за несколько лет до него. Но уже в представлениях

современников это событие оказалось связано с Суздальской войной. Так, может быть, Знаменская икона и была одной из трёх плачущих икон? И именно воспоминание о случившемся знамении, поставленное в связь с великой победой, и дало толчок дальнейшему развитию легенды? Тогда и дата 27 ноября могла быть объяснена из предшествующей истории самой иконы^{291}. Отметим ещё один труднообъяснимый факт: главной святыней Новгорода, палладиумом победы стала икона, находившаяся в рядовой, ничем не примечательной церкви на Торговой стороне города, вдалеке и от места сражения, и от главных новгородских храмов того времени. И это тоже может быть объяснено лишь какими-то исключительными, сверхъестественными обстоятельствами в истории новгородской иконы. Так, может быть, слезоточение от «сухого древа» — задолго до начала Суздальской войны — и стало причиной её особого прославления в Новгороде и обращения к ней во время осады?

Сама икона Знамения Пресвятой Богородицы сохранилась до нашего времени. Искусствоведы датируют её 30-50-ми годами XII века. Небольшая по размеру, она изначально была двусторонней, то есть предназначенной для выноса из церкви на специальном древке. На её оборотной стороне изображены апостол Пётр и святая мученица Наталия, предстоящие Христу. Однако в том, что эти фигуры находились на иконе с самого начала, есть сомнения: исследователи предполагают здесь первоначальные изображения либо святых Иоакима и Анны, родителей Богородицы, либо, рядом с Петром, мученицы Анастасии, чьё имя при поновлении образа было ошибочно прочитано как Наталия^{292}. Поновление коснулось и лицевой стороны иконы, фигур, изображённых на её полях. Высказано предположение, что икона носила патрональный характер и изображённые на её оборотной стороне

святые являются небесными покровителями заказчика и его близких^[293].^[152] Однако и это предположение не может быть принято безоговорочно. Так или иначе, но именно этой иконе суждено было стать главной святыней средневекового Новгорода.

Нельзя не заметить явные черты сходства в рассказах о двух чудотворных Богородичных иконах — Новгородской Знамения и Владимирской. И в том, и в другом случае икона поначалу не даётся в руки и лишь затем, после молитвенных к ней обращений, сама движется навстречу пришедшему за ней. И там и там икону переносят на новое место. Владимирская икона стала палладиумом великой победы Андрея Боголюбского над болгарами; точно так же Новгородская — палладиумом победы новгородцев над войском самого Андрея. Наверное, сходство двух рассказов не случайно и не может быть объяснено одной лишь их принадлежностью к жанру сказаний о чудотворных иконах^[153]. В противоборстве с притязаниями Андрея и его преемников на свой город новгородцы нашли столь же мощное оружие, каким обладал сам Андрей. Но правда истории заключается ещё и в том, что в последующие века обе эти чудотворные иконы оказались прославлены по всей России. Новгород в конце концов был покорён Москвой и вошёл в состав Московского государства. Но и прежде того, и особенно позднее новгородские святыни становились общерусскими, и это относится к иконе Знамения чуть ли не в первую очередь. Празднование ей отмечалось во всех русских церквях, её списки создавались в разных городах, и некоторые сами получали дар чудотворения, а «Слово о Знамении...» переписывалось книжниками самых разных русских городов и монастырей.

Остаётся сказать о том, как было объяснено катастрофическое поражение суздальского войска в окружении князя Андрея Юрьевича и в официальном суздальском летописании его времени. Летописец отнюдь не ограничился словами о том, что то была кара «за наши грехи», то есть за грехи суздальцев. Напротив, война была воспринята как Божье наказание прежде всего не суздальцев, но новгородцев, как некое последнее предупреждение в их адрес. Бог и Пречистая избавили новгородцев от конечного истребления, «зане хрестьяне суть», разъясняет автор летописи, очевидно, бывший проводником мыслей и идей самого князя Андрея Юрьевича. Но это не значит, что Бог на их стороне. «Не глаголем же: правы суть новгородцы», — возглашает суздальский книжник. Сами новгородцы утверждают, будто «издавна суть свобожени» прадедами князей наших; но даже если и так, то разве велели им прежние князья нарушать клятву? И, поцеловав крест внукам и правнукам своим, таким же русским князьям, затем преступать то крестное целование? А ведь именно так век от века поступают новгородцы: преступают крестное целование, данное князю, а то и изгоняют его прочь из города! Так доколе Богу терпеть их преступления?! И вот, за грехи их, и навёл Он на них рать, и наказал их «по достоянью, рукою благоверного князя Андрея»!

Мысль, прямо скажем, неординарная! И сформулирована она мастерски, с большим искусством. Получается, что, независимо от того, одерживает ли верх воинство князя Андрея Юрьевича над своими противниками или, как в этот раз, терпит поражение от них — всё одно: Бог на его стороне и помогает ему, а не его врагам. И в том, и в другом случае рукою князя Андрея водит Божья воля, а сам он — лишь исполнитель её. Таков назидательный смысл летописного рассказа о походе Андреевой рати на Новгород.

Разгром под Новгородом означал поражение в отдельно взятом военном походе, но не поражение в войне. У князя Андрея Юрьевича нашлось против новгородцев оружие посильнее мечей и копий. Весной того же года князь перекрыл пути подвоза хлеба и прочих товаров из Суздальской земли в Новгород. Сделать это было тем проще, что в его руках уже находились Волок и некоторые другие города Новгородской земли. Подвоз хлеба в Новгород также был блокирован со стороны Смоленска. А между тем именно этими путями шли в Новгород жизненно важные продовольственные товары. Богатый торговый город, всегда располагавший излишками серебра, Новгород жил главным образом на привозном хлебе. А потому торговая блокада города, к которой прибегли Андрей и его союзники, ударила по новгородцам с чудовищной силой. Впоследствии владимирские князья будут прибегать к такому способу давления на Новгород постоянно. Андрей же оказался в этом отношении первопроходцем.

В городе начался голод. Цены на товары немедленно взметнулись вверх. «Бысть дорогъвь (дороговизна. — *А. К.*) [в] Новегороде, — сообщает под 6678 (1170) годом новгородский летописец и называет цены на некоторые продукты питания: — И купляху кадь ржи (около 230 килограммов. — *А. К.*) по 4 гривне, а хлеб (тоже какая-то определённая его мера, но какая, неясно. — *А. К.*) — по 2 ногате, а мёд — по 10 кун пуд»^{294}. Это, по сути, и решило судьбу князя Романа Мстиславича. Ещё несколько месяцев назад новгородцы готовы были сложить головы за него, но теперь их настроения резко поменялись.

К тому же 19 августа 1170 года во Владимире-Волынском умер отец Романа князь Мстислав Изяславич, недавний претендент на киевский княжеский стол. (О том, что предшествовало этому, речь пойдёт ниже.) В Новгороде ещё ни о чём не знали, весть об отцовской смерти пришла лишь к князю. Роман созвал на Городище дружину и своих «приятелей» из числа новгородцев и поведал им о случившемся.

— Не можем, княже, уже здесь быть, — отвечала князю дружина, очевидно, хорошо осведомлённая о настроениях в городе. — А пойдёшь к брату, во Владимир (Волынский. — А. К.)^[154].

Роман послушался их. Уже в пути он узнал о смерти другого близкого ему человека — младшего брата Владимира, совсем ещё юного.

Известие об уходе князя всколыхнуло город. Вновь было созвано вече, на котором новгородцы, что называется «задним числом», объявили об изгнании Романа: «показаша» ему «путь». Вероятно, тогда же посадничество потерял сторонник князя Романа Якун (о лишении его посадничества летопись не сообщает, но под следующим годом называет по имени нового посадника — Жирослава). Сами же новгородцы послали к Андрею «по мир на всей воли своей». Выражение это не вполне определённое. Правильнее, наверное, было бы сказать: послали договариваться о приемлемых условиях капитуляции.

Переговоры с Андреем проходили осенью того же года. В свою очередь, Андрей предвидел развитие событий и ещё раньше начал обсуждать сложившуюся ситуацию с князьями Ростиславичами. Вскоре решение было найдено: новгородский стол должен был занять брат покойного Святослава Ростиславича Рюрик, княживший в Овруче, на юге, и — что важно — не участвовавший в недавней войне с Новгородом. О том, что всё зависело исключительно от воли князя Андрея

Юрьевича, хорошо понимали и в Новгороде, и в лагере Ростиславичей. «В том же лете посла Андрей к Ростиславичю к Рюрикови, да[я] ему Новгород Великий», — читаем в Киевской летописи. Рюрик передал свою южнорусскую волость брату Давыду, а сам отправился в путь [\[155\]](#). В воскресенье 4 октября 1170 года он торжественно въехал в Новгород и занял новгородский княжеский стол. Его княжение здесь будет продолжаться менее полутора лет, но пока об этом никто не знал — ни он сам, ни новгородцы, ни князь Андрей Юрьевич, пославший его сюда.

Княжение Глебово

Как уже было сказано, в те самые месяцы, когда Андрей готовил рать к походу на Новгород, на юге разворачивались полные драматизма события, связанные с очередной войной за Киев.

Князь Мстислав Изяславич конечно же не смирился с потерей «отнего» стола и намеревался вернуть Киев себе. Уже вскоре после поражения от рати одиннадцати князей он с братом Ярославом и галицкой помощью приступил к Дорогобужу, городу, где княжил его двоюродный дядя Владимир Андреевич, один из главных его недоброжелателей. Но тот всерьёз разболелся и потому предпочёл отсидеться за городскими стенами, тем более что занявший киевский стол князь Глеб Юрьевич, несмотря на своё обещание, так и не оказал ему помощь. Мстислав захватил и сжёг несколько городов, слегка утишив тем горечь поражения и жажду отмщения, и вернулся обратно во Владимир-Волынский.

В феврале 1170 года он выступил в новый большой поход на Киев. Вместе с ним в поход выступили его брат Ярослав Луцкий, галицкие полки во главе с воеводой Константином Серославичем, туровский князь Святополк Юрьевич и полки городенских князей Всеволодовичей, его давних союзников. Момент для начала военных действий оказался удачным: Андрей был занят войной с Новгородом и помочь брату не мог. Глеб тоже не решился принимать бой и покинул Киев. Переправившись через Днепр у Городца, он поспешил в Переяславль, к сыну. Рюрик и Давыд Ростиславичи затворились в Вышгороде, заранее сжегши предместья города и приготовившись к осаде.

В Киеве и соседних областях воцарилась атмосфера безвластия и полнейшей неразберихи, в которой

творились поистине тёмные дела.

Ещё до начала военных действий, 28 января, в Дорогобуже умер князь Владимир Андреевич. Его тело не успело остыть, как в Дорогобуж пожаловал Владимир «Матешич», имевший виды и на этот город. Дружина покойного князя не хотела впускать его, но «Матешич» целовал им крест, что не причинит вреда ни им, ни вдове Андреевича, но хочет лишь поклониться телу покойного. Князя впустили — но уже наутро он нарушил прежние обещания и, переступив крестное целование, прогнал княгиню из города и захватил всё добро умершего князя. Так начались скитания несчастной вдовы, на руках у которой осталось неприкаянное тело мужа. Похоронить его княгиня намеревалась в Киеве, в соответствии с мужниным завещанием.

Ничего подобного Русь прежде не знала. «Многopечальная» княгиня, «Андреева сноха» (так она сама назвала себя в надписи-граффити на стене киевского Софийского собора)^{295}^[156] отправилась с мужниными дружинниками во Вручий, а оттуда в Вышгород, где находились оба брата Ростиславича. Лишь 20 февраля, в пятницу первой недели Великого поста, княгиня прибыла в город. Здесь её уже ждали печерский игумен Поликарп и игумен киевского Андреевского монастыря Симеон: обоих послал за телом умершего князь Глеб Юрьевич — как раз накануне своего бегства из Киева. Тело князя Владимира Андреевича оставалось непогребённым уже почти месяц без нескольких дней.

Между тем окрестности и Вышгорода, и Киева занимались пожаром войны. Давыд Ростиславич не пустил княгиню в Киев. Его враг Мстислав находился уже в Василеве, на пути к Киеву, сам Киев оставался без князя, и Давыд опасался за жизнь ятрови (жены двоюродного дяди). Из дружины Владимира Андреевича ехать в Киев также никто не решился.

— Княже! Ты сам ведаешь, что есмы издеали кияном, — восклицали ратники, обращаясь к Давыду как своему новому сюзеру. — А не можем ехати! Избьют ны!

Игумен Поликарп просил у Давыда хотя бы нескольких человек: повести под уздцы коня с телом князя и развернуть княжеский стяг. Но и люди Давыда ехать в Киев боялись. В итоге тело покойного везли лишь священники вышгородской церкви Святых Бориса и Глеба да оба игумена с чернецами. К счастью, всё обошлось, напасть на траурную процессию никто не посмел, и на следующий день, 21 февраля, многострадальное тело было наконец-то предано земле в киевском Андреевском монастыре, где и завещал похоронить себя князь Владимир Андреевич^[296].^[157] Ни вдовы князя, ни кого-либо из его дружины на похоронах не было...

Тем временем в последних числах февраля или самом начале марта Мстислав занял Киев. На пути к нему присоединились торки и берендеи, вышедшие из повиновения Глебова брата Михалка. Поддержал племянника и Владимир «Матешич». Войдя в Киев, князь заключил «ряд» с союзными ему князьями, а также с киевлянами и поспешил к Вышгороду, пустив берендеев вперёд, «на вороп».

Началась осада города. «И бишася крепко из града», — свидетельствует летописец. У Давыда в городе было много дружины и имелись запасы продовольствия; оказали ему помощь и братья. Глеб Юрьевич прислал из Переяславля своего воеводу, тысяцкого Григория; по его зову начали собираться и «дикие» половцы во главе с ханом Кончаком (в будущем одним из антигероев «Слова о полку Игореве»), и «свои» ковуи — «Бастеева чадь». Силы же Мстислава Изяславича, напротив, с каждым днём таяли. Вскоре выяснилось, что торки и берендеи не готовы за него биться. Постепенно начали расходиться и другие отряды. Константин Серославич заявил, что

имеет приказ от своего князя Ярослава Галицкого: стоять под Вышгородом не более пяти дней.

— То не правда, — возражал ему Мстислав. — Мне брат Ярослав так молвил: донеле же уладишися с братьею, дотоле же не пущай полков моих от себе!

Но галицкий воевода воевать за чужие интересы не собирався. Он предъявил Мстиславу грамоту своего князя. Как уверял летописец, грамота была подложная: в ней говорилось именно то, что было выгодно воеводе. Так галицкий отряд покинул князя. Тогда же Мстиславу сообщили, что Глеб Юрьевич с «дикими» половцами переправляется через Днепр, а с другой стороны к Давыду Ростиславичу подходит большая «подмога» — вероятно, от братьев. Осаждённые совершали вылазки из Вышгорода, во время одной такой вылазки в плен к «поганым» попал тысяцкий князя Мстислава Городенского.

Мстислав Изяславич стал держать совет с союзными ему князьями. «Братья же рекоша ему: “Се вой от нас ро[зо]шлися, а сим — помочи большие приходят, а чёрный клобук нам льстит (изменяет. — А. К.). А не можем стати противу им. А поедем в свою волость: мало перепочивше (немного отдохнув, переждав. — А. К.), опять възвратимъся”». Так и было решено. 13 апреля 1170 года Мстислав покинул Киев. Его второе княжение здесь продолжалось немногим больше месяца. Давыд Ростиславич, узнав об отступлении своего врага, отправил вслед за ним погоню — половцев во главе с воеводой Владиславом Ляхом. Половцы нагнали князя у Волхова, но после перестрелки — закончившейся, видимо, не в их пользу — предпочли отступить назад.

Как всегда, победа союзников принесла жителям Киевщины одни лишь разорения и несчастья. «Половци же, воротишася опять (обратно. — А. К.), много створивше зла, люди повоеваша», — свидетельствует летописец. Часть половцев князь Глеб Юрьевич

отпустил «в вежи»; они встали за Василевом, «у седельников» — каких-то своих сородичей, — ожидая подхода остальной «дружины». Этим попытался воспользоваться союзник Мстислава Изяславича, князь Василько Ярополчич, княживший тогда в Михайлове (где-то в пределах Киевской земли). Однако его ночной рейд закончился жестоким конфузом: заблудившийся князь был атакован половцами и едва ушёл живым в свой город, «а дружину около его избиша, а ины руками изоимаша». Князь Глеб Юрьевич с Рюриком и Давыдом Ростиславичами и племянником Мстиславом Ростиславичем осадил Василька в Михайлове и заключил с ним мир на всей своей воле: самого князя отпустил к Чернигову, а город сжёг и полностью разрушил оборонительные сооружения.

Глеб вновь вступил в Киев. Едва ли он мог уверенно чувствовать себя здесь, ожидая неминуемой войны с Мстиславом. Однако летом Мстислав Изяславич неожиданно заболел. И «бе же ему болезнь крепка», по выражению летописца. Чувствуя приближение смертного часа, Мстислав послал за братом Ярославом и «урядился» с ним «добре», то есть заключил договор, по которому Ярослав обязался не искать волости под Мстиславовыми сыновьями, своими племянниками. Как мы уже знаем, 19 августа князь Мстислав Изяславич скончался^[158].

Произошло это в родном для него Владимире-Волынском. «И спрятавше тело его с честью великою и с пеньи гласохвалными, и положила тело его в Святей Богородици в епископии (то есть в кафедральном соборе. — А. К.), юже бе сам созда в Володимери».

Казалось, что смерть непримиримого врага упрочит положение Глеба Юрьевича в Киеве. Вышло, однако, совсем по-другому.

На исходе года, зимой, Глеб тоже заболел. Он даже не смог выступить в поход против половцев, вновь вторгшихся в русские пределы и захвативших множество сёл «за Киевом» с людьми, скотом и лошадьми. Вместо себя князь послал братьев Михалка и Всеволода, а также воеводу Володислава (очевидно, «Янева брата») с берендеями и торками. Удача вновь оказалась на их стороне: Юрьевичи перебили значительный отряд половцев и освободили 400 колодников.

А вскоре после их возвращения в Киев князь Глеб Юрьевич скончался. Это случилось 20 января 1171 года. «Сей бе князь братолюбець, к кому любо крест целовашеть, то не ступашеть его (то есть не нарушал крестного целования. — А. К.) и до смерти, — писал сочувствовавший ему летописец. — Бяше же кроток, благоденствен, монастыре любя, чернецкий чин чтяше, нищая добре набдяше (то есть подавал богатую милостыню нищим. — А. К.)». Князя с почестями похоронили в монастыре Святого Спаса на Берестовом, рядом с отцом.

И всё бы ничего, но позднее до князя Андрея Юрьевича дойдут слухи о том, что его брат будто бы был отравлен. Назовут даже имена предполагаемых отравителей — киевских бояр Григория Хотовича (возможно, того самого тысяцкого Глеба Юрьевича, которого князь посылал в Вышгород на помощь Давыду Ростиславичу?) и неких Степанца и Олексу Святословца. Трудно сказать, насколько основательны обвинения в их адрес [\[159\]](#). Но Андрей им поверит. Спустя год или около того он потребует от Ростиславичей, пребывавших тогда в Киеве, чтобы они выдали ему всех названных лиц, «яко те суть уморили брата моего Глеба». Ростиславичи выдавать бояр откажутся. К тому времени их отношения с Андреем из дружеских постепенно станут превращаться во враждебные. Но надо думать, что их

решение во многом объяснялось тем, что в вину киевских бояр они не верили.

«Златой» киевский стол по-прежнему манил к себе князей. Но он становился поистине проклятым. Один за другим занимавшие его князья уходили из жизни до срока, причём смерть их зачастую оказывалась необъяснимой. Новым киевским князем стал Владимир Мстиславич, наконец-то исполнивший заветную мечту своей жизни, — но сия тяжкая участь не миновала и его. Князья Ростиславичи послали за дядей в Дорогобуж, даже не поставив о том в известность Андрея. И «Матешич» не заставил себя упрашивать. В очередной раз «переступив» крестное целование недавним союзникам — теперь Ярославу Луцкому и его племяннику Роману Мстиславичу, он, «утаився», пошёл к Киеву, оставив вместо себя в Дорогобуже сына Мстислава. 5 февраля Владимир был уже в Киеве, где и воссел на «отний» киевский стол^[160].

Это пришлось не по нраву Андрею. Не то чтобы он рассматривал «Матешича» как серьёзного политического противника. Но Андрей потратил слишком много усилий для того, чтобы поставить киевский стол под свой полный контроль, и совершенно не собирался мириться с тем, что какой бы то ни было князь занимал Киев без его, Андрея, на то согласия. Андрею же «не любо бяше седенье Володимере [в] Киеве», — свидетельствует киевский летописец. Князь отправил грозное послание «Матешичу», «веля ему ити ис Киева». На киевском престоле Андрей хотел видеть смоленского князя Романа, старшего из князей Ростиславичей. Ему Андрей направил другое послание, «веляше ити [к] Киеву».

Трудно сказать, готов ли был Владимир «Матешич» исполнить требование Боголюбского и как развивались бы события, не случись того, что случилось. Но вскоре после восшествия на «златой» киевский стол князь

заболел. И его болезнь тоже оказалась смертельной. 10 мая Владимир Мстиславич скончался^[161]. Его киевское княжение продолжалось всего три месяца с небольшим.

Теперь уже ничего не мешало Андрею решить судьбу Киева по своей воле. «Том же лете, — рассказывает летописец, — приела Андрей к Ростиславичем, реко тако: “Нарекли мя есте себе отцемь, а хочу вы добра. А даю Романови, брату вашему, Киев”».

(По сведениям В.Н. Татищева, после смерти Владимира Мстиславича киевский стол самовольно занял брат Андрея Михалко Юрьевич, «но к брату Андрею, как надлежало старейшему своему, честь приложить не послал». Андрей направил киевлянам послов, объявляя, «дабы никого, кроме Романа Ростиславича, на престол не принимали». Посему, «опасаяся Андрея», киевляне отказали Михалку, «но упросили его быть во управлении до прибытия Романова»^{297}. Так ли было на самом деле или нет, мы, к сожалению, не знаем. Знаем лишь, что Михалко не раз выказывал нежелание следовать воле старшего брата. Но в конце концов и ему пришлось подчиниться.)

Это было время наивысшего могущества князя Андрея Юрьевича, пик его политических успехов. Чужими княжескими столами, в том числе и киевским, он распоряжался как своим собственным. Подчиняясь его воле, Роман выехал из Смоленска, оставив на смоленском княжении сына Ярополка. Его брат Мстислав получил Белгород — важнейшую крепость, прикрывавшую Киев с запада. (В другом форпосте Киевской земли, Вышгороде, сидел, напомним, ещё один его брат, Давыд.) На пути к Киеву, возле самого города, князя Романа Ростиславича встречали с крестами митрополит Константин, печерский архимандрит Поликарп, прочие игумены, «и кияне вси, и братья его». В первых числах июля 1171 года (В.Н. Татищев называет точную дату: 1 июля) Роман воссел на киевский стол, «и

бысть радость всим человеком о Романове княжени». Если Михалко действительно «стерёг» для Романа Киев, то после его восшествия на киевский стол он вернулся к себе в Торческ.

Казалось, Киев обрёл наконец столь желанные тишину и покой, которые мог дать ему новый князь. Но эти тишина и покой тоже получились недолговечными. Гроза, готовая разразиться над Киевом, уже собиралась...

«Рукою царскою...»

Ближе к концу жизни Андрея стали именовать *великим князем*. (Так он назван в летописной повести о его убиении — причём не только в суздальской, но и в киевской её версии.) Для этого имелись все основания: Андрей был старше любого из тогдашних князей, не исключая тех, кто занимал киевский стол, — и своего младшего брата Глеба, и признавшего его «в место отца» Романа Ростиславича, и прочих. Для истории Владимиро-Суздальской Руси это имело принципиальное значение: преемники Андрея тоже будут называться *великими князьями*. Причём к Киеву этот титул не имел уже никакого отношения. Сам факт княжения во Владимире давал право на обладание им.

Летописи присваивают Андрею и другие эпитеты, помимо *великого*, устойчиво именуя его *благочестивым* и *боголюбивым* князем. Само его прозвище — *Боголюбский* — звучало как некий титул, знак избранничества. Причём такой знак и такой титул, какими не обладал никто другой из русских князей.

Но больше того: в источниках, повествующих о второй половине княжения Андрея, всё чаще встречается наименование его не просто *князем*, но — *царём*. Конечно, этот титул уже не официальный. «Царём», или «цесарем», на Руси называли византийского императора — и только его одного. (До завоевания Руси монголами, когда так же стали называть и правителя Монгольской империи, а затем и Золотой Орды.) Но *неофициально* титул «царь» применялся иногда и к русским князьям — начиная ещё с Крестителя Руси Владимира Святого, который — не забудем об этом — через брак с греческой принцессой породнился с византийским правящим домом. Так,

«царём» был поименован Ярослав Мудрый — в надписи-граффити о его «успении» в киевском Софийском соборе, и так же Мстислав Великий — в торжественной приписке к изготовленному для него роскошному списку Евангелия. Да и некоторые другие киевские князья (князь-инок Игорь Ольгович, Изяслав Мстиславич, его брат Ростислав) иногда, хотя и в редких случаях, тоже именовались «царями», или же о них говорили, что они «царствуют», а не просто «княжат»^{298}.

Смысл и значение этого наименования выяснены не до конца. Но нельзя не заметить, что титул «царь» — пусть даже и неофициальный, — как и титул великого князя, всегда был тесно связан с обладанием «золотым» киевским престолом. Показательно, например, как отец Андрея Юрий Долгорукий в августе 1149 года договаривался о разделе Русской земли со своим племянником Изяславом Мстиславичем, занимавшим тогда киевский стол, — Юрий требовал себе лишь Переяславль, объявляя о готовности признать право племянника на Киев: «...ать посажу сына своего у Переяславли, а ты седи, *царствуя в Киеве* (выделено мной. — А. К.)»^{299}. В ряду прочих князей, претендовавших на «царское» именование, Андрей оказывается первым, *никогда не правившим* в Киеве. Ему было довольно и того, что киевские князья находились в полнейшей зависимости от него. И мы уже цитировали слова летописца о «руке благочестивой *царской*» «правдивого и благоверного князя Андрея», коей были спасены «кроткие люди» Русской земли от «звероядивого» «лжеепископа» Феодора, казнённого — не без участия Андрея — в стольном Киеве. Распоряжаясь судьбами киевского княжеского стола, решая участь церковных иерархов, князь Андрей Юрьевич и в самом деле уподоблял себя византийским василевсам — а потому пышные византийские титулы должны были льстить его уху.

Андрей всегда помнил о том, что по праву рождения и сам принадлежал к роду византийских василевсов. Его дед Владимир Мономах был сыном греческой царевны, дочери императора Константина IX Мономаха. Родовое прозвище последнего перешло и к русскому князю. Андрей — в том числе и в своих «программных» сочинениях — подчёркивал это родство, не забывал указывать на то, что является «сыном Георгиевым, внуком Манамаховым именем Владимирера, *царя и князя всеа Руси*», — как сказано было в Слове о милости Божий, написанном им вскоре после победоносного похода на волжских болгар 1164 года. А это значило, что и сам Андрей мог претендовать на обладание «царской» властью. И спустя совсем немного времени, ещё в одном сочинении, посвященном болгарской победе и установлению на Руси нового праздника Всемиловитовому Спасу 1 августа, — Слове на праздник, — суздальский князь действительно был назван «благочестивым и верным нашим *цесарем и князем*»: он установил это новое для всего православного мира празднование совместно с «цесарем Мануилом», с которым они, по словам того же источника, пребывали «мирно в любви и братолюбии»^{300}.

Разумеется, в самой Империи русский князь никак не мог считаться равным императору или называться его «братом». На этот счёт у византийцев существовали очень строгие правила, и к правителям других стран, тем более таких «варварских», как Русь, они относились с плохо скрываемым презрением и высокомерием. Но на Руси руководствовались иными соображениями. В летописной повести об убиении князя Андрея Юрьевича мы встретимся с таким представлением о его власти, которое ставит знак равенства между ним и византийским «царём». Более того, именно к Андрею будут отнесены здесь и знаменитая сентенция апостола Павла о повиновении властям, и определение царской

власти, сформулированное еще в VI веке современником императора Юстиниана константинопольским диаконом Агапитом: «Пишет апостол Павел: “Всяка душа влаstem повинуется: власти бо от Бога учинены суть” (Рим. 13: 1). Естеством бо царь земным подобен есть всякому человеку, властью же сана вышши, яко Бог»^[301]. Иными словами, выходило, что «естеством земным» подобный «всякому человеку» князь Андрей Юрьевич уподоблялся властью своего «сана» не только императору, но и самому Богу. Собственно, нечто подобное мы уже встречали в речи половецких послов, обращенной к его младшему брату Глебу Киевскому: половцы прямо заявляли, что Глеб был посажен на киевском столе равно Богом и князем Андреем.

Такое представление об Андрее Боголюбском было усвоено и книжниками следующего поколения. В так называемой Второй редакции Жития Леонтия Ростовского, во входящем в её состав «Слове о внесении телесе святого в новую церковь», Андрей также был поименован «благочестивым господином и *царём и князем* нашим», а Ростовская земля названа «областью» его «*царства*»^[302].^[162]

Здесь, пожалуй, уместно будет заметить, что современные историки склонны рассматривать княжение Андрея Боголюбского как важнейший этап в становлении монархического, самодержавного строя Северо-Восточной Руси, более того — в становлении того, что можно назвать «русским деспотизмом»^[303]. Окружённый своими «милостинниками» и слугами, убравший от себя старых бояр отца и изгнавший за пределы княжества племянников и братьев, Андрей представляется не просто тираном и деспотом, но предтечей будущих московских самодержцев, одним из тех, кто повернул рельсы русской истории в направлении, прямо противоположном тому, по которому шло развитие европейской цивилизации.

Думаю, что это всё-таки преувеличение. Политика Андрея, направленная на укрепление его личной власти, на избавление от возможных соперников в борьбе за престол, на ослабление роли такого учреждения, как вече (и без того более слабого в Ростовской земле, нежели в Киевской или Галицкой), — явление закономерное и вполне укладывающееся в общую тенденцию развития феодальных отношений того времени как в Западной, так и в Восточной Европе. Другое дело, что спустя шесть с небольшим десятилетий после смерти Боголюбского Русь подвергнется нашествию монголов — и вот тогда-то её пути действительно кардинально разойдутся с европейскими. Но уж в чём в чём, а в этом князь Андрей Юрьевич точно не виноват.

Ну а как воспринималась власть Андрея Боголюбского за пределами Русской земли? О «любви и братолюбии» Андрея с императором Мануилом Комнином мы знаем исключительно из русского, или даже точнее — владимирского по происхождению сочинения. Имя Андрея — в отличие от имён его отца Юрия и брата Василия или современных ему князей Ростислава Киевского, Ярослава Галицкого или Романа Волынского — в собственно византийских источниках не упоминается (если, конечно, не считать послания патриарха Луки, дошедшего до нас исключительно в русской передаче). Равно как не упоминается имя Андрея и в западноевропейских источниках, хотя и на Западе, и в Империи ромеев русского князя, несомненно, хорошо знали. Мы уже отмечали, что патриарх Лука обращался к нему как к «преблагородивому князю ростовскому и суздальскому» (но, конечно, не как к «великому князю всея Руси», каковым он признавал киевского князя Ростислава Мстиславича!). Похвалил первоиерарх Православной церкви и «доброе поч[и]тание» русского князя и «еже к Богу правую» его

веру. В то же время он, как мы помним, не счёл возможным откликнуться ни на одну из тех конкретных просьб, с которыми обратился к нему русский князь. Впрочем, о русско-византийских отношениях в эпоху Боголюбского мы говорили уже достаточно. Что же касается отношений, связывавших в XII веке Владимирское княжество и Священную Римскую империю, то косвенным свидетельством их существования — помимо вероятного участия германского архитектора в возведении Владимирского собора — служат так называемые наплечники Андрея Боголюбского. Эти массивные медные позолоченные накладки, украшенные эмалевыми изображениями на евангельские сюжеты, были изготовлены в Германии, но традиционно считаются деталью облачения владимирского «самодержца» (отсюда и их название). Один из этих наплечников, правый, хранится ныне в Лувре, а другой, левый, — в Германском национальном музее в Нюрнберге, где почитается как национальная реликвия. В Европу же они попали в 30-е годы прошлого века из России: правый, с изображением сцены Воскресения Христова, весом 320 граммов, происходил из ризницы владимирского Успенского собора^[163]; левый, с изображением Распятия, весом 460 граммов, — из одного из монастырей Владимирской губернии. (Правый наплечник изготавливался меньшим для удобства движения рукой.) Как отмечают специалисты, в средневековой Германии подобные наплечники («армиллы»), «наряду с короной, державой, скипетром и мечом, являлись символом королевской власти». Время их изготовления называют по-разному, как и имя возможного автора: одни исследователи считают, что они вышли из мастерской знаменитого маасского ювелира Годфруа де Клера, работавшего с 1125 по 1152 год при дворе германских императоров; другие датируют их более поздним временем — 1170-ми или

даже 1180-ми годами, приписывая не менее знаменитому мастеру Николаю Верденскому или кому-то из его предшественников^[304]. На Руси, и именно во Владимире, они могли оказаться лишь в качестве дара императора Фридриха I Барбароссы кому-то из владимирских князей — либо Андрею Боголюбскому (при первой их датировке), либо его младшему брату Всеволоду Юрьевичу (при второй). А это значит, что контакты между правителями двух стран носили официальный характер.

Надо сказать, что слава о русском правителе разошлась далеко за пределы Руси. Яркое подтверждение тому мы находим в сочинениях грузинских и армянских авторов XII века. Так уж случилось, что именно с этим регионом оказалась связана судьба младшего сына Андрея Боголюбского — Юрия, а потому именно здесь сохранились сведения о Юрьевом отце. И выясняется, что слухи о его могуществе даже преувеличивались.

Так, один из влиятельных людей Грузии второй половины XII века, некий «взысканный царями эмир Картлийский и Тбилисский, по имени Абуласан», рассказывал государственному совету о пребывающем в изгнании сыне Андрея Юрии. Самого «царевича» он по имени не назвал. Гораздо важнее для собравшихся было сообщить о том, чьим сыном тот являлся. «Я знаю сына государя — Андрея Великого — правителя руссов, которому подвластны триста князей русских», — приводит его слова грузинская летопись^[305].^[164] Это было сказано весной 1185 года, спустя 11 лет после гибели Андрея. Мы помним, что позднейший новгородский книжник утверждал, будто Андрею были подвластны 72 князя, отправленные им войной на Новгород. Грузинский хронист, писавший намного раньше, увеличил это число до трёхсот — цифра совершенно неправдоподобная, но зато вызывающая

чувство почтения к такому великому мужу. Признавали на Кавказе и царский титул Андрея. Царём «рузов» (то есть русских) называют отца Юрия Андреевича армянские источники — как XII века, так и более позднего времени.^{306}.

Судьба сыновей

Семейная жизнь князя Андрея Юрьевича внешне складывалась вполне благополучно. Бог даровал ему четырёх сыновей, сумевших безболезненно преодолеть страшную по тем временам пору младенчества. После смерти старшего из них, Изяслава, сыновей осталось трое — тоже вполне достаточно для того, чтобы быть уверенным, что княжеский стол после смерти отца перейдёт по наследству в надёжные, родные руки.

В 1170 или 1171 году у князя Мстислава Андреевича родился сын, получивший в крещении имя Василий, — внук Андрея^[307].^[165] Летописная запись о его появлении на свет — новое подтверждение крепости и устойчивости династии, о котором поспешил во всеуслышание заявить суздальский князь. Но о судьбе княжича нам ничего не известно. В дальнейшем его имя в летописях упоминаться не будет. А это, скорее всего, означает, что внук Боголюбского умер ещё ребёнком. Если это случилось при жизни Андрея, то он, несомненно, тяжело пережил утрату. Василий так и останется единственным его внуком, по крайней мере из тех, что известны нам.

Что же касается сыновей, то Андрею доведётся похоронить ещё двоих. И каждая новая смерть тяжёлым ударом будет отзываться в его сердце. А если учесть ещё нелады с женой (о чём мы говорили в первой части книги) и то, что жена князя, возможно, участвовала в заговоре против него и его злодейском убийстве (об этом речь ещё впереди), то картина счастливой семейной жизни на наших глазах превращается в нечто совершенно противоположное...

По всему видно, что Мстислав, оказавшийся теперь старшим среди Андреевичей, был любимцем отца. Андрей поручал ему главнейшие дела княжества, ставил над другими князьями и целыми княжескими коалициями, давал в подчинение громадные рати. Очередной большой поход войск Владимиро-Суздальского княжества и союзных князей был организован Андреем в феврале или марте 1171 года (или, что менее вероятно, 1172-го) против Волжской Болгарии — давнего врага суздальских князей^[166]. И вновь верховенство в походе было поручено Мстиславу, а воеводой к нему отец приставил всё того же Бориса Жидиславича, которому, как видим, не перестал доверять даже после разгрома под Новгородом.

Что стало причиной похода, мы, к сожалению, не знаем. Возможно, болгары нарушили условия договора, заключённого ими с Андреем после первой болгарской кампании; возможно, никаких договорённостей тогда и не было и новый поход объяснялся нападениями болгар на какие-то русские земли. А может быть, целью похода было желание дружины и князей обогатиться, захватить побольше добычи. Не будем забывать, что ради этого чаще всего и велись войны в Средние века. Мусульманская Болгария рассматривалась русскими как безусловный враг, прежде всего в религиозном смысле, и для её сокрушения годились все имеющиеся способы и средства. В эпоху глобального столкновения ислама и христианства война с Болгарией воспринималась как часть всеобщего Крестового похода против врагов веры, и мы уже довольно говорили об этом, когда речь шла о болгарском походе Андрея Боголюбского 1164 года. Новая война с Болгарией, как и предыдущая, должна была стать общим делом всех князей Северо-Восточной Руси. Правда, на этот раз события приняли не совсем тот оборот, какой, наверное, хотел придать им князь.

Как и годом ранее, Андрей привлёк к походу своих союзников — рязанского и муромского князей. Сами они и теперь не приняли участие в военных действиях, вновь ограничившись тем, что отправили на помощь Андрею своих сыновей. Местом сбора дружин был определён Городец (по-другому Радилов Городец, ныне райцентр Нижегородской области) — крепость на левом берегу Волги, выше устья Оки. Сюда, к переправе через Волгу, вела дорога от Владимира, Суздаля и Ростова. По сведениям некоторых поздних летописей, Городец был построен ещё во времена Юрия Долгорукого неким его племянником (или внуком?) Борисом Михалковичем; по мнению же большинства историков, город основал Андрей Боголюбский вскоре после своего победоносного похода на Волжскую Болгарию^{308}. В Городец, или, скорее, к переправе напротив Городца, и прибыл Мстислав Андреевич с частью войска — прежде всего с собственной дружиной и воеводой Борисом. Затем они продвинулись к устью Оки — туда, где впоследствии будет выстроен Нижний Новгород. Впрочем, мы не знаем точно, на каком берегу Оки — левом или правом — остановился князь, равно как не знаем, имело ли какие-либо укрепления место его стоянки или же он расположился в неукреплённом, временном поселении. Здесь князь и соединился со своими «братьями» — младшими князьями из Муром и Рязани. (Их имена и на этот раз в летописях не приведены.) Но и княжичи прибыли на встречу с Мстиславом лишь с собственными, весьма незначительными по численности дружинами. Главные силы должны были подойти следом.

Тут-то и выяснилось, что особого желания воевать не было ни у ростовской и суздальской рати, ни у рязанских и муромских полков. Летописец объясняет это тем, что поход был «не люб» людям, «зане непогодье есть зиме воевати болгар». Действительно, зима давала возможность преодолевать реки по льду, не

задерживаясь для организации переправы, но воевать, утопая в снегу, особенно в условиях бездорожья, было чрезвычайно затруднительно. Вот и получилось, что рати не спешили на соединение со своими князьями. Они либо совсем не двигались, либо двигались еле-еле, ссылаясь на бездорожье, непогоду и снежные заносы (а может быть, наоборот, на распутицу). Во всяком случае, погодные условия оказались не слишком подходящими для продвижения больших масс людей. Но очень похоже на то, что «непогодье» было использовано прежде всего как предлог для того, чтобы не участвовать в походе, смысл которого ростовские, суздальские и прочие «мужи» не понимали. По замечательному выражению летописца, ратники, «идуче, не идяху».

Мстислав и князья ждали полки в течение двух недель. Но в конце зимы время, предоставляемое погодой для военных действий, в любом случае коротко. Так и не дождавшись подхода основных ратей, князья решили ударить по болгарам силами «передней дружины», то есть передовых отрядов. В их распоряжении находился и «наряд» — оружие, доспехи и всё необходимое для ведения боя.

Несмотря на двухнедельное пребывание русских дружин на Волге, болгары ничего не знали о их приготовлениях к войне и были застигнуты врасплох. «И въехаша в поганяя без вести», — рассказывает о рейде княжеской дружины летописец. Стремительным ударом русские захватили шесть болгарских сёл и некий неназванный город. С жителями расправились, как обычно: «мужи исекоша (поубивали. — А. К.), а жены и дети поима[ша]». Захваченный полон и представлял главную ценность в войне. Теперь ратники могли повернуть обратно. Их двухнедельное стояние на Оке оказывалось не напрасным и после продажи пленников или их поселения на землю должно было окупиться сторицей. Но к тому времени пришли в себя и болгары.

Им удалось собрать значительные силы. «Слышавше же болгаре в мале дружине князя Мстислава пришедша и идуща опять (то есть возвращающегося вспять, обратно. — А. К.) с полоном, доспеша вборзе (то есть поспешили. — А. К.) и поехаша по ним в 6 [тысячах]».

От этой лихой погони Мстислав с князьями едва сумел ускользнуть. «За малым не постигоша их», — продолжает свой рассказ летописец. Наших отделяли от преследователей каких-нибудь 20 вёрст. Но Мстислав «с малою дружиною» и полоном успел переправиться через Оку. Преследовать его дальше болгары не стали и повернули обратно^[167].

Как всегда, случившееся было объяснено вмешательством Высших сил. «...И възврати от него Бог поганяя болгары, хрестьяны покрыв рукою Своею», — подводит летописец итоги похода князя Мстислава. Заступничество Пресвятой Богородицы и сила христианской молитвы и на этот раз проявили себя очевидно для всех («очивесть»), и русским воям осталось лишь вознести благодарственные молитвы. «Погани бо възвратишася вспять, а хрестьяне хваляще Бога, възвратишася в своя си».

Успех, конечно, был весьма относительным. Но полон князя привели, а из своих людей вроде бы никого не потеряли.

Мы не знаем, наказали ли Андрей и его сын нерасторопных воевод. Возможно, что и нет. Князя вполне могли рассудить так, что всё, что ни делается, делается по Божьему изволению, а значит, промедление главных сил на пути к Волге произошло неспроста, и в итоге всё обернулось к лучшему. Но некий очень важный для себя сигнал Андрей, кажется, пропустил. Войско, или по крайней мере его часть, уже не хотело воевать ради тех целей, которые он объявлял. Промедление ратей, в том числе и его собственных — ростовских, суздальских и даже владимирских, свидетельствовало о

том, что какие-то важные рычаги управления людьми князь постепенно выпускал из своих рук — всё ещё не отдавая себе в этом отчёт.

Что же касается Андреева семейства, то в его жизни болгарский поход имел весьма печальное, хотя и отдалённое по времени последствие. Как и для старшего Андреевича Изяслава, он оказался последним в биографии второго и любимого Андреева сына Мстислава. Примерно год спустя, 28 марта 1172 года, князь Мстислав Андреевич умер^[168]. Как и Изяслав, он был похоронен во владимирском Успенском соборе. «И плакашися по немь отець его и вся Суждальская земля», — свидетельствует летописец^{309}.

Нынешняя гробница князя находится близ северных дверей храма. В «надгробном листе», помещённом над ней в XVII веке, второй сын Андрея Боголюбского показан был как великий христолюбец и заступник православных людей: «бѣше бо велми добродетелен и милосерд ко христианомъ», но беспощаден к врагам христианской веры. «...Наипаче безбожных болгар всю землю поймал и попленил», — вспоминал владимирский книжник о болгарском походе князя Мстислава Андреевича. А далее продолжал: «...и многих во святое крещение просветил, а непокоряющихся мечу предавал»^{310}.^[169] Трудно сказать, в какой степени эта характеристика соответствует действительности. Так, о миссионерских усилиях князя в Волжской Болгарии нам ничего не известно, да и едва ли у него нашлось время для обращения болгар в христианство. Хотя кто-то из пленников, наверное, мог и принять крещение.

После смерти Мстислава первенство среди Андреевичей перешло к Юрию (Георгию). Пока что он был ещё совсем ребёнком, «дитя», как называет его летописец. И тем не менее отец посчитал его юный

возраст подходящим для начала военной и политической карьеры.

Первое упоминание в летописях о князе Юрии Андреевиче связано с новгородской политикой его отца. Поговорим и о ней.

Князю Рюрику Ростиславичу так и не удалось ужиться с новгородцами. В 1171 году он отнял посадничество у Жирослава и выгнал того из города. Обиженный Жирослав отправился в Суздальскую землю, к Андрею, с жалобами на самовольство князя. А весной следующего, 1172 года («на зиму», по не вполне точному выражению новгородского летописца) Рюрик и вовсе покинул Новгород. Был ли его уход согласован с Андреем, неизвестно. Не сказавшись новгородцам, Рюрик двинулся к Смоленску. Его сопровождали собственное семейство и бояре. Двигались не спеша, поскольку жена Рюрика была на сносях. Уже в пределах Смоленской земли, у города Лучина, княгиня разрешилась мальчиком. Обрадованный князь нарёк новорожденного Ростиславом, а в крещении Михаилом — и то и другое имя были даны младенцу в честь деда, великого киевского князя Ростислава Мстиславича. Рюрик действовал как полноправный смоленский князь, вероятно, не признавая «де-факто» переход Смоленского княжества в руки своего племянника Ярополка Романовича: младенцу, его сыну, был пожалован город Лучин, а на месте рождения вскоре была возведена церковь Архангела Михаила. Рождение княжича случилось 7 апреля 1172 года, в пятницу Вербной недели, на восходе солнца^{311}, и эта дата, приведённая киевским летописцем, позволяет нам более или менее точно датировать и остальные события, развернувшиеся вокруг освободившегося новгородского стола.

Оставшиеся без князя новгородцы отправили посольство к Андрею «по князь» (то есть за князем).

Очевидно, послы прибыли во Владимир в конце марта или самом начале апреля. Но здесь царил траур, ибо всего несколькими днями раньше земле был предан сын Андрея Мстислав. Понятно, почему Андрей не стал отправлять в Новгород никого из князей, своих ближайших родственников. Вместо них он послал бывшего посадника Жирослава «с мужи своими», то есть с суздальскими боярами. До времени им предстояло править городом — к вящему неудовольствию новгородцев, для которых такая ситуация была крайне невыгодной и унижительной. Жирославу было возвращено посадничество, отнятое теперь у сменившего его Иванка Захарьича — сына бывшего новгородского посадника Захарии, казнённого зимой 1167/68 года. И только спустя немного времени, может быть, месяц или больше, Андрей решился сделать новгородским князем своего третьего сына. «И вда им детя свое Гюрги», — читаем в Лаврентьевской летописи. Новгородцы приняли его «с честью» — хотя и ребёнок, но всё же князь, а не княжеский «муж»^{312}.

Совсем ещё юному Юрию очень непросто пришлось в Новгороде. Разумеется, правил здесь не он сам, а от его имени Андреевы бояре и посадник Жирослав. И правили они так, что следующей зимой новгородскому архиепископу Илье пришлось ехать посольством во Владимир к князю Андрею «на всю правду», то есть для заключения нового договора. Ему удалось договориться с князем. Посадничество у Жирослава отобрали и вернули Иванку Захарьичу, что, вероятно, в большей степени устроило горожан.

В дальнейшем новгородцы под номинальным началом юного Андреева сына примут участие в новом большом походе на Киев. Ничем особым они там отличиться не сумеют, зато вернутся в Новгород все «здоровы», то есть без потерь, что и было для них главным. Ну а спустя несколько месяцев после

трагической гибели Андрея Боголюбского от рук заговорщиков случится то, чего и следовало ожидать: «выведоша из Новагорода князя Гюргя Андреевича». Выведут не столько из-за молодости, сколько из-за нелюбви к его отцу, принесшему столько бед Великому городу.

Мы ещё будем говорить о судьбе князя, которому придётся скитаться по чужим землям и на время сделаться даже царём Грузии, мужем знаменитой царицы Тамары. После смерти отца он проживёт около двадцати лет и скончается после 1191 года (точный год его смерти неизвестен). Грузинские источники, крайне неодобрительно отзывающиеся о русском супруге своей царицы, характеризуют Юрия с самой невыигрышной стороны, особо отмечая его «омерзительное» пьянство и распутство^{313}. Заметим, что это те самые пороки, которые не выносил и с которыми всю жизнь боролся отец Юрия, не бравший в рот спиртного и ведший жизнь почти аскетическую. Но такое случается и в обычных семьях, и у сильных мира сего: именно те отрицательные свойства натуры, которые преодолевает в себе родитель, порой дают пышные всходы в его детях. Впрочем, Юрий не испытал влияние отца в полной мере. Он оказался оторван от него ещё в отрочестве и в отрочестве же покинул Русь. А потому можно думать, что и «скифское» пьянство, и прочие пороки были приобретены им уже после того, как он оказался на чужбине, скорее всего, у половцев, среди которых ему пришлось провести несколько лет.

Последний из сыновей Андрея, князь Глеб, — фигура загадочная в русской истории. Как уже говорилось, ранние летописи не знают о таком сыне Андрея Боголюбского, называя по именам троих — Изяслава, Мстислава и Георгия. Его имя появляется в источниках лишь с XV века: впервые в княжеском родословце

новгородского происхождения (восходящем, как считается, к Новгородско-Софийскому летописному своду 30-х годов XV века), где названы трое сыновей Андрея, но вместо Георгия значится Глеб^[314].^[170] Причина этой замены ясна: Георгий (Юрий) был похоронен неведомо где, вдали от родной земли (скорее всего, в Грузии); остальные же его братья нашли последнее пристанище во владимирском Успенском соборе. Здесь, помимо прочих, обнаружилась и гробница князя Глеба, их брата. Впрочем, долгое время останки всех трёх Юрьевичей пребывали в одном саркофаге. «Да в той же соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы з братьями своими, з благоверными князи со Мъстиславом и Изяславом Андреевичи опочивает в одной гробнице третий сын благоверного великого князя Андрея Георгиевича Боголюбского князь Глеб Андреевич», — говорилось об этом в так называемом «Летописце Владимирского собора» (по списку последней четверти XVII века). По указу царя Ивана Грозного, неоднократно посещавшего город Владимир, было поведено совершать панихиды по владимирским князьям, погребённым в Успенском соборе, в том числе и по Глебу:

«Великого князя Андрея Боголюбского по детям: по князе Изяславе Андреевиче пети в год одна понахида — сентября в 28 день; по князе Мстиславе Андреевиче пети в год одна понахида — марта в 28 день; по князе Глебе Андреевиче пети в год одна понахида — июля в 24 день»^[315].

Как видим, даты памяти двум старшим Андреевичам установлены в дни их кончины, известные из летописей. Память же Глеба Андреевича в XVI веке отмечалась в день памяти святых страстотерпцев Бориса и Глеба. А это значит, что в более ранних источниках никаких сведений о младшем сыне Боголюбского и дате его смерти успенские клирики найти не смогли.

Всеобщее внимание к себе мощи одного из трёх погребённых в соборе сыновей князя Андрея привлекли своим явным нетлением. «Един из них видим и покланяем всеми, погребальная ж не истле, но вся, аки нова», — читаем в Описи Владимирского собора середины XVII века^{316}. Именно эти останки и были отождествлены как принадлежащие младшему сыну Боголюбского. Народное их почитание со временем приобрело официальный характер. Уже в Петровскую эпоху, 30 ноября 1702 или 1701 года (вслед за открытием в октябре того же года мощей самого Андрея Боголюбского), мощи князя Глеба Андреевича были открыты и переложены в серебряную раку в Георгиевском приделе собора. Тогда же князю было установлено празднование (20 июня) и составлены Житие и служба^{171}.

Кажется очевидным, что Житие, написанное более чем через полтысячелетия после кончины князя, не могло опираться на какие-либо древние предания и представляет собой, по словам выдающегося исследователя древнерусской агиографии Николая Ильича Серебрянского, «только условно-агиографическую характеристику святого, скорее литературную компиляцию из стороннего житийного материала, чем церковно-историческую биографию»^{317}. Тем не менее лишь отсюда можно извлечь некоторые, весьма скудные биографические сведения о четвёртом сыне князя Андрея^{318}.

Впрочем, почти сразу же мы сталкиваемся с недоумением, явным противоречием в предании о Глебе. Он назван младшим («юнейшим») сыном Боголюбского, но вместе с тем говорится, что он умер за несколько дней до смерти отца, 20 июня 1175 года (должно быть: 1174-го), в возрасте двадцати лет, то есть появился на свет в 1155 или 1154 году. Но мы уже говорили, что третий сын Андрея, Юрий, ко времени смерти отца был

ещё ребёнком, не достигшим совершенных лет. Получается, что либо Глеб был намного старше его, а значит, отнюдь не был младшим в семье, либо он умер чуть ли не в младенческом возрасте^[172] — что, впрочем, явно противоречит характеру его останков, принадлежащих взрослому, приблизительно двадцатилетнему человеку. Ошибочно и утверждение автора Жития, будто все братья Глеба, включая Юрия, ушли из жизни раньше его.

Житие рисует Глеба Андреевича неким совершенным человеком, воссоздавая недостижимый идеал князя и христианина. «Воспитанный отцом своим в духе глубокой религиозности, он был живым воплощением всех лучших черт высоконравственного характера самого Боголюбского, — писал о Глебе позднейший историк, распространяя и дополняя житийный источник. — Живые семена христианского учения, подкрепляемые наглядным примером благочестивой жизни отца его, глубоко запали в восприимчивую душу щедро одарённого от природы юного князя Глеба и принесли плод сторицею. Это был юноша не от мира сего: кроткий, благоговейный, милосердый к бедным, юный Глеб не терзался честолюбием, как все тогдашние князья, не добивался княжеского стола, не заботился о славе ратной и, живя всё время с отцом своим, не участвовал в воинских походах вместе с братьями своими, считая для себя счастьем посещать каждодневно великолепные храмы, построенные отцом его, и присутствовать при богослужении. За эти высокие душевные качества он и был особенно любим всеми и наиболее всех отцом своим Андреем Боголюбским»^{319}.

По свидетельству Жития, княжич сам «проуведаль» своё отшествие к Богу и приготовился к смерти. В это время отец его находился в Суздале. Житие Андрея и следующая за ним Летопись Боголюбова монастыря — памятники ещё более поздние, чем Житие Глеба, —

объясняют это заботами Андрея о суздальских церквях: князь отправился туда из Боголюбова, «да и тамо церкви Божия возобновит, обветшали бо беша» (известие, отсутствующее в более ранних источниках). И вот, пребывая в Суздале и следя там за ходом строительных и восстановительных работ («и святые церкви, такожде и град усердие обновляющу»), князь получил трагическое известие о том, что любимый сын его Глеб умер в стольном Владимире^{320}. Автор Жития князя Глеба Андреевича приводит плач Андрея по столь рано умершему сыну, и плач этот выписан в лучших традициях житийной литературы Нового времени:

«...И уведавшу отшествие к Богу сына своего юнейшаго святого князя Глеба, притече скоро в славный град Владимирь и паде на перси его со слезами, вопияше, и рече: “О чадо мое преблаженное и возлюбленное, свете очию моею! Почто мя тако оставил еси, рождьшаго отца своего? О сыне, сыне мой сладкий и любезнейший и драгий, свете очию моею, благий наказателю ко спасению! Аз тебе всегда зря, веселяхся яко аггела Божия светлые красоте лица твоего! Ныне же кто ми утешит многосетованную скорбь сердца моего, яко разлучившу ми ся сладкия и неизреченныя любви твоя?! К тому же убо не узрю уже тебе, рождения моего, благаго и любимаго лица твоего и ниже насыщуся красныя твоя беседы, яко не услышу уже тихаго словесе ко спасению и благаго твоего гласа “»^{321}.

Когда же о смерти княжича стало известно во Владимире, к княжескому дворцу начали стекаться все жители города — «благороднии князи и боляре, мужие и жены и с сущими младенцы, нищий и убози; и велможи плачущеся, яко истинный им бе учитель, нищий же и убозии, сироты же и вдовицы рыдаху, яко питателя своего и крепкаго помощника и непобедимаго заступника лишишася». Тело князя «со псалмы и

песнями и пении духовными» было перенесено в Успенский собор, причём это едва можно было сделать из-за великого скопления людей и их безутешного рыдания. Даже случившиеся в то время в городе иностранные «гости» — купцы — и те оплакивали князя, «видяще толикий недоуменный плачь народу имущь». «Епископ же и весь освященный собор и блаженный святой отец его великий князь Андрей, со свечами и с кандилы честне проводиша и принесше, поставиша на одре святое тело его в соборной церкви, и не без слышати пения во мнозе плачи, и тако со многими слезами певши над ним надгробные песни, конечное целование и обычное благословение и разрешение о Бозе ему подавше. И погребоша его в велицей соборной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения Златоверхия на левой стране во гробе каменном возле братии его Изяслава и Мстислава Андреевичев. Беша же тогда от многоцелебных мощей его многое исцеление скорое приходящим, даже и до сего дни».

Как уже говорилось, по крайней мере с XVI века мощи юного сына князя Андрея Боголюбского стали особо почитаться во Владимире. К Житию князя Глеба Андреевича присоединён рассказ о чудесах, происходивших от них. Чудеса эти относятся к тому же времени, когда было составлено само Житие, то есть к концу XVII — самому началу XVIII века: так, помощью святого были исцелены некая расслабленная жена владимирского кузнеца, недужный младенец Иоанн, расслабленный отрок, также Иоанн, ослепшая жена-дворянка по имени Иулиания, впавший в беснование служка владимирского монастыря. Ещё раньше по молитвам к святому город Владимир был избавлен от «литвы» в Смутное время. В самом Житии рассказывается о том, как гробницу князя Глеба Андреевича попытались разграбить татары, напавшие на Владимир под предводительством царевича Талыча в

1410 году: изошедшее из гробницы пламя напугало их, и захватчики в страхе покинули город ^[173].

Смерть Глеба, когда бы она ни произошла и сколько бы ни было лет княжичу, несомненно, стала новым тяжёлым потрясением для Андрея. Отец четырёх сыновей, глава многочисленного и разветвлённого семейства, он к концу жизни оказался одинок, потеряв почти всех, кто был ему близок. В те времена, как, впрочем, и в любые иные, это воспринималось прежде всего как Божья кара, как наказание свыше. Но наказание за что? Несомненно, Андрей искал ответ на этот вопрос — но находил ли его? Именно в рассказе о последних годах жизни князя летописец приводит известное свидетельство о том, как Андрей, ночью входя в церковь, сам возжигал свечи «и, видя образ Божий на иконах написан», взирал на него, «яко на самого Творца», и также взирал на всех святых, изображённых на иконах, — «смирняя образ свой съкрушенным сердцем, и уздыханье от сердца износя, и слезы от очью испущая, покаянье Давыдове приимая, плачася о гресех своих» ^{322}. Но даже потеряв всех своих сыновей, кроме одного, самого младшего, Андрей продолжал держать его в отдалении от себя, в далёком и чужом Новгороде. Значит ли это, что он по-прежнему воспринимал сына прежде всего как инструмент своей собственной власти, инструмент политического давления на новгородцев? Или же, наоборот, предчувствовал, что в Новгороде Юрий окажется в большей безопасности, нежели рядом с ним в Боголюбовском замке? И такая мысль закрадывается в голову, когда анализируешь события последних лет или месяцев жизни князя...

По свидетельству всё тех же позднейших источников, после смерти Глеба Андрей отправился из Владимира обратно в Боголюбов — переживать случившееся. «...Одержимый печалию о кончине любимейшаго им сына, для утolenия оной поиде в

любимый свой град и обитель Боголюбскую», — читаем в Житии князя Андрея. Пребывая там, князь молился Боголюбской иконе Пресвятой Богородицы, некогда явившейся ему на этом самом месте, «и яко на самую Ея взирая и велию отраду от скорби обретая, не отхождаше от церкви, но постом и молитвою укреплен, пребываше при образе том, выну моляся во дни и нощи».

Эти проникновенные слова агиографа XVIII века рисуют полную драматизма картину: только-только начинающий отходить от страшного потрясения, пребывающий в посте и молитве князь в ближайшие дни подвергнется злодейскому нападению убийц из числа собственных приближённых. Ибо смерть его сына Глеба и его собственная гибель в позднейшей агиографической традиции разделены лишь несколькими днями.

Но эта картина по меньшей мере неполна. Последние недели и месяцы в жизни князя Андрея Юрьевича были наполнены и иным, сугубо политическим содержанием. Ибо как раз тогда князь готовился к возобновлению диалога со ставшими теперь его злейшими врагами князьями Ростиславичами. Впрочем, к тому времени вокруг Киева и киевского княжения произошло столько событий, а сам Киев столько раз переходил из рук в руки, что это требует отдельного и весьма обстоятельного разговора.

Последний поход на Киев

В событиях, происходивших вокруг Киева, князь Андрей Юрьевич предстаёт перед нами в новом, весьма непривычном ракурсе. Пожалуй, в первый раз в книге мы получаем возможность увидеть его по-настоящему в гневе, в состоянии жесточайшего раздражения, аффекта, причём увидеть не издали, а вблизи, услышать его голос. Несомненно, такое бывало и раньше, но летопись почти не фиксировала подобное его состояние, не заостряла на нём внимание. В последние же месяцы жизни его гнев, раздражительность проявлялись с особой отчётливостью и, наверное, чаще бросались в глаза. Известно: ближе к старости — а Андрей вплотную приблизился к этой, не самой радостной поре своей жизни — многие черты характера, до времени дремлющие в человеке, дают о себе знать сильнее; сдерживающие же механизмы, напротив, постепенно ослабевают — такое во всяком случае встречается у некоторых особо чувствительных натур. Время вообще беспощадно — и к вещам, и к людям, и к их чувствам и переживаниям. Нащупывая разные струны в характере человека, время, подобно искусному настройщику (а порой — и опытному палачу), выбирает одну из них, наиболее уязвимую, и принимается за неё всерьёз, расшатывая и выкручивая её... Для князя Андрея Юрьевича такой струной стало ощущение собственного превосходства над другими людьми, права по своему усмотрению распоряжаться их судьбами.

Конечно же нужно принять во внимание ещё и то обстоятельство, что, рассказывая о событиях последних лет и месяцев в жизни князя, мы, чуть ли не впервые в книге, вынуждены предоставить слово автору-современнику, резко отрицательно относящемуся к нему

и не пытающемуся скрыть негативные черты его характера и своё к ним отношение. Это всё тот же киевский летописец, отразивший в своём повествовании фрагменты придворной летописи князей Ростиславичей. Но если прежде, вслед за своими князьями, он видел в суздальском князе главным образом их союзника и покровителя — со всеми вытекающими отсюда последствиями, то теперь, после ссоры между ними, смог дать волю иным чувствам. В его новом изложении князь Андрей Юрьевич не слишком похож на прежнего Андрея. Автор летописи и сам отдаёт себе в этом отчёт, пытаясь объяснить случившуюся метаморфозу. Впрочем, обо всём по порядку.

Уход Рюрика Ростиславича из Новгорода явно свидетельствовал о том, что во взаимоотношениях между князьями далеко не всё ладно^[174]. Излишняя опека со стороны Андрея не могла не тяготить князей Ростиславичей, чувствовавших силу своего сплочённого семейства. Конфликт между ними вызревал постепенно, и касался он не столько Новгорода, сколько княжения на юге. Начался же этот конфликт с некоего недоразумения, скорее всего даже клеветы, которой Андрей, однако, поверил, о чём мы уже говорили выше. Речь идёт о слухах, возникших вокруг смерти его брата Глеба.

«Того же лета нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи», — сообщает летописец в той же годовой статье, в которой говорилось о начале княжения Романа Ростиславича в Киеве (напомню: первые числа июля 1171 года)^{323}. В действительности же два эти известия разделены значительным временным промежутком, более года. (Так, в июле следующего, 1172 года князь Игорь Святославич совершил свой первый большой поход против половецких ханов Кобяка и Кончака, вторгшихся на Русь, о чём летописец сообщает как раз между двумя указанными известиями. В отличие от того

всем известного похода, что описан в «Слове о полку Игореве», этот завершился победой князя: половцы бежали, а русские освободили захваченный ими полон; вечером 24 июля, в день памяти святых Бориса и Глеба, Игорь приехал в Киев и разделил «сайгат», то есть добычу, с князьями Ростиславичами — Романом Киевским, Мстиславом и Рюриком, который к тому времени, как видим, успел вернуться на юг из Новгорода^[175].) Причиной размолвки и стали подозрения в насильственной смерти в предыдущем году Андреева брата Глеба. Андрей прислал к Ростиславичам своего посла, мечника Михну, с такой речью:

— Выдайте мне Григория Хотовича, и Степанца, и Олексу Святословца, яко те суть уморили брата моего Глеба. А то суть вороги всем нам!

Но Ростиславичи выдавать обвиняемых отказались: «сего же... не послушаша». Больше того, опасаясь, что Григорий может быть захвачен людьми Андрея, они «пустиша» его «от себе», то есть позволили ему покинуть Киев. Этого стерпеть Андрей не смог. Получив известие об ослушании братьев, он отправил к ним новую грамоту или, может быть, снова того же посла с грозным требованием покинуть не только Киев, но и ближайшие к Киеву княжеские столы — в том числе и те, которые были заняты Ростиславичами без всякого его участия, ещё до его вмешательства в ход событий. Летописец передаёт его требования дословно:

«И рече Андрей Романови: “Не ходиши в моей воли с братьею своею, а пойдѣ с Киева, а Давыд — из Вышегорода, а Мъстислав — из Белагорода. А то вы Смоленск, а тем ся поделите!” (То есть: “Вот вам Смоленск, его между собой и делите”. — А. К.)».

Что же касается Киева, то он, по задумке Андрея, должен был отойти его следующему по старшинству брату Михалку, княжившему в Торческе.

Старший из Ростиславичей Роман подчинился воле Андрея и ушёл в Смоленск. Этот город, очевидно, был ему и ближе, и дороже стольного Киева, тем более что его не могло не беспокоить положение в Смоленске сына Ярополка, не умевшего ещё совладать с доставшейся ему властью и испытывавшего давление со стороны дядьёв, особенно энергичного Рюрика. Но вот младшие Романовы братья — и Давыд с Рюриком, и Мстислав — покидать свои города на юге не спешили. Не встретил Андрей послушания и в собственном семействе. Его брат Михалко не решился занять киевский стол и, вопреки воле старшего брата, остался в Торческе. Вместо себя он отправил в Киев восемнадцатилетнего брата Всеволода, который и должен был стать новым киевским князем. Всеволода сопровождал племянник, Ярополк Ростиславич, бывший на несколько лет старше и наверняка опытнее его. Ясно, что переговоры между князьями отняли немало времени, так что всё самое главное происходило уже зимой 1172/73 года. Судя по достаточно точным хронологическим ориентирам Ипатьевской летописи, Всеволод занял киевский стол между 19 и 25 февраля 1173 года^[176]. О том, что он «седе... в Киеве», то есть его княжение здесь было признано киевлянами, сообщает та же Ипатьевская летопись. Однако правил Всеволод, возможно, всё-таки от имени своего брата Михалка, или, может быть, так полагал Андрей Боголюбский. Во всяком случае, некая путаница на этот счёт имела место. Так, в Новгородскую летопись успели внести известие о том, что после Романа киевский стол занял Михалко Юрьевич^{324}. (В Лаврентьевской летописи о вокняжении в Киеве ни того ни другого из Андреевых братьев вообще ничего не сказано, хотя о пребывании Всеволода в Киеве летописец знал.) Но княжение Всеволода Юрьевича в Киеве продлилось неполных пять недель — совсем немного.

Младшие Ростиславичи пока что предпочитали действовать в открытую. Но позиция их оказалась твёрдой: подчиняться Андрею они решительно отказались, о чём и уведомили суздальского князя, отправив к нему собственного посла. Речь посла также дословно приведена в Киевской летописи.

— Тако, брате, в правду ты нарекли есмы отцемь себе, — напоминали князя Андрею, — и крест есмы целовали к тебе, и стоим в крестном целованьи, хотяче добра тебе. А се ныне брата нашего Романа вывел еси ис Киева, а нам путь кажеши из Руськой земли без нашее вины. Да за всеми Бог и сила крестная!

Последние слова князей содержали в себе неприкрытую угрозу. Они, Ростиславичи, стояли в крестном целовании Андрею. Но предупреждали, что действия суздальского князя сами по себе нарушают это крестное целование — ведь никакой вины перед Андреем они за собой не знали. А значит, Бог и крестная сила — на их стороне, и они могут перейти от слов к делу. То есть — начать войну против своего бывшего союзника и покровителя.

Андрей ответа им не дал. Очевидно, он был уверен и в собственной правоте, и в собственном военном превосходстве. А может быть, настолько распалился гневом, что не смог продиктовать слова грамоты прибывшему к нему послу. А может быть, — и этого тоже исключать нельзя, — понимая, что следующим шагом Ростиславичей будет нападение на его брата, решил дать ход именно такому развитию событий, дабы получить повод и ещё большее моральное оправдание для дальнейших действий своих войск.

Собственно, так и произошло. «Угадавше», то есть обсудив всё между собой и обо всём договорившись, «и узревше на Бог и на силу честнаго креста и на молитву Святей Богородице» (слова киевского летописца), князя Рюрик, Давыд и Мстислав со своими отрядами

внезапно ночью ворвались в Киев и схватили князя Всеволода, его племянника Ярополка, а также бывшего при Всеволоде воеводу Володислава Ляха, Андреева посла Михну и «всех бояр», оказавшихся в городе. (Впрочем, Андреев «муж» вскоре был отпущен обратно к князю.) Случилось это «на Похвалу Святой Богородицы» (в пятую субботу Великого поста), то есть в ночь на 24 марта. Позднее суздальский летописец называл главным зачинщиком зла князя Давыда Ростиславича, который будто бы верховодил братьями. Но, по общему решению братьев, Киев был отдан не ему, а Рюрику, недавнему новгородскому князю, ставленнику Андрея, оставшемуся без своего княжеского стола на юге. Видимо, в тот же день князь Рюрик Ростиславич «вниде в Киев [со] славою великою и честью, и седе на столе отец своих и дед своих» — так описал его восшествие на «златой» киевский стол благоволивший ему летописец.

Так сразу же, в один момент, кардинально поменялась расстановка политических сил во всей Южной Руси. Ссора Андрея с братьями Ростиславичами оказалась на руку прежде всего черниговским князьям «Ольгова племени». «И се слышавше Ольговичи, и ради быша Святослав Всеволодич и вси братья его...» Черниговский князь послал своего «мужа» к Андрею во Владимир от себя и от других князей своего дома, «поводяче», то есть фактически натравливая суздальского князя на Ростиславичей. «Кто тебе ворог, тот и нам, — передаёт слова черниговского посла летописец. — А се мы с тобою, готовы». «Готовы» именно к войне, а не к дипломатическому разрешению конфликта. Черниговские князья — правда, не сам Святослав Всеволодович, но его двоюродные братья — однажды уже участвовали в походе Андрея на Киев. Теперь они становились его главными союзниками. И Андрей готов был принять «совет их».

Что ж, союзники эти обладали немалой силой... Беда, пожалуй, была лишь в том, что они преследовали прежде всего собственные интересы, вынашивая планы возвращения на киевский стол, казалось бы, навсегда утраченный ими в предшествующие годы и перешедший в полное распоряжение потомков Владимира Мономаха. Некогда войны отца Андрея Юрия Долгорукого способствовали переходу «златого» киевского стола в руки отца Святослава Черниговского, князя Всеволода Ольговича. Андрей вновь взрывал единство среди Мономашичей. И, как покажут будущие события, сын Всеволода Ольговича сумеет воспользоваться этим... Именно тогда князь Святослав Всеволодович начал превращаться в фигуру общерусского масштаба, знакомую нам по «Слову о полку Игореве», где он показан не просто киевским князем, но признанным главой всех русских князей. В описываемое нами время он не только стал главным союзником и советчиком Андрея Боголюбского, но и сумел проявить себя как дипломат, налаживая контакты то с бывшим врагом Андрея князем Ярославом Изяславичем Луцким, то с княжившим в Галиче Ярославом Осмомыслом, то с теми же князьями Ростиславичами.

Пока что до похода Андреева войска на Киев оставалось время, хотя суздальский князь, несомненно, начал подготовку к войне. А вот князья Ростиславичи не могли оставаться в бездействии. Бросив вызов Андрею, они должны были предпринять и несколько последующих шагов, необходимость которых диктовалась логикой их борьбы с суздальским князем. В том же году, весной, всё те же Рюрик, Давыд и Мстислав с войском выступили к Торческу — городу, где сидел на княжении брат Андрея Михалко. Надо сказать, что к тому времени положение Михалка в Торческе осложнилось вмешательством ещё одной силы.

Неожиданно для себя Михалко вступил в конфликт с могущественным галицким князем Ярославом Владимировичем. Это тот самый «галицкий Осмомысл», к которому спустя несколько десятилетий будет мысленно обращаться автор «Слова о полку Игореве»: «...Высоко сидишь на своём златокованом столе, подпер горы Угорские (Карпатские. — А. К.) своими железными полками, заступив королю (венгерскому. — А. К.) путь, затворив Дунаю ворота»; это он мог «метать бремены (?) чрез облака» и «судить суды до Дуная». А летописец в посмертной похвале князю напишет, что он был «князь мудр и речен языком, и богобоин (богобоязнен. — А. К.), и честен в землях, и славен полкы», да к тому же не сам водил рати, если была ему где обида, но посылал их, ибо «ростроил (здесь: укрепил. — А. К.) землю свою, и милостыню сильну раздавашеть... и нищая кормя, черноризский чин любя, и честь подавая от силы своея, и во всём законе ходя...» (заметим, кстати, насколько близка эта похвала к Андреевой){325}. Но вот в семейной жизни у Ярослава были явные нелады, которые мешали и его правлению в Галиче. Его прозвище «Осмомысл», приведённое в «Слове о полку Игореве», по наиболее правдоподобию, хотя и не общепринятому толкованию, означает «многогрешный», «имеющий восемь смертных грехов»{326}. Князь жил не с законной своей княгиней Ольгой Юрьевной — сестрой Андрея Боголюбского, но с некой Настаськой, от которой и прижил сына Олега — «Настасьича», как презрительно именовали его в Галиче. Этого «Настасьича» князь любил куда больше, чем законного своего сына Владимира, и именно ему, а не Владимиру, хотел оставить после себя княжеский стол. За пару лет до описываемых событий Ольга Юрьевна с сыном Владимиром и несколькими видными галицкими боярами, включая знаменитого Константина Серославича, покинула пределы Галицкого княжества и

ушла в Польшу. Тогда дело дошло до открытого мятежа в Галиче: сам князь был схвачен горожанами, некоторые его «приятели» из числа бояр перебиты, Олега отправили в «поруб», а его мать Настаську, словно ведьму, сожгли на костре — это, кстати, чуть ли не единственный случай публичного сожжения преступника в домонгольской Руси. Ярослав целовал крест, «яко ему имети княгиню в правду», и на том мир был восстановлен; княгиня вернулась к мужу. Но «имети княгиню в правду» князю явно не хотелось. Да и виновников убийства своей «хоти» Ярослав, наверное, наказал с подобающей жестокостью. Спустя ещё немного времени Ольга с сыном вновь бежала из Галича. Сначала — в Луцк, к князю Ярославу Изяславичу, который обещал подыскать обиженному сыну галицкого князя какую-нибудь волость. Осмомysl того терпеть не стал. Наняв ляхов, он направил их против луцкого тѣзки, угрожая ему разорением всей его земли в случае, если тот не вернѣт княжича обратно в Галич. Луцкий князь «убоявся» и переслал княгиню с сыном в Торческ — к князю Михалку, её брату (и, соответственно, дяде Владимира). Тут в события вмешался черниговский князь Святослав Всеволодович, тесть Владимира Ярославича. Он пригласил зятя в Чернигов, обещая затем отпустить его в Суздаль, к Андрею. Но «не пусти», по словам летописца. Сын Ярослава Осмомысла оказался разменной монетой в большой игре. Судя по не вполне ясному тексту летописи, он так и не покинул Торческ и оставался вместе с матерью у дяди, когда город был осаждѣн войсками Ростиславичей.

Осада продолжалась шесть дней. На седьмой Михалко запросил мира. Мир был ему дан, причѣм Ростиславичи пошли на существенную уступку: за отказ от поддержки брата Михалко получил к Торческу ещё и Переяславль (где, напомним, княжил его родной племянник, пятнадцатилетний Владимир Глебович)[\[177\]](#).

«И лишился Андрей брата своего, — образно выражается по поводу Михалка Юрьевича киевский летописец, и далее опять не вполне понятно: — и Святослава Всеволодовича Черниговского (вероятно, надо понимать: «Михалко лишился». — А. К.), а к Ростиславичем приступи». Так раскол прошёл внутри Андреева семейства. Напомню, что Михалко не в первый раз оказывался в лагере противников своего старшего брата. Правда, уже очень скоро он вновь, как и несколько лет назад, вернётся на сторону Андрея.

Предметом заключённого между князьями соглашения стала и судьба беглого сына Ярослава Осмомысла. Михалко согласился обменять «сестричича» на захваченного в плен брата Всеволода и прочих пленников, правда, как выяснилось, не всех. Владимир же нужен был Ростиславичам для того, чтобы заключить мир с его отцом, Ярославом Осмомыслом, и привлечь могущественного галицкого князя к числу своих союзников. «...Бяше бо тако урядился, — пишет о Михалке летописец, — якоже Володимера Ярославича Галичь[с]каго, сестричича Михалкова, дати Ростиславичем и пустите и к отцю, а Ростиславичем пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину». Но эти условия были выполнены не полностью: «Всеволода же пустиша, а Ярополка не пустиша». Больше того, Рюрик Ростиславич с братьями, «тем же путем идуче», то есть в ходе того же военного похода, напали на другого Михалкова племянника — старшего Ярополкова брата Мстислава, сидевшего на княжении в Треполе, и выгнали его из города. Мстислав отправился было к дяде, но Михалко отказался принимать его. Путь в Суздальскую землю был для Мстислава также закрыт. Пришлось князю искать пристанище в Чернигове, у Святослава Всеволодовича. Что же касается Андреевой сестры Ольги, то она возвращаться в Галич к постылому мужу не захотела и, простившись с сыном, уехала к

брату во Владимир. Эта сильная и гордая женщина и здесь заставила считаться с собой: её имя не единожды упоминается в летописи, в том числе и в связи с владимирскими делами (так, она станет крёстной матерью одной из дочерей Всеволода Большое Гнездо). Княгиня уйдёт из жизни 4 июля 1182 года, приняв перед смертью монашеский постриг с именем Евфросиния, и будет с почестями похоронена во владимирском Успенском соборе^[327].^[178]

Между тем Андрей всё больше распалялся гневом. Пленение в Киеве брата, племянника и бояр было воспринято им не как начало войны, а как своеволие подвластных ему князей. Он всё ещё считал братьев Ростиславичей своими подручными, а потому и обратился к ним не как к равным себе, но как к младшим, которые по-прежнему обязаны выполнять его распоряжения. Это-то и обидело братьев больше всего. В словах Андрея они увидели умаление или даже отрицание собственного княжеского достоинства. «Андрей же... исполнився высокоумья, разгордевся велми, надеяся плотной (плотской; здесь в значении: воинской. — А. К.) силе, и множеством вой огородився, разжегся гневом», — не жалеет красок киевский летописец, напомним, сторонник Ростиславичей. Вновь Андрей отправил к братьям своего посла Михну, велел передать ему гораздо более жёсткие требования, которые должны были теперь выполнить Ростиславичи. Двух из трёх братьев он попросту изгонял из Русской земли — подобно тому как десятилетием раньше изгнал из Суздальской земли собственных родных братьев и племянников. Причём обставлено всё было предельно унижительно для них:

«И посла Михна мечника: едь к Ростиславичем, рци же им: “Не ходите в моей воли! Ты же, Рюриче, пойдѣ в Смоленск, к брату, во свою отчину”. А Давыдови рци: “А ты пойдѣ в Берладь (то есть за пределы собственно

Русской земли, в пристанище изгоев, изгнанников из Руси, разбойников и всякого сброда. — А. К.). А в Руськой земли не велю тебе быти!" А Мстиславу молви: "В тебе стоит всё [зло]. А не велю ти в Руской земли быти!"»^{328}.

Как видим, в этой версии событий, изложенной словами самого Андрея, зачинщиком смуты объявлялся не Давыд, а Мстислав, или, может быть, они оба. Но случилось нечто совершенно небывалое, причём инициативу в свои руки действительно взял Мстислав Ростиславич, младший из князей «Ростиславля племени». «Мстислав бо от уности навикл бяше не уполошиться никого же (то есть с юности привык никого не бояться. — А. К.), но токмо Бога единого блюстися», — объясняет летописец. И именно Мстислав повелел схватить Андреева посла и, поставив его перед собой, остричь ему голову и бороду, после чего отправить назад к князю.

Это было неслыханное оскорбление и чудовищное унижение, которому по современной шкале ценностей не такто просто найти соответствие! Подобное позволял себе «лжеепископ» Феодор — но он и поплатился за это жестоко — мучительной и позорной смертью. Здесь же оскорблению действием подвергся посол — лицо в принципе неприкосновенное. А это умножало оскорбление многократно. В представлениях людей того времени (равно как и любого другого) оскорбление, нанесённое послу, в полной мере предназначалось и пославшему его правителю^{329}.

По нормам «Русской Правды» — свода древнерусских законов, — острижение бороды у свободного человека относилось к тягчайшим преступлениям и наказывалось очень высоким штрафом — в 12 гривен; таким же штрафом каралось и острижение уса^[179]. Для сравнения: за отрубленный кем-либо палец на руке полагался вчетверо меньший штраф — 3 гривны «за обиду»^{330}.

[180] (Об острижении волос с головы здесь вообще речи не шло.) Но мало того — подобное преступление считалось подведомственным не только княжескому, но и церковному суду, то есть рассматривалось как тяжкий грех. «Аще кто пострижет кому голову или бороду, митрополиту 12 гривен, а князь казнит», — сообщает Устав о церковных судах князя Ярослава Мудрого, дорабатывавшийся и дополнявшийся и в последующее время^{331}. Даже из этих примеров понятно, что должен был испытать князь Андрей Юрьевич, когда поруганный и обещенный посол с голой, едва поросшей новой растительностью головой и «босым» лицом (в представлении православных людей того времени напоминавшим совсем уж срамную часть человеческого тела) самолично явился к нему. Да мало сказать, явился. Он ещё озвучил те слова, которые передал через него Андрею князь Мстислав Ростиславич — от себя и от своих братьев:

— Мы тя до сих мест, акы отца, имели по любви. Аже еси с сякими речми (с такими речами. — А. К.) прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тое деи (то и делай. — А. К.). А Бог за всем!

По сути, это означало официальное подтверждение уже начавшейся войны. В сочетании же с видом опозоренного посла речь эта наполнялась ещё и дополнительным смыслом, звучала стократ оскорбительнее для князя.

Киевский летописец нашёл особые слова, дабы передать состояние, в которое впал князь Андрей Суздальский:

«Андрей же то слышав от Михна, и бысть образ лица его попуснел, и възострися на рать, и бысть готов...»

В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи слово «попуснел» было позднее переделано в «потускнел»^{332}. Но это не одно и то же. Глагол

«попуснеть» означает «помрачнеть», «помрачиться». Но, главное, он настолько редок в древнерусском языке, что более в летописи не встречается. То есть «образ лица» князя сделался совершенно особенным, таким, что обычно используемые летописцем слова и выражения оказались недостаточными для того, чтобы описать его. Начиная войну и посылая своих воевод в поход на Киев, Андрей в качестве главной цели объявлял наказание Ростиславичей за совершённое ими преступление. А именно: Рюрика и Давыда повелел изгнать «из отчины своей», как теперь Андрей именовал Киевскую волость или даже всю Южную Русь; относительно же третьего брата, ставшего его главным врагом, выразился так:

— ...А Мстислава емше (схватив. — *А. К.*), не створите ему ничтоже, приведете и (его. — *А. К.*) ко мне.

То есть Андрей намеревался самолично распорядиться судьбой оскорбившего его князя. Как — неизвестно. Но именно в связи с этим его намерением летописец, сторонник Ростиславичей, и вводит в свой текст известную обвинительную тираду против князя Андрея Боголюбского, которую любят приводить в своих работах современные историки (правда, как правило, в сокращённом виде):

«...Андрей же князь толик умник сы[й], во всих делех добль сы[й] (доблестен. — *А. К.*), и погуби смысл свой невоздержанием, располевся гневом, такова убо слова похвална испусти, яже Богови студна и мерьска хвала и гордость. Си бо вся быша от дьявола на ны, иже всевает в сердце наше хвалу и гордость, якоже Павел глаголетъ: “Гордым Бог противится, а смиренным даёт благодать”. Еже и збысться слово апостола Павла глаголавша, еже и последи скажемъ»^{333}. (В рассуждениях летописца — явная неточность, ошибка памяти: он дословно цитирует послание не апостола Павла, а апостола Петра; см.: *1 Петр. 5:5.*)

По представлениям христианина, гордость — главный из смертных грехов. И именно в гордости в первую очередь обвиняется здесь князь Андрей, возлагающий на себя Божескую функцию: распоряжаться судьбой человека. Его гнев, невоздержанность представлены здесь как следствия гордыни и самовосхваления, то есть тех качеств, которые полностью затмевают, превращая в ничто, такие его достоинства, как ум (скорее даже «высокоумье»), «смысленность» и доблесть. Ибо он воистину «погубил смысл свой», «разгордился велми» и тем удалился от Бога... Трудно сказать, в какой мере можно счесть обоснованными эти жестокие обвинения летописца в адрес князя. Не будем забывать, что исходят они из враждебного ему лагеря, из лагеря его политических противников, с которыми князь вступил в беспощадную войну. Но какой-то резон в словах летописца, наверное, имелся. Ещё раз повторю, что к концу жизни князь Андрей Юрьевич сильно изменился. Подобное бывает со многими из тех, кого в молодые годы считают альтруистами и человеколюбцами, восхищаясь их добротой, отзывчивостью и несравненными душевными качествами. В самом деле, стоит самому человеку уверовать в собственную исключительность, особую свою доброту и порядочность, как на смену этим качествам приходят другие, порой прямо противоположные им. И история знает тому слишком много примеров... Впрочем, не удалились ли мы от предмета нашего повествования, не углубились ли в ту область, которая явно выходит за рамки предмета исследования историка-медиевиста? Есть другой известный евангельский постулат: «Не судите, да не судимы будете» (*Мф. 7: 7*), и всегда лучше руководствоваться им, оценивая того или иного исторического персонажа...

Так или иначе, но гнев князя Андрея Юрьевича вряд ли способствовал правильной подготовке к войне. Начинать военные действия следует, что называется, с холодной головой, но в данном случае к Андрею эти слова явно не относились. Впрочем, князь и на этот раз не собирался лично участвовать в походе. Даже нанесённое ему оскорбление не изменило привычного для него образа действий. Во главе собранного им громадного войска вновь был поставлен его сын — на этот раз малолетний Юрий. Командовать же соединённой ратью должен был всё тот же воевода Борис Жидиславич, полностью реабилитировавший себя после недавнего похода на болгар. Других достойных воевод среди своих подданных Андрей, надо полагать, не видел.

А войско и в самом деле оказалось беспрецедентно огромным. Летописи называют его численность — 50 тысяч человек. Для древней Руси это очень много! Основу войска составили дружины из Северо-Восточной Руси — ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозёрцы и привычно присоединившиеся к ним полки из Рязани и Муром. Как уже было сказано выше, в войне приняла участие и новгородская рать. На этот раз положение новгородцев было особым, можно сказать, привилегированным, ибо именно их князь — пусть и ребёнок — номинально стоял во главе всего войска.

Полки выступили в поход в августе 1173 года^{334}. Двигались кружным, волжским путём — очевидно, для того, чтобы соединиться с новгородцами и их князем. Далее путь шёл по Днепру, мимо Смоленска. Несмотря на то что смоленский князь Роман Ростиславич приходился старшим братом главным врагам Андрея, суздальский князь по-прежнему числил его среди своих союзников. «Идущим же им мимо Смоленска, казал бо бяшеть Романови пустити сын свой [со] смоляны», — свидетельствует летописец. И Роман вынужден был

подчиниться этому требованию, подкреплённому присутствием в его землях громадной рати: «нужею пусти сын свой (вероятно, старшего Ярополка. — А. К.) [со] смолняны на братью». В подчинении у Романа по-прежнему находились полоцкие князья, и Роман потребовал от них также присоединиться со своими полками к войску. Туровские, пинские и даже городенские князья откликнулись на его призыв и пополнили ряды союзников. Правда, едва ли они готовы были в действительности проливать кровь за чуждые им интересы суздальского «самовластца».

Далее суздальская и смоленская рать вступила во владения князей «Ольгова племени». Старший из черниговских князей Святослав Всеволодович и его младшие родные и двоюродные братья, в том числе и воинственный Игорь Святославич, также присоединились к союзному войску. Тогда же под знамёна Андрея Боголюбского встали и его младшие братья Михалко и Всеволод Юрьевичи, переступившие своё недавнее крестное целование Ростиславичам, а также племянники Мстислав и Ярополк (последний, как видим, был всё-таки освобождён из плена) и Владимир Глебович, а вместе с ними — и «переяславци вси». Общее число князей, включая не названных по имени, оказалось очень большим — всего 20, то есть почти в два раза больше, чем при взятии Киева ратью одиннадцати князей, когда город был полностью разорён и разграблен. Правда, на этот раз громадное войско выглядело слишком разнородным и далеко не все участвовавшие в походе князья ясно понимали цели начавшейся войны. Как мы увидим, именно стойкости и сплочённости не будет хватать собранной Андреем рати. Киевский летописец в своём рассказе о войне вскользь обозначил одно из главных противоречий внутри собравшейся у Киева княжеской коалиции, заметив: «А всих бяше старей Святослав Всеволодович». Эти слова,

очевидно, отражали представления о внутрикняжеской иерархии большинства участников похода. Но ведь Андрей-то ставил во главе рати своего совсем юного сына Юрия, ещё ребёнка. То есть не то что «моложшего» среди всех, но такого, с которым и считаться-то при обычном отношении к нормам «старейшинства» было бы нелепо! Как оказалось, князя «Черниговского дома», и Святослав Всеволодович прежде всех, и не собирались считаться с ним, а значит, не собирались признавать те новые условия, которые предлагал своим союзникам Андрей.

Но противоречия между князьями проявились не сразу. Пока же, на исходе августа или в самом начале сентября громадное войско переправилось через Днепр и подступило к Киеву. И оказалось, что защищать город Ростиславичи не намерены. Они поступили по-другому, заранее подготовив запасные позиции для борьбы с врагом, повадки которого, а также сильные и слабые стороны были им прекрасно известны. Князья со своими полками заняли соседние с Киевом, хорошо укреплённые и заранее снабжённые всем необходимым крепости. Рюрик «затворился» в Белгороде, к западу от Киева, а Мстислав — в Вышгороде, к северу. С ним был и полк его брата Давыда (по словам суздальского летописца, Давыд «затворил брата своего Мстислава» в Вышгороде). Сам же Давыд Ростиславич отправился в Галич — просить о помощи князя Ярослава Владимировича Осмомысла — одного из тех немногих князей, кто обладал достаточными силами, чтобы бросить вызов Андрею Боголюбскому. Вероятно, он рассчитывал на признательность галицкого князя за недавнюю помощь в возвращении в Галич его беглого сына, а может быть, на этот счёт между ними существовали какие-то договорённости. Но поездка Давыда результатов не принесла: «и не даша ему помочи». Тем не менее дипломатическая активность

князя, получившего необходимую свободу передвижений, окажется для братьев поистине бесценной.

Киевляне безропотно открыли князьям ворота — повторения трагедии трёхлетней давности никто не хотел и потому воевать с ратью Боголюбского не собирався. Более того, киевляне объявили о готовности выставить свой полк и участвовать в войне с Ростиславичами на стороне союзных князей. О том же заявили и «чёрные клобуки», чей князь Михалко Юрьевич был одним из главных действующих лиц похода. Но и те и другие примкнули к войску скорее для вида, чем на самом деле.

8 сентября, в праздник Рождества Богородицы, в субботу, полки выступили к Вышгороду — против Мстислава, главного обидчика князя Андрея Боголюбского. Примечательно, что киевский летописец отчётливо различает две группировки князей в составе объединённой рати, даже не упоминая о номинальном предводителе суздальского войска, — «Святослав же (Всеволодович. — А. К.) с братьею и Михалко с братом Всеволодом и со сыновци», то есть с племянниками, к числу которых, вероятно, и отнесён малолетний Юрий Андреевич. Князья, соединив «кияне... и берендеиче, и Поросье (то есть «чёрных клобуков». — А. К.), и всю Рускую землю полкы, поидоша от Киева к Вышегороду...».

Осада города продолжалась девять недель (эта цифра значится в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях; в Новгородской же сказано иначе: семь недель). Князь Святослав Всеволодович действовал как подлинный предводитель объединённой рати, явно оттеснив на вторые роли других князей и воеводу Бориса Жидиславича. «...И отряди Всеволода Юрьевича [и] Игоря с молодъшими князьми к Вышегороду», — пишет о нём киевский летописец. Младшие князья и

начали военные действия с нападения на город. Но их противник Мстислав Ростиславич, недаром прозванный Храбрым, не собирался сидеть сложа руки. «Изрядив» свой полк, он выехал с ним из ворот крепости на «болонье» — открытую, низменную местность перед городом — и вступил в бой с передовыми отрядами вражеской рати. «...И свадишася стрельцы их, и почашася стреляти, межи собою гонячеся (гоняясь друг за другом. — А. К.)», — рассказывает летописец. Видя, что его стрельцы уже смешались с вражескими и те начинают теснить их, Мстислав и сам бросился на врага. Союзники расположились напротив тремя полками: новгородцы, ростовцы, а посередине полк Всеволода Юрьевича. Мстислав устремился прямо на средний полк, «и сшибеся с полкы их, и потопташа середний полк». Но численное превосходство оставалось за союзниками. Они начали окружать Мстислава, «бе бо Мьстислав в мале въехал в не», — объясняет летописец. Началась лихая кавалерийская схватка, в которой слышались лишь воинственные клики сражающихся и «стонания» раненых да ещё какие-то «гласы незнаемые» и «лом копийный», то есть звон бряцающего оружия, а от поднявшейся пыли нельзя было различить ни конного, ни пешего. «И тако бившеся крепко, и разидошася, — подводит летописец итоги первого дня осады, — много же бе раненых, мёртвых же бе немного».

На другой день к Вышгороду подступили основные силы коалиции, «и тако оступиша весь град». Приступы к городу следовали чуть ли не каждый день, и чуть ли не каждый день вой Мстислава выступали из крепости и давали бой осаждавшим. «Да бяхуться крепко», — вновь пишет о Мстиславовой дружине летописец. По его словам, в городе росло число раненых и убитых.

Казалось, что шансов выдержать осаду при таком подавляющем численном превосходстве противника у Мстислава Ростиславича немного. Но развязка этой

драмы оказалась до крайности неожиданной. На девятой неделе осады, то есть в первых числах ноября 1173 года (по счёту Новгородской летописи, в 20-х числах октября), к Киеву подступил князь Ярослав Изяславич Луцкий «со всею Волынского землёю». Он ещё раньше заключил договор с главой «Черниговского дома» князем Святославом Всеволодовичем и теперь намеревался «по старшинству» занять киевский стол. Первоначально Ярослав Луцкий числил себя среди противников Ростиславичей, своих двоюродных братьев, с которыми воевал ещё вместе со старшим братом Мстиславом. Однако черниговские князья не готовы были гарантировать ему княжение в Киеве — и потому, что этот вопрос следовало согласовать с Андреем Боголюбским, а Андрей вряд ли готов был отдать «златой» киевский стол брату ненавистного ему Мстислава Изяславича, и потому, что князь Святослав Всеволодович и сам подумывал о княжении в Киеве. Между тем проявил расторопность и Давыд Ростиславич. Очевидно, именно он вступил в переговоры с луцким князем и пообещал признать его «старейшинство» от имени всех своих братьев. Ярослав принял новое предложение — и круто поменял союзников в войне, в очередной раз изменив расстановку сил. «Он же сослався с Ростиславичи и урядися с ними о Киев, — читаем в летописи. — И отступи от Олговичь, и, выстав, поиде от них, изрядив полкы, к Рюрикови [к] Белугороду». От Белгорода же, соединившись с полком князя Рюрика Ростиславича, Ярослав Луцкий мог в любой момент подступить к Вышгороду — на выручку осаждённому там Мстиславу. Так, собственно, и произошло.

Весть о приближающейся рати вызвала панику в войсках союзников. Силы Ярослава были преувеличены слухами многократно. Казалось, что с ним к Вышгороду движется не только «вся Волынская земля», но и «вся

Галицкая земля», и «чёрные клобуки». «Уже ся им всяко совокупити на ны!» (то есть: «Теперь все против нас соединятся!») — эта мысль в миг овладела войском. Паника началась ночью. «Убоявшись», полки даже не стали дожидаться рассвета «и в смятении велици, не могуще ся удержати, побегоша черес Днепр», так что многие из бегущих утонули при ночной переправе. Мстислав же Ростиславич, видя их беспорядочное отступление, устремился за ними со своей дружиной; «и гнавше дружина его, и ударишася на товаре (обозы. — А. К.) их и много колодник изъимаша».

Разгром оказался полным. Вновь, как и под Новгородом, при подавляющем численном превосходстве войско, собранное Андреем Боголюбским, постыдно бежало. Да и то сказать: ради чего было сражаться большинству из собравшихся у Вышгорода князей? Часть из них была вовлечена в коалицию насильно («нужею»), как, например, сын Романа Смоленского или полоцкие и туровские князья. Рязанские и муромские полки и до этого явно показывали отсутствие у них рвения при участии в военных походах, организованных суздальским князем. Даже братья и родные племянники Андрея Боголюбского совсем ещё недавно целовали крест Ростиславичам, выйдя из повиновения старшему брату и дяде. В общем, отстаивать интересы оскорблённого Андрея оказалось некому. Не считать же мстителем за его обиду князя-ребёнка Юрия!

Больше всего пострадали, кажется, именно суздальские полки. (Святослав Всеволодович, как мы увидим, свою военную силу сохранил; новгородцы же пришли домой «здоровы все», то есть без потерь.) Киевский летописец возносит хвалу князю Мстиславу Храброму, явившему в этой войне свои лучшие качества — между прочим, те самые, которые когда-то отличали другого вышгородского князя — Андрея Боголюбского.

«Мстислав же много пота утёр с дружиною своею (характеристика, заставляющая вспомнить прадеда Мстислава, князя Владимира Мономаха. — А. К.) и не мало мужьства показа с мужьи своими». Победа эта, как водится, приписана была заступничеству Пресвятой Богородицы, а также святых покровителей древнего Вышгорода и всей Русской земли — князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. А вот в отношении Андрея Боголюбского и его рати автор летописи не скрывает сарказма и явного злорадства:

«...И тако възвратишася вся сила Андрея, князя Суждальскаго: совокупил бо бяшетъ все земле, и множеству вой не бяхе числа; пришли бо бяху высокомысляще, а смиренни отидоша в дома своя».

В Суздале же живописать подробности войны не стали, ограничившись в кратком летописном рассказе о ней лишь констатацией очевидной неудачи своих войск: «...пришедши же к Вышегороду с силою многою, стояша около города 9 недель и, не успе ничтоже, възвратишася вспять». (В поздних летописях сказано даже, что князь Юрий Андреевич, простояв у Вышгорода девять недель, «и не хоте кровопролитья, возвратися восвояси», то есть ушёл сам, по доброй воле^{335}.)

Всего несколькими страницами выше мы говорили о торжестве политики Андрея на юге. Но прошло немногим более двух лет — и всё изменилось в одночасье. Впрочем, любой пик — могущества ли, силы, свершений — потому так и называется, что за ним с неизбежностью следует спад. Просто падение оказалось слишком крутым, напоминающим обвал: казалось, что своё влияние на юге Андрей потерял надолго, если не навсегда. Примечательно, что его младшие братья и племянники — и Михалко со Всеволодом, и Мстислав с Ярополком Ростиславичи — при описании последующих событий окажутся в Чернигове, у князя Святослава Всеволодовича, а не в своих городах на юге, которых

они, по-видимому, лишились. Удержать свои позиции на юге удалось лишь юному Владимиру Глебовичу Переяславскому.

В действительности судьба Киева отнюдь не была решена после вышгородского разгрома. Как мы вскоре убедимся, для самого Андрея ещё ничего не было потеряно, и своё влияние на ход общерусских дел — даже после того, что случилось, — он сохранил почти в полном объёме. Запас прочности оказался велик, и скорое возобновление войны за Киев продемонстрирует это весьма отчётливо. Гораздо большее значение имело для Андрея другое. Уже во второй раз подряд его собственные полки постыдно бежали с поля боя — а это свидетельствовало о том, что он стремительно теряет свой авторитет князя и полководца. Вероятно, Андрей надеялся уже вскоре восстановить его с помощью новых войн и новых побед. Но времени для этого судьба ему уже не отпустила...

Итак, Ростиславичи могли торжествовать. Вместе со своим двоюродным братом, луцким князем, они разбили и обратили в бегство сильнейшую коалицию князей из всех, что собирались в те десятилетия на Руси. Как и договаривались, братья «возложиша... старейшинство» на Ярослава Изяславича, и тот вступил в Киев и воссел «на столе деда своего и отца своего». В.Н. Татищев датирует его восшествие на киевский стол 20 декабря. Но откуда историк XVIII века извлёк эту дату, неизвестно.

(В «Истории...» В.Н. Татищева содержится ещё одно уникальное известие. Смирившийся с потерей Киева князь Рюрик Ростиславич ещё во время осады Вышгорода успел якобы вступить в переговоры с новгородским посадником относительно возможности своего возвращения в Новгород. Посадник «учинил» в войске вече, и было решено просить Рюрика, «чтоб к ним

шёл», причём Юрия о том даже не уведомили. Так что по завершении военных действий Рюрик поспешил в Новгород, был там принят «с честью», но продержался недолго: новгородцы, «вознегодовав», вновь его прогнали, «а на его место взяли во вторые Андреева сына Юрия». Окончательное возвращение Рюрика Ростиславича из Новгорода в Смоленск Татищев датирует 1 мая 1174 года. Впрочем, и этот его рассказ не находит подтверждения в ранних новгородских и суздальских источниках, а потому не внушает доверия^[181].)

Но и для Ярослава Изяславича киевское княжение оказалось непосильной ношей. Вскоре после того, как он отпустил большую часть своего войска обратно на Волынь, в Киев явились послы черниговского князя Святослава Всеволодовича. Ранее между князьями был заключён договор, подтверждённый крестным целованием, и теперь Святослав вспомнил о нём — как будто между ними ничего не произошло, бегства от Вышгорода не было и в помине и князья расстались союзниками друг друга. «Святослав же поча слати к Ярославу с жалобою, — рассказывает летописец, — река ему:

— На чём еси целовал крест, а помяни первый ряд (то есть прежний договор. — А. К.). Рекл бо еси: “Оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю. Паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели”. Ныне же ты сел еси. Право ли, криво ли — надели же мене!»^{336}.

Это «право ли, криво ли» — замечательная черта живой лексики междукняжеского общения того времени. Даже на самом высоком уровне — в ходе официальных переговоров — князья умели сказать и метко, и точно, а князь Святослав Всеволодович — в особенности. Но вместе с тем это и вполне ясно выраженная юридическая формула: «наделить в правду» значило: наделить в соответствии с признанными

обязательствами и правами того или иного князя. Святослав Всеволодович допускал и наделение его волостями, так сказать, «в кривду».

Ярослав Изяславич на просьбу черниговского князя ответил отказом. При этом он вспомнил о давнем завещании Ярослава Мудрого, по которому родоначальнику черниговских князей Святославу достались Чернигов и «вся страна восточная, и до Мурoma», то есть левобережье Днепра:

— Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона (то есть правобережье Днепра с Киевом. — А. К.) не надобе!

(Правда, отцу Мономаха Всеволоду по этому же завещанию тоже отходили земли на левобережье Днепра — Переяславль, Ростов, Суздаль и т. д. Но потомки Всеволода Ярославича прибрали к рукам Киев, а значит, получили право на все те земли, что «тянули» к Киеву, в том числе Волынь, Туров и пр. По крайней мере были твёрдо убеждены в этом.)

Ответ Святослава Всеволодовича опять-таки замечателен своей выразительностью. Не случайно именно в его уста автор «Слова о полку Игореве» вложит позднее «злато слово, с слезами смешено» — яркую речь, исполненную многими живыми образами и характеристиками князей. Вот и на этот раз черниговский князь нашёл запоминающиеся слова. Он тоже вспомнил о Ярославе Мудром — едином предке почти всех русских князей (за исключением полоцкой ветви династии), но упомянул его совсем в ином контексте:

— Я не угрин, ни лях! Но одного деда есмы внуци. А колко тебе до него, только и мне!^[182] Аще не стоишь в первом ряду (то есть не держишься прежнего договора. — А. К.), а волен еси!

И в этих его словах также прочитывалась прямая угроза, которую, однако, Изяславич всерьёз не воспринял. И напрасно. Скрытно собрав полки и

соединившись с «братъею» — другими черниговскими князьями, Святослав Всеволодович «изъездом», то есть внезапным набегом, устремился к Киеву. Ярослав не успел обратиться за помощью к своим союзникам Ростиславичам, был застигнут врасплох. Затворяться в городе, не чувствуя поддержки киевлян, он тоже не решился и вынужден был спасаться бегством. Причём всё произошло настолько стремительно, что его жена и младший сын Изяслав попали в руки к Святославу Всеволодовичу.

Последний же занял Киев. (Типографская летопись XV века называет точную дату, когда это произошло, — 12 марта 1174 года^{337}.) «И седе на столе деда своего и отца своего», — свидетельствует летописец. Свидетельство это не вполне точное: если отец Святослава Всеволод Ольгович в течение нескольких лет действительно занимал киевский стол, то дед его Олег Святославич киевским князем никогда не был. Но ведь сам Святослав Всеволодович не зря называл себя внуком «единого деда» — Ярослава Мудрого! В этом смысле киевский стол был для него, конечно, и «дедним» тоже.

В руки к Святославу попали не только жена и сын Ярослава Луцкого, но и «имение бещисла», то есть всё имущество и казна бежавшего князя, и вся его дружина. И людей, и добро Святослав отослал в Чернигов. Его родня, черниговские князья, тоже возвратились домой не с пустыми руками. Задерживаться в Киеве и ждать возвращения Ярослава Луцкого «со всею Волынскою землёю» Святослав Всеволодович не захотел. Его первое княжение в стольном городе Руси продлилось всего 12 дней — рекордно короткий срок^{338}.

Для такой спешки были серьёзные причины. Войну со Святославом Всеволодовичем затеял его двоюродный брат и извечный соперник Олег Святославич. «В то же время черниговскому князю не мирну [живущю] с Олегом Святославичем, — рассказывает летописец. — И

воевашеть Олег Святославлю волость, Черниговскую». Уход двоюродного брата в Киев Олег, очевидно, воспринял как повод к тому, чтобы занять его прежнюю волость — Чернигов, на который претендовал как следующий по старшинству среди князей «Ольгова племени». Святослав же расставаться с Черниговом и выпускать его за пределы собственного семейства не собирался. Тем более что и сил удержать Киев у него не было.

Тем временем Ярослав Луцкий отправился к Киеву с большим войском. «Ярослав же слышав, яко стоит Киев без князя, пограблен Олговичи, и приеха опять Киеву на гневех (во гневе. — А. К.)». Гнев князя обрушился на киевлян, которых он посчитал главными виновниками своих несчастий. «Замысли тяготу кыяном», — продолжает летописец, а далее приводит слова, с которыми Ярослав обратился к ним:

— Подъвели есте вы на мя Святослава! Промышляйте, чим выкупити княгиню и детя!

Киевлянам «не умеющим, что отвещати ему». После очередного разграбления города — теперь Ольговичами — золота и серебра на выкуп княгини и княжича у них не нашлось. И тогда луцкий князь «попрода» весь Киев, то есть возложил особую, чрезмерную дань на всех живших в городе, включая и тех, кто по обычаю был освобождён от податей: «[и] игумены, и попы, и черньце, и чернице, [и] латину (то есть живущих в городе латинян. — А. К.), и гости (приезжих купцов. — А. К.), — и затвори все кыяны». Иными словами, все поголовно оказались в положении заложников у князя и должны были теперь выкупать сами себя, в буквальном смысле расставаясь с последним, в том числе с жёнами и детьми, в противном случае рискуя сами быть уведёнными в полон и проданными там в неволю. Так, «много зла створив Киеву», Ярослав с войском двинулся к Чернигову — против Святослава.

Но тут подоспели послы от Святослава Всеволодовича. Оказалось, что князь готов к заключению немедленного мира, на который Ярослав Изяславич, разумеется, согласился, желая выручить жену и сына.

Ещё больше мир был нужен Святославу Всеволодовичу. Теперь руки у него оказались развязаны, и он со всей своей силой обрушился на двоюродного брата Олега. «...И пожже волость его (то есть Северскую землю. — А. К.), и много зла створивше, и възвортишася к Чернигову». Ушёл из Киева, «распродав» весь город, и Ярослав Луцкий. Больше выжать из киевлян было нечего: лишь стоны да проклятия несчастных провожали его войско, да многие из киевлян были, наверное, уведены в полон на Волынь.

Вот так и получилось почти зеркальное повторение прежней киевской трагедии 1169 года. Уже второй князь — на этот раз из противоположного Андрею лагеря и из совсем другой, противоположной части Русской земли — отказывался от княжения в Киеве, предварительно подвергнув город неслыханному разграблению. И для Ярослава Изяславича, как и для Андрея, родной город — совсем вроде бы незначительный Луцк — оказался дороже недавней столицы Руси.

Так всё вернулось «на круги своя», по давнему выражению Екклесиаста (*Еккл. 1: 6*). После ухода Изяславича, после неудачной попытки воссесть на киевском престоле Святослава Черниговского решать судьбу Киева предстояло князьям Ростиславичам. Но сами сделать это они тоже оказались не в состоянии. И тогда князья не нашли ничего лучшего, как снова обратиться к Андрею Боголюбскому — как к верховному арбитру в межкняжеских спорах. Вновь вспомнив о том, что Андрей приходится им «в отца место», они решились именно у него «испрашивать» Киев старшему среди них и единственному непричастному к недавнему разгрому

Андреевой рати под Вышгородом — князю Роману Смоленскому.

«В то же время прислашася ко князю Андрею Роман с братьею своею, просяще Роману Ростиславичю Кыева княжить. Князю Андрею рекуще: “Пождете мало! Послал есмь к братье своей в Русь. Какова ми весть будет от них, тогда вы дам ответ”»[{339}](#).

«Братия в Руси» — это, очевидно, князья Ольговичи, чуть ли не единственные оставшиеся теперь союзники Андрея Боголюбского на юге. Пересылка с ними имела место в начале лета 1174 года. Отправил Андрей своих послов и в Рязань и Муром. Во многом Андрей просто оттягивал время, готовясь принять какое-то решение и озвучить его послам Ростиславичей. Но какое именно — так навсегда и останется для нас тайной. Ибо в то время, когда переговоры с Ростиславичами ещё продолжались, в ночь на 29 июня 1174 года, в своём замке в Боголюбове Андрей был убит заговорщиками из числа собственных приближённых.

Часть четвёртая.
СТРАСТОТЕРПЕЦ
1174, июнь — начало июля

Заговор

Последний год в жизни Андрея Боголюбского начался с печальных событий. 11 января 1174 года преставился его братстрадалец Святослав. О таких обычно говорят: отмучился. Андрей сам приехал в Суздаль и своими руками положил тело несчастного калеки во гроб в суздальской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, «в епискупьи». Спустя несколько дней из Мурома пришло известие о смерти его младшего союзника, муромского князя Юрия Владимировича, случившейся 19 января; этот князь был похоронен в церкви Святого Спаса, «юже бе сам создал» в Муроме. Ну а в июне, если верить позднейшей легенде, последовала смерть сына Глеба...

Уходили из жизни последние близкие Андрею люди. Как оказалось очень скоро, опереться князю было попросту не на кого. Трое его сыновей и все родные братья умерли, а младших сводных братьев и племянников он сам выгнал из своей земли и по-прежнему не впускал обратно. Даже последний его сын-ребёнок оказался за пределами княжества! Среди церковных иерархов — особенно после расправы над Феодором — тоже не нашлось никого, кому он мог бы довериться и на чью поддержку положиться. Из воевод мы знаем лишь одного, кому он доверял постоянно, — это Борис Жидиславич. Но насколько тот был предан князю, можно только гадать.

И дело даже не в этом. Историки, занимающиеся эпохой Андрея Боголюбского и обстоятельствами его кончины, с удивлением констатируют, что в Суздальской земле не нашлось ни одного социального слоя, который готов был оказать поддержку князю в критическую минуту^{340}. Да и где, в какой социальной среде, искать

его сторонников? Среди князей? Но почти все они были обижены им. Среди бояр, старшей дружины? Но значительная часть бояр — прежде всего старая дружина его отца Юрия — была выслана им за пределы княжества вместе с его младшими братьями, мачехой и племянниками ещё в первое десятилетие его княжения. Среди дружины? Но князь давно оторвался от нее, перестал лично участвовать в походах — а ведь личное участие князя в военных предприятиях, его предводительство дружиной в глазах подавляющего большинства русских людей того времени, и прежде всего самих дружинников, представлялись главным княжеским занятием, больше того — внешним выражением самой сути княжеской власти. Да и несколько подряд поражений на поле брани — опять же в отсутствие князя — никак не способствовали укреплению его авторитета. Известно: победителей любят все, а вот тех, кто терпит неудачу за неудачей, — увы, немногие... Были ещё жители «старых» городов княжества — Суздаля и Ростова, — но мы и прежде говорили о их обидах на князя. Причём обиды копились и у бояр, и у простых «мужей», привыкших решать главные вопросы своей жизни на вече, которое в княжение Андрея во многом потеряло своё значение. Да и жители «новых», облагодетельствованных князем городов, казалось бы, всем обязанные ему, не спешили оказывать ему поддержку — может быть, по той же самой причине. Нежелание не только ростовских и суздальских, но и владимирских, переяславских и прочих полков участвовать в недавней болгарской войне, столь явственно проявившееся в 1171 году, равно как и их бегство из-под Киева осенью 1173 года или ещё раньше, из-под Новгорода в феврале 1170-го, — всё это были явления одного порядка, и явления очень показательные, симптоматичные. Но Андрей, кажется, не замечал их или, лучше сказать, не придавал им того

значения, которое они заслуживали. Обратившись взором к далёкому Киеву, он решал по большей части глобальные проблемы русской жизни, а о том, что происходило под боком, задумывался меньше. Не случайно уже после его трагической гибели один из его горячих приверженцев, некий Кузьмище Киянин (то есть киевлянин), — заметим, единственный его приверженец, оказавшийся среди враждебного окружения! — будет восклицать, обращаясь к телу убитого князя:

— Како еси не очютил скверных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тебе? Или како ся еси не домыслил победити их, иногда (некогда, в прошлом. — А. К.) побежая полки поганых болгар?

То есть своих внешних, явных врагов князь умел распознать и умел справиться с ними, а вот распознать тех, кто втайне готовился убить его самого, у него, увы, не получилось.

Андрей многих успел оттолкнуть от себя. Он словно бы нарочно поступал не так, как было принято, сознательно нарушал княжеский этикет, привычный порядок вещей. А ведь обычай, традиция, этикет — едва ли не главное из того, что связывает различные слои общества, держит их в рамках определённых взаимоотношений. Особенно когда речь идёт о средневековом обществе.

Вот показательный эпизод. Мы уже вскользь упоминали о нём в одной из предыдущих глав книги — правда, упоминали и о том, что эпизод этот нашёл отражение в достаточно позднем и не слишком надёжном источнике.

Андрей, как и все князья, очень любил охоту. Наряду с войной, это было ещё одно исконно княжеское занятие. Как рассказывает автор Тверского летописного сборника XVI века, князь любил охотиться «у Святого Спаса на Купалище» (на реке Судогде), куда «по вся дни

прихождаше... прохлаждаашеся, и много время ту безгодно пребываше». Однако князь охотился здесь сам, без бояр, и это вызывало их законное неудовольствие: «и о сем боляром его многа скорбь бысть: он же не повеле им ездити с собою, но особно повеле им утеху творити (то есть велел охотиться отдельно. — А. К.), идеже им годно, сам же с малом [числом] отрок своих прихождаше ту»^{341}. Но это было явным нарушением обычая! Своим «отрокам», то есть младшим дружинникам и слугам, князь позволял то, что не позволял боярам, старшей дружине. И «многа скорбь» последних отнюдь не была безобидной для него. Пожалуй, у нас уже не вызовет удивления тот факт, что в Тверской летописи это недовольство бояр князем Андреем поставлено в прямую связь с заговором против него и его жестоким убийством! Хотя в действительности связь здесь если и была, то весьма и весьма опосредованная, а ещё более вероятно, что мы имеем дело лишь с преданием, легендой. Но ведь легенда эта очень красноречива! И сохранила она то, что запомнилось, что произвело впечатление на современников.

Крутой нрав Андрея, его готовность сурово покарать виновного, столь ярко проявившиеся в ссоре с князьями Ростиславичами, также многих должны были отталкивать от него. Если уж он подобным образом вёл себя с князьями, то можно представить себе, каким он был в гневе, когда виновником оказывался кто-либо из его подданных! Жестокая расправа над «лжеепископом» Феодором или казнь одного из братьев Кучковичей, разумеется, были не единственными случаями такого рода. А ведь ещё Владимир Мономах в своём «Поучении детям» призывал никого и никогда не наказывать смертью: «...Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет достоин смерти, не губите никакой души христианской».

Но внуки великого князя — и не один только Андрей Боголюбский! — не слишком-то прислушивались к этим наставлениям.

Даже внешний облик Андрея в его зрелые годы у многих мог вызывать чувство неприязни или безотчётного страха. Антропологи, изучавшие его костные останки, выявили существенные изменения в шейном отделе его позвоночника. Частично сросшиеся первый и второй позвонки, проявления артроза на их суставных поверхностях обусловили заметное ограничение подвижности шеи, так что в старости князь почти не имел возможности сгибать её. Несомненно, он испытывал боль при движении. Но и этот его физический недостаток, полагают исследователи, мог восприниматься окружающими «как проявление непреклонности и, быть может, надменности и горделивой самоуверенности»^{342}. И когда князь приходил в гнев, наверное, и в самом деле могло показаться, что и горделивая посадка головы, и грозный взгляд, и искажающая лицо гримаса злобы^[183] призваны были подчеркнуть его превосходство над прочими людьми: не важно, князь ли, боярин или простой смертный оказывался перед ним.

Наверное, можно повторить сказанное выше: в какой-то степени князь Андрей Юрьевич действительно обогнал своё время. Но проявлялось это прежде всего в том, что сам себя он представлял не столько князем, окружённым своими соратниками, дружиной, и тем более не одним из князей, членов большой княжеской семьи, состоящей из таких же правителей, как он сам, — но *самовластием*. Однако это его новое качество, новое, предложенное им понимание сути своей власти оказались неприемлемы для большинства других людей и были отторгнуты ими — и остальными русскими князьями, не готовыми признавать его главенство над собой — да ещё при том, что он не занимал даже

«златого» киевского престола, — и его подданными, не захотевшими в полной мере осознать перемены, произошедшие в его статусе. И жизнь князя стала ценой этого непонимания.

Даже в среде церковных людей, которым князь так благоволил и так помогал, строя церкви и раздавая «десятину», не нашлось тех, кто был искренне предан ему, — очень скоро мы убедимся и в этом. Неразбериха с делами церковного управления, частая смена епископов и чудовищные злоупотребления «Белого Клобучка» Феодора — всё это отталкивало людей церкви от князя. Да и авторитет самих церковников — несмотря на все усилия князя — очень сильно упал в обществе, особенно после разгрома «леонтианской ереси» и «дела Федорца».

Князь был безмерно милостив и щедр, кормил на свой счёт нищих и обездоленных, сирых и убогих. Это правда. Такое милосердие конечно же привлекало к нему многих, Владимир полнился нищими. Но не у них же было искать ему поддержки?! Напротив, рост числа обездоленных и несчастных в княжение Андрея Боголюбского свидетельствовал о том, что в обществе не всё в порядке, что всё больше людей разоряются, выпадают из привычного круга жизни. Доходило до того, что князь «брашно своё и мед по улицам на возех слаше болным и по затвором», — дело, несомненно, богоугодное и нужное, заслуживающее самой высокой и даже восторженной оценки! Но ведь последние слова летописца можно трактовать ещё и как свидетельство того, что в Суздальской земле росло не только число больных и нищих, но и число «затворов» и «затворников», иначе говоря, — тюрем и тюремных сидельцев. В обычное время они обеспечивались пропитанием за счёт подаяния или же за счёт родных и лишь в исключительных случаях — то есть как раз

таких, о которых идёт речь в летописи, — за счёт государственной власти в лице самого князя.

Князь вёл масштабное каменное строительство — и это ещё одна его несомненная заслуга. Но многим даже эти его траты — на возведение помпезных, богато украшенных церквей и княжеских палат — казались чрезмерными. Тем более что в последние десять лет своего княжения Андрей ещё и очень много воевал, собирал значительные коалиции князей, выставлял громадные армии. И не для защиты родной земли, а для решения каких-то отвлечённых, не понятных большинству его подданных задач. А это также требовало огромных затрат. И поражения в войнах били не только по авторитету князя, но и по его казне — а в конечном счёте негативно сказывались на экономическом положении всего населения княжества. Мы уже говорили о том, что «пешцы» составляли значительную часть войска Боголюбского. Но это значит, что от итогов его войн зависело благосостояние не только дружинников, но и огромных масс простых людей — и самих ратников, и их семей, близких, целых общин. В результате военных поражений последних лет княжения Андрея Боголюбского в Суздальскую землю перестала поступать та самая добыча, которая и составляла главную ценность войны для подавляющего большинства участвовавших в ней людей. Воины возвращались домой ни с чем, а некоторые вообще калеками; многие гибли или попадали в полон, и их приходилось выкупать, порой тратя на это последнее из того, что имелось. Меж тем поборы на новые войны лишь возрастали.

«От всей фигуры Андрея веет чем-то новым; но едва ли эта новизна была добрая, — писал более ста лет назад Василий Осипович Ключевский, может быть, и сгущая краски. — Князь Андрей был суровый и своенравный хозяин, который во всём поступал по-

своему, а не по старине и обычаю. Современники заметили в нём эту двойственность, смесь силы со слабостью, власти с капризом...» И продолжал, вынося беспощадный, хотя и не во всём справедливый приговор князю: «...Проявив в молодости на юге столько боевой доблести и политической рассудительности, он потом, живя сиднем в своём Боголюбове, наделал немало дурных дел: собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывал паутину властолюбивых козней по всей Русской земле из своего тёмного угла на Клязьме. Повести дела так, чтобы 400 новгородцев на Белоозере обратили в бегство семитысячную суздальскую рать, потом организовать такой поход на Новгород, после которого новгородцы продавали пленных суздальцев втрое дешевле овец, — всё это можно было сделать и без Андреева ума. Прогнав из Ростовской земли больших отцовских бояр, он окружил себя такой дворней, которая в благодарность за его барские милости отвратительно его убила и разграбила его дворец... Со времени своего побега из Вышгорода в 1155 году Андрей в продолжение почти 20-летнего безвыездного сидения в своей волости устроил в ней такую администрацию, что тотчас по смерти его там наступила полная анархия: всюду происходили грабежи и убийства, избивали посадников, тиунов и других княжеских чиновников...»^{343} Не слишком ли сурово? Но ведь всё это действительно имело место...

Разумеется, были и люди, которые выигрывали от княжеских новшеств. Прежде всего это те, кого князь приблизил к себе, — его «дворские», то есть люди, принадлежавшие его княжескому «двору»: разного рода слуги, «детские», «милостинники», полностью зависевшие от него лично, иногда даже люди несвободные, рабы, или же пришлецы из чужих земель, — словом, та самая «дворня», о которой с таким отвращением писал Ключевский. Их влияние на дела

княжества возросло многократно. Примечательно, что сам термин «дворяне» в значении «люди, приближенные к княжескому двору» впервые встречается в летописях именно в связи с историей Андрея Боголюбского^{344}. Им, «дворянам», Андрей поручал многие дела управления своей волостью, их ставил на ключевые места в княжеской администрации, они же зачастую творили суд и расправу. Разумеется, они и обогащались в первую очередь — иначе в истории, увы, не бывает. Но парадокс заключается в том, что именно из среды этих, наиболее близких князю людей и вышли участники заговора 1174 года, его непосредственные убийцы. Впрочем, парадокс ли это? Или перед нами ещё одна историческая закономерность?

Что это были за люди? О некоторых из них сохранились кое-какие сведения — в той же летописной повести, что рассказывает об убийстве Андрея Боголюбского.

Вот, например, Яким (Иоаким) Кучкович, которого летописец называет «возлюбленным слугой» князя. Мы уже говорили о том, что Кучковичи принадлежали к местному провинциальному боярству и имели прочные корни в Суздальской земле. Но с князем Андреем Юрьевичем Яким и его брата связывали прежде всего личные узы, узы свойства. Если верно, что их сестра была женой Андрея (как мы предположили, первой из жён), то они приходились князю шурьями. Кучковичи очень давно были в чести у Андрея: вспомним, что это они «лестию подъяша» его из Вышгорода, то есть призвали в Суздальскую землю, и произошло это ещё при жизни Юрия Долгорукого. Такое не забывается! К клану Кучковичей принадлежал и их зять, некий Пётр, — соответственно, также свояк Андрея. Летопись именует его «началником убийцам», что свидетельствует об очень высоком его социальном положении. Своё влияние на князя клан этот сохранил и после смерти Кучковны и

повторной женитьбы Андрея. Но, находясь так близко к князю, все они оказались в полнейшей зависимости от него. И вот итог: незадолго до своей гибели князь за какую-то вину велел казнить Якимова брата. Согласно летописной повести об убиении князя Андрея Юрьевича (в версии Ипатьевской летописи), именно это стало причиной организации заговора против него. Яким, «дьяволим научением», устремился к своим единомышленникам, «злым советникам» на будущее убийство, и поведал им о случившемся. Мы не знаем причин, по которым Андрей расправился с его братом: был ли тот и в самом деле виноват («некое бо зло сотвори», — пишут о нём поздние летописцы), имели ли место в отношении его клевета, произвол князя или, как считают некоторые исследователи, Андрей узнал о действительно готовящемся заговоре, в который и был вовлечён Кучкович. Сейчас для нас важнее другое: подобная участь могла ожидать любого из ближайшего окружения князя. «Советники» Якима не сомневались в этом и легко поверили ему, когда он возгласил им:

— Днесь того казнил, а нас заутра!..

Потому-то, по летописи, они и начали «промышлять» о князе.

А вот очерченный всего несколькими штрихами портрет другого заговорщика — выходца из совсем другой социальной среды. Это некий Анбал Ясин, который был княжеским ключником. Ясин — не имя, а прозвище, указание на этническую принадлежность ключника («ясин родом», сказано про него в другом месте): он был «ясом», то есть осетином. Из осетинского языка может быть объяснено и его имя, означающее: «соратник», «товарищ по походу»^[345].^[184] Каким образом Анбал оказался при дворе князя Андрея и вообще на Руси, неизвестно^[185], но князь, как видим, доверил ему очень важную, ключевую во всех смыслах должность при своём дворе. Ключник имел доступ не

только в сокровищницу, но и в опочивальню князя: «тот бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему дал бяшетъ [князь]», — свидетельствует летописец. Именно доступ в княжескую «ложницу» позволил Анбалу выкрасть накануне убийства меч Андрея и тем самым обречь князя, ставшего безоружным, на верную гибель. Человек этот не имел никаких корней в Русской земле — но, может быть, именно поэтому Андрей и приблизил его к себе? Ведь у пришлого человека, в отличие от местного, нет многочисленной родни рядом, а значит, по логике князя, ему некому потакать, благоволить; он ни от кого не может зависеть, кроме как от князя. Ну а о том, как распорядился Анбал свалившейся на него властью, мы узнаём из того же летописного рассказа. Оказывается, он никогда не забывал о собственной выгоде — ни при жизни князя, ни после его злодейского убийства. Когда уже после совершённого преступления Анбала встретил упомянутый выше Кузьма Киянин, «ясин» был одет в «оксамиты», то есть роскошные бархатные княжеские одежды, — очевидно, вывоченные из княжеских сундуков. Кузьма принялся укорять его:

— Помнишь ли, жидовине, в которых порътех пришел бяшетъ? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежить!...

(«Жидовине» здесь — ругательство, такое же, как «еретиче» и «враже», обращенные к Анбалу чуть раньше тем же Кузьмой.)

И, как ни странно, слова эти подействовали на бывшего ключника. То ли чувствуя угрызения совести, то ли желая продемонстрировать щедрость и полноту своей власти, смешанные с высокомерием, он сбросил ковёр и «корзно» (плащ), чтобы завернуть в них тело убитого князя. Очевидно, эти вещи были малой толикой того, что было нагреблено им и вывозилось в ту минуту с княжеского двора. Но многие запомнили, в каком виде

явился во Владимир этот чужеземец, как начинал свою карьеру у князя — чуть ли не оборванцем, облачённым в какие-то обноски. Что ж, история в общем-то знакомая, повторяющаяся из века в век и при дворах всех, без исключения, «самовластцев»...

(Ещё одним участником заговора стал некий Ефрем Моизич, которого многие историки тоже сочли иноземцем, а именно евреем^[186]. Но непривычно звучащее отчество — аргумент для такого вывода всё же недостаточный. Тем более что оно, отчество, могло быть передано и с ошибкой: ведь само это имя присутствует не во всех ранних летописях, но лишь в Радзивилловской и примыкающих к ней. С уверенностью об этом Ефреме можно сказать лишь одно: судя как раз по тому, что его имя сопровождается отчеством, он был человеком знатным, а не слугой или «детским». Впрочем, само по себе присутствие иудеев в древней Руси не вызывает сомнений: источниками — как русскими, так и древнееврейскими — они надёжно зафиксированы в Киеве, Чернигове, на Волыни^{346}. Вполне могли присутствовать евреи и во Владимире на Клязьме. Но вот могли ли они входить в окружение князя Андрея Юрьевича, — сказать трудно.)

Наверное, не все при дворе Андрея нравом и алчностью походили на Анбала. Но наживались на чужих бедах, обогащались несправедливыми путями, грабили тех, кто был послабее, многие. Об этом можно судить по целому ряду признаков. Когда после смерти князя в Боголюбове начнутся грабежи и мятеж, под удар обезумевшей толпы попадут прежде всего княжеские посадники и тиуны, его «детские», «постельники» и «мечники». Многие из них будут убиты, а дома их разграбят. Видимо, у них было чем поживиться — как и в домах «делателей» — иноземных мастеров-ювелиров, златошвеев и прочих, приглашённых Андреем для украшения церквей и княжеских палат и живших и

трудившихся в Боголюбове. Но у тех отбирали по большей части княжеское добро, к которому они были приставлены; тиуны же и «детские» обогащались сами. А способы такого обогащения во все времена примерно одинаковы, и Владимирская земля не представляла в этом отношении какого-либо исключения.

Младший современник князя Андрея Боголюбского, будущий почитаемый русский святой Никита, столпник Переяславский, во дни своей юности «бе мытарь друг» («другом мытарей»), а возможно, и сам был «мытарем», то есть сборщиком княжеских податей и налогов. С теми вместе он «прилежа (потакал. — А. К.) градским судьям, и мног мятеж и пакости творяше человеком, от них же неправедну мзду вземлюще, тем питаше себе и подружие свое (то есть незаконно собираемой «мздой» кормил себя и свою жену. — А, К.), — пишет автор его Жития. — И многа времена тако творяше»^[347].^[187] Слова о «многих временах» свидетельствуют о том, что карьера Никиты началась ещё в княжение Андрея Боголюбского, если не раньше. Сам он был уроженцем Переяславля — но вот откуда происходили «судьи градские», которым он «прилежал», и прочие «мытари», мы не знаем.

Спустя почти сто лет, в начале 60-х годов XIII века, полоцкий князь Константин Безрукий будет жаловаться своему епископу на собственных (!) тиунов, вероятно, ожидая сочувствия от владыки: «Тиун неправду судит, мзду емлет, люди продаёт, мучит, лихое всё деет». Но епископ Симеон (вскоре покинувший полоцкую кафедру и ставший затем первым епископом Тверским) объяснит ему, что поведение тиуна во всём зависит от княжеского: «Аже будет князь добр, богобоин (богобоязнен. — А. К.), жалует людей, правду любит — избирает тиуна или коего волостеля — мужа добра и богобоина, страха Божия полна, разумна, праведна, по закону Божию всё творяща и суд ведуща... Будет ли

князь без Божия страха, христьян не жалует, сирот не милует и вдовицами не печалует — поставляет тиуна или коего волостеля — человека зла, Бога не боящаяся и закона Божия не ведающе, и суда не разумеюще, толико того деля (того ради. — А. К.), абы князю товара добывал, а людей не щадит. Аки бешена человека пустил на люди, дав ему меч, — тако и князь, дав волость лиху человеку губити люди»^{348}.

Князь Андрей, вне всяких сомнений, был «богобоин», жаловал людей (правда, не всех) и миловал сирот, «печаловал» вдовиц и любил правду — но уверены ли мы, что его тиуны и «волостели», поставленные им, отличались теми же качествами и «творили» суд только лишь «по закону Божию»? И этот вопрос, к сожалению, — из разряда риторических... «Не так страшен царь, как его малюты» — поговорка, конечно, совсем иного, более позднего времени, но смысл её одинаков для всех эпох. И именем Андрея могли покрываться — и наверняка покрывались! — дела далеко не праведные, а скорее просто чёрные, когда за соответствующую мзду «градские судьи», вроде приятелей «мытаря» Никиты, с лёгкостью принимали нужные, хотя и совсем не праведные решения в пользу тех, кто имел деньги и власть. Вспомним, как творил суд и добывался своего «лжеепископ» Феодор, ставленник Андрея. Как он мучил людей — и «простецов», и иереев; как выжигал глаза и урезал языки своим недругам, как распинал их «по стенам», грабил «имения» и добывал сёла и рабов. Его методы — это, конечно, случай вопиющий, из ряда вон выходящий. Но ведь и такое стало возможно в княжение боголюбивого князя! Ещё один предполагаемый современник Андрея Боголюбского или его преемников на владимирском престоле, Даниил Заточник, надо полагать, хорошо знал, о чём пишет:

«Не имей собе двора близ царева двора и не дрѣжи села близ княжа села: тивун бо его — аки огонь,

трепетицею накладен, и рядовичи (здесь: слуги. — А. К.) его — аки искры. Аще от огня устережешься, но от искор не можешь устеречися...»{349}.

И это тоже была чистая правда. «Идеже закон, ту и обид много», — напишет автор летописной повести о убиении князя Андрея Юрьевича, перефразируя слова апостола Павла (*ср.: Рим. 4:15*). Этим он хотел укорить жителей Боголюбова, принявших участие в мятеже и разграблении княжеского добра: они-де не ведали такую простую истину. Но обид действительно накопилось немало. Слишком долго жили и боголюбовские, и владимирские горожане рядом с князем и его тиунами и «волостелями», и если «устереглись» большого «огня», остались целы, то от «искор» — то есть от произвола тех же тиунов и «рядовичей», «детских» и «мечников», — надо полагать, натерпелись всякого...

Вот таким образом в Суздальской земле и сложилась внешне парадоксальная, труднообъяснимая ситуация. Самый знаменитый из всех владими́ро-суздальских князей, человек, более других заботившийся об укреплении и процветании родного княжества и более других сделавший для этого, в конце жизни оказался в полнейшем социальном и политическом вакууме, в атмосфере всеобщей неприязни и даже ненависти к себе...

Надо признать, что исключительность самого события — злодейского убийства князя его приближёнными — отражает исключительность положения Андрея в Суздальской земле. Замечено: дворцовый заговор, кровавый переворот сами по себе являются свидетельствами усиления княжеской власти, «приобретающей первые деспотические черты». «При “нормальных” отношениях между князьями и вассалами недовольство князем приводит к его изгнанию, — пишут

современные историки. — Невозможность изгнания провоцирует убийство»^{350}.

«Се же бысть в пятницу на обедни совет лукавый пагубоубийственный», — свидетельствует летописец о том, что произошло в самый канун кровавой развязки. На этом-то обеде, состоявшемся в княжеском Боголюбове в доме Кучкова зятя Петра, и было принято роковое решение. Всего летописец называет по именам (в разных версиях) трёх или четырёх человек — очевидно, «верхушку» заговора: это те самые имена, которые мы привели выше. «...А всех неверных убийц 20 числом, иже ся бяху сняли (то есть собрались. — А. К.) на оканьный съвет томь дни у Петра у Кучкова зятя».

Двадцать человек — это совсем не мало. И среди них не оказалось ни одного, кто выдал бы заговорщиков князю. Редкое единодушие! Андрей так ничего и не заподозрил, «не очютил» «пагубоубийственных ворожбит своих», выражаясь словами киевлянина Кузьмы. А ведь то были люди, с которыми он общался чуть ли не ежедневно — как, например, с тем же ясином Анбалом или со своим «возлюбленным слугой» Якимом Кучковичем. Подобно большинству других правителей, Андрей, надо полагать, постепенно разучивался понимать своих собеседников, отличать показную покорность от истинного чувства. Это вообще беда многих сильных натур, особенно из числа власть имущих. И не один Андрей поплатился жизнью за свою неразборчивость в людях, за излишнюю доверчивость к тем, кого приблизил к себе.

Мы уже говорили о том, что он не смог поладить даже с собственной женой. А ведь по сведениям целого ряда источников — правда, довольно поздних, — жена князя тоже была вовлечена в заговор против него, больше того — чуть ли не верховодила в нём. Вот что рассказывается об этом в Тверской летописи XVI века:

«...Убиен бысть благоверный великий князь Андрей Юриевич Боголюбский от своих бояр от Кучковичев по научению своеа ему княгини. Бе бо болгарка родом, и дръжаше к нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева... Болгарскую землю, и сына посила, и много зла учини болгаром. И жаловашеся на нь втайне Петру, Кучкову зятю...»^[351].

О том же, но без конкретных — и, кажется, излишних — подробностей, сообщается в подборке летописных материалов в Погодинской рукописи № 1596, датируемой тем же XVI веком:

«...А княгини его болгарыни, и злую мысль к нему держаше, и по наученью ея убит бысть святой князь Андрей Боголюбский от своих бояр от Кучковичев»^[352].

К «болгарской» составляющей этой версии убийства князя стоит отнестись с большой осторожностью, не слишком доверяя источнику, отделённому четырьмя столетиями от описываемых в нём событий. Тем более что «болгарские» сюжеты далёкого прошлого Руси получили актуальность как раз во второй половине XV — середине XVI века, то есть в то время, к которому относятся названные летописные памятники: это связано с возникшими притязаниями Москвы на Казань — наследницу древнего Булгара. Впрочем, если вторая жена князя действительно была болгаркой, она вполне могла питать ненависть к мужу из-за разорения родной земли. Могла она и мстить ему, и подговаривать к мщению других — конечно, если полностью им доверяла. Но в любом случае упоминание Андреевой княгини в связи с заговором против её мужа заслуживает внимания. И дело даже не в том, что об этом, помимо названных, сообщают и некоторые другие источники — правда, ещё более поздние по времени^[188]. Историки давно уже обратили внимание на миниатюру Радзивилловской летописи XV века, на которой в сцене убийства князя изображена некая женщина, держащая в

своих руках его отрубленную руку^[353]. И очень похоже на то, что это именно княгиня, жена князя, хотя в самом тексте летописи о ней нет ни слова. Заметим, что женщина изображена не среди заговорщиков; скорее, она противостоит им. Однако никакого насилия в отношении её не заметно, держится она вполне свободно. Та же дама в том же одеянии и похожем головном уборе изображена на следующей миниатюре — среди участников похорон князя Андрея. Едва ли можно думать, будто автор миниатюр располагал иным, нежели сохранившиеся, более полным вариантом летописной повести об убиении князя и там будто бы содержались некие сведения о княгине, как иногда полагают, — никаких намёков на это в тексте нет. Скорее, художник ориентировался либо на здравый смысл, полагая, что княгине надлежало находиться рядом с князем в его опочивальне, либо на какие-то устные предания, существовавшие к тому времени, когда он работал над миниатюрами. Но если верно последнее, то ценность этих преданий, донесённых до нас поздними источниками, значительно возрастает.

Впрочем, любые рассуждения на сей счёт остаются всего лишь на уровне предположений. О том, что в действительности происходило во Владимире и Боголюбове накануне убийства князя, мы всё равно не знаем. Как не знаем и того, что двигало заговорщиками — помимо вполне понятной боязни за собственные жизни. Историк XVIII века Василий Никитич Татищев, вероятно, сгущал краски, когда утверждал, будто убийцы Андрея пользовались чуть ли не всеобщей поддержкой и даже через несколько месяцев после смерти князя во Владимире открыто говорили, что он был убит «народом за его неправду, что неповинно многих казнил и разорял, [и] в братии, князех русских, великие вражды и беспокойства чинил»^[189]. Но ведь и сами убийцы представляли своё злодеяние как некую

общую «думу», как преступление, совершённое в интересах всего «общества». «...Не нас бо одиных дума, но и о вас суть же в той же думе (то есть и среди вас есть наши сообщники. — А. К.)» — с такими словами уже после убийства князя они обратятся к жителям стольного Владимира, опасаясь, дабы те не выступили против них^{354}.^[190] И хотя владимирцы их не поддержат, но и воевать с ними, мстить за убийство князя тоже не станут.

И всё же тайное убийство есть тайное убийство, а не открытый и всеобщий мятеж. Современные историки, изучающие обстоятельства гибели князя, порой пишут о разветвлённом заговоре, в котором известные нам убийцы оказываются лишь исполнителями чужой воли, а за их спинами скрываются мрачные фигуры настоящих убийц — то ростовских или суздальских бояр, то ближайших родственников Андрея — его братьев и племянников, то его шурина, рязанского князя Глеба Ростиславича, то любимого воеводы Бориса Жидиславича, а то и всех сразу^{355}. Полагают, будто о заговоре были осведомлены не только жители стольного Владимира, но и ближайшие дружинники князя, и какие-то церковные иерархи, и оказавшиеся во Владимире послы других русских князей... В жизни так не бывает. Заговорщиками не могут быть *все*. Строя свои выводы на принципе: кому *могла быть* выгодна смерть князя, нетрудно зайти в тупик. Версий много, и каждая из них в равной степени имеет право на существование — но лишь в качестве не подтверждаемой источниками гипотезы, проще говоря — фантазии. Другое дело, что уже *после того*, как князь был убит, выяснилось, что слишком многие оказались готовы к такому повороту событий. Слишком уж тяжким было его долгое княжение, слишком многих князь успел настроить против себя, слишком многие устали и от него самого, и от его многочисленных и слишком ретивых

приспешников. События, последовавшие за убийством князя, свидетельствуют об этом с пугающей очевидностью.

Боголюбовская трагедия

С рассказа об этом чудовищном преступлении мы начали книгу. Сейчас же попробуем поточнее определиться с датами.

Итак, обед у Петра, Кучкова зятя, имел место 28 июня 1174 года, в пятницу, в канун именин хозяина — дня святых апостолов Петра и Павла^[191]. Незадолго до этого времени был казнён его свояк, родной брат Якима Кучковича, о чём большинству заговорщиков стало известно как раз во время обеда. По-видимому, эта казнь и подстегнула участников заговора к немедленным действиям. О распорядке жизни князя, о смене дворцовой стражи и т. д. они были осведомлены очень хорошо. Ясин Анбал, вхожий во внутренние покои Боголюбовского замка, смог в тот же вечер (или ещё прежде?) похитить из княжеской опочивальни меч Андрея — не просто грозное оружие, но великую святыню, реликвию, ибо некогда меч этот принадлежал другому русскому страсотерпцу, святому князю Борису, убитому по приказу Святополка Окаянного на реке Альте за 159 лет до боголюбовской трагедии, 24 июля 1015 года. (Иногда это считают вымыслом, легендой, но известие о Борисовом мече похоже на правду — ибо боевые мечи имели огромную ценность, почти всегда переживали своих первоначальных владельцев и переходили по наследству от одного воина или князя к другому.) Андрей пропажу не обнаружил — удивительная беспечность для человека военного, привыкшего не расставаться с оружием ни при каких обстоятельствах! Мы уже говорили об этом, вспоминая слова Мономаха («...И оружие не снимайте с себя сразу, не оглядевшись, по беспечности — ибо внезапно человек погибает»). Видимо, Андрей и в самом деле к концу

жизни всё меньше ощущал себя воином, но всё больше — правителем, способным добиваться своего, лично не участвуя в войнах и сражениях, не прибегая к помощи клинка. Но век, в который он жил, не был готов ещё к такому восприятию княжеской власти. И то, что Андрей оказался безоружным перед лицом врагов, в очередной раз подтвердило это.

Дата самого убийства в разных версиях летописного повествования названа по-разному. Однако противоречия между летописными источниками на проверку оказываются по большей части мнимыми. В пространной версии рассказа Ипатьевской летописи на первый взгляд присутствует явная путаница. Сначала как день убийства названо 28 июня. «Убьен бысть великий князь Андрей Суждальский... месяца июня в 28-й день, канун святых апостол», — сообщает летописец в самом начале годовой статьи, добавляя затем: «...день бе тогда субота». Но последнее может иметь отношение уже к следующему дню, 29 июня, собственно дню памяти святых апостолов Петра и Павла, ибо 28 июня в 1174 году пришлось на пятницу. А ниже определённо говорится об убийстве Андрея именно в субботу 29 июня: «...постигыше бо ночи суботнии (то есть ночи после «обеденного совета», который, как сказано выше, был в пятницу. — А. К.), на память святую апостолу (двойственное число! — А. К.) Петра и Павла». И наконец в третий раз днём убийства вновь названа суббота, но текст вроде бы надо понимать так, что князь был убит не в ночь с *пятницы на субботу* (как явствует из вышеприведённой цитаты), а в следующую ночь — с *субботы на воскресенье*. Смущает, правда, явная грамматическая несогласованность фразы: «...Убьен же бысть в субботу на ночь, а о свете заутра в неделю, на память 12 апостолу (то есть на рассвете следующего дня, в воскресенье 30 июня, когда празднуется Собор двенадцати апостолов. — А. К.)». [\[356\]](#) Но что именно

случилось «о свете заутра в неделю»? Глагол, очевидно, пропущен, и текст испорчен.

В Лаврентьевской летописи, содержащей краткую версию летописного повествования, дата убийства определённо названа как 29 июня: «Убьен же бысть месяца июня в 29 день на память святоу апостолу Петра и Павла в субботу на ночь». И ниже ещё раз — в той самой фразе, которая только что вызвала у нас затруднения: «...убьен же бысть в субботу на ночь, и о свете заутра мертв...» Как видим, глагол здесь стоит на месте и делает фразу более осмысленной, хотя и не до конца понятной. А далее — её продолжение, но оно, по всей вероятности, имеет отношение уже не к смерти князя, а к событию, последовавшему за ней: «...В неделю, на память 12 апостолу (в Радзивилловской и Академической летописях правильнее: «апостол». — А. К.), налезоша и (князя. — А. К.) под сеньми лежаща, взявше и... внесоша и в божницу (церковь. — А. К.)»^[192]. Но ведь и в Ипатьевской летописи говорилось о том, что тело князя было внесено в церковь лишь спустя какое-то время после его убийства! Как следует из Лаврентьевской летописи, это произошло в «неделю», то есть в воскресенье, 30-го числа.

Наконец, Новгородская Первая летопись старшего извода, отличающаяся вообще точностью дат, сообщает, что Андрей был убит «на канон святою Петру и Павлу, в ночь»^{357}. Хотя календарная дата отсутствует, ясно, что речь идёт о ночи с 28 на 29 июня 1174 года. Здесь же, кстати, приведены и некоторые дополнительные, по сравнению с летописной повестью, подробности злодейского убийства. Так, сказано, что князь был убит своими «милостинниками» (приближёнными, кормящимися от «милостей» князя, его любимцами), что вместе с ним в помещении находился «один кощей мал» (отличной от упомянутого в летописной повести Прокопия?), что князь был вооружён («попад меч и ста у

дверий, борясь с ними», — это уже явно противоречит летописной повести) и что убит он был «рогатинами» (или, в младшем изводе той же летописи, «копьями»). Ещё пара менее значимых уточнений имеется в летописях XV–XVI веков^[193].

Будем и мы считать, что убийство князя произошло именно в ночь на 29-е число, а не в ночь на 30-е (хотя последняя дата нередко фигурирует как в исследовательской, так и в церковной литературе). Определённая трудность связана с тем, что в конце июня один за другим следуют сразу два дня святых апостолов — день Петра и Павла 29-го числа и Собор двенадцати апостолов 30-го, и иногда летописцы принимали канун одного дня за канун другого. Андрей был убит на память святых Петра и Павла — в этом сходятся все источники. Но убит он был ночью, а ночь в древней Руси входила в состав следующего за ней дня (отсюда название суток: «нощеденствие»). Если бы Андрей был убит в ночь с 29-го на 30-е, то уместнее было бы говорить о его кончине на память двенадцати апостолов, и в воскресенье, а не в субботу.

По-настоящему версии Ипатьевской и Лаврентьевской летописей расходятся в хронологическом отношении в другом, а именно в дате перенесения тела убитого князя из Боголюбова во Владимир. Но об этом речь ещё впереди.

Исследования антропологов, изучавших костные останки Андрея Боголюбского, в основном подтверждают, а отчасти дополняют ту страшную картину, которая изображена в летописной повести о его убийстве.

Князь действительно подвергся внезапному нападению нескольких человек. Среди них были профессиональные бойцы, отменно владевшие оружием и способные нанести смертельный удар, — по крайней мере об одном или двух это можно сказать с полной

уверенностью. На скелете князя исследователи обнаружили многочисленные «свежие» ранения, полученные им перед самой смертью, — от «старых» они отличаются отсутствием так называемых «реактивных изменений», связанных с их заживлением. Причём эти «свежие» ранения были нанесены разным оружием — прежде всего рубящим (мечами и саблями), а возможно, ещё и колющим (копьями или «рогatinaми», по выражению новгородского летописца). Словом, всё было примерно так, как об этом говорится в летописной повести: «...Иссекше его саблями и мечи», или, в другом её варианте: «...И секоша и мечи и саблями, и копиинныя язвы даша ему...»

О «язвах», то есть ранах, следует сказать особо. Все они тщательнейшим образом описаны, причём не одним каким-либо экспертом, а разными специалистами, работавшими в разное время и независимо друг от друга. При различии подходов и несходстве отдельных выводов мнения экспертов совпадают в главном. Установлено же ими следующее^{358}.

Всего насчитывают не менее десятка ударов, которые стали причиной многочисленных повреждений, обнаруженных при исследовании скелета князя. Справа над виском голова князя была пробита насквозь, причём удар нанесён с очень большой силой. «При этом ударе, — отмечает исследовавший останки князя в 2007 году профессор В.Н. Звягин, — возникли сквозной дефект в полости черепа (3,3 на 2 миллиметра) и протяжённая трещина (39 миллиметров), идущая назад к венечному шву». В области затылка обнаружен надруб кости (длиной 2 или 2, 5 сантиметра, глубиной 2–3 миллиметра и шириной 3 миллиметра) от удара рубящим оружием — мечом или саблей. Очевидно, что голова князя не была защищена шлемом. Помимо этого выявлены: рубленые повреждения второй и третьей левых пястных костей с отсечением передне-верхних частей головок; рубленые

повреждения нижнего отдела левых локтевой и лучевой костей в виде глубоких врубов; рубленое повреждение среднего отдела левой локтевой кости в виде поверхностного надруба; рубленое повреждение наружной поверхности левого плеча в верхней трети с поверхностным надрубом плечевой кости; рубленое повреждение передневерхней поверхности левой ключицы в наружной трети в виде поверхностного надруба; рубленое повреждение верхнего отдела левого предплечья с разрубом-переломом лучевой кости и врубом на локтевой кости (при этом ударе была рассечена лучевая артерия); рубленое повреждение наружной поверхности левого плеча в средней трети с глубоким врубом на плечевой кости; рубленое повреждение левой лопатки с разрубом и отчленением плечевого отростка лопатки и глубоким врубом в основании клювовидного отростка; рубленое повреждение плечевой кости с отсечением наружной части головки и большого бугра. «Локализация разрубов на лопатке указывает на широкое внедрение концевой части рубяще-режущего орудия в подключичную область и, следовательно, на возможное нарушение целостности подключичной артерии», — отмечает В.Н. Звягин. Описания последних двух или трёх ранений, вероятно, соответствуют летописному рассказу о том, как «окаянные» добивали уже истекавшего кровью князя, когда Пётр, «Кучков зять», «оття», то есть отсёк, ему руку, — правда, в версии летописи, правую, а не левую. И здесь также кажется несомненным, что князь не был защищен какими-либо латами или доспехами. Кроме того, выявлены рубленое повреждение левого бедра в нижней трети с глубоким врубом (идущим снизу вверх) на наружной поверхности бедренной кости, а также повреждения задней поверхности правого бедра и обеих берцовых костей. Но и это, по-видимому, ещё не всё! Следует учесть давнее высказывание специалистов:

«Количество ран... вероятно, было больше, чем об этом можно... судить лишь на основании состояния скелета, ибо не каждый удар был связан с повреждением кости». Кроме того, к сегодняшнему дню сохранились не все кости скелета князя.

Что и говорить, картина действительно жуткая! Такие раны нельзя получить ни в единоборстве, ни в сражении. Как справедливо отметили антропологи Д.Г. Рохлин и В.С. Майкова-Строганова, первыми исследовавшие костяк князя ещё в 1934–1935 годах, имеющиеся повреждения позволяют с уверенностью говорить о нападении «нескольких человек... с определённой целью — не ранения, хотя бы и тяжёлого, а убийства тут же, на месте, во что бы то ни стало».

Князь защищался, как мог, «ибо был силен», по выражению летописца. И то, что в такой ситуации, безоружным, он сумел серьёзно ранить одного из нападавших, свидетельствует о его профессионализме воина, бойца. Не говорим уже о мужестве, с которым он боролся за свою жизнь! Следы этой борьбы также выявлены специалистами. Здесь, правда, их мнения расходятся. Большинство экспертов полагают, что лишь один удар обрушился на князя спереди, когда он находился лицом к лицу со своими убийцами, остальные же — со спины или сбоку, причём большую часть ранений князь получил лёжа, когда уже не имел возможности сопротивляться убийцам^[194]. К иным выводам приводят наблюдения профессора Виктора Николаевича Звягина, специалиста в области судебно-медицинской экспертизы. По его мнению, «локализация и взаиморасположение повреждений, обнаруженных на скелете Андрея Боголюбского, свидетельствуют о том, что князь получил большую их часть в процессе борьбы и самообороны. При этом князь стоял левым боком к нападавшим, выдвинув вперёд согнутую в локте левую руку в качестве щита для защиты головы и туловища...

Вне всякого сомнения, он активно перемещался, уходя от ударов, либо ослабляя их последствия... Будучи неоднократно раненым и истекая кровью, Боголюбский продолжал оказывать сопротивление». На скелете князя исследователь обнаружил только два повреждения, которые он определяет как полученные «в положении лёжа на спине: это рубленые раны левого бедра и правой половины лба». Ни меча, ни какого-либо иного оружия у князя действительно не было: «Каких-либо ран на внутренней стороне костей верхних конечностей, которые бы свидетельствовали об активном противоборстве князя Андрея с оружием в руках, не имеется». Анализируя характер имеющихся ран, исследователь предположительно устанавливает и число непосредственных убийц князя: ими могли быть лишь два человека. Первым из них, вооружённым «рубяще-режущим орудием типа сабли», В.Н. Звягин считает Петра, Кучкова зятя, упомянутого и в летописном рассказе. По мнению исследователя, он «атаковал князя спереди и несколько слева. Затем сместился левее и кзади. Удары саблей наносил под острым углом к поверхности тела князя с протягиванием. Это очень страшные удары, поскольку разрезы мягких тканей, имея большую протяжённость и глубину, сопровождаются повреждением многих кровеносных сосудов и обильным кровотечением. Удары наносил с дальней дистанции концом клинка. Судя по однотипности и силе ударов, он профессионально владел оружием и тактикой ближнего боя». О том, что удары эти наносились одним человеком, «свидетельствует не только морфология повреждений (острые концы, ровные края, гладкая плоскость разделения), но также и “стандартный” наклон орудия под углом 40...45° к поверхности костей, параллельность многих повреждений и техника ударов только концом клинка с протяжкой. Всё это устойчивые

навыки владения сабельным оружием человека, привыкшего к конному бою». Судя по характеру повреждений, «нападавший был одного роста или несколько выше князя». Второй убийца орудовал мечом. В.Н. Звягин предполагает, что это был Яким Кучкович, но здесь конечно же возможны лишь гадания, ибо летопись, описывая само убийство, других имён, кроме имени Петра, не называет; Пётр же выделен особо потому, что это он своим ударом отрубил князю руку. (Заметим, что, по версии Звягина, это сделал как раз второй убийца.) Вооружённый «массивным клинковым оружием типа меча», этот второй убийца (может быть, как раз Пётр?) примкнул к первому позднее. «Его сильные рубящие удары в предплечье (с разрубом лучевой кости) и среднюю часть левого плеча парализовали защиту Боголюбского, после чего левая рука князя бессильно повисла вдоль тела. С этого момента голова и тело князя были не защищены... Острый угол наклона второго, клинкового, оружия... при ударах по левому плечу и голове Андрея Боголюбского указывает на то, что его тоже использовали как саблю. Известно, что меч эффективен лишь при рубящих и колющих ударах. Вряд ли второй убийца этого не знал. Скорее всего, меч ему просто был менее привычен, чем сабля. Именно “непрофессиональность” всех ударов, нанесённых мечом, косвенно подтверждает, что их “автором” был один человек». «Исход схватки стал неизбежен после обширной раны левого надплечья и плечевого сустава, с разрубом лопатки, головки плечевой кости и очень крупной подключичной артерии, — с максимальной подробностью восстанавливает исследователь картину происходящего. — Сильнейший сабельный удар по опущенной руке князя, нанесённый в прежней манере — под острым углом к поверхности его тела, вызвал фонтанирующее кровотечение. Минуты жизни Андрея Боголюбского были сочтены. Князь, по-

видимому, упал. Первый эпизод драмы, о котором сообщают летописцы, истёк...»^{359}.

Когда убийцы покинули «ложницу», думая, что князь мёртв, он нашёл в себе силы последовать за ними — вероятно, ища помощи, а может быть даже, «в оторопе» преследуя их. Увы, но сделать что-либо было уже не в его силах. Даже позвать на помощь Боголюбский не мог, ибо его крики и стоны лишь привлекли бы внимание убийц. Собственно, так и произошло. «Он же в оторопе выскочив по ним, и начать ригати^[195] и глаголати, и в болезни сердца иде под сени, — читаем в летописи. — Они же, слышавше глас, возворотишася опять на нь». Один из убийц сказал, будто видел в окне князя, спускающегося с сеней вниз. «И текоша позоровати его... и тако въжегыше свечи, налезоша и по крови...»

«Тяжелораненый Боголюбский всё же нашёл силы спуститься по крутой лестнице в сени, — комментирует летописный рассказ В.Н. Звягин. — ...Следовательно, повреждения левого бедра у князя ещё не было... По-видимому, князь умирал, когда ему, лежащему на спине, были нанесены рубяще-режущий удар саблей в нижний отдел левого бедра и рубящий удар мечом в правую половину лба». (Вопреки тому, что сообщает летопись, исследователь полагает, что рука у князя была перерублена раньше, ещё наверху.) И далее: «Непосредственной причиной смерти Андрея Боголюбского явилась, вне всякого сомнения, острая кровопотеря в результате массивного кровотечения. Говорить об открытой черепно-мозговой травме как... причине смерти (опять же вопреки мнению предшественников. — А. К.) вряд ли возможно. Повреждение правой лобной области... не сопровождалось внедрением орудия травмы в полость черепа и, следовательно, вещество головного мозга и его оболочки остались неповреждёнными».

«И ту оканьни прискочиша и прикончаша его» — так описывает автор летописной повести заключительный акт трагедии. Всё произошло за «восходным столпом», в подклети Боголюбовского замка. Место гибели князя — каменная ниша у подножия винтовой лестницы в так называемой лестничной башне — единственной уцелевшей от всего Боголюбовского ансамбля! — и по сей день привлекает к себе любопытствующих, а также паломников, приезжающих в обитель, — мы уже говорили об этом. В XIX веке на стене ниши было помещено изображение креста с Адамовой головой у основания. Здесь же находится икона и постоянно горит лампада, место гибели князя всегда украшено цветами. Некоторые уверяют, будто на стене и на полу ниши до сих пор можно разглядеть следы крови — но это конечно же доступно лишь взору особо чувствительных, мистически настроенных натур. Археологами же обнаружены нижние ступени древней белокаменной лестницы XII века — той самой, по которой сползал вниз смертельно раненный князь и по которой гнались за ним убийцы. Этих древних ступеней всего три (нижняя найдена на глубине 42 сантиметров от уровня пола), и они заметно «отличаются от ступеней существующей лестницы... состоят из равномерных блоков, плотно пригнанных друг к другу»^{360}. Вот уж поистине священные камни истории!..

Возвращаясь к исследованиям антропологов, скажем о том, что они выявили в летописном рассказе лишь одну явную и существенную неточность. Летописи определённо говорят о том, что Кучков зять Пётр «отъял» у князя «десную», то есть правую, руку. Между тем все раны обнаружены на левой руке, которая была почти полностью перерублена убийцами. О том, что у князя была отрублена левая, а не правая, рука, кажется, знали и книжники более позднего времени. На уже упомянутой миниатюре Радзивилловской летописи

женщина — предполагаемая жена князя — держит именно левую отрубленную руку своего супруга. Чем объясняется ошибка летописца XII века, мы, увы, не знаем. Может быть, упоминание «десной» руки должно было усилить впечатление от совершённого преступления? Ибо «десная» сторона и всё, что с ней связано, по определению воспринимались тогда как нечто более важное, нежели «шуе», левое. Тем более это относилось к правой руке — «деснице». Ведь именно ею человек возлагает на себя знак креста, ею священник благословляет подходящего за благословением, а правитель указывает подданным, что и как им надлежит совершить. Впрочем, ошибка летописца заслуживает того, чтобы быть оставленной в числе загадок, до сих пор не получивших удовлетворительного решения^[196].

...Убив князя, заговорщики расправились заодно и с его слугой Прокопием — дабы не оставлять ненужного свидетеля. После чего разграбили княжеский дворец. Всё было кончено ещё затемно: «...и оттуда идоша на сени и выимаша золото и каменье дорогое, и жемчуг, и всяко узорочье, и до всего любимаго имения, и вьскладаше на милостьные коне (то есть на коней, принадлежавших «милостинникам», личным слугам князя. — А. К.), послаша до света прочь».

Но это только начало того кошмара, который, как мы знаем, сопровождал убийство князя. Что же случилось дальше? Почему тело князя оказалось предано поруганию, выброшено — в буквальном смысле на съедение собакам?

Об этом сообщает единственный источник — Ипатьевская летопись. В краткой версии повести об убийстве князя подробности, связанные с надругательством горожан над его телом, отсутствуют. Здесь сказано кратко: тело князя «налезаша», то есть отыскали, «под сеньми лежаща», и «вземше и на ковре клирошане боголюбьскыи, внесоша и в божницу, певше

над ним, вложиша и в гроб камен». В некотором роде это уже развязка драмы. Можно думать, что суздальский книжник, сокращая имевшийся в его распоряжении текст, опустил излишние, с его точки зрения, подробности, не желая предавать их огласке. Менее вероятно другое предлагавшееся историками объяснение: рассказ о творящихся беззакониях появился в распространённой, южнорусской версии летописной повести позднее — со слов очевидца и активного участника происходивших событий, уже известного нам Кузьмища Киянина, вернувшегося из Владимира на юг — в Киев или Чернигов. (Между прочим, этого человека считают одним из вероятных авторов всей летописной повести об убиении князя^{361}.)

Выволоченное из замка, тело Андрея было брошено где-то в «огороде». Это не «огород» в нашем смысле слова, но некое огороженное место вне жилых покоев. Одежды с князя были сорваны. Так тело пролежало по меньшей мере ночь, а возможно, и дольше.

Давняя монастырская традиция указывает и это место — напротив юго-восточного угла Рождественской церкви. Здесь в XIX веке над монастырской оградой была выстроена небольшая церковная главка, увенчанная крестом, а внизу ограды, при самом её основании, поставлен древний четырёхугольный камень с вырезанным на нём ликом (или ликами)^{362} — так называемая «четырёхликая капитель», находящаяся ныне в Боголюбовской экспозиции Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В начале XX века над этим камнем в ограде была сооружена каменная часовня, затем разрушенная, а ныне восстановленная.

Именно Кузьма озаботился тем, чтобы хоть как-то прикрыть наготу убитого. Но ему не сразу удалось найти князя. Когда он прибежал «на место», то есть к княжескому дворцу, тела там не было. Кузьма стал расспрашивать всех:

— Где есть убит господин?

Ему отвечали с угрозой — то ли убийцы, то ли горожане, грабившие княжеский двор:

— Лежит, выволочен в огород. Но не смей трогать его. Так решили все: «Хотим выверечь его псам! Если же кто придёт за ним — тот есть наш враг, и того убьём!»

Тогда-то, найдя князя, Кузьмище и начал плакать над его телом, тогда и произнёс те слова, которые мы приводили выше («Господине мой! Како еси не очютил скверных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих...» и т. д.). И тогда же случилась его встреча с Анбалом, о которой у нас тоже шла речь в этой главе.

— Анбале, враже! — обратился к нему Кузьма. — Сбрось ковёр ли, или что, чтобы постлать или чем прикрыть господина нашего!

— Иди прочь! — отвечал ему поначалу «ясин», повторяя почти дословно то, что Кузьма уже слышал: — Мы хотим выверечь его псам.

И всё же, как мы уже знаем, Анбал сбросил ковёр и плащ. (Сбросил — то ли потому, что в этот момент находился где-то наверху, скажем, на сених, а Кузьмище — под ними, на земле; то ли потому, что ехал с княжеского двора на телеге.) Кузьма завернул в ковёр тело князя и понёс его в церковь. Даже если судить по имени этого человека, вероятно, княжеского слуги, он был мужчина крупный и физически очень сильный — не Кузьма, а Кузьмище! Может быть, поэтому с ним предпочитали не связываться. Но возле церкви Кузьму ждала неудача. Церковные двери оказались заперты, а когда Кузьма попросил открыть их, ему отказали:

— Брось его тут, в притворе. Что тебе за печаль!

Ибо были все уже пьяными, разъясняет автор летописи. И тогда Кузьма вновь обратился в мыслях к убитому князю:

«Уже, господине, и паробки твои не знают тебя! А некогда ведь, когда приходил гость из Царяграда, и от

иных стран, [и] из Русской земли, даже и латинин, и до всего христианства, и до всей погани, говорил [ты]: “Введите его в церковь и на палаты: да увидят истинное христианство и крестятся и болгаре, и жидове (иудеи. — А. К.), и вся погань (язычники. — А. К.), видя славу Божию и украшение церковное!” И те больше плачут по тебе, а эти и в церковь не велят положить!»

То есть иноверцы и те из инородцев, кто лишь недавно принял крещение, оплакивали князя, в отличие от его прирождённых подданных, православных людей, радовавшихся его смерти!

Так пролежал князь в церковном притворе, завёрнутый в ковёр и прикрытый плащом, два дня и две ночи, пишет автор повести. Пролежал безо всякого церковного отпевания и без погребения — словно преступник, отверженный церковью и людьми за какое-то страшное преступление^[197]. Лишь на третий день явился Арсений, игумен монастыря или церкви Святых Космы и Дамиана (между прочим, ни церковь, ни монастырь с таким названием более в источниках не упоминаются): он-то и совершил службу над телом убитого. Но даже ему сделать это было непросто, ибо «старшие» игумены — включая, вероятно, и игумена Боголюбского Рождественского монастыря? — отказывались от церковного погребения князя.

— Долго нам смотреть на старших игуменов и долго ли сему князю лежать? — приводит летописец слова Арсения. — Отомкните мне церковь, да отпою над ним. Положим его во гроб, и будет в нём. А когда престанет злоба сия, тогда, придя из Владимира, понесут его туда.

«И пришедше клирошане боголюбские, взявше и, внесоша и в церковь и вложиша и в гроб камен, отпевше над ним погребальное с игуменом Арсением».

Здесь также необходим хронологический комментарий.

От какого дня считать «третий день», на который пришлось отпевание князя? Если Андрей был убит в ночь на субботу 29 июня, то «третий день» должен отсчитываться именно от субботы. Тогда при «включённом» счёте, принятом в древней Руси (и в церковной традиции вообще), «третий день» приходится на понедельник 1 июля. Получается, что в притворе Рождественской церкви тело князя, в соответствии с летописным рассказом, пролежало два дня (субботу и воскресенье или же воскресенье и часть понедельника) и две ночи (с субботы на воскресенье и с воскресенья на понедельник). Но если так, то получают объяснение самостоятельные действия неизвестного нам из других источников игумена Арсения: ведь на 1 июля приходился престольный праздник возглавляемой им обители — день святых Космы и Дамиана!^[198] По-другому отсчёт мог вестись и от воскресенья — дня, когда тело князя было положено в притворе Боголюбовского храма по версии Лаврентьевской летописи. В таком случае отпевание состоялось во вторник 2 июля.

Так или иначе, но в один из этих двух дней, 1 или 2 июля, тело князя было наконец положено в церкви. Нашёлся для него и каменный фоб — вероятно, князь заранее приготовил его для себя. В этом он мог подражать своим предшественникам, начиная с пращура Владимира Святого, также приготовившего для себя каменный саркофаг, привезённый им в Киев из Корсуня. Но судя по словам игумена Арсения, местному духовенству было известно о желании князя упокоиться под сводами построенного им владимирского собора Святой Богородицы — туда и намеревались позднее, когда «престанет злоба сия», отправить тело. Наверное, князь заранее отдал распоряжения на сей счёт — это тоже было в обычаях древней Руси. И действительно, в Боголюбовской церкви тело князя пробудет лишь

несколько дней — до его окончательного перенесения во Владимир.

Между тем всё это время в Боголюбове продолжались грабежи и убийства. Об ужасах, которые творились в те дни, рассказывают и пространная, и краткая версии летописной повести. «Горожане же боголюбские и дворяне разграбиша дом князь и делатели, иже бяху пришли к делу (то есть мастеров-ремесленников, приглашённых в Боголюбове князем. — А. К.): злато и сребро, порты и паволоки и имение, ему же не бе числа. И много зла створися в волости его: посадникъ его и тиунов его дома пограбиша, а самех избиша, детьцкие и мечники избиша, а дома их пограбиша...» — читаем в Лаврентьевской летописи^[199]. В Ипатьевской к этому прибавлены и иные шокирующие подробности. Как выясняется, мятеж и всеобщее безумие захватили не только Боголюбов-град, но и округу и даже стольный Владимир: «...грабители же и ис сел приходяче грабяху; тако же и Володимири». Более того, сразу же после убийства заговорщики, «возьмыые на ся оружие княже милостное», то есть разграбив княжескую «оружницу», начали «совокупити дружину к собе» — вероятно, опасаясь нападения из соседнего Владимира. «Или ждаты нам, когда придёт на нас дружина Володимиря?» — будто бы восклицали они, обращаясь к местным «мужам». Те поддержали их («скупиша полк»); владимирцам же было предложено действовать заодно. «Ти что помышляете на нас? — передавали из Боголюбова во Владимир. — А хощем ся с вами коньчати (то есть заключить договор, «докончание». — А. К.), не нас бо одиных дума, но и о вас суть же в той же думе!» Иными словами, заговорщики хотели представить всё так, будто они действовали в интересах всего «общества», включавшего в себя граждан не одного только Боголюбова, но и Владимира, претворяли в жизнь некий совместный с ними замысел,

и по крайней мере часть владимирцев была вовлечена в заговор. Владимирцы, однако, присоединяться к ним отказались. Но и выступить против или хотя бы осудить их не захотели, предоставив каждому действовать так, как он посчитает нужным: «Да кто с вами в думе, то буди вам, а нам не надобе». «И разиидошася, и вьлегоша грабить, страшно зрети», — констатирует автор летописной повести. «И велик мятеж бысть в земли той и велика беда, и множество паде голов, яко и числа нету», — вторит ему новгородский летописец.

Как такое могло случиться? Почему в первые дни после убийства никто, кроме киянина Кузьмы, не заступился за убитого князя, не выступил хоть с каким-нибудь осуждением убийц? Только ли копившееся годами недовольство политикой Боголюбского и его крутым нравом стало причиной всеобщего безумия и мятежа? Ответить на эти вопросы не так-то просто, но попробовать всё же стоит.

Прежде всего, заметим, что подобное обращение с телом убитого князя не было чем-то совершенно уж исключительным в древней Руси. Когда в сентябре 1147 года в Киеве озверевшей толпой был убит князь-инок Игорь Ольгович, с его телом расправились очень похоже: с него, ещё живого, сорвали одежду — иноческое платье, а затем, обвязав ноги верёвкой, поволокли его нагим через весь город; прикончив же, положили на телегу, «и везоша и на Подолье на торговище, и повергоша поруганью»^{363}. Правда, к тому времени Игорь был уже не правящим князем, а иноком, да и расправлялись с ним не тайно, как с Боголюбским, а открыто. Но сути дела это не меняет: толпа убивала его именно как князя, пусть и бывшего, но оттого не менее ненавистного киевлянам. Не были чем-то необычным для древней Руси и мятежи после смерти того или иного правителя, и посмертное разграбление княжеского добра. Правда, лишь в тех случаях, когда умерший князь

— пусть даже умерший своей смертью — не пользовался любовью подданных или считался «чужим» для них. Так было, например, в Киеве в 1113 году после смерти князя Святополка Изяславича, когда, несмотря на щедрую раздачу милостыни его вдовой, киевляне разграбили дворы тысяцкого Путяты и «сотских», а затем «идоша на жида и разграбиша я»^{364}; так, как мы уже знаем, было в том же Киеве и в апреле 1157-го, после смерти отца Андрея, князя Юрия Долгорукого. Заметим, что в обоих случаях под удар попадали прежде всего «чужаки»: в 1113 году — киевские иудеи (жившие в городе с незапамятных времён, когда Киев входил ещё в орбиту хазарского влияния), а в 1157-м — пришедшие вместе с князем суздальцы. Нечто похожее мы наблюдаем и в Боголюбове, когда ярость толпы в первую очередь обрушилась на людей пришлых — «делателей», приглашённых в город самим князем, а также на его «милостинников», находившихся под его непосредственным, личным покровительством. Но ведь Андрей был «своим» для жителей города! Причём куда более «своим», чем любой из других русских князей, более «своим», чем даже сами они, жители Боголюбова и Владимира, в значительной своей части переселённые сюда им же! Думаю, что в этом кроется одна из разгадок боголюбовской трагедии. Ситуация в «новых» городах княжения Андрея Боголюбского выглядит отчасти «перевернутой» по сравнению со «старыми» городами Руси, вроде Ростова, Суздаля или того же Киева. «Пришлыми» оказываются здесь едва ли не большинство жителей, а потому нарушаются и привычные социальные механизмы взаимоотношений между обществом и властью. Но ведь именно в таких случаях и становятся возможными разного рода эксцессы, вроде киевских или боголюбовского. И выясняется, что не столь важно: ломаются ли эти обычные, «нормальные» связи между князем и

обществом оттого, что «чужим», «пришлым» оказывается князь, или же само население города!

И в Киеве, и в Боголюбове смерть князя сопровождалась массовыми грабежами и убийствами. Едва ли правильно видеть в них только лишь проявления классовой борьбы, как принято было считать в советской историографии. Скорее можно говорить о том, что здесь — пусть и в искажённой, уродливой форме — отразились некие «традиционные нравы, уходящие корнями в архаику». По словам российского историка Игоря Яковлевича Фроянова, речь может идти о некоем «легитимном» (в рамках обычного права) способе изъятия индивидуального богатства и его последующего перераспределения на коллективных началах: в глубокой древности смерть любого правителя, князя или вождя, превращала накопленное им богатство в достояние всей общины или всего рода, так что грабя княжеский двор, его подданные как бы восстанавливали древний обычай^{365}. Отсюда, между прочим, идёт традиция раздачи княжеского имущества после смерти почти любого князя. С примерами такого рода мы постоянно встречаемся в истории древней Руси. Показательно, например, поведение князя Ростислава Мстиславича Смоленского, когда он в первый раз пытался удержать за собой киевский стол после смерти своего дяди, «незлюбивого» Вячеслава Владимировича, зимой 1154/55 года. Собрал людей на «Ярославлем дворе», он повелел раздать все богатства почившего дяди — «и порты, и золото, и серебро... и нача раздавати по монастырем, и по церквам, и по затвором, и нищим», и так раздал всё, оставив себе «на благословение» лишь один крестик^{366}. Очевидно, что это должно было склонить киевлян на его сторону, предотвратить возможные беспорядки в городе. И действительно, эксцессов удалось избежать, хотя власть над Киевом Ростислав тогда не удержал. Но случилось и по-другому.

Внезапная же или тем более насильственная смерть того или иного князя вполне могла спровоцировать взрыв, подобный тому, что произошёл в Боголюбове, — конечно, при наличии соответствующих предпосылок. Какие-либо прежние обязательства перед князем в таком случае теряли всякую силу. А значит, вне правового поля оказывались и лично зависимые от князя люди, и всё его имущество — как это бывало с имуществом оказавшегося вне закона преступника, пущенным на «поток и разграбление», по терминологии древней Руси. Причём дележу или, проще говоря, разграблению подлежали даже одежды князя — отсюда шокирующая нас практика посмертного раздевания тела умершего.

В какой-то степени это тоже носило ритуальный характер.

Как показали недавние исследования историков-медиевистов, схожая картина наблюдалась и в иных архаических обществах, в том числе и весьма удалённых от Руси, но типологически близких древнерусскому. Так, например, когда

9 сентября 1087 года близ Руана умер знаменитый норманнский правитель Вильгельм Завоеватель, «низшие», то есть простой люд, «увидев, как стремительно исчезли их господа и сеньоры, стали расхватывать оружие, посуду, наряды, ткани и все иные королевские пожитки — каждый, что мог, — и потом тоже бежали, оставив тело короля лежать почти нагим на полу»; лишь один рыцарь, некий Херлуин (Герлюэн), озабочился тем, чтобы прикрыть наготу короля и перенести его тело к церкви, — точно так же, как это сделал в Боголюбове Кузьмище Киянин^{367}. В первой половине X века в Чехии произошло убийство, внешне очень напоминающее то, что случилось с Андреем Боголюбским. Чешский князь Вячеслав (Вацлав), позднее причтённый к лику святых, был убит заговорщиками

(которых возглавлял его брат Болеслав); затем одни из приближённых князя были убиты, другие разбежались, а «младенцев» (то есть младших слуг, в терминологии древней Руси — «отроков») «избиша его, а Божия рабы (священников. — А. К.) разграбиша и изгнаша я из града, а жены их за иныя мужи вдаша (то есть подвергли насилию. — А. К.)». Тело же изрубленного убийцами князя было брошено безо всякого погребения, и опять-таки лишь один священник, некий «Крастей поп», не побоялся взять его, «и пред церковью положи, и покры тонкою плащаницею» — вновь почти полная аналогия действиям киевлянина Кузьмы^{368}.

Подобная практика считалась в порядке вещей. Некоторые её проявления зафиксированы источниками даже для Византии. По свидетельству знаменитого исландского поэтаскальда XIII века Снорри Стурлусона, в Константинополе существовал обычай: «всякий раз, когда умирал конунг греков (византийский император. — А. К.)», наёмники-варяги «имели право обходить все палаты конунга, где находились его сокровища, и каждый был волен присвоить себе то, на что смог наложить руку»^{369}. В средневековом Риме смерть очередного папы также сопровождалась немедленными грабежами, расхищением одежд с его тела и публичным сокрушением его мраморных статуй на Капитолийском холме^{370}. События, последовавшие за боголюбовским убийством, вполне укладываются в эту практику. «... Похоже, что и в муромских лесах имел силу принцип, прослеживаемый этнологами на многих примерах из самых разных краёв — чуть ли не от Бали до Саскачевана, — пишет автор наиболее глубокого отечественного исследования данной темы Михаил Анатольевич Бойцов: — смерть правителя ставит вне закона те группы в обществе, чьё “социальное существование” основывается всецело на его личном покровительстве». И далее: «Всякая государственность

мгновенно распадается при смерти одного-единственного человека, и общество оказывается ввергнутым (по крайней мере дня на три) назад в гоббсовское “естественное состояние”». Для «сполирований» (такое название дал этому явлению автор, используя латинское выражение ум^[200] *spolii* — право духовенства на часть выморочного имущества папы или другого епископа*) «лучше всего “подходит” время как раз от смерти государя до его погребения. Сама погребальная служба предстаёт как своего рода завершение анархического периода *licentiae seviandi*^[201] и начало восстановления порядка. Так было и в случае с Андреем Боголюбским, и в случае с Вильгельмом Завоевателем...»^{371}.

Пройдёт совсем немного времени — и те самые люди, которые зверствовали в княжеском дворце и на улицах Владимира, там же, во Владимире и Боголюбове, будут восторженно встречать траурную процессию с телом князя. О прежней неприязни к нему все как будто забудут, и столь нелюбимый князь вновь будет восприниматься как достойный восхищения правитель, как истинный мученик и едва ли не святой — причём вне всякой зависимости от того, подверглись ли заслуженному наказанию к тому времени его непосредственные убийцы. Сегодня нам трудно понять подобную метаморфозу, но в Средние века мыслили конкретнее и, как правило, жили сегодняшним днём, не слишком задумываясь о том, что было ещё вчера. Со смертью правителя ход времён словно бы останавливался — после же его погребения начинался заново. А потому и ненависть легко уступала место любви — как, впрочем, и наоборот.

И снова 4 июля

Погромы продолжались во Владимире и округе в течение нескольких дней. Наконец владимирскому духовенству удалось успокоить народ. Летописная повесть ставит это в заслугу некоему Микулице, в котором не без оснований видят священника Микулу (Николая), пришедшего во Владимир из Вышгорода вместе с князем Андреем и чудотворной Богородичной иконой в далёком 1155 году. Если спустя 20 лет он оставался ещё жив, то, несомненно, превосходил своим авторитетом любого из представителей местного духовенства. Он по-прежнему был приставлен к Владимирской иконе, служил её хранителем. (Этого Микулу-Николая иногда также называют предполагаемым автором летописной повести об убийстве Андрея^{372}.) «...Поча ходити Микулица со Святою Богородицею в ризах по городу, тожь почаша не грабити», — читаем в Киевской летописи. Постепенно «злоба сия» «престала» и в Боголюбове.

По-видимому, во Владимире собралось вече, на котором люди приняли решение о перенесении тела убитого князя из Боголюбова во Владимир. Тем самым должна была исполниться последняя воля Андрея, вероятно, озвученная им незадолго до смерти. Дело это было поручено «старейшему» игумену Феодулу, возглавлявшему клир владимирского Успенского собора (или существовавший при соборе монастырь), а также «демественнику» (то есть главе певчих, руководителю церковного хора) Луке. Заметим, что Феодул, несомненно, входил в число тех «старейших» игуменов, которые ещё недавно противились погребению князя в Боголюбове — может быть, как раз потому, что хотели похоронить его во Владимире. Теперь же он должен был

возглавить погребальную процессию. «Нарядита носилице, ать поедемь возьмем князя, а господина своего Андрея» — с такими словами обратились к нему и «демественнику» Луке владимирцы. Не остался в стороне и священник Микула. Ему было поручено собрать «попы вси» и, «оболокше в ризы», выйти с Владимирской иконой перед Серебряные ворота города, где и дожидаться князя.

Дата самого перенесения тела из Боголюбова во Владимир в разных летописях обозначена по-разному — в Лаврентьевской: «в 5-й день в четверток», то есть четверг 4 июля 1174 года; в Ипатьевской: «в 6-й день в пятницу», то есть 5 июля. Как видим, в обоих случаях отсчёт дней идёт от воскресенья 30 июня — дня, когда тело Андрея было положено в притворе Боголюбовской церкви по версии Лаврентьевской летописи. Но чем объяснить разницу в один день? Едва ли во Владимире могли забыть, когда именно князь Андрей Юрьевич был положен под сводами Успенского собора — того самого, при котором и велась летопись и при котором составлялась или, по крайней мере, редактировалась краткая версия летописной повести о его убийстве. А потому дата, названная в Лаврентьевской летописи, представляется заведомо более точной. (Несмотря на то, что в позднейших источниках, в том числе и происходящих из владимирского Успенского собора, датой положения тела Андрея устойчиво называется 5 июля^{373}.) Но мы уже сталкивались со сбоем в один день в датировке событий в пространной редакции летописной повести, отразившейся в Ипатьевской летописи. Напомню, что здесь в самом начале ошибочно названа дата самого убийства — пятница 28 июня вместо субботы 29-го (правда, ошибка тут же поправлена). Упоминался там и «третий день», на который пришлось отпевание князя в Боголюбовской церкви, — и скорее всего, речь шла о понедельнике 1

июля — то есть о «втором» дне, если придерживаться счёта, принятого в Лаврентьевской летописи. Так, может быть, и указание на пятницу, «6-й день», связано с изначальным сдвигом в один день в хронологических расчётах авторов пространной редакции? Кажется вполне вероятным, что в изначальной версии пространной редакции летописной повести речь шла о том же самом дне — 4 июля, только названном не «пятым», в соответствии со счётом Лаврентьевской летописи от 30 июня, а «шестым». Ведь именно таким он и был, если вести счёт от 29 июня! Указание же на пятницу могло появиться и позже.

Если мы согласимся с тем, что траурная процессия явилась из Владимира в Боголюбов в четверг 4 июля, то должны признать, что этот день был выбран для перенесения тела совсем не случайно. Напомню, что 4 июля праздновалась память святителя Андрея Критского, небесного покровителя князя Андрея Юрьевича. Для большинства людей во Владимире и Боголюбове этот день был связан с памятью о только что ушедшем из жизни князе. Ровно 17 лет назад, 4 июля 1157 года, Андрей был провозглашён суздальским князем — и вот теперь, в такой же июльский день 1174 года, его тело было привезено во Владимир, новую столицу княжества. Круг замкнулся, и кажется символичным, что первый и последний день в истории Андрея Юрьевича как владими́ро-суздальского князя совпали настолько точно...

Церемония прощания с телом оказалась торжественной — каковой ей и подобало быть. Тех нескольких дней, в течение которых в княжестве царили разгул и анархия, словно бы никогда и не существовало. Вместе с владимирскими клириками и «Луциной чадью», то есть певчими Владимирского собора, игумен Феодул отправился крестным ходом в Боголюбов — с иконами, крестами, хоругвями и пением псалмов. Священников

сопровождали толпы людей — по преимуществу владимирцев, к которым по пути присоединялись жители Боголюбова и окрестных сёл. «И взявше тело его, привезоша Володимерю со честью [и] с плачем великим». У Серебряных ворот города, на дороге, ведущей из Боголюбова, князя ждали сотни, если не тысячи людей; здесь же находилась и главная святыня Владимирской земли — икона Владимирской Божией Матери. «И бысть по мале времени, поча выступати стяг от Боголюбого, — рассказывает летописец, бывший, скорее всего, очевидцем происходящего, — и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопяхуть, от слез же не можаху прозрити, и вопль далече быше слышати... И тако плакася по нем весь град и, спрятавше (украсив, подготовив к погребению. — А. К.) тело его, с честью и с песнями благохвальными положиша его у чудное, хвалы достойной у Святое Богородице Златоверхой, юже бе сам создал».

А далее следует восторженный гимн князю Андрею, сумевшему через перенесённое страдание приобрести вечную жизнь и смывшему мученической кровью свои прежние прегрешения:

«...Ибо сей князь Андрей не дал в животе своём телу своему покоя и очам своим дремания, пока не обрёл дом истинный, прибежище всем христианам... Яко же апостол учит: “Егоже любит Господь, того же и казнит, и бьет же всякого сына, егоже приемлет. Аще бо наказания терпите, якоже сыновом обретается вам Бог (то есть поступает с вами Бог как с сынами своими. — А. К.)” (Евр. 12: 6-7)». И далее: «Ибо не поставил Бог прекрасного солнца на едином месте, чтобы и оттуда могло всю вселенную освещать, но створил ему восток, и полдень, и запад, — так же и угодника своего, Андрея князя, не привёл его к себе втуне, но дал ему таковым подвигом душу спасти^[202]....Кровью мученическою омыл прегрешения свои, и с братьями своими с Романом и с

Давидом (то есть со своими сродниками святыми Борисом и Глебом. — А. К.) единодушно ко Христу Богу притек... В веки радуешься, Андрею, княже великий, дерзновенье имея ко всемогущему и в богатых богачейшему, на престоле сидящему Богу, молись помиловать братию свою, [да] подаст им победу над противными, и мирную державу, и царство честное и многолетнее во вся веки веков». В более поздней обработке той же повести в составе Лаврентьевской летописи, относящейся ко времени княжения во Владимире младшего брата Андрея, князя Всеволода Большое Гнездо, последняя фраза была изменена и приспособлена к новым политическим реалиям: «... молись помиловать князя нашего и господина Всеволода, своего же присного брата, да подаст ему победу на противных, и многая лета с княгинею и с благородными детьми, и мирну державу ему, и царство его ныне и присно, в бесконечные веки»[\[374\]](#).[\[203\]](#)

Спустя много веков, когда князь Андрей Юрьевич был уже причислен к лику святых, возникла легенда о чудесах и исцелениях, случившихся во время перенесения его останков из Боголюбова во Владимир:

«...Вземше честное и святое тело его, со псалмы и песньми, с кандилы и многими возженными свечами понесоша на главах своих во град Владимир. И яко в Боголюбове, тако на пути, и во Владимире от мощей его святых многая чудеса и исцеления быша: слепии прозираху, хромии хождаху и мнози различными недуги одержими исцеления получаху»[\[375\]](#).

После Андрея

На этом можно было бы поставить точку. Но биография любого человека, а тем более правителя, не заканчивается с его смертью. Именно после неё проясняется многое из того, что сделал или, напротив, не сделал тот или иной человек при жизни. Если же мы говорим о таком правителе, как князь Андрей Боголюбский, ответ дел которого ощущается нами и по сей день, это становится особенно важным.

О событиях, развернувшихся в Суздальской земле после его убийства, расскажем здесь по возможности кратко. Всё-таки это совсем другая история, хотя она имеет прямое отношение и к посмертной судьбе князя, и к судьбам его политического и духовного наследия.

Судьбы же эти решались во Владимире, где собрались представители всех крупных городов Суздальской земли. «Уведавше же смерть княжю ростовци, и суждалци, и переяславци, и вся дружина от мала и до велика съехашася к Володимерю», — свидетельствует летописец^[376].^[204] Здесь, на вече, которое вновь обрело силу и значение, утерянные им в годы княжения Андрея Боголюбского, должно было состояться избрание нового князя на освободившийся княжеский стол.

Кажется, непосредственное участие в этом вече принимали и убийцы князя, по-прежнему сохранявшие своё влияние в княжестве. (Впрочем, их имена более в летописи не упоминаются.) Повлияло на решения веча и присутствие во Владимире или поблизости от него послов других русских князей. Напомню, что как раз накануне своей гибели Андрей вёл переговоры со смоленскими Ростиславичами, которые просили у него Киев для старшего Романа. Андрей обещал

посоветоваться с союзными ему князьями и, вероятно, послал с этой целью и к своим черниговским союзникам, и в Рязань, к зятю Глебу Ростиславичу, и в Муром. Послы Глеба Рязанского успели прибыть во Владимир; что же касается черниговских и муромских послов, то их присутствие здесь источниками не отмечено, хотя исключать этого тоже нельзя. Как оказалось, участники владимирского веча более всего боялись нападения именно Глеба Рязанского и муромских князей. Ещё недавно те и другие были младшими союзниками и подручными Андрея, но теперь, после гибели князя, они могли предъявить счёт его преемникам на княжеском столе, а может быть, и претензии на какие-то суздальские земли — во всяком случае так казалось тем, кто собрался во Владимире. Вероятно, и у Глеба, и у сыновей покойного Юрия Владимировича Муромского накопилось слишком много обид, и во Владимире знали об этом. Да и рязанские послы, что называется, подливали масла в огонь, пугая владимирских «мужей» возможной местью своего князя. Эти соображения и склонили участников веча к тому, чтобы предложить владимирский стол племянникам Андрея, братьям Ростиславичам, некогда изгнанным Андреем за пределы княжества. Главную роль в этом выборе сыграло их родство с Глебом Рязанским, женатым на их родной сестре. К Глебу и было решено обратиться за посредничеством в столь важном деле.

Летописец дословно воспроизводит рассуждения собравшихся во Владимире «мужей»:

— Се уже так случилось: князь наш убит, а детей у него нету, сынок его мал, в Новгороде, а братья его в Руси (то есть на юге. — *А. К.*). За кем хотим послать из своих князей? У нас князья муромские и рязанские близко, в соседях; боимся мести их (в Лаврентьевской летописи: «лести их». — *А. К.*): когда пойдут внезапно ратью на нас, а князя у нас нет. Пошлём к Глебу с

такими словами: «Князя нашего Бог поял, а хотим Ростиславичей, Мстислава и Ярополка, твоих шурьёв».

При этом симпатии самого летописца всецело были на стороне других претендентов на княжеский стол, младших братьев Андрея — Михаила и Всеволода Юрьевичей. Это неудивительно, ибо трудился он уже после утверждения сначала одного, а затем другого на владимирском княжеском столе. Потому летописец и сопровождал свой рассказ укорами в адрес собравшихся во Владимире «мужей», которые забыли своё прежнее обещание Юрию Долгорукому принять на княжение младших его сыновей. (Вот когда о нём вспомнили, и вот когда оно вновь приобрело актуальность и юридическую силу!) Не скрыл летописец и роль рязанских послов в выборе князя: владимирцы, по его словам, забыли крестное целование и тогда, когда принимали на княжение Андрея, и потом, когда изгоняли, по его воле, младших Юрьевичей из княжества, и теперь, после Андреевой смерти, — когда «послушали Дедильца и Бориса, рязанских послов». Нельзя исключать и того, что владимирские «мужи», и прежде всего те, кто имел отношение к убийству Андрея, попросту боялись мести со стороны Юрьевичей, рассчитывая на снисходительность — а может быть, даже на одобрение своих действий — со стороны племянников Андрея Ростиславичей.

Итак, по решению веча, владимирские послы отправились к Глебу в Рязань, а затем, вместе с Глебовыми послами (надо полагать, теми же Дедильцем и Борисом), — в Чернигов, где пребывали тогда племянники Андрея. Их и позвали на княжение:

— Отец ваш добр был, когда княжил у нас (в Радзивилловской летописи: «коли жил у нас». — А. К.). А поедьте к нам княжить, а иных не хотим!

Под «иными» подразумевались дядья Ростиславичей, князя Михалко и Всеволод Юрьевичи. Но и они

находились там же, в Чернигове, у князя Святослава Всеволодовича. Как оказалось, черниговский князь поддерживал Юрьевичей — или, скорее, не хотел утверждения во Владимире Ростиславичей, что означало бы резкое усиление их дяди, Глеба Рязанского. Видимо, Святослав и сыграл решающую роль в том, что четверо князей заключили между собой договор, что будут действовать заодно. Договор этот был скреплён целованием креста, совершённым в присутствии черниговского епископа. «И здумавше сами, рекоша: “Любо лихо, любо добро всем нам. Пойдём все четверо: двое Юрьевичей и двое Ростиславичей”, — сообщает летописец. — ...И утвердившися межи собою, давшие старейшинство Михалку».

Как именно предполагалось делить княжество между четырьмя князьями, непонятно. Пока же все четверо двинулись в Суздальскую землю. Впереди ехали двое: старший, Михалко Юрьевич, и младший (не по возрасту, но по статусу), Ярополк Ростиславич. Но когда князья добрались до пограничной Москвы, их остановили. Дружина, в которой заправляли ростовские бояре, была недовольна их решением. А потому Ярополку велели ехать дальше, а Михалку — дожидаться племянника в Москве. Утаившись от дяди, Ростиславич пустился в путь. В Переяславле его встретила дружина, здесь же ему целовали крест как князю. О недавнем признании «старейшинства» дяди Ярополк, разумеется, предпочёл забыть. Узнав о случившемся, Михалко отправился во Владимир. От бывшего союза четырёх князей не осталось и следа. К начавшейся обычной вражде дядьёв и племянников прибавилась давняя вражда ростовцев к жителям бывшего «мизинного» Владимира, возмнившим, будто их город может тягаться со «старшими» городами княжества. Ростовское и суздальское войско осадило Михалка во Владимире; к братьям Ростиславичам

присоединились и рязанские и муромские полки. Примечательно, что на сторону племянников сразу же перешёл и первый воевода князя Андрея Борис Жидиславич; впоследствии он окажется в Рязани, у князя Глеба Ростиславича. По свидетельству поздних владимирских источников, Ростиславичей поддерживали и «Кучковичи» — участники заговора и убийства Андрея Боголюбского^{377}.

Осада города продолжалась семь недель. Во Владимире начался голод, и жители вынудили Михалка либо мириться с племянниками, либо «промышлять» о себе самому, то есть покинуть город. Михалко выбрал второе и ушёл в Черниговскую землю. Владимирцы же открыли ворота Ростиславичам — но не прежде, чем утвердившись с ними крестным целованием, что их городу не будет причинён вред. Не против Ростиславичей бились владимирцы, объясняет летописец, но против ростовцев и суздальцев, похвалявшихся сжечь город и держать в нём своего посадника. (Мы уже вспоминали их слова, как раз тогда сказанные о жителях Владимира: «...то суть наши холопы, каменщики».) Своим упорством владимирцы добились для себя существенных выгод: они получили не посадника, но полноценного князя. По договору, заключённому ими на «всей воле», во Владимире сел на княжение Ярополк Ростиславич; в Ростове же княжеский стол занял его старший брат Мстислав. Так в результате междоусобной войны Суздальская земля в первый раз была поделена надвое. Ярополк тут же заключил союз со смоленскими князьями Ростиславичами, скрепив его браком с дочерью их союзника, витебского князя Всеслава Васильковича. Мстислав вскоре тоже женился — вторым браком — на дочери бывшего новгородского посадника Якуна Мирославича. К тому времени новгородцы изгнали из города Андреева сына Юрия и приняли на княжение юного Мстиславова сына

Святослава (рождённого в первом браке). Позднее, после бегства из Суздальской земли, в Новгороде сядет на княжение и сам Мстислав Ростиславич.

Но Ярополк недолго оставался владимирским князем. По словам летописца, он правил городом так, будто то была не его, а чужая волость, полностью доверившись посадникам и «детским», приведённым им «из Руси», то есть из черниговских и других южнорусских земель; «они же многу тяготу людям сим створиша продажами и вирами». «А сами князья молоды были, слушая бояр», — продолжает летописец, словно бы забывая, что братья к тому времени были уже вполне взрослыми людьми и даже младшему из них Ярополку исполнилось не меньше двадцати трёх лет. Особое возмущение владимирцев вызвало то, что Ярополк со своими советниками в первые же дни отобрал ключи от ризницы соборной церкви Пресвятой Богородицы и разграбил всё её «имение», а также отнял у неё «города и дани, что... дал церкви той блаженный князь Андрей». Это было воспринято как ограбление всего города, ибо имущество соборного храма считалось принадлежащим всей городской общине. Дошло до того, что главная владимирская святыня, чудотворная икона Божией Матери, была вывезена из Владимира в Рязань! Всё, что сделал для их города князь Андрей, шло прахом, рушилось на глазах. Кажется, только тогда владимирцы и осознали наконец, насколько обязаны убитому князю. Они явили свою «обиду» жителям Ростова и Суздаля, но те на словах, может быть, и посочувствовали им, а в действительности только радовались их унижению, твёрдо поддерживая Ростиславичей. Тогда-то владимирцы и послали в Чернигов за Михалком, обещая принять его на княжение и стоять за него насмерть:

— Ты еси старее в братии своей («старее» в смысле династического счёта. — А. К.), пойдѣ во Владимир. А

если что замыслят на нас ростовцы и суздальцы — то как с ними Бог даст и Святая Богородица!

Михалко с братом Всеволодом и сыном Святослава Всеволодовича Черниговского Владимиром (а значит, и с черниговской подмогой) двинулся к Москве. Ярополк со своим полком выступил против дяди, стремясь не пропустить его к Владимиру. Но войска разминулись. Как узнал Ярополк, Михалко был в то время тяжело болен. Преследуя дядю по пятам, он послал весть брату:

«Михалко есть немощен. Несут его на носилех, а с ним дружины мало. А яз по нём иду, емля зад дружины его. А пойди, брате, вборзе противу ему — ать не внидет в Володимерь».

Дружина Мстислава выступила из Суздаля. Двигались «борзо», словно гнались за зайцами, — такое сравнение приводит летописец. Михалко не доехал пяти вёрст до Владимира, когда встретился с противником. Сам он действительно был болен (жить ему оставалось чуть больше года); тылам его угрожал Ярополк, и ситуация казалась безнадёжной. Ратники Мстислава выступали все в броне, с грозным видом, сотрясая воздух боевыми кличами. Однако когда войска сошлись, они внезапно бросили стяги и побежали прочь — мы уже знаем, что ростовское войско (как, впрочем, и владимирское) не отличалось стойкостью, и внезапное бегство с поля боя в последние годы сделалось, так сказать, его фирменным стилем. Во Владимире расценили произошедшее как ещё одно, новое чудо Владимирской иконы Божией Матери, оскорблённой своим переездом в Рязань. Победа оказалась полной. 15 июня 1175 года, то есть почти через год после смерти Андрея, князь Михалко Юрьевич вступил во Владимир «с честью и с славою великою... и бысть радость велика в Володимери граде, видящи у собе великого князя всея Ростовскыя земли». Власть его признали в Суздале, а затем — пусть и нехотя — и в Ростове. Мстислав бежал в

Новгород, Ярополк — в Рязань. С Глебом Рязанским был заключён мир, и рязанский князь вернул всё, что забрал во время недолгого княжения своих шурьев в Суздальской земле, — «до золотника... и до книг», включая, разумеется, и чудотворную Владимирскую икону, которая вновь обрела законное место во владимирском Успенском соборе. Немедленно были возвращены и «города и дани», вручённые «Пресвятой Богородице» Боголюбским.

Именно князь Михалко Юрьевич — если, конечно, доверять показаниям поздних источников — расправился, наконец-то, с убийцами своего брата: «мстил обиду» его, по выражению автора новгородской статьи «А се князи русьтии»^{378}. Впрочем, ранние летописи ничего об этом не сообщают. Сохранились лишь какие-то смутные предания, устные легенды, перенесённые на бумагу много позже и, естественно, сильно раскрашенные фантазией позднейших книжников. В одних легендах мстителем за Андрея выступает Михалко Юрьевич, в других — его младший брат Всеволод, ставший владимирским князем после него. Так, например, о казни, которая ожидала убийц Андрея Боголюбского, рассказывается в «Повести о начале Москвы» — сочинении, как мы помним, отнюдь не претендующем на какую-либо историческую достоверность, но, напротив, изобилующем легендами, вымыслом и откровенными литературными штампами. Здесь сообщалось о том, как «князь Михайло Юрьевич» пришёл во Владимир (почему-то из Киева) «и изби убийцы брата своего, и телеса их вверже в озеро» («всякой гадине на снадение», — добавлял один из редакторов «Повести...»). «А жену его повеле повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков»^{379}. Новгородский же книжник приписывал похожую расправу над заговорщиками Михалкову брату Всеволоду, не упоминая, однако, об Андреевой вдове: по

сведениям автора всё той же статьи «А се князи русьстии», это Всеволод, уже после Михалка, ещё раз «мсти обиду брата своего Андрееву: Кучковичи поймал, и в коробки сажая, в озере истопил»^{380}. Ну а наиболее подробный, хотя также едва ли претендующий на достоверность рассказ о судьбе заговорщиков содержится в «Истории Российской» Василия Никитича Татищева. Как полагал историк XVIII века, убийцы со своими сообщниками пользовались значительным влиянием в княжестве и после расправы над Андреем; так, именно они, «опасаясь мщения», настояли на избрании на княжеский стол племянников, а не братьев убитого князя. Когда же Михалко Юрьевич утвердился на княжеском столе, он решился наказать убийц брата. Но сделать это было непросто, и князю пришлось пойти на хитрость. Заключив мир с Глебом Рязанским, он отправился во Владимир, взяв с собой вдову Андрея, «якобы для лучшего ея покоя», и «Кучковых», по-прежнему пребывавших при власти. Созвав на другой день совет с участием «всех бояр, не выключая и самых тех убийцев», Михалко стал держать речь (разумеется, вымышленную самим Татищевым).

— Вы хвалите меня и благодарите за то, что я волости и доходы, по смерти Андреевой от монастырей и церквей отнятые, возвратил и обиженных оборонил, — обратился он к собравшимся. — Но ведаете, что оные доходы церквям Андрей, брат мой, дал, а не я. Да ему вы никакой чести и благодарения не изъявили и мне не упоминаете, чтоб вашему князю, а моему старейшему брату по смерти честь кую воздать...

Решили, будто Михаил намеревается установить вечное церковное поминовение брату. Против этого никто не возражал, и потому все согласились с князем:

— Что тебе угодно, то и мы все желаем, и готовы исполнять без отрицания, и совершенно знаем, что он

(Андрей. — А. К.) по его многим добрым делам достоин вечной памяти и хвалы.

Но Михаил помышлял совсем о другом.

— Аще он неправильно убит, то тако право убийцам не мстите? — неожиданно спросил он у толпы. — Аще же правильно, как многие о нём говорят, то он недостоин похвалы и благодарения.

Собравшиеся — кто «по правде», а кто «за стыд и нехотя» — отвечали, что да, Андрей Юрьевич «воистину убит неправо». Услышав это, Михалко повелел тут же схватить главных убийц — благо слуги его были уже наготове. А затем велел привести на суд и княгиню, «где, яко дело известное, недолго испытав, осудили всех на смерть». По сведениям (или, возможно, догадке) Татищева, «Кучковых» (то есть, надо полагать, Иоакима и его зятя Петра?), а также Анбала велено было, прежде повесив, расстрелять из луков, а пятнадцати другим заговорщикам отрубили головы. Что же касается вдовы Андрея, то её, «зашив в короб с камением, в озеро пустили, и все тела прочих за нею побросали. От того времени, — пишет Татищев, — оное озеро прозвалось Поганое». Имущество же преступников князь повелел раздать «тем, которые от них обижены, а паче вдовам и сиротам побитых, достальное на церкви и убогим»; сам же не прикоснулся ни к чему, заявив, «яко сие грабленное осквернит сокровище моё». «Прочим всем бывшим противником вину отпустил и сим себе велику похвалу у всех приобрёл».^[381] ^[205]

Надо сказать, что местное владимирское предание указывает озеро, в которое живьём, зашитые в коробах, были брошены убийцы Андрея Боголюбского Кучковичи (как видим, разные предания сообщают разные подробности о их казни). Это так называемое Пловучее озеро, верстах в семи от Владимира по Московской дороге, недалеко от левого берега реки Клязьмы. На нём и по сей день видны мшистые плавучие зелёные

островки — кочки, плавающие от одного берега к другому: предание превратило их в «короба» — так и не сгнившие и обросшие мхом «гробы» Кучковичей, которых будто бы вели к месту казни с подрезанными пятками, да ещё по дороге, усеянной сухими сосновыми шишками. Другое озеро, претендующее на ту же роль водной могилы для убийц Андрея, — так называемое Поганое, также верстах в семи от Владимира, но по Муромской дороге. В XIX веке считали, что здесь была утоплена княгиня Андрея Улита, брошенная в воду с тяжёлым жерновым камнем^{382}...

Михалко тоже недолго княжил во Владимире. Болезнь так и не отпустила его, и 20 июня 1176 года он скончался в Городце на Волге. Князя похоронили во Владимире, в Успенском соборе, рядом с его братом Андреем. Но ещё прежде, узнав о том, что князь впал в тяжёлый недуг, ростовцы — в пику владимирцам — пригласили на княжение из Новгорода его племянника Мстислава Ростиславича. Во Владимире же целовали крест Всеволоду Юрьевичу. Так Суздальская земля вновь оказалась на пороге большой войны.

В этой войне Всеволоду удалось одержать полную победу. 27 июня на реке Липице, на Юрьевском поле, ростовские полки были наголову разбиты. Ростиславич опять бежал в Новгород, но на этот раз новгородцы не приняли его (не простив ему уход в Ростов несколькими неделями раньше). Неудачливому князю пришлось искать пристанище в Рязани, у своего зятя Глеба. Той же осенью, по его наущению, Глеб возобновил военные действия и сжёг Москву. Зимой 1176/77 года Всеволод, собрав огромную рать, выступил против Рязани. Его поддержал Святослав Всеволодович Черниговский, приславший ему двоих своих сыновей — Олега и Владимира; племянник Всеволода юный князь Владимир Глебович сам явился из Южного Переяславля с дружиной. Глеб Рязанский, в свою очередь, позвал на

помощь половцев. Войска двигались навстречу друг другу, но разными путями: когда Всеволод был у Коломны, к нему пришла весть, что Глеб разоряет предместья Владимира. Половцы полностью разграбили Боголюбский монастырь: «много бо зла» створили «церкви Боголюбской, юже бе украсил Андрей, князь добрый», — сообщает владимирский летописец (отметим, кстати, эпитет «добрый», применённый им к Боголюбскому!). Были сожжены сёла «боярские», «а жены, и дети, и товар да[л] (Глеб. — А. К.) поганым на щит, и многы церкви запали огнём». Войска сошлись на противоположных берегах реки Колокши, но в течение месяца вынуждены были стоять друг напротив друга, ибо лёд на реке так и не стал. Лишь на «масляной неделе» (то есть в Прощёное воскресенье, 6 марта 1177 года) начались активные действия, переросшие на следующий день, 7 марта, в сражение. Оно разворачивалось сразу в нескольких местах, по обоим берегам реки. Полк Мстислава Ростиславича вновь не выдержал первым, побежал с поля боя, а вслед за ним бежали и Глеб с рязанцами, и половцы, и прочие. Это был окончательный и бесповоротный разгром. Войска Всеволода преследовали бегущего противника, «овы секуще, овы вяжуще». Были захвачены в плен и сам Глеб Рязанский (к тому времени уже «дряхлый», по выражению позднейшего летописца), и его старший сын Роман, и князь Мстислав Ростиславич, а ещё сражавшийся на стороне Глеба воевода Борис Жидиславич, бывший Глебов посол Дедилец, сыгравший столь неблагоприятную роль во время владимирского веча, и многие другие; «и дружину его всю изъимаша, и думци его извяза все... а поганые половци избиша оружием»^[383].^[206] Тогда же Всеволод вытребовал себе из Рязани другого своего беглого племянника, Ярополка Ростиславича, и рязанцы вынуждены были подчиниться

и сами привели его во Владимир, где Ярополк оказался в той же темнице, что и брат.

Именно князю Всеволоду Юрьевичу, вошедшему в историю с прозвищем Большое Гнездо (за многочисленность своего потомства), суждено было стать продолжателем дела Андрея Боголюбского. Всеволод добился даже большего, чем брат. Не ввязываясь, в отличие от Андрея, в сомнительные военные предприятия и не совершая иные необдуманные поступки, он за время своего тридцатисемилетнего княжения сделался безоговорочно сильнейшим князем во всей Руси; его авторитет и «старейшинство» признавали другие русские князья. Всеволод безраздельно властвовал во Владимиро-Суздальском княжестве, подчинил своему влиянию Новгород, а рязанские и муромские князья оказались в полнейшей зависимости от него — даже большей, нежели при Андрее. Так же, как и Андрей, он совершал победоносные походы на волжских болгар; так же, как и Андрей, навязывал свою волю южнорусским князьям — иногда силой, но чаще убеждением или угрозой силы. И он же продолжил грандиозную строительную программу, начатую Андреем: подобно брату, он строил величественные каменные церкви, основывал монастыри, украшал Владимир и другие города своего княжества, перестроил обрушившийся Успенский собор. «Великий княже Всеволоде! ...Ты бо можеша Волгу веслы раскропити (расплескать. — А. К.), а Дон шеломы выльяти (вычерпать. — А. К.)», — мысленно обращался к нему автор «Слова о полку Игореве». «Сего имени... трепетаху вся страны, и по всей земли изиде слух его, и вся зломысли его вда Бог под руце его... и Бог покаряше под нозе его вся врагы его...» — а это слова из посмертной похвалы князю, читающиеся в Лаврентьевской летописи^{384}.

Но при этом Всеволод — опять-таки подобно своему брату Андрею — не терпел никакого противодействия своей власти. С теми, кто противился ему, он расправлялся даже более жестоко, чем тот, — хотя владимирский летописец неустанно подчёркивал его милосердие и миролюбие, объясняя, что многое происходило не по его княжеской, но по Божьей воле. Так, страшная участь ждала его поверженных племянников, Мстислава и Ярополка. Летопись объясняет, что и это случилось против воли самого Всеволода. В первые же дни после победы на Колокше и пленения братьев жители Владимира дважды поднимали настоящий мятеж, требуя от князя выдать им Ростиславичей:

— Мы тебе добра хотим и за тебя головы свои кладём, а ты держишь врагов своих запросто. А то вороги твои и наши!.. Либо казни их, либо слепи, либо выдай нам!

«Князю же Всеволоду, благоверну и богобоязливу, не хотяше того створити», — свидетельствует владимирский летописец. Князь пребывал в печали, но не мог удержать людей, «множества их ради», а потому в конце концов решился на жестокую, поистине «византийскую» казнь, весьма редко применявшуюся на Руси, — ослепление племянников. Люди владимирские «разметаша поруб», то есть разрушили темницу, в которой находились братья, «и емше Мстислава и Ярополка, ослепиша»^[207]. Такова «владимирская» версия событий, обвинявшая во всём владимирских «мужей», но не князя. Но за пределами Владимиро-Суздальского княжества эти нюансы, кажется, не принимали во внимание. Во всяком случае новгородский книжник записывал в своей летописи, что Мстислав и его брат Ярополк были «слеплены» «от стрыя своего Всеволода». А ведь за пленников — не только за братьев Ростиславичей, но и за рязанского князя Глеба и его

сына Романа — просили и «княгиня Глебовая», то есть жена рязанского князя, родная племянница Всеволода Юрьевича, и — по её просьбе — черниговский князь Святослав Всеволодович (на дочери которого был женат князь Роман Глебович). В своё время черниговский князь помог Всеволоду одолеть племянников, но теперь явно опасался чрезмерного усиления его княжества. Он даже присылал во Владимир своего епископа Порфирия — вероятно, того самого владыку, который некогда благословил и Юрьевичей, и Ростиславичей на совместные действия. Но Всеволод не только отказался отпустить пленников, но и надолго задержал у себя епископа и сопровождавшего его черниговского игумена Ефрема. Отношения между Черниговом и Владимиром обострились, и впоследствии это приведёт к войне между ними. Глеб умер в «порубе» летом того же 1177 года^[208]; сына же его Романа Всеволод всё-таки согласился отпустить в Рязань (по словам южнорусского летописца, «едва выстояша» его епископ Порфирий и игумен Ефрем) — но лишь после того, как тот целовал ему крест, что будет находиться в полной его, Всеволода, воле.

Судьба же несчастных братьев Ростиславичей, племянников Андрея и Всеволода, сложилась в высшей степени необычно. После того как они были ослеплены, обоих отпустили «на Русь». Братья двинулись к Смоленску, но на пути, в монастыре Святых Бориса и Глеба на Смядыни, на том самом месте, где некогда был злодейски убит святой Глеб, в самый день его памяти, 5 сентября, произошло чудо. Братья страдали глазами («гниющема очима»), но когда их привели в церковь, оба чудесным образом прозрели^{385}. Василий Никитич Татищев, склонный к рациональному толкованию разного рода чудесных явлений, описанных в летописях, объяснял всё милосердием Всеволода: для того чтобы успокоить народ, владимирский князь будто бы повелел

у племянников лишь «сверх очей кожу надрезать и, довольно окровавив, объявил народу, что им глаза выколоты», а затем отпустил их из города^[209]. Возможно, так оно и было на самом деле, но наверняка мы этого всё равно не знаем. Заметим, что старший из братьев, Мстислав, получил от современников прозвище Безокий: так его именовали в Новгороде, дабы отличить от полного его тёзки Мстислава Ростиславича Смоленского, прозванного Храбрым и позднее также ставшего новгородским князем. Но совсем уж беспомощным калекой Безокий, кажется, не был. Той же зимой 1177/78 года его пригласили на княжение в Новгород. Правда, прокняжил он в городе недолго. 20 апреля 1178 года Мстислав скончался и был похоронен в притворе новгородского Софийского собора. На новгородский стол — во многом в пику Всеволоду Владимировичу — был приглашён второй его племянник Ярополк (видимо, не названный Безоком только потому, что его не от кого было отличать: другого Ярополка среди новгородских князей не имелось). Терпеть этого Всеволод не стал. Способ воздействовать на новгородцев придумал ещё его брат Андрей: подобно ему, Всеволод схватил новгородских «гостей», оказавшихся в его владениях, и перекрыл торговые пути, ведущие к Новгороду. Новгородцы вынуждены были «показать путь» Ярополку. Спустя пару лет Ярополк вернулся в их землю и получил от новгородцев Новый торг (Торжок). Но ненависть его к дяде была столь велика, что он начал военные действия, захватив на Волге людей Всеволода, — во всяком случае, так изображает дело владимирский летописец. Всеволод Юрьевич воспользовался этим как поводом для начала новой войны. В 1181 году он «со всем полком своим и с муромцы и с рязанцы» подступил к Торжку и в течение пяти недель осаждал город. В Торжке тоже начался голод. Племянник Всеволода был среди тех, кто

сражался на стенах города, — а значит, зрение и вправду вернулось к нему, может быть, лишь частично. Во время одной из перестрелок князя поразили стрелой. Новоторжцы вынуждены были сдаться. Всеволод сжёг город, а Ярополка увёл с собою в оковах. Заодно были уведены из города и жители вместе с жёнами и детьми (впрочем, по сведениям владимирского летописца, вскоре их отпустили обратно в Торжок){386}. Так закончилась бурная история и второго из несчастливых племянников Андрея Боголюбского. Древнейшие летописи более о Ярополке Ростиславиче не упоминают, а из «Истории Российской» В.Н. Татищева следует, что князь «преставился в заточении вскоре по привезении его во Владимир, зане тяжко был ранен».

Не оставил в покое Всеволод и ещё одного своего племянника — Юрия Андреевича, последнего оставшегося в живых сына Андрея Боголюбского. Подобно тому как сам Андрей некогда не стерпел присутствия в своей земле племянников Ростиславичей, его младший брат изгнал за пределы княжества его собственного сына — опасного конкурента в борьбе за власть. Судьба Юрия Андреевича, несомненно, заслуживает того, чтобы рассказать о ней в книге.

После вынужденного ухода с новгородского княжеского стола Юрий оказался во Владимире. Очевидно, его рассматривали в качестве одного из претендентов на владимирское княжение — вместо ненавистного Ростиславича. Выбор владимирцев, однако, остановился на его дяде, Михаиле Юрьевиче. В мае 1175 года Юрий вместе с владимирцами встречал дядю в Москве — и это последнее упоминание о нём в русских летописях{387}. [210] О том, что случилось с ним дальше, рассказывают иные источники, а именно грузинские и армянские.

Оказывается, оставшийся «малолетним после отца», русский «царевич», сын «великого князя русского Андрея», подвергся преследованиям со стороны своего дяди Савалата (то есть Всеволода) и вынужден был удалиться «в чужую страну» — очевидно, к половцам, где застают его последующие события. Во всяком случае, около 1184-1185 годов он определённо пребывал в «городе кипчакского царя Севенджа» (или, по-русски, Севенча)^{388}.^[211] Когда именно Юрий Андреевич был изгнан из Владимира, мы не знаем, но скорее всего это произошло вскоре после утверждения Всеволода Юрьевича на владимирском княжеском столе. Получается, что сын Боголюбского провёл среди половцев лет восемь или около того.

Это, конечно, необычно для русского князя. Но во второй половине XII века немало русских оказывалось в половецких станах — кто вынужденно, а кто и по своей воле. (Вспомним вдову черниговского князя Владимира Давыдовича, ставшую женой половеца Башкорда. Немало русских, включая русского священника, находилось в окружении князя Игоря Святославича, попавшего в плен к знаменитому Кончаку. А сын Игоря Владимир женился в половецком плену и вернулся на Русь уже с женой и ребёнком. О присутствии русских среди половцев свидетельствуют и многочисленные русские имена представителей половецкой знати.) Половцы в те времена тесно общались и с другими своими христианскими соседями — грузинами. Как известно, в Грузию, спасаясь от наступления Владимира Мономаха, ушёл отец Кончака хан Отрок со всей своей громадной ордой. После его возвращения в половецкие степи в Грузии осталось множество половцев, которые постепенно смешивались с грузинами. И именно наличие этих связей определило судьбу князя Юрия Андреевича.

В 1184 году умер грузинский царь Георгий III, и на престол взошла его дочь, восемнадцатилетняя Тамара

(или, по-грузински, Тамар), бывшая ещё девой и блиставшая — особенно в глазах своих подданных — удивительной, ни с чем не сравнимой красотой, зрелой, не по годам, мудростью, нравственным совершенством и исключительным благочестием^[212].

Косы царственной — агаты, ярче лалов жар ланит.

Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит...

...Перлы уст её румяных под рубиновым покровом, —

Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!.. —

так описывал свою царицу великий Шота Руставели («Витязь в тигровой шкуре», перевод Н.А. Заболоцкого).

Выбор жениха для «богоравной» девы стал делом государственной важности, и в кандидатах на эту роль недостатка не ощущалось. Взоры части сановников обратились к живущему у кипчаков русскому «царевичу» — во-первых, как к особе «царской» (или по крайней мере княжеской) крови, во-вторых, как к человеку православной веры, что имело тогда для грузин первостепенное значение, ну а в-третьих, очевидно, потому, что изгнанный из собственной земли, он, казалось, будет полностью зависеть от пригласивших его людей и послужит послушным орудием в их руках. Кандидатура Юрия была предложена уже упомянутым выше Абуласаном, «эмиром Картлийским и Тбилисским», который вкратце изложил перед собравшимися известную нам историю изгнания «царевича» из Руси и его появления среди кипчаков. Надо заметить, что на выборе русского настаивала и родная тётка царицы Тамары Русудан, наиболее влиятельная в то время при грузинском дворе. Если верно, что именно она в первом

браке была недолго замужем за киевским князем Изяславом Мстиславичем (впоследствии Русудан вышла замуж за хорасанского царя, но вновь быстро овдовела и вернулась в Грузию), то она очень хорошо представляла себе ситуацию на Руси. Правда, Изяслав был непримиримым противником Юрия Долгорукого, деда русского жениха, — но последний давно уже был оторван от своей родни и обижен ею, так что это обстоятельство могло послужить лишь в его пользу. Весной 1185 года в Кипчакскую землю за Юрием был послан влиятельный тбилисский купец Занкан Зоровавель. «Меняя в пути лошадей, он не замедлил явиться туда, забрал с собою и доставил... юношу доблестного, совершенного по телосложению, приятного для созерцания» — таким увидел будущего царя младший современник и первый биограф царицы Тамары, автор сочинения, известного под названием «История и восхваление венценосцев». К тому времени Юрию было лет двадцать или около того. Хотя Тамара предлагала не спешить, дабы получше узнать жениха, «царица Русудан и военные настояли на своём, вынудили у неё согласие и устроили свадьбу, сообразную с её олимпийским величием и царственностью, беспримерную и трудно представимую», причём веселье, развлечения и одарения подарками «продолжались целую неделю».

Брак Юрия с грузинской царицей продлился два с половиной года^[213]. За это время он успел совершить несколько весьма успешных походов, показав себя незаурядным полководцем. Уже вскоре после свадьбы «царь руссов и абхазов» (то есть грузин — так называет его источник) разорил Каре; затем во главе войска опустошил «страну парфян» (сельджуков), завладел главным городом этой страны Двином и, «захватив с собою сокровища и пленных», «вернулся назад к совершеннейшей и блистательной Тamar». За этим

последовали ещё несколько удачных войн, а также путешествие царя и царицы к границам державы, в частности для совместной охоты.

Идиллии, однако, не получилось. Напротив, отношения между царственными супругами настолько разладились, что спустя два с половиной года Юрий был изгнан из Грузии. Грузинские источники обвиняют во всём исключительно «русского, именуемого скифом», рисуя его облик самыми чёрными красками и обвиняя во всех мыслимых пороках и преступлениях. По свидетельству ещё одного биографа царицы Тамары, автора её жизнеописания, уже вскоре после свадьбы «у русского стали обнаруживаться скифские нравы: при омерзительном пьянстве стал он совершать много неприличных дел, о которых излишне писать», так что всё это причиняло особенные страдания его прекрасной супруге. Помимо «скифского» пьянства и несоблюдения в чистоте супружеского ложа, в вину русскому была поставлена какая-то особая, звериная жестокость в отношении многих представителей знати. По словам того же источника, после обличений царицы «русский ещё более рассвирепел» и «стал совершать ещё более губительные проступки: он даже подверг без причины почётных людей избиению и пыткам путём вырывания у них членов»^{389}. Что и говорить, преступления и в самом деле чудовищные! Но при этом часть сановников поддерживала русского царя, так что, наверное, не все в Грузии признавали его исчадием ада. Скорее, можно думать, что к тому времени до крайности обострилась внутренняя борьба в окружении царицы, и царь стал вмешиваться в неё, действуя при этом жестоко и самовластно. Не последнюю роль в его разладе с царицей и её окружением, наверное, сыграло и то, что Тамара так и не сумела родить от него наследника, — а ведь для этой цели Юрия, прежде всего, и приглашали на грузинский трон. (Второй брак царицы оказался

удачнее: в 1188 году Тамара вышла замуж за осетинского царевича Давида-Сослана и вскоре родила от него сына, будущего грузинского царя Георгия IV Лашу.) Ну и, конечно, на отношение к нему царицы не могли не повлиять упомянутые пороки «скифа». Вряд ли они были полностью выдуманы хронистами — может быть, лишь слегка преувеличены ими. В результате Юрия вынудили отправиться в новое изгнание, на этот раз в Византию. Тамара провожала его, «проливая слёзы» (что не слишком вяжется с предыдущим рассказом о чудовищных злодеяниях её мужа), и «снабдила его несметным богатством и драгоценностями». Да и сам Юрий казался «несчастен» — и «не столько в виду низвержения его с царского престола, сколько вследствие лишения прелестей Тamar».

Итак, «посаженный в корабль, он прибыл в Константинополь и жил там некоторое время» — а если говорить точнее, то около трёх или четырёх лет. По всей вероятности, к сыну Боголюбского в Империи отнеслись благожелательно — как прежде отнеслись к его дядьям, оказавшимся здесь по воле его отца. Но Юрий не собирался навсегда оставаться у греков. Новое замужество царицы не всем в Грузии пришлось по душе. «...Царство Грузинское находилось в волнении, ибо Тамара, дочь царя Георгия, оставила первого мужа, сына царя рузов, и вышла замуж за другого мужа, из Аланского царства», — записывал в 1188 году современник-армянин^{390}. Этим «волнением» и решили воспользоваться Юрий и те, кто жаждал его возвращения на грузинский престол. В 1191 году «скиф» явился в Эрзерум, и на его сторону тут же встали чуть ли не все феодалы Западной Грузии. Мятежники двинулись на Тбилиси, и одно время казалось, что они смогут захватить столицу царства. Царице, однако, удалось собрать верные войска (главным образом из

областей Восточной Грузии) и с их помощью разбить восставших. Сам Юрий был передан мятежниками царице — но лишь после того, как Тамара дала обещание отпустить бывшего супруга «без вреда».

Юрия вновь выслали в Константинополь. Но он ещё раз попытался вернуть себе трон. Вскоре после второго изгнания «скиф» появился в Арране (нынешнем Азербайджане), где получил помощь от местного правителя, атабека. Оттуда с арранскими и гянджийскими войсками он совершил набег на Восточную Грузию и, «опустошив внутри страны поля, взял много пленных и награбленного добра». Однако такой поддержки, как в первый раз, у Юрия уже не было. Его войска вновь потерпели поражение, хотя самому князю удалось бежать^{391}.

На этом история князя Юрия Андреевича в Грузии заканчивается, более его имя в источниках не упоминается. Есть свидетельство, что вскоре после второй попытки возвращения на трон он умер^{392}. Историками высказывалась версия, согласно которой сын «Андрея Великого» был похоронен в Грузии. Предположительно называли даже место его погребения — это существующий и поныне в Тбилиси монастырь Лурджи («Синий монастырь»), именуемый также церковью Святого Георгия, или Андреевской и Иоанно-Богословской — по имевшимся в церкви нескольким приделам^{393}.^[214] Но правда это или нет, достоверно неизвестно.

На Юрии Андреевиче и обрывается несостоявшаяся династия Андрея Боголюбского. Наследников по прямой линии у первого владимирского самодержца не осталось — ни на Руси, ни в чужой и далёкой Грузии.

Но посмертная история Андрея Боголюбского — это не только история его потомков и преемников на владимирском княжеском столе. Уже вскоре после трагической гибели князя к нему начали относиться как

к угоднику Божию и страстотерпцу (то есть мученику, принявшему смерть не от иноплеменников и не за веру, но от своих же единоверцев). Исследователи древнерусской житийной литературы отмечают, что летописная повесть об убиении князя выстроена как княжеское житие: и в своей пространной редакции (в составе Ипатьевской летописи), и в краткой (в составе Лаврентьевской) она «имеет вид отдельного, вставочного памятника», с характерными для жития заголовком («О убьении Андрееве»), началом («Убыен бысть великий князь Андрей Суждальский...») и заключительными словами («...во вся веки веком аминь»){394}. Андрей именуется «блаженным», а также «благоверным и христолюбивым» князем; его подвиг уподоблен подвигу святых братьев Бориса и Глеба, первых русских святых, за полтора столетия до него добровольно избравших смерть и отказавшихся от какого-либо сопротивления убийцам. Притом что Андрей, в отличие от братьев, до последнего издыхания мужественно боролся за свою жизнь, притом что характером своим он вообще мало походил на Бориса и Глеба, автор повести изображает его кротким и незлобивым агнцем: даже «вражное убийство слышав наперед до себе», он «ни во что же вмени» его, то есть изъявил покорную готовность принять смерть, — и принял её: «не за друга, но за самого Творца... душу свою положи»{395}. Правда жизни уступает место иной правде — а потому князь и ведёт себя, и рассуждает именно так, как того требуют законы агиографического, житийного жанра. Уподобившийся святым Борису и Глебу, Андрей «кровью умы вся страдания» свои. «Аще бо не напасть, то не венець, аще ли не мука, то не дарове! (то есть не благодать! — А. К.)» — восклицает автор повести, и в этих словах сокрыта главная мысль всего повествования: мученической кончиной князь избавил себя от тех грехов, которые накопил в своей —

далеко не безгрешной — жизни, и сподобился посмертной благодати от Бога. Можно думать, что уже в первые годы после его смерти, то есть в княжение если не его брата Михаила Юрьевича, то другого брата, Всеволода, во Владимире стали готовить его церковную канонизацию. Но — не случилось. И всё же Андрея почитали — прежде всего другие князья, его «сродники», готовые обратиться к его небесному покровительству и заступничеству, — как, собственно, всегда обращались в своих молитвах к усопшим предкам русские князья. Подобно тому как святые Борис и Глеб стали образцом для Андрея, он сам сделался образцом для последующих русских князей, принимавших, как и он, мученический венец. Когда весной 1238 года, после битвы на реке Сити, татары убили взятого в плен ростовского князя Василька Константиновича, летописец сравнил его участь с Андреевой: «Сего бо блаженнаго князя Василка спричте Бог смерти, подобно Андрееве, кровью мученичьскою омывъся прегрешений своих»^{396}.

В последующие века русской истории князя также почитали — но лишь местно: прежде всего во Владимире, где князь был похоронен, и в Боголюбове, в основанном им монастыре. Его имя включалось в месяцесловы — но лишь в немногие и под разными днями, ибо какого-либо единого дня его памяти не существовало. Так, в святцах XVI-XVII веков встречаются указания на его поминовение под 29 и 30 июня — предполагаемыми днями его убийства, а также под 4 июля — днём памяти святого Андрея Критского, 1 августа — днём победы русского воинства над волжскими болгарами, 3 августа (?) и 2 октября — днём памяти святого Андрея, Христа ради юродивого Царегородского^{397}.^[215] В царствование Ивана Грозного к Андрею было особенно почтительное отношение — как к одному из первых русских князей, совершивших

успешный поход против волжских болгар — исторических предшественников казанских татар, с которыми воевал и которых покорил царь. По указу царя велено было дважды в году служить панихиду «по великом князе Андрее Боголюбском» во владимирском Успенском соборе: «в первые на убиение его, июня в 29-й день, а во вторые ноября в 30-й день», то есть в день памяти апостола Андрея Первозванного^[398].^[216] О почитании князя во Владимире свидетельствует и рассказ одной из редакций Жития Александра Невского, составленной в 1591 году бывшим архимандритом владимирского Рождественского монастыря (а в будущем — митрополитом Ростовским) Ионой Думиным. Со слов монаха того же Рождественского монастыря Антония, автор Жития записал рассказ о виденном им чуде: как Андрей Боголюбский вместе с другими русскими святыми — Борисом и Глебом, Александром Невским (чьи мощи лежали тогда в Рождественском соборе), а также похороненными во владимирском Успенском соборе и почитавшимися местно братом Всеволодом и племянниками Юрием (Георгием) и Ярославом Всеволодовичами и ростовским святым Петром, царевичем Ордынским, — восстав из гроба, отправился из Владимира на помощь русскому воинству, вступившему у подмосковного села Молоди в жестокую битву с рвавшимися к Москве крымскими татарами (30 июля 1572 года)^[399].

В 40-е годы XVII века над гробницей Андрея в Успенском соборе, как и над гробницами других похороненных здесь князей, был помещён так называемый «надгробный лист» — краткое житие, составленное на основе летописей и Степенной книги. В этом «листе» (дошедшем до нас в рукописной копии) Андрей именовался «святым страстотерпцем, благоверным и христолюбивым великим князем», «зело украшенным всякими добродетельми, паче же

милостынею, и церковное украшение любя»^{400}.^[217] Какого-то особого Жития князя составлено не было^{401}. В рукописных сборниках вместо этого изредка переписывалась та или иная переработка летописной повести о его убиении — как правило, взятая из Степенной книги царского родословия^{402} или из других поздних летописей^{403}.

Официальное же причтение Андрея Боголюбского к лику святых состоялось лишь в начале XVIII столетия, когда его мощи, равно как и мощи его сына Глеба, были перенесены из старых каменных гробниц в новые. 15 октября 1702 (или 1701) года останки князя были положены в специально для них изготовленную раку в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы, на северной стороне храма^[218]. При этом мощи были переоблачены, а остатки древней одежды положены в ризнице собора (ныне они представлены в экспозиции Владимирского музея). В 1768 году, после ремонта храма, Благовещенский придел был переименован во имя святого благоверного великого князя Андрея Боголюбского, а над ракой святого устроен роскошный балдахин. Стену возле гробницы украсили стихи, которые молва приписывала лично императрице Екатерине Великой:

Хотя кто прав, живет хоть свято,
Но если злобствуют сердца,
У них как бы в закон принято
Того губити до конца.
Пример тому моя кончина,
Ей зависть с злобой есть причина:
Я прав — тиранен как злодей,
От ближних, сродных мне людей.

В 1820 году над мощами святого была сооружена серебряная сень, также украшенная надписями, в том числе и стихотворными:

...Нетленна плоть твоя, великий князь Андрей,
В защиту русских стран и в славу их царей,
И здешних жителей в отраду
На утвержденье граду...[\[404\]](#).

Празднование князю было установлено 4 июля — в день памяти святого Андрея Критского. Как мы уже имели возможность заметить, день этот удивительным образом совпал с важнейшими вехами в земной жизни Андрея Боголюбского. Тогда же, в начале XVIII века, были составлены Житие князя Андрея и церковная служба ему.

Житие это ещё в XIX веке было известно владимирским церковным историкам и краеведам, которые в своих трудах публиковали выдержки из него. Позднее, однако, рукописи Жития затерялись. Полностью оно доступно нам только в копии, подготовленной автором книги о церковных древностях Владимира иеромонахом Иоасафом (Гапоновым) в 50-е годы XIX века; издана эта копия совсем недавно [\[405\]](#). Источниками для Жития послужили, прежде всего, Степенная книга и Житие сына Андрея князя Глеба. Как мы уже говорили, Житие Андрея содержит и многие уникальные факты; впрочем, степень их достоверности невелика. Судя по тексту, Житие было составлено в Боголюбовской обители. В рукописи XVIII или XIX века отыскалась и сокращённая редакция того же Жития — с оригинальной концовкой, свидетельствующей о том, что текст памятника перерабатывался вне стен Боголюбовской обители, но где именно, неизвестно; скорее всего, в пределах Владимирской губернии [\[219\]](#).

Что же касается церковной службы князю Андрею, то в ней, по-видимому, соединены два канона святому. Один из них, судя по читающемуся в нём «краегранесию» (роду акастиха), был составлен «трудолюбием» некоего «многогрешного Иоанна, Владимира града жителя», а другой написан всё в том же Боголюбском монастыре^[406].

Нельзя сказать, чтобы день 4 июля как-то выделялся или выделяется в церковном календаре. Но имя Андрея Боголюбского звучит под сводами церкви и в другие дни. Обозревая его жизнь и многогранную деятельность с высоты нашего столетия, удивляешься, как много сумел сделать князь — даже притом что иные его начинания в церковной сфере не увенчались успехом. Установленные лично им или тесно связанные с его деятельностью праздники сохранились и по сей день, войдя не только в церковный, но и в народный календарь. О князе Андрее мы неизменно вспоминаем в дни празднования иконе Владимирской Божией Матери: и в день Сретения её в XIV веке 26 августа (8 сентября по новому стилю), и в памятные дни спасения Москвы от вражеских ратей 21 мая (3 июня) и 23 июня (6 июля) обязательно заходит речь о её чудесном появлении на Владимирской земле; о князе Андрее мы вспоминаем и в день Боголюбской иконы 18 июня (1 июля), и 23 мая (5 июня) — в день памяти святителя Леонтия Ростовского, и в ставшие поистине народными праздники Покрова (1/14 октября) и «первого Спаса» (1/14 августа), и на Знамение Пресвятой Богородицы 27 ноября (10 декабря)^[220]. Двадцатое столетие дало нам ещё один повод вспомнить об Андрее и его страшной участи — повод, увы, трагичный для русской истории. В ночь на 17 июля 1918 года (то есть на 4 июля по старому стилю, в канун памяти Андрея Боголюбского) в Ипатьевском доме в Екатеринбурге был расстрелян последний русский император Николай II, а вместе с ним и члены его семьи

и разделившие их участь домашние и слуги. Так история повторилась, сделав страшный оборот и навсегда соединив судьбы первого и последнего русских «самодержцев». Ныне память их совершается Церковью в один день, а значит, вспоминая одного из «царственных страстотерпцев», мы неизбежно вспоминаем и другого...

Остаётся сказать несколько слов о судьбе останков Андрея Боголюбского. В раке владимирского Успенского собора они оставались до февраля 1919 года. В феврале же этого года, в разгар атеистической кампании по «вскрытию святых мощей» и «развенчиванию религиозного дурмана» останки князя были извлечены из гробницы. С этого момента, выставленные напоказ, они превратились в музейный экспонат, предназначенный для антирелигиозной пропаганды и «просвещения» трудящихся масс. В таковом качестве в экспозиции Владимирского музея мощи оставались до конца 1950-х годов. Дважды за это время они покидали Владимир: в 1934–1935 годах их вывозили в Ленинград, в Академию истории материальной культуры, а затем в рентгено-антропологическую лабораторию Государственного рентгенологического института, где подвергли всестороннему исследованию (подтвердившему их принадлежность Андрею Боголюбскому и прояснившему обстоятельства гибели князя), а в 1941–1943 годах — в Москву, в мастерскую М.М. Герасимова, который выполнил антропологическую реконструкцию внешнего облика князя, изготовив и его знаменитый скульптурный портрет, размещённый затем в зале Государственного исторического музея. (Копия герасимовского портрета хранится во Владимирском музее.) Ещё раз останки Боголюбского были вывезены в Москву, в Исторический музей, в конце 50-х годов, а затем вновь возвращены во Владимир, и с этого времени хранились в запасниках Владимирского музея, на

антресолях, в больших деревянных ящиках, «по виду похожих на те, что употребляются для почтовых посылок».

Так продолжалось до середины — второй половины 1980-х годов. А затем произошло нечто не вполне обычное для тех лет. Власти нашли возможным откликнуться на настойчивые обращения архиепископа Владимир-Суздальского Серапиона (Фадеева) относительно возвращения мощей Церкви. 3 марта 1987 года в резиденции архиепископа мощи князя Андрея Юрьевича были переданы «на постоянное хранение епархии и общине Успенского собора» и в тот же день переложены в раку на своё законное место у северной стены собора, где они покоились в течение семи с половиной столетий^{407}.

Однако все эти перипетии в посмертной судьбе мощей, увы, не прошли бесследно. За время многочисленных перемещений часть их, к сожалению, была утеряна. Как уже упоминалось выше, в наши дни останки князя ещё дважды были подвергнуты исследованию — в 2007 и 2009 годах. Тогда-то и выяснилось, что костяк сохранился не полностью и что отсутствуют отдельные кости, в том числе и те, что наличествовали при прежних обследованиях князя — и в 30-е и 40-е, и даже в 80-е годы прошлого столетия^{408}. Особенно огорчительна утрата нижней челюсти — ведь из-за этого современные специалисты, оснащённые новейшими методами восстановления внешнего облика человека по его костным останкам, лишены возможности воссоздать облик князя — который, вполне возможно, отличался бы от привычного нам.

И всё же, несмотря на сказанное в предыдущем абзаце, можно констатировать, что судьба останков князя Андрея Юрьевича сложилась более или менее благополучно. После долгих мытарств они оказались именно там, где им и надлежит быть. И сегодня, спустя

восемь с половиной столетий после трагической гибели князя, мы, так же как и наши далёкие предки, можем вступить под своды построенного им Владимирского собора, можем подойти к его гробнице и поклониться одному из самых замечательных людей нашей древней истории. А человек верующий, как это принято в церкви, может приложиться к святым мощам и испросить у князя помощи в своих мирских суетных делах и молитвы и заступничества перед Всевышним.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Слово великого князя Андрея Боголюбского о милости Божией

Издаётся по списку XVI в. БАН.Ф. 31. № 33.16.11. Л. 198 об. -199 об. (по фотографическому воспроизведению в статье: *Филипповский Г.Ю.* «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983. С. 79–81). Для разночтений привлечены также списки ИРЛИ. Колл. В.Н. Перетца. № 80. Л. 320 об. — 321 об. 1597 г. (издан: *Филипповский Г.Ю.* «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа по списку 1597 г. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 236–237) и Забелинский (ГИМ. Собр. Забелина. № 369. XVI в.; издан: *Забелин И.Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского // Археологические известия и заметки. 1895. № 2–3. С. 46–47).

Месяца августа в 1 день^[221]. Слово великого князя Андрея Боголюбьскаго о милости Божий. Господи^[222] Вседръжителю.

Господа Бога нашего и человеколюбца милостиваго Спаса и Пречистыя Матери благодатию заступающе ны от всех бед и болезни и от всех враг видимых и невидимых и победу от нея имея на враги и по велицеи Божий милости и Божиа Матере празднуим вкупе Господу нашему и Его Матери августа // (Л. 199) в 1 день на память святых Маковей уставихом якоже в Костянтине граде уставиша^[223] святии цари^[224] благовернии Пантократор милости Божи и человеколюбю^[225], тако и сии праздник уставлен бысть худым и грешным рабом Божи-им и Пречистыа Его

Матере Богородица Андреем князем, сыном Георгъевым, вънуком Манамаховым именем Владимера, царя и князя всеа Руси.

О многомилостивеи Вседръжителю, неизреченне едине человеколюбче Господи Боже нашъ, и Ты, Пречистаа Госпоже Богородице Дево, рожешия всех творьца Господа нашего Ису-са Христа, чистаа Мати Богу, благословеная, поющая тя верою спасай, напасти и молву отгонящи, милостива, яко Бога рожеши, все елико хочеши и можеши творити невъзбранно, Девице, еже не срамяляета всех притекающих к вама^[226] страхом и верою и любовью. Тако и не, грешному и недостойному^[227] Андрею^[228], приложита неизреченныя милости своеа свыше посылающе. От Тебе бо, Владыко и Пречистая Мати Божиа, всяко данье^[229] благо и дари свершени^[230] посылаются^[231] уповающим к тебе с ве// (Л. 199 об.)рою ныне и всегда и в бесконечныя веки, аминь^[232].

Приложение 2.

Слово о празднике 1 августа

Слово о празднике 1 августа входит в цикл из пяти статей, включающий Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. Ниже текст Слова печатается по изданию: *Кучкин В. А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 501-502 (по списку 60-70-х гг. XVI в.: РГБ.Ф. 98 (Егор.). № 637. Л. 383 об. — 385).

Месяца августа в 1 день празднуемъ Всемилоствому Христу и Пречистей Его Матери.

Ведети есть о сем нам, възлюбленная братиа, еже Пантократный день милости Божий празднуемъ. Благочестивому и верному нашему цесарю и князю Андрею уставлицю се праздновати со царемъ Мануилом повелениемъ патриарха Луки и митрополита [Костянтина]^[233] всея Руси и Нестера епископа ростовскаго.

Мануилу цесарю мирно в любви и братолюбии живуцю с благочестивым князем нашим Оondreем, случися им в един день изыти на брань: оному из Цесаряграда на срачины, а сему из Ростова на болгары. Обычай же имейше князь Андреи: егда к боеви идяше, всегда чистою душею, икону Владычица нашиа Богородица и приснодевья Мария и крест прозвитера два в священных ризах ношаху. И ту приимаше от святых та-инь плоти и крови Господня, и сущий с ним, глаголя се: «Богородице Владычице, родивши Христа Бога нашего, уповая на Тя весь не погибнетъ. Аз же, раб Твои, имею Тя стену и покров и крест Сына Твоего — оружие на врагы обоудуостро, и огонь, пополяя

противных наших лица, хотящих с нами брани». И падоша вси на колену пред Святою Богородицею, со слезами целующе. И шедше взяша 4 города болгарьскыи, пятый Бряхимов на Каме. И воротився от сеча, вси видеша луча огнены от иконы Спаса нашего Владыкы Бога, и весь полк его окрыть. Он же воротися опять и попали грады ты огнемь и положи землю ту пусту, а прочий города осади дань платити.

То же видение и Мануил цесарь тамо виде в 1-й день августа, праздновати уставивша милости Божия человеколюбия, якоже рече пророк: «Егоже хощю помилю, и помиловань будеть».

И ныне тако покрыи, Владыко, Руския земля, люди твоя вся, уповающая на Тя. Тем вси припадем Ти, глаголюще: «Господи Исусе Христе, что Ти въздамы о всех, яже въздасть нам. Велии бо еси и чюдна дела Твоя. Благословен Господь Бог, иже не дасть нас в плен врагом нашим, но Сам призри на ны милоетию Своею и человеколюбием Своимь защити ны. И славою възнесе десницу уповающих на Тя, и Матерне моление услыша и помилова люди Своя милостию человеколюбия Своего. Церкви исполнися славы Твоея, Владыко, юже яко дверь показал еси небесную на земли, в ней же молим Ти, глаголюще: “Господи, призри с небеси и вижь и посети винограда Своего, и сверши, еже насади десница святая Твоя. Всех бо очи, Владыко, на Тя уповают, Твоя милости чающе и щедрот, хвалы и пения всылаемь славе Твоей. Прослави Сам славою уповающих на Тя, многоименитого Бога и Спаса нашего. Ты бо, имея престол небо, подножие же землю, призри милостивнымъ Своима очамъ на вся люди, уповающая на Тя и на Пречистую Твою Матерь и на вся святые Твоя, иже пострадаша за имя Твое о нас грешных, моления Тебе приносящих”». Аз же написах Ти се повелениемъ цесаря Мануила и всего причта церковнаго, да

празднуемъ вси обще месяца августа 1 день в славу Святыя Троица. Аминь.

В различных сборниках (преимущественно Прологах) это Слово встречается как без добавлений, так и с различными продолжениями.

Без добавлений в Прологах, в том числе ранних, напр.: РГБ. Рогож. № 511 первой трети XV в.; РГБ. Больш. № 188 первой половины XV в. Различные продолжения представлены несколькими разновидностями памятника.

2а. Первая разновидность («Установление о постах») встречается в самом раннем Прилуцком Прологе: РНБ. СПбДА А.1.264 Т. 2 — первой четверти (начала?) XV в., где, правда, первые 17 строк продолжения выскоблены; см.: *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV вв. М., 2009. С. 444–448 (утраченный фрагмент восстанавливается по Прологу РГБ. Болып. № 195 50-х гг. XVI в.).

Данное продолжение печатается (по списку РГБ. Больш. № 195) по изданию: *Конявская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа//Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 8:

...да празднуем вси обще месяца августа в 1 день в славу Святыя Троица Отца и Сына.

Заповедь святых отец кануном и праздником, како говети всем христианом правоверным.

Ведомо буди вам, о чада, святии и апостоли и вселеньская церкви преда нам говенье августа месяца в 1-й день августа: не ести мяс ни рыб до Успения Святыя Богородица. Болше же суще крестияном, аще в который день причтется праздник Честныя Святыя Богородица в среду или в пяток, не яс[ти] мяс, но Пречистыя ради Богородица емы рыбы; между же святым говеньем есть

святое Преображение Господа Бога и Спаса нашего, в который день причтется, аще в субботу или в неделю, ту всю 15 дни не ясть мяс августа месяца. Говение велико уставиша святии отцы во имя единосущныя Троица.

Как отмечает Е.Л. Конявская (Там же), это добавление частично текстуально совпадает с т. н. «Правилom» митр. Максима.

Ср.:

«Ведомо буди вам, чада, святии апостоли и вселенская церкви святая не преда нам по всяку среду и пяток ясти мяса, или сыр, или млеко... Посем же уставиша говение августа месяца до Успения Святыя Богородица, а в 1 августа не ясти мяса, в который день причтется не ясти рыбы. Болше ж суще христианом, аще и причтется праздник Свята Богородица в среду или в пяток, не ясти мяса, но Пречистыя ради Богородица ямы рыбу. Между святым говением есть и святое Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; в который день причтется не ясти мяса и сию; 15 днии не ясти мяса августа месяца, говение велико уставиша святии отцы...»

(Цит. по: *Макарий (Булгаков)*, митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 447.)

По мнению Е.Л. Конявской (Указ. соч. С. 9), «очевидно, что книжник, присоединивший текст о постах к проложной статье на 1 августа, использовал какую-то иную версию полного текста, который, возможно, потом стал приписываться митрополиту Максиму».

2 б. Второе продолжение — «Слово о милости Божией» Андрея Боголюбского. встречающееся как самостоятельный памятник. В состав данного Слова на 1 августа оно включено в целом ряде рукописей. Вводится фразой:

...Аз же написах ти се повелениемъ царя Мануила и всего причта церковнаго, да празднуим вси обще месяца

августа 1 день Вседержителя Господа Бога нашего Человеколюбца, и милостью и Святыя Его Матере благодатию заступляеми от всех бед и болезни и от враг видимых и невидимых... (и т. д., см. Приложение 1).

Издано (только окончание, по списку Унд. № 228, конца XV в.): *Конявская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа. С. 11, а также полностью (по списку ГИМ. Забелин. № 369): *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 46–47.

2в. Третье продолжение (Поучение на праздник 1 августа) встречается в рукописях: РГБ. Егор. № 921 (окончание издано: *Кучкин В. А., Сумникова Т.А.* Указ. соч. С. 499, прим. 51.); РНБ. F.I.257; РГБ. Рум. №397; ГАТО. № 1153.

Печатается (по списку РНБ. F.I.257: из Толстовского собр., сборник житий и поучений, сер. XVI в.) по изданию: *Конявская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа. С. 12:

...Аз же написах се повелением царя Мануила и всего причта церковнаго, да празднуем вси обще месяца августа в 1 день в славу Святыя Троица Отца и Сына и Святаго Духа, нарица-емаго в три имени, а не в три богы, но в единого Бога Спаса нашего Исуса Христа и Пречистыя Его Матере Преблагословенныя Владычицы наша Богородица и Приснодевица Мариа, празднуем с любовью. Мир и любовь попромежю себе имуще, и милостынею убогыя наделяюще, с свещами к церкви текуще на святое пение, от всех дел удаляющесе, а страху Божию внимающе с боязнию. Аще прибудем в добрых делах, то милости Божия сподобимся. Аще время испустим, а другое не сведаем, в кое время пойдем к Всемогущему Судии, а наша дела вся пред нами написана будут, еже кто что створил, то въсприим-уть кийждо по делом своим. Въсприимут праведници жизнь вечную, а грешници муку вечную. Да мы, братие, малии

и ве-лиции, прежде того дне суднаго въсприимем добрая дела и не-постыдни обрящемся на Страшнем судищи и милостив глас услышим от Всемилоствиваго Спаса нашего Исуса Христа, да Того праздник и Пречистей Его Матере, и вся праздники Господня празднуем честно. Тому подобает честь и поклоняние Отцу и Сыну и Святому Духу всегда и ныне и присно и въ ве-кы веком. Аминь.

2г. Четвёртое продолжение включает в себя молитву от имени автора, обращенную к Спасителю. Фрагмент печатается (по списку Син. № 556, сборник XV–XVI вв.) по изданию В.О. Ключевского (Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери / Изд. Общества любителей древней письменности. Вып. 30. СПб., 1878. С. 21–26; данный фрагмент с дополнением: С. 25–26):

...и на вся святы Твоя, иже пострадаша за имя Твое святое, и о нас грешных, молитвы Тобе приносящих, приими, Господи, и направь ны, Господи, на стезю покаяния. Подай нам, Господи, время прежде кончины смертныя, да быхом ся покаjali. Потерпи ны, Господи, не прогневайся на [нас] грех ради наших. И мне грешному дай, Господи, прежде конца покаание, зане согреших паче Содомы и Гоморы, прогневах Твое человеколюбие и отгнах от себе аггела, хранителя моего. Аз же написах повелением царя Мануила и всего причта церковнаго, да празднуем вси обще месяца августа в 1 день в славу единосущных и неразделимых Троица Отца и Сына и Святаго Духа всегда и ныне и присно и въ веки веком. Аминь.

2д. Сокращённый вариант Слова о празднике 1 августа сохранился в сборнике митрополичьих грамот: ГИМ. Син. № 562. Печатается по изданию: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Текст

подг. А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко, Л.Ф. Кузьмина; под ред. В.И. Буганова. М., 1987. Ч. 3. С. 535-536:

Августа в 1 день. Происхождение честнаго креста

Ведети подобает о сем Пантократору дни, в он же милости Божия празнуем Всемиловитоваго Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Матере и честнаго креста происхождение.

Благочестивому и благоверному царю Мануилу Царяграда и христолюбивому князю Андрею Георгиевичю Ростовъскому уставивше се праздновати с царем Мануилом. Повеление Луки, патриарха Царяграда, и митрополита Константина всеа Руси, и Нестера, епископа ростовскаго. Мануилу царю мирно и в братолюбии живущу с благоверным и христолюбивым князем Андреем Георгиевичем. Случи же ся им в един день изыти на брань: благочестивому царю Мануилу на срацыны из Царяграда, а христолюбивому князю Андрю на болгары из Ростова. Обычай же имяше князь Андрей: егда на брань идяше чистою душою, икону Пречистыя Владычица наша Богородица и Приснодевица Мария и честный крест прозвитера два в священных ризах ношаху. И ту приимаше святых тайн, плоти и крови Господня, и сущий с ним, глаголя сице: «Пресвятая Госпоже, Владычице Богородице, рожшия Христа Бога нашего, уповаяя на Тя всяк не погибнет. Тем же и аз, грешный^[234] раб Твой, имею Тя стену и покров, и крест Сына Твоего оружие на враги обоюдоостро, и огонь поपालя лица противных наших, хотящих с нами брани». И падше вси на колену пред пречистым образом Святыя Богородица и со слезами целующе икону Святыя Богородица и честный крест. И Божиею милостию взяша тогда четыре грады болгарския, а пятой Пряхимон на Каме. И сице одолев^[235] болгар и возвратися от сеча. И все виде-ша лучя огнены от иконы Спаса нашего Бога и Владыкы. Весь полк его окрест озари. Он же, возвратився опять, залити повеле грады их^[236] огнем и

положите землю ту пусту. А прочий грады осадити и дань повеле имати с них. Такожде и благочестивый царь Мануил греческий одоле срацины и то же видение виде во един день, августа 1 день. И праздновати уставиша честному кресту милость Божию и человеколюбие.

Приложение 3.

Сокращённая редакция Жития князя Андрея Боголюбского

Издаётся по списку XVIII или XIX в.: ГИМ. Увар. № 2081. Л. 16–31 об. Тетрадь с Житием вплетена в сборник-конволют 1830–1840-х гг., включающий в себя рукописи разного формата, написанные в разное время разными почерками; по крайней мере часть из них происходит из Флорищевой пустыни на реке Лух, недалеко от города Гороховца (в нынешней Нижегородской области). Две рукописи до 1830–1840-х гг. принадлежали инокку этой обители Михаилу, жившему прежде в муромском Благовещенском монастыре (Л. 15 об., 100 об.). Описание сборника: *Леонид (Кавелин), архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А.С. Уварова. 4.4. М., 1894. С. 460–461.

Житие святого и благоверна! о великаго князя и страстотерпца Андреа Георгиевича Боголюбскаго чудотворца

Бяше сей благоверный и великий князь Андрей Георгие-вичь Боголюбский самодержец, сын великаго князя Георгия Владимировича Долгорукаго. Сей святой великий князь Андрей, яко крин, цветяше в добропробываниих день и ночь, // (Л. 16 об.) преспевая в законе Господни. Родитель же его великий князь Георгий поиде из Вышеграда и сяде на великом княжении в преименитом граде Кieve, на свое же место посади в Вышеграде сына своего боголюбиваго князя Андреа. В некое время сей великий князь помысли господствовать во граде Ростове. Беседующу же ему и разглагольствующу о святых иконах с боляры своими, от них же поведа ему един о образе чудотворном

Пресвятая Богородицы. По претечении от // (Л. 17) создания мира шести тысяч шести сот пятидесяти лет при державе родителя сего святого и великаго князя Андреа Георгиевича Боголюбскаго принесен бысть той святой и чудотворный образ из Царяграда в царственный град Киев некоторым христолюбивым мужем чина купеческаго, Пирогощею зовомым, и поставлен бысть в киевской державе в Вышеграде в девичье монастыре, и тако той святой и чудотворный образ в том монастыре некая лета *пребы* //(Л. 17об.) ваше и преест[ест] венная чудеса подаваше всем, с верою приходящим, от них же zde некая да рекутся.

В некое время клирицы обители тоя, входяще в церковь, видеша той богородичный чудотворный образ стоящ о себе кроме святых трапезы, и начаша оттоле бывати различная чудеса. Сие же клирицы тии видяще, недоумевахуся и ужасохуся, не ведяху бо где сама Богоматерь изволит своему образу жилище // (Л. 18) избрати. Си вся слышав, Боголюбец святой и великий князь Андрей мысль же в себе имея, еже господст[в]овати во граде Ростове, надеяся на милостивыя щедроты Богоматерни, яко и тамо Пресвятая Богоматерь образом своим святым чудодействова имать, и разгореся сердечною любовию тече скоро в девичий монастырь и вниде во святую церковь, помолися умиление, и нача// (Л. 18об.) по святым иконам с сердечною любовию и страхом взирати. И абие узре той святой и чудотворный Пресвятая Богоматере образ, светящей зраком божественнаго подобия паче инех икон, стоящих в церкви, и страхом великим одержим пал на землю пред тем чудотворным Богоматерним образом. И моляшеся на долг час со слезами, и по молитве востав, приступи ко образу // (Л. 19) Пресвятая Богородицы, простер руце свои, прикоснулся тому чудотворному Пресвятая Богородицы образу, взял же с места и понесе из церкви, яко некое

безценное сокровище. Не возвести же сего благочестивому отцу своему великому князю Георгию Владимировичу, в Киеве ему пребывающу, яко той образ хотяше взяти с собою, послушав злолукаваго совета ближних своих боляр окаянных Кучковичев. И тако нощию изыде из Вышеграда с княгинею своею и с чады, // (Л. 19 об.) с боляры и со многими людьми, взял же с собою из Вышеграда иерея Николая и зятя его диакона Нестора с женами их и детьми. И тако идяху путем, молебная совершающе, и яко приидоша к реке Вузе нарицаемой, ей же зело наводнишейся, посла великий князь Андрей человека на коне в реку испытати броду, и той человек утопе в реке и невидимь бысть. Благоверный же великий князь Андрей пад пред чудотворным образом, моляся Пресвятей Богородице со // (Л. 20) слезами умиление и себе повинна творя утоплению человека. И по молитве (о дивство, братие!) изыде человек той из реки на коне ничим же вредим, жезл в руке своей. Потом приидоша на Рогожския поля, и вышереченнаго иерея Николая жена сниде с колесницы, и диаволим действием конь в ко[ле]снице разсвирепевся и сверже с себе иереева раба и изломи ему ногу, жену же иерееву ногами топтал и зубы грызаше и влачаше ю по земли, дондеже сотвори // (Л. 20 об.) ю мертву. Пресвитер же от горести сердечныя тече и возвести сие великому князю. И приидоша ко образу Пресвятыя Богородицы, начата со слезами молиться, падше вси на ^[237] землю, и в том часе здрави быша жена иереева и раб, и никаковаго же вреда от того биения обретесе от них.

По изшествии великаго князя Андрея из Вышеграда родитель его благоверный князь Георгий Владимирович в сие же лето преставися ко Господу и положен в Киеве. Остави же все самодержавие Российское сыну своему сему великому князю // (Л. 21) Андрею.

Идый же великий князь Андрей предприатым своим путем, и быв во Владимире, идеже с велию честию сретоса его с чудотворным Пресвятыя Богородицы образом вси граждане от мала и до велика, и поиде из Владимира к Ростову. И достиже вниз по реце Клязме от Владимира яко семь поприщ, и на том месте бывши, и под тем чудотворным Пресвятыя Богородицы образом кони стаха и ни мало поступиша с места. Великий же князь Андрей нача о том дивитися и ужасатися и повеле иныя кони // (21 об.) сильнейшия привести на пременение первых коней. И быша по обычаю впряжены под то же возило, на нем же чудотворный Пресвятыя Богородицы образ стояше, но и тии кони такожде понуждаеми и биени бывше, никако же с места поступиша того могоша. Сие чудо великий князь Андрей видя, яко кони не могут со образом двигнутися с места того, ужасом велиим одержим бе, чудяся необычному действу, и повеле иных коней множество привести и впрящи // (Л. 22), обаче и по сих ничтоже успе. И нача велми плаката и тужити, помышляя яко за некое его прегрешение не хочет Пресвятая Богородица образа своего в Ростове поставити; обаче весь страх отложив и отчаяние отринув, того ради всю свою надежду на Господа Бога и на Пречистую Его Богоматерь возложив и ревностию разжегся, повеле иерею на том месте пред чудотворным Пресвятыя Богородицы образом молебное пение совершити, во время же то и сам пред образом Пресвятыя Богородицы паде на землю и со слезами // (Л. 22 об.) нача молитися, обещеваяся на том месте церковь каменную поставити и украсити ю, елико ему мощно. По молебном же пении великий князь Андрей вниде в шатер свой и пад на землю, нача со слезами пред святыми иконами молитися. И молящуся ему со слезами умиление, явися сама Пресвятая Богородица, теплая о всем мире предстательница, очевидно в шатре его стоящая, в единой руке хартию держащая. И рече ему:

«Не хочу да образ мой несеши в Ростов, но постави его во // (Л.23) Владимире, а на сем месте во имя моего Рождества церковь каменную воздвигни и обиталище иноком состави». И воздвигши свои божественнии руце ко образу Владычню, невидима бысть.

Великий же князь Андрей от всего своего сердца и души весь распалився неизреченною радостью и пад на землю, усерднейшее приношаше благодарение Всевышнему Богу и Пренепорочной Его Богоматере и скоро повеле на том месте, идеже сподобися видети // (Л, 23 об.) Небесную Царицу, во имя Ея Пресвятого Рождества церковь каменную заложити. И призва искуснейших изографов, повеле образ Пресвятыя Богородицы таковым подобием, якоже явился ему, боголепне написати. Изъографи же написавше образ Пресвятыя Богородицы, яко же повеле им великий князь, и принесоша к нему. Он же видев той святой Пресвятыя Богородицы образ, пад пред ним на землю, моляся со слезами, благодарствующи Бога и // (Л. 24) скорую свою помощницу и заступницу, всех же уверяючи, яко таковым подобием точно сподобися видети являющуюся ему Царицу Небесную. За помощью же Пресвятыя Богородицы и церковь каменную на показанном Богоматерию месте соверши, в ней же чудотворный Пресвятыя Богородицы образ, иже из Вышеграда принесе с собою, и новонаписанный в подобие являвшийся ему Богоматере образ, нареченный Боголюбивыя, постави. И освяти оную церковь, устави же того чуда // (Л. 24 об.) праздник праздновати по вся лета месяца иуния в 18 день, на память святого мученика Леонтия. И сего ради преславнаго и чудеснаго Божия Матере явления великий князь Андрей нарече место то Боголюбимое, и оттоле же и сам прозвася Боголюбский. Потом же ту град построив и двор свой княжий близ новосозданныя Рождества Пресвятыя

Богородицы церкви постави, и велми оно место любляше и // (Л. 25) живяше ту.

Таже поиде во град Суждаль, да и тамо обветшавшия церкви Божия возобновит. Пребывающу же ему тамо, и святые церкви, такожде и град усердие обновляющу, меньший его и любимый сын Глеб Андреевичь двадесятолетън сый ко Господу отиде. Егда же уведа кончину любимейшаго своего сына, велми опечалися и поиде из Суждаля во Владимирь и с великою горестию и слезами погребе тело сына // (Л. 25об.) своего в церкви Успения Пресвятыя Богородицы златоверхой. Последи же прослави его Бог нетлением телеси и чудотворением, якоже ныне видим приходящим бо с верою к честным мощам его, источает чудеса. Потом же печалию одержимый поиде великий князь для утolenия тоя в любимый свой град и обитель Боголюбскую и пребываше тамо всегда при образе Пресвятыя Богородицы, иже явился ему на том // (Л. 26) месте. Взираше же на образ Пресвятыя Богородицы, утешашеся о печали, поминая очевидное Пресвятыя Бгородицы посещение, и яко на самую Ея взирая, и велию отраду от скорби обретая, не отхождаше от церкви, но по[с]том и молитвою укреплен, пребываше при образе том, выну день и ночь моляся.

Бяху же у сего великаго князя Андрея ближний его и любимии боляре, зовови Кучковичи, [з]лии советницы диаволи. Сии прежде своим // (Л. 26 об.) лукавым советом увещаша его великаго князя, еже без отческаго повеления взяти из Вышеграда чудотворный Пресвятыя Богородицы образ. Сии окаяннии Кучковичи, надеющийся на милости к себе великаго князя, неподобная содеваху. В них же бяхе един, зовомый Иоаким Кучковичь; его же брат присный некия ради вины ят бысть и по градскому закону казнь восприя. Сия слыша Иоаким, и абие вселися в него // (Л. 27) сатана, и тече ко братии и сродником своим, злым советником

сатанинским, и вопия к ним, глаголя: «Се днесь князь предал есть казни брата нашего, а завтра такожде и нас казнити имать. Да отмстим вскоре князю нашему». И тако окаянии совет сотвориша и уготовашася на убиение великаго князя. Бе же таковому убийству первейший злоначалницы // (Л. 27 об.) Иоаким Кучковичь да зять его Петр, Анбал ключник Ясиня и Ефрем Моузовитин; всех же окаянных убийц числом бяше двадесять человек.

Великому убо князю в Боголюбове бывшу в великокняжеском своем доме, яже приделан бысть к церкви Рожества Пресвятыя Богородицы, идеже и ныне Божиею милостию и заступницы христианския видими суть, от молитвеннаго своего труда // (Л. 28) почивающу. Окаянии убийцы, дождавшись нощи, собрашася и взявше кииждо оружие свое, пришедше ко двору княжиему. Бывших у врат и во дворе стоящих у сеней стражей побиша и двери выломавше, приидоша к ложнице его, идеже великий князь бяше с единым точию малым отроком и спяше. Окаянии же убийцы у ложницы великаго князя при дверех лестию вопияху: «Господине великий княже!» Князь же услышав, рече: «Ты кто еси?» Убийцы // (Л. 28 об.) рекоша: «Прокопий». Князя же великаго^[238] услышавше окаянии глас, начаша сильно бити в двери, и отбивше их, выломаша. Великий же князь скочи с постели своея и хотя взяти меч, иже бе у него в ложнице сродника его великаго князя Бориса, и не обрете того меча, понеже меч той из ложницы вынесе тайно ключник его Анбал. Два же окаянии убийцы вскочиша в ложницу его и яша великаго князя. Он же единаго их поверже себе под ноги, а с другими нача браться крепко. Потом и прочий убийцы // (Л. 29) въскочиша в ложницу, и мневше великаго князя повержена на земли лежаща, и убиша подруга своего. Потом же познавше великаго князя и бияхуся с ним. Бе бо великий князь силен велми, и

многими мечми изсекоша и сулицами пронзоша его. Мняще же мертва быти, оставиши его тако, взявше подруга своего, его же убиша под великим князем, и понесоша его вон. Великий же князь от болезни ран вскочи и потече за ними вслед из ложницы своея. Не могый же от толиких ран далее тещи, уклонися // (Л. 29 об.) под сени за лествицу и стенаше. Они же слышавше стенание его, вспять возвратишася, ищуще убить его, глаголюще друг ко другу: «Погибохом мы, яко великий князь жив есть». И вжегше свечи, поидоша по следу крови и обретоша его за десницею, на земли сидяща, со стенанием воздыхающа и молитву творяща. Окаянный же убийца, Кучковых зять Петр, отсече ему десную руку, прочий же убийцы сбодоша его.

И тако святой благоверный // (Л. 30) великий князь Андрей Боголюбский, истинный хранитель заповедей Господних, доброревностный строитель святых церквей, чистейшую свою и святую душу предаде в руце Божий в лето 6683-го года месяца иуния против 29 дня в нощи на память святых и первоверховных апостол Петра и Паула.

Во утрий же день боголюбовския клирицы обретоша сего благовернаго князя Андреа тело под сенми всего уязвенна // (Л. 30 об.) я в крови лежаща на земли мертва, и взявше честное и святое тело его, внесоша в церковь Рожества Пресвятыя Богородицы, юже сам созда, и положиша его во гроб каменный. Узнавше же сие во граде Владимире, идоша священницы с диаконы и клирошанами великия соборная церкви Пресвятыя Богородицы и весь град в Боголюбимый град, взявше честное и святое тело его со псалмы и песнми, с кандилы // (Л. 31) и многими возженными свечами, понесоша на главах своих во град Владимирь, и яко в Боголюбове, тако на пути, и во Владимире от мощей его святых многая чудеса и исцеления быша. Положиша его во Владимире в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы, яже бе им создана, иулия в 5 день,

торжество же памяти его уставивша праздновати по вся лета месяца иулия в 4 день.

Такова бяше благовернаго сего князя житие, такова того // (Л. 31 об.) изрядная и преславная чудеса, их творит неоскудно, и творя не престает и до сего дне, их же ради всех буди Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ЮРЬЕВИЧА БОГОЛЮБСКОГО

Около середины 1120-х годов — рождение Андрея, третьего (?) сына суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого.

Не позднее середины 1140-х годов — вступление в брак.

1147, январь — февраль — Андрей вместе со своим старшим братом Ростиславом отправлен отцом в поход на Рязань. Первое упоминание Андрея Юрьевича в летописях.

24 февраля — смерть брата Ивана, второго (?) сына Юрия Долгорукого.

1149, конец августа — начало первого княжения Юрия Долгорукого в Киеве. Андрей получает от отца Вышгород.

1150, 8 февраля — битва у Луцка, в которой Андрей проявляет чудеса храбрости.

Весна — Юрий выводит Андрея из Вышгорода и передаёт город своему брату Вячеславу. *Начало лета* — бегство с отцом из Киева.

Конец августа — начало сентября — Андрей вместе с отцом возвращается в Киев.

Около 14 сентября — Андрей заключает мир с половцами около Переяславля.

Осень — Андрей получает от отца города Пересопницу, Дорогобуж, Туров и Пинск.

1151, конец февраля — начало марта — наступление князя Изяслава Мстиславича на Киев. Андрей вместе с галицким князем Владимирком Володаревичем и своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем

преследует войско Изяслава, но безуспешно. После бегства Юрия из Киева

(конец марта) Андрей приезжает к нему в Городец Остёрский.

6 апреля — смерть старшего брата Ростислава. Андрей становится старшим среди сыновей Юрия Долгорукого.

Конец апреля — первая половина мая — Андрей участвует в сражении у стен Киева, где вновь являет чудеса храбрости; после поражения отца отступает вместе с ним к Белгороду и далее к Перепетому полю.

Вторая половина мая — начало июня — Андрей участвует в битве на Руте (на Перепетовом поле), завершившейся тяжёлым поражением Юрия и его союзников. Вместе с отцом отступает в Переяславль.

17 июля — неудачное сражение у Переяславля.

24 июля — Андрей вместе с отцом целует крест в Альтинской церкви Святых Бориса и Глеба князьям Изяславу Мстиславичу и Вячеславу Владимировичу, обязуясь покинуть Южную Русь. После отказа отца немедленно уйти в Суздальскую землю Андрей покидает его и, несмотря на его возражения, возвращается во Владимир на Клязьме.

1152, осень — участвует вместе с отцом в 12-дневной осаде Чернигова, закончившейся неудачей. По сведениям поздних летописей, получает тяжёлое ранение под стенами города.

1154 — участвует в походе на Рязань. После изгнания из города князя Ростислава Ярославича занимает княжеский стол в Рязани. Вскоре, однако, Ростислав с половецкой помощью прогоняет его из города и избивает суздальскую дружину.

1155, 20 марта — Юрий Долгорукий в третий раз занимает Киев. Андрей вновь получает от отца Вышгород.

Осень — покидает отца и без его позволения уходит из Вышгорода во Владимир, забирая с собой икону Божией Матери, получившую впоследствии название Владимирской.

1157, 15 мая — смерть Юрия Долгорукого в Киеве.

4 июля — Андрей Юрьевич провозглашён князем Суздальским и Ростовским^[239].

1158, 8 апреля — Андрей закладывает во Владимире каменную соборную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и дарует ей «именья», сёла и десятину «в стадах своих и торг десятый». Заложены новые укрепления города Владимира.

Заложены укрепления города Боголюбова^[240]. На ростовскую кафедру поставлен епископ Леон.

1159, 12 мая — кончина брата Андрея князя Бориса Юрьевича^[241]. Первое изгнание епископа Леона из Ростова.

1159/60, зима — Андрей откликается на предложение о союзе князя Изяслава Давидовича: посылает своего сына Изяслава «со всем полком своим» и «муромскую помощь» на выручку племяннику Изяслава князю Святославу Владимировичу, осаждённому другими князьями во Вщиже (на реке Десне), и соглашается выдать за него замуж свою дочь.

Встреча с князем Изяславом Давыдовичем на Волоке. Оттуда Андрей направляет послание в Новгород, угрожая «искати Новгорода и добром, и лихом».

Бракосочетание дочери Андрея с князем Святославом Владимировичем Вщижским.

1160 — завершение строительства Успенского собора во Владимире.

21 июня — племянник Андрея Мстислав Ростиславич посажен на княжение в Новгород. Основание Боголюбова монастыря.

1161, 6 марта — гибель в битве на Желяни князя Изяслава Давидовича, свата Андрея.

Весна — мирный договор Андрея с киевским князем Ростиславом Мстиславичем.

23 мая (?) — обретение мощей святителя Леонтия Ростовского^[242].

Середина июня — Мстислав Ростиславич выведен из Новгорода.

30 августа — завершение росписи Успенского собора во Владимире. Второе изгнание епископа Леона из Ростова. Изгнание князем Андреем Юрьевичем за пределы княжества младших братьев, племянников, мачехи и «передних бояр» отца.

1162 — завершение строительства Успенского собора в Ростове^[243].

Около 1162 (?) — поход сына Андрея князя Изяслава Андреевича за Дон на половцев (предположительно).

Ранее 1164 — спор о постах в среду и пятницу в праздничные дни между епископом Леоном и «владыкой Феодором» перед князем Андреем Юрьевичем и «всеми людьми»^[244]. Третье изгнание Леона из Ростовской земли. Переписка между Андреем и константинопольским патриархом Лукой Хрисовергом.

1164 — освящение надвратной церкви во имя Положения Ризы Пресвятой Богородицы на Золотых воротах во Владимире. Заложена церковь Святого Спаса во Владимире^[245].

Лето — поход Андрея Боголюбского на волжских болгар.

1 августа (?) — легендарное явление «огненного луча», осенившего русское войско.

1165, 28 октября — смерть старшего сына Андрея Изяслава^[246].

1165/66 — возведение церкви Покрова на реке Нерли.

1166, 12 апреля — кончина брата Андрея князя Ярослава Юрьевича^[247]. Смерть дочери Андрея (супруги

князя Олега Святославича, сына черниговского князя Святослава Всеволодовича?).

1166/67, зима — поход князя Мстислава (сына Андрея Боголюбского?) «за Волок».

1167, 14 марта — смерть великого князя Киевского Ростислава Мстиславича.

19 мая — вокняжение в Киеве Мстислава Изяславича. Князь Владимир Мстиславич («Матешич»), дядя Мстислава Изяславича, бежит в Суздальскую землю; Андрей не принимает его, но приказывает ему идти в Рязань, к князю Глебу Ростиславичу, обещая впоследствии наделить его волостью.

Осень — Андрей оказывает военную помощь князю Святославу Ростиславичу, изгнанному из Новгорода.

Между 1167 и 1169 — установление празднования Всемилоствому Спасу и Пресвятой Богородице 1 августа.

1168, 14 апреля — на княжение в Новгород садится князь Роман Мстиславич, сын киевского князя Мстислава Изяславича.

1169, конец зимы — Андрей посылает на Киев рать одиннадцати князей во главе с сыном Мстиславом и воеводой Борисом Жидиславичем.

12 марта — взятие и последующий трёхдневный разгром Киева союзными князьями. Киевским князем, по воле Андрея, становится его младший брат Глеб.

8 мая — изгнание из Ростовской земли в Киев, на суд митрополита, «лжевладыки» Феодора (Федорца).

Столкновение суздальских отрядов, посланных Андреем для сбора дани в Заволочье, с новгородскими «данщиками».

1170, февраль — Андрей посылает войско на Новгород во главе с сыном Мстиславом и воеводой Борисом Жидиславичем.

20-е числа февраля — начало марта — Мстислав Изяславич занимает Киев.

25 февраля — поражение союзной рати Андрея под Новгородом.

13 апреля — Мстислав Изяславич уходит из Киева обратно во Владимир-Волынский.

19 августа — смерть Мстислава Изяславича во Владимире-Волынском. *Сентябрь* — переговоры Андрея с новгородцами.

4 октября — по воле Андрея новгородский стол занимает князь Рюрик Ростиславич.

1170/71 — у князя Мстислава Андреевича родился сын Василий, внук Андрея.

1171, 20 января — смерть в Киеве князя Глеба Юрьевича, брата Андрея. Позднее у Андрея возникают подозрения в том, что Глеб был отравлен.

5 февраля — на киевский стол без согласования с Андреем садится князь Владимир Мстиславич («Матешич»)^[248].

Зима (февраль — март?) — поход объединённой рати во главе с князем Мстиславом Андреевичем и воеводой Борисом Жидиславичем на волжских болгар^[249].

10 мая — смерть Владимира Мстиславича. Андрей велит идти на киевский стол князю Роману Ростиславичу Смоленскому.

Начало июля — на киевский стол по воле Андрея садится князь Роман Ростиславич.

1172, 28 марта — смерть князя Мстислава Андреевича, сына Андрея.

Конец марта — начало апреля — князь Рюрик Ростиславич покидает Новгород. Новгородцы посылают к Андрею «по князя», и тот отправляет к ним посадника Жирослава со своими боярами.

Апрель (?) — Андрей отправляет на княжение в Новгород своего малолетнего сына Юрия.

Вторая половина года — начало конфликта между князьями Ростиславичами и Андреем: Андрей требует выдать ему трёх киевских бояр, которых он подозревает

в отравлении брата Глеба, но Ростиславичи отказывают ему; в ответ Андрей приказывает братьям покинуть Южную Русь, изгоняя Романа из Киева, Давыда из Вышгорода, а Мстислава из Белгорода. Ростиславичи, в свою очередь, обвиняют Андрея в самоуправстве.

1172/73, зима — посольство новгородского архиепископа Ильи во Владимир к князю Андрею «на всю правду». Смена посадников в Новгороде.

1173, между 19 и 25 февраля — на киевский стол садится брат Андрея Всеволод (вместо другого его брата, Михалка, которому Андрей поручил киевское княжение).

24 марта — князья Ростиславичи захватывают в Киеве в плен брата Андрея Всеволода и племянника Ярополка Ростиславича. На киевское княжение садится Рюрик Ростиславич.

За этим следуют: поход Ростиславичей к Торческу и мир с Михалком Юрьевичем; требование Андрея к Ростиславичам покинуть Южную Русь, а Давыду и Мстиславу — вообще русские пределы; публичноестрижение Андреева посла, что было воспринято как тягчайшее оскорбление пославшего его князя Андрея Юрьевича.

Лето — выступление громадной рати двадцати князей, собранной Андреем, на Киев.

8 сентября — начало осады Вышгорода войсками, посланными Андреем.

Начало ноября — приход к Киеву князя Ярослава Изяславича Луцкого, его договор с князьями Ростиславичами и бегство союзной рати от Вышгорода.

1174, 11 января — смерть князя Святослава Юрьевича, брата Андрея. Андрей едет в Суздаль и лично хоронит брата.

Начало лета — посольство Ростиславичей к Андрею: братья, вспоминая о прежнем договоре, спрашивают Киев для князя Романа Ростиславича.

20 июня (?) — смерть князя Глеба Андреевича, сына Андрея^[250].

Ночь на 29 июня — убийство Андрея заговорщиками в княжеском замке в Боголюбове^[251].

1 или 2 июля — отпевание Андрея в Боголюбовской церкви. 4 июля — торжественное перенесение тела Андрея из Боголюбова во Владимир и погребение во владимирском Успенском соборе^[252].

СПИСОК КАРТ, ПОМЕЩЁННЫХ В КНИГЕ

Карта 1. Общая схема русских княжеств XII века (по И.А. Голубцову) — с. 27.

Карта 2. Владимиро-Суздальское княжество во второй половине XII — начале XIII века (по А.Н. Насонову) — с. 85.

Карта 3. План города Владимира (по Н.Н. Воронину) — с. 125.

Карта 4. Новгородская земля во второй половине XII — начале XIII века (по А.Н. Насонову) — с. 259.

Карта 5. План Новгорода (по Б.А. Колчину, с обозначением некоторых храмов) — с. 265.

Карты 1, 5 воспроизведены по изданию: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982; карты 2, 4 — по изданию: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Абаев В.И.

Абрамович Д.И.

Абу Исхак Ибрагим Ибн Мухаммед, болгар.
Абуласан, «эмир Картлийский»
Абу-л Хасан Бейхаки
Абу Хамид ал-Гарнати
Агапит, диакон константинопольский
Агафья Ростиславна, жена кн. Олега Святославича
Агнешка, жена кн. Мстислава Изяславича
Аепа Осенев, половец
Аким — см. Яким
Аксёнова А.И.
Александр Македонский
Александр Ярославич Невский, кн., св.
Алексей I Комнин, имп.
Алексей Петрович Хвост, тысяцкий
Амир-Курд Арцруни, армян.
Амори (Амальрик), кор. Иерусалимский
Анания Фёдоров
Анастасия, св.
Анастасия (?) Петровна, жена кн. Мстислава
Юрьевича (?)
Анбал Ясин, убийца Боголюбского
Андрей Первозванный, апостол
Андрей, архиеп. Критский, св.
Андрей Стратилат, св.
Андрей Юродивый, св.
Андрей Владимирович Добрый, кн.
Андрей, посол патр. Луки Хрисоверга (?)
Андриан, еп. болгарский — см. Иоанн (Адриан),
архиеп. Охридский
Андроник Комнин, имп.
Андроник Контостефан, полководец
Анна, библи.
Антоний, еп. Переяславский (?)
Антоний, еп. Черниговский, грек
Антоний, инок владимирский
Антонин, имп.

Арий, ересиарх
Аристарх, иг. Боголюбский
Аристотель Фиораванти
Арсений, иг. Космодемьянский
Арцыбашев Н.С.
Афанасий (Сахаров), еп. Ковровский, св.
Афанасьев К.Н.
Балдуин III, кор. Иерусалимский
Балдуин IV, кор. Иерусалимский
Барсуков Н.П.
Басили, грузин.
«Бастеева чадь», ковуи
Батый
Башкорд, половец
Беглюк (Белук), половец
Бела, кор. Венгерский
Бережков Н.Г.
Берхин И.
Бестужев-Рюмин К.Н.
Бибииков М.В.
Бобров А.Г.
Бойцов М.А.
Болеслав I, кн. Чешский
Большаков О.Г.
Боняк, половец
Борис Владимирович, кн., св.
Борис Всеволодкович, сын Всеволода Городенского,
кн.
Борис Михалкович (?), кн.
Борис Юрьевич, брат Боголюбского, кн.
Борис Жидиславич (Жирославич), воевода
Борис, посол рязанский
Боруцкая С.Б.
Боэмунд III, кн. Антиохийский
Бубнов С.Л.
Буганов В.И.

Булгаков М.А.
Булычёв П.В.
Вагнер Г.К.
Варганов А.Д.
Вардан Великий, армян.
Василий (Василько) Константинович, сын
Константина Всеволодовича, кн., св.
Василий Мстиславич, внук Боголюбского
Василий (Василько) Юрьевич, брат Боголюбского, кн.
Василий (Василько) Ярополчич (?), кн.
Василий (Василец), еп. Переяславский
Василь Настасьич, боярин
Васильев А.А.
Васильев С.В.
Веспасиан, имп.
Вильгельм Завоеватель
Вильгельм Тирский
Виноградов А. И., прот.
Висковатый К.
Владимир Андреевич, сын Андрея Доброго, кн.
Владимир Андреевич, сын Боголюбского (ошибочно?)
Владимир (Владимирко) Володаревич (Галицкий), кн.
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн.
Владимир Глебович, сын Глеба Юрьевича, кн.
Владимир Давыдович, сын Давыда Святославича, кн.
Владимир Игоревич, сын Игоря Святославича, кн.
Владимир Мстиславич («Матешич»), сын Мстислава
Великого, кн.
Владимир Мстиславич, сын Мстислава Изяславича,
кн.
Владимир Святославич, Креститель, вел. кн., св.
Владимир Святославич (Муромский), сын Святослава
Ярославича, кн.
Владимир Святославич, сын Святослава
Всеволодовича (Черниговского), кн.

Владимир Ярославич, сын Ярослава Владимировича
Осмомысла, кн.

Владислав II, кор. Чешский

Владислав, кн. русский (?)

Владислав Лях, воевода

Воибор Негечевич (Генечевич)

Володарь Глебович (Полоцкий), кн.

Володислав, «Янев брат», воевода

Водов В.

Воронин Н.Н.

Воронин-мл. Н.Н.

Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Великого, кн.,
св.

Всеволод Ольгович, сын Олега Святославича, вел. кн.

Всеволод Святославич, сын Святослава Ольговича,
кн.

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн.

Всеволод Ярославич, сын Ярослава Мудрого, вел. кн.

Всеволод (Всеволодко) Городенский, кн.

Всеслав Василькович (Полоцкий), кн.

Высоцкий С.А.

Вячеслав (Вацлав), чешек., св.

Вячеслав Владимирович, сын Мономаха, вел. кн.

Гавриил (Григорий), еп. Новгородский, св.

Гайдуков Н. Г.

Геннадий Гонзов, архиеп. Новгородский, св.

Георгиевский В.Т.

Георгий, митр. Киевский, грек

Георгий III, царь Грузинский

Георгий IV Наша, царь Грузинский

Георгий — см. Юрий

Герасимовы. М.

Герасимова М.М.

Герман Воята, новгородец

Гинзбург В.В.

Гиппиус А.А.

Глазков К.И.

Глеб Андреевич, сын Боголюбского, св.

Глеб Владимирович, кн., св.

Глеб Всеволодович, сын Всеволода (Городенского),
кн.

Глеб Всеславич (Минский), кн.

Глеб Ростиславич (Рязанский), сын Ростислава
Ярославича, кн.

Глеб Юрьевич, брат Боголюбского, кн.

Годфруа де Клер, ювелир

Голубинский Е.Е.

Голубцов И.А.

Горнунг М.Б.

Горский А.А.

Грат И.

Гребенюк В.П.

Гречин Петрович — см. Олисей Гречин

Григорий, тысяцкий кн. Глеба Юрьевича

Григорий Хотович, боярин

Грот К.Я.

Грушевский А.

Грушевский (Грушевський) М.С.

Гуревич А.Я.

Гусев П.Л.

Гюрята Семкович, боярин

Давид, библист.

Давид-Сослан, муж царицы Тамары

Давыд Игоревич (Волынский), внук Ярослава
Мудрого, кн.

Давыд Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича, кн.

Давыд Святославич (Черниговский), сын Святослава
Ярославича, кн.

Давыд Святославич (Рязанский), сын Святослава
Ярославича, кн.

Давыдова С.А.

Далида, библист.

Даниил Александрович, сын Александра Невского,
кн., св.

Даниил Заточник

Данилевский И.Н.

Данислав Лазутинич, новгородец

Даркевич В.П.

Дедилец, посол рязанский

Джебе, монгол

Дмитр Хоробрый, боярин

Дмитриев Л.А.

Дмитрий Иванович Донской, кн. св.

Доброхотов В.И.

Дондуа В.Д.

Дубинин А. Ф.

Евгений (Болховитинов), митр.

Евстифеев Р.В.

Евфимия, боярыня

Евфросиния (Андреевна?), жена кн.

Феодосия Черниговского (?) Евфросиния Борисовна,
княжна

Евфросиния, иг. Полоцкая, св. Екатерина II
Алексеевна, имп.

Елифан, «зверолов»

Елтук, половец

Епифаний, ученик св. Андрея

Юродивого

Еремин И.П.

Еремян С.Г.

Ефрем, еп. Переяславский, св.

Ефрем, иг. Черниговский

Ефрем Моизич, убийца Боголюбского

Жирослав (Жидислав) Славятч, воевода

Жирослав, посадник новгородский

Забелин И.Е.

Заболоцкий Н.А.

Заграевский С.В.

Зайцев А.Я.
Зализняк А.А.
Занкан Зоровавель, купец
Затилюк Я.
Захария, посадник новгородский
Заходер Б.Н.
Звягин В.Н.
Зеленин Д.К.
Зимин А.А.
Зотов Р.В.
Иаков Алфеев, апостол
Иаков Перский, св.
Ибн ал-Асир
Ибрагим, болгар (?)
Иван III Васильевич, вел. кн.
Иван IV Васильевич Грозный, царь
Иван Ростиславич Берладник, кн.
Иван Юрьевич, брат Боголюбского, кн.
Иван Яковль, посол киевский (?)
Иванко Захарьич, посадник
Иванко Творимирич, боярин
Игорь Ольгович, сын Олега Святославича, вел. кн.,
св.
Игорь Святославич (Рязанский), сын Святослава
Ярославича, кн.
Игорь Святославич (Новгород-Северский), сын
Святослава Ольговича, кн.
Изяслав Андреевич, сын Боголюбского
Изяслав Владимирович, сын Мономаха, кн.
Изяслав Глебович, сын Глеба Юрьевича, кн.
Изяслав Давыдович, сын Давыда Святославича, вел.
кн.
Изяслав Мстиславич, сын Мстислава Великого, вел.
кн.
Изяслав Ярославич, сын Ярослава Мудрого, вел. кн.
Изяслав Ярославич, сын Ярослава Изяславича, кн.

Иларион, митр. Киевский, св.
Ильин М.А.
Ильинский П.В.
Илья (Иоанн), архиеп. Новгородский, св.
Илья, посол Боголюбского
Иоаким, библ.
Иоаким — см. Яким
Иоанн Предтеча, библ.
Иоанн Богослов, апостол
Иоанн II Комнин, ими.
Иоанн IV, митр. Киевский
Иоанн, архиеп. Новгородский, св. — см. Илья (Иоанн),
архиеп. Новгородский
Иоанн (Адриан) IV Комнин, архиеп. Охридский
Иоанн, еп. Ростовский
Иоанн, гимнограф
Иоанн Киннам
Иоанн Контостефан, полководец
Иоанн, младенец владимирский
Иоанн, отрок владимирский
Иоаннисян О.М.
Иоасаф (Гапонов), иеромонах
Иона Думин, митр. Ростовский
Иосиф Тризна, архим. Печерский
Исаак Комнин, севастократор
Исайя, еп. Ростовский, св.
Иулиания, дворянка владимирская
Каган М.Д.
Кайдалов Н. А., ростовец
Карамзин И.М.
Карпов А.Ю.
Карташев А.В.
Каштанов С.М.
Кеген, печенег
Кекелидзе К.С.
Киприан, митр. Московский, св.

Кирик, новгородец
Кирилл, еп. Туровский, св.
Китай, имя Боголюбского, вымышл.
Климент, папа Римский, св.
Климент Смолятич, митр.
Клосс Б.М.
Ключевский В.О.
Кобрин В.Б.
Кобяк, половец
Колесов В.В.
Колчин Б.А.
Комарович В.Л.
Комеч А.И.
Кондаков Н.П.
Конрад III, кор. Германский
Константин I Великий, имп., св.
Константин VII Багрянородный имп.
Константин IX Мономах, имп.
Константин IV Хлиарен, патр.
Константин I, митр. Киевский, св.
Константин II, митр. Киевский
Константин Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича,
вел. кн.
Константин Безрукий, кн.
Константин Каламан (Дука), полководец
Константин Манасия, хронист
Константин Серославич, воевода
Кончак, половец
Конявская Е.Л.
Коста, ювелир
Костомаров Н.И.
Косьма, еп. Галицкий
Котляр Н.Ф.
Крастей, свящ. чешский
Кривошее Ю.В.
Кузенков П.В.

Кузьмин А.Г.
Кузьмина Л.Ф.
Кузьмище Киянин
Кулик А.
Кучка (Кучко) Стефан Иванович
Кучкин В.А.
Кылыч-Арслан, султан
Лазарь, свящ. владимирский
Лаушкин А.В.
Левин Е.
Левшун Л.В.
Леон — см. Леонтий Леонид (Кавелин), архим.
Леонтий, мученик, св.
Леонтий I, еп. Ростовский, св.
Леонтий II (Леон), еп. Ростовский, грек
Лидов А.М.
Лимонов Ю.А.
Лисова Л.С.
Литаврин Г.Г.
Литвина А.Ф.
Лихачёв Д.С.
Лосева О.В.
Лука, евангелист
Лука Хрисоверг, патр.
Лука, «демественник» владимирский
Людовик VII, кор. Французский
Майкова-Строганова В.С.
Майоров А.В.
Макарий (Булгаков), митр.
Максим, митр. Владимирский, св.
Максим Грек, св.
Максимиан, имп.
Малахов С.Н.
Малеин А.И.
Мансикка В.
Мануил I Комнин, имп.

Мануил, еп. Смоленский
Марджани Ш.
Мария, внучатая племянница имп. Мануила Комнина
Мария, жена кн. Бориса Юрьевича
Мария (?) Андреевна, дочь Боголюбского
Мария Жидиславна, игуменья
Марк, евангелист
Матфей, евангелист
Матьесен Р.
Мешко III, кн. Польский
Микула (Микулица) — см. Николай
Мильков В.В.
Митяй, претендент на Московскую митрополию
Михаил III, патр.
Михаил, митр. Киевский
Михаил Всеволодович (Черниговский), кн., св.
Михаил (Михалко) Юрьевич, брат Боголюбского, кн.
Михаил, инок Флорищевской пустыни
Михна, мечник, посол Боголюбского
Моисей, библист.
Молдован А.М.
Монгайт А.Л.
Мстислав Андреевич, сын Боголюбского
Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, кн.
Мстислав Владимирович Великий, вел. кн.
Мстислав Владимирович, сын Владимира
«Матешича»
Мстислав Всеволодович, сын Всеволода
Городенского, кн.
Мстислав Изяславич, сын Изяслава Мстиславича, вел.
кн.
Мстислав Ростиславич Храбрый, сын Ростислава
Мстиславича, кн.
Мстислав Ростиславич Безокий, сын Ростислава
Юрьевича, кн.
Мстислав Юрьевич, брат Боголюбского, кн.

Мургулия М.П.
Мхитар Гош, вардапет
Назаренко А.В.
Назаров В.
Насонов А.Н.
Наталия, св.
Настаська, любовница кн. Ярослава Осмомысла
Настасья, жена Боголюбского (вымышл.?)
Невоструев К.И.
Нежата Твердятич, посадник
Незда, «бирич»
Неревин, воевода новгородский
Нестор, еп. Ростовский
Нестор, свящ. владимирский
Нестор Бориславич (Жирославич) боярин
Никита, столпник Переяславский св.
Никита Хониат
Никитин С.А.
Никифор Фока, имп.
Николай, св.
Николай II, имп., св.
Николай ГУ Музалон, патр.
Николай, еп. Полоцкий
Николай (Микула), свящ. владимирский
Николай Верденский, ювелир
Никольский Н.К.
Нифонт, архиеп. Новгородский, св.
Новикова О.Л.
Новосельцев А.П.
Нур ад-Дин, эмир
Озария (Феофилактович), посадник (ошибочно)
Олег Вещий, кн.
Олег Святославич (Черниговский), внук Ярослава
Мудрого, кн.
Олег Святославич, сын Святослава Ольговича, кн.

Олег Святославич, сын Святослава Всеволодовича,
кн.

Олег «Настасьич», сын кн. Ярослава Осмомысла

Олекса, боярин

Олекса Святословец

Олисей Гречин (Гречин Петрович?), новгородец

Ольга, кнг., св.

Ольга (Евфросиния) Юрьевна, сестра Боголюбского,
кнг.

Ордерик Виталий

Остроумов М.А.

Отрок, половец

Офрем Моизовитин — см. Ефрем Моизич

Павел, апостол

Павлов А.С.

Пантелеймон, св.

Папаскири З. В.

Пахомий Логофет

Пашуто В.Т.

Пётр, апостол

Пётр Бориславич, боярин

Пётр, «Кучков зять», убийца Боголюбского

Пётр Кучкович (ошибочно)

Пётр Михалкович, новгородец

Пётр, царевич Ордынский, св.

Петрила, «осмянник»

Петрухин В.Я.

Пирогоща (Пирогост), купец (ошибочно?)

Писаренко Ю.Г.

Плетнёва С.А.

Плигузов А.И.

Плюханова М. Е.

Погодины. П.

Подобедова О.Я.

Подскальски Г.

Покровский Н.Н.

Поликарп, иг.
Печерский
Поликарп, инок печерский
Пономарёв А.И.
Лоппэ А.В.
Порфирий, еп. Черниговский
Поярок Карпов, дьячок
Пресняков А.Е.
Присёлков М.Д.
Прокопий, слуга Боголюбского
Протасьева Т.Н.
Прохоров Г.М.
Путята, тысяцкий киевский
Раймунд III, кн. Триполитанский
Ратин А.М.
Рене де Шатильон, кн. Антиохийский
Ришар Ж.
Рогнеда Мстиславна, дочь Мстислава Великого, кнг.
Родина М.Е.
Родион, тиун
Рождественская Т.В.
Роман, преп.
Роман IV Диоген, имп.
Роман Андреевич (?), сын Боголюбского (ошибочно)
Роман Глебович, сын Глеба Ростиславича, кн.
Роман Мстиславич, сын Мстислава Изяславича, кн.
Роман Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича, кн.
Ростислав Всеволодович, сын Всеволода Ярославича,
кн.
Ростислав Мстиславич, сын Мстислава Великого, вел.
кн.
Ростислав Рюрикович, сын Рюрика Ростиславича, кн.
Ростислав Юрьевич, брат Боголюбского, кн.
Ростислав Ярославич (Рязанский), сын Ярослава
Святославича, кн.
Ростислава (?) Андреевна, дочь Боголюбского

Рохлин Д.Г.

Рубрук Гильом

Русакова Ю.М.

Русудан, тётка царицы Тамары, груз.

Рыбаков Б.А.

Рюрик Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича, вел. кн.

Савалат — см. Всеволод Юрьевич кн. Савва, новгородец

Савельева Н.В.

Савл, свящ. киевский (?)

Салават, половец

Саладин (Салах ад-Дин)

Салмина М.А.

Самойлова Т.Е.

Самсон, библия.

Сбыслав Жирославич, боярин

Свердлов М.Б.

Святополк Владимирович (Ярополчич) Окаянный, кн.

Святополк Изяславич, сын Изяслава Ярославича, вел. кн.

Святополк Юрьевич, сын Юрия Ярославича, кн.

Святослав Владимирович, сын Мономаха, кн.

Святослав Владимирович (Вщижский), сын Владимира Давидовича, кн.

Святослав Всеволодович, сын Всеволода Ольговича, вел. кн.

Святослав (Святоша) Давыдович, св.

Святослав Игоревич, кн.

Святослав Мстиславич, сын Мстислава Ростиславича Безокого, кн.

Святослав Ольгович, сын Олега Святославича (Черниговского), кн.

Святослав (Борис) Ольгович, сын Олега Святославича, кн.

Святослав Ростиславич, сын Ростислава
Мстиславича, кн.

Святослав Юрьевич, брат Боголюбского, кн.

Святослав Ярославич, сын Ярослава Мудрого, вел. кн.

Святослав Ярославич, сын Ярослава Святославича,
кн.

Святский Д.О.

Севенч Бонякович, половец

Семетенко Г.В.

Семьон (Симеон), духовник кн. Ростислава
Мстиславича

Серапион (Фадеев), архиеп. Владимиро-Суздальский
Сергий, патр.

Сергий, иг. Боголюбский

Сергий (Спасский), архиеп.

Серебрянский Н.И.

Сибилла, сестра кор. Балдуина IV

Сильвестр, патр. (?)

Симеон, еп. Тверской

Симеон, иг. Андреевский

Симон, еп. Владимиро-Суздальский, св.

Сиренов А.В.

Скржинская Е.Ч.

Славята, воевода

Смирницкая О.А.

Смирнов С.И.

Смирнова Э.С.

Снорри Стурлусон, скальд

Соколов А. Н., прот.

Соколов Пл.

Соколова Л.В.

Соловьёве. М.

Соловьёв Я.А.

Соловьёва М.Н.

Соломон, библист.

Станюкович А.К.

Старостина И.П.
Стеблин-Каменский М.И.
Степаненко В.П.
Степанец, приближённый кн. Глеба Юрьевича
Степанос Орбелян, армян.
Стерлигова И.А.
Стефан, архиеп. Суздальский
Стефан, еп. Владимиро-Волынский
Стефан III, кор. Венгерский
Столярова Л.В.
Строев П. М.
Субедей, монгол
Судислав Владимирович, брат
Ярослава Мудрого, кн.
Сумникова Т.А.
Талыч, «царевич» татар.
Тамара (Тамар), царица Грузинская, св.
Татищев В.Н.
Творогов О.В.
Темир-Аксак — см. Тимур
Темир-Хозя, воевода (?)
Тимофеева Т.П.
Тимофей Савёлов, воевода
Тимур (Тамерлан, Темир-Аксак)
Тиндарида, греч.
Титов А.А.
Тихомиров М.Л.
Тихонов А.К.
Толочко А.П.
Толочко П.П.
Толстой М.В.
Тудор, новгородец (?)
Турилов А.А.
Туторский В.
Улита Кучковна, жена Боголюбского(?)
Ундольский В.М.

Успенский Ф.Б.
Фатимиды, египет.
Фахрутдинов Р.Г.
Федотова М.А.
Феодор Стратилат, св.
Феодор, митр. Киевский
Феодор, еп. Переяславский (?)
Феодор (Федорец, «Белый Клобучок»), «лжеепископ»
Феодор «Рос» (?)
Феодора, племянница имп. Мануила Комнина
Феодосии (?), кн. Черниговский (?)
Феодосии I, иг. Печерский, св.
Феодосии II, иг. Печерский, грек
Феодосии, иг. Владимирский
Феодул, иг. Владимирский
Феофано, жена имп. Никифора Фоки
Фет Е.А.
Филимонов Г.Д.
Филипповский Г.Ю.
Флоренский Л.В.
Флоровский А.В.
Фотий, патр.
Фридрикус, ювелир
Фридрих I Барбаросса, имп.
Фроянов И.Я.
Фурман М.А.
Халдеева Л.И.
Херлуин (Герлюэн), рыцарь
Хорошев А.С.
Чагровичи, берендеи
Чижев Тр., прот.
Шамбинаго С.К.
Шахматов А.А.
Шестаков С.Л.
Шилов А.А.
Шишкин И.В.

Шмидт С.О.

Шота Руставели

Шпилевский С.М.

Шушарин В.П.

Щапов Я.Л.

Щенникова Л.А.

Эмин М.

Этинггоф О.Е.

Юрганов А.Л.

Юрий (Георгий) Андреевич, сын Боголюбского

Юрий Владимирович Долгорукий, вел. кн.

Юрий Владимирович (Муромский), сын Владимира
Святославича, кн.

Юрий Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича
Большое Гнездо, кн., св.

Юрий Ярославич, сын Ярослава Святополчича, кн.

Юрченко А. И., диакон

Юстиниан, имп.

Яким Кучкович, убийца Боголюбского

Яков Дигеневич, боярин (?)

Яков Станиславич, посол (?)

Якун (Андреевич?), посадник

Якун (Мирославич), посадник

Янин В.Л.

Ярополк Владимирович, сын Мономаха, вел. кн.

Ярополк Изяславич, сын Изяслава Ярославича, кн.,
св.

Ярополк Изяславич, сын Изяслава Мстиславича, кн.

Ярополк Романович, сын Романа Ростиславича, кн.

Ярополк Ростиславич, сын Ростислава Юрьевича, кн.

Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн., св.

Ярослав Владимирович Осмомысл, кн.

Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Ольговича, кн.

Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича
Большое Гнездо, кн.

Ярослав Изяславич (Луцкий), сын

Изяслава Мстиславича, кн.
Ярослав Мстиславич Красный
сын Мстислава Юрьевича, кн.
Ярослав (Ярославец) Святополчич, сын Святополка
Изяславича, кн.
Ярослав Юрьевич, брат Боголюбского, кн.
Ярослав Ярополчич, сын Ярополка Святополчича, кн.
Eke R.
Hurwitz E. S.
Poppe A. — см. Поппэ А.В.
Printing G.
Sevcenko I.

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Апракос Мстислава Великого
«А се имена всем градом русским...»
«А се князи Великаго Новагорода»
«А се князи русьстии»
«А ся съдеа в лето 6672-я»
Берестяные грамоты
Великие минеи четьи митр. Макария
«Вопрошание» Кирика
«Воспоминание бывшего знамения и чудесе
Пресвятой Богородицы»
Грамота Андрея Боголюбского Киевскому
Печерскому монастырю (подложная)
Грамота царя Ивана Грозного владимирскому
Успенскому собору
Грамота патр. Луки Хрисоверга кн. Андрею
Боголюбскому
Граффити киевского Софийского собора

Житие кн. Александра Невского (в редакции Ионы Думина)

Житие кн. Андрея Боголюбского

— в редакции Степенной книги

— «церковная переделка»

— XVIII века

— Сокращённая редакция

Житие св. Андрея Юродивого

Житие кн. Владимира (проложное)

Житие кн. Вячеслава Чешского

Житие кн. Георгия (Юрия) Всеволодовича

Житие кн. Глеба Андреевича

Житие преп. Евфросинии Полоцкой

Житие св. Иоанна Новгородского

Житие св. Исаяи Ростовского

Житие св. Кирилла Туровского

Житие св. Леонтия Ростовского

Житие св. Никиты Переяславского

Житие кнг. Ольги (проложное)

Замойский сборник

«Заповедь святых отец к исповедающимся сыном и дочерем»

«Заповедь святых отец кануном и праздником, како говети всем христианам правоверным» — см. Слово о празднике Всемиловитовому Спасу и Пресвятой Богородице 1 августа

«Изборник» 1076 г.

«Иконописный подлинник»

«Казанская история»

«Канон молитвенный» Кирилла Туровского

Канон Пресвятой Богородице

Киево-Печерский патерик — см.

Патерик Киевского Печерского монастыря Киевский Синопис

«Летописец Андрея Боголюбского» (гипотетический)

«Летописец Владимирского собора»

«Летописец Литовский» Даниловича
Летописи

- Авраамки
- Академическая (Московско-Академическая)
- Архангелогородский летописец
- см. Устюжский летописный свод
- Болыпаковская
- Владимирский летописец
- Владимирский Краткий летописец
- Воскресенская
- Густынская
- Ермолаевская (Ермолаевский список Ипатьевской)
- Ермолинская
- Ипатьевская
- Киевская — см. Ипатьевская
- Лаврентьевская
- Лаптевский том Никоновской
- Лицевой летописный свод
- Львовская
- Московско-Академическая — см. Академическая
- Московский летописный свод конца XV в.
- Никоновская
- Новгородская Первая старшего извода
- Новгородская Первая младшего извода
- Новгородская Четвёртая
- Новгородская Карамзинская
- Новгородско-Софийский летописный свод
(гипотетический)
- Павла епископа
- Переяславля Суздальского летописец
- Погодинская (№ 1596)
- Поярка Карпова летописец — см. Синодальная (№ 964)
- Псковская Вторая
- Радзивилловская
- Рогожский летописец

- Симеоновская
- Синодальная (№ 964)
- Софийская Первая
- Софийская Первая по списку И.Н. Царского
- Софийская Вторая
- Суздальская — см. Лаврентьевская
- Супрасльская
- Тверская (Тверской летописный сборник)
- Типографская
- Троицкая
- Устюжский летописный свод
- Хлебниковская (Хлебниковский список Ипатьевской)
- Летопись Боголюбова монастыря
- Любечский синодик
- Месяцесловы
- Милютинские четьи минеи
- «Минея новым чудотворцам» 1494 г.
- «Моление» Даниила Заточника — см. «Слово» Даниила Заточника
- «Молитва» Владимира Мономаха — см. «Поучение» Владимира Мономаха
- «Надгробные листы» владимирского Успенского собора
- «О ризе»
- Описи Владимирского собора
- Ответы митр. Георгия на вопросы игумена Германа
- Патерик Киевского Печерского монастыря
- в редакции Иосифа Тризны
- Письмо Владимира Мономаха князю Олегу Черниговскому — см. «Поучение» Владимира Мономаха
- «Повесть временных лет»
- «Повесть на сретение чудотворного образа Божьей Матери» («Повесть о Темир-Аксаке»)
- Повесть о взятии крестоносцами Константинополя
- «Повесть о начале Москвы»

«Повесть о происхождении честного креста месяца августа в 1 день» — см. Никоновская летопись

«Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» — см. Житие св. Иоанна Новгородского

Повесть об убиении Андрея Боголюбского — см. Летописи Ипатьевская (пространная версия), Лаврентьевская (краткая)

«Повесть о царе Дариане»

«Покаянный канон» Андрея Критского

Послание епископа Симона Поликарпу — см. Патерик Киевского Печерского монастыря

Послания Феодосия Печерского князю Изяславу

«Поучение» Агапита

«Поучение» Владимира Мономаха

Похвала князю Ростиславу Метиславичу

«Правило» митр. Максима

«Притча о теле и душе и о воскресении мёртвых» (проложная)

«Притча о человеческой душе и о теле» Кирилла Туровского — см. «Слово о слепце и хромце»

Пролог

«Русская Правда»

Сборник митрополичьих грамот (Син. № 562)

Синодик Боголюбского монастыря

Сказание о Борисе и Глебе

«Сказание о верных святых князьях русских»

Сказание об освящении церкви Св. Георгия в Киеве (проложное)

Сказание об освящении Десятинной церкви (проложное)

Сказание о перенесении мощей св. Николая Мирликийского (проложное)

«Сказание о убиении святого благоверного великого князя Андрея Георгиевича Боголюбского» — см. Житие кн. Андрея (в редакции Степенной книги)

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы»

Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери

Слово Даниила Заточника

«Слово на обновление Десятинной церкви»

Слово на Покров («О видении святого Андрея и Епифана») (проложное)

«Слово на собор святых отец» Кирилла Туровского

«Слово о внесении телесе святого в новую церковь»

— см. Житие св. Леонтия Ростовского

«Слово о законе и благодати» митр. Илариона

«Слово о Знамени Пресвятой Богородицы»

«Слово о князьях»

Слово о милости Божий Андрея Боголюбского

«Слово о гибели земли Русской»

«Слово о полку Игореве»

Слово о празднике Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице 1 августа

«Слово о расслабленном» Кирилла Туровского

«Слово о слепце и хромце» Кирилла Туровского

Слово похвальное на Покров

Служба св. Андрею Боголюбскому

Служба св. Глебу Владимирскому

Служба на праздник Воздвижения честного Креста

Служба на праздник Знамения от иконы Божьей Матери

Служба на праздник Покрова

Степенная книга царского родословия

Студийский устав

Триодь постная

«Убиение святого князя Андрея Боголюбского» — см. Житие кн. Андрея («церковная переделка»)

Устав князя Всеволода Мстиславича

Устав о церковных судах Ярослава Мудрого

Устав церковный князя Владимира

Уставная грамота кн. Ростислава Смоленского
Уставная грамота кн. Святослава Ольговича
«Хроника» Георгия Амартола
«Хроника» Константина Манассии
Хронограф Русский 1512 года
«Чудо св. Климента, папы Римского, о отрочати»

ИЛЛЮСТРАЦИИ

**Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский.
Современная икона**

**Великий князь Владимир Всеволодович Мономах. Портрет из
«Титулярника» 1672г.**

**Великий князь Юрий Владимирович Долгорукий. Портрет из
«Титулярника» 1672 г.**

***Суздаль. Вид на музей деревянного зодчества на месте древнего
Дмитриевского монастыря***

спісочелікомъ и кляфею до рани помощь .

И з апроукоу мѣстѣи и разбегоша вси
ратнии ѿ него . и не щекѣ преда бы ѿ не
тѣи и единъ ѿ трокоу бѣи нѣ бы то
гда . з а б о тѣи ѿ трока и тѣи кѣдѣ бы
шаси тогда . и зѣдѣи единъ ѿ троко
на оу и з о л е н о к рѣ сп о е . о цѣ же с о к нѣ
целникъ ѿ бы плади мѣи ма н о м а шѣ . и дѣ

**Подвиги Андрея Боголюбского в битве под Луцком в феврале 1150 года: «И взя в руку меч свой, и разбегошася вси ратнии от него...»
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.**

Владимирская икона Божией Матери. Византия. XII в.

Андрей переносит икону во Владимир и украшает её. Миниатюра
 Радзивилловской летописи. XV в.

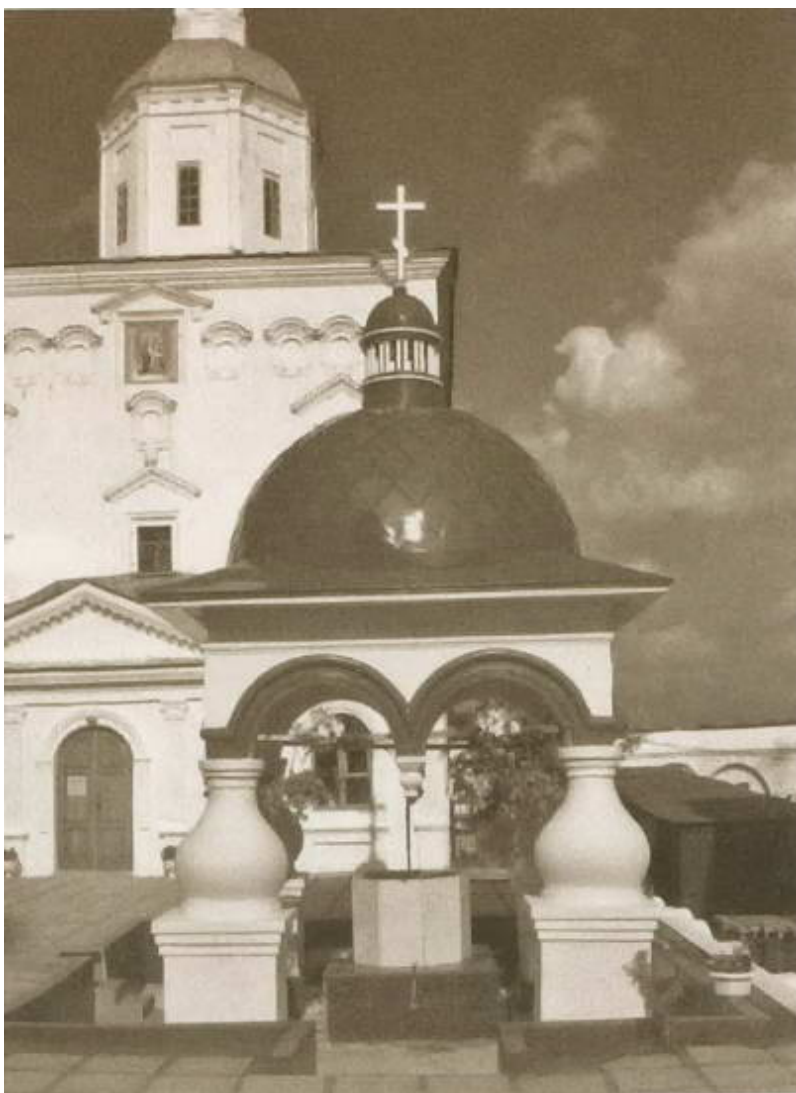
Ростовцы и суздальцы, «сдумавше вси», сажают Андрея Юрьевича на княжеский стол. Миниатюра Радзивилловской летописи

Боголюбская икона Божией Матери. XII в.

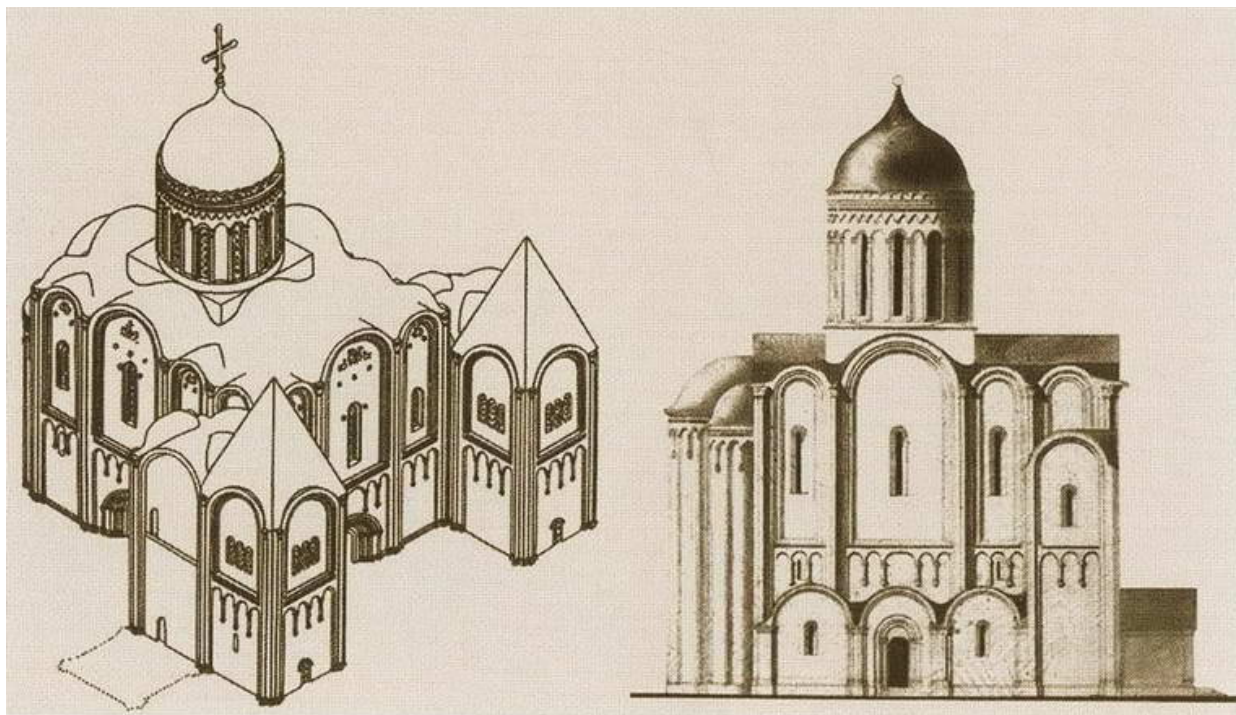
Явление Божией Матери князю Андрею Юрьевичу. Икона. XVII в.

Киворий — часовня XVII века в Свято-Боголюбском Рождественском монастыре. По преданию, на этом месте произошло явление Божией Матери князю Андрею Юрьевичу

Успенский собор во Владимире. Современный вид

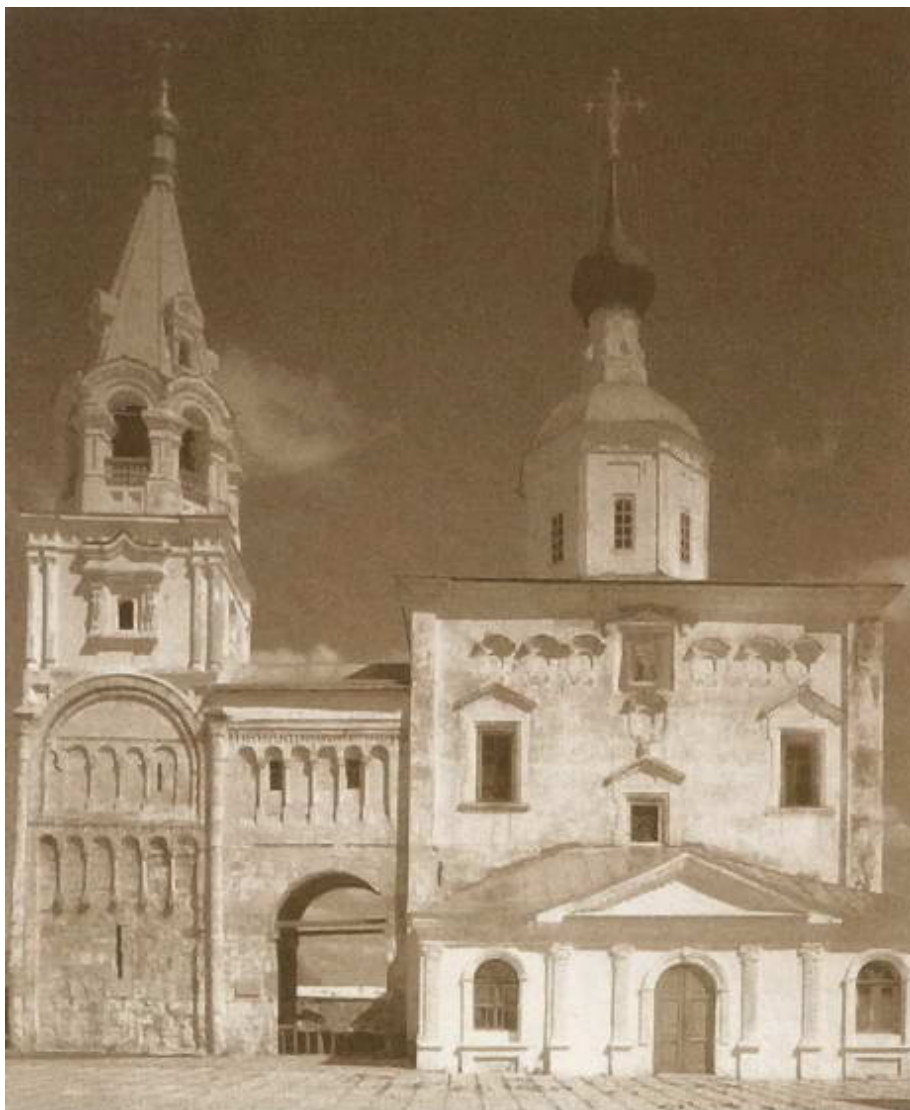
**Варианты реконструкции первоначального вида Успенского собора
Андрея Боголюбского. Слева — Н.Н. Воронина; справа — А.В.
Столетова**

***Золотые ворота города Владимира с надвратной церковью
Ризоположения. Современный вид***

**Строительство Успенского собора во Владимире. Миниатюра
Радзивилловской летописи**

Церковь Рождества Богородицы Боголюбского монастыря (XVIII век). Лестничная башня княжеского замка (под колокольней) и переход сохранились со времён Андрея Боголюбского

Собор Рождества Богородицы и княжеский замок в XII веке. Вариант реконструкции Н.Н. Воронина

Милосердие Андрея Боголюбского: «Нищих же и прокаженных толико возлюби...» Миниатюра Лицевого летописного свода

Большой сион московского Успенского собора. Нижняя часть (с изображениями апостолов) сохранилась со времён Андрея Боголюбского

Княжеский знак Андрея Боголюбского

«Наплечники Андрея Боголюбского»: левый с изображением сцены Распятия и правый с изображением Воскресения Христова. Работа западноевропейского мастера XII в.

соушедомашнѣ. И лѣтнѣно и лоукашнѣ
глаголюхъ моему. и тако соудъ боуша
и съорнша его зъраю. соки земли не да
поуторѣи чѣ. и соки земли не да
еури чѣ. и соки земли не да
и прѣи ми моужнѣца есо :

И тако изгна братию свою хотѣ единѣ
быти властель во всей Ростовской
и суздальской землѣ. и не прѣжнѣ

Изгнание Андреем Боголюбским младших братьев, племянников и отцовских бояр из Владимирской земли: «И тако изгна братию свою, хотя един быти властель во всей Ростовской и Суздальской земле...»

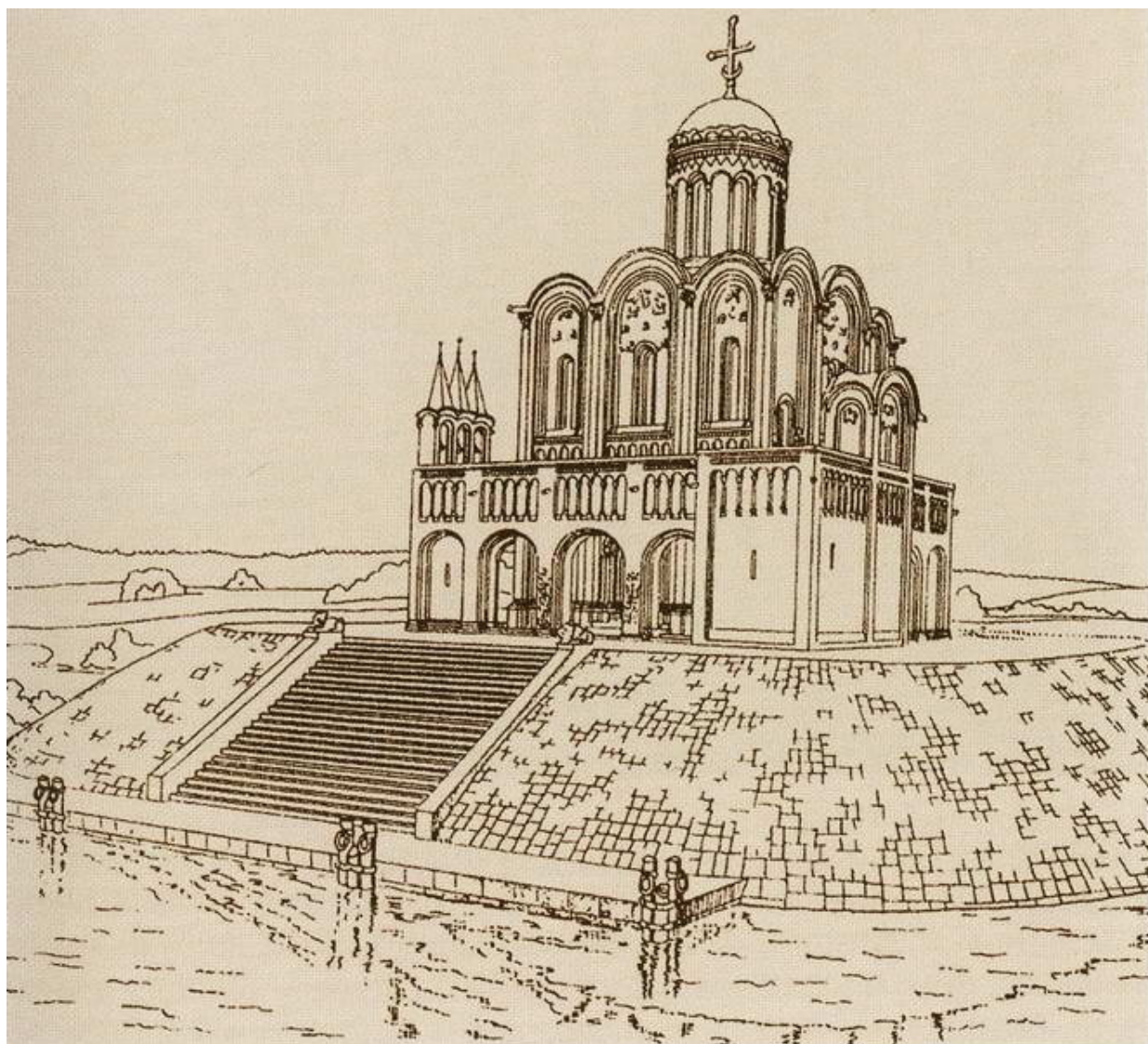
Миниатюра Лицевого летописного свода

Церковь Покрова на Нерли. Современный вид. Фото С.В. Карповой

***Белокаменный крест с надписью Похвалы кресту, поставленный
князем Андреем Юрьевичем в устье реки Нерли***

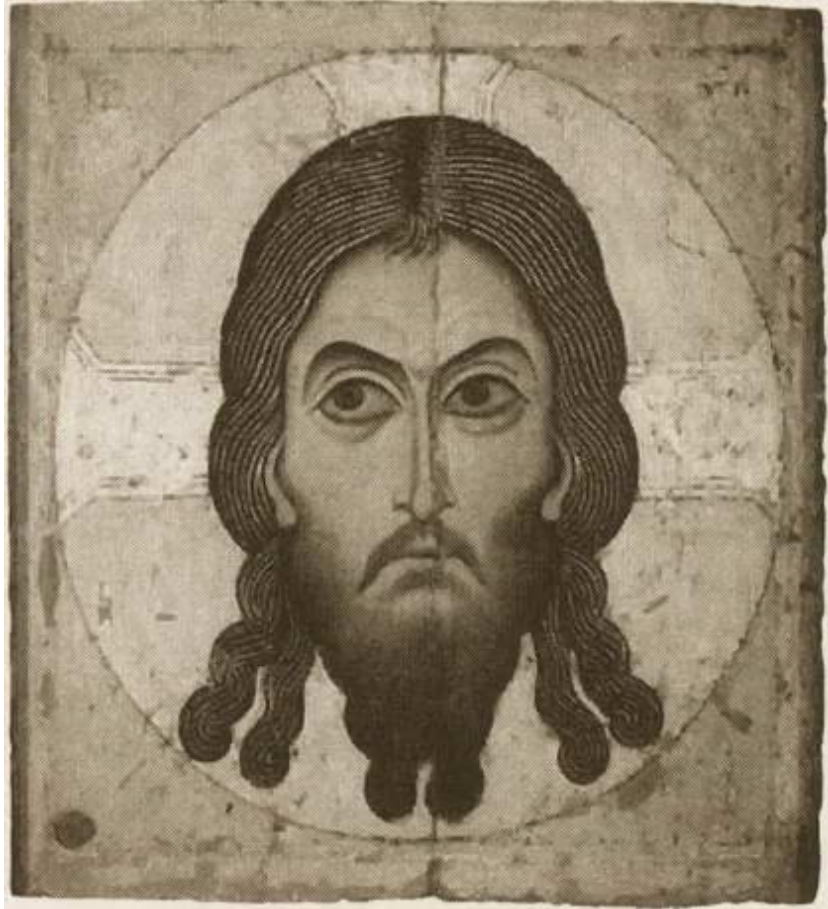
Первоначальный вид церкви Покрова на Нерли. Реконструкция Н.Н. Воронина

**Апостол Андрей Первозванный и святой князь Андрей Боголюбский.
Икона XVII в. Копия из церкви Рождества Богородицы Боголюбского
монастыря**

***Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Антропологическая
реконструкция М.М. Герасимова***

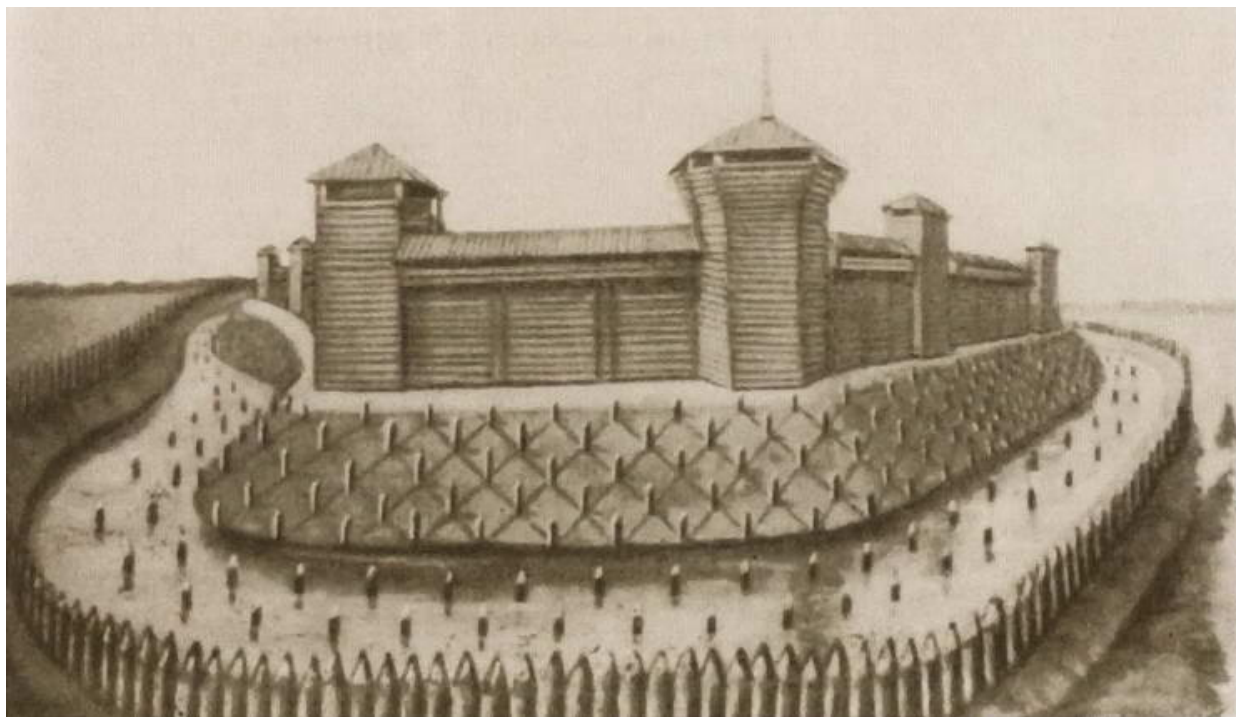
Спас Нерукотворный. Икона. XII в.

***Прославление креста. Обратная сторона иконы Спаса
Нерукотворного. XII в.***

**Победа войска Андрея Боголюбского над болгарами. Миниатюра
Радзивилловской летописи**

***Оборонительные укрепления волжских болгар. Город Сувар.
Реконструкция А.П. Смирнова***

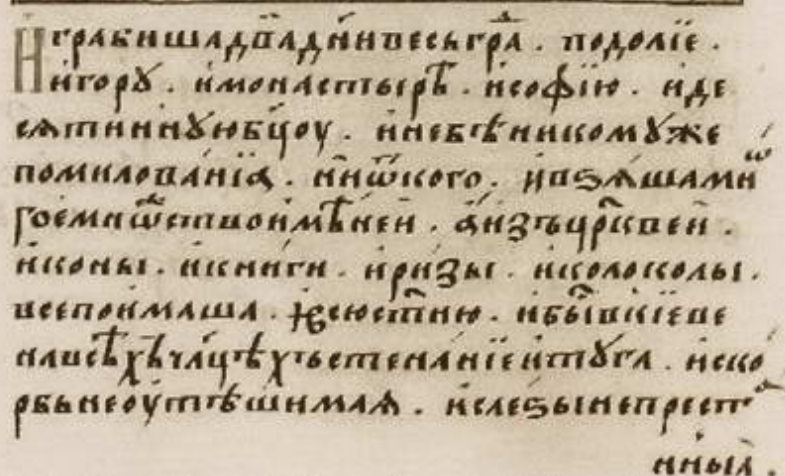
Прославление Владимирской иконы, совершившей «чудо новое» во время похода русских войск на Волжскую Болгарию. Миниатюра Радзивилловской летописи

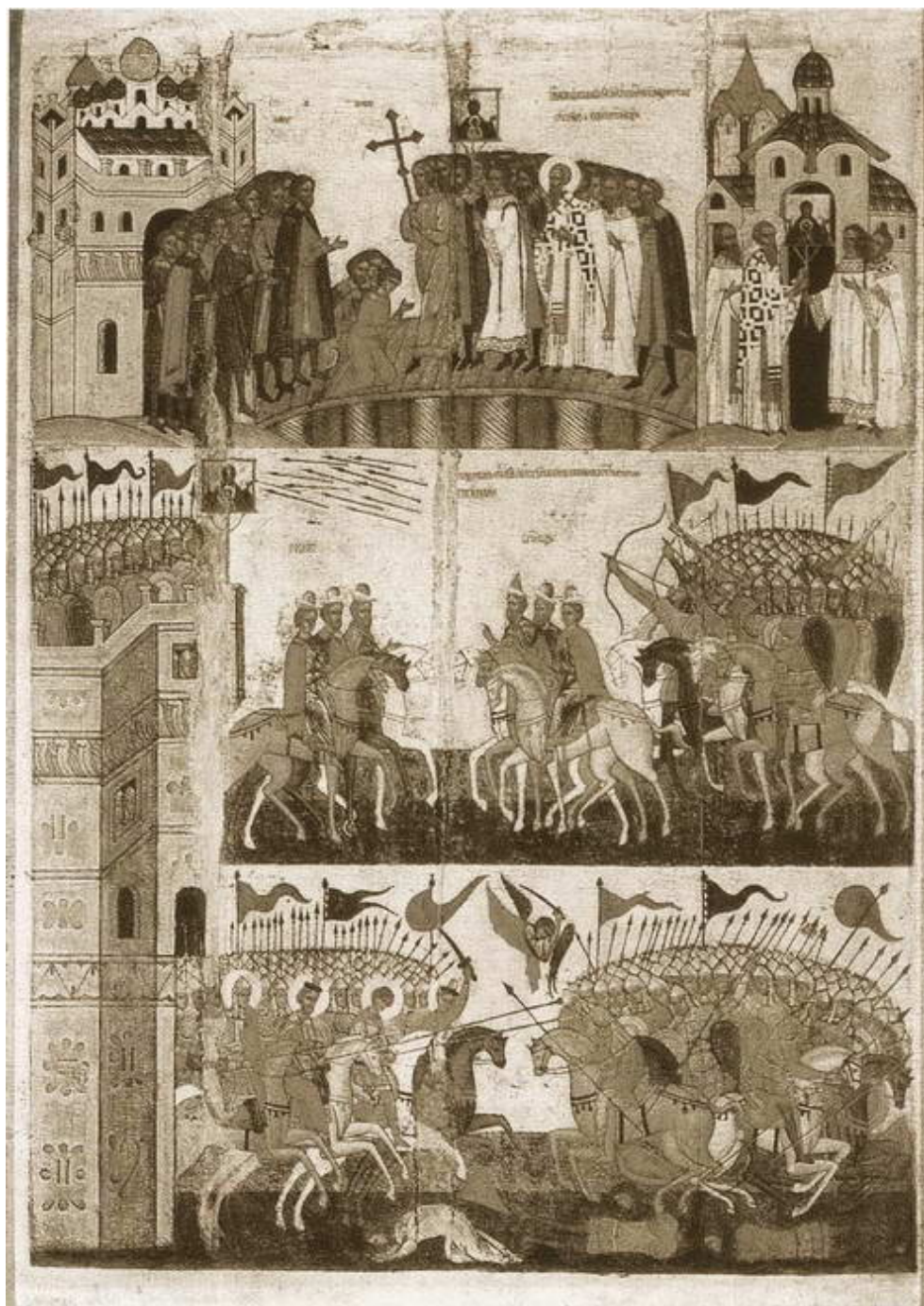
***Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Фрагмент настенной росписи
Архангельского собора Московского Кремля. 1652-1666 гг.***

Декоративный топорик XII века («топорик Андрея Боголюбского»).
Лицевая и оборотная стороны

***Разорение Киева «ратью одиннадцати князей»: «И грабиша два дни
весь град... и не бе никому же помилованиа...» Миниатюра Лицевого
летописного свода***

Чудо от иконы Божией Матери «Знамение» в Новгороде. Икона. 60-е гг. XV в.

Икона Божией Матери «Знамение». Середина XII в. Новгород

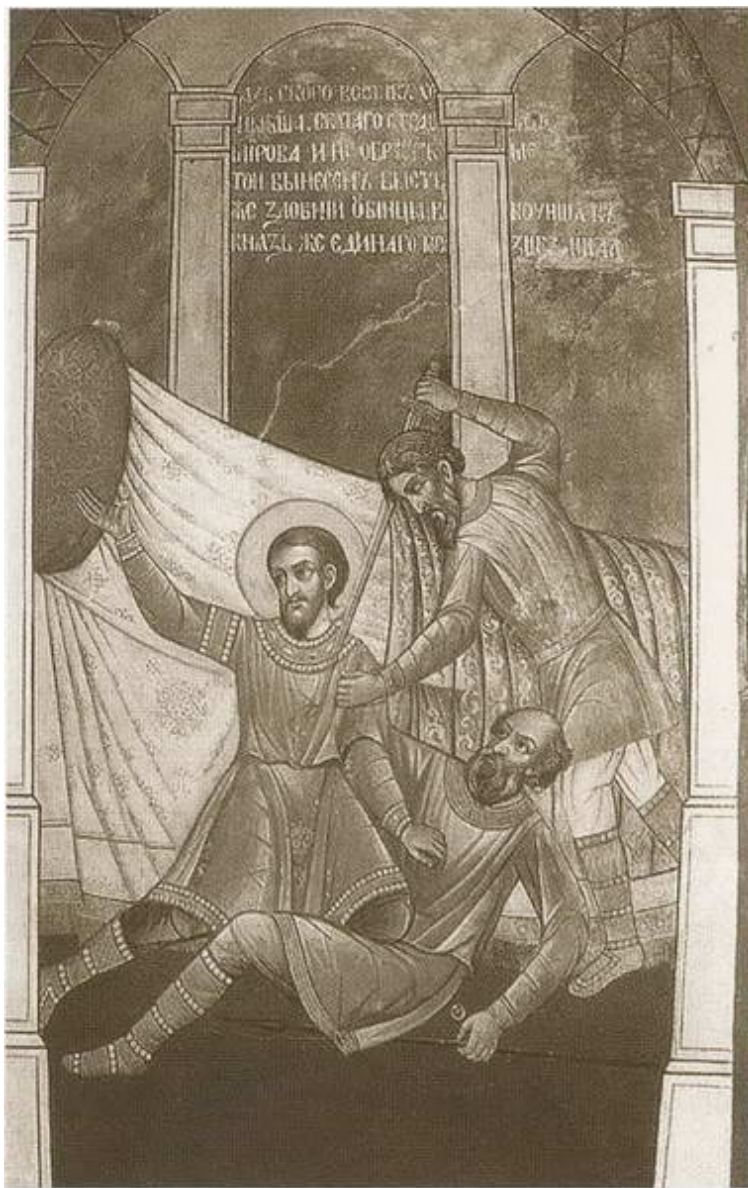
Князь Андрей Юрьевич хоронит сына Мстислава: «Преставился князь Мстислав Андреевич Боголюбскаго... и положиша его в церкви Святыя Богородицы в Володимери...» Миниатюра Лицевого летописного свода

Святые благоверные князья Андрей Боголюбский, Георгий Всеволодович и Глеб Андреевич. Икона. Конец XIX — начало XX в. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Осада Вышгорода и бегство суздальской рати от города. Миниатюра Радзивилловской летописи

**Князь Андрей Юрьевич борется с нападшими на него убийцами.
Роспись лестничной башни княжеского замка в Боголюбском
монастыре. Л.И. Париков. 1890-е гг.**

**Убийцы врываются в княжескую опочивальню. Миниатюра
Радзивилловской летописи**

**Убийство Андрея Боголюбского. Роспись лестничной башни
княжеского замка**

Убийство Андрея Боголюбского. Миниатюра Радзивилловской летописи

Ниша лестничной башни княжеского замка Боголюбского монастыря. Здесь в ночь на 29 июня 1174 года был убит князь Андрей Юрьевич Боголюбский

Убийство Андрея Боголюбского. Слева изображена княгиня (?), держащая отрубленную руку князя. Миниатюра Радзивилловской летописи

Часовня Боголюбского монастыря, поставленная на том месте, где, по преданию, в течение нескольких дней лежало тело убитого князя

Погромы и убийства в Боголюбове после смерти князя. Миниатюра Радзивилловской летописи

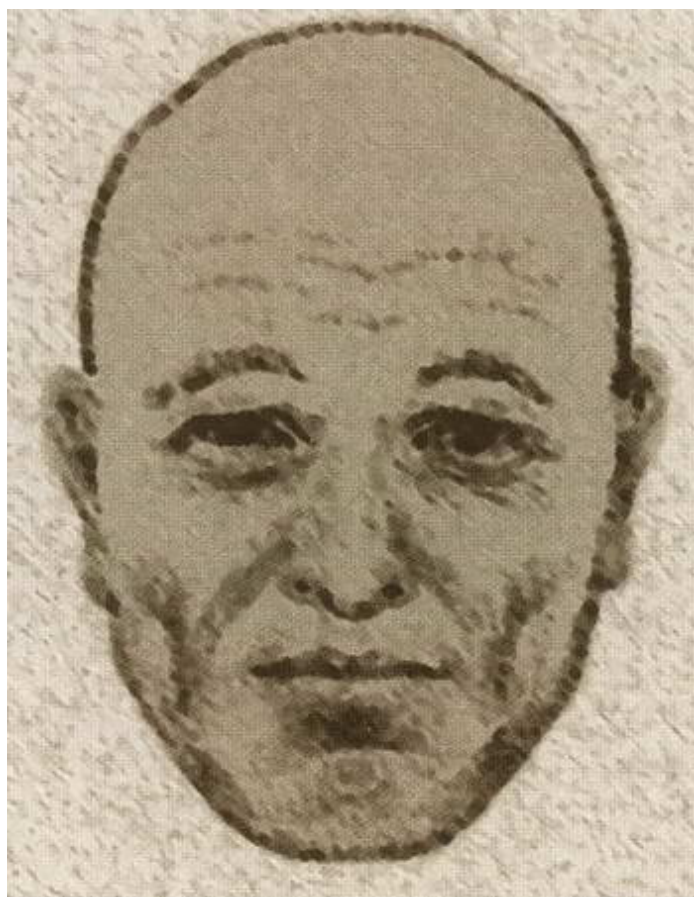
***Кузьмище Киянин с телом убитого князя. Роспись лестничной башни
княжеского замка***

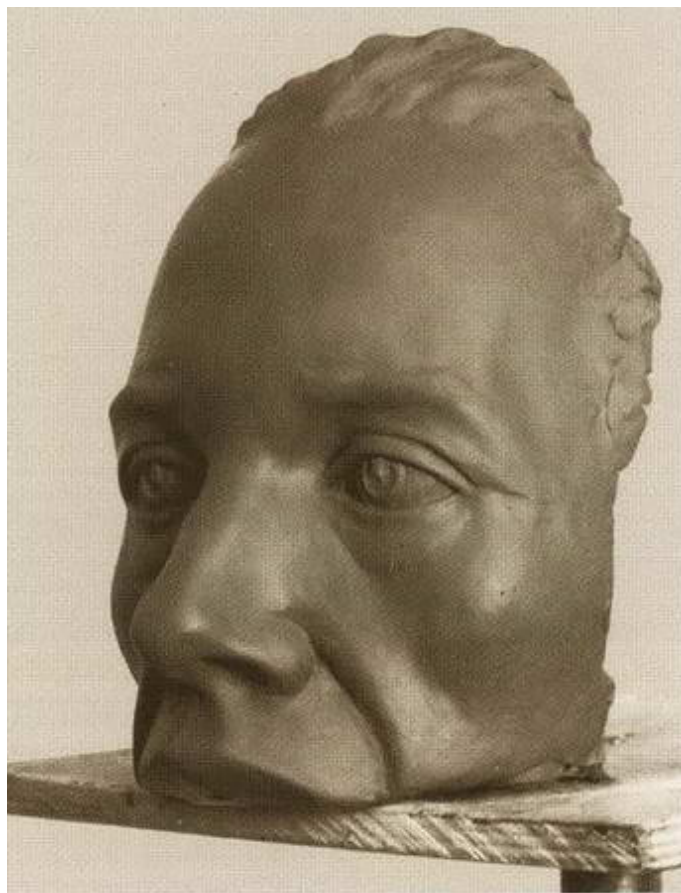
**Положение тела Андрея Боголюбского во гроб. Миниатюра
Радзивилловской летописи**

***Погребение Андрея Боголюбского. Роспись лестничной башни
княжеского замка***

***Компьютерная реконструкция внешнего облика Андрея
Боголюбского. Выполнена В.Н. Звягиным***

Антропологическая реконструкция внешнего облика Андрея Боголюбского. Фрагмент. Выполнена С.А. Никитиным

***Рака с мощами святого благоверного князя Андрея Боголюбского во
владимирском Успенском соборе***

notes

Примечания

1

Николай Иванович Глазков (1919–1979).

Заметим, что указание на возраст Андрея Боголюбского отсутствует в первой редакции «Истории» Татищева и имеется только во второй, более поздней, причём, что важно, не во всех списках, т. е. было вставлено Татищевым позднее написания основного текста.

Известно, что Юрий, шестой сын Владимира Мономаха, был значительно младше его пятого сына Вячеслава. «Яз тебе старей есмь не малом, но многом, — говорил сам Вячеслав Юрию в 1151 г., — аз уже бородат, а ты ся еси родил» (т. е. «я уже бородат был, когда ты родился») (ПСРЛ.Т. 2. Стб. 430). И если Вячеслав родился не ранее 1081 г. (ср.: *Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // *Россия в средние века и новое время. Сб. статей к 70-летию В.В. Милова.* М., 1999. С. 61–63), то Юрий не мог появиться на свет ранее 1095/96 г. Ноиврядли позднее 1096 г., поскольку в 1108 г., напомню, он женился, т. е., по меркам древней Руси, считался совершеннолетним.

Об имени «Китай», якобы полученном Андреем Боголюбским при рождении.

В исторической, равно как и в церковной литературе нередко утверждается, что князь Андрей Юрьевич, помимо крестильного, носил ещё одно имя — Китай, которое обычно объясняют половецким происхождением его матери (см., напр.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 2–3. М.: Наука, 1991. Т. 3. С. 522, прим. 26; *Миней. Июль. Ч. 1.* М.: Изд. совет Русской Православной церкви, 2002. С. 280; *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей... С. 12, прим., 473–474, прим.; и мн. др.). Однако это имя появляется впервые в источнике не просто позднем, но безусловно сфальсифицированном — поддельной грамоте князя Андрея Юрьевича Боголюбского Киевскому Печерскому монастырю: «Се аз, великий князь Китай, нареченный в святом крещении Андрей Юрьевич, внук Володимиров Мономахов, правнук же Изяславов (так! — *А. К.*)...», или, в другом списке: «Се аз, великий князь Андрей, по мирску Китай Юрьевич...» (см.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок... Киев, 1826. Прибавление 1. С. 1; *Затилук Я.* Грамота Ащмя Боголюбського Києво-Печерському монастирю // *Ruthenica*. Вип. 7. Киев, 2008. С. 231; о других списках грамоты: *Русакова Ю.М.* Источниковедческий аспект исследования «Грамоты» князя Андрея Боголюбского: Обзор списков сфальсифицированного документа // *Мир в новое время. Сб. материалов Восьмой конференции студентов, аспирантов и молодых учёных по проблемам мировой истории XVI–XXI вв.* СПб., 2006. С. 165–170). То, что

грамота была сфальсифицирована (предположительно, в XVI в.), сомнений не вызывает; в общих чертах ясны и мотивы фальсификации (см. хотя бы: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 302–303). Но каким образом в неё попало имя Китай? Как полагает С.М. Каштанов, это могло произойти в результате визита печерских старцев в 1583 и 1585 гг. в Москву, «где они услышали название “Китай-город” и своеобразно использовали его при составлении грамоты» (*Каштанов С.М.* Об авторстве подложной грамоты Андрея Боголюбского Киево-Печерскому монастырю // Восточная Европа в древности и средневековье. XXI Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2009. С. 127). Думаю, что скорее стоило бы обратить внимание на название Китаевской пустыни (Китаевского монастыря) близ Киева, которое могло дать импульс появлению легенды. (Не случайно в Киеве распространено мнение, что именно в районе этой пустыни якобы находился дворец Андрея Боголюбского.) Но в любом случае «мирское» имя «Китай Юрьевич» надо признать такой же несообразностью документа, как и имена «прадеда» Андрея князя Изяслава Ярославича (вместо Всеволода) и константинопольского патриарха «Кир Сильвестра», будто бы благословившего княжеское пожалование (такого патриарха во времена Боголюбского не существовало), или сам факт киевского княжения Андрея и его присутствие в Киеве во время смерти отца. Между тем имя Китай применительно к Андрею Боголюбскому попало из текста грамоты в другие позднейшие сочинения — в частности, в Киевский Синописис XVII в. (Киевский синописис, или Краткое собрание от различных летописцев. Киев, 1836. С. 114) и один из вариантов «Повести о начале Москвы» (в списке третьей четверти XVIII в.), где по имени «Андрея Боголюбиваго... его же прежде бысть имя Китай дано»,

получает название построенный Юрием Долгоруким «град мал деревян», т. е. в данном случае Китай-город в Москве (Повести о начале Москвы / Исслед. и подг. текстов М.А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 197–198), а также в надпись на серебряной гробнице князя во владимирском Успенском соборе (*Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском. С. 30).

Здесь же следует сказать ещё об одной черте Андрея Боголюбского, гипотетически приписываемой ему на основании изучения его костных останков. Д.Г. Рохлин и В.С. Майкова-Строганова отмечали, что «проявления старения» князя «частично ослаблялись благодаря наличию некоторых ювенильных особенностей» его организма, и, в частности, писали об «отчётливых признаках конституционального гипертиреозидизма (чрезмерной активности щитовидной железы. — А. К.) в комбинации со вторичным субгенитализмом». И далее: «...Реакции Боголюбского были своеобразно окрашены... Лёгкая возбудимость, живая фантазия, в то же время быстрая раздражимость и бурные реакции даже на незначительные раздражения — таков он был в течение всей своей жизни...» (Рохлин Д. Т., Майкова-Строганова В.С. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. С. 156–158; Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. С. 264, 269; с этим последним выводом соглашается и В.Н. Звягин: Великий князь Андрей Боголюбский...). Мне, однако, кажется, что на выводы исследователей в первую очередь повлияли их оценки «костного» возраста князя, явно не совпадающие со временем его рождения, если принимать на веру известия В.Н. Татищева. Ср. высказывание на этот счёт сотрудников Института этнологии и антропологии РАН и кафедры антропологии биологического факультета МГУ, последними изучавших костяк князя: «С нашей точки зрения эти представления (о гипертиреозидизме, субгенитализме и т. п. — А. К.) продиктованы знакомством с летописными сведениями о характере князя и желанием объяснить разницу между

календарным (отнюдь не точным) и биологическим возрастом. Визуально никаких ювенильных особенностей нами зафиксировано не было» (*Васильев С.В. и др. Антропологическое исследование... С. 69*). Между тем, опираясь на наблюдение Д.Г. Рохлина, современный историк домысливает уже совершенно фантастическую и не имеющую ни малейшей опоры в источниках, я бы сказал даже, оскорбительную для памяти князя картину, касающуюся якобы имевших место отклонений в его сексуальном поведении (*Кривошее Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского. С. 109–110*). Подчеркну ещё раз, что в данном случае речь идёт исключительно о фантазии историка. Для оценки же сексуального поведения князя достаточно напомнить, что он имел по меньшей мере шесть взрослых детей (четырёх сыновей и двух дочерей) — и это не считая тех, которые, вероятно, умерли при рождении или в раннем детстве.

И ещё одно наблюдение, касающееся возможных физических особенностей князя. Исходя из «асимметрии длинных трубчатых костей по длине и массивности», проф. В.Н. Звягин высказал предположение о том, что князь, возможно, был левшой. Впрочем, по его же словам, эти особенности могли проявиться и позднее, учитывая полученную князем «травму правого плече-лучевого сустава» (*Звягин В.Н. Великий князь Андрей Боголюбский...*).

Отмечу, что В.Н. Татищев точно датировал расправу Юрия с боярином Кучкой, как и брак Андрея с Кучковой 1147 г. — годом первого упоминания Москвы в летописи {Татищев. Т. 1. М., 1994. С. 375; Т. 2. С. 171; Т. 4. С. 105, 207); по мысли историка, «для онаго веселия» Юрий и пригласил на берега Москвы князя Святослава Ольговича. Так описанная в «Повести о начале Москвы» легендарная история была искусственно включена в летописное повествование. М.П. Погодин относил женитьбу Андрея ко времени около 1135 г., причём на основании тех же летописных данных о браке его дочери и военных предприятиях сына (Погодин М.П. Князь Андрей Юрьевич Боголюбский // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Сентябрь. С. 148).

В позднем Житии князя Глеба Андреевича (составленном на рубеже XVII-XVIII веков или в начале XVIII века) упоминается ещё один его брат, Владимир, бывший будто бы старшим сыном Андрея Боголюбского и умерший при жизни Глеба. В других источниках такой князь не значится; предполагать, будто у составителей Жития имелся какой-то неизвестный нам древний источник, оснований нет, а потому данное известие едва ли можно признать заслуживающим доверие.

Житие князя Глеба Андреевича остаётся неизданным. Я пользовался списком 10-х гг. XVIII в.: ГИМ. Увар. № 1933. Л. 57 об. — 80 (упоминание Владимира как старшего Андреевича: Л. 61). В литературе можно встретить указание на то, что у Андрея Боголюбского якобы было даже шестеро сыновей: к упомянутым четырём и мифическому Владимиру прибавлен ещё и Роман (напр.: *Соколов А. Н., прот.* Первый собиратель великой Руси...С. 301, со ссылкой на «Алфавитный указатель, или Ключ» П.М. Строева к «Истории...» Н.М. Карамзина). Но этот мифический Роман обязан своим возникновением ошибке, допущенной в новгородском «Слове о Знамени Пресвятой Богородицы», где речь идёт о походе на Новгород Андреева сына Мстислава (см. об этом ниже, прим. 67 к части 3).

Ростислава — в основном тексте «Истории Российской», но только во второй редакции (*Татищев*. Т. 3. С. 70); Мария — в «родословии государей русских» (Т. 1. С. 375; Т. 4. С. 105).

В.Н. Татищев называл вторую жену князя «ясыней» (т. е. осетинкой) или «княжной ясской» (Т. 1. С. 375; Т. 4. С. 105). С этим мнением соглашается Ю.А. Лимонов, обративший внимание на факт отъезда младшего сына Боголюбского Юрия после смерти отца в Половецкие степи, а оттуда на Кавказ, а также на появление в окружении Боголюбского в последние годы его жизни некоего «ясына» Анбала (*Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь...* С. 95). Однако первое из указанных обстоятельств скорее можно было бы рассматривать как свидетельство того, что матерью Юрия Андреевича была половчанка. В другом месте своей «Истории...» В.Н. Татищев допускает, что последняя жена Андрея Боголюбского могла быть его третьей супругой, «но чия дочь была, неизвестно, а более по казни ея (Всеволодом Юрьевичем, после гибели Боголюбского. — А. К.) мнится, не княжеская дочь» (*Татищев. Т. 4. С. 449–450*). Отмечу ещё, что в подложной грамоте Андрея Боголюбского Киевскому Печерскому монастырю супруга князя именуется «великою княгинею Настасьею» (*Затилук Я. Указ. соч. С. 234*), но данный источник, как уже говорилось, полностью недостоверен.

«Егда же ходи на болгоры, — пишет В.Н. Татищев под 1164 г. в первой редакции «Истории Российской», — преставися благоверная княгиня его» (*Татищев. Т. 4. С. 268*). В рукописи эти слова были приписаны позднее; во второй, значительно более распространённой редакции «Истории...» их нет.

В исторической литературе встречаются смутные указания на то, что в юности Андрей якобы побывал на Православном Востоке, в частности в Константинополе и даже Иерусалиме. Но никакими источниками это не подтверждается.

Любопытно, что в Никоновской летописи XVI в. в рассказе об этих событиях место воеводы Жирослава в качестве предводителя половцев занял какой-то Темир-Хозя («...И с великого страха и половци бежаша с воеводою с своимь Темирьхозею, и прочая вся воинства бежаша, точию един князь Андрей Юрьевичь мало укрепися с дружиною своею, но и тии страхом обдержими хотяще бежати»: ПСРЛ. Т. 9. С. 181). Имя Темир-Хозя (Темир-Ходжа), или просто Темир, — излюбленное для обозначения в этой летописи различных печенежских, половецких и татарских князей и послов.

Так в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской не вполне ясно: «Ярославча смерть Изяславича». Возможно, Андрей вспоминал о другом князе: Ярославе (Ярославце) Святополчиче, внуке Изяслава Ярославича, погибшем от рук убийц при осаде Владимира-Волынського в 1123 г. Именно так («Се хочет ми быти смерть Ярослава Святополчича») переданы его слова в Московском летописном своде конца XV века и Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 2004 (репринт изд. 1949 г.). С. 47; ПСРЛ. Т. 7. С. 47).

В.Н. Татищев, с крайней неприязнью отзывавшийся о Ростиславе Юрьевиче, считал его главным виновником княжеской распри: «Сей князь Ростислав желал всею Русью един обладать, для того, отца своего на братию и сыновцы возмущая, многи беды и разорения Руской земле нанес и более хотел учинить...» Мало того, по словам историка XVIII века, князь злобствовал не только в отношении противников своего отца, «но и единокровным братьям своим надлежащих уделов дать не хочет (намёк на будущее лишение Андрея удела? — А. К.) и рад всех князей в един день погубить...» (*Татищев. Т. 3. С. 26, 14*). Впрочем, сам Андрей в ходе переговоров о мире сетовал на «злобы» другого князя — «советника» своего отца Юрия Ярославича.

В.Н. Татищев (Т. 3. С. 17) пишет о личном участии Андрея в походе на турпеев, но из летописного рассказа это не следует.

Владимирко прислал к Андрею князя Василька Ярополчича, но что это за князь, неизвестно.

Точная дата битвы на Руте неизвестна. Она случилась в субботу, во второй половине мая или июне. По расчетам Н.Г. Бережкова, с наибольшей вероятностью это могло быть 26 мая (*Бережков. С. 153–154*). М.С. Грушевский называл пятницу (этим днем недели битва датирована в Лаврентьевской и Воскресенской летописях) 6 июля или во всяком случае первую половину июля (*Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 2: XI–XIII вж. Київ, 1992. С. 171, прим. 1*).

Далее же, как и в других летописях, в Никоновской сообщается о предложении Андрея приступить к городу поочерёдно во главе войск: «Сотворим по днѣмъ, приходяще под град биемся, и се уже аз преже начало положу самъ, и день мой се есть», то есть приводится обычная версия событий, как всегда слегка приукрашенная.

В Никоновской летописи сообщается, что мор был «не точию в конех, но и в воинстве их».

В основе этой речи — та речь Андрея, которая помещена в Никоновской летописи в связи с событиями более ранними, происходившими под Переяславлем летом 1151г. (см. выше: ПСРЛ. Т. 9. С. 190).

Надо полагать, от греческого πυρῳτία, то есть «Башенная». Так могли назвать в Константинополе икону знаменитого Влахернского храма, несшую на себе изображение семибашенного Влахернского монастыря. См.: *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 2. Пг., 1915. С. 72; *Лихачёв Д.С.* «Пирогощая» «Слова о полку Игореве» // *он же.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 220–222.

Мнение о том, что название иконы Пирогощей следует производить от личного имени (только не Пирогоша, а Пирогост), принимают и некоторые современные исследователи (см.: *Кучкин В. А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М, 1996. С. 476–477). Но едва ли и киевская церковь, заложенная вскоре после прибытия иконы («Пирогощая»), могла называться по имени привезшего икону человека. В позднем Житии Андрея Боголюбского XVIII в. приведена легендарная дата появления иконы на Руси — 6650 (1142) г. (ГИМ. Увар. № 2081. Л. 17; *Сиренов А.В.* Житие Андрея Боголюбского. С. 223).

Очевидно, что Житие, составленное в начале XVIII в., послужило источником для Летописи Аристарха. Однако в доступном нам списке Жития рассказ об этих событиях уже несколько поновлён по сравнению с рассказом Летописи (напр., добавлено имя иерея, к которому обратился Андрей, — Николай).

По преданию, тогда же князь Андрей Юрьевич установил празднование в память явившейся ему Божией Матери — 18 июня, присутствующее и в современном церковном календаре как день памяти Боголюбской иконы. Однако в русских месяцесловах это празднование встречается лишь с начала XIX века; в выписках из святцев конца XVII века указана другая дата — 27 марта (*Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997 (репринт изд.: Владимир, 1901). Т. 2. С. 184, 88). Какие именно события в истории Боголюбской иконы эти даты имеют в виду, неизвестно.

Об этом сообщает надпись на боковых сторонах золотого ковчежца из Троице-Сергиевой лавры конца XV — начала XVI в., упоминающая среди прочих находящихся здесь святынь «миро Святыя Богородици Бо[го]любьское» (*Стерлигова И.А. Боголюбская икона Богоматери в XII-XIII вв. // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. СПб., 2002. С. 191).*

В издании В.А. Кучкина и Т.А. Сумниковой: «При сраме есть», без указания на какие-либо разночтения. В.П. Гребенюк же даёт чтение: «Не при сраме есть...», исправляя основной список Сказания по т. н. Академическому списку XVI или XVII в. (РГБ.Ф. 173. № 96): *Гребенюк В.П.* Первое сказание о национальной святыне Русской земли — иконе Владимирской Богоматери // *Русская словесность.* 1993. № 3. С. 13-14. Так же («Не при сраме...») и в списке Милютинских четых миней XVII в., изданном В.О. Ключевским: *Сказание о чудесах Владимирской иконы...* С. 41.

Дата завершения строительства — 1157 г. — приведена в т. н. Летописи Авраамки конца XV в.; здесь же о том, что церковь была поставлена «князем Георгием», т. е. Юрием: ПСРЛ. Т. 16. М., 2000 (репринт изд. 1889 г.). Стб. 45.

По мнению Ю.А. Лимонова, напротив, ошибочна дата, указанная Тверской летописью (*Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 23-24*).

Об этом сообщают только позднейшие источники, в частности украинская т. н. Густынская летопись XVII в. (ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 82) и В.Н. Татищев (Т. 2. С. 171). С другой стороны, нельзя исключать того, что именно Михаил, уже отошедший от дел, упоминается под именем Μιχαηλ. Ῥωσιας в синодальном постановлении константинопольского патриарха Михаила III от 24 марта 1171 г. (ср.: *Поппэ А.В.* Митрополиты киевские и всея Руси // *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 199–200; по мнению польского исследователя, в данном постановлении упомянут киевский митрополит Михаил II (или Михаил III), русским источникам не известный).

В данном случае не была использована ни Радзивилловская, ни Московско-Академическая, ни какая-то иная близкая к ним летопись. Это видно из того, что Татищев считал, что церковь Святого Спаса, завершённая Андреем, находилась в Суздале, — в то время как в указанных летописях определённо говорится о церкви в «Переяславле Новом». В более поздней второй редакции «Истории» Татищева дата вокняжения Андрея трансформировалась в 1 июля (см. след. прим.).

Далее Татищев — вероятно, осознанно — меняет смысл летописного источника. Вместо читающегося в летописях: «...и по смерти отца своего велику память створи...» у Татищева: «Он же, возшед на престол, великую себе память зделал...»

Это, вероятно, тот самый мор «в людях», конях и «рогатом скоте», о котором под следующим годом рассказывает новгородский летописец (НПЛ.С. 30).

В Ипатьевской летописи: «Мьславль (Мстислава?) Володимирича» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 501). Но это результат порчи текста: конечное «м» в редком для летописи слове «отчим» было воспринято переписчиком как начальная буква имени князя, написанного, вероятно, с титлом. Верное чтение в Московском летописном своде конца XV в.: ПСРЛ. Т. 25. С. 65.

Таков смысл рассказа Ипатьевской летописи. В поздних летописных сводах, напротив, сообщается, что Глеб проводил княгиню «Изяславлую» до Гомеля.

Даже несмотря на то, что его дочь приходилась троюродной сестрой жениху, так что с канонической точки зрения брак между ними выглядел несколько сомнительно. (См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 47-53.*)

По сведениям В.Н. Татищева, свадьбу «с веселием многим» сыграли в каких-то Вереищах (Татищев предполагал даже, что речь идёт о Верее — городе на Протве, на западе нынешней Московской области); см.: *Татищев*. Т. 4. С. 257 (первая редакция); Т. 3. С. 70 (вторая редакция, с дополнительными подробностями; здесь же приведено и имя Андреевны — Ростислава, а в т. н. Воронцовском списке второй редакции добавлено известие о том, что тогда же Андрей «град на реке Ламе», т. е., надо понимать, Волоколамск, строил). Упомянутые Вереищи — скорее всего, не что иное, как испорченное название города Вщиж, где сидел Святослав Владимирович (ср., напр., в Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 9. С. 216). Отметим, кстати, что две версии одного и того же рассказа Ипатьевской летописи об осаде Вщижа были восприняты Татищевым как рассказ о двух осадах города: во второй раз князь якобы приступили к нему, узнав об уходе Изяслава Давыдовича и Андреева сына; тогда-то Святослав Владимирович и заключил с ними мир на их условиях.

В Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 9. С. 218) читаем, что князь Ростислав Мстиславич, обороняя Киев от Изяславовой рати, «не имяше... помощи ниоткуда же, разве точию со князем Андреем», причём в одном из списков — Лаптевском — добавлено даже: «Андреем Юрьевичем» (там же, прим. н). Но это конечно же ошибка; правильное чтение должно быть: «Андреевичем»: речь идёт о князе Владимире Андреевиче, союзнике Ростислава (ср. в Воскресенской летописи: ПСРЛ. Т. 7. С. 74).

В младшем изводе Новгородской Первой летописи новый посадник ошибочно назван Озарией (в списке посадников: Озария Феофилактович) (НПЛ.С. 218, 472).

Наиболее полное выражение легенда об основании города Владимиром Святым получила в Никоновской летописи XVI в. Нередко считают, что легенда эта возникла именно при Андрее Боголюбском как результат целенаправленной работы его книжников, стремившихся удревнить историю христианства в своей земле и историю родного города; см.: *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // *Византийский временник*. Т. 21. М.; Л., 1962. С. 32; *он же*. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // *Византийский временник*. Т. 23. М., 1963. С. 33–34; и др. В Лаврентьевской летописи под 1176 г. действительно сообщается, что «постави... прежде град-ось великий Володимер» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378). Если речь идёт о Владимире Святославиче, то это и в самом деле первое зафиксированное источниками бытование будущей легенды. Но твёрдой уверенности в том, что автор имел в виду именно Владимира Святого, а не Владимира Мономаха (также иногда именовавшегося «великим»), у нас нет.

В Типографской летописи завершение росписи храма датируется 31 августа (ПСРЛ. Т. 24. С. 79).

В соответствующем рассказе Ипатьевской летописи упоминается «город ея» (в единственном числе): ПСРЛ. Т. 2. Стб. 599. См. также: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470 («град Святыя Богородица Гороховец», под 1239/40 г.). О богатстве Владимирской церкви (равно как и возведённой позднее суздальской Рождества Богородицы) писал в 20-е гг. XIII в. епископ Владимиро-Суздальский Симон в послании печерскому постриженнику Поликарпу: «...Сколько имеют градов и сёл, и десятину собирают по всей земле той!» (Патерик. С. 103). Здесь же, пожалуй, уместно будет заметить, что в литературе высказывалось предположение, согласно которому текст т. н. Церковного устава князя Владимира (сохранившийся в списках не ранее XIV в.) окончательно сложился во Владимире и именно в годы княжения Андрея Боголюбского (см.: *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XII вв. М., 1973. С. 130–133).

Татищев. Т. 4. С. 444–445, прим. 341; Т. 3. С. 244–246, прим. 483; С. 295, прим. 12–12 (со ссылкой на «Степенную», где будто бы говорилось, что «мастеры же... присланы были от императора Фридерика Барбароссы, с которым Андрей дружбу имел»; впрочем, известные нам списки Степенной книги данного сообщения не содержат).

В 1475 году, готовясь к возведению московского Успенского собора, Владимирскую церковь осматривал знаменитый итальянский архитектор Аристотель Фиораванти. Он дал ей высокую оценку: «...похвали дело, рече: “Неких наших мастеров (итальянских? — А. К.) дело”» (ПСРЛ. Т. 6: Софийская Вторая летопись. СПб., 1853. С. 199. Ср. также: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 331). Эта профессиональная оценка, несомненно, заслуживает внимания, хотя надо учитывать и то, что Аристотель осматривал собор, перестроенный в 80-е годы XII века, при князе Всеволоде Большое Гнездо, причём, как свидетельствует летопись, именно русскими зодчими. Но какие-то архитектурные особенности Владимирского храма могли показаться Аристотелю знакомыми.

В Ипатьевской летописи собор Андрея Боголюбского назван пятиглавым («...сверши же церковь 5 верхов, и все верхи золотом украси...»; и т. д.). Это дало основание ряду современных исследователей пересмотреть традиционную реконструкцию Андреева храма как одноглавого, предположив, что он с самого начала действительно имел пять глав [См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491, 582 (в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского), 630 (в сообщении о пожаре и разрушении церкви в 1184 г.)]. Думаю, однако, что в Ипатьевской летописи мы имеем дело с более поздней правкой летописного текста, принадлежащей редактору, знавшему о пятиглавии Владимирского собора, перестроенного Всеволодом Большое Гнездо. Это правка того же рода, что и добавление «владимирцев» в перечень жителей тех городов, которые избрали Андрея на ростовское княжение (см. выше).

Изначальное пятиглавие Андреева храма обосновывается в исследованиях Т.П. Тимофеевой (причём именно на основании свидетельств Ипатьевской летописи), чьё мнение было поддержано С.В. Заграевским (*Тимофеева Т.П.* К вопросу о пятиглавии Успенского собора Андрея Боголюбского во Владимире // Памяти Андрея Боголюбского. С. 83–94; *Заграевский С.В.* Успенский собор во Владимире: некоторые вопросы архитектурной истории // Там же. С. 100–104). Проанализировав свидетельства различных летописей, исследовательница пришла к выводу, что первоначальное чтение «верхи» (присутствующее, помимо Ипатьевской, ещё в Рогожском летописце XV в.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000 (репринт изд. 1922 г.). Стб.

22) при переписке в Лаврентьевской и прочих летописях ошибочно превратилось в «верхъ», что дало также чтение «об едином верее» ряда более поздних летописей: Тверской, Воскресенской и пр. Однако удивительным образом из поля зрения исследовательницы выпало *прямое* свидетельство новгородской статьи «А се князи русьстии» относительно числа глав Андреева собора: «заложи... церковь камену Святыя Богородиця о едином верее... — сообщает автор (правда, ошибочно называя дату закладки собора: 8 мая вместо правильного 8 апреля), — и верх ея позлати», и ниже добавляет, что брат Андрея Всеволод Юрьевич «пристави Святей Богородици 4 верхы и позлати» (НПЛ.С. 467–468). Это свидетельство независимо от Лаврентьевской летописи; оно-то и дало чтение «об едином верее» более поздних летописей. Признать его результатом случайной ошибки или описки летописца невозможно, и это рушит источниковедческую основу построений Т.П. Тимофеевой. Чтение же Ипатьевской летописи логичнее всего признать результатом вмешательства в текст позднейшего редактора, знавшего о пятиглавии Владимирского собора, перестроенного Всеволодом Юрьевичем. Прочие аргументы исследовательницы — соперничество Успенского собора с Киевской Софией, сомнения в том, что Андрей мог довольствоваться одноглавым храмом, — носят субъективный характер. Не показались мне убедительными и дополнительные аргументы С.П. Заграевского: то, что собор, вероятно, пришёл в аварийное состояние ещё до пожара 1184 г. (см. ниже), не обязательно было вызвано его пятиглавием, но могло иметь и иные причины.

Так называемый «надгробный лист», помещённый в середине XVII в. в Успенском соборе над гробницей Андреева сына Изяслава: *Сиренов А.В.* Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. С. 76.

Как отмечает современный исследователь, есть следы того, что собор пришёл в аварийное состояние ещё до пожара 1184 г.: выявлен наклон его центральной главы на 2,5 градуса к востоку, что могло повлечь за собой сдвиг всего здания. Это и пришлось исправлять мастерам Всеволода Большое Гнездо (*Заграевский С.В. Успенский собор во Владимире... С. 101-102*).

Здесь же предположительно называется и крестильное имя Ростислава Юрьевича — Николай (равно как и столь же предположительные крестильные имена его сыновей). Ранее знак на Золотых воротах считался принадлежащим Андрею Боголюбскому (*Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // Советская археология. Т. 6. М.; Л., 1940*).

На миниатюре Лицевого летописного свода XVI в. изображено полное обрушение самого свода Золотых ворот. Однако исследователи признают достоверной версию наиболее раннего источника — Сказания о чудесах Владимирской иконы; см.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 132-133.

В других летописях основание церкви датируется 1160 или 1162 г.; см.: ПСРЛ. Т. 9. С. 221; ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] С. 224.

Монастырь Святого Спаса у Золотых ворот известен и по летописным рассказам. В частности, его игумен Феодосии погиб во время взятия Владимира татарами в 1238 г.

«Боголюбое» упоминается и в списке русских городов («А се имена всем градом русским, дальним и ближним»), составленном в Новгороде в XV в., в числе городов «Залесских» (НПЛ.С. 477).

При этом автор ошибается и в календарной дате основания владимирского Успенского собора: «...И потом минуло 11 лет, и угодися святому Андрею нива душевная, и положиися ему большаа мысль в сердце, и начя съзидати другой град Володимер, и заложи третьюю церковь камену Святыя Богородиця о едином верее, месяца маиа в 8, на память святого Иоанна Богослова, и верх ея позлати...» (НПЛ.С. 467). В Кратком Владимирском летописце закладка Успенского собора и каменных ворот во Владимире датируется столь же маловероятным «10-м летом» княжения Андрея.

Летопись Боголюбова монастыря... С. 3-5. Текст восходит к Житию князя Андрея Боголюбского. Отметим, однако, важное разночтение. В одной из двух известных нам копий полного Жития текст читался близко к тому, что пишет игумен Аристарх: «...и церковь каменную на показанном Богоматерию месте соверши... в ней же чудотворный Пресвятая Богородицы образ, иже из Вышеграда принесе с собою, и новонаписанный в подобие явлыпияся ему Богоматере образ, нареченный Боголюбивыя, постави и освяти оную церковь...» (*Доброхотов В.И. Древний Боголюбов город и монастырь... С. 7*). Точно такое же чтение содержится и в сокращенной редакции Жития князя Андрея (ГИМ. Увар. № 2081. Л. 24; см. Приложение 3). В другом же списке Пространной редакции Жития упоминание о том, что Владимирская икона была положена в Боголюбове монастыре, опущено (*Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 227-228; ср. С. 213*).

В Житии Андрея Боголюбского, основном источнике этой части Летописи Боголюбова монастыря, путешествие Андрея с иконой из Вышгорода во Владимир ошибочно отнесено к тому же году, что и смерть отца Андрея князя Юрия Долгорукого. Очевидно, автор летописи, основываясь на относительной хронологии своего источника и зная год смерти Юрия Долгорукого, проставил эту дату, равно как он проставил и остальные ранние даты в истории обители (в Житии их нет).

В литературе эта церковь нередко именуется церковью Св. Леонтия Ростовского (*Воронин Н.Н.* «Житие Леонтия Ростовского»... С. 30; *Фронте И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 636 (с рядом далеко идущих выводов); *Сиренов А.В.* Житие Андрея Боголюбского. С. 210, 211, 218; и др.). Но это неверно: канонизация святителя Леонтия Ростовского произошла позднее, при князе Всеволоде Большое Гнездо; с историей же Боголюбовской иконы и Боголюбского монастыря оказалась связана память св. мученика Леонтия (Финикийского).

Напомню, что в Тверской и Львовской летописях сообщалось о завершении Андреем строительства в Суздале церкви Святого Спаса (см. выше, прим. 39), но это известие признаётся ошибочным. В составленном же в XVIII в. Житии князя Андрея Боголюбского говорится о том, что в момент смерти младшего сына Глеба Андрей пребывал в Суздале: «Таже поиде во град Суздаль, да и тамо церкви Божия возобновит, обветшали бо беша... И святыя церкви, такожде и град (Суздаль) усердие обновляющу...» (*Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 232*).

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 233 (Тверская); ПСРЛ. Т. 20. С. 122 (Львовская): «Того же лета заложена бысть церкви камена в Ростове князем Андреем; ту же обретоша святого Леонтия в теле». Освящение собора датируется в обеих летописях следующим, 1162 г. (в Львовской это известие приписано внизу листа). В Никоновской летописи и о ростовском пожаре, и о закладке новой церкви, и об обретении мощей, и об освящении храма сообщается под 1162 г., причём в текст летописи включена значительная часть Жития св. Леонтия (ПСРЛ. Т. 9. С. 230–231).

Эта дата приведена в поздней (т. н. Четвёртой) редакции Жития св. Леонтия, согласно которой копать рвы для будущего храма начали в 1164 г., когда и были обнаружены мощи святого, а завершено строительство и установлена гробница св. Леонтия в храме лишь в 1170-м (см.: *Титов А.А. Житие св. Леонтия, епископа Ростовского*. М., 1893. С. 7, 9; в ранних редакциях Жития дат нет). Поздняя дата обретения мощей — 1164 г. — принята и в современных церковных месяцесловах.

Показательно, что в этой же Второй редакции Жития, в похвале святителю Леонтию, прямо цитируется памятник русской агиографии киевского времени — Проложное житие князя Владимира, Крестителя Руси: «...Хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля — Костянтина царя, Киевская земля — Володимера князя, Ростовская земля тебе, великий святителю Леонтие, ублажает, сътворшаго дело равно апостолом...» (Ср. в Житии Владимира: «Да како ты възможем по достоянию похвалити, створыпаго дело равньо апостолом. Хвалить убо Римьская земля Петра и Павла, Асья Иоана Богословьца, Епоптьская Марка, Антиохииская Луку, а Грецкая Андрея. Вся же Русьская земля тебе, Володимире...»; цит. по: *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997. С. 428–429). Фраза из Жития, в свою очередь, восходит к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона; ср.: БЛДР. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997. С. 42 (подг. текста А.М. Молдована, пер. диакона А.И. Юрченко).

Епископ Симон называет Леонтия первым среди епископов, вышедших из стен Печерской обители («се бысть первый престолникъ»), и приводит его имя раньше имени митрополита Илариона, занявшего киевскую кафедру в 1051 г. (Там же). Это даёт некоторые основания датировать поставление Леонтия временем ранее 1051 г. (т. е. в отсутствие митрополита в Киеве). По-другому начало святительства Леонтия относят к 60-м или даже 70-м гг. XI в. (напр.: *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси... С. 46–47, 211).

Слова «бывшего игумена Владычня монастыря», а также «хотя не был учен, но гордостью надмен» вписаны позднее в Воронцовский список второй редакции «Истории Российской» (Там же. С. 280, 281). Фраза о том, что «некто Леонтий купил у митрополита за деньги епископию суздальскую», имеется и в первой редакции «Истории...» (Там же. Т. 4. С. 261).

Если учесть, что предыдущее известие о Леоне в Ипатьевской летописи имеет суздальское происхождение, а данное, под 6670 г., — несомненно, южнорусское, то можно было бы предположить, что сводчик летописи продублировал одно и то же известие из разных источников; иными словами, речь в обоих случаях идёт об одном и том же изгнании Леона князем Андреем Юрьевичем. Этого, конечно, исключать нельзя (ср.: Там же). Однако необходимо учитывать, что известие Ипатьевской летописи под 6670 г. главным образом имеет в виду изгнание Андреем Боголюбским младшей братии, и в числе названных по имени фигурирует князь Василько Юрьевич. Между тем Василько не мог быть изгнан из Суздальской земли ранее 1161 г., поскольку только в этом году он покинул Торческ и вернулся к старшему брату (см. выше).

См.: *Poppe A. Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku.* Warszawa, 1968. S. 154–155 (греческий перечень епархий (*Notitia episcopatum*), датируемый 70-ми гг. XII в., т. е. как раз интересующим нас временем; сохранился в афонской рукописи XII — начала XIII в.). Отметим также наименование суздальской церкви «епискупьей» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580). В русских перечнях епархий XII–XIII вв., напротив, значится кафедра в Ростове: напр., в т. н. Замойском сборнике XV в. (*Щапов Я.Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики.* М., 1986. Вып. 2. С. 140; *он же. Государство и церковь Древней Руси...* С. 38, прим. 69) и Новгородской Первой летописи младшего извода (НПЛ.С. 164).

Слова «скажем вмале» можно воспринимать и как свидетельство того, что у летописца имелся более пространный текст, которым он воспользовался.

В литературе высказывалось предположение, что данное послание в действительности принадлежит Феодосию II, греку, бывшему игуменом Печерского монастыря в середине XII в. (t 1156), а адресатом его является киевский князь Изяслав Мстиславич (см., напр.: *Висковатый К.К.* вопросу об авторе и времени написания «Слова к Изяславу о Латынях» // *Slavia*. 1939. RoC. 16. Set. 4. S. 535–567). Однако следует принять во внимание, что в заголовке памятника его адресат обозначен определённо как Изяслав, «сын Ярославль, внук Володимерь», а автор следующего в сборниках и тесно связанного с предыдущим Послания «о вере крестьянской и о латынской» («Того же Феодосия к тому же Изяславу») прямо назван «святым». Да и обсуждаемый в рассматриваемом нами послании вопрос — о пользе поста в среду и пятницу в обычные, непраздничные дни — был актуален скорее в XI, чем в XII в.

Или, ещё яснее, в другом месте: «А от Рожества Христова и до Обрезания Господня (1 января. — А. К.)... в среду и в пяток мяса ясти, и доиво (молоко. — А. К.) и питье в меру...» (*Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. Тексты и заметки. М., 1912. С. 113: «Заповедь святых отец к исповедающимся сыном и дочерям» — памятник, приписываемый митрополиту Георгию Греку).

Непосредственно перед этим известием в летописи читается «Повесть о происхождении честного креста месяца августа в 1-й день», в которой присутствует имя ростовского епископа Нестора, но которая к 1157 г. относиться никак не может (см. об этом ниже). Вероятно, имя Нестора появилось именно потому, что в «Повести...» оно упомянуто, а уже под следующим, 1158 г. сообщается о приходе в Ростов нового епископа Леона (Там же. С. 214). Мотивы же удаления Нестора фактически совпадают с теми, которыми в более ранних летописях объясняется удаление Леона. Заметим также, что и относительно изгнания Леона, и относительно изгнания Нестора совпадают слова летописца о «клевете» или «прельщении» «от своих домашних» (ср.: Там же. С. 207, 221). В литературе утвердилось мнение, согласно которому в Никоновской летописи в ряде случаев (в том числе и в данном) произошло замещение имени Леона именем Нестора, так что сообщаемое о втором имеет отношение к первому (см. подробно: *Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 98-134; и также ниже). В качестве иллюстрации произвольного обращения авторов Никоновской летописи с именами тогдашних церковных иерархов приведу такой пример: рассказывая под 1162 г. об обретении мощей св. Леонтия Ростовского, летописец заодно сообщает и об установлении его памяти «Иваном, епископом Ростовским», «благословением Феодора, митрополита Киевского и всея Руси» (ПСРЛ. Т. 9. С. 230-231). Но это вопиющий анахронизм: канонизация св. Леонтия произошла действительно при епископе Иоанне Ростовском, но спустя тридцать с лишним лет, в 1194 г.;

имя же Феодора включено в текст по той причине, что в 1162 г. он занимал киевскую кафедру.

Руку позднейшего редактора выдают и другие вставки, сделанные в текст послания патриарха. Приведу ещё несколько примеров из начальной его части. В Краткой редакции: «...иже град Володимерь из основания воздвигл еси...» — в Никоновской с включением позднейшей легенды об основании города князем Владимиром Святым: «...и яко град, нарицаемый Владимирь, его же святой и блаженный великий князь Владимир во имя свое созда, ты же ныне из основания воздвигл еси...»; в Краткой: «...в ней же церкви многи создал еси...» — в Никоновской: «...в нем же и церковь Пречистыа Богородицы честного и славного Ея Успения создал еси, и многими драгими и святыми иконами, и книгами, священными сосуды, и всякими вещми, златом, и серебром, и бисером украсил еси, и многим именем и стяжанием изобильствова, и села, и слободы, и власти, и з данми дал еси, и в торгах десятый недели, и в житех, и в стадах и во всем десятое...» В обоих случаях текст дополнений летописной редакции заимствован из рассказа той же Никоновской летописи пару страницами выше о создании Успенской церкви во Владимире, но рассказ этот принадлежит самому автору Никоновской летописи, книжнику XVI века.

Дата 1160 г. столь же недостоверна, как и дата 1157 г. применительно к читающейся под этим годом в Никоновской летописи «Повести о происхождении честного креста 1 августа», которая рассказывает о походе Андрея Боголюбского «на Болгары, иже нарицаются Казанцы» (ПСРЛ. Т. 9. С. 210), — притом что сам поход на болгар был совершён в 1164 г.

Относительно времени кончины митрополита Феодора в источниках содержится явное противоречие. По словам киевского летописца, святительство Феодора продолжалось всего 10 месяцев, однако его кончина датируется 1162 г. (6671-м ультрамартовским). Полагают, что летописец (или позднейший переписчик летописи) оказался не вполне точен: Феодор находился на митрополии год и 10 месяцев. Менее вероятной датой его кончины признаётся 1161 г. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 514–515, 522; *Бережков*. С. 175–176.

Во всяком случае, таково наиболее естественное, хотя и не единственное понимание летописного текста. По-другому, полагают, будто Ростислав поначалу отказался принять Иоанна и тот отправился на родину, но в Олешье встретился с «царёвым послом» и Гюрятой, вместе с которыми вернулся в Киев. К сожалению, в летописи имеется явный пропуск, и летописный рассказ обрывается на речи «царёва посла» Ростиславу: «Молвить ти цесарь: аще примеши с любовью, благословение от Святыя Софья...» Уникальное известие содержится в «Истории Российской» В.Н. Татищева: Ростислав будто бы согласился принять митрополита лишь с тем условием, что «впредь, ежели патриарх без ведома и определения нашего против правил святых апостол в Русь митрополита поставит, не токмо не приму, но и закон зделаем вечный избирать и поставлять епископом руским с повеления великого князя. И тако повелел митрополита ввести в дом его, а послов отпустил к царю с дары и любовью» (*Татищев. Т. 3. С. 79–81*). Однако нельзя исключать, что историк XVIII века восстановил имеющийся в летописи пропуск самостоятельно, исходя из представлений своего времени.

Исследователи отмечают в тексте грамоты явные признаки того, что она была переведена с греческого оригинала. Так, выражение о граде Владимире: «*в ней же церкви многи создал еси*» (только в Краткой редакции) отражает женский род греческого слова πόλις («город»); непереведённым осталось и греческое слово «тороки», «тороци» (от греч. οράξ, «броня»; в редакции Никоновской летописи); имеются и другие грецизмы. См.: РИБ.Т. 6. Стб. 64, прим. 8, 9; стб. 70, прим. 2 (прим. А.С. Павлова); Биби́ков М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 1. М., 2004. С. 111.

Ныне в Русской Православной церкви, согласно Церковному уставу, в праздники Рождества Христова и Богоявления (Крещения), случившиеся в среду и пятницу, поста нет. В праздники Сретения, Преображения Господня, Успения, Рождества и Покрова Пресвятой Богородицы, Введения Ее во храм, Рождества Иоанна Предтечи, апостолов Петра и Павла, Иоанна Богослова, случившиеся в среду и пятницу, а также в период от Пасхи до Троицы в среду и пятницу разрешается рыба.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629: «...преставившюся Леону, ростовскому епископу, и поставлен бысть Никола Гречин...» (под 1183 г.). Но это припоминание о более раннем событии: в предшествующей летописной статье тот же Николай, так и не ставший новым ростовским епископом, но получивший взамен полоцкую кафедру, упоминается именно как полоцкий епископ (Там же. Стб. 628). Составители позднейшей Густынской летописи, исходя из показаний Ипатьевской, определённо датируют кончину «Леона Ростовского» 1183 г. (ПСРЛ. Т. 40. С. 100); В.Н. Татищев — 1184-м (*Татищев*. Т. 3. С. 131).

Эта дата читается в большинстве летописей — Радзивилловской, Московско-Академической, Летописце Переяславля Суздальского и др. (ПСРЛ. Т. 38. С. 129; ПСРЛ. Т. 41. С. 89). В Лаврентьевской и Ипатьевской дата приведена по-другому: 2 мая (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 493; в т. н. Ермолаевском списке Ипатьевской летописи ошибочно: 4 мая: Там же. Приложения. С. 38). Скорее всего, это объясняется ошибкой переписчика, на которого, возможно, оказала влияние известная ему дата памяти святых Бориса и Глеба, связанная с перенесением их мощей 2 мая 1115 г. О вторичности текста, воспроизведённого в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, свидетельствует то, что здесь «становище» на Кидекше приписано не одному св. Борису (как в указанных выше летописях), а обоим братьям: и Борису, и Глебу.

Ныне князь Борис Юрьевич почитается местно в Соборе Владимирских святых. Память его вместе с другими владимирскими святыми празднуется 23 июня (6 июля по новому стилю).

В.Н. Татищев прибавляет, что «сей князь... учён писанию, многи книги читал и люди учёные, приходящие от грек и латин, милостиво принимая, с ними почасту беседовал и состязания имел». (ПСРЛ. Т. 9. С. 247-248; *Татищев*. Т. 3. С. 104; Т. 4. С. 284)

Непотревоженное мужское погребение в белокаменном саркофаге было обнаружено в южном притворе храма в 30-е гг. прошлого века; предположительно оно было атрибутировано князю Святославу Юрьевичу. См.: *Дубинин А.Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940 гг.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. 11. М.; Л., 1945. С. 97–98; *Варганов А.Д.* К архитектурной истории Суздальского собора (XI–XVII вв.) // Там же. С. 101. Как отмечают исследователи, «костяк довольно хорошей сохранности»; однако о попытках его дополнительного исследования мне ничего не известно.

О том, что младшие братья Андрея были изгнаны из княжества, автор Суздальской летописи знал. Позднее, в рассказе о событиях, последовавших за гибелью Боголюбского, он вспомнит и об этом. Причём — что важно! — вина за изгнание князей будет возложена не на Андрея, но на жителей княжества: оказывается, это они «...посадиша Андрея (на княжеский стол. — *А. К.*), а меньшая (братьев. — *А. К.*) выгнаша». (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372; то же: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 595)

Так полагал ещё автор Густынской летописи, украинский книжник XVII в., называвший императора Мануила дедом князей Мстислава, Василька и Всеволода Юрьевичей (ПСРЛ. Т. 40. С. 90). Ср. также у В.Н. Татищева: «По сему видится, что вторая супруга (Юрия. — А. К.) греческая принцесса была и, по изгнании от пасынка, с детьми в Грецию поехала (в одном из вариантов: «...по свойству в Грецию ездила». — А. К.) и, чаятельно, тамо скончалась...» (*Татищев*. Т. 3. С. 246, прим. 487; С. 296, прим. 15–15; ср.: Т. 1. С. 375).

Полагают, что Василько получил от императора те же крепости, что за столетие до него печенежский хан Кеген, — на территории Северной Добруджи (ныне в Румынии) Только этих крепостей было не три, как у Кегена, а четыре. (См.: *Степаненко В.П.* «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X–XII вв. // *Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византистов.* М., 2008. С. 131)

Современные исследователи обращают внимание на ряд обстоятельств, которые вроде бы подтверждают присутствие князя Мстислава Юрьевича и членов его семьи в Святой Земле. Речь идёт о новгородских связях князя. Так, в Новгороде выявлены предметы, имеющие очевидное происхождение из стран Ближнего Востока, в частности из Иерусалимского королевства. С этим регионом, возможно, был связан владелец исследованной археологами иконописной мастерской, которого предположительно отождествляют с Олисеом Гречином (или Гречином Петровичем), чьё имя и элементы биографии восстанавливаются из летописи и берестяных грамот. Анализ грамот вкупе с отрывочными известиями летописи позволил А.А. Гиппиусу предположить, что этот Гречин был сыном известного новгородского боярина Петра Михалковича (тестя князя Мстислава Юрьевича) и, соответственно, шурином Мстислава. По мнению исследователя, Олисей ещё ребёнком мог последовать за своим зятем и сестрой в Палестину и там обучиться иконописному делу. Отсюда, как считает А.А. Гиппиус, имя (или, точнее, прозвище) Олисея — Гречин. См.: *Гиппиус А.А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О.Е. Этингоф. М., 2005. С. 99–114; Этингоф О.Е. Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде и росписях в Спасо-Преображенской церкви на Нередице // Там же. С. 115–143. О комплексе находок на усадьбе «А» Троицкого раскопа в Новгороде: Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. О следах византийского присутствия в Аскалоне, что, по мнению исследователя, может быть связано с*

нахождением здесь русского князя Мстислава Юрьевича: *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа: из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 496–510.

Иногда, напротив, полагают, что Мстислав Юрьевич вернулся на Русь ранее 1166 г., ссылаясь на указание под этим годом Лаврентьевской летописи о походе некоего Мстислава «за Волок» (см.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 3. С. 345, прим. 405; и др.). Однако здесь, по всей вероятности, речь идёт о другом Мстиславе — сыне Андрея Боголюбского (ср.: *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 190). По мнению А.В. Майорова, Мстислав, вероятнее всего, возвратился на Русь незадолго до взятия Иерусалима Саладином, т. е. около 1187 г. (*Майоров А.В.* Указ. соч. С. 508). Промелькнуло в литературе и предположение о том, что именно Мстислава Юрьевича имеет в виду византийский хронист Иоанн Киннам, сообщая об упомянутом выше «Владиславе», «одном из династов в Тавросифской стране», который «вместе с детьми, женой и всеми своими людьми добровольно перешёл к ромеям» (см.: *Бибииков М.В.* BYZANTINOROSSICA... Т. 2. С. 479, прим. 6; со ссылкой на Е.Ч. Скржинскую).

О том, что князь Всеволод Юрьевич «приде из замория из Селуня», сообщается в новгородской статье «А се князи русьстии». Правда, его возвращение отнесено здесь к «третьему году» после смерти Андрея Боголюбского, то есть ко времени вступления Всеволода на владимирский стол в 1176 году, что неверно. (НПЛ. С. 468)

прочем, по мнению В.Т. Пашуто, речь может идти о ком-то из вассалов галицкого князя Ярослава Осмомысла (*Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 185).

Когда в 1189 г. из венгерского плена в Германию бежал галицкий князь Владимир, сын Ярослава Осмомысла, император Фридрих Барбаросса оказал ему помощь, но лишь после того, как «уведал», «оже есть сестричич (племянник по матери. — *А. К.*) великому князю Всеволоду Суждальскому, и прия его с любовь[ю] и с великою честью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666).

«...Посемь же перея власть его всю Ярослав и бысть самовластець Русьстей земли» (в Радзивилловском списке «Повести временных лет»: «самодержець»; в Ипатьевской: «единовластець»): ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150; ПСРЛ. Т. 38. С. 65; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 138. А ещё прежде Ярослава так же назван его отец Владимир Святой: «единодержцем» (в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона) или «самодержцем всей Русской земли» (в Сказании о Борисе и Глебе). Ср.: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 69–77.

В поздней Никоновской летописи приводятся сведения ещё об одном походе, организованном Андреем Боголюбским в начале 1160-х годов, — «за Дон, далече», против половцев. Правда, сам Андрей в поход не выступил, но поставил во главе посланной им рати своего старшего сына Изяслава, «и с ним друзии мнозии князи, и воинство ростовское, и суздальское, и рязанцы, и муромцы, и пронстии, и друзии к сим мнози совокупишася...». Где-то в «Поле», за Доном, русские встретились с половцами: «И бысть брань велиа и сеча зла, и начата одолевати русстии князи». Половцы применили свою излюбленную тактику: «...рассыпашася на вся страны по полю; русьским же воям за ними гнаше. И пришедъшим на Ржавцы (что это за местность, неизвестно. — А. К.), и половци паки собравшеся, удариша на русское воинство, и многих избиша; но паки поможе Господь Бог и Пречистая Богородица христианьскому воинству, и прогнаша половцев», так что те бежали «восвоаси». Но победа эта стоила слишком дорого: «...князи же русстии возвратишася во своя отнюдь в мале дружине, вси бо избиени быша в поле от половцев».

[ПСРЛ. Т. 9. С. 222. В Никоновской летописи поход датирован 1160 г., но под этим годом здесь объединены события разных лет, включая поход самого Андрея Боголюбского с тем же Изяславом на волжских болгар (в действительности, 1164 г.). В.Н. Татищев в своей «Истории...» (Т. 3. С. 78; Т. 4. С. 267) датирует поход 1162 г., сообщая вслед за этим о приходе половцев к граду Юрьеву, т. е. о событиях, которые, по Ипатьевской летописи, датируются 6670 г. (1161/62).]

Однако в достоверности приведённого рассказа есть серьёзные сомнения. Особенно смущает участие «рязанцев» и «пронстиих» (то есть жителей Пронска) в походе, организованном Андреем Боголюбским. Как показывают наблюдения исследователей, «рязанские» известия Никоновской летописи в большинстве случаев представляют собой позднейшие фальсификации московского книжника, имеющие целью обосновать претензии московских властей на те или иные территории, на которые в XVI веке претендовало также Польско-Литовское государство. [Ср.: *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 209-211]

Примечательно, что, по данным Устава новгородского князя Всеволода Мстиславича (в своей основе: 1135-1136 гг.), именно «низовские», т. е. суздальские, купцы торговали в Новгороде перцем, скорее всего привозимым из Волжской Болгарии. См.: *Лимонов Ю.А.* Актово-правовое оформление внешнеполитических отношений Владимиро-Суздальской Руси с Волжской Болгарией (Опыт реконструкции) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1992. С. 259-264.

Если не считать известия позднего Жития Андрея XVIII в. (в одной из редакций) о том, что князь ещё прежде 1162 г. «первое (в первый раз) поиде со всею своею воинскою силою на безбожных и противящихся ему болгары», коих «без кровопролития христианского победы» (*Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 228–229*). Но это не более чем попытка согласовать в Житии две версии создания церкви Покрова на Нерли (см. ниже).

Об этом сообщает арабский путешественник из Испании Абу Хамид ал-Гарнати, лично посетивший Волжскую Болгарию в 1130—1150-х гг. См.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 31, 104-105.

На такой маршрут движения русской рати, как считает автор, указывает участие в походе муромских дружин, с которыми Андрею удобнее было встретиться на Оке вблизи устья Клязьмы.

В статье «А ся съдея в лето 6672-я» последовательность событий иная, внешне более логичная: о взятии безымянных болгарских городов говорится сразу же после сообщения о победе Андрея («...и одва в мале дружине утече князь болгарьский до Великаго города, а хрестьяни плениша славный грады их. И отиде Андрей с победою...»). Можно было бы думать, что здесь представлена более ранняя версия летописного рассказа (так иногда и полагают; см.: *Филипповский Г.Ю.* Столетие дерзаний... С. 84), но это едва ли верно; ср.: *Кучкин В. А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 481–482; *Конявская Е.Л.* История сложения цикла сказаний о чудесах Владимирской Божией Матери и его судьба в XV–XVI вв. // *Религии мира: История и современность.* 2005. М., 2007. С. 25 (примечательно, однако, что первоначально В.А. Кучкин придерживался противоположной точки зрения: о первичности внелетописной статьи, см.: *Кучкин В.А.* О маршрутах походов древнерусских князей... С. 37).

Название города восходит к мусульманскому имени Ибрагим. На роль основателя города предлагались два болгарских правителя, носивших это имя, — некий Ибрагим, упомянутый в списке болгарских ханов, составленном татарским историком XIX века Ш. Марджани (этот Ибрагим мог быть даже современником Андрея Боголюбского), и эмир Абу Исхак Ибрахим Ибн Мухаммад, который был «государем Булгара и той области, которую целиком называют Булгар», в 1024–1025 годах; его имя упоминает Абу-л Хасан Бейхаки, персидский историк и писатель XII века. [См.: *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 60–62]

Согласно тексту, читавшемуся на нижнем поле двусторонней иконы «Спас на престоле с припадающим митрополитом Киприаном» из иконостаса московского Успенского собора, эта икона и являлась тем образом, от которого было чудесное видение во время похода Андрея Боголюбского в 1164 году. Правда, икона эта поздняя, но она, вероятно, восходит к иконе раннего времени. Более того, высказано предположение, что данная икона (точнее, ее первоначальный образ) являлась «парной» к Боголюбской иконе Божией Матери и, соответственно, происходит из Рождество-Богородицкого собора Боголюбского монастыря [Стерлигова И.А. Боголюбская икона Богоматери... С. 203, прим. 50]. Оценить степень вероятности данного предположения, равно как и характер надписи на иконе, я, к сожалению, не имею возможности.

В литературе высказано и другое предположение относительно упомянутой в тексте Слова о празднике 1 августа иконы: «воинским лабарумом Андрея» могла быть знаменитая икона Спаса Нерукотворного, на обороте которой изображено Поклонение кресту; её-то и нёс один из священников [См.: Воронин Н.Н. Сказание о победе над болгарами... С. 89. Это предположение принято и в современной церковной литературе; см.: Минея. Июль. 4.1. С. 282]. Это предположение также кажется недоказуемым.

Описание победы Иоанна Контостефана в византийских источниках свидетельствует о том, что победа имела место в 1160 г. (*Иоанн Киннам. Краткое обозрение... С. 158-159*).

По сведениям В.Н. Татищева, Нестор «умре во изгнании в Киеве» (Т. 3. С. 91, под 1169 г.). Откуда извлечено это известие и какова степень его достоверности, неизвестно.

Эта фраза («Аз же написах ти се повелениемъ цесаря Мануила...») вызывает особое внимание исследователей. В ней видели фрагмент некой не известной нам грамоты князю или митрополиту из Царьграда (*Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 3. С. 296), свидетельство сокращения самого Слова о празднике или же вообще описку, «которая переносилась из списка в список и составила большое преткновение для правильного разумения всего текста...» (*Забелин И.Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского. С. 44–45). Прежде всего, обращают внимание на явную несогласованность указанной фразы (с обращением «ти») с началом статьи, где идёт обращение к «возлюбленной братии» («Ведети есть о сем нам, възлюблена брата...»). Соответственно, данную приписку признают либо «сознательным фальсификатом, призванным подтвердить авторитетом всё изложенное в тексте», либо «случайно попавшим в текст проложной статьи фрагментом» некоего другого текста (*Конявская Е.Л.* История сложения цикла... С. 27–28). «Не противореча предыдущему тексту проложной статьи по своему содержанию, — пишет Е.Л. Конявская в другом месте, — она (эта фраза. — А. К.) не коррелирует с ним по форме» (*она же.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа. С. 8). Я бы обратил внимание на принципиально иную возможность объяснения данной фразы. Слово «ти», по всей вероятности, относится не к предполагаемому адресату грамоты, а к Господу, к которому и обращена читающаяся выше молитва («...Тем вси припадем Ти, глаголюще...»; и т. д.). Таким образом, формальное противоречие может быть снято: автор

лишь сообщает, что он составил молитву «повелением цесаря Мануила» — так же, как Мануил, вместе с Андреем, «установил» данное празднование, о чём говорилось выше. В принципе, это тоже своего рода фальсификат, но не выходящий за рамки концепции автора Слова.

Первое мнение принадлежит Г.Ю. Филипповскому (Столетие дерзаний... С. 132-133), второе — Е.Л. Конявской (К истории сложения проложной статьи на 1 августа. С. 12-13). Е.Л. Конявская допускает, что данный текст мог изначально включать в себя фразу «Аз же написах ти се...», которая впоследствии осталась в основном тексте Поучения (см. выше, прим. 218).

Как отмечает Е.Л. Конявская, это добавление частично текстуально совпадает с т. н. «Правилom» митр. Максима (см.: *Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 447*). По мнению исследовательницы (Указ. соч. С. 9), «очевидно, что книжник, присоединивший текст о постах к проложной статье на 1 августа, использовал какую-то иную версию полного текста, который, возможно, потом стал приписываться митрополиту Максиму».

В Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353) это событие вынесено в отдельную статью, под 6673/1165 г. В Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524) оно читается в конце статьи под 6672 ультрамартовским годом, т. е. должно быть отнесено к 1164 г. Примечательна ремарка составителей Тверской летописи: Изяслав «преставися... пришед из болгарского бою» (ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 236). В ряде летописей смерть Изяслава датирована (ошибочно?) 28 сентября (ПСРЛ. Т. 25. С. 73; ПСРЛ. Т. 7. С. 77–78 и др.).

По сведениям так называемого «Летописца Владимирского собора» (по списку последней четверти XVII века), эти «стрелы железные» были двух видов: «с томаром» (то есть с затупленным наконечником) — весом «7 гривенок» (то есть, если речь идёт о так называемых «малых гривенках», почти полтора килограмма?) и «с перьем» — весом «5 гривенок» (то есть больше килограмма?); было же их в соборе «много».

[Шилов А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для полного собрания русских летописей). Вып. 1 // Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1909 г. Вып. 22. СПб., 1910. С. 68. Вне связи с князем Изяславом Андреевичем стрелы упоминаются в Описи владимирского Успенского собора XVII в. (Виноградов А. И., прот. История кафедрального Успенского собора в губернском городе Владимире. Владимир, 1903. Приложение. С. 67). Позднее на надгробном камне Изяслава хранился и какой-то древний железный шлем (Доброхотов В.И. Памятники древности во Владимире Кляземском. С. 94)]

1166 (6674) г. по Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской о его смерти сообщается под 6674-м ультрамартовским, что соответствует 1165 г. Ср.: *Бережков. С. 177.*

В списке Жития, изданном А.В. Сиреновым, этого фрагмента нет. Строительство церкви Покрова датируется здесь 6670 (1162?) г. (причём перед этим сообщается о некоем «первом» походе Андрея Боголюбского на болгар), а смерть Изяслава отнесена к 6672/1164 г. (см. выше, прим. 193). В Летописи Боголюбского монастыря строительство Покровской церкви датируется 1165 г. (Летопись Боголюбова монастыря... С. 4), и эта дата — разумеется, условная — присутствует в большинстве работ по истории Покровской церкви. В последнее время предлагается и другая, значительно более ранняя дата возведения храма — 1158 г. (см.: *Заграевский С.В.* Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М., 2008 // <http://www.rasarch.ra/zagraevsky24.htm>. Гл. 8. 2), однако её обоснование в источниках оказывается уязвимым. С.В. Заграевский ссылается на показания ряда летописей, сообщающих под 1158 г. о построении в Боголюбове двух «церквей каменных», причём в одной из летописей, т. н. Владимирском летописце, вторая из церквей прямо названа церковью Покрова на Нерли (см. выше, прим. 99–100). Но эта традиция (восходящая к показаниям новгородской статьи «А се князи русьстии») исходит из того, что Успенский собор был построен спустя 11 (!) лет после боголюбовских построек — что в принципе невозможно. Очевидно, что известие летописей можно рассматривать как свидетельство возведения (закладки?) в 1158 г. Боголюбовской крепости; две же боголюбовские церкви упомянуты здесь, что называется, заодно.

В позднем «Иконописном подлиннике» XVIII века названа дата утверждения праздника Покрова Божией Матери — 1103 год. [Филимонов Г.Д. Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. М., 1876. С. 163; Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. С. 32. Об установлении праздника в Южной Руси, ещё до Андрея Боголюбского, см.: Сергей (Спасский), архиеп. Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятая Богородицы. СПб., 1898]. Однако откуда она заимствована, неизвестно.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов... С. 129-131. Правда, сама О.В. Лосева не сомневается в том, что Слово на Покров написано книжниками Андрея Боголюбского, если не им самим. Более того, исходя из того, что Слово «возникло одновременно с составлением учительного раздела» Пролога, исследовательница допускает, что Андрей мог быть «инициатором всего предприятия», т. е. инициатором переработки Пролога и включения в него особого, «учительного» раздела.

В Ипатьевской летописи число лет княжения Ростислава Мстиславича ошибочно показано как 50, что объясняется простой ошибкой, вызванной сходством в написании кириллических букв «и» (8) и «н» (50). О дате смерти см.: *Бережков. С. 178-179.*

«Святым» и «треблаженным» назвал князя Ростислава Мстиславича смоленский книжник уже вскоре после его смерти [*Шапов Я.Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 59]. Позднее князь Ростислав-Михаил Смоленский был причтён к лику святых. Память его празднуется 14 марта (по старому стилю), в день его кончины.

О том, что речь идёт о неизвестной из других источников дочери Андрея Боголюбского и жене князя Олега Святославича-младшего, см.: *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. (Отд. оттиск из IX вып. Летописи занятий Археографической комиссии.) С. 272, прим. 10 (Р.В. Зотов предположительно называет её имя — Евфросиния, упомянутое в Любечском синодике черниговских князей как имя жены некоего «великого князя Феодосия Черниговского»; правда, для отождествления его с Олегом Святославичем-младшим оснований явно недостаточно: Там же. С. 25, 41–42). С этим согласны и А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский (Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси. С. 50–51, прим. 20). Такое понимание текста следует признать наиболее логичным; странно, однако, что о браке Андреевны и сына Святослава Всеволодовича ранее в летописях ничего не говорилось. Однако в летописной фразе не исключена и ошибка. Речь может идти о сестре Андрея (т. е. ошибка — в слове «Андреевна»), бывшей жене князя Олега Святославича-старшего. Именно так понял текст автор Московского летописного свода конца XV в., который сразу же за этим и в связи с этим сообщил о браке Олега с дочерью Ростислава Мстиславича: ПСРЛ. Т. 25. С. 74. Но Олег вступил в новый брак с Агафьей Ростиславной ещё в 1164 г.; в следующем году у него родился сын Святослав (в крещении Борис) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 525, 526). Так что если принимать данное толкование летописной фразы, то получается, что Олег развёлся с Андреевной — возможно, страдавшей какой-то болезнью, и ещё при

её жизни вступил в новый брак, что в принципе вполне допустимо. Наконец, нельзя исключать и третью версию: «Андреевна» — это действительно дочь Андрея Боголюбского, но в летописи она ошибочно названа женой Олега («за Олгом за Святославичем»); в действительности же речь идёт о вдове умершего в том же году князя Святослава Владимировича.

Что это за князь, трудно сказать с уверенностью. Иногда полагают, что речь идёт о племяннике Мстислава, сыне его младшего брата Ярополка, — но тот к указанному времени должен был быть ещё совсем юным; иногда — что о каком-то другом князе — может быть, сыне бывшего киевского князя Ярополка Владимировича, родившемся незадолго до смерти отца. В летописи Василько Ярополчич упоминается и раньше. Это был весьма деятельный и храбрый князь. Так, в 1166 году он разбил половцев на реке Рось: «...много же их руками изоима, и обогатишася дружина его оружием и кони, и сам искупа (выкупа. — А. К.) много има на них».

О том, что в данном случае речь идёт о племяннике («сыновце») Мстислава, определённо говорят поздние летописи; см., напр.: ПСРЛ. Т. 25. С. 75; и др. Однако уверенности в этом нет. Прежде всего, требуется ответить на вопрос: тот ли это Василько Ярополчич, который упоминался ранее в связи с событиями 1150/51 г. (см. в первой части книги). Если да, то он, конечно, не мог быть сыном Ярополка Изяславича, появляющегося на страницах летописи гораздо позже. Однако тот, первый, Василько упоминается как союзник Владимирка Галицкого и Андрея Боголюбского, что вообще не вяжется с действиями второго Василька, выступающего в качестве верного союзника Мстислава Изяславича. Можно высказать ещё одно предположение: упомянутый Василько (тот и другой или же только второй) был сыном бывшего киевского князя Ярополка Владимировича. Правда, считается, что у Ярополка не было сыновей, — но это утверждение бесспорно лишь для времени начала его киевского княжения, когда он прилагал усилия для передачи власти своему старшему

племяннику Всеволоду Мстиславичу. Но, может быть, сын у него родился позже, незадолго до смерти? Тогда он вполне мог принять участие в событиях 50–60-х гг. XII в. Подробнее см. об этом: *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей... С. 109–110. Впрочем, мы знаем далеко не всех русских князей XII в., а потому нельзя исключать, что речь идёт о каком-то неизвестном нам князе (или неизвестных нам князьях).

Считается, что речь идёт о внуках бывшего волынского князя Давыда Игоревича, хотя отец братьев, князь Всеволодко Городенский († 1142), ни разу не упомянут в летописях (кроме совсем уж поздних) с отчеством, и чьим сыном он был, остаётся неизвестным.

По мнению А.В. Назаренко, князь Всеволодко Городенский мог быть сыном берестейского князя Ярослава Ярополчича, правнуком Изяслава Ярославича Киевского; см.: *Назаренко А.В.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 169–188; *он же.* Древняя Русь и славяне (Историко-филологические исследования). М., 2009 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007). С. 124–161.

Ниже, в рассказе о начале княжения Мстислава в Киеве, названа дата его вступления в город (Там же. Стб. 535). Н.Г. Бережков полагал, что в тексте летописи ошибка и вместо «мая в 19 день» следует читать: «мая в 15 день», ибо именно 15 мая приходилось в указанном году на понедельник, а летописец сообщает о вступлении Мстислава в Киев «у понедельник» (*Бережков. С. 179*). Но летописец дважды сообщает о вступлении Мстислава в город! В первый раз это произошло не в понедельник, а в пятницу («...бе же день тогда пяток»), и именно в этот день князь взял «ряд» с киевлянами. Думаю, что именно этот день заключения договора с князем и отложился в Киеве как день начала княжения Мстислава Изяславича. 19-е же мая в 1167 г. пришлось как раз на пятницу.

По-другому сообщает В.Н. Татищев, по сведениям которого Мстислав передал Вышгород обоим братьям Ростиславичам — «для любви, яко братаничам».

См. также: НПЛ. С.. 32. Здесь же, в Новгородской Первой летописи, названа и дата ухода Святослава: новгородцы сидели «без князя» «от Семеня дня (1 сентября. — *А. К.*) до Великаго дни (Пасхи, т. е. 31 марта. — *А. К.*)», а точнее, до 14 апреля, «второй недели» после Пасхи (Там же. С. 33).

Как полагает В.Л. Янин, этого Якуна не следует отождествлять с прежним новгородским посадником, носившим то же имя, — Якуном Мирославичем (*Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 146-147; отмечается, что в списке новгородских посадников они показаны отдельно друг от друга*). Иначе считает А.А. Гиппиус, согласно которому политическая карьера Якуна продолжалась очень долго — 40 лет (*Гиппиус А.А. Пётр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 68-69, прим. 6*). В некоторых позднейших источниках этот второй Якун называется Андреевичем (ПСРЛ. Т. 9. С. 242; Степенная книга. Т. 1. С. 468).

В Никоновской летописи говорится не просто о «запрещении», но о «заточении» игумена Поликарпа. В этом митрополиту Константину помогали черниговский епископ Антоний и некий переяславский епископ, который в одном из поздних списков летописи, так называемом Лаптевском, поименован Феодором, а в «Истории...» В.Н. Татищева — Антонием. У В.Н. Татищева этот сюжет получил дальнейшее развитие. Здесь сообщается о том, что князь Мстислав Изяславич будто бы созвал в Киеве церковный собор, на который явились епископы, игумены, попы и «чернцы умные», «и снисдеся их до полутораства». От Андрея на собор явился «Федорец, игумен из Суздаля», — то есть будущий церковный раскольник «лжевладыка» Феодор, который затем отправился из Киева в Константинополь. На соборе начались споры, «и бысть прение в них многое»: одни стояли за игумена Поликарпа, другие — за митрополита; большинство же отговаривалось незнанием. Андрей будто бы писал к Мстиславу, «да ссадит митрополита и велит ина епископом избрати». (В одном из списков «Истории...» Татищев позднее дописал, что Андрей в письме представлял Мстиславу, какой «от власти патриархов в Руси великий вред и напрасные убытки».) Но Мстислав, зная о неприязни к себе князей, опасался озлобить еще и епископов. Когда же большинство участников собора разошлись, митрополит «с Антониями» осудил Поликарпа на заточение [ПСРЛ. Т. 9. С. 236; *Татищев*. Т. 4. С. 273-274; Т. 3. С. 87-89]. Очень похоже на то, что и здесь мы имеем дело с домыслами историописателя XVIII века.

В Новгородской Первой летописи рассказ о походе на Киев помещён после известия о том, что «тому же лету исходящу, на весну», князь Роман Мстиславич с новгородцами разорил Торопец (НПЛ. С.. 33, 220-221).

Об этом свидетельствует Новгородская Первая летопись. Некоторые поздние летописи в числе участников похода называют ещё и белозерцев; «...и вся земля та поиде на нь», — читаем, например, в Ермолинской летописи (ПСРЛ. Т. 23. С. 47; см. также: ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 240 (Тверская); ПСРЛ. Т. 20. С. 124 (Львовская); и др.).

О том, что Славята был дедом воеводы Бориса и отцом Жидислава (Жирослава), нам известно из Сказания о чудесах Владимирской иконы, где сестра Бориса Мария названа игуменьей «своего ей деда» Славятина монастыря; см. выше.

Лаврентьевская летопись называет Всеволода крестильным, а не мирским именем — Дмитр; в Радзивилловской и Московско-Академической летописях это имя звучит иначе — Дмитрок, или Дмитрько; см.: ПСРЛ. Т. 38. С. 132. В Лаврентьевском списке перечень князей искажён: вместо Дмитра Гюргевича (как в Радзивилловской) здесь читаются два имени: «Дмитр и Гюрги». Возможно, это вызвано желанием согласовать общее число князей: цифра «11» («и инех князий 11») приведена здесь уже после упоминания князя Мстислава Андреевича, хотя в число одиннадцати князей сын Боголюбского, несомненно, входил. (В Ипатьевской летописи по той же причине в число князей был включён Борис Жидиславич.) В более поздних летописях путаница продолжилась. Так, в Никоновской упоминаются и Всеволод, и «князь Дмитрей», и «князь Юрьи», и ещё какой-то «князь Мстислав» (отличный и от сына Боголюбского, и от брата смоленских князей Ростиславичей, и от племянника Андрея), «и иных множество князей» (ПСРЛ. Т. 9. С. 237). Современный историк делает из этого вывод, что «в походе участвовало не менее четырнадцати князей» (*Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 245).

Хотя позднейший источник украинского происхождения, так называемая Густынская летопись, называет «Матешича» главным организатором похода: «злонравный» Владимир Мстиславич, «иже тогда бяше в Москве при Андрею Боголюбском... всегда поущающе князей на Мстислава», так что князя «кроме всякия вины вокрамолишася на Мстислава Изяславича, паче же на погубление княжения Киевьскаго» [ПСРЛ. Т. 40. С. 93]. Заметим, что «Москва» здесь — не конкретная крепость на юго-западе Суздальской земли, но обобщённое название владений Андрея Боголюбского.

По-другому рассказывается в поздней Никоновской летописи. Здесь в измене обвинены всё те же бояре Мстислава Пётр и Нестор Бориславичи (последний, правда, назван Жирославичем) и некий Яков Дигеневич: они «начата коромолити и тайно съсылатися со князем Мстиславом Андреевичем и со иными князи, како предати им град Киев». По их задумке, князя должны были открыто приступать к «крепким местам» городских укреплений, а тайно готовиться к штурму других, менее укреплённых мест: «Да егда, рече, вси приступаєте к крепким местом града, сице и наши все гражане у крепких мест града стануть на бой противу вас; некрепкий же места града нашего небрегоми будутъ, и тако... без труда возмете град». Так и вышло: обороняющиеся оставили «некрепкие места» без должной охраны; «ратнии же кознь творяху, и тако внезапу насунушася все на некрепкое место града, и взяша град Киев». По сведениям авторов летописи, осада продолжалась не три дня, а целых три недели. Автор Новгородской Первой летописи, очевидно, не разобравшись в сути событий или же намеренно скрывая то, что произошло, сообщал, что Мстислав Изяславич по своей воле, «не бияся», покинул Киев. Надо думать, что такая версия казалась предпочтительнее сыну Мстислава Роману, княжившему в Новгороде, и самим новгородцам.

В Ипатьевской: «Рода, тивуна его». Имя Родион приведено в Ермолаевском списке летописи: ПСРЛ. Т. 2. Приложение. С. 43.

В Ипатьевской летописи датой взятия Киева названо 8 марта, но в дате — явная ошибка: «месяца марта в 8 в второе недели поста в среду»; та же дата и ниже — как дата начала княжения Глеба Юрьевича в Киеве (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 545). Между тем в 1169 г. 8 марта пришлось на субботу первой недели поста. Как полагает Н.Г. Бережков, скорее всего, ошибка возникла в результате неверного прочтения кириллической цифры «ei» (12) как «и» (8) (*Бережков. С. 181*). Менее вероятным он считает другое предположение: летописец сам высчитал эту дату, ошибочно отнеся события к концу т. н. «циркамартовского» 6679 г., т. е. к марту 1172 г., когда 8 марта действительно пришлось на среду второй недели поста (*Там же. С. 335–336*).

Так в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской: «грабиша за 2 дни». Автор украинской Густынской летописи согласовывает обе версии: князя грабили Киев «два дни... в третий же день зажгоша его, такожде и все монастыре и церкви огнем пожгоша».

Имеются в виду слова Изяслава Мстиславича, сказанные им в бытность киевским князем: «Не идёт место к голове, но голова к месту».

В некоторых списках фраза имеет продолжение: «Андрею боголюбивому князю много посланья написа от евангельских и пророческих сказаний, яже суть на праздники Господьския...» Однако в других, более ранних списках этот текст вводится фразой, не имеющей отношения к посланиям Андрею: «Книги написа от еуаггельских и пророческих сказаний, яже суть на праздники Господьския...» и т. д. О времени составления Жития св. Кирилла Туровского: Там же. С. 233–235. Прямая цитата из Жития читается в рассказе о «лжеепископе» Феодоре в Московском летописном своде конца XV в. и Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 25. С. 79; ПСРЛ. Т. 7. С. 85: «за [у]коризну тако наречен»).

В исторической литературе назывались и другие произведения Кирилла Туровского, в которых будто бы отразилось «дело Федорца» или присутствуют намёки на него, — «Слово о расслабленном» (*Грушевский А. Очерк истории Турово-Пинского княжества X-XIII вв. Киев, 1901. С. 76*), «Слово на собор святых отец» (*Левшун Л.В. Позиция Кирилла Туровского в деле Феодорца Ростовского и её отражение в «Слове на сбор святых отец» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 106-122*).

О том, что «Слово» обращено к Андрею, прямо говорится в одном из списков Жития святого Кирилла, где после слов: «Андрею боголюбивому князю много посланья написа» читаем: «...блаженнаго Кюрила книга епископа Турьскаго слово о душе полезно. О хромци и о слепци». [*Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. № VI. Проложное Житие Кирилла, епископа Туровского // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 82. № 4. СПб., 1907. С. 63, прим. 2].

В Ипатьевской летописи слегка распространён рассказ, читающийся в Лаврентьевской (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356), — но распространён именно за счёт подробностей, которые могли быть известны в Киеве.

Иные сведения о судьбе Феодора приведены в «Истории...» В.Н. Татищева. Здесь говорится о том, что Андрей отправил в Киев вместе с осуждённым своего посла, а также «челобитчика и свидетелей», «написав все приносимые на него вины». Митрополит, «исследовав всё прилежно и облича его судом духовным недостойна быть причастником церкви», отправил Феодора на «Пёсий остров» «на покаяние». Но тот и там начал «наипаче злоречить митрополита и тяжкие ереси произносить», за что был отдан на суд великого князя — надо полагать, Глеба Юрьевича. И уже великий князь осудил его, «яко богохульника: велел ему язык урезать, очи исторгнуть и руку правую, а потом главу отсечь». «И прокляли его собором, а книги, писанные им, на торгу пред народом сожгли» [*Татищев. Т. 3. С. 91*].

«Янева брата», как уточняет летописец — вероятно, желая отличить его от другого воеводы Владислава, Ляха, — притом что ни о каком Яне в летописи ничего не говорится.

О том, что Даниил был «на Лаче озере», вспоминают в статье под 1378 г. авторы несохранившейся Троицкой и Симеоновской летописей (Троицкая летопись. С. 417; ПСРЛ. Т. 18. С. 128).

В.Л. Янин и А.А. Зализняк датируют грамоту зимними месяцами 1166/67 г., отождествляя описанные в ней события с походом Мстислава «за Волок» (Новгородские грамоты на бересте. Т. 10. С. 25). Это не исключено. Однако видеть в «муже Андрея» из текста грамоты сына Боголюбского нельзя: последний мог быть назван «князем», «княжичем», либо по имени, но никак не «мужем» своего отца.

«Противостояние боярских группировок Людина и Неревского концов составляло нерв политической жизни Новгорода на протяжении всего XII в.», — писал по этому поводу А.А. Гиппиус (*Гиппиус А.А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 87).*

В ряде более поздних летописей рассказ о битве читается под предшествующим, 1168 г.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 22 (Рогожский летописец); *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 352; и др.

В «Слове о Знамени Пресвятой Богородицы» сообщается о том, что столкновение «данщиков» произошло на Белоозере. Это, однако, представляется историкам менее вероятным — Белоозеро изначально входило в состав Ростовского княжества. См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 92, прим. 280.

Это разночтение объяснимо. В XII–XIII вв. Новгород делился на четыре «конца», позднее их стало пять. Обычной практикой была посылка в войско равного числа воинов от каждого из «концов». «По сто мужь» от «концов» в XII в. воспринималось как четыреста человек, а в XIV — уже как пятьсот (*Конявская Е.Л.* Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса: Сб. статей памяти акад. Л.В. Милова. М., 2009. С. 71).

Согласно одной из новгородских летописей (т. н. Летописи епископа Павла) — 1400 человек (*Бобров А.Г. Летописание Великого Новгорода второй половины XV в. //ТОДРЛ.Т. 53. СПб., 2003. С. 113*).

В более поздних версиях «Сказания о Знамени Пресвятой Богородицы» этот сюжет получил развитие. В так называемом «Воспоминании бывшего знамения и чуде...» (памятнике, представляющем собой переработку «Слова...» и, возможно, написанном знаменитым книжником XV века Пахомием Логофетом) об Андрее сообщается, что «Божиим попущением внезапно болезни на нь наскочивши. И никако же преста, но бе и еще гневом дыхая...». Болезнь князя изображена на одной из миниатюр в рукописи XVII века, иллюстрирующих поход суздальцев на Новгород [См.: *Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 115 (из «Воспоминания Знамения», по соловецкой рукописи «Минеи новым чудотворцам» 1494 г.), 146 (описание рукописи, иллюстрирующей «Сказание о Знамени»)]].*

О походе объединённой рати на Новгород рассказывают несколько независимых (или почти независимых) друг от друга источников, близких по времени к описываемым событиям. Во-первых, это принадлежащий, вероятно, священнику Герману Вояте новгородский по происхождению рассказ Новгородской Первой летописи старшего извода, слегка дополненный в младшем изводе той же летописи (НПЛ. С. 33, 221). Во-вторых, антиновгородский по своей направленности и суздальский по происхождению рассказ Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 361-362; ПСРЛ. Т. 38. С. 134-135, с некоторыми уточнениями в Радзивилловской и Академической летописях). Наконец, в-третьих, рассказ Ипатьевской летописи. В последнюю был включён полностью рассказ из Суздальской летописи, но он наложился на самостоятельное повествование о походе, очевидно, восходящее к летописцу князей Ростиславичей. Это повествование также имеет антиновгородскую направленность, но излагает события с точки зрения смоленских князей. Ряд фактов, приведённых в Ипатьевской летописи, не имеет соответствия в иных источниках. Особая, легендарная версия событий представлена в «Слове о Знамени Пресвятой Богородицы» (см. выше). Помимо прочего, сын Боголюбского назван здесь не Мстиславом, а Романом. Причины появления этого имени прояснены: оно свидетельствует о том, что в «Слове...» или его источнике был использован рассказ Новгородской Первой летописи, где сын Боголюбского не назван по имени, а сразу вслед за ним идёт имя князя Романа Ростиславича: «В то же лето, на зиму, придоша под Новъгород суждальци с Андреевицемъ, Роман и

Мьстислав с смольняны...» Это было понято так, что Роман — имя Андреевича (см.: *Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера...* С. 102). В позднейших летописях эти версии представлены в различных комбинациях и сочетаниях друг с другом. Ничего принципиально нового для понимания хода войны они, как правило, не дают.

«...Бе бо тогда воюя Новгородскую волость», — проясняет обстоятельства его кончины киевский летописец: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 550. Здесь же читается похвала князю Святославу Ростиславичу, вполне трафаретная по содержанию.

Нередко считается, что речь идёт о подвигах сына Боголюбского Мстислава (см., напр.: *Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский*. С. 157). Но это, по-видимому, неверно. Как уже говорилось, в рассказе Ипатьевской летописи отразились фрагменты летописания князей Ростиславичей. Соответственно, упомянутый Мстислав должен быть отождествлён с торопецким князем, имя которого вместе с именем его брата Романа названо в летописном рассказе первым. В Лаврентьевской летописи упоминания о подвигах Мстислава нет.

То же и в летописях XV в., в частности Ермолинской, Львовской, где вообще ничего не говорится о сражении под Новгородом, но сказано лишь, что князя «не успевше граду ничто же, но язву приимше, възратишася» (ПСРЛ. Т. 23. С. 48; ПСРЛ. Т. 20. С. 126; и др.).

Особая версия Новгородской войны, как всегда, приведена у Татищева. По утверждению историка XVIII века, причиной войны стало избиение суздальских «данщиков» на Двине. Узнав об этом, Андрей «вельми оскорбился» и потребовал выдачи Данислава с сообщниками. Новгородцы отказались, «говоря, что князю не надлежало в их области... дань брать и впредь бы не посылал, грозя таким же мщением». Начав войну, суздальские войска захватили и сожгли Великие Луки и Торжок и, переловив новгородских послов, сослали их в заточение в Смоленск. По пути к Новгороду союзники разбили двух новгородских воевод в сражениях у Русы и на реке Мете близ Новгорода. Причиной поражения суздальской рати Татищев называет жестокий голод, «а к тому новгородцы все жита и скот из ближних мест обрали во град и в дальние места отвезли». О разгроме суздальской рати здесь нет ни слова; сказано лишь, что князья, видя невозможность взять город, принуждены были снять осаду и возвратиться назад [*Татищев. Т. 3. С. 94*].

О том, что Илья принял пострижение только перед смертью, свидетельствует запись конца XII в., сохранившаяся на последнем листе пергаменного Студийского устава (ГИМ. Син. № 330): «...преставися Илия, архиепископ Новгородский, постригся месяца сепмтября в 7 день... и бысть ему имя мнишьское Иоан» (*Столярова Л.В.* Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // ПСРЛ. Т. 3: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Приложение 4. С. 563).

Как сообщается в Житии св. Иоанна, новгородцы «поругашася ему» и «ковъ (злой умысел. — А. К.) на святого воздвигше», однако затем убедились в собственной неправоте и испросили у святого прощение; см.: Памятники литературы Древней Руси. XIII — середина XV в. М., 1981. С. 454–463 (подг. текста, пер., коммент. Л.А. Дмитриева): «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе», в составе Жития св. Иоанна, написанного в XV в., скорее всего, знаменитым агиографом Пахомием Логофетом.

Так в большинстве списков «Слова...». В одном из списков, опубликованном в «Памятниках литературы Древней Руси» и других изданиях, — «во вторую ночь».

Именно так полагали составители Устюжской летописи, в которой легенда о новгородской иконе получила дальнейшее развитие По словам книжника XVI века, «по грехом, един князь муромец стрелил на град, и прииде (попала стрела — А.К.) во образ иконы Она же отврати лице свое на град, а ратные все ослепоша» [ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI-XVII вв. Л., 1982. С. 28 (список Мациевича), 68 (Архангелогородский летописец)].

До XV в., отмечает исследовательница, праздник Знамения встречается в месяцесловах крайне редко.

Так, предполагалось, что дата была перенесена, во-первых, из-за неудобства отмечать это празднование «во дни Великого поста», а во-вторых, так как 27 ноября Церковь празднует память св. Иакова Персиянина, а этот день мог быть именинами тогдашнего посадника Якуна (Якова?) (*Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. С. 486*). Вспоминали ещё о том, что в тот же день в месяцесловах показана память преп. Романа (V в.), и, таким образом, празднование могло быть установлено в честь молодого новгородского князя Романа Мстиславича (*Конявская Е.Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе. С. 75*); правда, преп. Роман был малоизвестен в древней Руси и память его в месяцесловах домонгольского времени отсутствует. По мнению В.Л. Янина, выбор дня празднования (память св. Иакова Перского) мог объясняться тем, что ближайшей церковью к месту штурма Новгорода в феврале 1170 г. была церковь Св. Иакова на Добрыне улице — поблизости от будущего Рождество-Богородицкого монастыря «на Десятине». «Допустимо предположить, что в храмовый праздник 27 ноября служба св. Якову соединялась с воспоминаниями о победе, добытой новгородцами около этой церкви, в которой, видимо, должен был совершиться и первый благодарственный молебен после битвы 1170 г., — пишет историк. — ...Полагаем, что до установления общегородского празднования “Знамения” в середине XIV в. память о битве 1170 г. с поминанием её жертв уже была привязана к дню Якова Перского... и именно эта традиция воздействовала на сохранение рассмотренной особенности Знаменского культа» (*Янин В.Л. «Знаменская легенда» в Древней Руси. С. 235-236*).

Аргументацию исследователя, однако, ослабляет то обстоятельство, что, согласно поздним источникам, церковь на Добрыне улице была посвящена не Иакову Персиянину, а апостолу Иакову Алфееву, брату Господню, дни памяти которого (и, соответственно, храмовый праздник церкви) совершенно иные. Но, по мнению В.Л. Янина, мы имеем дело с относительно поздним «перепосвящением» храма.

По мнению исследователя, как и один из двух сохранившихся новгородских кратиров (чаш для причастия), хранившихся в ризнице новгородского Софийского собора, — так называемый кратир мастера Косты с изображениями св. апостола Петра и мученицы Анастасии, — Знаменская икона была вкладом новгородского боярина Петра Михалковича по случаю бракосочетания его дочери (Анастасии?) с князем Мстиславом Юрьевичем в 1156 г. Версия А.А. Гиппиуса получила широкое признание в исторической литературе. Кажется, однако, что на иконе, созданной по случаю брака (если признать её патрональной), уместнее было бы изобразить небесных покровителей жениха и невесты, а не невесты и её отца. В версии А.А. Гиппиуса имеется ещё одно «слабое место»: по логике исследователя, такой вклад должен был быть сделан в кафедральный Софийский собор. Однако икона Знамения первоначально хранилась в Спасской церкви на Торговой стороне Новгорода. Возможно, Петра Михалковича связывали с этой церковью какие-то особые отношения (Там же. С. 92), но нам о них ничего не известно.

Сюжет с внезапным ослеплением вражеского войска тоже относится к числу распространённых в сказаниях такого рода. Между прочим, в связь с рассказом «Слова о Знамении...» можно поставить легендарный же рассказ Типографской летописи XV века (в которой отразился более ранний ростовский летописный свод) об осаде Суздаля волжскими болгарами в 1107/08 году: там тоже «Всемиловитый Бог... избави от бед (суздальцев. — А. К.): ослепиша бо вся ратныа болгары, и та[ко] из града изшедше, всех избиша».

[ПСРЛ. Т. 24. С. 72–73. Сходство с событиями Новгородской войны 1170 г. усиливается за счёт ссылки позднего летописца на ниневитян, некогда так же помилованных Богом («...якоже древле ниневгитяне помилова, тако и сих избави от бед»; ср.: *Иона 3: 10*); близкий текст читается в рассказе о Новгородской войне в Лаврентьевской летописи («...но яко ниневгитяны помилуеть, яко и бысть... избави я милостью Своею...»)].

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 561–562, под 6681 г. Выше приведена дата смерти князя Мстислава Изяславича (Стб. 559, под 6680 г.).

В Ипатьевской летописи приведена дата ухода Рюрика с юга — 8 августа. Но эта дата неверна (см.: *Бережков. С. 187*). Возможно, верное чтение: 8 сентября?

Из этой надписи, сделанной со слов княгини попом Савлом, мы узнаём, что жена князя Владимира Андреевича приходилась родной сестрой князьям Олегу, Игорю и Всеволоду Святославичам.

Дата погребения указана (поверх исправленного) в Хлебниковском списке летописи. В Ипатьевском ошибочно: 15 февраля. Ср.: *Бережков*. С. 181–182.

В «Истории...» В.Н. Татищева дан такой портрет князя Мстислава Изяславича: «Сей князь роста был не вельми великаго, но широк плечима и крепок, яко его лук едва кто натянуть мог. Лицем красен, власы кудрявы и краткие носил. Мужествен был во брани, любитель правды, его храбрости ради все князи его боялись и почитали. Хотя часто с жёнами и дружиною веселился, но жёны ни вино им не обладало. Он всегда к росправе и разпорядку был готов, для того мало спал, но много книг читал, и в советах о росправе земской с вельможи упражднялся, и детей своих прилежно тому наставлял, сказуя им, что честь и польза князя состоит в правосудии, росправе и храбрости» [*Татищев*. Т. 3. С. 95–96. Весь этот текст написан в Воронцовском списке «Истории...» на вклейке]. Об этом портрете можно сказать то же, что мы говорили о других татищевских характеристиках князей, — скорее всего, в своей основной части он принадлежит самому историку.

«...Не бысть сего», — решительно отвергает эти обвинения автор позднейшей Густынской летописи.

В Ипатьевской летописи: «месяца февраля в 15 день Масльное [не] дели» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566). Но Масленица в 1171 г. продолжалась с 1 по 7 февраля; 15 февраля в этом году пришлось на понедельник второй седмицы Великого поста. Надо думать, что «ег» день в рукописи получился в результате испорченного чтения из «е»-й, т. е. 5-го числа.

Правильная дата в Хлебниковском списке. В Ипатьевском ошибочно: 30 мая. Ср.: *Бережков*. С. 338, прим. 138.

Здесь же, пожалуй, стоит заметить, что с «царскими» притязаниями Андрея Боголюбского и с политической и идеологической борьбой его времени иногда связывают ещё одно сочинение, сохранившееся в списках не ранее XV в., — «Повесть о царе Дариане». В ней осуждается некий древний царь Дариан (или Адариан, т. е. Дарий), которому пришло на ум назваться богом: в этом видят памфлет против Андрея (*Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 87–90). Но это чисто переводной памятник, имеющий все черты сходства с другими переводными апокрифическими сочинениями, переписывавшимися в древней Руси (см.: *Зайцев А. И., Каган М.Д.* Повесть о царе Адариане // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 368–370).

Первый исследователь наплечников Г.Д. Филимонов писал, что первоначально эта их часть (правая) хранилась при мощах князя Андрея и лишь затем попала в ризницу собора. Это указание можно было бы рассматривать как твёрдое доказательство их принадлежности князю Андрею Боголюбскому. Однако ныне свидетельство Филимонова ставится под сомнение: ни в одной из сохранившихся описей собора ни о чём подобном не сообщается [*Родина М. Наплечники Боголюбского или армиллы Барбароссы? // Родина. 2006. № 5. С. 65 (со ссылкой на: Филимонов Г.Д. Древнейшие западные эмали в России, приписываемые Св. Антонию Римлянину и Андрею Боголюбскому // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1874. С. 22)*].

В этом Абуласане одни историки видят армянина, «именитого купца, бывшего в разных краях по торговым предприятиям», или крупного армянского феодала (*Еремян С.Т.* Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках // Научные труды Ереванского Государственного университета им. Молотова. Т. 23. Ереван, 1946. С. 395; автор отождествляет Абуласана с крупным армянским феодалом Амир-Курдом Арцруни, занимавшим при царе Грузии Георгии III наследственную должность «эристава эриставов и амира амиров Картлии и Тбилиси», а также министра финансов), а другие — грузинского дворянина или грузинского же купца, главу местной городской организации (*Папаскири З. В.* Указ. соч. С. 141).

В Ипатьевской летописи сообщение о рождении княжича, заимствованное из Суздальской летописи, помещено не на своём месте, под 6680 г., среди событий 1169/70 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 551). В Радзивилловской Василий ошибочно назван сыном Андрея (ПСРЛ. Т. 38. С. 135).

Лаврентьевская и Ипатьевская летописи содержат практически совпадающие рассказы о походе: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 364 (под 6680 г.); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 564–566 (под 6681 г.). О походе сообщается, что он имел место «тое же зимы», после сообщения о смерти князя Глеба Юрьевича. Затем в Лаврентьевской летописи следует краткое известие о посылке Андреем на киевский стол князя Романа Ростиславича и вокняжении в Смоленске Романова сына Ярополка, неправильно датированное также зимой («тое же зимы»), хотя в действительности Роман прибыл в Киев летом 1171 г. (см. выше). Н.Г. Бережков видел здесь явное нарушение хронологии и датировал поход на Волжскую Болгарию зимними месяцами 1171/72 г. (*Бережков. С. 77*). С его мнением соглашаются большинство историков; см., напр.: *Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей... С. 37, прим. 38; и др.* Однако никаких видимых оснований предполагать, что автор летописи нарушил хронологическую последовательность событий, у нас нет. Датировка похода «той же зимой», т. е. зимними месяцами 1170/71 г., после января (смерти Глеба), но до вокняжения Романа в Киеве, кажется предпочтительной.

Дополнительные сведения о походе приведены в «Истории» В Н Татищева. Здесь названа примерная численность «передней дружины» Мстислава «лучших людей с 2000 человек» По представлениям Татищева, хорошо знавшего регион, удар был нанесен не столько по болгарам, сколько по мордве, чьи «великие села» и были захвачены и разорены русскими Болгары нагнали Мстислава в восьми верстах от Оки (видимо, кириллическая цифра «к» (20) была прочитана Татищевым как «ы» (8)), когда воины Мстислава, «с полоном наперёд пущенные», переправлялись через реку. Но Мстислав, «хотя был с малым числом, однако ж, помощью Божиею, сохранно» отошёл. «И тако Мстислав возвратился в дом со многим полонем к великому обрадованию отца своего и народа...» [Татищев. Т. 3. С. 97].

Если же, вслед за большинством историков, датировать болгарский поход зимними месяцами начала 1172 года, то получится, что Мстислав умер совсем скоро после возвращения из него. В таком случае, может быть, от полученных ран?

Согласно преданию (впрочем, едва ли надёжному), некогда над гробницей князя Мстислава Андреевича возвышалась мраморная статуя, поставленная будто бы самим Андреем, но впоследствии утерянная; см.: *Георгиевский В.Т.* Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. С. 96, прим. Стоит, пожалуй, заметить, что подобные скульптурные надгробия были распространены в то время в Западной Европе.

Историк Русской церкви Е.Е. Голубинский в своё время предположил, что Глеб — это не кто иной, как князь Юрий (Георгий) Андреевич (*Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 134–135, прим. 2*). Заметим, что Голубинский не знал грузинских источников о Юрии Андреевиче и считал легендой указание Н.М. Карамзина на факт его женитьбы на царице Тамаре. Привлечение же грузинских источников (о них см. ниже, в следующей части книги) делает предположение исследователя, и без того кажущееся зыбким, совершенно невероятным. Между тем гипотеза Голубинского получила распространение в историографии. Так, она по существу принята составителями современной «Православной энциклопедии» (статья «Глеб Андреевич»: Т. 11. С. 562–565, автор соответствующего раздела А.В. Сиренов).

20 июня 1818 года мощи князя Глеба Андреевича были переложены в новую, также серебряную раку, в которой почивают и до настоящего времени. В феврале 1919 года, наряду с мощами других владимирских святых, мощи князя были подвергнуты вскрытию. В протоколе осмотра засвидетельствована их исключительно хорошая сохранность. Последний настоятель Свято-Боголюбовского монастыря Афанасий (Сахаров), впоследствии епископ Ковровский, причтённый ныне к лику святых, отмечал, что «тело святого... было мягким и гибким, и кожу на нём можно было схватить пальцами, она отставала, как у живого». Изъятые из собора, вместе с останками других владимирских святых мощи князя были впоследствии возвращены Церкви; в настоящее время находятся в Успенском соборе Владимира [См.: Православная энциклопедия. Т. 11. С. 562–565].

Между прочим, само наречение княжича можно было бы рассматривать как косвенное свидетельство того, что он появился на свет уже после смерти своего дяди, князя Глеба Юрьевича Киевского, последовавшей в январе 1171 года.

Как установлено исследователями, источниками для Жития князя Глеба являлись прежде всего тексты, хранившиеся во владимирском Успенском соборе: в частности, Житие князя Георгия (Юрия) Всеволодовича и «надгробные листы» над гробницами князя Андрея Боголюбского и митрополита Максима (из последнего заимствован рассказ о нашествии на Владимир царевича Талыча), а также некие «соборные летописи» (Православная энциклопедия. Т. 11. С. 562–564; издание «надгробного листа» над гробницей митрополита Максима: *Сиренов А.В.* Путь к граду Китежу. С. 78–80).

В.Н. Татищев полагал, что вражда между Андреем и князьями Ростиславичами началась именно с того, что Андрей передал Новгород сыну Юрию — в обход прав своих двоюродных племянников. Домысливая летописный текст, историк XVIII века воссоздавал переписку между князьями по этому поводу. «...Но ты учинил неправо, что взял наш Новград, — писали будто бы братья Андрею. — Ведаешь бо сам довольно, что Новград издревле принадлежит к великому князю рускому ко Киеву, а особливо новгородцы колико крат деду и отцу нашим и нам крест целовали, что нас не отступить. И ты сам то утвердил. А ныне, не объявля нам вины нашей, то нарушил». «На сие Андрей им отвечивал тако: “Вы весьма неправо Новаграда требуете, понеже новгородцы роту дали Владимиру (Святому? — А. К.) о старейшем в его поколении. А я есмь старейший междо всеми в племени его”. За сие началась распря у Андрея с Ростиславичи». В этом споре Татищев считал правыми Ростиславичей, «но сила, — замечал он, — обykle ломать закон» [*Татищев*. Т. 3. С. 99, 248–249, прим. 508; Т. 4. С. 281–282]. Соответственно, Татищев дополнял и распространял и другие, известные из летописи послания Ростиславичей к Андрею и Андрея к Ростиславичам.

В «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» этот поход датируется 1174 г., без поправки на хронологический стиль Ипатьевской летописи (*Прохоров Г. М., Творогов О.В. Игорь Святославич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 236–241*). Н.Г. Бережков датирует поход 1171 г. — тем же, что и описанные выше и также летние события той же летописной статьи (*Бережков. С. 189*). Но летом 1171г. Рюрик Ростиславич находился в Новгороде и не мог участвовать в дележе «сайгата». Остаётся отнести поход к лету 1172-го — того же года, что и события, описываемые в той же статье ниже.

Всеволод и Ярополк будут захвачены в плен в Киеве «на Похвалу Святей Богородици» — очевидно, 1173 г., т. е. 24 марта (в субботу пятой недели Великого поста), а княжение Всеволодово продолжалось 5 недель (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 570; см.: *Бережков*. С. 189–190). Скорее всего, это надо понимать так, что началось оно в первую неделю Великого поста (19–25 февраля 1173 г.).

Автор поздней Густынской летописи, наоборот, понял текст так, что Михалко вынужден был уступить Переяславль Рюрику [ПСРЛ. Т.40. С.96-97].

Летописец именует княгиню-инокиню «благоверной», но захоронение её, по-видимому, затерялось, и в число владимирских святых Ольга-Евфросиния включена не была.

«А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне», статья 8-я Краткой редакции «Русской Правды», восходящей к установлениям Ярослава Мудрого. Такой же штраф тому, кто «порвет бороду, а вѣньметъ знамение», то есть вырвет кусок, предусматривала статья 67-я более поздней Пространной редакции.

Относительно штрафа за палец в переводе М.Б. Свердлова сказано не вполне точно: «Если же по пальцу ударит какому-либо, то 3 гривны за обиду». Но в древнерусском тексте употреблён глагол «утнет», и, очевидно, речь идёт именно об отсечении пальца (ср., напр.: *Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 76*).

Татищев. Т. 3. С. 103; Т. 4. С. 284. То же известие: «Выиде Рюрик из Новагорода» читается под 6682 г. в младшем изводе Новгородской Первой летописи (НПЛ. С.. 223). Возможно, это ошибочное дублирование известия под 6679 г.: и там, и там оно поставлено в связь с известием о вступлении в Киев князя Романа Ростиславича (ср.: Там же. С. 222). Показательно, что в читающейся в том же Комиссионном списке Новгородской Первой летописи статье «А се князи Великаго Новагорода» о вторичном княжении Рюрика Ростиславича, разрывающем княжение Андреева сына Юрия, ничего не сказано (Там же. С. 471).

Спустя почти 20 лет, в 1195 году, Мономашичи и Ольговичи почти дословно воспроизведут этот диалог при новом обмене претензиями и попытке заключить договор. Князь Рюрик Ростиславич с братом Давыдом и Всеволод Юрьевич Суздальский потребуют от Ольговичей целовать крест, что те не будут «искать» их «отчин», «как нас розделил дед наш Ярослав по Днепр, а Киев вы не надобе». И Ярослав Всеволодович Черниговский, как старший в «Ольговом племени», ответит им словами покойного брата: «...Мы есмы не угре, ни ляхове. Но единого деда есмы внуци...» [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688-689. Ср.: *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. С. 111-112.] Так что Святослав Всеволодович и в самом деле нашёл очень удачный аргумент против претензий Мономашичей, и этот аргумент был задействован и позднее.

Один из поздних переписчиков летописного сказания об убиении князя (его так называемой «церковной обработки» XVI века) так охарактеризовал Андрея: «... быше бо князь силен и рожею (лицом? или, может быть, грозою? — *А. К.*) исполнен» [*Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Приложение. С. 88. В другом списке того же сказания (Там же, прим. 38–38) этих слов нет, как нет их и в редакции повести об убиении князя в составе Софийской Первой летописи — вероятном источнике данной «церковной обработки» сказания]. Видимо, это надо понимать так, что в гневе лицо князя искажалось внушающей страх гримасой.

Схожее имя Анбал, или Анбалан (Ανπαλ, Ανπαλαν), присутствует в Зеленчукской надмогильной надписи X–XII вв. — древнейшем памятнике аланского (осетинского) языка. «Такая форма вполне могла существовать как в качестве собственного имени, так и нарицательно», — констатирует В.И. Абаев.

В исторической литературе получила распространение мысль о том, что Анбал был иудеем (при этом зачастую ссылаются на распространение иудаизма в раннесредневековой Алании, правда, значительно более раннего времени). Основанием для такого предположения послужило то, что в рассказе о последующих за убийством князя событиях Кузьмище Киянин обращается к Анбалу со словами: «жидовине», а до того: «вороже» (т. е. «враже») и «еретиче» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 590; при этом стоит иметь в виду, что в устах православного человека слово «еретик», в точном его значении, к иудею явно не применимо). См. из последних работ, напр.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь... С. 644–645; *Кривошее Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. С. 78–85 (последний автор, основываясь на предположении об иудейском происхождении Анбала, строит уже совершенно фантастическую и не имеющую ни малейшего отношения к реалиям Северо-Восточной Руси XII в. «религиозную версию» убийства князя, на некоторые, явно абсурдные положения которой обращалось внимание в литературе; см.: *Левин Е.* Еврейский след в убийстве Андрея Боголюбского // <http://booknik.ru/context/all/evreyiskiyi-sled-v-ubiyistveandreya-bogolyubskogo>). Это мнение принято и историками-гебраистами; см., напр.: *Берхин И.* Из давно минувшего (Материалы и заметки по истории русских

евреев). 1. Андрей Боголюбский и евреи // *Восход*. СПб., 1883. Июль — август. С. 148-155; из последних работ: *Кулик А. Евреи Древней Руси: Источники и историческая реконструкция* // *Ruthenica*. Т. VII. Киев, 2008. С. 58-59; то же // *История еврейского народа в России*. Т. 1: От древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. Иерусалим; М., 2010. С. 193-195; и мн. др. Однако не вызывает сомнений тот факт, что обращение «жидовине» не несёт в себе указания на этническое или религиозное происхождение одного из убийц князя, но является «топосом», «общим местом», представляя собой обвинение убийцам, уподобление их «жидам», предавшим и убившим Христа (ср. выше в том же рассказе Ипатьевской летописи: «...и тече... якоже Июда к жидом...»; «...и свещаша... якоже Июда на Господа»); см.: *Петрухин В.Я. Евреи в древнерусских источниках. XI-XIII вв.* // Там же. С. 231.

Соблазнительно было бы принять предположение историков о том, что Анбал попал во Владимир вместе со второй женой князя Андрея — подобно тому как братья Кучковичи оказались при дворе Андрея вместе с его первой женой, своей сестрой [См.: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 95]. Однако о том, что вторая жена Андрея Боголюбского была «ясыней», сообщает лишь В.Н. Татищев, к сведениям которого следует относиться с большой осторожностью (см. выше). Возможно, на «ясыне» был женат младший брат Андрея Всеволод, но был ли заключён этот брак уже в то время, и если да, то могло ли это иметь какое-нибудь отношение к происхождению Андреева ключника, совершенно непонятно. Осетинское имя Анбала может свидетельствовать о том, что прежде он был воином. Впрочем, в те времена воинами были почти все люди (за исключением священнослужителей), входившие в окружение любого князя.

Первым такое предположение, кажется, высказал ещё в первой половине XIX в. Н.С. Арцыбашев (Повествование о России. Т. 1. Кн. 2. М., 1838. С. 204); см. также: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 528; и мн. др. В более поздних летописях — Московском своде конца XV в., Воскресенской и т. д. — имя этого человека передано как Офрем Моизович (ПСРЛ. Т. 25. С. 83; ПСРЛ. Т. 7. С. 89; и др.); в позднейшем Житии Андрея XVIII в. — Ефрем Моузовитин (см. Приложение 3).

О времени жизни преп. Никиты можно судить, исходя из имеющейся в тексте Жития даты исцеления им князя Михаила Всеволодовича Черниговского — 6694 (1186) г., но дата эта имеется не во всех редакциях Жития. В некоторых поздних списках названа и дата кончины святого, но по-разному: тот же 1186 или 6701 (1193) г. (Там же. С. 316; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых... С. 47, прим. 1; достоверность обеих дат вызывает сомнения). По археологическим данным, захоронение преподобного относится ко второй половине XII — первой половине XIII в.; см.: *Станюкович А.К.* Гробница преп. Никиты Столпника, Переславского чудотворца. Церковно-археологический очерк. Звенигород, 2001. С. 21.

Напомню, что в «Повести о начале Москвы» убийство князя Андрея Юрьевича объясняется происками его княгини, ищущей «пригорновения и плотского смешения»: именно она приводит своих братьев Кучковичей к ложу «супружника своего» и «предает того в руке врагом... яко Сампсона Далида и яко убийственная Тиндарида сожителя своего, храброго ироя». В другом варианте повествования — «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» — главным героем оказывается некий князь Даниил, персонаж, несомненно, вымышленный, чисто фольклорный, в котором, однако, угадываются черты как Андрея Боголюбского, так и жившего гораздо позже московского князя Даниила Александровича († 1303): этот мифический Даниил тоже был убит по проискам жены, некой княгини Улиты Юрьевны, разгоревшейся блудной похотью к братьям Кучковичам, один из которых был стольником, а другой — чашником князя. Наконец, жену Андрея прямо обвиняет в соучастии в убийстве В.Н. Татищев. По его сведениям, она знала о заговоре и была «в Боголюбове с князем», но «того вечера уехала во Владимир, дабы ей то злодеяние от людей утаить». На другой день после убийства княгиня, «забрав всё имение, уехала в Москву со убийцы, показуя причину, якобы боялась во Владимире смятения народного» [Повести о начале Москвы. С. 178–179, 190; 200–201 и др.; Татищев. Т. 3. С. 105, 106; Т. 4. С. 285, 286].

Татищев. Т. 3. С. 108 (слова, обращенные племянником Андрея Мстиславом своему дяде Михаилу Юрьевичу). В первой редакции «Истории...»: «Убиша его за неправду, иж[е] неповинне люд губи добрый и во братии многу смуту положи» (Т. 4. С. 287). В других местах своей «Истории...» Татищев утверждал, будто Андрей был убит «по научению Глебову», имея в виду рязанского князя (Т. 3. С. 118), а также будто даже спустя год после убийства многие во Владимире полагали, что Андрей был убит «правильно» (Там же. С. 113).

В Москве даже в XIV в. полагали, что князь Андрей Юрьевич был убит «общею думою» едва ли не большинства своих подданных. Когда 3 февраля 1357 г. при загадочных обстоятельствах погиб московский тысяцкий Алексей Петрович Хвост, чей труп был найден утром на площади, по Москве пошли разговоры о том, что «втаю (втайне. — *А. К.*) свет сотвориша и ков коваша на нь, и тако всех общею думою, да яко же Андрей Боголюбый от Кучковичь, тако и сий от своеа дружины пострада»: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65 (свидетельство Рогожского летописца).

И в Лаврентьевской, и в Ипатьевской летописях повесть об убиении Андрея читается под 6683 г., что объясняется использованием в обеих т. н. ультрамартовского стиля; см. исчерпывающе: *Бережков*. С. 78-79, 191-193. Новгородская Первая летопись, устойчиво придерживающаяся мартовского стиля, датирует смерть Андрея 6682 г. Между тем дата 6683 г. попала в большинство поздних летописей, а затем и в другие памятники, где трансформировалась в дату 1175 г. как год смерти Андрея Боголюбского. Эта дата иногда встречается и в современной популярной, церковной и даже серьёзной научной литературе.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369. В последней фразе в рукописи слово «налезоша» начато с киноварного инициала. Но само по себе это не может рассматриваться как свидетельство того, что с этого слова начиналась новая фраза в оригинале. В Радзивилловской летописи в первом случае дата ошибочно показана как 29 *июля* (ПСРЛ. Т. 38. С. 138).

Так, в Тверском летописном сборнике, помимо сюжета с участием в заговоре жены князя, уточнена роль Якима Кучковича: оказывается, это именно он заговорил с князем через дверь от имени «парубка» Прокопия. В Львовской летописи сообщается, что оружие (мечи) убийцы получили от Петра, Кучкова зятя (ПСРЛ. Т. 20. С. 127). В т. н. «церковной обработке» летописной повести (по списку XVI в.) Прокопий назван «служгой и постельником» князя, но он здесь явно различается с тем «служгой кощеим», который находился вместе с князем в опочивальне (*Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Приложение. С. 88*).

Таковы выводы Д.Г. Рохлина и В.С. Майковой-Строгановой, с которыми согласились последующие исследователи. «Заметно, что убийцы не хотели находиться лицом к лицу с князем. Удары наносились преимущественно сбоку, слева от Боголюбского или сзади. Часть из них, наиболее вероятно, причинялась в лежачем положении, по истекающему кровью, потерявшему сознание человеку. Из всех ран наиболее тяжелой, могущей и самостоятельно привести к смерти оказалось проникающее ранение лобной кости черепа справа, при котором не исключалось повреждение головного мозга», — писал судмедэксперт М.А. Фурман, осматривавший костяк в мае 1982 года. «С определённой можно сказать, что большинство зафиксированных дефектов костной ткани находятся на левой стороне скелета и задних поверхностях костей конечностей и производят впечатление нанесенных сверху, что соответствует нанесению ранений уже поверженному человеку с явной целью убить его», — делают выводы сотрудники Института этнологии и антропологии РАН и кафедры антропологии биофака МГУ, работавшие с останками князя в 2010 году [Фурман М. Андрей Боголюбский: Прикосновение к тайне. С. 59–62; Васильев С.В. и др. Антропологическое исследование... С. 68].

Более поздними летописцами слово «рыгати» не было понято и заменено другими: «тръгати», «стенати», «рыкати» и т. д. [«Тръгати»: ПСРЛ. Т. 41. С. 100 (Летописец Переяславля Суздальского); «стенати»: ПСРЛ. Т. 7. С. 89 (Воскресенская); Т. 25. С. 84 (Московский свод конца XV в.); «рыкати»: ПСРЛ. Т. 20. С. 127, 128 (Львовская); ГИМ. Син. № 964. Л. 403 («Летописец Поярка Карпова»); «рыдати»: *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Приложение. С. 88, прим. 47 (один из списков «церковной переделки» летописного сказания об убиении князя).]

Своё решение этой загадки предложил И.Н. Данилевский. В упоминании «десной» руки князя исследователь увидел осуждение Боголюбского («И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя...»: *Мф. 5: 30*) и скрытый намёк на «дело» «лжеепископа» Федорца, у которого также была отрублена именно правая рука. И.Н. Данилевский считает, что фраза об отрубленной руке может представлять собой след некой «редакционной работы, обличающей князя и реабилитирующей в какой-то степени его убийц» (*Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников... С. 85–90*). Однако в панегирической и в целом, и в частностях летописной повести об убиении князя едва ли возможно увидеть некий «зашифрованный» текст; это вообще несвойственно древнерусской литературе, на что уже обращалось внимание; см.: *Ратин А. М., Лаушкин А.В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 128–130*. Может быть, в связи со всей этой историей стоит вспомнить предположение В.Н. Звягина о том, что князь, вероятно, был левшой (см. прим. 11 к части 1)? Но даёт ли это что-нибудь для разрешения загадки, я не знаю.

Высказывалось предположение, что с телом князя поступили так, как принято было поступать с так называемыми *заложными* покойниками, т. е. с умершими неестественной смертью, которые, в соответствии с языческими представлениями, считались опасными для живущих и потому подлежали особому способу погребения — без закапывания в землю (см.: *Кривошее Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. С. 120–131; с ссылкой на: *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995). Но даже если предположить, что Андрей действительно относился к категории «заложных покойников» (что совсем не очевидно), то всё равно остаётся тот же вопрос: почему к погибшему в результате жестокого убийства князю отнеслись подобным образом? Ведь само по себе убийство князя и внезапная смерть без покаяния отнюдь не делали его недостойным христианского погребения. Достаточно вспомнить, например, смерть и последующие почести, оказанные погибшим от рук убийц князю Изяславу Ярославичу (1078 г.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 202) или его сыну Ярополку (1086/87 г.: Там же. Стб. 206).

Между прочим, закрадывается подозрение: не с ошибкой ли в летописном тексте мы имеем дело и не сообщалось ли в первоначальной версии летописной повести о том, что князь был положен в Боголюбовской церкви *в день святых Косьмы и Дамиана*? Тогда Арсения можно было бы счесть игуменом Боголюбского Рождественского монастыря, а в упомянутых им «старших игуменах» увидеть игуменов стольного Владимира. С другой стороны, если речь идёт именно о Космодемьянской обители, то нельзя не предположить, что с ней был тесно связан Кузьмище Киянин, несомненно, особенно почитавший своего небесного покровителя.

В Троицкой летописи к «детским» и «мечникам» добавлены также «постельники»: Троицкая летопись. С. 254.

От лат. *spolio* — «снимать одежды», «раздевать».

201

Свобода зверствованиа (*лат.*).

Сравнение князя Андрея с солнцем восходит к сочинению киевского времени — «Чуду святого Климента, папы Римского, о отрочати», в котором прославляется небесный покровитель Киева Владимировой поры — святой Климент Римский, чьи мощи были принесены в Киев Крестителем Руси Владимиром из поверженного им крымского города Корсуня. В той переделке «Чуда», которая, по всей вероятности, принадлежит книжникам Андрея Боголюбского, о Клименте говорится очень похоже: «... Не постави прекраснаго солнца на едином месте, а оттуда с высоты вселеную просвещающе, но и въсток, и полудень, и до запад преходити ему, славно дарова на похвалу своему велелепному имени. Тако и сего своего угодника, нашего же заступника святаго священномученика Климента, от Рима в Херсон, от Херсона в нашу Рускую страну сътвори прити Христос Бог нашъ...»

[Карпов А.Ю. Древнейшие русские сочинения о св. Клименте Римском // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 101. Есть основания полагать, что «Чудо св. Климента о отрочати» представляет собой переработку более раннего похвального слова Клименту Римскому, выполненную во Владимиро-Суздальской Руси именно в княжение Андрея Боголюбского: она «очищена» от собственно киевских реалий и приспособлена для общецерковного прославления св. Климента вне Киева (Там же. С. 79–80,91). Ср. т. н. Слово на обновление Десятинной церкви — более ранний (и именно «киевский») вариант «Чуда св. Климента об отрочати», дошедший до нас, к сожалению, не в рукописи, но лишь в неполной копии XIX в.; данный

фрагмент, в частности, сохранился не полностью: *он же*. «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М.А. Оболенского//Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992. С. 109].

Ещё раньше то же сравнение было использовано книжниками Андрея Боголюбского в Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери — в первых строках этого сочинения, программного для князя Андрея: «Яко бо солнце створи Бог, не на едином месте постави, егда светить, обиходя всю вселеную, лучами освещает, тако же и сий образ Пресвяты Владычица наша Богородица Приснодевы Мария не на едином месте чюдеса и дары исцеления истачает, но обходящи вся страны мира просвещает и от недугъ различных избавляет» [Кучкин В. А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 503].

Ещё позднее, в Летописце Переяславля Суздальского, созданном в княжение Всеволодова сына Ярослава, последняя фраза получила такое развитие: «... молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца (племянника. — *А. К.*), и дай же ему на противныя, и многа лета с княгинею, и прижитие детей благородных, и мирну дръжаву его, и царство небесное в бесконечныя веки» (ПСРЛ. Т. 41. С. 101).

По Татищеву, вече собралось в Суздале (*Татищев. Т. 3. С. 106*).

Впервой редакции «Истории...» этого рассказа нет; лишь в примечаниях к основному тексту сообщается, что источники «разногласят»: одни говорят о том, что убийц казнил Михаил, а другие — что Всеволод, который повелел им «переломати кости и в коробех в озеро опустити» и т. д. (Там же. Т. 4. С. 449, прим. 368). В Воронцовском списке второй редакции указанный текст написан на вклейке (Там же. Т. 3. С. 284, прим. 20–20).

У В.Н. Татищева (Т. 3. С. 117) победа датирована 20 февраля, но это объясняется тем, что он высчитывал понедельник первой недели поста уже следующего, 1178 г. О «дряхлости» Глеба: ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000 (репринт изд. 1885 г.). С. 4.

В Лаврентьевской летописи здесь пропуск, фраза обрывается на полуслове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 385–386). В Радзивилловской и Летописце Переяславля Суздальского об ослеплении князей вообще не сообщается, сказано лишь: «...И пустиша ея из земли» (ПСРЛ. Т. 38. С. 146; ПСРЛ. Т. 41. С. 109). Краткое окончание «владимирской» версии событий см. в Московском летописном своде конца XV в.: ПСРЛ. Т. 25. С. 88–89.

Дату смерти Глеба Рязанского во владимирском плену называет Ипатьевская летопись, но по-разному: 30 июня (в Ипатьевском списке) или 31 июля (в Хлебниковском): ПСРЛ. Т. 2. Стб. 606. Автор Новгородской Первой летописи сообщает о смерти Глеба «в порубе» под 6685 (1177) г.: НПЛ. С.. 35, 224.

Татищев. Т. 3. С. 119. Или, как сказано в первой редакции «Истории...», «повеле има намазати очи и лица кровию, показа народу, яко избодены очи ею» (Т. 4. С. 292). При этом сам В.Н. Татищев ссылался на показания «Раскольничего» и «Хрущовского» манускриптов (Т. 3. С. 250, прим. 522; Т. 4. С. 451, прим. 375), но в достоверности его отсылки позволительно усомниться (см.: Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 272–273).

По версии В.Н. Татищева, ещё на вече в июле 1174 г. «старые вельможи все согласовали Юрия и Михалка призвать, и доколе Юрий в совершенство придёт, Михалко имеет всем управлять», однако этого не случилось из-за противодействия Андреевых убийц «с их сообщники» и рязанских послов (*Татищев. Т. 3. С. 106*). Достоверность и этого известия сомнительна.

Где именно находился город «царя Севенджа», неясно. Ранее полагали, что где-то на реке Сундже, возможно, в районе нынешнего Грозного (принимая имя «царя» за географическое название), но позднее это мнение было оставлено. Во всяком случае, сам Севендж был тесно связан с Грузинским царством: известно, что в 1192 г. его брат Салават находился на службе у грузинской царицы Тамары (Там же. С. 56; ср.: *Мургулия М. П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII-XIII вв. М., 1998. С. 154). Обычно половецкие города назывались по имени живших в них ханов. В русских источниках упоминается «дикий» половецкий князь Севенч Бонякович (сын знаменитого Боняка), бывший, между прочим, союзником Юрия Долгорукого. Но он погиб ещё в 1151 г. под Киевом, в той самой неудачной для Юрия Долгорукого битве, в которой отличился Андрей Боголюбский (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 432).

Тамара, царица Грузинская, причислена Церковью к лику святых. Её память празднуется 1 мая (14-го по новому стилю).

Примечательно, что в грузинских источниках русский супруг царицы Тамары ни разу не назван по имени (хотя приведены имена его отца и дяди). Его имя — Георгий — называет лишь армянский историк второй половины XIII — начала XIV века Степанос Орбелян. [См.: *Еремян С.Т.* Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. С. 396. По мнению С.Т. Еремяна, имя Георгия сохранилось также в двух армянских памятных надписях, сделанных «в царствование царя Георгия победителя» или «в царствование над грузинами Георгия» (Там же. С. 389–421)].

Это будто бы следует из надписи над южной дверью храма, в которой упоминаются имена Абуласана и некоторых других близких ему лиц, а относительно лица, погребённого в церкви, оставлен многозначительный пропуск.

Со ссылкой на выписки из святцев конца XVII в., хранившихся у жителя Ростова Н.А. Кайдалова, архиеп. Сергей указал, что память 2 октября отмечалась «по случаю создания Покровской обители близ Боголюбова» (Там же. С. 196; под 2 октября ничего подобного не сообщается). Думаю, однако, что помещение памяти Андрея под этим днём вызвано его соимённостью со св. Андреем Юродивым.

Сохранилась жалованная грамота Ивана Грозного владимирскому Успенскому собору 1550 г. с позднейшей припиской, «из которой следует, что Боголюбовский монастырь должен платить Успенскому собору за панихиды над гробом Андрея Боголюбского»: «...по два рубли денег, хлеба ржи и овса по двенадцети четь» (*Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 208; о грамоте: он же. О грамоте Ивана Грозного Успенскому собору г. Владимира // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 2. СПб., 2002. С. 27-34).*

Впоследствии во Владимире и Боголюбове полагали, что этот «лист» был положен над гробом князя «для незабвенного ведения пред будущим родом» ещё Симоном, первым епископом Владимирским, жившим в начале XIII в.; ср. выписку из Жития Андрея Боголюбского XVIII в. с включением текста «надгробного листа»: *Доброхотов В.И.* Древний Боголюбов город... С. 88–89.

Традиционно датой канонизации князя Андрея Боголюбского называют 1702 г. (*Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском. С. 31 (надпись на гробнице князя); *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в Русской церкви. С. 134; и др.). А.В. Сиренов, однако, обратил внимание на то, что в источнике перенесение мощей князя датировано октябрём 7210 г. Если здесь использован обычный сентябрьский стиль (что кажется наиболее вероятным), то эта дата должна быть переведена на наш стиль как октябрь 1701-го (*Сиренов А.В.* Житие Андрея Боголюбского. С. 208, 236–237, прим. 5; странно, правда, что в цитате речь идёт не о 15-м, а о 5 октября).

ГИМ. Увар. № 2081. Л. 16–31 об. (сведения о рукописи и сам текст см. в Приложении 3). В данной редакции Жития текст сокращён более чем вдвое по сравнению с опубликованным А.В. Сиреновым. Так, сокращены вся начальная часть Жития с описанием добродетелей и внешнего облика Андрея; описание иконы Владимирской Божией Матери; молитва Андрея к иконе в рассказе о чудесной остановке коней на месте будущего Боголюбова монастыря; вся средняя часть Жития — после рассказа об основании монастыря до смерти младшего сына Глеба; предсмертная молитва Андрея (что особенно странно); заключительная похвала князю. В некоторых случаях при сокращении текста возникли явные неувязки. Например, сообщается, что вышгородские клирики, «входяще в церковь, видеша той Богородичный чудотворный образ стоящ о себе кроме святыя трапезы, и начата оттоле бывати различная чудеса» (Л. 17 об.). Но чтобы увидеть икону, стоящую «кроме (вне. — А. К.) трапезы», нужно было войти в алтарь: это было уже последнее, а не первое перемещение иконы в Вышгородском храме, о чём и рассказывается в источнике этой части Жития — Сказании о Владимирской иконе в редакции Степенной книги, да и в самом Житии в редакции иеромонаха Иоасафа. Или сообщается о том, что Андрей пребывал «в великокняжеском своем доме, яже приделан бысть к церкви... идеже и ныне... видими суть» (Л. 27 об.). Глагол стоит во множественном числе, что не согласуется с существительным «дом». Этой ошибки нет в полной редакции Жития, где речь идёт о пребывании Андрея «в полатах своих» — «яже приделаны... и ныне видими» (Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С.

233). В то же время очевидно, что сокращённая редакция Жития восходит к тексту, отличному от изданного А.В. Сиреневым. Из сравнения единственного совпадающего с ней фрагмента, процитированного в книге о Боголюбском монастыре В.И. Доброхотовым, — об основании монастыря (Древний Боголюбский город и монастырь... С. 6–7), можно сделать вывод, что данная редакция восходит к той, к которой восходила и бывшая в распоряжении Доброхотова и хранившаяся в его время в Боголюбском монастыре. Так, в обеих редакциях говорится о том, что Андрей двигался по Клязьме «от Владимира яко семь поприщъ» (Л. 21; в редакции Иоасафа этого нет); о том, что Богородица велела князю: «...Церковь каменную воздвигни и обителище иноком состави» (Л. 23; у Иоасафа: «..Храм созижди и обителище иноком сотвори»); в обеих нет имени иерея Николая, которому князь велел совершать молебное пение на месте остановки коней. Ещё одно, более существенное различие, объединяющее сокращённую редакцию с редакцией Доброхотова, свидетельствует о том, что обе они восходят к более исправному, более близкому к первоначальному варианту Жития, нежели тот, который копировал Иоасаф. (К такому же выводу пришёл и А.В. Сиренов, сравнивая две известные ему версии Жития: Житие Андрея Боголюбского. С. 215.) В редакции Иоасафа отсутствует указание на то, что князь поставил в новопостроенной церкви Рождества Богородицы Боголюбского монастыря не только Боголюбскую, но и в первую очередь Владимирскую икону, «иже из Вышеграда принесе с собою» (Л. 24), — а это указание, скорее всего, имелось в оригинале — первоначальной версии Жития. О том же свидетельствует и сравнение сокращённой редакции с одним из источников Жития — Сказанием об иконе Владимирской Божией Матери в редакции Степенной книги (см.: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 426–

428). Более исправные, т. е. совпадающие со Степенной книгой, чтения сокращённой редакции по сравнению с редакцией Иоасафа: «...и нача по святым иконам с сердечною любовью и страхом взирати» (Л. 18–18 об.; ср. у Иоасафа: «...и нача по святым иконам взирати с благоговением»); «Не возвести же сего благочестивому отцу своему... *яко той образ хотяше взяти с собою, послушав злолукаваго совета ближних своих боляр окаянных Кучковичев*» (Л. 19; в редакции Иоасафа выделенных курсивом слов нет); река, через которую переправляются люди Андрея, называется Вуза (у Иоасафа — Яуза), а человек на коне послан «испытати броду» (Л. 19 об.; у Иоасафа: «воду»); на Рогожских полях конь «*диаволим действом... разсвирепевся*» (Л. 20; в редакции Иоасафа выделенных курсивом слов нет).

А ещё память князя отмечается ныне 23 июня (6 июля) — в Соборе Владимирских святых и 10 (23) октября — в Соборе Волынских святых.

221

В списке ИРЛИ: В той же день

222

В других списках нет.

В списке ИРЛИ: уставихом

*В списке ИРЛИ: отци и Также и в Забелинском
списке: святии отци*

В списке ИРЛИдоб.: уставы

В списке ИРЛИдоб.: с

В Забелинском доб.: рабу твоему

В списке ИРЛИ: нам, грешным

В списке ИРЛИ: даяние

В списке ИРЛИ: всяк дар съвершен

231

В списке ИРЛИ: посылает

В списке ИРЛИ: и присно и в бесконечные веки

В Егор. № 637 пропуск. Восстанавливается по списку ГИМ. Син. № 997 конца 40-х гг. XVI в. (Успенский комплект Великих миней четых митрополита Макария).

Слово «грешный» написано на правом поле почерком Максима Грека (здесь и ниже прим. издателей).

235

Слово «сице» и буква «в» написаны над строкой почерком Максима Грека.

236

Дописано на правом поле Максимом Греком.

Вси на *написано по исправленному.*

Князя же великаго *исправлено из первоначального*
Князь же великий

239

По-другому, 4 июня.

Возможно, раньше, ещё при жизни отца.

241

По-другому 2 мая.

В соответствии с поздней редакцией Жития святителя Леонтия, 1164 год.

По сведениям поздней редакции Жития святителя
Леонтия, 1170 год.

244

Дата предположительная.

245

По другим сведениям, 1160 или 1162 годы.

246

По-другому, 28 октября 1164 года.

По-другому, в 1165 году.

248

По-другому, 15 февраля.

Возможно, следующей зимой, 1171/72 года.

Дата позднего Жития святого Глеба; является сугубо предположительной, как предположительно само существование сына Боголюбского с таким именем.

251

Менее вероятно, в ночь с 29 на 30 июня.

252

По-другому, 5 июля.

comments

Ссылки

Изложено в основном по Ипатьевской летописи, в которой сохранилась пространная редакция повести об убиении князя Андрея Боголюбского: Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 580-595. Параллельно, с переводом на современный русский язык: Библиотека литературы Древней Руси (далее: БЛДР). Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 206-217 (подг. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова). Краткая редакция той же повести читается в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях: ПСРЛ.Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 367-371; ПСРЛ.Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 137-139; см. также в переводе на современный русский язык: Се повести временных лет: Лаврентьевская летопись. Арзамас, 1993 (пер. А.Г. Кузьмина). С. 226-228. О соотношении этих двух редакций высказано несколько прямо противоположных мнений; ср.: Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 61-65 (статья В.А. Кучкина). Некоторые дополнительные подробности убийства князя содержатся в кратком известии Новгородской Первой летописи: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. подг. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950 (далее: НПЛ). С. 34, 223.

Назову лишь издания, которые целиком или большей своей частью посвящены биографии князя: *Погодин М.П.* Князь Андрей Юрьевич Боголюбский // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Ч. 63. Отд. 2. С. 145-185; Ч. 64. Отд. 2. С. 181-210 (отд. изд.: М., 1850); *Чижев Тр., прот.* Жития святых благоверных князей Андрея, Георгия и Глеба Владимирских. Владимир, 1862; *Костомаров К.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1991 (1-е изд.: М., 1873). С. 41-59 (есть и отдельное издание главы: Князь Андрей Боголюбский. Владимир, 2006); *Георгиевский В.Т.* Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Его неоценимые заслуги для Русского государства и Православной Церкви. М., 1999 (1-е изд.: Владимир, 1894); *Ильинский П.В.* Идея самодержавия в деятельности Андрея Боголюбского, Великого князя Владимирского. Владимир, 1915; *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский / Предисл. С.О. Шмидта; послесл. Ю.В. Кривошеева. М., 2007 (то же в более полном и исправном варианте, с учётом позднейшей авторской правки: Владимир, 2011 (предисл. Р.В. Евстифеева, А.К. Тихонова; послесл. Н.Н. Воронина-младшего и Р.В. Евстифеева); книга написана и подготовлена к изданию в 1945 г., но не издана по идеологическим соображениям; см. послесловие Ю.В. Кривошеева к изданию 2007 г. и приведённые там же материалы); *Hurwitz E. S.* Prince Andrej Bogoljubskij: The Man and the Myth. Firenze, 1980; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. М., 1987; *Филипповский Г.Ю.* Столетие дерзаний (Владимирская Русь в литературе XII в.). М., 1991; *Кривошеев Ю.В.* Гибель Андрея

Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003; Соколов А, Н., прот. Первый собиратель великой Руси: Святой благоверный Андрей Юрьевич Боголюбский — великий князь Владимирский. Его военные и духовно-просветительские труды по объединению русских княжеств. Н. Новгород, 2009; Памяти Андрея Боголюбского. Сб. статей / Сост. С.В. Заграевский, Т.П. Тимофеева. М.; Владимир, 2009; Бубнов С.Л. Оставленное нам в наследство князем: Князь Андрей Боголюбский и Владимирский край. Владимир, 2011. См. также обобщающую сводку сведений о князе: Андрей Юрьевич Боголюбский // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2000. С. 393–398 (авторы: А.В. Назаренко, Т.Е. Самойлова).

Подробнее о составе семьи князя Юрия Владимировича Долгорукого, равно как и о хронологии его жизни, войнах за Киев и т. п. см.: *Карпов А.Ю.* Юрий Долгорукий. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

За последнее десятилетие были проведены два новых исследования останков князя: в июле 2007 г. — заведующим отделом судебно-медицинской идентификации личности Российского центра судебно-медицинской экспертизы Виктором Николаевичем Звягиным (см.: *Звягин В.Н.* Великий князь Андрей Боголюбский: медико-криминалистическое исследование останков // <http://kanonkom.ru/dokumenty-publicacii/rozhdestvenskie-chteniya/rozhdestvenskie-chteniya-2013/121-professor-vn-zvyagin-velikij-knyaz-andrej-bogolyubskij-mediko-kriminalisticheskoe-issledovanie-ostankov>; а также популярное изложение его выводов во владимирской областной газете «Молва»: «Подлинный портрет князя» (21 и 23 февраля 2008 г.), «Скульптурно-генетический репортаж» (25 марта 2008 г.), «Не скифы мы, не азиаты мы... Как же выглядел князь Андрей Боголюбский на самом деле» (4 октября 2008 г.; также на сайте: <http://www.molva33.ru/news>); ср., впрочем, возражения сотрудников лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии Российской академии наук: там же. 24 июня 2008 г. и 21 октября 2008 г.) и в июне 2009 г. — совместно группой антропологов Института этнологии и антропологии РАН и кафедры антропологии биологического факультета МГУ во главе с зав. отделом физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН Сергеем Владимировичем Васильевым, а также Сергеем Алексеевичем Никитиным, главным специалистом в области антропологической реконструкции Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения г. Москвы (*Васильев С.В., Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Халдеева Н.И.*

Антропологическое исследование костных останков великого князя Андрея Боголюбского: спустя 70 лет// Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2012. № 4. С. 54-69; и устная консультация С.А. Никитина в январе 2012 г.). В данном вопросе — о внешнем облике князя и отсутствии у него «монголоидных» черт — мнения исследователей (расходящиеся по целому ряду других пунктов) совпадают.

См., напр.: *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849. С. 30 (надпись на клейме серебряной гробницы князя, устроенной в Успенском соборе в 1820 г.); *Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых.* М., 1990 (репринт изд. 1862 г.). С. 17; *Георгиевский В.Т.* Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. С. 16, 115 (со ссылкой на «Описание о российских святых» М.В. Толстого); *Русский биографический словарь.* Т. 2: Алексинский — Бестужев-Рюмин. М., 1916. С. 134 (статья К.Н. Бестужева-Рюмина); *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 62; *Филипповский Г.Ю.* Андрей Юрьевич Боголюбский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 37; *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 47'6; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 67; и мн. др.

Татищев В.Н. История Российская // Собрание сочинений: В 8 т. (далее: *Татищев*). Т. 2. М., 1995. С. 105, 249, прим. 513.

По словам Д.Г. Рохлина, «физиологический (костный) возраст» князя «соответствовал 50–55-летнему» (*Рохлин Д. Г., Майкова-Строганова В.С.* Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 9–10. С. 158; *Рохлин Д.Т.* Болезни древних людей (Кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.; Л., 1965. С. 265); В.В. Гинзбург оценивал возраст в 45–50 лет (*Гинзбург В. В., Герасимов М.М.* Андрей Боголюбский // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. 11. М.; Л., 1945. С. 88); М.А. Фурман — «не выше 50 лет» (*Фурман М.* Андрей Боголюбский: Прикосновение к тайне (Из записок судебно-медицинского эксперта) // Российская юстиция. 1996. № 3. С. 61; осмотр костяка в мае 1982 г.); сотрудники Отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН — 45–55 лет (*Васильев С.В. и др.* Антропологическое исследование... С. 57–58, 66; по отдельным признакам: 45–55, 45–50 или около пятидесяти); С.А. Никитин — ближе к пятидесяти (устная консультация); и только В.Н. Звягин (возможно, с излишним доверием к Татищеву) называл возраст князя: «60...67 лет» (Великий князь Андрей Боголюбский...; здесь же биологический возраст назван: «58...65 лет»; по отдельным признакам: 50–66,6; 45–50; 60,5–65,5 лет).

Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006. С. 13.

См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей... С. 216, 474.

Васильев С.В. и др. Антропологическое исследование... С. 66; *Звягин В.Н.* Великий князь Андрей Боголюбский...

Васильев С.В. и др. Антропологическое
исследование... С. 62-65.

Татищев. Т. 3. С. 105; Т. 4. М., 1995. С. 285.

Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 36.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245–246. Дано в переводе.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580-583.

Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского // Памяти Андрея Боголюбского. С. 221–229 (полный текст Жития издан А.В. Сиреновым по копии, подготовленной иеромонахом Иоасафом (Гапоновым) в качестве приложения к книге «Церковно-историческое описание владимирских достопамятностей»; книга вышла во Владимире в 1857 г., но без приложений). Несколько фрагментов из Жития, хранившегося в Свято-Боголюбовском монастыре, были опубликованы В.И. Доброхотовым: Древний Боголюбов город и монастырь с его окрестностями. М., 1852 (соответствующий фрагмент, не полностью: С. 87–88). В краткой редакции того же Жития (см. Приложение 3) этого текста нет.

Повести о начале Москвы. С. 173–198. Ниже «Повесть» цитируется в основном по изданию М.Н. Тихомирова: *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 210–214.

Повести о начале Москвы. С. 193–194.

Там же. С. 189.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 508.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 527. См. ниже, прим. 6 к части 3.

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2:] Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. М., 2000 (репринтизд.: СПб., 1863). Стб. 250; ПСРЛ. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 36 (Супрасльская летопись); *Новикова О.Л.* Материалы для изучения русского летописания конца XV — первой половины XVI в.: Летописные подборки рукописи Погод. 1596 // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 217; см. также: *Шахматов А.А.* Разбор сочинения И.А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Записки Импер. Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. 4. № 2. СПб., 1899. С. 203 (статья «Сказание о верных святых князьях русских», читающаяся перед «Летописцем Литовским», изданным Даниловичем (латиницей) в Вильно в 1827 г.).

ПСРЛ. Т. 22: Русский Хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 г. СПб., 1911. С. 362. См.: *Шамбинаго С.К.* Повести о начале Москвы//Труды Отдела древнерусской литературы (далее: ТОДРЛ). Т. 3. М.; Л., 1936. С. 72-73; Повести о начале Москвы. С. 66-68 (исслед. М.А. Салминой).

Цит. по: БЛДР.Т. 4. С. 221–222 (подг. текста, пер. и коммент. В.П. Гребенюка).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338–339. При реконструкции этих событий следует учесть сведения особого «родословца» «великих князей рязанских» из Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001 (репринт изд. 1856 г.). С. 242), а также Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000 (репринт изд. 1882 г.). С. 172, 182), обе XVI в. См. также: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 83–84.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 382–383; ср. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 322.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384.

Там же. Стб. 389; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 323–324.

См.: *Лимонов Ю.А.* Летописец Андрея Боголюбского // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 113-117; *он же.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 61-67; Письменные памятники истории Древней Руси. С. 42-44 (статья Ю.А. Лимонова). Ю.А. Лимонов полагает, что автором летописца был сам князь Андрей Юрьевич.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 324–325 и след.; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 389–391 и след. (в рассказе Ипатьевской летописи имеется пропуск); ПСРЛ. Т. 9. С. 181–182.

См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963 (далее: *Бережков*). С. 150.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 398; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 326.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372; ПСРЛ. Т. 38. С. 140 (Радзивилловская). В Ипатьевской: «...коли у нас был» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 596); в Летописце Переяславля Суздальского: «...коли был в нас» (ПСРЛ. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 102). Всё это припоминания под 1174 г., обращенные к сыновьям покойного Ростислава Юрьевича Мстиславу и Ярополку.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 404; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 328–329.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 410-417; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 329-330.

ПСРЛ. Т. 9. С. 185-186.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 431–432; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 332–333.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 437-438; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 333-334.

Точную дату называет Новгородская Первая летопись: НПЛ. С. 28.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 335; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444; ПСРЛ. Т. 9.
С. 190.

См., напр.: *Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времён. Т. 1-2. М., 1988. С. 518; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 86.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 335, прим. 15; ПСРЛ. Т. 38. С. 123.

ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921. С. 77;
ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.,
2002. С. 102; и др. В источниках имеются и другие даты
строительства Георгиевской церкви; см. об этом:
Воронин Н.Н. Зодчество Северо-восточной Руси. XII-XV
вв. Т. 1: XII столетие. М., 1961. С. 90-91.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 457; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338–339.

ПСРЛ. Т. 9. С. 195.

Рохлин Д. Г., Майкова-Строганова В.С. Указ. соч. С. 158; Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. С. 267.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 468; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341; ПСРЛ. Т. 9.
С. 198

ПСРЛ. Т. 20: Львовская летопись. М., 2005 (репринт изд. 1910 г.). С. 117.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372 (припоминание под 6683/1174 г.).

Татищев. Т. 3. С. 54; см. также: С. 241–242, прим. 464.

Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 92.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482; ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 223.

ПСРЛ. Т.9.С. 204.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500; *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 285.

НПЛ. С. 467. Впрочем, о том, что это шурия князя, здесь не сказано.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490–491.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени 1-X / Подг. под рук. Н.Н. Покровского. М., 2007 (далее: Степенная книга. Т. 1). С. 461.

См.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV в. М., 1995. С. 35-40; *Щенникова Л.А.* Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 253.

Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 222–223.

Памятник был открыт и издан В.О. Ключевским, определившим и примерное время его возникновения: Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери / Изд. Общества любителей древней письменности. Вып. 30. СПб., 1878. Издание наиболее раннего списка (РГБ.Ф. 98. № 637, 60–70-х гг. XV в.): *Кучкин В. А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 503–508 (в составе цикла из пяти статей); БЛДР.Т. 4. С. 218–225 (с переводом на современный русский язык В.П. Гребенюка).

См.: *Абрамович Д.И.* Києво-Печерський патерик. У Києві, 1930 (Пам'ятки мови та письменства давньої України. Т. 4) (далее: Патерик).

НПЛ. С.467.

Степенная книга. Т. 1. С. 464; ПСРЛ. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. СПб., 1913. С. 427 (во втором случае в составе Повести на сретение чудотворного образа: рассказ о событии 1395 г., когда заступничество Владимирской иконы помогло спасению Москвы от войск Темир-Аксака).

Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767–1769 годах / Сообщ. архим. Леонид (Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1878. Кн. 1). М., 1878. С. 1–3. См. рассказ с теми же подробностями в Житии Андрея Боголюбского: *Сиренов А.В.* Житие Андрея Боголюбского. С. 225–227; и в несколько сокращённом виде: ГИМ. Увар. № 2081. Л. 21–23.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 346; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482. О значении украшения икон драгоценным окладом см.: *Стерлигова И.А.* О значении драгоценного убора в почитании святых икон // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 123-131.

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 225.

См., напр: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 56; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 186-187; и др.

Повести о начале Москвы. С. 177, 189.

Тихомиров М.Н. Древняя Москва. С. 15.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 347.

Там же. Стб. 312; ПСРЛ. Т. 9. С. 205.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349. Разбор столь необычного «завещания» митрополита Константина (соответствующего, по мнению авторов, древней традиции христианской аскезы): *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б.* Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII в. М., 2010. С. 80-137.

ПСРЛ. Т. 9. Стб. 207, 209.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488-489 (статья датируется ультрамартовским стилем).

Там же. Стб. 323 (слова киевлян, обращенные в 1146 г. к князю Изяславу Мстиславичу и имеющие в виду их нежелание переходить как бы по наследству от Всеволода Ольговича к его брату Игорю).

См., напр.: *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский. С. 58;
Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 41;
Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С.
142-148.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490-491.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 595.

ПСРЛ. Т. 38. С. 129. См.: *Карпов А.Ю.* Когда Андрей Боголюбский стал суздальским князем? // *Родина*. 2012. № 7. С. 86–87.

ПСРЛ. Т. 38. С. 129, прим. 21; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348, прим. 42. Дату 4 июня принимает Ю.А. Лимонов (Владими́ро-Сузда́льская Русь. С. 46, 47, прим. 22), не приводя, однако, никаких аргументов в её пользу.

ПСРЛ. Т.41.С. 88.

Татищев. Т. 4. С. 25 (первая редакция «Истории»).

Там же. Т. 3. С. 60 (вторая редакция «Истории»; пропущена дата: «иулиа 1 дня»).

Принадлежность «Молитвы» князю Андрею Боголюбскому обосновывал Н.Н. Воронин (О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха// Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 265-271); о том же свидетельствуют и наблюдения Р. Матьесена, который установил факт использования в «Молитве» «Канона молитвенного» епископа Кирилла Туровского, писателя второй половины XII в., к тому же лично знакомого с Боголюбским (*Матьесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // ТОДРЛ.Т. 26. Л., 1971. С. 192-201*). Однако этот вывод оспорил А.А. Гиппиус, который допустил присутствие в «Молитве» поздних вставок; кроме того, нельзя исключать наличие общего источника для «Молитвы» и «Канона» епископа Кирилла (см.: *Гиппиус А.А. К атрибуции молитвенного текста в «Поучении» Владимира Мономаха//Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 14*).

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 255. Дано в переводе).

См. указания на этот счёт авторов Радзивилловской и Московско-Академической летописей.

ПСРЛ. Т. 25. С. 63 (Московский летописный свод
конца XV в.).

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 233 (Тверская); ПСРЛ. Т. 20. С. 119 (Львовская летопись).

Затилюк Я. Грамота Англия Боголюбьското... С. 231–235; то же и в Киевском Синописе. О явных несообразностях и ошибках, имеющих в этой подделке, см. прим. 8 к части 1.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491–492 и далее.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 508–509; см. также: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 509-510.

НПЛ.С. 30-31.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351. Выделено мной.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 512–514 и след.; ПСРЛ. Т. 25. С. 69 и след.

См.: *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1915. Т. 20. Кн. 1. Пг., 1915. С. 184-185.

НПЛ.С. 31; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 518.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

Об этом прямо сообщается в новгородской статье «А се князи русьстии»: НПЛ.С. 467. Ср.: *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 182; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 72; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 20-21.

ПСРЛ. Т. 42. С. 103 (Новгородская Карамзинская летопись); ПСРЛ. Т. 4. С. 158 (Новгородская Четвёртая); ПСРЛ. Т. 25. С. 63 (Московский летописный свод конца XV в.); и др.

См.: *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. С. 77.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг.
Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 147.

Там же. С. 141-145.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 375 (в статье под 1176 г.).

Ср.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 91.

ПСРЛ. Т. 9. С. 220, 221. Выделено мной.

Тимофеева Т.П. Архитектура времени Андрея Боголюбского // Памяти Андрея Боголюбского. С. 14-15. Различные предположения о происхождении зодчих Андрея Боголюбского: *Ильин М.А.* Забытые открытия (К вопросу о первоначальных формах завершения Успенского собора) // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983. С. 109-123; *Комеч А.И.* Архитектура Владимира 1150-1180-х гг. Художественная природа и генезис «русской романики» // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 231-254; *Иоаннисян О.М.* Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 31-69; *Заграевский С.В.* Начало «русской романики»: Юрий Долгорукий или Андрей Боголюбский? М., 2005 (<http://www.rasarch.ru/zagraevsky2.htm>).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 582–583.

См.: *Константин Багрянородный. Об управлении Империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 55; ср. С. 340, прим. 20 (прим. Г.Г. Литаврина).

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 392 (рассказ о пожаре во Владимире 18 апреля 1184 г.), 463 (рассказ о взятии Владимира татарами 7 февраля 1238 г.; этот текст дословно совпадает с описанием разорения Киева войсками Рюрика Ростиславича и других князей в 1203 г.: Там же. Стб. 418); см. также: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 172-184; *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. XII век. М., 1969. С. 113-116.

Воронин Н.Н. Археологические заметки // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 62. М., 1956. С. 17-22.

См. ниже, в Приложении 1 к книге.

Даркевич В. Н. Романская церковная утварь из Северо-Восточной Руси//Культура Древней Руси. М., 1966. С. 61-65, 69; *он же.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X-XIV вв. (Свод археологических источников. Вып. EI-57.) М., 1966. С. 45-46.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 392 (под ультрамартовским 6693 г.).

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... Т.
1. С. 150.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 411 (под 1194 г.).

Воронин Н.Н Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1.
С. 128-131.

ПСРЛ. Т.2. Стб. 582.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 128-136. О Золотых воротах см. также: *Тимофеева Т. Н.* Золотые ворота во Владимире. М., 2002; *она же.* Архитектура времени Андрея Боголюбского. С. 19-31.

Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 62. М., 1956. С. 3-10.

123

См. выше, прим. 38 к части 1.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... Т.
1. С. 304, 316.

БЛДР. Т. 4. С. 224-225.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351. В Тверской и Львовской летописях: 1162-й (ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] С. 224; ПСРЛ. Т. 20. С. 122).

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2000. С. 60.

Кучкин В. А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 509. Эта статья извлечена из русской летописной Повести о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 г. (в составе Софийской Первой летописи) (Там же. С. 479).

См.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 131; *он же.* Андрей Боголюбский. С. 70–71.

ПСРЛ. Т. 24. С. 80.

Заграевский С.В. Юрий Долгорукий и древнерусское
белокаменное зодчество. М., 2001
(<http://www.rusarch.ru/zagraevsky7.htm>).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 583-584.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125-126.

Цит. по: БЛДР. Т. 4. С. 268-270, 274 (подг. текста и пер. Л.В. Соколовой).

Впрочем, относительно происхождения прозвища в литературе высказывались и сомнения; см.: *Заграевский С.В.* К вопросу о происхождении прозвища князя Андрея Боголюбского и названия города Боголюбова. М., 2012 (<http://www.rusarch.ru/zagraevsky36.htm>).

ПСРЛ. Т. 42. С. 103 (Новгородская Карамзинская); ПСРЛ. Т. 4. С. 158 (Новгородская Четвёртая); ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 231; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 22 (Рогожский летописец); *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Кн. 7. М., 1951. С. 211 (Краткий Владимирский летописец, без даты).

См.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 201 и след.; *он же.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1974. С. 104-122; *Тимофеева Т.П.* Архитектура времени Андрея Боголюбского. С. 46-57.

ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. М., 1965. С. 68.

Доброхотов В.И. Древний Боголюбов город и монастырь... С. 61-63.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 581–582.

Там же. Стб.591.

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. С. 251.

Доброхотов В.И. Древний Боголюбов город и монастырь... С. 103-104.

См.: *Кривошее Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. С. 102–103 (со ссылкой на издания: Из прошлого Ковровского края. Ковров, 2000; *Туторский В.* Исторические заметки и предания о г. Коврове // Владимирские губернские ведомости. 1857. № 47).

Воронин Н.Н. Боголюбовский киворий // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1946. Т. 13. С. 65.

Воронин Н.Н. Памятники владими́ро-сузда́льского зодчества XI–XIII вв. М.; Л., 1945. С. 50, рис. 22; *Янин В.Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. С. 4 и след.

ПСРЛ. Т. 9.С.220.

Татищев. Т. 3. С. 75–76; Т. 4. С. 260.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 512.

Цит по: Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 403–408 (наиболее ранняя версия Жития по Прологам второй половины XIV в.).

Семенченко Г.В. Древнейшие редакции Жития
Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 252.

Там же. С. 252-253.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 191; он же. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 27.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1.
С. 187.

Об этом свидетельствует Житие святителя Исая Ростовского XVI в.: БЛДР. Т. 12: XVI век. СПб., 2003. С. 260 (редакция Великих миней четых митрополита Макария; подг. текста и пер. Н.В. Савельевой).

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988 (репринт изд. 1871 г.). С. 3-22; *Воронин Н.Н.* «Житие Леонтия Ростовского»... С. 23-46.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов... С. 409 (цитируется т. н. Владимирская редакция Жития).

Патерик. С. 102.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; ПСРЛ. Т. 38. С. 129, прим. 69–69.
Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491, 493.

Ср.: *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг... С. 34–35: здесь приведена аналогия с более поздними действиями новгородского архиепископа Геннадия Гонзова, который в XV в. провёл подобную перепись престолов в Новгороде и Пскове.

Татищев. Т. 3. С. 61–62, 76–77, 242, прим. 468.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520. О хронологии событий:
Бережков. С. 174-175, 333-334.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351–352.

См.: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. 2-я половина тома. М., 1904. С. 465–466.

Ерёмин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ.Т. 5. М.; Л., 1947. С. 170.

Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «Вопрошание» // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М., 2004. С. 249.

Русская историческая библиотека (далее: РИБ). Т. 6. 2-е. изд. СПб., 1908: Памятники древнерусского канонического права / Изд. А.С. Павлов. Ч. 1. Стб. 50. См. также «Особую» редакцию «Вопрошания» Кирика: *Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. С. 13.

ПСРЛ. Т.9. С. 210-211.

ПСРЛ. Т. 24. С. 80. Здесь памфлет против епископа
Леона помещён под 1162 г.

См. об этом: *Мильков В.В.* Древнерусское еретичество в идейно-политической борьбе второй половины XII в. // *Общественная мысль: Исследования и публикации.* Вып. 1. М., 1989. С. 22-23.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524; о дате: *Бережков. С. 176.*

ПСРЛ. Т. 9. С. 225, 239, 240.

ПСРЛ. Т. 4. С. 163 (Новгородская Четвёртая); ПСРЛ. Т. 24. С. 80 (Типографская); ПСРЛ. Т. 42. С. 104 (Новгородская Карамзинская); и др.

РИБ. Т. 6. Стб. 63–76.

Там же; ПСРЛ. Т. 9. С. 223-229.

Следую в данном случае в основном за Пл. Соколовым (Русский архиерей из Византии...) и Н.Н. Ворониным (Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг...), убедительно обосновавшими данное предположение.

Кучкин В. А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция
Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 501
(Слово об установлении празднования 1 августа).

Никита Хониат. История со времени царствования
Иоанна Комнина. Т. 1. Рязань, 2003. С. 230.

Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. *Георгий Акрополит.* Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. С. 168–172; о датировке событий: *Бибииков М.В.* BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. Т. 2. М., 2009. С. 465–467, прим. 1.

См., напр.: ПСРЛ. Т. 4. С. 160 (Новгородская Четвёртая); ПСРЛ. Т. 25. С. 72 (Московский летописный свод конца XV в.); и др.

Printing G. Wer war «der bulgarische bischof Adrian» der Laurentiuschronik sub anno 1164? // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1988. Bd. 36. S. 552-557. См. также: *Малахов С.Н.* К истории алаано-русско-византийских связей в середине XII в. // Власть, общество и церковь в Византии. Сб. научных статей. Армавир, 2007. С. 117-129.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.

РИБ. Т. 6. Стб. 66. Выделено мной.

ПСРЛ. Т. 9. С. 235.

См.: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. 1-я половина тома. М., 1901. С. 331; *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1991 (репринт изд.: Париж, 1959). С. 178-179.

См.: Янин В.Л. Моливдовул ростовского архиепископа Леонтия // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 25. М., 1994. С. 5-18; Янин В. Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. М., 1998. С. 29-36.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436.

Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Ключаря тамошнего Собора Анании Федорова / Изд. Я.А. Соловьёв // Временник Имп. Московского общества истории и древностей российских. Кн. 22. М., 1855.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 366.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520–521. О дате: *Бережков. С. 174–175.*

Так в Московском летописном своде конца XV в. (где рассказу этому предпослан отдельный заголовок: «О изгнании Юрьевичев от брата Андрея»: ПСРЛ. Т. 25. С. 72), Ермолинской (ПСРЛ. Т. 23. С. 45), Тверской (ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 234–235), Воскресенской (ПСРЛ. Т. 7. С. 76) и др. летописях.

ПСРЛ. Т. 20. С. 122 (Львовская). То же в Ермолинской и Тверской.

ПСРЛ. Т. 9. С. 221, 229 (под всё тем же явно ошибочным 1160 г.).

Биби́ков М.В. BYZANTINOROSSICA... Т. 2. С. 479–481.
Ср.: *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение... С. 186–187 (с
некоторой грамматической неточностью в переводе).

См.: *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2: От начала Крестовых походов до падения Константинополя. М., 1998. С. 71.

Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 107.

Шестаков С.П. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524//Византийский временник. Т. 24. 1923–1926. Л., 1926. С. 45–56. См.: *Бибиков М.В.* BYZANTINOROSSICA... Т. 1. С. 212, 650; *Граля И.* «Феодор Рос» византийского кодекса середины XIII в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы и доклады I Чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1990. Ч. 1. О том, что Мстислав Юрьевич носил в крещении имя Феодор см.: *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII вв. М., 1970. С. 121, 131 и др.

Упоминание о монастыре содержится в Житии преп. Евфросинии Полоцкой, скончавшейся во время паломничества в Святую Землю в 1173 г.: Степенная книга. Т. 1. С. 445.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667–668.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 251-252 (Из Прибавления к «Деяниям императора Фридриха»). Об отождествлении этого не названного по имени «мелкого» «короля» с Всеволодом Юрьевичем см., напр.: *Грот К.Я.* Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141-1173). Варшава, 1889. С. 352-353; *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X-XVIII вв.). Т. 1. Прага, 1935. С. 88-89. В

См.: *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 473.

Плано КарпиниДж. дель. История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / Сост., вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997. С. 116 (пер. А.И. Малеина).

ПСРЛ. Т. 24. С. 77. Это известие, как и предыдущее, читается только в Типографской летописи.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352–353; ПСРЛ. Т. 38. С. 131.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов... С. 444-448.

Кучкин В. А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция
Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 501-
502.

Там же. С. 503.

О том, что Юрий шёл на болгар «по Волзе», сообщается в Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285–286; ср. об этом: *Кучкин В.А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских болгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география XII — начала XX вв. Сб. статей к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного. М., 1975. С. 35.

Воронин Н.Н. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 92 (автор видел в упоминании Ростова след позднейшей ростовской обработки Слова); *Кучкин В.А.* О маршрутах походов древнерусских князей... С. 36-37; *он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 91-92.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967. С. 38 (из анонимного персоязычного трактата «Худуд ал-Алам», 982/983 г.); Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 30.

Там же; *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 118-124.

Шишкин И.В. История города Елабуги. М., 1871; см. также: *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды Первого Археологического съезда. М., 1871. Т. 2. С. 578-579.

ПСРЛ. Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. Стб. 192.

Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. С. 297-298.

Там же. Т. 2. С. 233 (автор ссылается на издание: Изображение икон Пресвятой Богородицы, изд. 1848, 1853 гг. и след.); *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 2. Пг., 1915. С. 374–375, прим. 5.

Иоанн Киннам. Краткое обозрение... С. 171. Об этом сражении сообщают самые разные источники, как западные, так и восточные: Вильгельм Тирский, «Анонимная сирийская хроника», арабский автор Ибн ал-Асир и др.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002 (далее: Троицкая летопись). С. 244. В Радзивилловской и Академической летописях этого известия нет.

Позднее происхождение Слова о празднике 1 августа — не ранее XV в. — обосновывается в работах: *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 139-144; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 153-155.

Филипповский Г.Ю. «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983. С. 75–84; он же. «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа по списку 1597 г. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 230–237 (публикация: С. 236–237). См. также Приложение 1. Данный текст впервые был издан И.Е. Забелиным по принадлежавшей ему рукописи XVI в., в которой читается компилятивная редакция Слова о празднике 1 августа, включившая в себя и Слово Андрея Боголюбского в полном объёме. Соответственно, И.Е. Забелин высказал предположение, что само Слово о празднике 1 августа было написано Андреем Боголюбским. См.: *Забелин И.Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского // Археологические известия и заметки, изд. Имп. Московским археологическим обществом. 1895. № 2–3. С. 37–49 (публикация: С. 47). Как показали последующие исследования, данная редакция Слова о празднике 1 августа встречается и в некоторых других рукописях XVI в.; см.: *Конявская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 11.

Филипповский Г.Ю. «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа. С. 83.

Ср.: Филипповский Г.Ю. «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа по списку 1597 г. С. 234. Молитва Владимира присутствует не только в «Повести временных лет», но и в Проложном сказании об освящении Десятинной церкви: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124; Карпов А.Ю. Владимир Святой. С. 431.

Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. С. 294–296. В русских месяцесловах это празднование появляется с конца XIV в. (*Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 397–398).

Цит. по: *Конявская Е.Л.* К истории сложения
проложной статьи на 1 августа. С. 8.

См.: *Забелин И.Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского. С. 46–47; *Конявская Е.Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа. С. 11. Об остальных вариантах (редакциях) Слова на праздник 1 августа см. Приложение 2.

Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. С. 109.

Сиренов А.В. Путь к граду Китежу. С. 76–77.

Доброхотов В.И. Древний Боголюбов город и монастырь... С. 70.

См.: *Флоренский П. В., Соловьёва М.Н.* Белый камень белокаменных соборов // *Природа*. 1972. № 9. С. 48-55; *Заграевский С.В.* Организация добычи и обработки белого камня в Древней Руси. М., 2006 (<http://www.rasarch.ru/zagraevskyl2.htm>).

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... Т.
1. С. 263.

Цит. по: БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 90 (подг. текста и пер. Л.А. Дмитриева).

См. о храме: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 262-301; *он же.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. С. 122-135; *Афанасьев К.Н.* Были галереи или нет? О прошлом храма Покрова на Нерли // *Архитектура СССР.* 1983. № 6. С. 51-53; *Тимофеева Т.П.* Архитектура времени Андрея Боголюбского. С. 57-70; и др.

См.: БЛДР. Т. 2: XI-XII века. СПб., 1999. С. 356-359 (Житие Андрея Юродивого; подг. текста, пер. и коммент. А.М. Моддована).

БЛДР. Т. 2. С. 390–391 (из Пролога; подг. текста, пер. и коммент. С.А. Давыдовой). См. также издания Слова на Покров: Великие минеи четьи (Памятники славяно-русской письменности) / Изд. Археографической комиссии. Октябрь. Дни 1–3. СПб., 1870. Стб. 4–5; *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов... С. 312–314.

Цит. по: *Воронин Н.Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. Т. 26. М., 1965. С. 213.

См., напр.: *Фет Е.А.* Слова на Покров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 421–423 (здесь же о Службе на Покров, написанной, «по-видимому, одновременно с установлением праздника»). Об установлении праздника Андреем Боголюбским см. прежде всего: *Остроумов М.А.* Происхождение праздника Покрова // Приходское чтение. 1911. № 19; *Воронин Н.Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. С. 208–218. (Н.Н. Воронин предполагает авторство Андрея не только в отношении краткого проложного Слова о празднике, но и в отношении протографа пространного Слова похвального «на святой Покров» (см.: Великие минеи четьи. Октябрь. Дни 1–3. Стб. 6–17) и даже церковной Службы на Покров, что представляется едва ли возможным.)

Лосева О.В. Русские месяцесловы... С. 108, 167.

Воронин Н.Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. // Советская археология. Т. 6. М.; Л., 1940. С. 309–315; *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI — XIV вв. М., 1964. С. 33.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528–532. О путешествии князя см.
также: НПЛ. С.. 32.

Татищев. Т. 3. С. 83 (текст слегка поновлён). В Воронцовском списке «Истории...» текст читается на отдельной вклейке.

БЛДР. Т. 4. С. 226–229 (подг. текста Т.В. Рождественской; пер. и коммент. И.П. Ерёмина).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 527.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 532–534.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 547.

246

Там же. Стб. 537.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353-354.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537 (в оригинале ошибочно: «...на Святослава на Ярославича»).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526.

Там же. Стб. 538-543. О дате: *Бережков*. С. 180-181.

См.: *Плетнёва С.А.* Половцы. М., 1990. С. 154.

Слово о полку Игореве / Подг. текста Л.А. Дмитриева.
Л., 1952 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 55, 60.

ПСРЛ. Т. 9. С. 235, 237.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354-355; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 543-545;
ПСРЛ. Т. 25. С. 78-79.

Сиренов А.В. Путь к граду Китежу. С. 77
(«надгробный лист» над захоронением Мстислава
Андреевича в Успенском соборе, по списку XVII в.).

ПСРЛ. Т. 9. С. 237–238.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 283.

См.: *Комарович В.Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ.Т. 16. М.; Л., 1960. С. 84–104.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 357.

ПСРЛ. Т. 2. Приложение. С. 43. Выделено мной.

ПСРЛ. Т.2.Стб. 547.

Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. С. 322.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 236. См. также: ПСРЛ. Т. 39: Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского. М., 1994. С. 62; ПСРЛ. Т. 42. С. 104 (Новгородская Карамзинская).

ПСРЛ. Т. 7. С. 66.

Степенная книга. Т. 1. С. 450.

ГИМ. Син. № 964. Л. 402. О рукописи, в составе конволюта из разновременных материалов: *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 127-128; то же: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т.Н. Протасьева. Ч. 1. С. 148-149. До 1683 г. рукопись принадлежала арзамасскому дьячку Поярку Карпову.

ПСРЛ. Т. 40. С. 93.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 593.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов... С. 352.

См.: *Ерёмин И.П.* Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1925. Л., 1926. Т. 30. С. 323–352. Это мнение утвердилось в историографии как не вызывающее сомнений; ср., напр.: Письменные памятники истории Древней Руси. С. 128–130 (статья И.П. Старостиной).

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 2: Славяно-русский Пролог. Ч. 1: Сентябрь — декабрь / Подг. А.И. Пономарёв. СПб., 1896. С. 85-87.

Здесь и далее текст «Притчи о человеческой душе и теле» цитируется в переводе В.В. Колесова: БЛДР. Т. 4. С. 142-159. Критическое издание: *Ерёмин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ.Т. 12. М.; Л., 1957. С. 340-347.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355-357; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 551-554.

ПСРЛ. Т.9. С.239.

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 81.

ПСРЛ. Т. 9. С. 239-241.

Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. 1-я половина тома. С. 441-442.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 552–553.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 357 (выделено мной); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 554.

Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 288.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 357-361; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 554-559.

«Слово о Знамени Пресвятой Богородицы» читается в рукописях (в том числе в Прологе) под 27 ноября. Издание наиболее раннего списка памятника, первой трети XV в.: *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов... С. 328-329; ср. также: БЛДР. Т. 6: XIV — середина XV в. СПб., 1999. С. 444-448 (подг. текста, пер., коммент. Л.А. Дмитриева). Та же информация присутствует и в большинстве более поздних новгородских летописей, включающих в себя, как представляется, заимствования из этого памятника или его непосредственного источника.

Цит. по: БЛДР. Т. 4. С. 270.

Янин В. Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1990-1996 гг.). Т. 10. М., 2000. С. 22-25. Текст цитируется в основном в переводе А.А. Зализняка по изданию: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 295-300.

Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 168 и след.

286

НПЛ. С.. 33, 221.

См.: Янин В.Л. «Знаменская легенда» в Древней Руси
// он же. Некрополь Новгородского Софийского собора.
М, 1988. С. 233-235 (Приложение 6).

Цит. по: *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера... С. 125. (Служба Знамению или, по крайней мере, каноны приписываются в рукописях Пахомию Логофету.)

Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. С. 21 (Псковская Вторая летопись); ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 247 (Тверская).

Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. С. 110.

Подобное предположение давно уже было высказано в литературе; см.: *Гусев П.Л.* Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903. С. 23.

Смирнова Э.С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы и Русь. СПб., 1995. С. 288-309; *Стерлигова И.А.* Новгородские кратиры и икона «Богоматерь Знамение». Некоторые проблемы иконографии // Там же. С. 311-322; *Гиппиус А.А.* О происхождении новгородских кратиров... С. 87-93.

См.: *Гиппиус А.А.* О происхождении новгородских кратиров...

НПЛ. С..33.

Высоцкий С.А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. С. 25. Верное чтение граффити: *Янин В.Л.* Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 30; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.) Т. 11. М., 2004. С. 284.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546-548.

Татищев. Т. 3. С. 98; ср.: Т. 4. С. 281.

См.: *Водов В.* Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. С. 506–542; *он же.* Титул «царь» в Северо-Восточной Руси в 1440–1460-х гг. и древнерусская литературная традиция // Там же. С. 545–546.

Кучкин В. А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 501. См. также Приложения 1, 2.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 592. О распространении на Руси сочинения Агапита см.: *Sevcenko I. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. Vol. 2. 1954. P. 142-150.* Так, извлечения из «Поучения» Агапита вошли уже в «Изборник» 1076 г.

Семенченко Г.В. Древнейшие редакции Жития
Леонтия Ростовского. С. 252–253.

Кобрин В. Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков... С. 65–94. Показателен подзаголовок, который автор дал лекции (главе), посвященной Андрею Боголюбскому: «У истоков деспотизма».

Родина М. Указ. соч. С. 63–66. См. также: *Даркевич В.П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X–XIV вв. С. 25–27.

Цит. по: *Папаскири З. В.* Эпизод из истории русско-грузинских взаимоотношений // История СССР. 1977. № 1. С. 135 (со ссылкой на издание грузинской летописи: Картлис цховреба. Т. 2. Тбилиси, 1959. С. 36). В издании: История и восхваление венценосцев / Пер., предисл. и прим. К.С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954. С. 39 текст передан немного иначе.

Еремян С.Т. Указ. соч. С. 396, 397; Всеобщая история Вардана Великого / Предисл., пер., коммент. М. Эмина. М., 1861. С. 162.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362.

См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 190–191;
Кучкин В.А. Формирование государственной территории
Северо-Восточной Руси... С. 91–92.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566 (в Лаврентьевской летописи этих слов нет).

Сиренов А.В. Путь к граду Китежу. С. 77.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566-567. У Н.Г. Бережкова дата
ошибочно показана как 5 апреля (*Бережков. С. 188*).

НПЛ. С.. 34, 222; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 365 (в Лаврентьевской под 6682 г., т. е. с хронологическим сдвигом в два года).

313

См. ниже, прим. 69 к части 4.

ПСРЛ. Т. 42 (Новгородская Карамзинская летопись). С. 27; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1 (Софийская Первая старшего извода). Стб. 18; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1 (Новгородская Четвёртая). С. 14. См. также Краткий Владимирский летописец XVI в.: *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 211.

Шилов А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1. С. 56,67.

Цит. по: *Виноградов А. И., прот.* История кафедрального Успенского собора в губернском городе Владимире. Приложение. С. 67.

Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 147. См. также: *Сиренов А.В.* Житие Глеба Андреевича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII век. Ч. 4. СПб., 2004. С. 381–384. Здесь же указаны списки памятника.

Я пользовался списком Жития князя Глеба Андреевича 10-х гг. XVIII в.: ГИМ. Увар. № 1933. Житие («Месяца иулиа (так! — А. К.) в 20 день. Житие и жизнь святого благоверного великаго князя Глеба Андреевича Владимирскаго и всея Руси чудотворца»): Л. 57 об. — 80; Чудеса («Повествование о чудесах великаго князя Глеба»): Л. 80 об. — 89 об. Житие обозначено 20 июля (хотя в самом тексте дата кончины св. Глеба указана как 20 июня), видимо, по инерции, так как выше читается Житие Андрея Боголюбского («Сказание о убиении святого благоверного великаго князя Андрея Георгиевича Боголюбскаго»; Л: 49–57), помещённое под 4 июля.

Георгиевский В.Т. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. С. 96–97.

Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 232; см. также: Летопись Боголюбова монастыря... С. 5.

321

ГИМ. Увар. № 1933. Л. 67-68.

322

ПСРЛ Т 2 Стб 583

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 569 и след.

324

НПЛ. С.34.

Слово о полку Игореве. С. 60; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656,
под 6695 (1187) г.

См.: Булычёв П.В. Что значит эпитет «осмомысль» в «Слове о полку Игореве»? // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 3-7.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 624.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 572–573.

См. об этом: *Лихачёв Д.С.* Русский посольский обычай X–XIII вв. // *он же.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 143.

БДДР.Т. 4. С. 490 (Краткая редакция «Русской Правды»), 508 (Пространная) (подг. текста, пер., коммент. М.Б. Свердлова).

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 88, 96, 101, 105 (Пространная редакция Устава; в последних двух изводах предусматривается уже штраф в 3 гривны), 113, 119, 124 (Краткая редакция).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 573, прим. 30.

Там же. Стб. 574.

Описание войны: Там же. Стб. 573-578; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 365 (в Лаврентьевской летописи рассказ сокращён до крайности); НПЛ. С.. 34, 223.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 238 (Софийская Первая старшего извода); ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 165 (Новгородская Четвёртая); ПСРЛ. Т. 25. С. 83 (Московский летописный свод конца XV в.); и др.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 578.

ПСРЛ. Т. 24. С. 82.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 366.

Там же. Стб. 367; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580.

См. об этом: *Воронин Н.Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и её автор // История СССР. 1963. № 3. С. 80-97; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 552-556; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 80-98; *Кривошее Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. С. 58-148; и др.

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2.] Стб. 251.

Рохлин Д. Г., Майкова-Строганова В.С. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. С. 157-158.

Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. С. 324–325.

На это обратил внимание ещё Н.М. Карамзин (История государства Российского. Т. 2-3. С. 521, прим. 23). См. также: *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII-XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 114-119; *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 50-55.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1: А — К. М.; Л., 1958. С. 135.

См.: История еврейского народа в России. Т. 1. С. 191-195.

Федотова М.А. Житие Никиты столпника Переяславского (Рукописная традиция Жития) // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 323.

Цит. по: БЛДР. Т. 5. С. 392 (подг. текста, пер.,
коммент. Д.С. Лихачёва).

Цит.по:БЛДР. Т.4. С. 276.

Кобрин В. Б., Юрганов А.Л. Становление
деспотического самодержавия в средневековой Руси. С.
57.

ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. Стб. 250-251.

Новикова О.Л. Материалы для изучения русского летописания... С. 217, 146-148. См. также прим. 24 к части 1.

Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1994. Ч. 1 (факсимильное воспроизведение рукописи). Л. 215 (верх). См. также: *Подобедова О.И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М.; Л., 1965. С. 82-85.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 589-590.

См., напр.: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 80-98.

356

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580, 586, 589.

НПЛ. С.. 34, 223 (младший извод); см. также С. 468 (статья «А се князи русьстии»).

См.: *Рохлин Д. Г., Майкова-Строганова В.С.* Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. С. 155-161; *Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. С. 268-269; *Звягин В.Н.* Великий князь Андрей Боголюбский... *Васильев С.В. и др.* Антропологическое исследование... С. 54-69.

Звягин В.Н. Великий князь Андрей Боголюбский...
(раздел «Гибель князя: судебно-медицинская версия»).

Лисова Л.С. «Город камен именем Боголюбый»: Исследование лестничной башни Боголюбовского архитектурного ансамбля // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983. С. 168–169.

См., напр.: *Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 241-246; *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 79-130. Б.А. Рыбаков приписывал Кузьмище и другие летописные тексты, для чего, как представляется, оснований как раз нет. Ср.: *Данилевский И.Н.* А был ли казус? Некоторые размышления об одной перебранке, которой, вероятно, никогда не было // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003. С. 337-364 (впрочем, трудно согласиться и с И.Н. Данилевским, отрицающим саму историчность данного персонажа и считающим, что его диалог с Анбалом имеет чисто литературное происхождение).

Доброхотов В.И. Древний Боголюбов город и монастырь... С. 30. Об этом камне (на котором в XIX в. ошибочно видели изображение Спасителя) см.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... Т. 1. С. 219; *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси. С. 93; *Заграевский С.В.* Боголюбовский архитектурный ансамбль конца 1150-х — начала 1170-х гг.: Вопросы истории и реконструкции // Памяти Андрея Боголюбского. С. 154–155.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 352–353.

Там же. Стб. 275-276.

Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 281, 653–655.

366

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 473.

Известие английского хрониста, современника событий Ордерика Виталия. Цит. по: *Бойцов М.А.* Ограбление мёртвых государей как всеобщее увлечение // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002. С. 164. См. также: *Писаренко Ю.Г.* Почему «потаиша» смерть князя Владимира (К летописной статье 1015 г.) // *Ruthenica*. Вип. 5. Киев, 2006. С. 244–245; *он же*. К поиску смысла посмертного ограбления правителей // *Український Історичний збірник*. 2007. Вип. 10. С. 9–14.

Житие Вячеслава Чешского // БЛДР. Т. 2. С. 172-173 (подг. текста, пер., коммент. А.А. Турилова). На эту параллель к повести об убиении Андрея указал Г.Ю. Филипповский; «Повесть о убиении Андрея Боголюбского» и русско-чешские литературные связи раннего периода // *Ceskoslovenska rusistika*. Рос. 31. № 1. S. 11-17; см. также: *Данилевский И.Н.* А был ли казус?..

Снорри Стурлусон. Круг Земной / Пер. М.И. Стеблина-Каменского и О.А. Смирницкой. М, 1980. С. 411 (указано М.А. Бойцовым).

Бойцов М.А. «Вывихи времён» и сопротивление источника // Одиссей. Человек в истории: 2003. М., 2003. С. 243.

Бойцов М.А. Ограбление мёртвых государей... С. 137–201. См. содержательную дискуссию, которую вызвало появление данной статьи: *Гуревич А.Я.* «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // *Одиссей. Человек в истории*: 2003. С. 221–241; *Бойцов М.А.* «Вывихи времён» и сопротивление источника // Там же. С. 241–250; *Гуревич А.Я.* Конец света или карнавал? // Там же. С. 250–254. Более раннее исследование на немецком языке: *Eke R.* Sic transit gloria mundi. Zum Tode des Papstes im Mittelalter // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1978. Bd. 34. S. 1–18.

Воронин Н.Н. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»... С. 88.

См., напр.: *Сиренов А.В.* Путь к граду Китежу. С. 73 («надгробный лист» над погребением Андрея в Успенском соборе); *он же.* Житие Андрея Боголюбского. С. 235; ГИМ. Увар. № 2081. Л. 31 (Сокращённая редакция Жития).

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 593-595; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370-371.

Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 235.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371-374; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 595-598;
ПСРЛ. Т. 38. С. 139-140.

Об этом сообщается в позднем «Летописце Владимирского собора» (*Шилов А.А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1. С. 57).

НПЛ. С. 468; то же в Степенной книге царского родословия: Степенная книга. С. 450. Впрочем, в обоих источниках ниже и более подробно рассказывается о том, как с убийцами Андрея расправился младший брат Михаила Всеволод.

Повести о начале Москвы. С. 179–180, 191.

НПЛ. С.. 468; Степенная книга. С. 451, 473.

Татищев Л. З. С. 106, 113.

Доброхотов В.И. Древний Боголюбов город... С. 116–118. Ср. также описание обоих озёр в книге Ю.В. Кривошеева: Гибель Андрея Боголюбского. С. 148–155.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 383-385.

Слово о полку Игореве. С. 60; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436–437.

НПЛ. С.. 35, 224. Дата в Московском летописном
своде конца XV в., Никоновской и др.: ПСРЛ. Т. 25. С. 89;
ПСРЛ. Т. 10. С. 5.

НПЛ. С.. 37, 227; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 388. О смерти Ярополка в том же году в плену: *Татищев*. Т. 3. С. 127.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 600.

История и восхваление венценосцев. С. 39 (пер. К.С. Кекелидзе).

Жизнь царицы цариц Тамар / Пер. В.Д. Дондуа. Тбилиси, 1985. С. 31 и след. (Автором этого сочинения называют упомянутого в тексте «управителя царского двора и держателя креста» некоего Басили.) См. также: *Папаскири З. В.* Эпизод из истории русско-грузинских взаимоотношений. С. 135-143.

Еремян С.Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. С. 397 (из памятной записи «великого вардапета» Мхитара Гоша на полях переписываемой им рукописи).

История и восхваление венценосцев. С. 54–55.

Еремян С.Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. С. 415 (свидетельство Степаноса Орбеяна).

Там же. С. 415-419.

Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития.
С. 142-147.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 584-585.

ПСРЛ. Т. I. Стб. 466-467.

См.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. С. 195, 196, 200, 233, 235, 306.

Шилов А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1. С. 66 («Летописец Владимирского собора»).

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. № 180). С. 123-124; в переводе на современный русский язык: Великий князь Александр Невский / Сост., авт. текст А.Ю. Карпова. М., 2002. С. 201-202.

Сиренов А.В. Путь к граду Китежу. С. 71-73.

На Житие Андрея неоднократно ссылаются авторы украинской Густынской летописи (ПСРЛ. Т. 40. С. 87, 88, 98). Но, скорее всего, здесь имеются в виду отдельные статьи из Киево-Печерского патерика в редакции печерского архимандрита XVII в. Иосифа Тризны, посвященные Андрею Боголюбскому (гл. 86–90; см.: *Ундольский В.М.* Иосиф Тризна, редактор Патерика Печерского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1846. Кн. 4. Смес. С. 9), или какие-то выписки из этого сочинения.

Напр.: ГИМ. Увар. № 1933. Л. 49–57 («Сказание об убиении святого благоверного великаго князя Андрея Георгиевича Боголюбскаго», под 4 июля; список 10-х гг. XVIII в.). Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 471–473. Другие списки этой редакции Жития указаны А.В. Сиреновым: Житие Андрея Боголюбского. С. 236, прим. 2.

Н.И. Серебрянский издал текст «церковной переделки» летописного сказания об убиении князя в редакции, близкой к редакции Софийской Первой летописи, но с некоторыми дополнениями, по списку XVI в. и с разночтениями по спискам XVI–XVII вв.: *Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Приложения. С. 87–89: «Убиение святого князя Андрея Боголюбского», под 29 июня (ср.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. I. Сгб. 238–240).*

Цит. по: *Доброхотов В.И.* Памятники древности во
Владимире Кляземском. С. 46, 29–30.

Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 207–239; издание Жития: С. 220–236 («Житие святого и благоверного великаго князя и страсотерпца Андрея Георгиевича Боголюбскаго»). См. также прим. 16 к части 1.

Сиренов А.В. Житие Андрея Боголюбского. С. 209. См.: Служба святому благоверному великому князю Андрею Боголюбскому, владимирскому чудотворцу. М.: Син. типография, 1914; Минея. Июль. Ч. 1. С. 262-280. Как отмечает А.В. Сиренов, тропарь и кондак, легшие в основу Церковной службы князю, были составлены раньше, поскольку известны в сборнике середины XVII в.

См.: *Аксёнова А.И.* Загробная Одиссея князя // Живая история: Памятники и музеи Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М., 2000. С. 172-175; *Кривошее Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. С. 164-189.

Звягин В.Н. Великий князь Андрей Боголюбский... (разделы «Состояние мощей», «Послесловие»); *Васильев С.В. и др.* Антропологическое исследование... С. 58, 65.